СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

30

ТОМЪ ТРИДЦАТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1882.

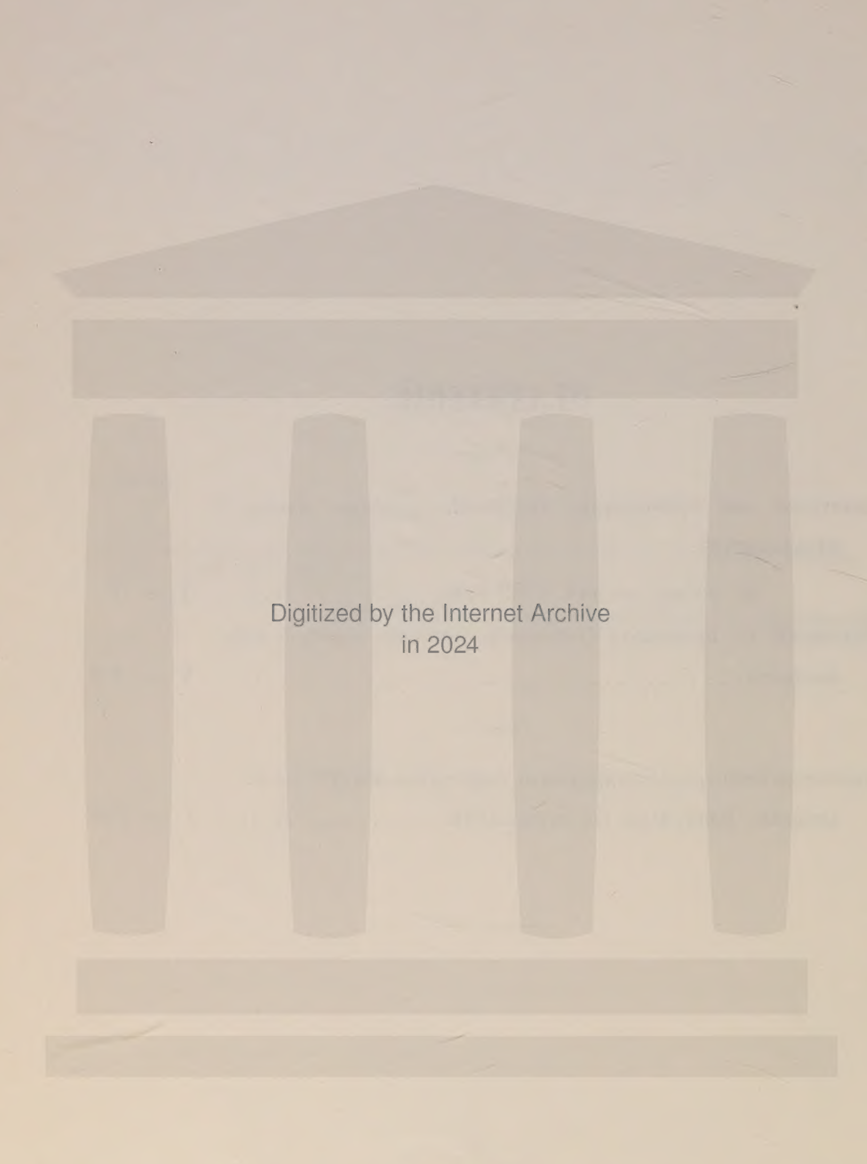
KRAUS REPRINT LTD.
Nendeln, Liechtenstein
1966

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюнь. 1882 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Printed in Germany

Lessing-Druckerei – Wiesbaden

ОГЛАВЛЕНІЕ.



ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ЗАСѢДАНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

(Январь — Май 1882 г.)

Академикъ И. В. Ягичъ прочелъ слѣдующую записку: «Для успѣшныхъ изслѣдованій по исторіи русскаго языка прежде всего желательно имѣть полныя критическія изданія важнѣйшихъ и древнѣйшихъ памятниковъ. Всѣмъ занимающимся этимъ предметомъ стало теперь яснымъ, что господствовавшій до сихъ поръ пріемъ, по которому издавались только отрывки различныхъ текстовъ, хотя бы изъ древнѣйшихъ памятниковъ, для цѣли научной, филологической, не пригоденъ. — Онъ можетъ удовлетворять историка литературы, но филологъ, внимательно слѣдящій за развитіемъ языка, начиная съ древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ, желаетъ дѣлать свои обобщенія и выводы только на основаніи полнаго существующаго матеріала, и стало быть нуждается не въ отрывкахъ изъ многихъ текстовъ, а въ полныхъ, точныхъ изданіяхъ древнѣйшихъ памятниковъ. Иначе выходитъ, что по поводу явленій, замѣченныхъ въ текстахъ XIII или XIV столѣтій, строятся гипотезы объ отношеніи перваго развитія русскихъ говоровъ къ этимъ позднимъ столѣтіямъ, тогда какъ нѣсколькими неизданными страницами памятниковъ XI вѣка можно засвидѣтельствовать существованіе тѣхъ же чертъ народныхъ говоровъ уже въ то время. — И такъ, полное изданіе древнѣйшихъ памятниковъ для филологической науки сравнительно важнѣе, чѣмъ множество отрывочныхъ указаній или извлеченій изъ текстовъ различныхъ временъ. Только въ той эпохѣ литературы, когда она изобилуетъ большимъ числомъ памятниковъ, повторяющимъ иногда одно и тоже, позволительно довольствоваться отрывочными указаніями. — Про

XI и XII столѣтія древне-русской письменности этого сказать нельзя. Число памятниковъ этихъ двухъ вѣковъ, вообще довольно ограниченное, будетъ еще скуднѣе, если дать предпочтеніе памятникамъ съ точно опредѣленными годами передъ тѣми, о времени которыхъ мы въ состояніи судить только по палеографическимъ, пока еще не очень надежнымъ, соображеніямъ. По этому мнѣ кажется дѣломъ достойнымъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, *если оно возьметъ на себя полное изданіе древнѣйшихъ памятниковъ русской письменности, на первый случай памятниковъ XI и XII вѣка, съ точно опредѣленными годами ихъ написанія*, давая конечно до времени предпочтеніе *памятникамъ еще до сихъ поръ неизданнымъ*. — Укажу изъ XI вѣка на сборникъ 1076 года, на Минеи 1096 г., 1097 года, изъ XII-го — на Евангеліе Мстиславово и галицкое 1144 года, на Стихирарь 1157 года и т. д.

«Предлагая этотъ предметъ на обсужденіе II Отдѣленія, я позволяю себѣ указать на слѣдующія главныя начала, которыми могло бы руководствоваться Отдѣленіе при такомъ изданіи:

a) каждый памятникъ, изданіе котораго будетъ признано полезнымъ, печатать вполнѣ, т. е. все уцѣлѣвшее, съ соблюденіемъ всѣхъ палеографическихъ особенностей. Въ текстѣ не измѣнять ничего, обозначать даже строки отвѣсными чертами. — Подъ текстомъ, смотря по качеству памятниковъ, можно дѣлать критическія или объяснительныя примѣчанія;

b) къ каждому тексту прибавлять всегда словарь всѣхъ болѣе замѣчательныхъ выраженій, т. е. словъ съ фразами, и, гдѣ возможно, съ присоединеніемъ подлиннаго текста (если памятникъ переводный);

c) каждый томъ снабжать введеніемъ историко-литературнаго содержанія;

d) каждый памятникъ снабжать снимками для указанія его почерка;

e) желательно было бы, чтобъ такого рода предпріятіе носило какое либо общее заглавіе (напр. Древности русскаго языка, Древнерусская библіотека, Древнѣйшіе памятники русской письменности, или что либо другое въ этомъ родѣ);

f) сверхъ того было бы желательно, чтобы памятники издавались въ одномъ и томъ же форматѣ, однимъ шрифтомъ и т. п.

Отдѣленіе, вполнѣ одобривъ предположенія И. В. Ягича, опредѣлило предоставить ему, совмѣстно съ А. Ѳ. Бычковымъ, при-

ступить, когда онъ найдетъ возможнымъ, къ приготовительнымъ для означенной цѣли работамъ.

Академикъ Я. К. Гротъ доложилъ, что такъ какъ изданіе сочиненій Державина скоро будетъ окончено, то возникаетъ вопросъ о сдачѣ множества полученныхъ имъ въ разное время и отъ разныхъ лицъ для этого изданія рукописныхъ матеріаловъ. Многихъ изъ этихъ лицъ уже нѣтъ въ живыхъ, мѣстопребываніе другихъ неизвѣстно, и потому онъ полагалъ, что всего цѣлесообразнѣе было бы переплести важнѣйшія изъ этихъ рукописей вмѣстѣ по извѣстнымъ отдѣламъ, и передать ихъ частію въ собственность, частію на временное храненіе въ Императорскую Публичную Библіотеку, гдѣ онѣ могутъ быть всего доступнѣе для тѣхъ, кто пожелаетъ съ ними ознакомиться. По одобреніи этого предположенія Отдѣленіемъ, А. Ф. Бычковъ, заявивъ, что Публичная Библіотека съ благодарностію имъ воспользуется, добавилъ, что это учрежденіе охотно приметъ на себя издержки, какія потребуются на переплеты Державинскихъ рукописей.

Академикъ И. В. Ягичъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что занимающійся славянскою филологіею кандидатъ С.-Петербургскаго Университета Юрій Семеновичъ Анненковъ предлагаетъ напечатать въ *Сборникѣ* сдѣлавшееся крайне рѣдкимъ сочиненіе Петра Хельчицкаго «Git véry», напечатанное въ 1521 году въ Южной Чехіи, при чемъ г. Анненковъ принимаетъ на себя и снабженіе текста какъ надлежащимъ историко-литературнымъ введеніемъ, такъ и параллелями изъ другихъ трудовъ Хельчицкаго. Прочитавъ вмѣстѣ съ тѣмъ составленное г. Анненковымъ описаніе находящагося въ его рукахъ экземпляра этой книги съ изложеніемъ самаго содержанія ея, академикъ Ягичъ объяснилъ, что по его мнѣнію новое изданіе труда Хельчицкаго было бы дѣломъ достойнымъ Отдѣленія и представляется тѣмъ менѣе затруднительнымъ, что сочиненіе это въ *Сборникѣ* заняло бы сравнительно лишь незначительное мѣсто. Отдѣленіе, одобривъ это предположеніе, просило И. В. Ягича принять на себя наблюденіе за печатаніемъ памятника, а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлило: записку г. Анненкова приложить къ протоколу.

Читано письмо г. Подвысоцкаго на имя академика Грота, въ которомъ, извѣщая о полученіи имъ обратно рукописи его словаря Архангельскаго нарѣчія, предлагаетъ представить проектъ собиранія на мѣстахъ матеріаловъ для составленія областныхъ словарей другихъ русскихъ нарѣчій. Положено просить г. Подвы-

соцкаго о доставленіи задуманнаго имъ проекта и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить ему, что по приведеніи имъ въ окончательный видъ словаря Архангельскаго нарѣчія, Отдѣленіе готово напечатать оный на счетъ Академіи.

Читано прошеніе почетнаго корреспондента Императорской Публичной Библіотеки и коммиссіонера библіотеки Академіи Наукъ г. Каратаева, въ которомъ онъ, представляя изданное имъ въ 1878 году «Описаніе славянорусскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами», изъясняетъ, что намѣренъ приступить къ новому, значительно пополненному изданію означеннаго каталога. Въ этомъ изданіи имъ будутъ сообщены, по примѣру перваго выпуска, наиважнѣйшія предисловія и послѣсловія описанныхъ книгъ, нѣкоторыя выписки изъ текста, для сличенія книгъ одного и того же содержанія, а также мѣста нахожденія книгъ и ихъ библіографія. Въ концѣ «описанія» будутъ помѣщены алфавитные указатели: книгъ, именъ, городовъ, монастырей и другихъ мѣстъ, гдѣ производилось печатаніе книгъ. Изданіе это, по соображенію г. Каратаева, займетъ приблизительно до 45-ти печатныхъ листовъ. Предпринимая нынѣ путешествіе для осмотра нѣкоторыхъ библіотекъ, г. Каратаевъ проситъ о напечатаніи предполагаемаго новаго изданія на средства Отдѣленія.

Отдѣленіе, находя трудъ г. Каратаева весьма полезнымъ и заслуживающимъ поддержки, опредѣлило предложеніе его принять съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ, если при печатаніи каталога окажутся нужными какія либо измѣненія, оныя были бы сдѣланы по указаніямъ Отдѣленія.

Академикъ Гротъ передалъ на разсмотрѣніе сочленовъ доставленные г. Шейномъ 11 тетрадей вполнѣ обработанныхъ имъ результатовъ его бѣлорусской командировки. Чтобы удобнѣе обсудить этотъ трудъ, Отдѣленіе опредѣлило пригласить г. Шейна для личныхъ объясненій въ слѣдующее засѣданіе Отдѣленія. По просмотрѣ означенныхъ рукописей, при взаимномъ обмѣнѣ мыслей, положено предоставить г. Шейну на основаніи высказанныхъ членами Отдѣленія замѣчаній приготовить эти матеріалы къ печати располагая пѣсни отдѣлами по родамъ ихъ (какъ напр. обрядныя, колядныя и т. п.), съ устраненіемъ тѣхъ, которыя уже были напечатаны и не представляютъ важныхъ отличій, и вообще съ возможнымъ соблюденіемъ правила: печатать только новое и дѣйствительно достойное вниманія.

Академикъ Гротъ прочелъ полученное имъ отъ Шведскаго ученаго г. Йэрне письмо съ нѣкоторыми поясненіями и дополненіями къ недавно напечатанной статьѣ: «Новыя свѣдѣнія о Котошихинѣ по шведскимъ источникамъ». Положено напечатать ихъ въ приложеніяхъ къ протоколу.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПРОТОКОЛУ.

Авторъ шведской статьи о Котошихинѣ, получивъ отъ академика Грота нѣсколько оттисковъ русскаго текста ея, отозвался между прочимъ, что трудъ Ширрена объ источникахъ русской исторіи въ шведскихъ архивахъ былъ давно ему извѣстенъ и онъ имъ пользовался, но не упомянулъ о немъ потому, что хотѣлъ указать только на такія рукописи, которыя самъ видѣлъ. Ширренъ часто почерпалъ свои свѣдѣнія изъ старыхъ архивныхъ каталоговъ XVII вѣка, а въ пожарѣ 1697 г. многіе изъ упоминаемыхъ въ этихъ каталогахъ матеріаловъ погибли, такъ что ихъ уже нигдѣ нельзя отыскать.

Особенно любопытно для г. Йэрне было удостовѣриться, что прошенія Котошихина къ королю и его совѣтникамъ сохранились. Собирая матеріалы для своей статьи, онъ напрасно искалъ ихъ; теперь же ему стало вполнѣ ясно, какъ они исчезли. Покойный Готлундъ (лекторъ финскаго языка въ гельсингфорскомъ университетѣ) извѣстенъ въ шведскомъ государственномъ архивѣ своею недобросовѣстною привычкою присвоивать себѣ документы, когда за нимъ не довольно зорко наблюдали. Въ финляндскомъ архивѣ есть цѣлый отдѣлъ актовъ, носящій его имя и возникшій такимъ образомъ. Вѣроятно онъ и въ Петербургъ доставилъ не мало писанныхъ по русски бумагъ и что онѣ теперь въ какомъ нибудь общественномъ учрежденіи ограждены отъ дальнѣйшаго расхищенія.

Матеріалы для изслѣдованій по шведской исторіи, говоритъ г. Йэрне, такъ богаты въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, что еще долгое время трудно будетъ исчерпать ихъ. Далѣе онъ не можетъ нахвалиться внимательностью, съ какою ему облегчаемы были его занятія въ этомъ архивѣ какъ самимъ директоромъ, такъ и другими служащими тутъ лицами. Относительно Котошихина сообщаетъ онъ слѣдующія выписки.

Котошихинъ въ Нарвѣ.

Шведскія дѣла: 1665 г. № 6 (Арх. древн. снош. Россіи съ Швеціей. *Связка 105*). Отправленъ былъ въ Швецію гонцомъ *Казанскаго приказа подьячій Михайло Прокофьевъ.* Память ему отъ *Октября 27.* Пришелъ въ Нарву *Ноября 21.* Поѣхалъ изъ Нарвы *Ноября 27*, черезъ Ингерманландію, Финляндію и пр. въ Стокгольмъ.

Изъ письма его къ Государю, *Нарва*, *Ноября 23*: «.... Да мнѣ же, холопу твоему, вѣдомо учинилос подлинно, что измѣнникъ Гришка Каташихин пришед живет нынс в Ругодиве и ходит в немецком платье. И я, холопъ твой, посылал к Ругодивскому генералу толмача Пимина Иванова, и с приставом приказывал не по одно время, чтоб он, генерал, исполняя вашу великого государя дружбу и любовь с королевскимъ величеством, измѣнника Гришку Каташихина велѣлъ в Ругодиве поимат и сковав отослат к вамъ великому государю. И толмач Пимин и пристав мнѣ, холопу твоему, сказывали, что де они Ругодивскому генералу о измѣннике Гришке говорили, и генерал де имъ сказал, что он Гришка пришел в Ругодив тому недѣл с шесть, и сказался ему что он на вашей великого государя службе взят былъ в полон под Шкловымъ, и былъ в полону у Полского короля, а из Полши ушел через Немецкие земли и пришел в Ругодив, а сказался, что он идет к вам великому государю. И он де генерал, не вѣдая к вамъ великому государю ево Гришкины измѣны, велѣл ево принят, и кормъ дат, и для ево наготы здѣлат немецкое платье. А ныне, по ево Гришкину челобит'ю, он генерал отпущает ево изъ Ругодива к вамъ великому государю к Москве, и до рубежа посылает с ним провожатых. А естли он Гришка вскоре из Ругодива к вамъ великому государю не поѣдетъ, и он де генерал велит ево Гришку, сковав, отослат в Великиі Новгород. . . »

Тоже самое въ статейномъ его спискѣ послѣ пріѣзда изъ Швеціи (*ibid.*).

Ни въ *отпискахъ Новгородскихъ воеводъ къ государю* (Шв. дѣла 1665—1667), ни въ *столбцѣ объ отправленіи жильца Іоны Леонтьева* (Швед. дѣла 1667, №4 въ св. 107; статейный списокъ этого гонца вѣроятно потерянъ) нѣтъ ничего о Котошихинѣ.

Даніилъ Анастасіусъ.

Ib. Шведск. дѣла 1656 г., *№ 6.* (Арх. древн. *св. 77*): Письмо на шведскомъ языкѣ къ фактору Новгородскому Адольфу Эберсу, подписанное: *Narfwen den 13 Martii 1656*, *Daniel Anastasius.* Раз-

ныя военныя и политическія извѣстія. Изъ письма явствуетъ, что этотъ Даніилъ Анастасіусъ съ Нарвскимъ генералъ-губернаторомъ, вѣроятно въ качествѣ толмача, путешествовалъ въ Ингерманландіи и Кареліи. Проситъ о *книгахъ*, которыя онъ, Даніилъ Анастасіусъ, въ 1652 г. оставилъ въ Москвѣ у покойнаго ротмистра Елофа Гуннарсона (Ryttmästar Elof Gunnarsson; Шведъ въ царской службѣ?).

Росписка Котошихина въ архивъ Каммеръ-Коллегіи въ Стокгольмѣ 21 мая 1666 года.

«Jahan Alexander Selickij *своею рукою подписалъ и сію отпись далъ*».

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXX, № 1.

ПАМЯТНИКИ БОЛГАРСКАГО НАРОДНАГО ТВОРЧЕСТВА.

ВЫПУСКЪ I-й.

СБОРНИКЪ ЗАПАДНО-БОЛГАРСКИХЪ ПѢСЕНЪ

СЪ СЛОВАРЕМЪ

(округи: велескій, охридскій, джумалійскій, мельникскій, самоковскій, кюстендиль-банскій, дупничскій, софійскій, радомірскій, тренскій (съ м. брезникомъ), вранскій, лесковскій, пиротскій, берковичскій, бѣлградчицкій и врачанскій).

СОБРАЛЪ
ВЛАДИМІРЪ КАЧАНОВСКІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1882.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Май 1882 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Пѣсни и сказанія апокрифическаго и миѳическаго характера; колядскія и хороводныя пѣсни.

Пѣсни на дни другихъ праздниковъ.

Пѣсни изъ семейнаго быта.

Историческія—Юнацкія пѣсни и сказанія.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Употребленное собирателемъ въ заглавіи названіе «Западно-болгарскихъ» не можетъ быть осуждаемо и недолжно быть понимаемо такъ, будто онъ желаетъ внести дробленіе въ единый Болгарскій народъ. Не можетъ быть оспариваемо положеніе, что разница между восточною и западною частью Болгаріи существуетъ. Западная часть должна обратить на себя вниманіе того, кто бы пожелалъ уяснить себѣ выдѣленіе Сербскаго нарѣчія изъ Старославянскаго языка. Вопросъ о выдѣленіи Сербскаго нарѣчія не новъ: извѣстны прекрасныя соображенія профессора Харьковскаго университета г. Потебни въ книгѣ: «Къ исторіи звуковъ Русскаго языка» и проф. Ягича въ статьѣ «Podmladjena vokalizacija», помѣщенной въ IX-ой книги Rad-a Югославянской академіи. Кромѣ того, терминъ «западная часть Болгарскаго народа» не новъ; онъ имѣетъ свое историческое основаніе. Составитель сказанія «о перенесеніи мощей св. Іоанна пустынножителя Рыльскаго изъ Тернова въ Рыльскій монастырь» Владиславъ грамматикъ (родомъ сербъ)[1], не смотря на то,

[1]) Владиславъ грамматикъ свое сказаніе прибавилъ къ житію сего святаго, составленному Терновскимъ патріархомъ Евѳиміемъ, какъ видно изъ заглавія: «житіе и жизнь преподобнаго ѡ҃ца нашего іѡанна рыл҆скаго. въ нѥм҆же и како прѣнесенъ бы҃ въ трънов. Съписано еѵѳиміемъ патріархѡм трѣновскымъ.

что мѣстности западной Болгаріи, со времени сербскаго царя Стефана Душана [1331—1355 г.], входили въ составъ сербскаго государства, въ своемъ выше поименованномъ трудѣ, писанномъ 1479 г. (=[illegible]), когда и Болгарией и Сербией обладали Турки, выражается, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ: «[illegible] и благопроизволившу сице тако быти, яко да и западныя [illegible] страны блъгарскыя [illegible] [illegible], и на лучшая наладить». Это западная часть Болгарской страны отличается имъ и отъ смежной съ нею страны Загорской съ центромъ Терновомъ.

Правописаніе, принятое собирателемъ въ изданіи этого сборника Болгарскихъ пѣсенъ, отличающееся отъ принятаго въ новоболгарской литературѣ, не можетъ быть осуждаемо, какъ нововведеніе: филологическое изданіе народныхъ памятниковъ требуетъ вѣрной передачи всѣхъ оттѣнковъ говора, чему не удовлетворяетъ современное новоболгарское правописаніе; въ послѣднемъ, напр., принято начертаніе ѫ, какъ выраженіе а (носового соединенія), но въ дѣйствительности такое специфическое значеніе ѫ—а не оправдывается: въ разныхъ мѣстностяхъ ж различно произносится, то какъ а, то какъ ъ, ъ, ы, и у.

Но принимая въ этомъ изданіи филологическое правописаніе, собиратель и здѣсь не является нововводителемъ на болгарской почвѣ. Ему посчастливилось въ Болгаріи отыскать нѣсколько рукописей, писанныхъ на народномъ (западно-болгарскомъ) нарѣчіи, въ правописаніи коихъ принятое имъ правописаніе находитъ историческое основаніе. Это правописаніе чисто звуковое. Болгарскіе писцы XVII и XVIII вв., потерявъ традицію среднеболгарскаго письма — и замѣтить нужно къ великому добру — начали писать

На концѣ же слова [illegible] [illegible] монастырѣ [illegible] [illegible] Рукопись въ Рыльскомъ монастырѣ, №1

Христа и 2) «м8ченіє великом8ченика геωргиа»;[1]) послѣднее апокрифическаго характера.

При составленіи этого сборника болгарскихъ пѣсенъ, собиратель, главнымъ образомъ, имѣлъ въ виду его филологическое значеніе, какъ матеріала для ознакомленія съ языкомъ западной части Болгаръ, смежной съ Сербскимъ племенемъ, народныхъ памятниковъ коей до сего времени никто не собиралъ. Сколько позволяютъ рамки предисловія, отмѣчаемъ главнѣйшія особенности языка собранныхъ мною матеріаловъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можно еще теперь слышать старо-славянское употребленіе глухихъ ъ и ь, какъ два совершенно отличныхъ звука; но въ тоже время существуютъ и примѣры смѣшенія ихъ.

ъ слышится передъ плавными и послѣ плавныхъ: слънце и сълнце.

ъ переходитъ въ о (въ концѣ слова), какъ въ древне-русскихъ памятникахъ, независимо отъ вліянія присоединяемаго члена тъ, та, то: огино (=огнь) и т. п.; примѣръ того же изъ болгарскихъ памятниковъ: стльпо (м8ч. Георгиа), живото (1 слово на магесницы), за живото (ibid.), хлѣбо (слово ради немилостиваго петра)».

ѫ, какъ выше замѣчено, произносится какъ а, о, ъ, и, у: са́бота (=сѫбота), мо́чити (=мѫчити), да бъде (=да бѫдетъ), мъшки (=мѫжьскъ), биде (=бѫдетъ), субота (=сѫбота).

ѧ какъ е: ягне.

ꙗ вм. а (въ союзѣ).

ё вм. е: ёшь=кште.

е вм. а, или вѣрнѣе ѣ вм. а (по старослав. правописанію ѣ послѣ р) въ словѣ «трѣва»; такъ это слово пишется и въ Зографскомъ евангеліи.

Есть мѣстности, гдѣ сохраняется старо-славянское жд, и въ

---

[1]) Одинъ такой болгарскій памятникъ, XVII в., хранящійся въ Люблянской библіотекѣ въ числѣ рукописей извѣстнаго слависта Копитара, описанъ В. В. Ламанскимъ въ статьѣ «Непорѣшенный вопросъ», помѣщенной въ Ж. М. Н. Просв. за 1868 г.

тоже время есть мѣстности, гдѣ жд=дж и дь (=дj): рождена, роджена и родьена.

старо-славянское шт=шт и щ: шта (хощѫ), щешь, штерка и щерка.

ч=ч=т и к: вече (больше), ветье и веке и т. п.

х переходитъ въ с въ словѣ: стели, нестели=хтѣли=хотѣли.

л послѣ губныхъ употребляется и неупотребляется; интересна замѣна его ь-ромъ, какъ и въ Супрасльской рукописи: земья, заробьенъ и т. п.

в вм. м: вного, вногу (=много, многу) и др.

Употребленіе члена тъ, та, то не повсюду въ одинаковой степени распространено. Паденіе формъ также не во всѣхъ посѣщенныхъ мною мѣстностяхъ одинаково полное.

Въ Вранскомъ округѣ, на границѣ Лесковскаго округа, въ такъ называемомъ Дервенѣ собиратель слышалъ случай употребленія достигательнаго наклоненія: стаде, стала бѣгатъ. (См. Сборн. № 142 стихи 86 и 89).

Система удареній различна въ разныхъ мѣстностяхъ и представляетъ довольно интересные факты. Собиратель отмѣчалъ удареніе; если гдѣ не отмѣчены ударенія, то это условлено было тѣмъ, что при скоромъ записываніи онъ не поставилъ ихъ, въ самый моментъ записанія народнаго памятника.

Для составленія болгарскаго словаря въ этомъ собраніи памятниковъ болгарскаго творчества, много матеріала, который можетъ быть пополненъ находящимся у него рукописнымъ собраніемъ словъ, въ которомъ по мѣрѣ возможности отмѣчены и провинціализмы.

Кромѣ филологическаго значенія, это собраніе можетъ имѣть и литературное значеніе. А. Н. Пыпинъ въ своей «исторіи славянскихъ литературъ» 1879 г. говоритъ между прочимъ, что «историческій періодъ болгарскаго царства, кажется, совершенно забытъ въ болгарскомъ эпосѣ. Самыя старыя пѣсни вспоминаютъ только о кралѣ Шишманѣ, послѣднемъ царѣ болгарскаго царства» (стр. 132). Подобное заявленіе основывалось на доселѣ извѣст-

ныхъ сборникахъ болгарскихъ пѣсенъ. Въ мой сборникъ вошло нѣсколько такихъ старыхъ пѣсенъ изъ древнѣйшаго періода исторіи болгарскаго народа: о царѣ Петрѣ (№ 106), о царѣ Асенѣ (№№ 107, 108), о Могленскомъ королѣ (№. 112), о Мисирскомъ королѣ (№ 119) и о царѣ Іоаннѣ Шишманѣ (№ 109). Юнаки, воспѣваемые въ собранныхъ мною пѣсняхъ, слѣдующіе: Марко Кралевичъ, братъ его Андрей, Полугунъ Спеченъ, Милошъ, Янко, Дойчинъ, Момчило, Груя, Секула, дитя Дукатинче, дитя семи мѣсяцевъ, Динче Арнауче. Это все личности времени покоренія Болгаріи и Сербіи Турками.

Послѣ этого, слѣдуетъ признать невѣрнымъ мнѣніе А. Н. Пыпина, что болгарскій эпосъ слилъ всѣ періоды своего развитія въ одинъ, и герои его всѣ почти гайдуки (ibid. стр. 133), которое заимствованоимъ изъ изслѣдованія г. Безсонова о болгарскомъ эпосѣ. Въ своемъ изслѣдованіи «Болгарскій эпосъ», предпосланномъ изданію болгарскихъ пѣсенъ, г. Безсоновъ говоритъ, что «не зная сербскаго эпоса, мы не поймемъ болгарскаго, ибо въ первомъ только мы встрѣчаемъ древнѣйшіе эпическіе мотивы, въ первомъ только встрѣчаемъ мы въ ясномъ свѣтѣ тѣхъ героевъ, о которыхъ у Болгаръ сохранилось большею частью только смутное и большею частью уже искаженное воспоминаніе.....» Нѣкоторые факты, опровергающіе это мнѣніе можно найти въ моемъ сборникѣ; а еще больше можно найти въ народной памяти: я встрѣчалъ пѣвцовъ-болгаръ, знавшихъ по 200—300 пѣсенъ, какъ напр. Жета Илковъ въ селѣ Суводолѣ, Соф. округа и другіе.

Наконецъ, считаю нужнымъ сказать слова два о распредѣленіи пѣсенъ въ моемъ собраніи. Я счелъ излишнимъ дѣлать мелкія подраздѣленія, которыми богатъ особенно «Сборникъ Болгарскихъ пѣсенъ братьевъ Миладиновыхъ», и ограничился лишь общимъ дѣленіемъ. (См. оглавл.).

Въ Загребѣ, 1 (13) Іюня 1880 г.

Владиміръ Качановскій.

I.

НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ.

«Сборнику» пѣсенъ предпошлемъ краткій очеркъ жизни болгарина съ колыбели и до могилы.

Въ настоящее время болгаринъ еще дитя природы, которую онъ почти что обожаетъ, такъ какъ вліяніямъ ея не можетъ ничего своего противуставить, съ цѣлью ли улучшить это доброе вліяніе природы, или напротивъ ослабить вредоносное. Еще до настоящаго времени видимъ у него патріархальные обычаи, которые своею патріархальностью заставляютъ обратить на нихъ вниманіе.

Прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить твердое вѣрованіе болгарина въ Высшее Существо — Бога, на Котораго онъ всегда и во всякомъ случаѣ возлагаетъ свое упованіе: придетъ ли, напр., въ городъ продать, что Богъ послалъ, онъ ставитъ свой товаръ на рыночной площади и два раза осеняетъ себя крестнымъ знаменіемъ, приговаривая: «Богъ ми помози!»

Тоже твердое вѣрованіе въ Бога, подателя всего добраго человѣку проглядываетъ во всѣхъ праздникахъ, чтимыхъ болгариномъ съ замѣчательнымъ уваженіемъ. Подтвержденіе тому увидимъ въ перечнѣ этихъ праздниковъ, къ которому и переходимъ.

Слѣдуя естественному порядку развитія праздниковъ у первобытнаго человѣка, необходимо было бы начать съ весеннихъ; но такъ какъ у современныхъ Болгаръ въ эти праздники привнесено очень много христіанскаго элемента и эти праздники пріурочены къ христіанскому календарю, то будетъ удобнѣе слѣдовать новому порядку. Начнемъ съ «Коляды.»

Какъ понимается «Коляда» у Болгаръ? Одинъ слѣпецъ изъ Македоніи, Мельникскаго округа, села Влаи объяснялъ мнѣ возникновеніе «Коляды» и «Сурова»[1]) слѣдующимъ образомъ: «12,000 убитыхъ Иродомъ младенцевъ были воскрещены Божьей волею — Его ангеломъ; воскрешенные головы проговорили: «Стани Коледе, Коледе!» Съ того времени, въ воспоминанье объ этомъ событіи, православные христіяне творятъ «Коляду» и «Сурова».»

Совершенно противоположное объясненіе, съ нѣкоторымъ миѳическимъ оттѣнкомъ, представляетъ слѣдующее народное вѣрованіе, сообщенное мнѣ однимъ дряхлымъ болгарскимъ монахомъ въ Суковскомъ монастырѣ, что въ Пиротскомъ округѣ: «былъ царь, по имени Коледа, отъ котораго получилъ свое названіе праздникъ «Коляда».» Но какъ это произошло? мнѣ тотъ священникъ не могъ объяснить. Личность этого царя Коляды вообще темно представляется; народное преданіе говоритъ только — сказалъ монахъ —, если кто на «Коляду» играетъ «хоро» (хороводъ), тотъ не сѣчетъ этого царя Коляду, а кто неиграетъ, тотъ его сѣчетъ».

Въ мѣстностяхъ, прилежащихъ къ границѣ Сербскаго племени «Коляда» извѣстна подъ названіемъ «Бадняго вечера». И вотъ отъ чего произошло такое названіе. На «Бъдни вечеръ» (по болгарскому произношенію) очень важную роль играетъ баднякъ. — Баднякъ — это дерево. Дѣло такъ происходитъ: срубятъ въ лѣсу дерево и, не очистивъ отъ вѣтвей и сучьевъ, при-

---

[1]) Время съ 1-го дня Новаго года по 6 Января — праздникъ Богоявленія носитъ названіе «Сурова».

таскиваютъ въ хижину; здѣсь обрубываютъ вѣтви и сучья и пробуравливаютъ въ стволѣ дыру; затѣмъ кладутъ по срединѣ хижины, перпендикулярно по отношенію къ стоящему противъ него человѣку; въ отверстіе кладутъ кудель, которую каждый членъ семьи долженъ не множко попрясть: начинаетъ хозяинъ дома. Затѣмъ, бадняку даютъ положеніе нѣсколько косвенное, и въ дыру кладутъ медъ, масло и тѣсто. Послѣ того, отложивъ баднякъ въ сторону, принимаются за ужинъ. Ужинъ приготовляютъ съ нѣкоторыми непремѣнными приправами, имѣющими особенное значеніе. Кушанье, когда оно поставлено на столъ (тарпезу), имѣющій круглую форму, въ кругъ коего усядется вся семья, хозяйка дома прежде всего обсыпаетъ кукурузой и затѣмъ всякому участвующему въ трапезѣ даетъ кусочекъ чесноку (бѣли лукъ-по болг). Всякій долженъ отвѣдать чесноку[1]) для того, чтобы быть здоровымъ; кукурузу (на другой день) даютъ ѣсть курицамъ съ тѣмъ, чтобы онѣ несли яйца. (Такъ въ с. Копривштицѣ, Пирот. окр.). Въ Радомірскомъ округѣ въ селахъ существуетъ обычай, что въ этотъ вечеръ за ужиномъ непремѣнно должны быть орѣхи, сливы, яблоки.[2]) Къ тому же «Баднему вечеру» пекутъ пироги съ разными знаками и изображеніями домашняго животнаго: коровы, лошади, свиньи, собаки и т. п. «на здравіе добитку».

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., въ Пиротскомъ округѣ, постятся въ теченье цѣлаго дня до вечера[3]); но въ Радомірскомъ округѣ не находимъ этого обычая.

Сколько извѣстно изъ описанія, «бадній вечеръ» у Сербовъ представляетъ нѣкоторое отличіе, и самое главное, что у Сербовъ есть обычай таскать «баднякъ» по улицѣ села и издѣваться надъ нимъ.

Къ числу игръ, пріуроченныхъ къ Святкамъ, принадлежитъ переодѣванье въ медвѣдя и козу, которое, обыкновенно, на-

---

[1]) Болгаре большіе любители чесноку.

[2]) Этотъ обычай и у Русскихъ напр. въ Гродненской губерніи).

[3]) Тоже (тамъ же).

чинается съ «Новаго года». Цѣлой ватагой, съ пѣсней свѣтской и церковной молодежь ходитъ изъ дома въ домъ, съ цѣлью заполучить кой-что отъ щедрыхъ хозяевъ; а всякій хозяинъ считаетъ своимъ непремѣннымь долгомъ дать кой-что въ пользу посѣтившей его молодежи.[1]) Послѣ на собранное подаяніе участники устраиваютъ общую имъ пирушку—пьютъ и играютъ «оро» (хороводъ). (Такъ въ селѣ Невѣстинѣ, Кюстендиль Банскагоокруга).

При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что не во всѣхъ мѣстностяхъ существуетъ переодѣванье въ медвѣдя и козу, но всѣ сплошь и рядомъ знаютъ «хожденіе по домамъ», которое имѣетъ свое мѣстное типичное названіе «Сурова».

Подаяніе, получаемое кочующею молодежью отъ хозяевъ, представляетъ собою ничто иное, какъ жертву, приносимую человѣкомъ въ благодарность Высшему Существу. Такое объясненіе вполнѣ оправдываетъ содержаніе колядскихъ пѣсенъ. Такъ, напр., въ одной пѣснѣ читаемъ:

«Стани Како, дай колако,
Стани Нино, дай крендиро.[2])
Добри сме ти гостье дошли,
Доберъ семъ ти даръ донели:
Тельчинка-те бѣлопахи,
Жребчинка-та патоноги,
Ягнешта-та ваклешаты,
Яришта-та пергороги». (№ 7 «сбор.»).

Въ другой:

«Стани Нине Господине!
Спишь ли, спишь ли, разбуждайсе!
Добри са ти гостье дошли,
Добре (sic) гостье коледжане;
Подобаръ гласъ ти донели:
Ягненца се изъягнили,
Ждребчинка се ождребили,

[1]) Тоже (тамъ же). [2]) Водка (ракія).

Пи́ленца се извади́ли,
Крави се се истелили,
Со-съ млада тельчинка».

А дальнѣйшіе стихи этой пѣсни:

«Пай си стана Божья майтя,
Запрегнала свилни скуты,
И си тури млада Бога;
«Та си ойде возъ Ордана (sic)
Возъ Ордана, возъ Іордана.
Тамъ срѣтна светы Никола:
«Да си кьрстишь млада Бога»!
Я светы Нико́ла му доказалъ:
«Ни то зна́емъ, ни умѣемъ;
Я си пойды по-на-горе,
Тамъ че срѣтнешь светъ Іована:
Онъ е кьрстиль небо — земля,
Онъ че кьрсты Млада Бога».
Чуло си е на дно-море,
Чула си е една рыба,
Чула го е и станала;
И го чуло едно дерво,
Едно дерво трепетлика,
Оно чуло — не станало,
Па-й го прокле самски Господъ:
«Е ты-зе-ка едно дерво,
Едно дерво трепетлика!
Да изникнешь на зло мѣсто,
Де-ка слънце неизгрѣва,
Де-ка роса не опада,
Да си трептишь и со-съ вѣтеръ
И со-съ вѣтеръ и безъ вѣтеръ».

(№ 6 моего сборн.)

представляютъ нагляднымъ образомъ послѣдствія неуваженія къ Божеству, и производятъ подавляющее вліяніе на простодушнаго болгарина, который щедро одаряетъ посѣтившую его молодежь. Болѣе поздняго возникновенія слѣдующій обычай, общераспространенный у Болгаръ.

За три дня до «Коляды» ребята, посѣщяющія школу ходятъ по домамъ съ пѣніемъ пѣсни канона: «Христосъ раждается славите»; за такое поздравленіе они получаютъ отъ хозяевъ орѣхи и маленькій пирожокъ, имѣющій форму птицы, а подъчасъ и нѣсколько мѣдныхъ грошей. Почти все собранное ребятами, за исключеніемъ ничтожной части, приходящейся на ихъ долю, идетъ въ пользу народнаго учителя (даскала). Можно предполагать, что подобный родъ поздравленія измыслили сами господа даскалы, матеріальное обезпеченіе коихъ и теперь, а тѣмъ болѣе во время турецкаго владычества было очень скудное.

Во все время праздниковъ болгаринъ не работаетъ.

На Богоявленіе (на Водице — по болг.) бываетъ въ Высоческомъ срезѣ (уѣздѣ), Пиротскаго округа слѣдующій интересный обычай. Собирается компанія изъ мущинъ и женщинъ; запрягаютъ лошадь въ телегу или сани и отправляются къ извѣстному человѣку, которому предлагаютъ сѣсть въ телегу или сани. Отказа быть не можетъ; въ противномъ случаѣ берутъ его силою и сажаютъ въ телегу. Въ слѣдъ затѣмъ, цѣлая компанія отправляется по направленію къ рѣкѣ или вообще водѣ и въѣзжаютъ въ воду, въ которой остаются до тѣхъ поръ, пока сѣвшій въ телегу не дастъ напр. 10 окъ вина. Получивъ гарантію на 10 окъ вина, дружина кидаетъ въ воду невѣсту. Понятно, она омочитъ лишь свои ноги. Затѣмъ возвращаются обратно и направляются прямо въ кабакъ (керчмарницу), гдѣ сообща распиваютъ вино.

Въ день св. Власія (11 Февр.) болгаринъ не желаетъ впрягать въ ярмо своихъ воловъ; онъ вѣруетъ, что если человѣкъ въ этотъ день впряжетъ волы, они могутъ вдругъ на пути околеть. Сообщая другому это вѣрованіе, у него не бываетъ недостатка въ примѣрахъ, которыми потвердитъ истинность своихъ словъ. По бол-

гарски этотъ праздникъ называется «на воловъ запоръ», т. е. запрещеніе. (с. Слатино, въ Загорьи, Берков. окр.).

Св. Трифонъ пользуется у Болгарина большимъ почитаніемъ; я во многихъ округахъ Болгаріи слышалъ объ этомъ почитаніи. Обыкновенно, ему бываютъ посвящены три дня: первый въ тѣхъ видахъ, чтобы родилось жито, второй — чтобы родился ячмень и третій — чтобы родились кукуруза и овесъ. Праздникъ этотъ приходится въ первыхъ числахъ Февраля мѣсяца, начиная со дня, опредѣленнаго этому святому въ святцахъ. Болгаре строго исполняютъ этотъ праздникъ: въ теченіи трехъ дней не впрягаютъ воловъ въ ярмо, и только въ крайнемъ случаѣ, если, напр., будетъ приказъ отъ начальства — дать подводу, болгаринъ впряжетъ волы въ ярмо. Въ эти дни крестьяне дѣлаютъ слѣдующія наблюденія: если будетъ пасмурно, туманъ, дождь, значитъ будетъ урожайный годъ; если же будетъ ясная погода — признакъ неурожайнаго года. Различаются, при этомъ, и самыя степени тумана.

Въ день 40 мучениковъ (9 Марта) существуетъ слѣдующій обычай: всякая семья должна испечь коровай (кравайци — по болг.), и при томъ число короваевъ должно соотвѣтствовать числу дѣтей въ домѣ; на короваяхъ этихъ, пока они не посажены въ печку, дѣлаютъ дырочки вѣткою отъ дерева «бъза» (бузины); а когда испекутся, обмазываютъ ихъ медомъ. Въ тотъ же день одинъ изъ членовъ семьи отправляется въ виноградникъ (лозье), выбираетъ одну пустившую ростокѣ вѣтку и приноситъ ее въ хижину; всякій членъ семьи долженъ на-тощакъ съѣсть кусочекъ виноградной лозы, приговаривая: «На млоге године, да е здравъ како дренъ!». Вѣтка эта называется «свéта вѣтка». Ясно, этотъ обычай исполняется съ вѣрованіемъ, что человѣкъ будетъ здоровъ.

Приближается масляница. На канунѣ ея болгаринъ «покладуе се одъ меса», и затѣмъ, въ теченіе всей недѣли не ѣстъ мяса, кромѣ масла, сыра, яицъ и рыбы. Масляница (сырница) у Болгаръ считается великимъ праздникомъ: въ понедѣльникъ и вторникъ

этой недѣли народъ не работаетъ; нѣкоторымъ днямъ дано особенное названіе: вторникъ носитъ названіе «усовторникъ»; четвергъ этой недѣли, какъ четвергъ Русальной недѣли носитъ названіе «вертолома» (въ Пиротѣ); суббота — называется «бѣла субота».

Въ день заговинъ (=поклады), вечеромъ, бываетъ (напр. въ Пиротѣ) особенное празднество. Собирается компанія мущинъ и женщинъ, которые, съ зажженнымъ факеломъ[1]), съ большимъ воодушевленіемъ, ходятъ по улицамъ, распѣвая подъ музыку пѣсни. На болгарскомъ языкѣ это носитъ названіе «оратница».[2]) При этомъ празднествѣ непремѣнно должно быть оро (хороводъ), отъ чего, по видимому, можно бы производить самое названіе «оратница»; но слѣдующаго содержанія пѣсни, которыя въ числѣ другихъ поются при этомъ случаѣ:

«Ората копата,
Дай ми, дедо, мома-та,
Да ти не запалимъ брада-та» [3])

или,

«Ората копата,
Дай ми, чичо, мома-та,
Да ю туримъ у каца́-та,
Да ми мути яйца-та»

заставляютъ дать нѣсколько иное значеніе этому обычаю.[4]) Но я не берусь здѣсь объяснять значеніе этого обычая.

---

[1]) Обыкновенно, факелъ этотъ имѣетъ слѣдующее устройство: на палку навертываютъ солому и за тѣмъ его зажигаютъ; во время шествія, факелъ этотъ несущій вертитъ вокругъ своей головы.

[2]) Въ бытность мою въ Пиротѣ, я замѣтилъ, что этотъ обычай очень удивлялъ Сербовъ.

[3]) Сообщена однимъ болгариномъ — портнымъ (терзія), проживающимъ въ г. Пиротѣ.

[4]) При этой процессіи, во время турецкаго владычества, распѣвали и революціонныя пѣсни, въ родѣ слѣдующей:

«Азъ зема пушка на рама,
Айдутинъ — бунтовникъ да стану,

Послѣ такой — если можно сказать — оргіи, для болгарина наступаетъ постъ.

1-ая недѣля Великаго поста носитъ названіе «Тудорица» и «еднoница» (отъ понедѣльника до субботы); первое названіе отъ имени св. Ѳеодора, а второе отъ того, что многіе изъ болгаръ, въ теченіе этой недѣли, ѣдятъ одинъ разъ въ день, и то вечеромъ. Понедѣльникъ этой недѣли извѣстенъ подъ именемъ «чистаго понедѣльника»; срѣда этой недѣли называется «Луда срѣда».[1])

Въ день св. Ѳеодора (въ Субботу 1-ой недѣли В. Поста) бываютъ конскіе скачки: избираются два наѣздника, которые вступаютъ въ состязаніе; чей конь одержитъ верхъ, тому привѣшиваютъ красный значекъ; человѣкъ, имѣющій такую лошадь съ отличіемъ пользуется великою славою. (въ Пиротскомъ окр.).

Съ праздникомъ «Благовѣщенія» (25 Марта) также соединяются нѣкоторыя вѣрованія. Въ этотъ день зажигаютъ свѣчи на корытѣ, въ которомъ моютъ бѣлье (Пиротъ); змія убитая въ праздникъ Благовѣщенія считается лѣкарственною, имѣющею магическую силу: стоитъ, вѣритъ народъ, отсѣчь ея голову и закопать въ землю; посадить затѣмъ на ней василекъ (босилекъ), и этотъ цвѣтокъ пріобрѣтетъ цѣлебную силу; онъ помогаетъ отъ всякой болѣзни, какая только можетъ быть у животнаго. Цѣлеб-

---

И тергна вече вовъ Балканъ,
Отечество да забранемъ.
Не жали майко, не плакай,
Не могу да гледамъ вече —
Да душманинъ на огнище
На баштино-то огнище бѣснеятъ;
Сестри-те имъ вѣнци плетеха,
Юначки пѣсни пееха;
Майка сѣдй люто кълнеше:
Ако се живи ванете
И ви да се неспасéте».

(Сообщена тѣмъ же лицемъ).

[1]) Отчего произошло такое названіе, никто изъ болгаръ не могъ мнѣ объяснить.

ная сила такой зміи больше, по народному вѣрованію, цѣлебной силы убитой сороки (въ Загорьи, Берков. окр.).

Лазарева Суббота (Лазарица) также понята болгариномъ по своему и поставлено въ отношеніе къ жизни человѣческой. Изъ содержанія слѣдующей пѣсни, которая поется въ этотъ день на хороводѣ:

«Летея, ми, Лазаре, летея,
Деветъ реда галаби,
Десето жераби;
Пойдоа — ойдоа кралúчины двóреве,
На кралица говоратъ:
« Эй, кралице, кралице!
Кугеи бисеръ сѣяше,
На галабье ферляше»
Оговори имъ кралица:
«Э вие-ка галаби
Зобете, ми, зобете,
У пролѣтъ, ми, дойдете:
Имамъ сина да женимъ,
Имамъ штерка Мара да давамъ».

(№ 30 моего собр.).

можно видѣть, какое значеніе болгаринъ соединялъ съ этимъ днемъ.

Пасха извѣстна подъ именемъ «Великъ-день». Съ этимъ праздникомъ не соединяется, сколько мнѣ извѣстно, никакого особеннаго обычая или вѣрованія. Отмѣчаемъ, между прочимъ, что въ этотъ праздникъ должны быть крашеныя яйца. Пятница этой недѣли носитъ названіе «благій петакъ» (Пирот. окр.).

Юрьевъ день пользуется у Болгаръ особеннымъ уваженіемъ. На канунѣ этого праздника — 22 Апр. молодцы и дѣвушки отправляются на лугъ, собираютъ траву «здравацъ», изъ которой вьютъ вѣнокъ; въ то же время на лугу обѣдаютъ и послѣ обѣда играютъ хороводъ. На другой день (23 Апр.) убиваютъ ягненка, изжаратъ его и несутъ «подъ записъ», т. е. крестъ

на возвышеніи, находящемся большею частью по среди села; кромѣ жаренаго ягненка кладутъ сыръ, масло, вино и др. Является попъ и святитъ эту жертву; послѣ освященія, присутствующіе принимаются за истребленіе всего предлежащаго. Затѣмъ играютъ оро (хороводъ); начинаютъ прежде всего дѣвушки: держа свитый на канунѣ вѣнокъ, онѣ поютъ слѣдующую пѣснь:

«Здравче вѣнче,
Цвѣте мериშливче!
Вию ли те моме?
Вию, вию,
Та како не вию:
Откину ме, па ме померишу». (Пирот. окр.)

Спустя нѣсколько времени, въ хороводъ пускается и старый и молодой, почти всѣ присутствующіе, за исключеніемъ попа.[1])

На канунѣ дня св. Іереміи (1 Мая) существуетъ слѣдующій обычай: берутъ кочергу (ожегу) и желѣзо и ударяютъ желѣзомъ, приговаривая: «Іеремія у́ поле, а змія у́ море»; всего больше дѣти распѣваютъ это заклинаніе. Въ тотъ же день, какъ и у насъ въ Россіи, празднуется «мая̆»(=маёвка); сущность этого праздника здѣсь таже, что и у Русскихъ.

Недѣля передъ Сошествіемъ Св. Духа извѣстна подъ именемъ

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ обычай дѣлать крестный ходъ вокругъ полей въ день св. Георгія. Неисполненіе этого обычая бывало причиною переселенія цѣлаго села на другое мѣсто, какъ свидѣтельствуетъ слѣдующее преданіе. Близъ Дивлянскаго монастыря, что въ пяти верстахъ отъ города Бѣлой-Паланки (Пирот. окр.), вершины Сухой-Планины носятъ названіе «Велико и Мало Конско»; народное преданіе объясняетъ это названіе такимъ образомъ: въ старое время, деревня Клисура была близъ Дивлянскаго монастыря; жители ея пасли своихъ лошадей (кони) на этихъ вершинахъ, отъ чего эти послѣднія получили свое названіе; въ настоящее же время деревня Клисура находится на противоположной сторонѣ Сухой-Планины. Староклисурчане имѣли обычай въ день св. Георгія обходить свои поля съ крестнымъ ходомъ; но въ одинъ годъ они не исполнили этого обычая и перешли на настоящее свое мѣстожительство. Оставшееся послѣ нихъ мѣсто называется «клисурска корія», т. е. такое мѣсто, гдѣ не сѣютъ. (Архимандритъ Дивлянскаго монастыря указывалъ мнѣ ниву, носящую названіе «клисурска корія»).

«Русалницы» (Пирот. окр.). Въ старое время, въ теченье всей этой недѣли играли оро (хороводъ) въ честь Русалїи. Почитаніе Русалїи у Болгаръ пустило глубокіе корни: до настоящаго времени въ нѣсколькихъ селахъ, Кюстендильскаго округа, напр. Посевица, Койно празднуется «соборъ» (храмовой праздникъ) «Руса недѣля»;[1]) онъ приходится въ середу Русальной недѣли. Четвергъ Русальной недѣли извѣстенъ подъ именемъ «вътроломы». Въ этотъ день женщины, имѣющія дѣтей, не работаютъ, въ то время какъ всѣ прочіе исполняютъ свою ежедневную работу.

Въ теченье этой недѣли существовалъ—четыре года тому назадъ[2]) въ окрестностяхъ Бѣлой-Паланки слѣдующій обычай. Собирается—говорилъ мнѣ одинъ попъ—восемь дѣвушекъ и отправляются по домамъ съ пѣніемъ пѣсенъ особаго содержанія. Обыкновенно, бывало такъ: приходятъ въ домъ и кого найдутъ въ домѣ, тому цѣлуютъ руку и поютъ ему пѣсню; поютъ попемѣнно четыре дѣвушки. Если въ домѣ есть молодецъ, которому пора жениться, поютъ слѣдующую пѣсню, не входя въ домъ:

«Овдѐ дво́ры не ме́тены,
Овдѐ момакъ за женидбу;
Жене́те га, не держте га:
Када буду зымни ночи,
Чини се му полгодина».

(С. Топольница, Бѣлопаланскаго среза, Пирот. окр.).

Затѣмъ входятъ въ домъ и поютъ самому хозяину:

«Играй кра́ле барактаре,
«Кралица те подиграше».

(С. Топольница, Пирот. окр.).

Затѣмъ:

«Свети Сава ло́зье сади
Лозье са́ди, сара́й гради,

---

[1]) Проф. Миклошичъ въ своемъ изслѣдованіи: «Ueber die Rusalien» (Wien 1864) полагаетъ, что слово «русалья», «русальна недѣля» заимствовано изъ средне-греческаго языка.

[2]) Т. е. во время турецкаго владычества, какъ мнѣ сообщалъ одинъ попъ.

Съ оне стра́не ли́чно мѣсто,
Да му лозье рано зрѣе;
Има сина да се жени,
Милу терку да одае —
Ой уба́ва мала мома! (Тамъ же.)

Какому-либо другому члену семьи изъ мущинъ поютъ слѣдующее:

«Царь Костадинъ сѣдеше,
На високи палаты,
У руке му канаты;
Туде мину невѣста,
Та му̀ уми зане́се,
Те му паде каната,
Те у́дари палаты,
Палаты му задзамнеше,
Ведро небо загърмѣло». (Тамъ же.)

Третьему поютъ:

«На юпака три е лѣка:
Едънъ златанъ, други сребренъ,
А трети-ти чиста чоа;
Сви дава за девойтю;
Мати си му одговара:
«Не дай, сине, мили сине;
Коя̀ ти е суdженица,
Сама̀ че ти у дворъ дойде» (Тамъ же.)

Старому холостяку поютъ:

«О огня̀не, Змѣй-огняне!
Змѣй, ми, лежѝ на планѝну,
Никой пѐсмѣ да га пѝта;
Упита га стара майтя:
«О огня́не, Змѣй-огняне!
Што, ми, лежѝшь на планѝну?
Ты, ми, лежѝшь па не вре́вишь?»
А онъ си отказу̀е:

«Да како̀ чу да гово́римъ?
Сва се дружба иженѝла —
И постаро и помладо,
А ти менѐ не о̀жены».

Нѣтъ недостатка и въ другихъ пѣсняхъ подобнаго содержанія, пріуроченныхъ къ этому обычаю.

Основываясь на содержаніи этихъ пѣсенъ, можно полагать, что съ этимъ праздникомъ соединялось понятіе о необходимости сближенія половъ.

24 Іюня, св. Іованъ «билёберь». Ночью (на канунѣ) отправляются за цѣлебной травой;[1]) творятъ ворожбу(=вражелицу — по болг.), баютъ и т. п.

15 Августа, праздникъ Успѣнія Пресв. Богородицыноситъ названіе «Голема Богородица»; а 8 Сент. «Рождество Пресв. Богородицы — «Мала Богородица».

29 Авг. «Іованъ Главосѣкъ». (Усѣкновеніе Главы Іоанна Предтечи)[2]). Въ этотъ день не ѣдятъ краснаго винограда, не пьютъ краснаго вина; не ѣдятъ скоромнаго.

29 Октября, день св. Нестора носитъ названіе «праздника на поганци» (т. е. мышей), и «Мишлеци» (въ Радомірскомъ окр. с. Пештера); празднуется онъ болгариномъ въ тѣхъ видахъ, чтобы мыши не причиняли ему вреда (Пирот. окр. с. Темска, Радом. окр. с. Пештера).

Съ 11—13 Ноября праздникъ «Мратѝнци» (Пирот. окр.)= «Вучлеци» (въ Радом. окр.) празднуется болгариномъ въ тѣхъ видахъ, чтобы волки не причиняли вреда ихъ скоту (стокѣ).

30 Ноября, день св. Андрея первозваннаго посвященъ медвѣдю и съ тою же цѣлью, какъ и два предъидущихъ праздника. На канунѣ этого дня, въ честь медвѣдя варятъ кукурузу(=мурузу =мумурузу—по болг.), которую въ день праздника сами съѣда-

---

[1]) Такъ и у Русскихъ (напр. въ Гродн. губ.).
[2]) Головосікъ у Малороссовъ.

ютъ. Употребленіе кукурузы имѣетъ свое значеніе: медвѣдь страшно истребляетъ кукурузу на нивѣ, и этою жертвою болгаринъ желаетъ умилостивить своего нѐдруга. (Пирот., Трен. окр. и Загорье, Берков. окр.).

Въ день св. Патріарха Германа праздникъ «Джерманъ»; исполняеется онъ болгариномъ въ тѣхъ видахъ, чтобы его нивы не были побиты градомъ. (Радом. окр.).

Въ день свв. Кирика и Іулиты праздникъ «Горешляци»; исполняеется онъ болгариномъ съ цѣлью, чтобы не было пожара и сильныхъ жаровъ (Радом. округъ).

Всматриваясь въ эти праздники, нельзя не замѣтить въ нихъ слѣдовъ первобытной жертвы богамъ въ усовершенствованномъ фазисѣ ея развитія. Авторъ прекрасной монографіи «Очерки первобытной жизни и мысли» (см. журналъ «Дѣло» 1877 г. № 1), г. Шашковъ указалъ на естественную перемѣну въ жертвоприношеніяхъ первобытныхъ народовъ условленную умственнымъ ихъ развитіемъ; имъ указаны факты, что жертва была разорительна для приносившихъ, что эта разорительность привела ихъ къ мысли, что боги нуждаются не въ обильной и жирной пищѣ, а въ «чистотѣ жертвы»; послѣдствіемъ чего былъ обычай — жертвовать богамъ не весь предметъ, а только часть его. У жителей Мадагаскара есть обычай, что изъ жертвеннаго животнаго только голова приносится богу, а мясо съѣдается жертводателями; голова эта насаживается на шестъ (стр. 150—1). Нѣчто подобное мнѣ пришлось видѣть въ Загорьи, Берковскаго округа, въ селѣ Котеновци. Возлѣ дома каждаго хазяина воткнуты на частоколѣ головы зарѣзанныхъ животныхъ. На мой вопросъ — къ чему это? я получилъ отвѣтъ такого рода: «чтобы предотвратить вредъ, причиняемый медвѣдемъ и волкомъ». Вспомнимъ здѣсь и о «юрьевскомъ ягненкѣ», который истребляется приносителями (см. выше). Таже черта видна и въ жертвѣ медвѣдю 30 Ноября, въ день св. апостола Андрея Первозваннаго.

Въ представленномъ выше перечнѣ праздниковъ, свято чтимыхъ болгариномъ, мы видѣли много обрядовъ предшествую-

щихъ браку, или, вѣрнѣе будетъ, напоминающихъ бракъ, какъ необходимость соединенія половъ.

Наконецъ произойдетъ сговоръ: дѣвушка согласна выдти за мужъ за извѣстнаго молодца; родители тоже согласны. Впрочемъ бываютъ случаи, что дѣвушка, безъ вѣдома своихъ родителей, бѣжитъ съ своимъ возлюбленнымъ.

При сговорѣ должны быть покончены всѣ условія, относящіяся къ браку. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ Загорьи, въ селахъ: Котеновци, Костенци, женихъ долженъ купить себѣ невѣсту за самую высокую цѣну 300 грошей, т. е. 15 рублей.[1])

Испрошенная дѣвушка называется «невѣста». Такая дѣвушка должна являть себя очень и очень покорною: все время до брака — бываетъ и полгода — она, кого бы ни видѣла — стараго или малаго, должна кланяться ему до ногъ и цѣловать руку,[2]) за что получаетъ благословеніе: «Богъ те поживи, дай ти Боже срѣчу»; за обѣдомъ или ужиномъ въ своей родительской семьѣ она не можетъ сѣсть, тогда какъ другіе члены сидятъ: она должна прислуживать; если желаетъ выпить за обѣдомъ вина, должна прежде всего поцѣловать всѣхъ присутствующихъ въ руку.

До брака невѣста въ родительскомъ домѣ получаетъ вѣнокъ (вѣнацъ). Форма этого вѣнка обращаетъ на себя вниманіе. Въ селахъ Пиротскаго округа, онъ въ огибаніи головы довольно тѣсноватъ, но чѣмъ дальше къ верху, тѣмъ все больше и больше расширяется, такъ что народъ преувеличенно говоритъ, что можно посадить тамъ цѣлаго человѣка; къ вѣнку по сторонамъ и сзади привѣшены ленты, густо унизанныя монетами и павлиными перьями. Въ городѣ вѣнокъ этотъ бываетъ поменьше: онъ

---

[1]) Въ настоящее время Болгаре сами осуждаютъ этотъ обычай и подсмѣиваются надъ нимъ, говоря, что жену легче добыть, нежели корову.

[2]) Маленькія ребята пользуются этимъ случаемъ и сильно надоѣдаютъ невѣстѣ подаваніемъ своихъ рукъ для цѣлованья; но невѣста никогда не отказывается.

не слишкомъ расширяется къ верху. Вѣнокъ этотъ невѣста надѣваетъ, когда отправляется въ церковь, на базаръ, и носитъ его до «послѣ вѣнчанія».

Наступитъ время свадьбы.

Въ домѣ невѣсты являются сваты. Еще они не пришли, но уже приближаются, дѣвушки поютъ слѣдующее двустишіе:

«На́трагъ, на́трагъ, сва́тови!
Рече ви, рече девойтя!
(С. Топольница, Пирот. окр. близъ Бѣлой-Паланки.)

Когда они войдутъ въ домъ, дѣвушки поютъ:

«Старый свате, во̀йводо!
Не пій вино помлого,
Не распу̀штай сва̀тове;
Синочь пойдо на̀ воду,
Срѣтоше ме тройца:
Еданъ ме залюбы,
А други ме пьрста носе,
А трети ме узе смильтичицу.[1]) (Тамъ же.)

Послѣ вѣнчанья, свадьба справляется сначала въ домѣ невѣсты, въ продолженіе двухъ дней; а затѣмъ въ домѣ жениха.

Передъ тѣмъ, какъ новобрачная собирается идти въ домъ своего мужа, она должна 24 часа поститься. Разставанье съ родительскимъ домомъ, какъ оно представлено въ пѣсняхъ, наводитъ печаль на новобрачную; она не желаетъ или неохотно желаетъ разстаться съ роднымъ кровомъ:

«Братъ сестра воды
Воды по рамны дворы;
Сестра се моли:
«Ой братко, братко,
Ой мили братко!
Кротко[2]) ме во̀ды

1) Цвѣтокъ на головѣ.
2) Потихоньку, медленно.

По баштины ми
Рамны дворы,
Да се наодымъ
По баштины ми
Рамны дворы,
Да се наносимъ
Момино руо»
(с. Жилинци, Кюстенд.-Банскаго окр.)

Или:

«Не оды, ми, младо деверь,
Не оды ми горе-доле:
Не набрали здравецъ китка,
Не увили снаи вѣнокъ» (Тамъ же.)

Наконецъ все готово къ выѣзду невѣсты изъ родительскаго дома; цѣлымь караваномъ трогаются въ путь. Впереди «кумъ» съ древкомъ въ рукѣ, къ которому привѣшенъ платокъ, какъ знамя. На пути — пѣсни, музыка, пальба изъ ружей(=пушекъ).

Лишь только караванъ съ новобрачной приближается къ дому жениха, свекровь беретъ сито съ рожью и обсыпаетъ имъ сватовъ. Затѣмъ, когда караванъ остановится, невѣста и женихъ слѣзаютъ съ своихъ коней: женихъ снимаетъ съ лошади узду, надѣваетъ ее на свою жену и на ея голову бросаетъ нѣсколько зеренъ ржи. Лице жены закрыто. Въ такомъ нарядѣ она приближается къ дверямъ дома и дѣлаетъ на нихъ три знака креста медомъ; входитъ затѣмъ въ хижину и прямо направляется къ очагу (=огништу — по болг.), на которомъ тоже дѣлаетъ три знака креста медомъ и смотритъ вверхъ, въ отверстіе, черезъ которое выходитъ дымъ. Послѣ всего этого, женихъ снимаетъ узду съ своей жены.

Выполнена эта церемонія и начинается пиръ горой. Пѣсни, музыка (на инструментахъ «гайда», «тупанъ» (=барабанъ) не умолкаютъ. Пѣсни поются разнаго содержанія, какъ, напр., невѣста должна была разставаться съ своимъ мужемъ вскорѣ послѣ брака на долгое время (см. пѣсни моего собранія №№ 66, 67,

68, 69, 70—73), или навсегда, вслѣдствіе скоропостижной смерти (№ 74), или вслѣдствіе вѣроломнаго убійства (№ 66); какъ невѣста, долго ждавшая возвращенія своего мужа и недождавшись, вступаетъ въ новый бракъ, но неожиданное возвращеніе его разстраиваетъ эту новую свадьбу (№ 83—84); какъ жена измѣнила своему мужу (№ 82); какъ счастлива семья, въ которой бываетъ согласіе между женами (см. № 76); запоютъ и про Марка Кралевича и другихъ юнаковъ. Но вотъ запоютъ:

«Прошетнасе Дилбердинка девойтя
Изъ кумова возъ кумова тарпеза,
Куму рака да целива
И се[1]) редомъ по тарпеза». (с. Жил. Кюст. окр.)

Въ этихъ стихахъ поется про обычай, непремѣнный на всякой свадьбѣ,[2]) который состоитъ въ слѣдующемъ. Невѣста встаетъ съ своего мѣста изъ-за свадебнаго стола, съ покрытымъ лицомъ и сопровождаемая своимъ братомъ подходитъ къ каждому изъ сидящихъ за столомъ гостей, кланяется до ногъ, цѣлуетъ руку и предлагаетъ вино; всякій долженъ отвѣдать вина и благословить невѣсту. Послѣ благословенія ея гостемъ, она вынимаетъ изъ кармана платокъ (обыкновенно, не домашняго производства въ настоящее время) и даетъ благословившему гостю, который въ свою очередь даетъ ей какую-нибудь мелочь денегъ — одинъ или два гроша, что составляетъ 6—12 коп., а то и того меньше.

Всякому гостю, явившемуся на свадебный пиръ, невѣста должна выполнить выше описанный обрядъ. Но для чего это все? Изъ самаго описанія обряда видна цѣль этихъ поклоновъ, — это полученіе благословенія, а конечно и предотвращеніе проклятія. Я, помню, попалъ было на одну такую свадьбу въ селѣ Сеславци, Софійскаго округа. Лишь только я, по общему единогласному приглашенію усѣлся за столъ, явилась предъ мною невѣста, для выполненія этого обряда; одна старая женщина шепнула ей на ухо: «поклонись добре, да не учини нешто зло»; слыша это, я ска-

---

[1]) Т. е. всѣхъ. [2]) См. № 58 моего собранія.

залъ громогласное благословеніе невѣстѣ и ея мужу, и далъ ей денегъ больше обыкновеннаго, чѣмъ она осталась вполнѣ довольна.

Когда родится дитя, ему дается имя того святого, на канунѣ коего оно родилось. Обыкновенно, въ селахъ дитя тотчасъ послѣ рожденія не крестится священникомъ, а спустя 8—10 дней; но все же должно быть непремѣнно крещено освященною водою. Это послѣднее крещеніе исполняетъ старая женщина; она беретъ у священника освященную воду и сама креститъ новорожденное дитя, читая при этомъ наизусть молитву при рожденіи; этою же освященною водою обмывается родильница.

Къ родильницѣ приходятъ ея родственники и знакомые съ подарками: несутъ рисъ, яйца, пироги, молоко, вино, курицъ и лукъ. Обыкновенно все приносимое бываетъ завернуто въ платокъ, кромѣ луку, который кладется сверху. Родильница прежде всего нюхаетъ лукъ въ тѣхъ видахъ, чтобы ея молоко было здорово; пьетъ затѣмъ вино, чтобы ей быть здоровой. Приносителей родильница даритъ, чѣмъ можетъ. (Пирот. окр.).

По случаю рожденія, въ семьѣ бываетъ пиръ. Въ Загорьи существуетъ обычай звать гостей на этотъ пиръ — «на керстенье». Обычай этотъ состоитъ въ слѣдующемъ. Дѣвушка изъ того дома, гдѣ родится дитя, разодѣвшись[1]) ходитъ по домамъ своего села съ виномъ и предлагаетъ отвѣдать. Обыкновенно придя въ домъ, она цѣлуетъ руку тому, кого найдетъ въ домѣ, и даетъ свое вино; отвѣдаетъ человѣкъ вина, она тоже цѣлуетъ его руку, прикладывая затѣмъ свое чело къ рукѣ.

Послѣ такого приглашенія, принесшіе родильницѣ подарки собираются къ обѣду въ домѣ родильницы, который приготовляетъ женщина, крестившая дитя; за обѣдомъ родильница должна первая начинать всякое кушанье.

---

[1]) Уборъ такой дѣвушки у Турлаковъ (въ селахъ: Яловица, Чипоровци, Котеновци и др. — но не въ г. Берковицѣ) слѣдующій: въ волосы вплетены перья, бисеръ и монеты; на шеѣ герданъ (ожерелье) изъ монетъ; у пояса по обѣимъ сторонамъ спереди привязано по два шарфа.

Съ смертью человѣка болгаринъ соединяетъ нѣкоторыя очень интересныя вѣрованія, которыя, полагаю, обратять на себя вниманія знатоковъ погребальныхъ обычаевъ. Когда умретъ дитя, въ гробъ съ тѣломъ его кладутъ небольшой сосудъ (стовницу)— для чего? никто изъ болгаръ не могъ объяснить мнѣ (Пирот. окр.); у мертвеца богатаго (чорбаджіи) вынимаютъ часть костей изъ головы и рукъ (тамъ же), и ставятъ въ церкви на сорокъ дней, тогда какъ все тѣло бываетъ погребено. Въ теченье этихъ сорока дней совершается поминовеніе надъ костьми; начинается же оно со дня, слѣдующаго за погребеніемъ: послѣ погребенія, бываетъ «вечéра», называемая «задуша», и на слѣдующій день женщины (исключительно) несутъ въ церковь «кутю», кадило и кости (отъ «чорбаджіи») и ставятъ на аналоѣ; кости кладутся рядомъ съ кутей, а послѣ 40 дней зарываются въ тотъ же гробъ, гдѣ и все тѣло лежитъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ покойникъ, послѣ выноса его изъ дома кладутъ сѣкиру и немножко рубятъ по тому мѣсту, и это съ тою цѣлью, чтобы предотвратить смертность другихъ сочленовъ дома. (Пиротъ.)

Надъ мертвецомъ бываютъ, какъ и у насъ, заплачки, которыя исполняютъ женщины, родныя мертвеца. (Пирот. окр. и Загорье).

На мертвеца въ селахъ считаютъ необходимымъ всякому живущему въ томъ же селѣ взглянуть, чтобы мертвецъ не являлся ему во снѣ.

Въ годовщину смерти человѣка справлаютъ «поминки», называемые въ Загорьи «помана»[1]).

---

[1]) Это слово въ томъ же значеніи извѣстно и Валахамъ.

II.

Изъ рукописи XVIII в., принадлежащей одному болгарину въ селѣ Рылѣ, Дупничкаго округа. № 1.

Слово ради самовилы, и бродницы, и магесницы, и ѡбаѧлницы.

Самовилы и бродницы, и ѡбаѧлницы. тїѧ са антихр҇тови оученицы, и които ходать на ныхь на врага се покланѧѧ, и записѹе гы врагь и онь да са негови и не имать дрѹги грѣхь погѹлемь, и потежокь ѿ вси грѣхове, ѿ тоѧ грѣхь многѹ досадно есть бг҇ѹ, понеже аще кой сотворить блѹдь, паки каетсе и плачеть, и молисе бг҇ѹ да го просты, такожде и ѹбийца и вьси грѣшны, скорѹ акѹ можешь да се покаешь, понеже неси се ѿрекаль ѿ бг҇а; а които ходать на самовили и на бродницы, на магесницы, на залаганѣ, на баѧнѣ, тиѧ вси ѿречѹтсе ѿ хр҇та. и тогай пойдеть на самовили, тако ѹрекѹть: гд҇и ѿ тебе ни една помощь, и не можешь да помогнешь намь. ѡ велика хѹла на бг҇а! тако ѿрицаютсе ѿ бг҇а, и потапчѹть чт҇наго кр҇та и весь хр҇тїанскы законь; и тогда пойдать ѿ врага да ищать лекь; и оуслишите, да разѹмеете, колико есть досадно бг҇ѹ, които искать ѿ врага лекь. Пишеть вь стáри зáконь вь книга пже нарицаетсе цр҇твїѧ трéта кóнецъ глава ѕ҃: вь градь самарїѧ беше некой цр҇ь именемь ахавь синь замьврїѡвь; и по

смерти ахава цр҃а, взи́де сн҃ь егѡ на цр҃тво въ самарины, именемь беше хозиѧ, и ѡнь беше идолопоклоникь, ꙗкоже и ѡц҃ъ егѡ; и въ единь день ходеше по високо место, и па́дна ѿ висо́ко и оуби́се, и посла свои чл҃вецы, и рече имь: иде́те на кра́й гра́дь, та́мо и́мать една́ магесница бг҃ꙋ нашемꙋ ваалꙋ. и не́ѧ въпросите да ска́жеть ва́мъ, мо́га ли ѡздраве́ты, или́ бꙋдꙋ оумре́ти. ѿидо́ха ѡныѧ чл҃вецы, и посла̀ бг҃ъ а́гг҃ла, и ре́че емꙋ: идѝ да речешь проро́кꙋ илїю̀ да пде҃ да рече́ть на ца́ровите чл҃ве́цы, да идать на маге́сница, да и́мь ска́же, да ли́ че ѡздраве́ цр҃ь, или хоще умрѐ; и нече́ше да ꙋмре; ама́ защо̀ ѡстави̇ созда́телѧ своегѡ бг҃а, и ѿидс ѿ вра́га да и́ска ле́кь, за това́ пресече мꙋ бг҃ъ дни те́, и че да ꙋмре. тиѧ ре́чи сказа́а чл҃ци пророкꙋ илїю. проро́кь илїѧ ѿи́де ско́рꙋ и пресретма̀ цр҃еви́те члв҃ецы, и ре́че имь: иде́те да рече́те цр҃ꙋ: та́ко гл҃го́леть гд҃ь въседержи́тель, та́мо где е легна́ль на ѡ́дарь, не́че да ѡста́не жи́вь, защо́ непоиска́ ѿ созда́телѧ сво́его ле́кь, но поиска ѿ вра́га. ѿидо́ха чл҃ве́цы и сказа́ха цр҃ꙋ, и ѡни ги въпроси́: 'како́вь бе́ше чл҃ве́кь, що ви ре́че та́ѧ ре́чь? и ѡны́ мꙋ ре́коха: чл҃векь беше косма́ть, и ѡпа́сань бе́ше с реми́кь. ре́че цр҃ь: оезвитенинь илї́ѧ есть; по ско́рꙋ призви̇ педесе́тонача́лника, и педесе́то кре́пкы во́ины, и поручи́ и́мь: иде́те и где́то на́йдете, са҃ си́ла да го доведе́те; и ѡны ѿидо́ха и наидоха го на една́ висо́ка гора́, и ре́коха мꙋ: чл҃ве́че бж҃їй, цр҃ь зо́веть те, да и́дешь да́ го саста́нешь; и ре́че проро́кь илї́ѧ: аще есамь чл҃ве́кь бж҃їй, да паднеть ѡ́гнь ѿ нб҃а да изгорить всехь вась, и падна ѡгнь, изгори ги и педесетонача́лника. егда́ почꙋ цр҃ь ка́ко погоре́ха, па́ки посла́ педесе́тоначалника. и н҃ воины. Та́ка и ѡны́ погореха, ꙗкоже и прежни. па́ки цр҃ь посла́ тре́таго педесе́тонача́лника, и н҃ воины; тре́ти педесе́тоначалникь бе́ше бл҃гоговень и бг҃ꙋбоѧзливь: егда̀ дойде́ та́мо, где́ бе́ше пророкь илї́ѧ и стана́ ѿдале́ко, и гологла́вь, и приклони коле́на своѧ и са сльзами, и ре́че: чл҃вече бж҃їй, молим ти се, да не изгори́шь нась, ꙗкоже и прежни наши дрꙋжина, но пожали́ нась, и аще самь хощешь да прїидешь до цр҃а; то́гда ре́че а́гг҃ль ѿ нб҃а проро́кꙋ: иди́ и небойсе. то́гда ѿи́де при цр҃а и та́ко бы́сть, ꙗ́коже проре́че проро́кь илї́ѧ. и по смерти̇ него́вь, възи́де на

цр҃тво др҄ѹги сн҃ь ахávовь. именемь ꙗ҆горомь. Оусльшахте ли бл҃гословéны хр҃тиане, разѹмехте ли, колико ѕло есть, които ходать по самовили и по баснарки. цр҃ь хозіа бéше идолопоклóникь, незнáваше и҆стинаго бг҃а, и пáки недáде мѹ бг҃ь да и҆де на магéсницы, и без врéме пресече мѹ живото́. Что хóщеть биты ѿ нáсь, како́ се нарицаеме православны хр҃тиане, кáко де сме познáли и҆стинаго бг҃а и кр҃щéны, и ѡсвещéны и мирóсаны и потóмь да ѡстáвиме вьсеси́лнаго бг҃а, и да и҆деме ѿ врáга да и҆скаме пóмощъ, коа́ милость надéемсе да полѹчиме ѿ бг҃а? прéжни елины неимаха зáконь, неимаха ни кой да имь скáже, а ние при толико книги, при толико поѹчéние, и пáки ꙗ҆ко слéпи и҆деме и покланамесе врáгѹ: и вь прьва заповедь заповедá бг҃ь пророкѹ моѵсéю, да не вéрѹеть др҄ѹгомѹ бг҃ѹ, защо познáшь бг҃ь, кáко чать многѹ льжи да се нарéчать бóгове; и хóщеть врáгь да прелащаеть малоѹмни чл҃вéцы, да неможать да познáеть и҆стинаго бг҃а? но хóщѹть вьсáки да се поклана бг҃ѹ по своемѹ рáзѹмѹ на дрéво и на кáмене, на ѕвѣри, на птицы: того́ ради порѹчи бг҃ь, да познавáме кóе есть бг҃ь, и҆же сотвори нб҃о и зéмлю, и мóре, и вьсá созданіа, и чл҃века, и вьсáка живóтна, тóмѹ бг҃ѹ подобаеть кланáтисе, и на нéгѡ вса́ надéжда нáша да имáме, и за живóто и за смерть, и за дш҃ѫ, и за тéло. и вьси кньıги пишеть, кáко да се поклáнаме вь трóйцѹ единомѹ бг҃ѹ, и не тькмо повелеваеть да се покланáме на льжовны бóгове, ни мала некоа пóчесть да не сотвóримь имь, тъкмо на единаго и всéсилнаго и всéмогѹщаго бг҃а да мѹ се покланáме, и да го почитаме, рáди чтно и҆ме егѡ мнóго ѕло да прстрьпиме, ꙗ҆коже рéче ап҃ль пáвель на коринѳомь рéче: оумертвите ѹди ваши ѿ всáки стрáсты, блѹдь и нечистоты, и ѕлы възжделеніе, и сребролюбпе, и обадение. и пиáнство, тиа нарицаютсе идолопоклоникь. Тáкжде и магéсницы и баснáрки и кои хóдать на самовили, и на магéсницы, и на баснáрки. ѡни нарицáютсе идолопоклóницы, коитó лають ѡлóво, и кои то вѣрѹать на бáсь, на залагáне, чародеáние, които завезѹать ѕвѣри, и мéчки и вльцы, и глéдать на звéзди, и завезѹать младéнцы. кои жéны нарицаютсе

лекари́цы, да да́вать била́вища. които же́ны та́ка тво́рать, ти́а нарица́ютсе антихри́стови ȣчени́цы, бесовски слȣги, прелаща́ють незлоби́вы дш҃и чл҃вечески. Ѡ безȣмна и ѿ вра́га прелаще́но же́но, егда́ ты еси бг҃ъ, да имашь си́ла да лекȣеши младоже́нцы, невидиш ли́ се́бе, ка́ко ни́еднодѣло не́ймашь да бг҃ȣ оуго́дно, та́кожде и ты́ никако́ неси́ оуго́дила бгȣ, и ни́како́ ненави́ди те бг҃ъ и мръзи́ть на те́бе; тъкмо вра́гове те ѡби́чаа, ѿ где́ еси́ при́ала то́а да́рь да лекȣешь. та се знаеть, ка́ко вра́чь ти е даль да лекȣешь, поне́же вра́чь да́еть сво́има оуго́дницы, а҆ще що́ про́сать ѿ не́го. Ѡ го́ре те́бе, ѡкаана же́но: нарица́ешь се́бе, ка́ко да си́ хрті҃анка, а ты́ си се оуподоби́ла врагȣ; раци́ ми, коли́ко лѣта сатвори́ла еси́ вь пȣсти́ню, и пости́ла еси́, и дарова́ ти бг҃ъ то́а да́рь да лекȣешь? или́ претрьпе́ла еси́ не́кое мȣче́ние хр҃та ра́ди, и́ли сохрани́ла еси́ девство и чистота́ вси дни́ живота сво́его, или си била́ милости́вна, или́ странолюби́ва, или́ претрепе́ла еси́ оукоризна и доса́да на пра́вдȣ? скажи́ и ѿ кое́ добрѣдетель дарȣва́ тебе́ бг҃ъ тогѡ́ да́ра да лекȣешь. аще ли позна́ешь себе́, ка́ко си́ гре́шна, позна́й добре́, ка́ко ѿ врага ти есть, това́ лекȣванїе. Ре́че маге́сница: аще е҆сть вра́шко дѣло баа́нїе, почто́ егда́ побаю и ѡздравее́ть бо́лни? ѡ҃ прелаще́на же́но ѿ вра́га, вьси верны и неве́рны, и вси́ вра́гове исповеда́ють, ка́ко е́смь вь рȣце б҃жїе чл҃ве́кь и живо́ть и смер҇т; егда́ есть и живо́ть и сме́рть вь рȣце бж҃іи, ка́ко мо́жешь ты проти́вȣ си́лȣ бж҃іи да излекȣешь бо́лнаго са҃ твое́ лажо́вное баанїе? ѡ҃ неразȣмна и ѿ вра́га прелаще́на же́но, егда́ повели́ть бг҃ъ и прїйдеть а҆́гг҃ль бж҃іи да ȣзметь д҃ша ѿ чл҃ве́ка, мо́жешъ ли ты никоквице сасъ твое баа́нїе да се проти́вишь повеле́нїе бж҃ие, да не изидетъ оно́а д҃ша́ ѿ те́ло? коа́ по́мощь мо́жешь да сотвори́шь ма́ло ва́же и вь́глень, и си́нѡ пла́тно, и черно чи́рень но́жъ, и бȣрань, и врьбо́во дре́во и дрȣги многȣ враговщи́на́ творя́ть, коа́ помо́щь можешь да сотво́ришь на болнаго? но лȣка́ви вра́гь види вашь ȣмь и ср҃це, ка́ко неймате наде́жда на все́си́лнаго и въсемогȣщаго бг҃а, но на вра́га и́мате наде́жда да ѡздравеете, и тако показȣетъ вра́гь, ка́ко де творать не́кое лекȣва́нїе надь бо́лнаго, да

прелащають ва́сь да ве̏рѹете, ка́ко ѿ ба́ѧние исцеле́? Ре́че магес-ница: ѿ г҃да ба́ѧ, ко́е ѕло́ тво́ра, и азь и́ме хр҃то́во призиваѧ и престей бц҃ы и ст҃ый безьсребре́ницы ко́зманъ и дама́нь, и дрѹги ст҃ыи и́мена призиваѧ. Оуслы́ши прелащена жено ѿ вра́га: риба́рь, егда хо́щеть да ѹлови́ть ри́би поставлѧеть на ва́дица мѹха, или́ чрьви́кь, да се измами ри́ба та да погледнеть оу вади́ца та: аще не би рибарь нищо поставилъ на вадица та, оубоѧла би се ри́бата и побегнала би. Та́ка и ты́, жено, твори́шь, и ба́ешь и и́ме хр҃тово призива́ешь, и прест҃ыи бц҃ы и дрѹги ст҃цы, да се небоѧть чл҃вецы, и побе́гнать, егда́ имь ба́ешь: аще ли би ты́ призива́ла бесовски и́мена, егда баешь, ни́кой не би пришель при те́бе да си ба́ешь. Вижь добре́, ѡкаѧнна жено, ка́ко еси ѿстѹпи́ла ѿ бг҃а, и ѿ а҃гг҃ле бж҃іи, и ѿ всихь светци́, поне́же похѹли́ла еси́ на и́ме хр҃това и ре́кла еси: г҃ди, ты не мо́жешь да излекѹешь, ꙗкоже ме́не; азь поскорѹ мо́га да излекѹемь бо́лнаго, и та́ка преда́ла еси́ дѹшѹ свою́ врагѹ, ꙗкоже ре́кохме. или́ самови́ли, или́ баснаркы, или́ бродни́цы, или́ биле́ре, и конто но́сать бѹрѧнь на себе́ и тиѧ нарица́ють неверни и ї҆долопокло́нницы, ꙗ-коже ѡниѧ, конто се покланѧѧтъ на мно́го бо́гове, та́ка и конто хо́дать на мно́го лека́ре и и́щать ле́кове; попь да ги непѹсща́ оу цр҃ква, да имь неда́вать ни на́фора, ни пречеще́ниѥ, и егда̀ оу́мрать да ги не опоѧть, ни поменъ да и́мь не тво́рать, ни бг҃ь да про́стить да мѹ неречать; аще ли не́кой попь таквиѧ пріима оу цр҃ква и да́еть имь нафора и пречеще́нѥ и ѡпеваеть ги, и ѡнь подо́бень е́сть имь, безбожникь и ї҆долопокло́никь; и а́ще ко́й дѹхо́вникь незапрещаеть, и не ѿлѹче́ть таки́ва ѿ цр҃кви́ и ѿ пречеще́нѥ, тако́ви дѹхо́вникь подоба́еть да мѹ се речеть сле́пи слепца́ во́дить, и ѡ́ба въ ꙗма выпада́ть, ꙗкоже ре́че златоѹсть. и́мать обича́е лека́ре- ѿтво́рать дѹкѧнь, и наре́дать кѹтыи и со-бе́рать билѧвица и при́бера оученицы, и егда прийде не́кой болень, а ѡны незнаѧ кое би́лѥ да го напоить, тъкмо про́сто билѥ напо́и го, и потеча́ть мѹ зе́лени пе́ни изь ѹста, и ѡтрови чл҃ве́ка, и ѹмре. Та́ка тво́риме и ни́е дѹхо́вницы: ѡбле́че се́бе вь ѹкраше́ние дѹ-ховниче́ско, ка́пи и раси, и дльги ко́си разрешены и широки бради,

и патери́цы дрьжи́ме вь рꙋце свои и сь вели́кою грьди́нею стои́ме посре́де нарѡда, и егда́ пріиде некой и вопроси́ть нась ради не́кое ве́щь, а ни́е незна́еме не кое́ би́лѣ да го напо́име, сїречь незна́еме ко́и гре́хь, со що́ мо́жеть да се испе́лить; ꙗкоже ре́кохме, неймать дрꙋги грѣхь повели́кь, тькмо коисе ѿре́чать, ѿ хрт҃їанска вѣра, и после́ди егда се покаеть и прїидеть па́ки на хрт҃їанска вера, имать запреще́ние .з҃. лѣта, да дрьжить кано́нь, и по з҃. леть да се пречестить. На това́ подо́бие и самови́ли, и бродни́цы, и магесницы, и кои́ то хо́дать на ныхь и ищать ѿ нихь лекь, они́ са се́ ѿре́кли ѿ хртїанска вера: с ни́хь ни́како да се несо-би́раме, дале́ко да бега́ме ѿ ни́хь, ꙗкоже ѿ вра́га, и ни́како да ги непꙋщаме оу црк҃ва, и егда̀ оу́мрать ни ѡпе́ло, ни по́менеть да имь нетво́риме, поне́же есꙋ прокле́ты ѿ ст҃аго собо́ра, ѿ р҃ и о҃ стыхь ѡц҃ы; аще ли прежде смерть пока́ютсе, да и́м се да́ли запрещенїе з҃. лѣта, и да прокленать магии, кои́ то сотвори́ли, и кто́мꙋ нетво́рать, и по .з҃. лета да ги приче́стать. Така подоба́еть намь дꙋхо́внйческо и поповство (sic) велико вьнима́ние, и да испи́-тꙋеме таки́ва ве́щи, поне́же праве́дны сꙋди́ѧ хощеть да испи́тать нась, ради ныхь; и да возмо́жеме сь дерзновение ѿвещаты пра-ве́дномꙋ сꙋдию, емꙋ же сла́ва во вѣ́ки вѣ́кѡвь ами́нь.

Вто́ро сло́во ради магесницы ѿ разли́чныхь кни́ги соб-ра́но.

Егда́ бе́ше ап҃ль пе́таръ по ми́рь, оуче́ше наро́да и крещава́ше ги во име хрт҃ово, и бе́ше не́кой маге́сникь, и́менемь си́монь; и каде́ пе́тарь оуче́ше, а си́монь и́деше по пе́тра, и гово́реше на чловецы те: несл(ꙋ)шайте пе́тра, що оучи ва́сь; ме́не да вѣрꙋе́те, азь есмь бг҃ъ, и творе́ше пре^д^ ни́хь магїй и прелаща́ваше наро́да; и далеко бега́ше ѿ пе́тра. и ри́мскы ке́сарь кла́вдиѧ разбра́, ка̀ко си́монь прелаща́ва нарѡда, и посла чл҃ве́цы: а̂ще где на́йдете си́-мона, да го ѡко́вать сось желе́зо, и да го дово́дете. егда̀ го дове́-доха пре^д^ ца́ра, а ѡнь, лꙋка́ви врагь, и ца́ра прелаcти с не́гови магый: до где́ хо́щеше да го погꙋби^т^, а ѡнь поче́ и направи еди́нь ї́доль, и постави́ го ме́ждꙋ два́ мо́ста на тивериа́дскꙋю ре́ка

и написа́ на і҆дола, и та́ко ре́че: се́й и҆доль е́сть симонꙋ бг҃ꙋ ст҃о́мꙋ. и петарь оуче́ше вь антиѡхи́ю, и въ една́ но́щь ꙗви́ мꙋ се хрт҃о́сь вь сне́ и рече мꙋ: воста́ни пе́тре да и҆дешь въ ри́мь, и тамо потре́бно есть твое́ поꙋче́ние. егда́ ѿи҆де пе́тарь вь ри́мь, и поче́ да ꙋчи́й лю́дие, егда́ виде́ си́монь, та́ка и нехоте́ молча́ти и да покриеть свою́ гло́бꙋ, но хо́деше по градо́ и гово́реше на лю́демь: почто́ ѡстави́сте ме́не и послꙋшахте пе́тра; що ла́же вась, мо́жеть ли пе́тарь ꙗ҆коже ме́не да твори́ чꙋдеса́? то́гда́ станꙋваше зми́ѧ; иногда́ ꙗко коза́, и ꙗ҆ко вра́на, и ꙗко ѡрель, ино́гда въхожда́ше вь ѡгнь и несагареше; и та̀ка прелаща́ше людие. пе́тарь моле́шесе бг҃ꙋ, да го погꙋби́ть тако́ваго пре́лестника. виде́ си́монь, ка́ко не мо́жать да про́йдать не́говите льжи́ при пе́тра, оумисли́ да воздви́гнеть мльва вь гра́дь, да ꙋби́ѧть пе́тра. вь еди́нь де́нь, сатвори́ ве́нець ѿ дафи́нь, и постави́ го на сво́ю гла́вꙋ, и взи́де на е́дно е҆линско ка́пище, и вели́ки гла́сь ре́че кь наро́да: ѿ мꙋ́жие ри́мскы, ка́ко преласти́хтесе ѿ петра ри́бара и ѡставихте ме́не и мо́е и҆стиное ꙋче́ние, тогѡ́ ра́ди и азь дана́сь да при́зо́вемь мой а́гели да ме оузма́ть, да ме зане́сать на не́бо при ѿц҃а мо́его, и тамо хо́щемь ва́сь мꙋчи́ти ꙗко пристꙋпницы; и непослуша́хте мое́ пра́во оуче́ни́е. та́ка ре́че и плесна́ рꙋце сво́й, и поче́ да возхо́дить на не́бо, и бе́сове держа́хꙋ егѡ́. то́гда вси лю́ди́е возопи́ша: днесь ви́дохме, ка́ко велик̂ь богь есть си́мѡ́нь. то́гда пе́тарь стана́ на моли́тва и ре́че: гд҃и і҆с҃е хрт҃е бж҃е мо́й, неда́ждь да се саврьши́ть во́лѧ вра́жиѧ, да не до ко́нца преласти́тсе незлоби́вии на́рѡдь; та́ка ре́че и погледна́ха на го́ре, кь си́мона, и ре́че: ва́мь гл҃ю, бесо́вскы слꙋги, запреща́емь ва́мь, въ и҆ме гд҃а і҆с҃а хрт҃а́, его́ же азь пропове́дꙋе́мь, кто́мꙋ да не дрьжи́те си́мѡна, но то́ѧ ча́сь да го ѡста́вите. та́ка ре́че пе́тарь, и бе́сове оубо́ѧшасе и ѡстави́ха си́мѡна и побе́гнаха; то́гда ѡкаѧныи си́мо́нь па́де до́ле, и предаде лꙋка́вою сво́ю дꙋшꙋ вра́гꙋ и бе́сомь, и пои́де вь ве҆чнꙋю мꙋкꙋ.

И дрꙋги маге́сник̂ь бе́ше вь ѡстро́вь па́тмо, и҆менемь ки́ноѱъ, и мно́го маги́и творе́ше, и прелаща́ваше лю́ди́е, и покланѧ́ха мꙋ се, ꙗко бо́гꙋ. и ѿи҆де при не́го і҆ѡаннь бг҃осло́вь, и ре́че ки́ноѱъ:

ви́диш ли, і҆ѡанне, ка́ква чꙋ́деса азь тво́римь, и ско́кналь оу море́то да премица́еть наро́да: и запрети і҆ѡаннь на бесове́те и ѡстави́ха го, и кто́мꙋ неизи́де ки́ноѱь ѿ море́то.

И дрꙋги магесникь бе́ше, и҆менемь киприа́нь. и при́иде при не́го единь ю́ноша и ре́че мꙋ: мо́лимтисе кипрїа́не, и да ти да́демь, що и҆скашь: една́ мома́ возлюби́хь, и и҆скамь да ѧ зе́мемь, а ѡна́ не хоще да приста́не; ре́че емꙋ кипри́ань: това́ е ле́сна ра́бота, негри́жайсе за това́; посла́ ки́приань едно́го лю́таго бе́са да идеть да сотво́ри де́вица да приста́неть за ю҆́ноша. ѿти́де бе́сь и прине́се ей гли́ поми́шле́ние, а ѡна́ стана на моли́тва, и поче́ да се кр҇ти́ть, и моле́ше се бг҇ꙋ и та́ка наре́ждаше: гд҇и іи҇се хр҇те бж҇е мо́й, созда́телю мой, да ѿи́де ѿ ме́не това́ гло помишле́ние, да не возрадꙋетсе вра́гь ѡ мне́; и побегна́ врагь, и до тре́ти пꙋ́ть прї-хо́ждаше и приноси́ ей гли́ помишление; а ѡна́ са̑ моли́тва́ ѿгна́ го́, и ѿи́де вра́гь при киприа́на, и пожали́ мꙋ се и ре́че мꙋ: ѡ҆ ки-приа́не, а҆зь коли́ко деви́цы сотвори́хь та се ѡжени́ха, коли́ко же́ни разлꙋчихь ѿ мꙋжие, и коли́ко сотво́рихь и стана́ха блꙋдни, коли́ко сотвори́хь и бра́ть бра́та оуби́, и бра́ть на се́стра́ прїи́де, а та́ѧ иꙋли́ана деви́ца ни́како неможе́хь да ѧ ѡбрьнемь оумь да поми́сли за жени́тьба. то́гда киприань оукори́ егѡ́, ка́ко неможе́ да сотво́ри ни една́ ра́бота, и посла́ кипри́ань и дрꙋгаго бе́са по́сил-наго: при́иде и ѡ́нь при дв҇ца́, и прине́се ей гло́ помишле́ни́е, а ѡна́ же са̑ моли́тва и са̑ чтна́го кр҇та и не́го ѿгна́, и ѡ҆́нь поиде́ при киприа́на; и излѣзе и тре́ты бесь и ре́че: киприане́, посли́ ме́не: а҆зь мо́га ѧ ѡбрана́ти; и ре́че мꙋ: иди́. и претвори́се вра́гь ꙗко ба́ба, и при́иди при де́вица и ре́че иꙋлиана: ѿкꙋде́ и҆́дешь ба́бо? ѡна́ ре́че: ѿдале́ко идемь; и ре́че ей деви́ца, почто́ толи́ко трꙋди́ласе стари́це? ре́че ба́ба: почꙋла самь, ка́ко и҆́машь мно́гꙋ гри́жа и доидо́хь а дте разгово́римь; ре́че і҆ꙋлиана́: добре́ си дошла́ ба́бе. ре́че ба́ба: чꙋла самь ка́ко неискашь да се ожени́шь, да ли́ е и҆́стина? ꙗ ѡстаре́хь, това́ ѡ́ще не́самь чꙋла: мома́ да не и҆ска да се ѡжени; бг҇ь ѡ҆стави́ ѿ адама да се же́нать чл҇ве́цы, да се пло́дить све́ть; іꙋлиа́на ре́че: ба́бо ако́ си дошла́ ѿ бг҇а, да ме оуте́шышь добре́, а҆́ще ли си́ дошла́ да ме преласти́ть, и прекрести́се и ре́че: гд҇и іи҇се хр҇те́ сн҇е

бж҃ій, помилѹи ме! тóгда ꙗко димь исчезнѹть бáба, и невидесе. и собрáхасе и трите врáзы и ѿидóха при киприáна, и сказáха емѹ, елико пострадáха ѿ иѹлиáна дéвица и рéкоха: ѽ киприáне, и ты́ бы побегнáль ѿ тáковае дѣ́ло стрáшно: егдá приблúжиме се при нéа, ѡна станѹваше на молúтва, и сатвáраше кр҃ть на сéбе, и ꙗко ѡ́гнь изхождáше ѿ оустá ей и ѡпалаше нáсь; и напáде на нáсь страˣ и трéпеть, и побéгнахме. егдá оуслы́ша таква слова киприáнь мѹ́дарь бéше, помѹ́дарь ѐще станá, и вь мнóгѹ размишлéнúе прійде, и помислú, кáква ни еднá сúла нейма врáгь протúвѹ ч҃тнáго кр҃та, и колúко книгы имáше за магый, собрá гы́ и поставú гы на ѡгнь и изгорéха, станá и поидé при епискѹпа а҆нои-ма, и вьсá сказá емѹ, кáко дéвица іѹлиáна победú вса сúла врáжиа са҃ ч҃тнаго кр҃та. епископъ же мнóгѹ поѹчúвь егѡ́ и ѿпѹстú, и ѿиде и собра пепель, що бéха изгорéли книгите, и посипá свою глáвѹ, и са҃ сльзами ѡмúваше своé лúце. заѹтриа востáвь ѿиде вь цр҃ковь, беше велúкаа сѹбота, и ѹслиша прьво слóво: хр҃тось искѹпúль ны есть ѿ клéтвы закóна, бúсть нáсь ради клéтва, и пророчéство оуслыша: вижд гд҃и и непремльчú, гд҃и не ѿстѹпú ѿ мéне, и сé ѡ́трокь егóже изьбрáхь. егдá тáка ѹслы́ша киприáнь, бóлше оукрепúсе на вѣ́ра и сподобúсе ст҃ое кр҃щение, по трéты дéнь и на дїáконство ѡст҃исе, по едúно лѣто и сщ҃енство сподобúсе, и толúко чѹдень и стрáшень бы́сть на вса сúла врáжиа, и послéди и епискѹпь станá.

Гдé сѹть ѡниа безѹмны чл҃вéцы, който говоратъ: магыиа ми е сотвóрень и не рáждамь, а дрѹги каже: магіа мне сотвóрена и ѹмирáюᵗ ми дéца, а дрѹги кáже оу кáще имамь магыи, и нейде ми рáбота напрéдь, а дрѹги каже ѿ магиа нетрáа ми добúцы. ѡ безѹмни чл҃вече! сотворáшь себé магый: вúдить врáгь вáшъ ѹ҆мь прелащéны и кáко неймате надéжда на всесилнаго и всéмогѹщаго бг҃а и прійдеть врáгь и рече ти, и наѹчи те, кáко да úмать магы́и ѹ кáщи. пóсле те да úдешь на магéсница да те вúдитъ, и ѿúдеть врáгь тайнеа наѹчúть да ти скáже, кáко ѡ́нь те прéжде наѹчú, и рече ти магéсница: идú тáмо и тáмо ѹ кáщи да копáть, магы имать, и тú йдешь, та найдешь нéщо и тогáй врáгь ѿмéть ты ѡчитета

ти се видить, како дѐкаси нашель магиа да те ȣ̈верить, и па́ка рече ти магѐсница: ѡ̑нси́ца чл҃векь сотвори́ ты магыи, а ты́ вѐрȣешь врáга, и пóчнеши да ненави́дишь ѡногóва чл҃века; егдá те познáеть да го послȣша^т замáлкȣ, и мнóгȣ ти принóси: егда ви́дить врáгь малоȣмень чл҃вéкь и вѐрȣеть маги́и, вели́ка рáдос^т и̑мать врагь за тогова чл҃вéка, аще ли когó чл҃вéка познáва, кáко невѐрȣеть магі́й, на нѐго не мóже да се фáне маги́ѧ; магиѧ прилеплѧ́етсе на грѣ́шнаго чл҃вéка: аще хощешь да се побойшь ѿ маги́ѧ, бȣ̈ди ми́лостивь, щéдарь, крóтокь, не воздáй гло́ за гло́, прощавáй кой ты нѐщо досади́ть недрѣ́жь пáметоглóбие на ср҃це своé, бȣди стрáнолюбецъ, нищолюбецъ, сотвори въ дóмъ свой странопрíемлица, да прíбирáшь ни́щы и ȣбóги, ꙗ̑ко же въ лóзе постáвить плаши́ло, да се боѧть звѐрии да не прихóдать, тáка и въ кой домь имать стрáноприемница, и често вьходать и и́сходать ни́щи и ȣбóги, тáмо врáгь бойсе да пристȣпить, бои́тсе ѿ плаши́ла, плашило нарицаетсе странопрíемница; бл҃жéнь чл҃вéкь кóй сотвори́ такóва плаши́ло вь дóмь свой: тóй чл҃вéкь ѿ вси́ людíе бȣ̈деть похвáлень, но и агг҃лé мȣ се радȣѧ такóвомȣ члвéкȣ, тáмо гдé се почитáеть хр҃тось, тáмо вси́ ст҃ы́ радȣ̈ютсе; кóй чл҃вéкь хр҃та почитáть, кóйто и́мать стрáно прíéмница ва дѡ́мь свóй, ꙗ́коже рéче хр҃тось: стрáнень бехь и введóсте ме вь домь вашъ; бл҃жéнь чл҃вéкь кóй взведе^т хр҃та вь дóмь свóй; да ти скáжемь и дрȣго ȣтешéние: егдá познáешь, да ти е сотвóрена маги́ѧ, тóгда да непоставлѧ́ешь тогѡ́ и ѡногѡ́, но да речéшь: бл҃годáримь бг҃а и речи́: рáди мóй грéхь прии́де ми тоѧ́ гло́ на мéне, и смири́се, и покáйсе, и аще ты́ прíи́де нѐкое гло́ или́ ѿ ви́димо, или́ ѿ неви́димо, за всé да бл҃годари́шь бг҃а, да речéшь: благодáримь бг҃а и за тóва. егдá тáка твори́шь, тóгда ȣдаришь врáга сь цапени́ца по глáва, а егдá ти прии́де нéкое гло́, а ты́ плáчешь и тȣжи́шь, тогдá се врагь радȣе, егдá се радȣешь вь скóрбы, тóгда плáчеть врáгь; егдá тáко бȣ̈демь твори́ты, и бг҃ȣ бȣ̈деме оугоди́ти и цр҃тво нбн҃ое мóжеме полȣчи́ты, ѿ хр҃те їс҃е гд҃нéмь нáшимь, емȣ̈ же слáва подобáе^т, чт҃ь и поклонéние ѡц҃ȣ и сн҃ȣ и ст҃óмȣ дх҃ȣ во вéки аминь.

Слóво г҃, рáди магéсницы, и самови́ли и баснáрки, и залагание и бродницы и баѧние.

Пи́шеть вь кни́га нарицáеме ламѱаи́кь, кáко бéше еди́нь чл҃вéкь бéсень, и приведóха го при еднá пѹсти́нѧ жи́телнаѧ, и помоли́се бг҃ѹ, и изгнá бесь ѿ чл҃вéка, и ст҃ы ѡц҃ь запрети́ бéсѹ и рéче мѹ: запрещáем ти, лѹкáви врáже, прáво да ми скáжешь, ѹ мѹката кóй дѹши помнóгѹ и́мать, дá ли мѹжїе, или́ жéны? рéче врáгь: помнóгѹ жéны и̂мать ѹ мѹката; и рéче ѡц҃ь: неверѹ̂ем те лѹкáви врáже: жéны нестрéжать пьтища да ѹбиваѧть и да ѹбїрáть чл҃вéцы, или́ да хóдать са̂ барѧ́нь да крáднать; кáко да те вѣ́рѹемь, врáже, кáкó да и́мать по мнóгѹ жéны ѹ мѹ́кате; рéче врáгь да ти скáжемь, ѡ҇че, почтó рáди помнóгѹ е̂са жéны ѹ мѹката: не имь арéсова товá лицé, коéто имь бг҃ь даровá, но поставлѧ́ть бели́ло и черви́ло, и пременѹѧтсе оу крáсни премéны, и поставлѧ́ть на сéбе срéбро и злáто, и коли́ко ѿни ѹкрашáютсе, толи́ко ни́е бéсове радѹ̂емесе, понéже мнóгѹ чл҃вéцы прелáщають; и коѧ́ неи́мать да се премéни, а ти́ѧсе смеѧ́ть на дрѹгите; а кои́то е̂са бéзьчéдны, а тиѧ́ ги ѹкорѧ́ють и ѡсѹждáють; егдá се двé скарать, еднá дрѹга до смéрть непрощаваѧть, егдá имь ѹ̂мреть чéдо, или́ сорóдникь, хѹлать на бг҃а и тѹ́жать и плáчать до смéрты, и и̂скать лéкове да раждать мъшки децá. ꙗкоже рéкох ти, ѡ҇че, вели́ка рáдость има[т] нáшь господáрь велзевѹль на магéсницы жéны: егдá ѹ̂мреть нéкоѧ магéсница женá и принесемь дѹшáта ей ѹ пеклóто, и почитáеть ѧ нáшь господáрь велзевѹль, и постáвить ѧ въ преиспóдна а̂дова и тáмо гдé са е̂линскы бóгове и еретыци, тáмо гдé éсть и предáтель іюда; таквáѧ пóчесть твори́ть нáшь господáрь на самовилы и брóдницы, и магесни́цы, и ѡбаѧ́лницы, и поставлѧ́ет гы гдé ѡгнь неѹгаснѹеть, и чéрвѣ неѹмираѧть, и толи́ко ѹгóдни са нáмь магéсницы, áще що имь речéме послѹшаѧть нась: егда имь покажéме нéкои лéкове и бѹрѧ́не, или́ дрѹгое нéкое гло да сотвóрать, ѿни ѿ нáсь подобрé сотвóраѧть глóто—ни́е мáло и́мь покажéме, а ѡни́ на мнóгѹ разѹмевáють, и вели́ка пóмощь и̂маше ѿ ныхь, и вьси́ наши рáботы вели́ки ѿни соврьшáють, и мнóгѹ пó-

мощь имáме ѿ магéсници. ние рéкохме да ги наꙋчиме, а ѡнѝ пóхитры станáха ѿ нáсь, и нѝе бéсове оубоѧхмесе ѿ магéсницы жéни, понéже ѡни мнóгꙋ неглобѝви дꙋши прелащáють и прїведать ги при нашего господѝна; колѝко мꙋжие ѝмать ꙋ мꙋката, повéке есá ѿ женѝ прелащéны, нéжели ѿ дрꙋги грéхь, тáка нѝе ꙋчиме женѝте. догдé са млáди да се накѝтаᵀ и да се пременꙋвать да пре́лащáють неглобѝвы дꙋши, егдá се застареѧть, ѡни стáнать магéсницы, и стáнать люты и съръдѝты, пóчнать да кльнáть и да се заклѝнать, и да непрощáють ко(и) имь нéщо согрешѝть. Таквáѧ словесá рéче врáгь ѡномꙋва дꙋхóвникꙋ, и невѝдимь бѝсть. и азь помнóгꙋ зéмли ходѝхь, и нéсамь видéль толѝко мнóгꙋ магéсницы, кáто оу тáѧ наша зéмлѧ бльгáрска, и самовѝлы и брóдницы. по дрꙋги землѝ ѝмать дрꙋги грѣ́хове, но лéсно прихóдать на покаѧ́нѝе, понéже неимать потéшки грѣ́хь, егдá се ѿвержéть члвéкь ѿ хá; кои се ѿрицáють ѿ хрта бога? самовѝлы и бродницы и магеćницы, и който хóдать на ныхь, и ѝскать лéкове ѿ нѝхь; тѝѧ сá противницы бжїй, и бéзьбóжницы ѝдоло поклóницы: таквѝѧ, егдá се покáють, такóва покаѧ́ние да покáжать, да се ѿрéчать ѿ глы дéли и враговщѝны, ꙗко же ѿрекóхасе во врéме крщéние своé, и да прокленꙋть магѝй, и самовѝлы, и бродницы, и баснáрки и вьсака билѧ́вища и васáка ѝние врáжко начинáнїе; егдá таковае покаѧ́нїе сотвóрать, и до врѣ́ме да имать запрещéнїе, и тóгда да ги прїéметь попь оу цркква, да ѝмь даде нáфора и пречещéне.

Слово д҃ рáди ѕлы́ жéны.

Помислыхь да сéднемь да напѝшемь, колѝко враговьщѝны твóрать женѝ рáди чародеѧ́нїе, и воспоменахь премꙋдраго соломóна, понéже и ѡ́нь почé да исьпѝшетъ колѝка враговьщѝни ѝмать жени и неможé да изпѝшеть, и рéче: áще кóй мóже да препѝшеть песóкь мóрскы, ѡ́нь мóжеть да препѝшеть и жéнски враговщѝны; и азь помислы́хь, егдá премꙋдрыи соломѡнь оубоѧ́се ѿ жéнскы враговщѝны, и азь пристáнахь писáти, тъкмо хóщꙋ да рéкꙋ рáди ѕлы жéны; неимать дрꙋго нѝщь пóѕло ѿ ѕлá

жéна: ѕлá женá сам҆ѱωнꙋ ѿчи извади́; злá женá премꙋ́драго соломѡна преласты; злá женá прекраснаго іωсі́фа на прáвда ѡсꙋди́ и вь темни́ци затвори́; злá женá лꙋкáва іезáвель навꙋѳеѧ на сомéрть предáде; ѿ злá женá пророкъ иліѧ́ кріéше се по горa; зла женá предитéча іωанна кр҇ти́телѧ ва темни́ца посéче; злá женá цр҇ца еѵдоξіѧ ѡбщаго вьселéнскаго ꙋчи́телѧ нищьлюби́ваго іωáнна златоꙋста ѿ престóла изгнá, и на заточéніе послá. злá женá цр҇а не бойтсе, сщ҇éника не срамлѧетсе; áще есть богáта, ни́кого не боитсе; áще ѐсть сиромаси, вьсáкаго оукорѧеᵀ и присмиваетсе. —

И и́мать нéкой ѿ ныхъ и говóрать: пéть прьсти б г҇ꙋ ѡделéать. ѡ лꙋкáво дерзновéние, ѡ ꙋстá хꙋлна и незаграждéна, ѡ ꙗзи́кь сквéрнь, кáко возможé таквиѧ́ горки и хꙋлни речи́ да изречé на создáтелѧ бг҇а? ѡ г҇ди, слави́мь твоé дóлготерпéни́е, како тóѧ чáсь непогꙋби́ таковóго хꙋлницꙋ; ѡ землю́, кáко терпéни́е и непоглетнá ꙗкоже даѳáна и авирóна тáкваѧ хꙋлница; ѡ н҇бо, кáко непꙋщи́ ѿгнь сави́ше, ꙗкоже вь дны ілий пророкь, да изгóрить тáквиѧ хꙋлница̀; ѡ кáмение, ѡ древе, ѡ истóчницы, ѡ езéра, ѡ мóре, ѡ вьсá здáние бж҇іе, кáко стрьпехте, да се рекꙋть таквиѧ нестрьпéни хꙋли на создáтелѧ вашегѡ; ѡ кр҇щени врáзи, ѡ бг҇омирскы досади́теле, ѡ антихри́стови ꙋченицы и áдови наследницы, пéть пéрсти рéче бг҇ꙋ надви́ваᵀ. ѡ безꙋмна и несмислéна жéно, кóй создáде ти́ѧ пéрсты, и какó возмогóша ти́ѧ пéть пéрсты да ѡделéать создáтелю своемꙋ; ѡ безꙋмни жéны и несмислéни, снижихте бж҇тво и похꙋлихте на вьсемогꙋщаго б҇га, а врáга похвалихте: да не вмени́ть бг҇ь вáше безꙋміе; такóвимь вели́ко покáꙗние требꙋеть да би́ се сподоби́ли милóсти бж҇ію и чл҇веколю́бие многꙋтерпели́вомꙋ б г҇ꙋ нáшемꙋ слава ч҇ть и поклонéние вь вѣки вѣкѡвъ ами́нь.

Слово є҇ похвáлно, дóбры жéны.

Вчéра многꙋ оукори́хме злите жени, понéже така есть прилично, злите да се оукорѧвать, да се неꙋмножаваѧ́ть, и добродѣтель въсéгда подобáеть похвали́ты: неꙋкорѧетъ писаніе нарéдꙋ

въси жéны, но ѹкорáѧеть който твóрать гло. ѿ женá бисть клéтва и вьсемѹ мирѹ ѡсѹждéние, ѿ женá пáки бúсть вьсéмѹ мúрѹ бл҃гословéнїе, оуслы́ша ева: вь печáли родúши чéда, оуслы́ша д҃вица марїѧ: радѹйсе ѡбрадовáнаѧ г҃дь с тобою; и женú бúша мѵроносúцы, и стрежáхѹ грóба хр҃това, и агг҃ла сподобúшасе видéти и бúша проповéдницы вьскр҃ние хр҃тово, и помнóгѹ жены просїѧша въ постничéство, преподóбно и прáведно поживéша и бг҃ѹ ѹгодúша, и дрѹги мнóгѹ жéни мѹжественó подвизáшесе и хр҃та рáди крьвъ свóй излїѧша, и мѹченичéскы вѣнчáни бúша, и мнóго жéни бл҃гоговéны, и бúша нищолюбны; и сáмь апостоль петáрь похвалѧеть нищолюбивою заградѹ и нищолюбúе рáди воскресениѧ ѿ мéртвихь, и рéче ей: востáни заркѹдо, тéбе рáди плáчать сúроты и вьдовицы, нúщи и ѹбóги неѡставлѧютъ тебé да те глéдать мéртвѹ, но востáни, ѡще да ймь пoслѹжúшь, éще да твóришь милостúнѧ. такожде и превомѹченица ѳéкла, ѿ ег҃. годúны последѹвá ап҃лѹ пáвла, и до стáросты ап҃лтосьскы проповедѹваше име хр҃тово; ап҃лъ пáвель пúшеть кь кориньѳéномь, ѕı глáва вь пéрвое послáние, како последовáхѹ емѹ акúла и жена его прискúла, и ѡны апостóлскы проповедѹвáха, и дрѹги мнóгѹ жéни благоговени и богáти оугодúша бг҃ѹ, ѩкоже и меланиѧ римлѧнина: ѡстáна ей ѿ родúтеле свои. в҃ı. хѵлѧдь жльтúцы, и все раздáде ги на нúщимь и ѹбóгимь, на сúроти и вьдовúцы и по ц҃ркви, и самáсе затвóри вь една тéсна кéлиѧ, и вь ѳ҃. чáсь ѧдéше хлéбь и водá пиеше, и тáмо предáде д҃шѹ свою вь рѹце бжїй. И дрѹги жéны оудержáха цр҃тво, ѩкоже ирúна сáсь с҃на свóегѡ констандúна, и собрáха ѯ-ми соборъ т҃ѯє. ѡц҃ы и проклéха иконобóрцы, а който покланѧютсе на чт҃ный иконы, тиѧ нарéкоха правослáвны хр҃тиане; и по смéрти ц҃ра аркáдиѧ ѡставú. д. щéрки: пѹлхерїѧ, халкиѧ, аркадиѧ, мариѧ и единаго с҃на на ѡсьмь лѣта, йменемь ѳеѡдóсиѧ, но сестрá ѳеѡдóсиѡва пѹлхéриѧ неѡженисе, но ѹдаржá цр҃тво, донéлиже прїйде ѳеѡдóсиѧ на возрáсть; бéше пѹлхéриѧ ѳг҃. лѣта, егдá оустроеше цр҃тво. такóжде и ц҃рица ѳеѡдора оударжá цр҃тво, и собрá соборь патриáрха меѳóдиѧ, и проклéха койтосе непокланѧють на чт҃ни ико-

ни, и та́ка оутверди́ха права славие. видите ли, коли́ко добры́ же́ни и блгочти́вы бгꙋ оугоди́ша, ти́ѧ вь но́вемь блгодеты би́ша; а вь ста́ри зако́нь мно́гꙋ добри́ и бгꙋоуго́дны же́ни има́ль, ѩкоже авраа́мова жена́ сара и ïсаа́кова же́на́ реве́ка, а́нна мты бцы и сꙋса́на и анна ма́ти проро́ка самꙋи́ла, ѩкоже рече хрто́сь ѿ лꙋки стое еѵли́е глава д. пои́стина глю́ ва́мь, ѩко мно́го вьдови́цы би́ша вь дны илиины, егда заклꙋчи́се нбо на три́ ле́та и ше́сь месецы и би́сть гла́дь по все́й земли́, и ни кь единь посла́нь бы́сть или́ѧ, тькмо ва саре́фѳꙋ сидо́нскꙋю кь же́ни вьдовицы. Слишите, какви́ жени́ добри́ има́ло и вь ста́ро време, ѩкоже и пре́жде ре́кохме, и вь ста́рь зако́нь и вь но́ваго проси́ѧша и бгꙋ оугоди́ха, и вьсе́гда хо́щет имати добры и бгꙋоугодны и блгогове́ни же́ны́: ѩкоже сре́бро и зла́то сокрьве́но есть, така и добри́ ра́би хртови мно́гꙋ има́ть покриве́ни, тькмо еди́нь бгь зна́ет ги, а гло́ба не може́т да се скри́еть. тогѡ ради, да ра́диме, добро́ да тво́риме и бгꙋоуго́дно да живе́еме, да се сподо́биме и ве́чни жи́вoть полꙋчи́ти; бгꙋ на́шемꙋ сла́ва чть и по́клонение во веки ве́кѡвь ами́нь.

Сло́во. г. ради жени́ и мо́ми.

Мца ïꙋли́ѧ, кѕ, поꙋче́ни́е ра́ди оукраше́ни жени́ и девицы, како да живеа́ть.

Подоба́еть, же́ни и деви́цы да гле́дать на стꙋю бцꙋ, ка́ко поживе́ на то́ѧ сть смире́но, кро́тко и блгогове́но, и не ть́кмо да си криа́ть лице́то ѿ мꙋжи́е, да ги не гле́дать, така́ и́ска и да се срамꙋва да не се сме́ѧть, и да не дꙋмать сме́шны ре́чи, и да си затисна́ть оу́шите, да не слꙋшать гли́ дꙋми; сли́шите вие, що се нарица́ете деви́цы и и́мате теле́сна чистота́! не тькмо кои́то и́мать теле́сна чистота́ нарицаю́ть чи́сты, но кои́то и́мать дꙋшевнаѧ чистота́, ти́ѧ нарица́ютсе чи́сты; что хощеть да рече́ть чистота́ теле́сна и чистота дꙋше́вна? прьва́ чистота́ дше́вна есть с ме́ра ѩстие и питие, вто́ра чи́стота́ воздержа́ние ѩзика: неосужда́й ни́кого, неклевета́ти, неѡбитова́ты, не присл́ꙋшава́ти, не льга́ти, не празнослови́ти, недрьжа́ти пизма, не дрьжа́ти гло на срце, не дава́ти гло за гло́ ни клеве́та за клевета́; егда́ и́мать ти́ѧ добрыни,

що́ сме рекли, тога́ е почте́на, тога́ е оукраше́на, тога́ е премене́на.

Оуслы́шите ви́е мо́ми, услы́шите ви́е же́ни, что говорить апль па́велъ вь в҃ глава кь тимоѳе́ю пе́рва посла́ние, тако ре́че́: хо́ща оубо да моли́тва тво́рать мѫжи на вся́комь ме́сте, возде́яте рѫце свои́ бе́зь гне́ва и размишле́ние́, те́мже и жени́ вь ѫкраше́ние лепо́томь са̑ стидениемь да ѫкраша́юͭ себе́, не вь плетение влась, не злато и сребро, или́ ри́за мно́гоце́на, но ѩкоже подоба́еть жена́мь обещаваю́щимсе бл҃агочестию дѣли бл҃ги; же́ни вь безьмльвие да ѫча́тсе сь васа́кимь покоре́ниемь; жена́мь неучи́ты повелѣва́ю, ни влада́ти мѫжѫ своемѫ, но би́ты вь безмо́лвие: ада́мь пре́жде созда́нь би́сть, пото́мь ева, жена́ преласти́се, и въ престѫпление вьпа́де; чѫхтели ка́ко оучи́ть апль: же́ни и мо́ми да не украшаютсе са̑ злато и са̑ сре́бро, и бисе́ромь и многоце́ны оде́жди, но да́ сте честни и почте́ни, и сь добри́ми дѣли оукраше́ни; що хо́щеть да се рече́ть, егда́ поставляете гри́вни на рѫце? егда́ простираешь рѫце сво́й на милостиня и дрѫги добри де́ли твори́шь, то́гда носи́шь зла́тны гривны; егда слѫшашь законь и бойшьсе бг҃а, то́гда но́сишь зла́тни ѡбецы; егда́ неоѡсѫжда́ешь, неклевета́ешь, ни кльне́шь, тьгда но́сишь зла́тны герда́нь; егда́ воздръжишь ѿ сла́столюбие, то́гда носи́шь позла́тень по́ясь.; егда́ оустрояешь домь сво́й бл҃гоче́стно, то́гда носи́шь многѫцены премени; егда́ соврьши́шь за́поведи бж҃ій, то́гда да рече́шь: това́ бехь дльжна и това́ твори́хь, дрѫго ни́що добро́ не́ са сотворила. егда́ та́ка сотвори́шь, то́гда покрива́ешь главѫ твою́ са̑ свилено забра́да, тогда́ те покрива́етъ бл҃года́ть бж҃ій, тога́й тво́й мѫжь сла̀вень бѫдеть междѫ нарѡда с то́бою. Оусли́шите ви́е ма́йки, ко́йто и́мать моми́, ка́ко прили́че да ги оу́чите, да́ се оукраша́ють са̑ дѫхо́вно оукраше́ние, сірѣчь да и́мать на себе́ бл҃гогове́нство, ве́ра и наде́жда на все́си́лнаго и все́мѫгѫщаго бг҃а, и да се смира́ють, и да се срамля́ють, и да есѫ оукраше́ны и премене́ны са̑ добры́ де́ли, и да не гово́рите празносло́вие и сме́шни ре́чи, и да не кльне́те, и да се не заклина́йте и да не хо́дите по самови́ли, или по басна́рки, или́ да залага́те, или́ да ѡтва́рате

кни́гы на по́па, или́ на хо́џа, или́ на бȣла, или на билѧре; ко́й ѡтвара е҃лие на по́па три́ годи́ни да се непрече́сты, и то́ѧ по́пь да не попо́ва, ꙗкоже рече с҃тый иѡаннь златоȣсть. ꙗ́коже ре́кохме, да не гле́дате, да се оучите ѿ ѡни́ѧ же́ни и мо́ми, що́ ѡбичать на то́ѧ свѣ́ть да хо́дать премене́ти и измие́ни, ама́ на ѡнай свѣ́ть хощать да са дри́пави, и го́ли, и гнȣсны, и гро́зни; и ѡни́ който са често измива́ли, че́сто оу ба́нѧ ходи́лы, и тȣра́ли меризми́ на се́бе, та́мо хо́щаᵀ да смарда́ть, и да са гро́зны, и що́ са носи́ли сре́бро и злато на се́бе, та́мо ща́ть да ста́нать змы́й лю́ты да ги ꙗдат, по раце́те, да имь гло́ждать прь́стите, да им се оувива́ѧть ѡколь ши́ѧта, да и́мь ула́зать оуши́те, да имь ходать по ѡбразете, да им се зави́ваᵀ ѡко́ль снага́та, ка́то по́ѧсь; това́ тако че да и́мь бȣдеть, защо́ непогледна́ха на прьвните же́ни и мо́ми: не ли́ са́ра авраа́мова жена́ толи́ка бе́ше бога́та........ г҃ди, за́що не ре́че писа́ние, ка́ко но́сеше са́ра на себе́ зла́то и сребро, и да е ходи́ла измиве́на и наки́тена, ама́ ре́че писа́ние, ка́ко сама́ готви́ла и сама́ ме́сила, и слȣгȣваше на го́стие; ако би би́ла премене́та и наки́тена, како́ би́ла слȣгȣва́ла; та́кожде и но́йна снаха́ реве́ка, жена́ ісаа́кова, та́кожде и анна ма́ти самои́ла проро́ка, а не са͠ черви́ло и бели́ло, и зла́то и сре́бро, и мно́гоцени дре́хи оукраше́ни. жена́ дрȣги гре́хь да не чинать, тькмо да но́сить злато и сре́бро и хȣбави дре́хи, и да тȣрать черви́ло и бели́ло, това́ имь со́сȣва да и́дать оу пекло́то. Ꙗ́коже ре́кохме пре́жны же́ни неи́маха сре́бро и зла́то, тыи да се оукрашаюᵀ с не́го и да ѧдать, и да пи́ѧᵀ, но дава́ха го на ни́щимь и оубо́ги. емȣже сла́ва подоба́еть ч҃ть и поклоне́ние ѡ҃цȣ и с҃нȣ и с҃томȣ д҃хȣ и нынѣ и присно, и во вѣки вѣковь аминь.

Сло́во ѳ҃ ѿ книга іѡвлѧ[1]).

Послȣ́шайте бл҃гослове́ны хр҃тиане, что ре́че писанїе ра́ди праведнаго и бога́таго іѡва, коли́ко сто́ка и́маше, гове́да и ѡ́вцы, и камиле, и коне, и дрȣга мно́гȣ сто́ка живо́тна, вь ма́ли дны́ погȣби

---

[1]) Изъ первой части той же рукописи.

вьса́, и нере́че не́кою хꙋла на гд҇а, но́ рече: гд҇ь да́де, гд҇ь ꙋзе́; колико бога́тество погꙋби іѡвъ, и нехꙋли, но и ѡще благодари́. Имать ѿ на́сь не́цы, ма́ло не́коѧ ще́та пріиде имь и по́чнать да хꙋлат на созда́телѧ бг҇а сво́его: егда пріхо́дять имь бла́го, немогꙋт да позна́ють ѿде́ка пришло́ тако́ва бла́го, но ре́кꙋть ѿ свое раде́ние прийде ми богатество, и немога да познать созда́телѧ сво́егѡ; егда погꙋбать, тогда́ по́чнать да раптꙋть на бг҇а и да хꙋлать; и почна́ть да се хва́лють, како́ са сотвори́ли не́кое добро́ или сіромахꙋ кора́ хле́бь подадо́ха, или́ оу цр҇квы све́щь запали́ха, или́ не́кое гд҇не по́мень сотвори́ха, и речеть: тако́ва добро́ сотвори́хме, и ѿдека пріиде на́мь такваѧ ще́та? ма́лое не́кое добро́ да ꙋчинать, казꙋвать; а коли́ко пота́ена гла и безаконїе тво́рать-неказꙋвать. запалиль еси свещь оу цр҇ква, добро́ сотвори́ль еси́; но ѡскорби́ль еси́ сїрома́ха, и вьниде сїрома́хь оу цр҇ква́ и воздахна́ на те́бе, и изгаси́ ты свещь; да́ль еси́ хле́бь сїрома́хꙋ, помени́, ка́ко напльны бг҇ъ тво́й хамба́ре пчени́ца: мало си да́ль, помно́гꙋ ти се дало; искаш ли́ да ти непрїиде некое гло́, да не досади́шь сїрома́хꙋ, или́ на комши́ѧ своего, на сироти и вьдови́цы недосаждай; да не прези́ра́еши ни́щы и ꙋбо́ги, да не лꙋкавꙋешь на некое́го; ста́рцы почита́й, мла́ди ѩко бра́кѧ име́й; роди́теле тво́й неѡбесчествꙋй, ѿ цр҇кви неѿлꙋча́йсе, на сребролю́бие глꙋша́йсе, гло́ба ѿ ср҇це тво́е ѿже́най, и лю́бовь на ср҇це твое́ насажда́й, странолю́бїе незабива́й, стежи́ братолю́бїе, ѿ истина и правда не ѿстꙋпа́й, ѿ клеве́та и ѡсꙋжденїе дале́ко бе́гай, ради смире́ние и покоре́ние вѣлми́ жела́й, ѿ крамо́ла и мльва ѿ такви́ѧ дале́ко ѿстꙋпа́й. сїѧ вьсѧ до ко́нца живота́ твое́гѡ саблюда́й; аще сїѧ вьса́ добре́ сьдрьжиши, неи́мать тебе́ гло прїиты ѿ сопроти́вника; аще не́когда и прїйдеть, а ты наꙋчи́се да терпи́шь, а не хꙋли́. сїѧ вьса сотвори іѡвь и слꙋга гд҇нь, кога́ мꙋ прїидо́ха ѡнїѧ лю́ти изкꙋше́ни и непохꙋли́ и блг҇одари бг҇а и ре́че: бꙋди и́ме гд҇не блг҇ословень ѿ нынѣ и до вѣка. аще ко́й хрт҇ыа́нинь оупа́днеть ꙋ не́коѧ напасть, или́ ꙋ бо́лесть, или́ ꙋ не́коѧ доса́да, или́ ѿ ви́димо и неви́димѡ прїйдеть не́комꙋ не́кое гло, на іѡва да взира́еть, да се ꙋте́шить. тогѡ ра́ди постави гд҇ь іѡвь, ѩко ѡгледа́ло пред на́ши ѡчи: комꙋ прїи-

5 *

деть некоѧ напасть и теснота, на і҅ѡва да гледать и да се оутешить. аще тако бꙋдемь творити, бꙋди всемь и цр҃тво нбн҃ое сподобиты ѡ хр҃те іис҃е гд҃немь нашимь, емꙋже подобаеть слава чт҃ь и поклоненіе со ѡцемь и ст҃имь дх҃омь нынѣ и присно и во веки вековь аминь.

Слово ради немилостиваго петра[1]).

Въ единь день, седеха просїацы на ꙋ҆лице, и помина петарь покрай ныхь; и питаха си единь дрꙋгаго, кой ꙋзель милостинѧ ѿ него, и вси рекоша, како несме ꙋзели. единь ѿ ныхь рече, аще азь днесь кемь да ꙋзмемь ѿ него милостинѧ, вїе що ми хощете да ми дадете? ѡныи рекоша, що бꙋдемь днесь сабралы тебе кеме даты; ѿиде просїакь, и стана на врата петрова, и петарь беше натовариль на едно мꙋле хлебь и дрꙋги ꙗстїе, и носеше да се гощаватъ по градините са҃ дрꙋжина своѧ. кога излезе из врата дома своего, сретна го просїакь и поклони мꙋ се до земли, и просеше мꙋ милостинѧ, а ѡнь гонеше го; просїакь небегаше, но ради име бж҃їе просеше мꙋ; расрьдисе петарь и потражи камикь да го ꙋдари, и неможе да найде поскꙋрꙋ камикь, но ꙋзе единь хлебь и фрьли да ꙋдари просїака; просїакь узе хлебо и радꙋвашесе пойде при дрꙋжина свой; ѡны, кога видоха хлебо, прославиха бг҃а.

И поминаха два дны, и разболесе петарь, и ꙋмре. прїиде аг҃гль и держеше мерило, и постави на една страна книгы написаны негови грѣхове, на дрꙋга страна нема що да постави некое добро, тькмо тогѡ хлебъ; егда го постави, натегна мерило, и рече мꙋ аг҃гль: сїромаше петре, иди и бл҃годари ѡногова сїромаха; и паки рече мꙋ аг҃гль: аще тоѧ хлебь, петре, не би биль, чеха да те оузмать црн҃ы и немилостивы дїаволе, да те заведать вь вѣчна мꙋка, и азь не би могаль нищо да ти помогнемь, тькмо помогна ти на тоѧ сїромахь що си фарлиль с҃а хлебь да го ꙋдаришь; тогда вьниде дꙋша вь тело, и оживе петарь раздаде вьса своеименїе милостинѧ, и робїе и робини вьси прости, и рече

---

[1]) Есть апокрифическіе черты.

единомꙋ рабꙋ вѐрнꙋ: що́ ти речемь да ме пословꙋшашь, да ме ведѐшь вь іерꙋсали́мь, и та́мо да ми речешь, како ти самь ро́бь, да ме продадѐшь, и пари́те да раздаѐшь на сїрома́си; и сатвори́ ро́бь, ꙗкоже мꙋ рѐче пѐтарь: прии́де вь іерꙋсали́мь, и прода́де господи́на своѐго пѐтра еди́номꙋ болѐринꙋ и́менемь зо́иль, и асприте раздадѐ на сїрома́си. Ѡстана́ пѐтарь та́мо, и вса́ка ра́бота рабо́таше, и мачѐше своꙗ́ снага́; гдѐ бꙋ́деть промишлѐнїе б҃жїе ра́ди нѐго, ѿ афригію приидо́ха зо́илꙋ го́стїе, и пѐтарь поставлꙗха тра́пеза; и призва́ зоиль го́стие на трапѐза, и пѐтарь слꙋжѐше и приносѐше блю́да, и позна́ха го го́ске пѐтра, и пота́йно рѐкоха зо́илꙋ, то́й пѐта́рь пѐрви болꙗ́ринь бѐше вь афригїа, — пѐтарь ви́де, ка́ко го позна́ха, и возхо́тѐ да побегнѐть, и бѐше врата́рь глꙋхь и нѐмь, затвараше и ѡтво́раше врата́; ѿи́де пѐтарь, и рѐче: вь и̑ме гд҃а іи҃са хр҃та, бг҃а на́шего да ми ѡтво́ришь врата́, и рѐче глꙋхь да́ ти ѡтво́римь; изи́де пѐтарь, славꙗ́ще и бл҃годарѐще бг҃а и побѐже. Ѿи́де врата́рь, и рѐче зои́лꙋ: господи́не ѿи́де ѿ на́сь ра́бь б҃жїй пѐтарь; рѐче ми во и́ме ї́и҃са хр҃та́ ѡтвори ми врата́, и видо́хь пла́мень из ꙋстъ егѡ́. и ѡ́нь зина пла́мень прїи́де до мо́й оуши и ꙗзи́кь, то́гда почꙋхь и проглаго-ла́хь; ѡ́нь изи́де и а́зь ско́ро по нѐго изидо́хь и ненайдох го. и прослави́ бг҃а, како́ прослави́ свои́ оуго́дницы; емꙋ же сла́ва подоба́еть, чт҃ь и поклоненїе ѿц҃ꙋ и сн҃ꙋ и ст҃омꙋ дх҃ꙋ и нынѣ и при́сно и во вѣки вѣкѡвь аминь.

Изъ рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Рыльскаго монастыря подъ № 53, XVII — XVIII в.

мц҃ь декевриꙗ. к҃е. ден҃ъ.

Дамаскина инока, иподиакона и стꙋдита слово на просто^м^ еꙁико^м^. По пльти рождение г҃ꙋ нашемꙋ іс҃ꙋ х҃ꙋ.

Приличнй есꙋ празнйцй цр҃ковні ꙗко некоꙗ хꙋбава й велйка градйна. й ва онаа градйна да ймать многꙋ красни и различні цветове и ва онаꙗ градина да седитъ цр҃ь облечень ва цр҃ки одежди и да прйꙁиваеть чл҃вци и да беседꙋеть са нимь й колико чл҃вци оулаꙁать ва онаꙗ градина, имꙋть велика радость, како оулеꙁоша оу таковою красною градинꙋ, како померисахꙋ таковй краснй мерйꙁмй, како видеха и цр҃во лйце, како почꙋха и цр҃ева беседа, таковй есꙋ праꙁници ст҃имь. и паметь праведни^м^ градина сась многꙋ и различно цветіє оукрашена ст҃а наша цр҃ква нарйцаетсе, цветие есъ праꙁници ст҃имь, йли мч҃нико^м^, йли прподобни. йли дрꙋгй некой ѿ ст҃имь. цр҃ь же є҃ г҃ь нашь іс҃ хр҃тось оукрашень и початень сп҃итель васемꙋ мирꙋ, врачь йсцелйтель васемь чл҃вкомь й жйꙁнодавць на васа вйдйма й невйдима. на васи праꙁнйци ст҃имь, ймаме радость и веселйе, ꙗкоже премоудрй соломонь рече: єгда се похвалꙗвать ст҃и, радꙋютсе людие; на ва господски праꙁнйци, повелйка радость имꙋть благочьстиви христиане, понеже цр҃ки праꙁникь празнꙋемо, цр҃ꙋ почесть творйме: ꙗкоже є҃ велйкй праꙁникь, тако и почьсть велйка требꙋеть да твори^м^. васакомꙋ хри-

стианинꙋ прилично ѥ҇, да празнꙋеть и да трьжествꙋеть дховное трьжество, и които са оугодни царꙋ христꙋ богꙋ нашемꙋ, таково трьжество трьжествꙋемь такови празникь пра́знꙋемь. и како се нарицаетъ тоꙗ празникъ? нарицаетсе богоꙗвление понеже ꙗвисе бг҇ на земли, понеже днь видими на земли ꙗвисе родꙋ члвчскомꙋ; бь никое начело неимать, днь ва лето раждаетсе: кое дрꙋго почꙋдно, кое дрꙋго преславно. кое дрꙋги (sic) попофално, кои да почꙋеть и да се непочꙋдить, кой да се смислить и да се неоудивить, бг҇ да станеть члвекь? и да се речеть, страшоо ѥ҇ и да се оуслишить дивно ѥ҇, почто ради и за коꙗ вещь да станеть бг҇ члвекь: ради наше добро, ради наше спасение и да избавить нась ѿ работи вражие; понеже ѿ начела богь адамꙋ васака и многа добра сатвори мꙋ и дарꙋва мꙋ и десеть дꙋшевні сили, иже ги имать и васакь члвкь. г҇. сили нарицаютсе єсатьвна, понеже сас нихь биваеть и ра́стеть и живеѣть члвкь и зачинаетсе и раждаетсе. втора сила ѥ҇ питателна, си рѣч питаетсе члвкь. трета сила ѥ҇, иже растеть члвкь ѿ мало и станеть големь. и тие сили и скоти имꙋть и пигаютсе, и возьвращають. и дрꙋги д҇. сили нарицаютсе животни, понеже сас нихь можеть живь бити члвкь: и прьва ѥ҇, егда члвкь васегда радить и міслить васегда за добро, и избираеть доброто ѿ злото и злото ѿ доброто, тогда онаꙗ сила нарицаетсе доброизволителна; и вавтора сила нарицаетсе животна и ради христа да речеме,како саветь имать, понеже нигогда (sic) невасхоте зло, васегда добро желаше и любляше. трета сила ѥ҇ ꙗрость, ꙗкоже рече григориꙗ богословь: даде намь богь гневь и ꙗрость, не на члвка да се гневаеме, но на врага и на сꙋпостата нашего — на него да се гневаемь, него да ненавидимь, на него да мрьзиме, понеже онь намь многꙋ зло ѥ҇ сатвориль и извади нась ѿ раꙗ, тои нась приведе на таꙗ многопечалнаꙗ и многотрꙋднаꙗ земліꙗ; ради него даде бг҇ намь ꙗрость, а не на члвка да имаме гневь, и да се гневаме на брата нашего, иже ѥ҇ саздание божие и есме едина вера едино крещение. четверьта сила ѥ҇ возьжделение: да желаемь васегда за добро за прьвое наше ѿтчтво, си речь за црство нбное. тие есꙋ четири животни сили. дрꙋги петь сили нари-

цаютсе раȥꙋмни, и сас ни́хь может чл҃вкь да раȥꙋмеѣть и да поȥнаеть и добро и ȥло: прьво ѥ҇ невидима вещь, второ ѥ҇ мнение, трето ѥ҇ слава, четврьто ѥ҇ сатворение, пето ѥ҇ ꙋмь. що нарицаетсе ȥрение? егда видить чл҃вкь некоꙗ вещь и поȥнает го, какова вещь ѥ҇. слишание ѥ҇ егда невидить чл҃вкь некоꙗ вещь, или ѿ дрꙋгаго чл҃вка ouсли́ши́ть, и́ли ѿ ѡнаꙗ вещь гла҇ оуслишить и раȥꙋмеѣть и поȥнаеть какова вещь ѥ҇. мери́ȥма нарицаетсе, егда померише чл҃вкь некоꙗ вещь и поȥнаеть ꙗ, или на хꙋбаво мерише или на ȥло. вакꙋшение нарицаетсе, егда видить чл҃вкь некоꙗ вещь и мислить, да ли е благо, или е кисало; егда го вакꙋсить, тога поȥнаеть, горко ли е, благо ли е. осеȥание нарицаетсе, егда чл҃вкь фанеть сась рꙋка некоꙗ вещь и поȥнаеть ꙗ или е жешко, или е стꙋдено, или е тешко, или е леко.

Истльнкꙋвахме петь ȥрителни вещи. мьчтателно нарицаетсе, егда чл҃вкь видить некоꙗ вещь и многꙋ дн҃и мислить ȥа него; и мете мꙋ се ꙋ паметь чл҃вкꙋ, нарицаетсе ендиꙗтетось, понеже чл҃вкь две речи имать: едина речь ѥ҇ таꙗ, коꙗто беседꙋеме, и еді́нь дрꙋгаго слишимь, дрꙋга речь ѥ҇, егда чл҃вкь самь ѿ себе разꙋмеваетъ; аще и що речеть сась такова речь, видить и беседꙋеть чл҃вкь на сн҃ь; аще и що видить, слава сꙋгꙋба ѥ҇, сиречь, некои оусли́ша, како помрькна сл҃нце, и паки́ неȥнаеть, како помрькна; то наріцаеть безьсловесни ѿвѣтъ: сась слово саврьшаетсе ѿветь; егда ȥнаетъ чл҃вкь, ѿгде погина сл҃нце, по неже лꙋна стоить подь сл҃нца, и недаеть емꙋ ст҃ити, сл҃нце ѡдесною идеть, и лꙋна подоле ѥ҇ ѿ сл҃нце; того ради неможеть сл҃нце ст҃ити. Деꙗние нарицаетсе, егда некто ꙋслі́шить ѿ дрꙋгаго чл҃вка, како некои силни царь побеждень бисть ѿ дрꙋгаго цара с мала сила: стоить чл҃вкь тогда и чꙋдитсе, да ли ѥ҇ истина, или ѥ҇ льжа; таковое помишление нарицаетсе деꙗниꙗ. елі́ка деиствꙋють и садевають едина тиꙗ десети сили, ради раȥꙋмъ работають и помагають, и ѥ҇ ра́ȥꙋмь. ꙗко царь на отрадꙋ тькмо ва ꙗвлени и сведетелствовани вещи хо́дить оумь, сиречь, како ѥ҇ богь благь, како сл҃нце сиꙗеть, како чл҃вци есꙋ сꙋетни. Тие .в҃і. сили даде богь адамꙋ да жалееть доброе, да лю́бить иȥредное, да мислить ȥа правда, да промишлꙗеть, коꙗ вещь ѥ҇

ꙁа потреба, да биваеть ѿ небитие ва битие, да питаетсе дш҃евно и телесно, тело да питаеть сась ꙗстиꙗ, дш҃ꙋ да питаеть сась слово божие, да ваꙁращаеть тело и добродетель да умножавать ва свою дш҃ꙋ, да раꙁсꙋждаеть, кое ѥ҆ добро и кое ѥ҆ ꙁло, да гневаетсе на врага, да желаеть ꙁа цр҃тво нбн҃ое. Того ради дарꙋва бь адамꙋ .в҃і. сили. и рече мꙋ: адаме васа моꙗ ꙁданиꙗ даю ти, да бꙋдꙋть подь твоꙗ волꙗ, да ꙁаповедаеши и да истеꙁꙋеши ꙁа бж҃тво; ѿгде начинаетсе и како ѥ҆ това, никако да непомислишь, ниже да речеши; ѡнже непослꙋша тиꙗ божие ꙁаповеди, и тамо где не беше мꙋ подобно и прилично, тамо поче да мислить и васкоре, ꙗко престꙋпника иꙁгнать бг҃ иꙁ раꙗ.

Тако бг҃ престꙋпление адамово; аще и инако бꙋдеши тлькꙋвати, не бꙋдеши сагрешити, понеже раи и древо раиско, поꙁнати добро и ꙁло, ꙗкоже чл҃вкь и видимь ѥ҆ и невидимь: имать тело и нарицаетсе и ѥ҆ видимь; имать дш҃а и нарицаетсе невидимь; такожде ѥ҆ и древо раиское, и видимо и невидимо, ꙗкоже григориꙗ богословь рече: вьꙁревь на садовнии и виде ꙗко красно бе, и богь ненасади ꙁло да бꙋдеть ва соблазнь, ꙗко же богомрски порфириꙗ рече, ниже ꙁавиде богь адамꙋ и недаꙗше мꙋ да ꙗдеть ѿ раꙁꙋмное древо, да не станеть ꙗко бг҃; на ꙁаконь положи богь адамꙋ, да ꙁнаеть, како иматъ надь себе господина и начелника на вьса ꙁданиа своꙗ, сатвори го господина и начелника; тькмо едина мала ꙁаповедь да сахранить. ѡнже непослꙋша ꙁаповедь божии и оуслиша ꙁмиꙗ и ꙁломисльнаго врага, които мꙋ васегда мислить ꙁло, него послꙋша, того ради иꙁгнать бисть иꙁраꙗ, сиречь егда испаде есство чл҃ское ѿ ꙁаповеди божие и оуклонисе на грехь на беꙁакониꙗ, и наоучи се чл҃вкь на зло, и ктомꙋ не ваꙁьхоте добро творити, нь васегда телесна оугодиꙗ твораше: блюдь, прелюбодѣиство твораше, оубиьство, крьвопролитие, крадение, ненависть, ꙁавись, идолопоклонение; тие ꙁли и беꙁакони делй ва онаꙗ времена имаха ги ꙁа почесть и ꙁа похвала: кои повече ꙁло твореше, немꙋ повелика почесть творахꙋ. никои непокланꙗшесе богꙋ, ни ти ꙁнаеха, че има богъ.

Такова ꙁла требꙋваша имь исцеление. никои не можа некꙋмꙋ

да помогнеть, да го изъбавить ѿ вечна мѹка, ни самь себе неможеше чл҃вкь да помогнеть последи големо ѕло, и лекѹвание искаше. Тогда виде богь саздана свое мѹчима ѿ диꙗвола, изволи сн҃ь и слово божие и вазъхоте вапльтитисе ѿ чистие васегда дв҃ици марию, стана сиромахь да обогатить нась сиромаси; и никое добро дело неимахме на себе; вь пещера родисе, да очисти дш҃и наши, иже бехме пещери, иже беха оу нась врагове и бесове и вьсака неправда и нечистота, ѕемлю ѡс҃ти, въздѹхь прости: ѕемлꙗ беше скврьнена ѿ жрьтви, иже творехѹ чл҃вци идоломь, въздѹхь беше потемнель ѿ ди̑м и ѿ смрадь идолские жрьтви; вь ꙗсли положень бисть, да изъбавитъ нась ѿ бесловесние страсти. чюдо преславно! сьврьшень богь, несьврьшень младеньць видитсе, безначални начело приемлеть, невидими видитсе дн҃ь: того ради и вса тварь дари приношають рожденномѹ — небеса ѕвеѕди дають, аггели хваление приносѹть, ѕемлꙗ пещерѹ-пѹстиню, ꙗсли пастирие, чѹдо! чл҃вци бц҃ѹ марию, понеже хотеꙗще богь всѹ ѕемлю простить, и на вьси єзици да приведеть вь богоразѹмие; того ради и вльсви дари принесоше, того ради ѿ далеко идеꙗхѹ вльсви и на многи єзици ꙗвихасе и проповедахѹ рожденаго х҃а, того ради и агг҃ли с҃а чл҃вки трьжествѹють и хваление въздають христѹ, и вльсви ѿ персиди дари приносѹть, понеже дьн҃ь пророкомь вьас проречения сьврьшишасе: дв҃а, иже рече пророкь исаїа, дн҃ь ем̓маноила ѿ дх҃а с҃та зачe и раждаетъ, ꙗкоже онь самь въсхоте; пророкь иеремиа дн҃ьшни дн҃ь прорече: «сьи богь нашь, и не прикьснетсе инь кь немѹ, изьобрете всакь пѹть хѹдожества и дарова їаковѹ отрокѹ своемѹ їс҃рлю възлюбленномѹ своемѹ», и паки пото̑м: «на ѕемли чл҃комь ꙗвисе и са чл҃ки сачетасе, паки ради тоꙗ день». їсаїа пророкь пророчествѹетъ: «изиде жьзль ѿ корене їесеова и цветь ѡ корене процьв̓те, и ночи на немь дх҃ъ премѹдрости, и самисльство и разѹмь». жьзль їесеовъ бц҃ѹ нарицаеть, она беше ѿ корене їесеѡва; цветь ѿ корене процьф̓те, г҃ь нашь іс҃ х҃с испльни благооухание рода чл҃вчскаго. паки тои пророкь провиде и рече: «отроче родїсе нам, и синь дастьсе намь, емѹже властъ бисть на раме его и мирѹ его несть предела, и наречетсе велика сьве-

та аггла, чꙋдень сьветникь, богь крепькъ; влка, кнегь мирꙋ, ѿцъ бꙋдꙋщаго века». Ради днѣшни днь и пророкь михеꙗ прорече: «и ти виѳлеѐме, доме михеꙗтовь ничи^м^ мьнши еси вь влках иоудовахь, не мьнши еси, еже бити еньхилиашинь іюда; ис тебе изидеть влка вождь бити кнезь ісрлю; изьходь его из начела. г. ті днь века»; ради таꙗ речь противлꙗютсе препорици юудеиски, и говорꙋть ради зоровавела тако рече пророкь. и по правдꙋ, ради то льжꙋть: понеже зоровавель не родисе въ виѳлеѐмь, нь оу вавилонь родисе; нь и пꙋти єго не беха ѿ начела, ꙗкоже сказꙋеть пророкь. Ради ха, ради тоꙗ радостни днь, пророкь даніль царꙋ навьходоносорꙋ рече: «хощеть да се родить царь на всеми царие, да сакрꙋшить и да разрꙋшить цртвие члвчка, кои того непочитать и непокланꙗєть мꙋ се». вьсѐ пророци пророкоша ради дьньшнаго празника. Тькмо ниꙗ да непродльжаме слово, изьоставлꙗемо пророчества, да не проидеть многꙋ време сказꙋвати; пророчества празникꙋ ѡставихме.

Ѿзде хощꙋ начети сказꙋвати и нехощꙋ ни мало нещꙋ ѿ себе сказати, нь єлика повелеваеть стое и бжтвное єѵглїе. тькмо изьоставлꙗю го; пото^м^ хощꙋ го сказати, и сега хощꙋ да скажꙋ, како препитана бп бца въ стаа стимь, како сьтвори. ві. лѣта тамо, како аггль носеше тамо пищꙋ. Єгда се обрꙋчи іосифь оу девицꙋ марию, мало време минꙋвь, и видевь ю како ѥ непразна: и ꙗко правеꙑ пже беше іосіфь не вьзьхоте да ю ꙗвить предь члвки, нь помисли криома да ꙗ ѿпꙋстить. Вь онаа нощь, егда помишлꙗше іосїфь да ꙗ испьдить, прииде ѿ бога архангель гавриль и рече мꙋ: «іосїфе сне давидовь, нищꙋ да ѐ не оубоишъ; тькмо оуз'ми девицꙋ марию, и добре и почесно чꙋваи ю, понеже она ѿ дха стго ѥ тешка и хощеть да родить сна, име емꙋ емманоиль; и ти да мꙋ наречеши име іс, понеже онь хощеть да спасеть рода члвчкаго ѿ прегрешенїе». Єгда сабꙋдисе іосїфь ѿ сьна, сатвори ꙗко же порꙋчи аггль.

И въ ониꙗ дни изиде повеление ѿ авгꙋста кесара, да се написꙋють вьси члцп вь свое ѿтьчьство, и вьси члвци да напишꙋтсе подь повеление царево. И вьсаки идеꙗше ѿ свои градь и напи-

сꙋвашесе. Ѿиде іосїфь ѿ галилеискаа страна, ѿ наꙁареть вь витлеѣмь и ѡнь да се напишеть сась обрꙋчницꙋ своюо девицꙋ марию, иже беше ѿ рода давидова; егда се написаха, приїде време да роди девица мариа: и оулеꙁе ꙋ една пещера; таꙗ пещера беше широка и голема, и пꙋтници оу неꙗ кондисꙋваха; тамо оу онаꙗ пещера госпожда и два бца роди га нашего іса хрта и пови го и положи го вь ꙗсли, тамо где ꙗдеха беꙁьсловесний скоти; тамо близꙋ беха овьчаре. и вь онаꙗ нощь бдехꙋ и стрежаха овьци свои; и ꙗвисе аггль пред нихь и сть ѡблиста ихь, и они оубоꙗшасе страхом великим, и рече имь аггль: «не боитесе, реках вамь — велика радость биваеть днь вьсемꙋ мирꙋ, понеже днь родисе хс всего града давидова, и се да имате и добро ꙁнамение: идете оу пещера да наидете негова мати и христа повита, ꙗко отроче; и тако сась оногова агглскаго гласа множество аггли ослишахꙋсе како поꙗхꙋ и благословлꙗхꙋ и славлꙗхꙋ и глахꙋ: «слава вь вишних богꙋ и на ꙁемли мирь вь члвцех благоволение». егда оуслишаше пастирие таковаго гла, рекоша: «приидете, да идемь до виѳлеѣмь, да видимь да лї є истинꙋ това, що ни се рече»; и ѿидоха и наидоха, ꙗкоже имь аггль рече.

Вь ониꙗ дни приїдоша троица магесници и ꙁвеꙁдоброици ѿ вьсточнаа ꙁемлꙗ вь иерꙋсалимь и питахꙋ: где є царь, иже се є родиль иꙋдеом? видехме негова ѕвеꙁда на васточнаа страна и ѿтамо станахме, идеме да мꙋ се поклонимь». егда оуслиша иродь царь оубоꙗсе и приꙁива вьси архиереи и книжници и вьпроси ги: писание где глаголеть, како хощеть да се родить христось?» и рекоше мꙋ: «пророкъ михеа рекаль є оу витлеѣмь хощеть да се родить». Тогда иродь криома приꙁва ѡниа магесници и рече имь: «идете и поклоните мꙋ се; егда се вьꙁвратите, приидете при мене, да ми скажете где є? и ꙗ да идꙋ да мꙋ се поклоню». тако рече лꙋкави царь іродь: не искаше да мꙋ се поклони, нь да пратить члвци да гѡ оубиють, да не станеть царь да мꙋ оуꙁметь царство то. магесници егда оуслишаха ѿ цара ирода таковие речи, вьскоре иꙁидоха иꙁь ієрлмь, и ѿидоша до где стана ѕвеꙁда оу виѳлеѣм надь пещерꙋ. Тогда ѿврьꙁоше скровища своꙗ и дадоха бцы ꙁлато

и ливань и ізмирнꙋ. аггль гнь на сьнь имь рече, да не идꙋть при ирода. и ѿидоша дрꙋгимь пꙋтемь, и ѿидоша ва своюземлю, и сказꙋваха єлика видеха и слишаха.

И се сь божию помощию празничьскою потребꙋ вькратце сказахѡмь. тькмо имаемо различна вапрошениа: а., почто непородисе ѿць и сти дхь, нь синь? в. почто тогда приіде време да се написꙋвать? .г. кои мць и кое време беше? .д. ѿ где познаша магесници и приидоша и поклонишасе хꙋ? .є. що показꙋвахꙋ ѡниа дари? ѕ. како се досетиха и принесоха такива дари? з. где наидоха вльсви христа — оу пещерꙋ ли, или на дрꙋго место? и. и ѕвезда, иже беше са ꙗвила — естьствена ли беше, како и дрꙋгите ѕвезди? ѳ. или тꙋгава ꙗвисе? і. таꙗ ѕвезда колико леть преждь ꙗвисе предь рождество христово? аще би се заедно ꙗвила, єгда се роди хс, како биха толико скорꙋ пришле персидски царие да наидать христа оу пещера; и како попрежде непородисе хс, нь остави толико дши, и погибоша тіа? .г. вьпрошениа имаемо днь тлькꙋвати. аще и дрꙋги бꙋдꙋть, изьоставлю ихь, тькмо понарочитие да скажеме. нь молю ваша любовь, донелиже несьмь почель да сказꙋю, дрьще си оумь да неидеть на дрꙋга страна, или да задремете, или да се разлените слишати. и хощꙋ да начнꙋ прьвое вьпрошение, и добре да слишите, понеже имаемо богословие сказꙋвати.

Ста и нераздела троица ѥ неизречена, нескончаема, вьсегдашна, нетлена, невидима, и никоꙗ вещь иже ѥ на тоꙗ сть не можеть да се оуподобить, понеже нь васака вещь ѥ начетькь и творець. и тоꙗ сть непостоꙗнь ѥ и сꙋетни и тварь ѥ стеи троици; того ради нарицаетсе троица, понеже имать тры лица. тиꙗ три лица имꙋть едино есьство, и да речеши тры чловци да имꙋть три лица, а едино есьствѡ. Нь то оуподоблꙗетсе а на дрꙋга вещь ни мало, понеже тиꙗ три чловци имꙋть и три разꙋме, и три хотениа и три начинаниа. а ста троица едино лице имꙋть, едино начинание, едино хотение — начело, лето и коньць неимꙋть; и едино лице ѿ дрꙋго не разньствꙋеть ни мало, тькмо ѿць раждаеть и пребиваеть, ѿць ѥ нерожденъ, ни ѿ кого раждаетсе, ꙗко же и

ѹмь чл҃вчски ѿ дрѹго нераждаетсе; сн҃ь и слово рожденъ є҃, понеже ѿ ѿц҃а родисе, ꙗко же слово чл҃вкѹ ѿ оумь раждаетсе; а дх҃ь ст҃и ни рождень есть, ни нерождень, понеже аще би биль рождень, хотеꙗше да се наречеть сн҃ь, аще би билъ нерождень хотеꙗше да се наречеть ѿц҃ь. нь що є҃ и како нарицаетсе? исхождение нарицаетсе, понеже исходь ѿ нерождена ѿц҃а и почиваеть на рожденнаго сн҃а, ꙗкоже есьстьвнии дх҃ь и вьѕдихание чл҃вки. ѿц҃ь нарицаетсе и є҃ и две имена имать и нарицаетсе и пребиватель и иѕьхожденіе, понеже иѕиде ѿ него сн҃ь; син же нарицаетсе слово и синь. и дх҃ь ст҃и имать две имена: имать дх҃ь ст҃и и исхождение. ѿц҃ь премѹ сн҃а нарицаетсе ѿц҃ь, понеже того ради кь исхождение нарицаетсе и исхождае сиречь посилаеть. сн҃ь премѹ ѿц҃а нарицаетсе сн҃ь, понеже очев҃ь сн҃ь є҃; премѹ дх҃а нарицаетсе слово, понеже дх҃ь є҃ слово; а дх҃ь ст҃и премѹ слово нарицаетсе дх҃ь. а при иѕходи тела нарицаетсе исхождение. Тиꙗ тричесна лица, всако по две имена именѹетсе. неприлично беше да се вьпльтить ѡчев҃о есьство ипосташись; аще би се вьпльтиль ѿц҃ь, не би се нарицали три имена ѿц҃ь и синь и исхождение; и паки дх҃ѹ ипостасне не беше подобно, да се вьпльтить. како би се нарекло три лица и три имена: дх҃ь и синь и иѕьходнии? того ради ѿц҃ь иѕволи, и дх҃ь ст҃и садеиствѹва и ваплтисе сн҃ь божи, и очевь паки да имать две имена, ꙗко же и прежде вьпльщеніе сн҃ѹ и слово: тоижде беѕь матере родисе ѿ ѿц҃а на нб҃а, тои дн҃ь иѕволи и вьѕьхоте беѕь оц҃а родитисе на ѕемли ѿ чистою девицѹ марию, и би҃ намь подобань: и да спасеть нась, чл҃вкь бисть да спасеть чл҃вка; богь пребись, да оубожить нась, немощно и мрьтьвно тело члвч҃ко приемь, да иѕбавить ѿ самрьти дш҃и наши; беше сн҃ь божи, наречесе сн҃ь чл҃вчски, да сатворить нась сн҃и и наследници цр҃твѹ нбн҃омѹ; того ради вьпльтисе синь и слово божие.

Това прьвое вьпрошение еще и помногѹ тьлкование имеꙗше да се тьлкѹеть: тьмо є҃ гльбоко богословие, того ради прекратихме го и не ꙗко не можеть на широко да се тьлкѹеть: можеть да не тьлкѹеть нашироко, нь не могѹть прости чл҃вци да раѕбирать; егда многѹ богословие да почѹють, побрька

им се оумь на прости чл҃веци; помалкꙋ богословие да им се скаꙁꙋеть.

Да прийдемь и вь второе вьпрошенїе да го истькꙋеме: почто ради написꙋваха се людие, егда се роди хс҃? понеже тако беше иꙁволение божие, да спасеть адама и васе ꙁдание свое. того ради и таково време прилꙋчїсе, понеже егда авгꙋсть кесарь стана царь, тогда многꙋ цр҇твиа члв҇ка престанаха; також де егда родисе хс҃, много бж҇тво престана ѿ тоꙗ ст҃ь, и ꙗвисе истини ст҃ь, и вьси чл҃вци единомꙋ богꙋ да покланꙗютсе. градове и села и вьси написахꙋсе, подь кесарево повеление, и вьси еꙁйци, които верꙋвахꙋ вь христа стадоша ва едино цр҇тво, и подь единаго царꙋ христꙋ покоришесе; вьси чл҃вци написаха вь цр҇кою книгꙋ авгꙋста цесарова, и христиане написаха се вь цр҇тво нб҇ное, нарекохасе они чл҃вци авгꙋстови, нарекохме се и ниꙗ, които верꙋвахме вь христа, христиане; и хс҃ написасе на повеление кесарово, ради две вещи: прьво да покажеть намь, да имаемо покорение господином нам и на царие; ради таꙗ вещь рече хс҃ оу ст҃ое еѵглїе: дадите кесарꙋ кесарово и богꙋ божие, понеже ѿ начела оставиль е҇ да се повинꙋеме на царие, — второ е҇, понеже бехме порабощени врагꙋ, повинꙋвсе хс҃, да иꙁбавить на҇ ѿ повинꙋвение диаволское и да напишеть на҇ вь книга, иже рече пророкь давидь вь книгꙋ свою: вьси напишꙋтсе; поработивсе да сатворить на҇ да господьствꙋеме надь страсти; сь раби сачетав себе, да сатворить на҇ свои раби ꙗкоже рече апостоль павль: «егда прииде кончина лето, посла богь сн҃а своего рождени ѿ женꙋ, бившаго под ꙁакона искꙋпить, да вьсиновление вьꙁьприимем». Того ради и таковое подобно време прилꙋчисе и родисе хр҇тось.

Рекохме вьвтороє вьпрошение; да речеме и третое: кое време беше и кои м҇ць, егда се родисе хс҃? да речеме, една година четири времена имать; прьво време пролеть, второ жетва и врьшидба, трето есень, четврьта ꙁима. Пролеть нарицаетсе ѿ ꙁі. ферфара м҇ца до маиꙗ ꙁі. ѿ маиꙗ ꙁі до авгꙋста м҇ца ꙃі. нарицаетсе жетва. ѿ ꙃі. авгꙋста до ноевриа ді. нарицаетсе есень, ѿ ноевриа ді. до ферфариа. ꙁі. нарицаетсе ꙁимно време. гь нашь

ісУсь христось родисе декевриа м҃ца, иже е҃ ȥимно време, и велика ȥима беше онова време; того ради прииде х҃с, да пресечеть греховною ȥимУ и лютою и гор'кою помрьȥлицУ: вьса ȥемлꙗ помрьȥнала и поледела беше, неимаше добродѣтелнаа теплота и да вьȥьсиꙗеть пролеть богораȥУмие, и да ижденетъ ȥлое време, прельщение вражие хотеꙗше да раȥорить, многУ брань и мльва и метежь, да приведеть мирь и тишина вьсемУ мирУ, да раȥрУшить средостение гневУ и да савакУпить нбн҃а сь ȥемльнами, сиречь да савакУпить ȥаедно агг҃ли и чл҃вци. ꙗкоже рекох'м, како беше тогда велика ȥима, велика беше и гор'ка, понеже чл҃вци тогда еможахУ да видать небо, ни ȥвеȥди, ни м҃ць, ни сльн'це, никако неможехУ да видать би҃твни с҃ть и да поȥнають б҃жтво; того ради породивсе х҃с оу ȥимно време, да раȥрУшить ȥимУ и да приведеть пролеть. Нощь беше, егда родисе христось, ꙗкоже с҃тое еѵ҃глїе рече: пастирие бдехУ и стрежахУ стадо свое, и тогда преȥь нощи ѿидоша и наидоша христа рождена»; нощь беше, понеже хотеꙗше, да ȥамине т'ма, мракъ, гроȥота, срамота, гнУсота, гроȥота греховние вещи, и да прииде д҃нь спасение всемУ мирУ, и хотеꙗше да придеть сл҃нце праведное х҃с богь нашь, понеже помрачени чл҃вци потребно имь беше да видУть божие просвещенйе; пророкь ї̈саиꙗ рече: «людие седещеи вь тме и сени сьмрьтни», сиречь людие седехУ вь нераȥУмие, видеха велики с҃ть, кои ходить вь д҃нь, да дрьжить с҃тило; такожде и помрачени єȥыци: потьмна дела нихна беше ѿ нощи, и потребно беше имь да видУть с҃ть богораȥУмие. того ради в нощи родисе х҃с и вь ȥимУ.

И се с помощию божию раȥрешихме и третое вьпрошение, и да приидемь и на четврьтое, тако да речеме, «ѿгде раȥУмеше и придоша вльсви и поклонихасе христУ», и ради то да речемь. Пророкь моиси егда хотеꙗше да идеть въ обетУвною ȥемлю, сиречь вь ієр҃лимь и ѿгде поминУваха, пленеха онова место, ꙗко же попленише сиѡна цара амореиска, и града нарицаемаго ешевонь, поидоша и кь васточною ȥемлю, блиȥУ при ієр҃лимь. тамо беше царь вьлакь, снь сем'форовь; егда ги виде, како идУть оубоꙗсе и приȥва вьси свои магесници и рече имь: «видите ли

того еврейскаго рода, вь малꙋ дн͠и и на͠ бꙋдꙋть попленити, нь да видиме како да се иӡбавиме ѿ нихни рꙋце, и тако в'си сьбор'но, кꙋпно с͠а цара сатвориша сьветь, да приӡовꙋть м͠агесника валама с͠на веорова, иже беше вь онаа времена, аще кого прокльнеше, беше проклеть, аще кого благословеше, биваше благословень. того валама помисли царь да приӡоветь, да прокльнеть евреето. и васкоре посла царь чл͠вци и даде имь многꙋ дари да идꙋть скорꙋ, да приведуть в'лама. егда отидоша ѡни чл͠вци до валама и дадоша мꙋ дари, и рекоша мꙋ: «ӡовет' те царь; и да сьтвориши любовь да идеши при него». рече имь валамь: «пренощꙋваите таꙗ нощь ӡде, и аӡь таꙗ нощь да се помола богꙋ моемꙋ, и аще ми речеть богь да ида, аще ми речеть да не ида, непоидꙋ»; и остадоша ониꙗ чл͠вци. ӡаутра рече валамь на царовите чл͠вци: рече ми богь да неидꙋ с' вами; вьӡвратихасе чл͠вци и рекоша царꙋ како не хощеть да доидеть. паки пов'торо посла царь помногꙋ чл͠вци и помногꙋ дари посла и ѿидоша при валама. и рече имь валамь: «аще би ми даль царь таꙗ кьща пльна сась жльтици, не могꙋ да иӡьлеӡꙋ ѿ повеление божие; нь паки пренощꙋваите таꙗ нощь ӡде, и да видимь, що ми бꙋдеть скаӡати богь нь [1]) таꙗ нощь и ӡаутрꙋ бꙋдꙋ ви скаӡати». и рече мꙋ — иди; нь аще що бꙋдꙋ тебе рек'ти, то да твориши. И ӡаутра стана валамь и оуӡе свое мꙋле и поиде сась царевите чл͠вци, и на пꙋть ѿбисе мало ѿ дрꙋжинꙋ свою и аг͠гль божи стана предь мꙋлето и непꙋщаше его да идеть понапреди; валамь неможеше да види аг͠гла, нь поче и биеше мꙋлето. и оно ѿ бисе ѿ пꙋть и ходеше беӡьпꙋтьица; и ѡнь паки поче, та го биеше и ѡно оулеӡе оу пꙋͭ и мало поиде по пꙋтемь, и на едно место беше тесно, и ѿ тꙋва стена и ѿтꙋва, и не беше прилегь да побегне мꙋлето; и тамо оу тесно место стана аг͠гль предь мꙋлето, и неможаше понапредь да ӡаминеть. ѿбисе мало да ӡаминеть, и трьнь ӡакачи нога валамова, и потече кровь. и онь поче ꙗко да го бисть; и ради чꙋдеса да покажеть богь, ѡтвори богь на мꙋлето оуста и рече: чл͠вче, що искаши ѿ мене, та ме

---

[1]) Такъ въ рукописи.

толико биеши? рече валамь: «аще бихь ималь ножь, ʒаклаль бих те; почто неидеши правимь пѹтеᵐ, ꙗко и дрѹги добици, нь идеши беʒьпѹтица? рече мѹ мѹлето: нели ме имаши мене ѿ мради (sic) години? чи̇них ли ти̇ дрѹги пѹть така? нь сега видимь аг҇гла божии, и стоить на пѹть и непѹща ме да ʒамина. тогда погледна валамь и виде аг҇гла и егда го виде, оубоꙗсе и ѿ страха падна и поклони мѹ се; и рече мѹ аг҇гль: почто неправина толико биль еси мѹлето? не беше ти нищѹ криво: аʒь го непѹщахь да мине, и мислехь и тебе да оубие; не беше ми оугодно, како си пошьль. тогда валамь рече: прощаваи, господине, не можихь да те вида, како ти стоꙗль еси предь мѹлето; нь сега что ми повелеваеши да сатворѹ, да ида при цара валака, или да се въʒьвратимь? рече мѹ аг҇гль: иди, тькмо аще що бѹдѹ ти скаʒати, то да твориши. тогда аг҇гль невидимь бисть, и валамь ѿиде и стигна царовите чл҇вци. єгда валамь прииде при цара, иʒлеʒе царь, та го посрешна, и рече мѹ: почто прежде не си пришьль, егда те приʒваˣ, или небихь достоꙗнь да те почетемь, како требѹеть? рече валамь: сега приидохь, и аще що ми повелить богь мои, то бѹдѹ творити. и онаꙗ нощь тамо нощѹва валамь. и ʒаоутра царь валакь въʒведе валама на еднѹ високѹ горѹ, иже нарицашесе гора валѹ Богѹ. рече валаᵐ валакѹ царѹ: повели, царѹ, да поставать на. ʒ҃. места дрьва и да приведѹть. ʒ. тел'ци и ʒ. ѡвни. егда ги принесоше, ʒакла ги и сатвори валамь жрьтва богѹ; потоᵐ рече царѹ валакѹ: ти, царѹ, предстои ʒде жрьтвѹ мою, и аʒь да поидѹ потамь, и да попитамь бога моего, да видимь, що ми бѹдеть рек'ти, да творѹ. ѿиде, помолисе богѹ. и богь мѹ принесе на ср҇це негово, и рече царѹ валакѹ: приʒва ме ѿ месопотамиа да проклънемь евреете, и да благословимь моавитене; како могѹ да проклънѹ, които е богь благословиль, како могѹ да благословимь, които е богь проклель: многѹ є҇ семе паково и клетва на него не фащатсе, понеже богь го е благословиль. егда оуслиша царь валакь тиꙗ речи, рече вьламѹ: аʒь те приʒвахь, да ги проклънеши, а ти ги благославꙗши. рече валамь: аʒь то ти рекохь и прежде, аще що ми повелить богь, то хощѹ творити, и то хощѹ да речемь; и тогда

ѿиде царь на дрѹго место, и сатвори жрьтва, ꙗкоже и прежде; и паки богь отвори валамови оуста и рече: вьстани, царѹ, да оуслишишь що повелеваеть г҃ь; привел ме еси да ги прокльнѹ, и волꙗ божиꙗ несть: не ми е рекль, да ги прокльнемь, богь ги благослови, богь ги ваꙁрасти, богь ги оумножи, богь ги расьпространи, и кои ч҃лвкь можеть да ги прокльнеть; и хощѹть ꙗко львове да поꙗдѹть телеса сѹпротивникомь своимь. егда оуслиша царь валакь тиꙗ речи, оуꙗꙁвисе и рече валамѹ: аꙁь те приꙁвахь ꙁа дрѹго, а ти дрѹго твориши. рекох' ти царѹ и прежде, како не могѹ да иꙁлеꙁемь ѿ повеление божие. паки ѿиде царь валакь на дрѹго место, наречено форогь, и тамо сьтвори жрьтвѹ. ꙁ҃. телци и седьмь ѡв'ни.

И паки ѿврьꙁе богь оуста валамова, и рече кь народомь: тако рече валамь с҃нь веоровь, ч҃лвкь, егда видишь сакрьвени таини божии, неприлично є҃ да ги сакривешь, понеже многѹ множество є҃ родь іакововь, и богь є҃ сас нихь и хощеть ѿ того рода да се родить ч҃лвкь, многѹ множество хощеть да ѡбладаеть ꙁемлю, и ꙗко львь хощеть да легнеть да спить, и кои смеѣть да пристѹпить при него, да го сабѹдить. които него бѹдѹть прославлꙗти, хощѹть бити и они прославлени, и онна кои того хощѹть проклинати, хощѹть бити и они проклети; звеꙁда хощеть да васиаеть и ч҃лвкь хощеть да се родить, и хощеть да погѹбить царие, които му се непоклонꙗть. егда оуслиша царь тиꙗ речи, раꙁгневасе и рече валаму: многи дари мислехь да те дарѹвамь, нь самь погѹбиль еси свою почесть; сега скорѹ бегаи, да не погѹбиши свою животь. стана валамь и ѿиде вь ꙁемлю свою. и наскоре евреи поплениша васѹ ꙁемлю царѹ валакѹ. и магесници ѿтѹгава колико се родиха вь персидскои ꙁемли, васегда надеꙗхѹсе, когда да видать ѕвезда и да поꙁнають, како родился є҃ велики царь, когото цара прежде рече вльсва валамь, како хощеть да се родить велики царь. ѿтѹгава поминѹша а҃ ѱ҃ о҃, лета, догде се роди х҃с; и магесници, които беха ва онѡва време, егда видеха, како саврьшисе слово, коꙗ то бе рече рекль пророкь вльсва валамь, тогда оуꙁеше дари и последѹваша ѕвеꙁдѹ:

6 *

куде иде ѡна и они по нея, и доидоша до витлеемь оу пещера; ради таковою вещь принесоша вльсви дари христꙋ.

Нь благодарю рожденаго младенца христа, и поможе ми и изьтльквах и четврьтое вапрошеніе.

Сега хощеме да тльквеме и петое. и слишите да разꙋмеете, що нарицахꙋ се оним дари? многꙋ злато тькмо царꙋ прилично ѥ҆; царь да имать многꙋ богатьство и злато; того ради и пророкь давидь пророчествꙋеть и тако рече: «тебе принесꙋть цари дари, царие ѳарсисти, и острови дари принесꙋть, царие арависти и савадари дари принесꙋть; и поклонетсе емꙋ вси царие земльсти». и паки рече подоле того ѱалма: «и живь бꙋдеть и дастьсе емꙋ ѿ злата аравитска». того ради принесоха злато хꙋ, дарь почетень злато, ливань принесоша ꙗко богꙋ, понеже ливань нигде несть прилично, тькмо оу црква богꙋ. и пророкь давидь рече, да се исправить молитва моꙗ, ꙗко кадило предь тобою. и измирно принесоша, ꙗко тридневномꙋ мрьтвцꙋ, понеже ха помазаша сась измирно, и положиша го ва гробе, ꙗко же стое и бжтвное еѵглїе сведетельствꙋеть. това пророчествꙋвахꙋ дари, иже принесоше вльсви хꙋ. Исьтльквахме и петое вапрошение.

Ида приидеме и на шестое, ѿгде познаваша вльсви и принесоша дари хꙋ? и то ꙗвестьвно ѥ҆, како ѿ пророка вльсва валама разбраха, иже имь рече, како хощеть львь да легне да спавать. и познаха львь царꙋ подобань ѥ҆, понеже львь надь вси звери царь ѥ҆, бога познаха го, ꙗко же рече: аще кои будет го благословити, бꙋдеть благословень, аще кои го прокльнеть, бꙋдеть проклеть, сиречь, кои чловци почитать бога и творꙋть волю его и предь чловки познать го е; ꙗкоже рекохме темьꙗнь, нигде негде не есть прилично, тькмо единомꙋ богꙋ: того ради принесоше го хꙋ, ꙗко истиномꙋ богꙋ, мрьтваго разꙋмеша, егда почꙋша—хощеть да легнеть да спить, и принесоха мꙋ змирно. И шестое вопрошение протльквахме.

И да протльквеме и седмое, вльсви где наидоша ха—оу пещерꙋ ли, или на дрꙋго место? Това вапрошение имать многꙋ речи, понеже неци есꙋ рекле, како оу египта наидоха ха, егда

бе побегналь тамо сась матерь свою. сти ісидорь пилѹсийтски рекль ѥ҇ тако. тькмо нинꙗ да познаеме истинѹ, ꙗкоже иоань златсть повелеваеть, како оу пещера наидоше, понеже и самь златооустьрече, како бе пещера велика, и кондисѹваха трьговци, и вльсви сатвориша тамо неколико дни, понеже неимахѹ где да поминѹть ѿ многи народь, нь и аггль иже рече іосифѹ да бежить оу поустинꙗ. поустинꙗ нарицаетсе египьть, и не беше пѹсть ѿ чл҇вци, нь ѿ благодетель божи; оу пещерѹ надоша го, іосифа и бцѹ. истина ѥ҇, како оу пещера наидоша вльсви ха҇.

И да прійдемь и на ѡсмое вапрошение. да ли го помните, кое беше или го сте забѹвариле? многѹ слово слишахте, и мнить ми се, како малцина да го сте запомнили. тькмо да го речемь.

Вьпрашаю вась — ѕвезда, иже беше се ꙗвила на онинꙗ магесници, тогава ли беше са ꙗвила, или беше како и дрѹгите ѕвезди? аще би била како и дрѹгите ѕвезди, хотела би и понапреди ꙗвитисе; нь не беше естествена ѕвезда, нь аггль божи беше, и тако им се видеше ꙗко ѕвезда и показѹваше имь пѹть; и неможахѹ вльсви да видать аггла, нь ва место аггла ꙗви им се ѕвезда, да се саврьшить слово, иже рече валамь. нь незнамь кое да тлькѹю и кое да нетлькѹю. понеже многѹ варазѹмление имать и ѿ многѹ варазѹмление оупадаю вь недоѹмение. нь слово ме принѹждаеть и празнична любовь да глаголю многѹ. тькмо вь кратце да рекѹ, и да приидѹ и на деветое вьпрошение.

И да речеме, тaꙗ ѕвезда колика лета напредь предь рождество хво ꙗвисе, понеже аще би се заедно ꙗвила, како биха толико скорѹ пришле вльсви и да наидать ха҇ оу пещера. и да речеме речи ѿ црьковни наши оучителе. Рекоше, како повеле іродь царь да оубиють деца ѿ две годинп и помалки. тогда еще беше хс҇ оу пещера, и наидохме, како тако ѥ҇ истина, како две годинь понапрѣди ꙗвисе ѕвезда и водеше вльсви ѿ персидь до виѳлеемь. можехѹ и поскорѹ ѿ две годинь да приидѹть, нь тако беше волꙗ божꙗ, да се забавать и да обидать многѹ место; и питаха ги чл҇вци: кѹде идете? и они речехѹ: «родилсе ѥ҇ велики царь, и идемь да мѹ се поклонимь; и речеха имь, како можеше го наити, где са е ро-

диль? а ониречехѸ: «гледаме на небо, и ïма една ѕвеѕда, и она кѸде идеть и нига по нега идемь». тако ѥ҃ истина, две лете прежде гависе ѕвеѕда, понеже егда гависе аг҃гль на магесниците и рече имь, да нейдать при ïрода цара, нь на дрѸги пѸть да идать, оу пещера имь рече. И деветое вапрошение иѕътлькѸвахме.

И да придемь и на десетое вапрошение, по что попрежде невапльтисе хс҃, нь на последнаа лета, и остави толики дш҃и, и ѿидоха оу мѸка? еще това да иѕътлькѸемь, и потом и дрѸга да речемь, и да саврьшиме слово, понеже многѸ словеса реко, и не беше подобно, и како не беше подобно, понеже праѕдника нашего чесние вещи несѸ просто и неиѕвещени, и вьси ѕнаете и мали и великï, како ѥ҃ дн҃ь рождество хв҃о, како спасение вьсемѸ мирѸ бисть. Аѕь да начнѸ ѿѕде да иѕътлькѸю и десетое вапрошение. верѸемь и ïѕьповедѸемь и васи ѕнаемь, како богь есаство ѥ҃ благь, милосрьдь, щьдрь, дльготрьпеливъ, никогда не мислить чл҃вкѸ ѕло, нь васегда добро мѸ мислить, васегда ѕа дѸшѸ спасение негово радить. и ѿ многое благостиню свю прежде сатвори аг҃гли и они да есѸ причатени ѿ благодеть божию; и неугодно би҃ доѕде бг҃Ѹ да бѸдѸть аг҃гли, нь сатвори дрѸги ст҃ь ни мало некое подобïе не имать на бж҃тво. и ѿ тига две ѕданиа божïа — едно сась дрѸго неимахѸ прилик; последи хотегаше многѸ мѸдрость да покажеть, и ѿ тиг две ѕданиа смеси и сатвори чл҃вка, и сатвори го и никогда да неоумираеть и да ѥ҃ видимь и невидимь: да есь видимь, понеже имать тело, а невидимь, понеже имать дш҃а да ѕаповедаеть на вьса ѕданиа божиа и да ѥ҃ подь ѕаповеди божие: ѡнь да се покланѧеть богѸ, и васа ѕданиг божиа да се покланѧеть емѸ. саѕдаде богь адама и остави го на свог волг; тькмо едина ѕаповедь порѸчи мѸ да дрьжить и да ѕнаеть, како имать надь себе господина. имаше време, да речеть богь адамѸ, да гадеть ѿ онова древо, нь не почека адамь, догде да мѸ речеть богь да гадеть, нь беѕь волг божиа оуѕе и гаде, и того ради иѕгнань би҃ иѕ раг, и прииде на таг проклетаг ѕемлг. и егда се наплодиха чл҃вци ѿ адама, гако ѿ преслѸшника и престѸпника, ѕаповедь божи рождени почеха ѕло да творать, блюдь, прелюбо-

деиство, ꙁависть, ненависть, оубииство, идолопоклонство, и васа ꙁла творахꙋ. които са оугодни врагꙋ. и богь хотешѣ да ваꙁвратить члвчскаго рода ѿ прельщение вражие; и вьсегда покаꙁꙋваше ꙁнамение и чюдеса, и потопь наведе по васꙋ ꙁемлю и градове потопи, а дрꙋги сась ѡгнь иꙁгори, и многа чꙋдеса покаꙁꙋваше имь богь, да но се биха оубоꙗле, и да поꙁнаꙗть бога. коньчно, егда виде богъ, како никако члвци необратихасе на добро, прїиде самь и вапльтисе ѿ пречистие девици марїи. како попрежде не приидe? понеже еще вьси пророци не бехꙋ пророкле, и еще вьси члвци не бехꙋ се иꙁбрали, да се поꙁнають, кои са доброоумни и ꙁлиоумни; еще предитеча іѡань небеше рождень, пꙋть покаꙁатель не беше се ꙗвиль, проповедникъ еще не бе проповедаль, како хощеть да приидеть хс, предь цара идеть проповедникь, и покаꙁꙋеть како хощеть да приидеть царь нбни хс; того ради на последнаꙗ лета прїиде хс, ꙗкоже и апостоль павель сведетелствꙋеть и тако рече: «егда приидеть кончина лето, посла богь сна своего раждающаго се ѿ жени, бивающаго подь ꙁаконом, да подьꙁакони искꙋпить да васинение приемлеть».

И се с помощию божию иꙁьтлькꙋвахме и десето вапрошение. слава рожденомꙋ млнцꙋ христꙋ. дньсь пророкь моиси пророчествꙋеть, тако рече: «пророка хощеть богь да воꙁдвигнеть ѿ братиꙗ наша ꙗкоже и мене; того по васе оуслишите. аще васака дша непослꙋшаеть того пророка, потребитсе ѿ лица ꙁемли». по что ради нарицаеть ха пророка? сиречь понеже вса помишлениа всакомꙋ члвкꙋ ꙁнаеть що мислить, и що имать на срце или ꙁло или добро, и ꙁнаеть що хощеть да бꙋдеть и напреди и последи, прорече о раꙁьрꙋшение иерлимово и ꙁапꙋстение храмꙋ, и тако и саврьшисе. почто ради рече, ꙗкоже и мене? сиречь, ꙗкоже моиси члвкь беше, тако и хс: члвкь хощеть бити, тькмо беꙁ греха. како положи хс ꙁаконь. (Одного листа недостаетъ).

Мꙋжие и жени, понеже ꙁемлꙗ и пепель есме, да се не ваꙁносиме са телесное оукрашение, понеже самрьт ни чекать; да не творимь блюдь и прелюбодеиство, понеже вечна мꙋка и огнь геенски ꙁа тако творещимь оуготовань є; да не многꙋ ꙗдеме и пиеме, и

ȥаоутрꙋ паки хощеме ꙗсти и пити—колико многꙋ ꙗдеме и пиеме, толико многꙋ искать ꙗсти и пити. наоука е҃, коꙗ потреба е҃ ѿ многꙋ ꙗстїе и питие: тькмо тело да гоиме, а на дш҃а ни една помощь неимать. колико чл҃вци тоꙗ дн҃ь раȥлично и красни премени носиха, и многꙋ ꙗдоха, и доволно пиха, и играха, и смеꙗхасе, а сега есꙋ стали прахь и пепель и кости имь почрьнели, и смрьдꙋть оу ȥемлю. нь блажени есꙋ ониꙗ, които ꙗдутъ и пиють са҃ страхо^м божи. нь сиромаси да нахраниме, голи да облечеме, страни да введеме ва доми наши, болни да пригледаме, и които са вь тьмници, да идеме да имь дадеме телеснаꙗ потреба, ꙗкоже рече хс҃: аще кои мене любить и искать да ме наидеть и да ми сторить (sic) добро, да идеть оу темница—тамо да ме наидеть, да идеть при болного—тамо да ме наидеть; вь нищїи и ꙋбоги доми тамо да ме наидеть, да идеть где плачꙋть и ронатъ сльȥи правда ради, тамо да ме наидеть; да идать где плачꙋть сироти и сиромаси и аȥь тамо есьмь и оутешавам ги ѿ печали и скрьби и отривамь имь очи ѿ сльȥи. Аще тако бꙋдеме творити, тогда праȥнꙋвати бꙋдемь влчни праȥникь, тогда трьжествꙋвати бꙋдемь господьско трьжествѡ, тогда да ваȥрадꙋемсе и да речемь, како праȥнꙋвахме праȥникь рождество хв҃о. тогда радꙋютсе аггли, тогда веселютсе праведни, тогда приемлеть наша приношениа, тогда посрамлꙗютсе врагове, тогда скрьблють и ждꙋть (конца недостаетъ).

(Изъ той же рукописи).

Мц҃а априлиа кг҃ мꙋчение великомꙋченика геѡргиа.[1]) слово тлъкꙋвано ѿ дамаскина инока, иподиꙗкона и стꙋдита. ѿче благослови прочести. (л. об ȥи҃—ог҃).

Праȥници и тръжаства ст҃имъ, почто ради поставлени биша? не ȥа дрꙋго, нъ тъкмо ради дш҃евное спасение поставлени биша,

---

¹) Составитель этого слова пользовался апокрифическимъ житіемъ великомученика Георгія, но изложилъ всю исторію нѣсколько сокращенно; въ концѣ приложены чудеса св. Георгія послѣ его смерти.

и не да се ꙋпраζниме ѿ работа и да работиме врагꙋ и бесꙋ, и немного да ꙗдеме, и да пиеме, и да играме, и да поеме, и да нетвориме телесна ꙋгодиа: нъ да се ꙋпраζнимъ ѿ работа, и да идеме въ цр҃ковъ да послꙋшаме слово божие, и да раζбереме, како ѥ҃ творилъ ст҃и, его же праζнꙋеме— ꙗкоже и ст҃и геѡргиа, его же данъсъ праζнꙋемъ. тои беше въ ц҃ртво диѡклитиꙗна и маζимъꙗна. Въ ѡниа лета беше геѡргиа. к҃. летъ ѿ благочъстиви родителя рожденъ. г҃. лета беше, егда мꙋ ꙋмре ѡ҃цъ и ꙋзе го мати негова и ζанесе го въ свое ѡтъчъство: егда приидe ӣ҃. лета, поиде при диѡклитиꙗна цара, написасе воинъ. тогда ꙋмре и мати негова: и онъ колико наиде богатаство раздаде ги нищимъ и ꙋбогимъ, и почꙋ, како се съвещаваютъ єлине, да мꙋчатъ христиꙗне ради вера. тогда и геѡргиа хоте да се ꙗвитъ, како естъ христианинъ. єгда бехꙋ се събрали да се зговоратъ, како да мꙋчатъ христиꙗне, рече ст҃і: «и аζъ христиꙗнинъ есмъ»: егда ꙋслиша царъ, како рече ст҃и и аζъ христиꙗнинъ есмъ, рече царъ магнеитїю да приζоветъ ст҃го наѡсобъ, да го въпроситъ. и рече мꙋ: скажи ми, геѡргие, почто говориши такови речи? рече ст҃и: аζъ хрїстиꙗнинъ есмъ і имамъ на христа моего надежда: того ради скаζахъ вамъ, и х҃а исповедахъ пред вами за истинаго бога. и царъ рече: да млъкнꙋтъ людїе. рече ст҃омꙋ: аζъ хотеꙗхъ тебе понавелїко господъство да те поставимъ, но молю те, послꙋшаи мене, да не погꙋбиши свою младость: нъ прїиди и поклонисе великимъ нашимъ богомъ, да прїимеши велика почъстъ ѿ мене. тогда ст҃и геѡргиа рече: добро беше тебе царꙋ, да поζнаешъ истинаго бога и да ти дадетъ ц҃ртво н҃бное, понеже това твое ц҃ртво скорꙋ погибаетъ. такова глаголаше ст҃и. царъ же раζгневасе на ст҃го, повеле да го ζбодꙋть с҃ъ копие по мишцꙋ: и едино копие извиса, ꙗко ѡлово, и неможе да прободетъ ст҃го; потомъ поставиша ноги ст҃ому въ клади и на груди поставише мꙋ велики камень, и вьсꙋ нощь лежаше ст҃и подъ камень и благодареше бога; егда д҃нь бисть, повеле царь и иζвадиха ст҃го ѿ темница, и рече мꙋ: да ли се еси покориль ѿ вечерьниꙗтъ ꙋмь и ѿ дрьζновени колико ималь еси? тогда рече ст҃и: с таково ли мꙋчение надеешисе да ме прельщиши,

да се ѿречемь ѿ истинаго бога: да видимь, да ли мене хощетсе досадити ѿ мꙋчение, или тебе хощетсе досадити да ме мучиши. тогда повеле царь и принесоша велїко коло: имаше наѡколе нарѣдени ѡстри ножеве въ дици: едни режехꙋ, дрꙋги порехꙋ, дрꙋги раздирахꙋ; и принесоха голема даска: имаше наредені ѡстри пироне—едни прави, едни кріви: и поставиха стго на ѡнаꙗ даска, и почеха да врътатъ ѡнова коло. и сревахa мꙋ телото: сти потаино молеше се богꙋ; нечъстиви же радꙋвахꙋ се, како мꙋчеха стго, и присмевашесе и рече мꙋ: где есть богь твои геѡргие, да ти помогнеть? тако рече царь, и ѿиде да се поклонить аполонꙋ; егда тако рече царь, бисть велики громь, и ѿ небеса гласъ речесе: не боисе, геѡргїе, аѕь с тобою есмь; по того гласа стана ꙗсно: и прииде аггель ѿ небеса и ѿвеза стго: тогда воине поведоха при цара: егда виде царь, како неимаше ни мала рана на тело стомꙋ, почꙋдисе царь, и двои воиводи—анатолїа и протолїа верꙋваха въ истинаго бога. и повеле царь да ги посечꙋгь. и дрꙋго мꙋчение измисли царь, да сътворить стому: повеле да го поставать вь варнїца негасима. егда го поставиша, єипаха вода, поче варь да кипить. три дни сътвори сти у варницꙋ. повеле царь да идꙋть воине да сакриють тело стомꙋ да го ненаидꙋть христиꙗне да го погребꙋть; никако ненадеꙗшесе да го наидать живъ: многꙋ чловци ѿидоша на варницꙋ и наидоха стаго стоꙗше правь ꙋ варницꙋ; вьси единогласно рекоша: велики богь есть, его же геѡргии проповедꙋеть; тогда царь вапроси стаго: скажи, скажи намь, геѡргие, како твориши тїе магии? и повеле да принесꙋть жилъни ѡбꙋща; имахꙋ вънꙋтарь ѡстри пироне: и ѡбꙋха стго и поведоха го и биеха го скорꙋ да идеть, и ѕатвориха го ва темницꙋ. и ни едино врeждение ѿ ѡбꙋщиꙗ не прииде мꙋ. повеле царь да положꙋть светаго на ѕемли и да го биють по коремь и по плещи: и напоисе земꙗ ѿ кръви стомꙋ и ѿ бои никое зло не прииде стмꙋ. тогда диоклитиꙗнь рече предь престающимь: воистину магесникь есть геѡргиа; ѿвеща магнентиа и рече: имать єдинь добре ѕнаеть магии, да направить, да ꙋтровить геѡргиа. приѕва царь аѳанасиа магесника и порꙋчи мꙋ да сторить (sic) да ꙋтровить

гоωргиа. рече аѳанасиа: ѹтре до ωбеть да будеть волιа твоιа, царѹ. повеле царь да поставать с͠таго вь темницѹ: и вьсѹ нощь малιаше се богѹ. егда д͠нь бисть, седе царь на равно полιа; прииде и магесникь аѳанасиа. и ношаше две грънета магии и рече: повели, царѹ, да приидеть геωргиιа, да го сатворѹ, да се покорить на твое повеление. егда го напоимь с̑ъ лева рѹкѹ дрьжимь грьне, хощеть да се покорить, аще ли го напоимь с̑ъ десною рѹкѹ, дрьжимь хощеть да ѹмре. егда прииде геωргиιа, и с̑ъ дрьзновение приеть едино грьне, и прекръстиси и рече: г͠ли і͠се х͠се, ιако же рекаль еси, егда испиете вьсака ѹтрова, раби твои, ва име твое, невреждени бивають: и тако испи ωнаιа ѹтрова, и никакое зло мѹ не прiиде, на стоιаше и присмевашесе прелащеномѹ царѹ. егда виде царь, никое зло неприиде мѹ, повеле магесникѹ да го напоить, и ѿ дрѹгата ѹтрова, да го ѹморить. егда и неιа испи с͠ти никое зло мѹ неприиде, тогда рече царь: скажи намь, геωргие, како твориши тиιа магии? рече и с͠ти: непомишлιаи, ѡ царѹ, како де (sic) творѹ магии: вь богъ егоже азь верѹю ωнь творить такова чѹдеса, да познаюти люди прелашени, какова сила имать истині богь, и да го верѹеме: и тако наѹчи нась и рече ни: небоитесе никои не можеть вась ѹбити безь волιа моιа, не можеть ни едино влакно да ѹзметь ѿ глави ваши, догде азь да не повелимь, рече г͠дь; еще и дрѹго можеть да творить богь нашь: болнимь здравие даваеть, хроми повелеваеть да ходать, слепимь ωчи ѿвараеть и гледать и мрьтви вскрьшаеть. тогда царь рече аѳанасию: что хощеши, да речеши. аѳанасие, ради тиιа речи? рече аѳанасиιа: и наши велики богове творать чѹдеса, на доселе несме чѹле мрьтви да ωживееть. тамо, близѹ имаше гробь; рече аѳанасиιа: повели, царѹ, геωргию, можели ωживити того мрьтовца; тогда п͠рски намесникь магнентиа извади с͠тго ѿ жилеза: сега да те видимь, геωргие: покажи чѹдеса богѹ своемѹ; рече с͠ти: господине магненьтие: богъ с̑ъ едина речь сътворя вьса видима и невидима: не может ли и сего мрьтваго ωживити. тако рече с͠ти и преклони колена свои на земли и с̑ъ сльзами потаино помолисе богѹ и рече: г̑ди, вьскрьси мрьтовца сего, да видать ненавидещеи те и да се

посрамать, ıако твоıа есть слава ва веки аминь; и по аминь бисть громь и мльние: и гробь отворисе и мрьтви иꙁь гроба иꙁиде и стана посреде народа: и васи людие рекоша: великаго бога геѡргиева верꙋемь: магесникь аѳанасиа прииде и паде на нозе с҃томꙋ. тогда рече царь: видите ли, людие, что сатвори проклети аѳанасиа! сатвори волıа магесникꙋ геѡргию: и рече-да ꙋморить го, а онь го напои поꙁдравь да бꙋдеть: и сатвориха некое привидение, како де вьскрьсиха мрьтовца! тако рече царь и повеле да посечꙋть аѳанасиа и вьскрьшаго ч҃лвка, и с҃таго да поставать вь темницу. царь поиде вь полати свои, да измислить что да сатворить. егда идеше с҃ти вь темница, молıаше се богꙋ и благодареше и глаголаше: «благодарꙋ те, г҃ди боже мои, ıако неси мене посрамиль предь нечастиви». идехꙋ ч҃лвци вь темницꙋ, да ги поꙋчи с҃ти: а дрꙋги болни искаху исцеление, дрꙋги на верꙋ се ꙋтврьждабаха; единь ѿ нихь, именемь гликерйа беше ѡрачь. егда ѡреше, ꙋмре мꙋ единь воль, ѿиде при с҃тго и сказа мꙋ ради вола: и с҃ти мꙋ рече: иди на нивꙋ, хощеши да го наидеши живь. ѿиде кликериа и наиде вола жива. тогда великимь гласомь вазꙋпи: истинаго бога проповедꙋеть геѡргиа. егда почꙋ царь како верꙋва х҃а, повеле да го посечꙋть: вьне ѿ града посечень бисть кликéрйа. некои клирици рекоха царꙋ: геѡргйа вь темницꙋ непрестано идꙋть єлйне и творй ги христиıане: егда прииде царь ва капище аполоново, повеле да приведꙋть с҃тго; егда прииде свети, рече царь: непоꙁнаваш ли, геѡргїе, колико ч҃лвколюбйе показꙋю азь тебе, и жалимь твоıа младость? рече с҃ти: «потребно беше царꙋ ѿ начела да покажеши такова любовь». егда почꙋ царь такови речи, помне мꙋ се, како хощеть да се поклонить на идола, и рече мꙋ царь: да те имамь, како своего сина; рече с҃ти: «приди, царꙋ, и аꙁь да идꙋ да видꙋ ваши богове». тогда царь повеле вьси болıаре да приидꙋть, и да видꙋть, како хощеть геѡргиа да се поклонить нашимь богомь: придоха и вьнидоха ва капище, да видꙋть, что хощеть да сатворить с҃ти: егда ваниде геѡргйа ва капище, простре десною свою рꙋкꙋ на аполонꙋ и рече: «хощеши ли, аполоне, да ти се поклонимь ıако богꙋ?» рекоша врагове които беха ꙋ аполона: «ниıа несме богове;

кого ти верꙋеши, тои есть истини богъ»; егда тако рекоша, побегоше бесове. тогда идоль паде и сакрꙋшисе. тогда приидоша людие и поимаша ст҃аго, и ѕаведоша го предь цара, и рекоша мꙋ: доколе дрьжиши сего магесника? хощеть и капище да ѡбвалить; тогда и алеѯандра царица изиде предь народа и рече: «боже геѡргиѡвъ, помози ми». тогда приѕва царь ст҃го и рече мꙋ: «такова ли ваздание ваздаде ти мене!» и ст҃и рече: «безьꙋмни царꙋ, тако се наꙋчихъ, да ꙋкореваю безчасни твои богове, тако они глаголахꙋ. прииде и алеѯандра царица: егда виде ст҃го, паде на нозе его и целꙋваше мꙋ нозе: тогда повеле царь воиномь да ꙋзмать геѡргиа и алеѯандра царица, да гй йзвадать вонь из града да гй посечꙋть; егда приидоша до негое место, седе алеѯандра на единь камень, да си починеть, и тамо предаде чн҃ꙋю сво дш҃ꙋ вь рꙋце божии. тогда ст҃и геѡргиа прослави бога и рече: «прийми г҃ди и дш҃ꙋ мою и даждь ми г҃ди дарь: кои прошꙋть ѿ мене некое прошение да имь биваеть». тако молешесе ст҃и, и посекоше го воине; и неговь слꙋга приеть чесни мощи и ѕанесе гї вь негово ѡтечество.

И хощꙋ да скажꙋ неколико чꙋдеса, иже сатвори ст҃и.

Вь сирискою землю вьсхотехꙋ христиꙗне да сатворать красна ц҃рква ва име ст҃омꙋ геѡргию, и ва ѡнова место неимаше камение ради стлпове; поидоша по дрꙋго место и наидоха многꙋ красни камение: и ва единь градь беше некоꙗ вдовица жена; и ѡна кꙋпи красни стлпь, да го последъ, да го поставать вь ц҃рковь стомꙋ геѡргию; вьпроси корабъначелника, и рече мꙋ: кꙋпихь стл҃пь, да го занесеши, да го поставать вь ц҃ркви; рече корабꙋначелникь: не могꙋ да го ꙋзма, понеже напльнильсе ѥ҃ корабь, и не имамь где да го поставимь; и ѡстана стлпь на краї море. корабь ѿиде: тогда зажалисе ѡнаꙗ жена и вьсꙋ нощь жалеше и плакаше, како не можи да послеть стлпа. и ва ѡнаꙗ нощь ꙗвийсе ст҃и геѡргиа и рече и: «почто плачеши жено?» ѡна рече: «многꙋ жалимь, како не ꙋзеша стлпо». рече ст҃и: на коꙗ страна хощеши да го поставать? рече жена: «ѡ десна страна да го поставать». рече ст҃и: «подигнї и ти, да го послеме да идеть». Тако се виде на сьнь та жена: и ѡна помогна и поставиха стлпо ва море. и неци

чл҃вци ѿ града приидоха на краи море, и наидоха стлпо на краи море: и беше написано на стлпо, да се поставить ѡ десною стра҇нꙋ ꙋ цр҃кві.

(Слѣдуетъ перечисленіе другихъ чудесъ святого).

И егда твориме празници ст҃омꙋ, да не твориме ꙗкоже творехꙋ елине: егда творихꙋ празници на свои богове, пиꙗха и ꙗдеха, и поꙗхꙋ и играеха, и много безьчестиꙗ творахꙋ; какови имь беха богове, такови и почести имь творахꙋ; егда и ниꙗ тако сатворимь, ѡбезьчествꙋемь наши ст҃и. ꙗкоже рече исаїа пророкь: «горе, които пиꙗть вино съ тьпане и съ свирки играють, и нерадꙋть да саврьшꙋть заповеди божи и ради свою дш҃ꙋ».

Егда тако бꙋдемь творити, тогда бꙋдемь ѿ бога имети милость и ѿ ст҃аго помощь, и бꙋдем се сподобити и цр҃тво небесно полꙋчити ѡ хр҃се їсе гд҃ꙋ нашемꙋ. томꙋ подобаеть вьсака слава, часть и поклонение сь безначалнимь его ѡ҃цемь и прест҃имь дꙋхомь и ниꙗ и присно и ва веки вековь амінь.

ПАМЯТНИКИ

НАРОДНАГО ТВОРЧЕСТВА.

СКАЗАНІЯ И ПѢСНИ АПОКРИФИЧЕСКАГО И МИѲИЧЕСКАГО ХАРАКТЕРА; ПѢСНИ КОЛЯДСКІЯ И ХОРОВОДНЫЯ.

№ 1.

Записано въ г. Пиротѣ со словъ одной старой женщины (5 ноября 1879 г.).

Какъ произошло различіе славянскихъ языковъ?

Кадá богорóдица Исýса породи́ла, бѣгáла отъ Еврее и Турци по грáдама и чувáла се да дю (sic) не найду. Де е би́ла, оставила различи-то ези́ци, разли́чи-то премѣ́ну оставила. И такò Руси, Българе, Серби.

№ 2.

Обрѣтеніе креста Господня.

Соф. Окр., село Бояна[1]); 30 янв. 1880 г. записано со словъ крестьянина той же деревни Стоянча Величкова.

Служба служи цара Костадина,
Та покани редомъ свето-оци;
Па ойдоа у чесна тарпеза;
Та ги служи това добро вино;
Межу себе дума продумаха:
«Се ни служба добра поканета,
Да си има наши чесни керсты,

---

[1]) Село Бояна находится у подошвы горы Витоши, близь города Софіи; отъ жителей этого села и села Суводолъ я слышалъ, что на одномъ очень недоступномъ мѣстѣ горы Витоши, въ близи села Бояны видны прикрѣпы, за которыя привязывались судна — корабли.

*

Тогай би се вѣра увѣрило,
Тогай би се законъ запознáло».
Дочула ги царица Елена —
Говорила цару Костадину:
«Фала, цару, фала Костадине!
Ты поканилъ тія добры гостье,
Добры гостье си-те свето-оци;
Межу себе они дума продумаха:
«Какво нема наши чесни керсты»;
Фала, цару, фала, Костадине!
Я си ойды у Феруна града
И си фани царя Евреяша,
Та го мочи три дни и три нощи,
Да си каже наши чесны керсты».
Послуша а цара Костадина,
Та си ойде у Феруна града,
Та си фана царя Евреяша,
Та го мочи три дни и три нощи:
Смерть пріима, керсты не казува.
Проговори царица Елена:
«Фала, цару, фала, Костадине!
Я си фани царица еврейтя,
Та ю мочи три дни и три нощи,
Она че ти каза, де е наши керсты».
Послуша а цара Костадина,
Та си ойде у Феруна града,
Та си фана царица еврейтя,
Та ю мочи три дни и три ночи:
Смерть пріима, керсты не казува.
Проговори царица Елена:
«Фала тебѣ, фала, цару Костадине!
Я си фани на царица еврейтя
Това мышко дете,
Та го мочи три дни и три нощи —

А майтя за дете си не трае,
Я она те керсты да иска́жи».
Послуша а цара Костадина,
Та си фана на царица дете:
Оште не го замочило,
Изгово́ри царица еврейтя:
«Фала, цару, фала, Костадине!
Я не мочи мое мышко дете,
Я ще кажемъ ваши чесны керсты:
«Рано рани, цару Костадине!
Рано рани у гола планина,
У Планина — у Сива Грамада,
Да си найдешь три стърка босилёкъ;
Камо найдешь три стърка босилёкъ,
Тамо найдешь ваши чесны керсты».
— Рано рани цара Костадина,
Рано рани у гола Планина,
У Планина — Сива Грамада,
Рано рани со-съ негови слуги,
Да си найдатъ три стърка босилёкъ,
Да си найдатъ плёча становница.
Отшили па и нашли:
Подигнаа плёча становница,
Та найдоа наши чесни керсты;
Занесе ги цара Костадина,
Занесе я на негова служба;
И па покани триста свето оци
И остави ги у чесна тарпеза.
Тогай се вѣра увѣрило,
Тогай се законъ запознало,
Тогай се царство укрѣпило.

№ 3.

Записано со словъ одной старушки въ селѣ Великій Вербовниикъ (Кюст.-Бан. окр. 9 дек. 1879 г.).

Кога́ се вѣра развѣрила, кьрсы погинали, Евреи ги умерсна́ли. Собралисе семдесе попове при нова церква и сказали: каде́ си поденали: наши чесны керсы? Па старея сказалъ: «фанете Еврейского цара». Фанали го, но онъ не казалъ. Фана́ли Еврейска царица, но и она не каза́ла. Каде́ фана́ли негово машко дете́, оно каза́ло: «не мачете мое машко дете́; я че кажемъ ваши чесны керсты: керсты ваши надъ Фекира града, надъ Фекира висока моги́ла, надъ могила одъ мермеръ пло́ча; подъ плоча-та три страка босилёкъ. Рано ранатъ мерсны-те Евреи, та го бератъ, а не може да найдатъ; но вы рано раните у света босилёкъ, и найдете ваши чесны керсты». — Тогай нашли се чесны керсты; тогай сме покерстили; а до-тогай били сме безъ керста.

№ 4.

Крещеніе Ї. Христа.

Городъ Дупница; 11 дек. 1879 г. записано со словъ Стефана Станоева, бѣженца изъ Джумалійскаго округа.

Замачисе Божя майка
Одъ Игната[1]) до Божича,
Да си роды млада Бога,
Млада Бога и Божича.
И си роды́ млада Бога
И роды Божи́ча;

---

[1]) День св. Игнатія Богоносца считается великимъ праздникомъ; въ народѣ укоренено повѣрье слѣдующее: первый кто войдетъ въ этотъ день въ домъ изъ людей непринадлежащихъ къ семьѣ приноситъ съ собою счастье цѣлому дому: вошло въ обычай — въ этотъ день не давать ничего изъ своего дома (село Бобошево).

Понесе го да го кърсты;
И се шетна́ на-горъ, на-долъ,
На-горъ, на-долъ возъ Іордана;
На срѣшта светый Никола;
Говори́ светый Нико́ла:
«Доберъ денъ Божья мале»!
—«Далъ Богъ добро́, светый Николо»,
«Язека си до тебе идемъ,
Да ми кырстишь млада Бога,
Млада Бога и Божича».
— Изговори светый Нико́ла:
«Я не смѣемъ, неумѣемъ,
Да ти кырстимъ Млада Бога;
Оде Іована Кърсти́теля,
Што-то керсти небо — земля,
Што-то керсти гора́ — вода́,
Той ште ти керсти Млада Бога».
Па си шетна́ Божья́ майка
На-горъ, на-долъ, низъ Іордана.
На срѣшта и свети Іованъ:
«Доберъ денъ ти Божья́ майко»!
— Далъ Богъ добро́, свети Іоване!
И язе-ка си до тебе-ка идемъ,
Да ми керстышь Млада Бога,
Млада Бога и Божича».
— И си Флезна во-фъ Іордана,
Завилъ се свилни полици,
Да си керсти Млада Бога;
Вси се дервья преклёниха,
Едно́ си дервье не преклёни,
И оно́ бѣше абленово [1]);

---

[1]) Сказатель не зналъ, какое это дерево.

Проклела го Божья́ майка:
«Е ты дерво абленово!
Цвѣтъ, да цавти́шь,
Ражба да не машь».

№ 5.

Дупническій округъ, село Рыло; доставлена мнѣ 20 янв. 1880 г. народнымъ учителемъ дьякономъ Христою (Христофоромъ) Димитріевымъ Куюнджискимъ.

(На Р. Хр.)

Пошла си Божя майка Марія
Низъ Іордана возъ Іордана на-го́ре;
Въ рацѣ носи млада Бога Господа;
На срѣща и светъ Никола убавы;
Гово́ри му Божя майка Марія:
«Э ты-зе-ка, светъ Никола у́бавы!
Тебе трасехъ, тебе найдохъ;
Да ми кърстишь млада Бога и Господа́!
Гово́ри и светъ Никола убавы:
«Э ты-зе-ка Божя майко Маріе!
Я не смѣю ни во-фъ погледна,
А камо ли азъ Него да кърстимъ;
Я си шетни още мало по-наго́ре,
Ще си стрѣтнешь Светъ Иванъ,
Що е кърстилъ слънце — мѣсецъ на небо,
Що е кърстилъ гора — вода на земя,
Онъ ще кърсты Млада Бога и Господа!»
Послушала Божя майка Марія,
Та се шетна аще малко по-нагоре,
Та си срѣтна светъ Иванъ креститель.
Гово́ри му Божя ма́йка:
«Э ты-зе-ка светъ Иване крестителю!

Тебе трьсихъ, тебе найдохъ;
Да ми кьрстишь Млада Бога и Господа»;
Говори и светъ Иванъ Креститель:
«Э, ты-зе-ка, Божя майка Марія!
Постой малко, та поче́кай,
Да си запремъ слъпце — мѣсецъ на небо
И да запра гора — вода на земи»
Та си запре слъпце — мѣсецъ на небо
И си запре гора — вода на земи,
И си кьрстилъ Млада Бога и Господа.

№ 6.

Городъ Радоміръ; 29 ноября 1879 г. записано со словъ Таски Петрунова Моавійскаго.

Станишине господине!
Спишь ли, спишь ли разбуждайсе!
Добри са ти гостье до́шли,
Добре гостье коледжане;
Подобаръ гласъ ти донели:
Ягненца се изъягни́ли,
Ждребчинка се ождребили,
Пи́ленца се извади́ли,
Крави се се истелили,
Со-съ млады тельчинка.
Пай си стана Божья майтя,
Запрегнала свилни скуты,
И си тури млада Бога;
Та си ойде́ возъ Ордана
Возъ Ордана, возъ Іордана.
Тамъ срѣтна светы Никола:
«Да си кьрстишь Млада Бога!»
Я светы Нико́ла му доказалъ:
«Ни то зна́емъ, ни умѣемъ;
Я си пойды по-на-горе,
Тамъ че срѣтнешь светъ Іована:
Онъ е кьрстиль небо — земля,
Онъ че кьрсты Млада Бога».
Чуло си е на дно-море,
Чула си е една рыба,
Чула го е и стана́ла;
И го чуло едно де́рво,
Едно дерво трепетли́ка,
Оно чуло не стана́ло,
Пай го прокле самски Господъ:

«Е ты-зе-ка едно дéрво,
Едно дерво трепетлика!
Да изникнешь на зло мѣсто,
Дека слънце неизгрѣва,
Дека роса неопада,
Да си трептишь и со-съ вѣтеръ,
И со-съ вѣтеръ и безъ вѣтеръ [1]).

№ 7.

Село Великій Вербовникъ, Дупнич. округа; 9 дек. 1879 г. записано со словъ одной старой женщины.

Стани Како, дай колако,
Стани Нино, дай крендиро [2]):
Добри сме ти гостье дошли,
Доберъ семъ ти даръ донéли:
Тельчинка-те бѣлопахи,
Ждребчина-та патонохи,
Ягнешта-та вaклешаты,
Яришта-та пергороги.

№ 8.

Соф. окр., с. Опій-цвѣтъ; 6 февр. 1880 г. записана со словъ Стояна Мильчова Лагарнина.

(Колядская «Станянине господине!»).

(колéджанска).

Станянине господине!
Пьянъ ли си? разбуждайсе;
Добро сме ти гостье дошли́,
Добро гостье-коледжане,

---

[1]) По другому варіанту, записанному тамъ же, пѣсня эта имѣетъ слѣдующій конецъ:

«Што е чудо, се станало;
Едно дерво трепетлюга
И е чу̑до — не станáло;
Тогай его Господъ проклелъ:
Да излезнешь у зло мѣсто,
Дека слънце неогрѣва,
Дека слана неопада».

[2]) Ракія (водка).

Доберъ сме ти гласъ донели:
«Од-оз-горе Влашка страна
Кобильки се иждребили —
Се кобильки лѣвогривки,
И конёвци патонóги».
Стани, стани станянине,
Станянине господине!
Добро сме ти гостье дошли
Доберъ сме ти гласъ донели:
«Од-оз-горе низъ Загоре
Кравице се истелили,
Све кравици млекомълзи,
И воловци потеглóвци».
Стани, стани станянине!
Добро сме ти гостье дошли,
Доберъ сме ти гласъ донели:
«Од-оз-доле Овче-поле,
Овчице си изъягнили —
Се овчицы ваклушаты
И овновци витороги.

№ 9.

Село Влаи, Мельникскаго округа (въ Македоніи); 16 дек. 1879 г. записана въ селѣ Бобошевѣ со словъ одного слѣпца.

Станянине господине,
Стани, гóре погледъ Нине,
Какви ти сме госте дошли,
Подоберъ сме гласъ донели:
[(повторяется стихъ)
Овце ти се изъягнúли,
Се овчички ваклошатки
[(2 раза);
Коне ти се иждребили (2 раза),
Се кобилки патоножки;
Крави ти се истелили
Се кравички бѣлопаки.
Станянине господине,
Стани, гóре погледъ Нине,
Какви ти сме госте дошли,
Подоберъ сме гласъ донéли:
Пчели ти се изроúли,
Се пчелички златнокрилца.
Тебе пеемъ Стане господине
Тебе пеемъ, Бога славимъ
[(2 раза),
Да се цавтишь, да се кúтишь,
Ка-то ружа у градина,
Сиви соколъ у выспна (2 раза),
Мрена рыба у длы́бина,
Бѣлъ трендафилъ у градина.

№ 10.

Соф. окр. село Суводолъ; 31 янв. 1880 г. записано со словъ крестьянина Жоты Илкова.

Станинине господине!
Добро ютро, доматине!
Заспалъ ли си? разбуждайсе;
Пьянъ ли си? растрезнуйся:
Добри́ сме ти го́стье дошли,
Добаръ сме ти гласъ донели
Од-оз-доле — Овче поле:
«Овчицы ти изъимили,
Изъимили, изъягнили —
Се овчицы ваклушаты,
А овновци вcase розжки;
Ошь по-доберъ гласъ донели:
Кравицы ти се истелили,
Се кравицы бѣлобойки,
А воловци потегли́вци»;
Ошь по-доберъ гласъ донели:
«Кобилки се иждребили,
Се кобилки лѣвогривки,
А конёвци патоножки;
Ошь по-доберъ гласъ донели:
Козицы се изкозили,
Се козицы вранушаты»;
Ошь по-доберъ гласъ донели:
«Кошарци се изроили,
Се пчелици леватинки —
Леко лета, тежко носа:
На главица по паница,
На ножица по ложица,
На гербина кавтерина».
Стани нине господине!

№ 11.

Станинине господине!
Джелепъ Неё вино піе
Одъ недѣля до недѣля,
Одъ мѣсеца до мѣсеца,
Слуга му е света Петка,
Света Петка и Недѣля,
Слуга служи сълзи рони,
Рони до хубава церна земня;
Сегледа ю Джелепъ Нéё,
Па ю тио говораше:
«Фала тебѣ, света Петко,
Света Петко и Недѣлё!
Ка’-то служишь добро винó,
Зашто ронишь дробни сълзи
Дробни сълзи до хубава церна земня?
Да ли ти се досадило,
Добро вино служáяче

И на нодзе стояяче?»
— Света Петка говóраше:
«Фала тебѣ, Джелепъ Неё!
Ни то ми се досадило,
Добро вино служаяче,
Ни на нодзе стояяче;
Верло ми се нажалило:
Ка' піеме и рýчаме,
За добрó се не сѣштаме;
Хайде церкви да градиме —
Се одъ злато и одъ сребро,
Безцанъ каминъ прѣстолъ да е,
Да е вѣкомъ и до вѣка».
— Джелепъ Неё говораше:
«Фала тебѣ, света Петко,
Света Петко и Недѣлё!
Да градиме златны церквы!?
Че настане турско царство:
Се чатъ церквы да растура,
Безцанъ камикъ че подметна,
Со-съ насъ шега[1]) че си бія,
Одъ злато че узды ляты,
Одъ сребра сѣдла че кова;
Нело, хайде, да градиме
Одъ варъ камикъ и одъ тугла[2]),
Мермеръ камикъ прѣстолъ да е,
Да е вѣкомъ и до вѣка!

№ 12.

Станинпне господине!
Дане бане, Данъ войвóдо!
Имашь сина Михаила,
Злато косо, длъго умо;
Молиме те, да го пишешь,
Да го пишешь — царь да быде
На своя земня и крайнина.
— А онъ си имъ одговáра:
«Имамъ, имамъ, не че лыжемъ,
Аме ми е вѣрно младо,
Вѣрно младо аджамія —
Не че може царство держи́,
Ни че може крайни реди,
Не че може войска реди».
— Дане бане, Данъ войводо!
Молиме те, ты го пиши:
Царо има три крáлёве —
Еды́нъ че му войска реди,
Едынъ че му царство держи,
Едынъ че му кóнё сѣдли,
Салъ да си се царь назива,
Царь назива — банъ назива
На сва земня и крайнина.

---

[1]) Тур. слово, знач. смѣясь.
[2]) Кирпичъ.

№ 13.

Село Скрино, Дупнич. округа; 17 дек. 1879 г. записано со словъ Ангела (Янгелъ) Рыбаря.

Станинине доматине!
Добри́ сме тѣ гости дошли́
Добаръ сме тѣ гласъ доне́ли:
Кобили се ождреби́ли,
Се ждребчинка патоножки;
Кравице се отели́ли,
Се тельчинка бѣлопа́хи;
Овцы ти се изъягни́ли,
Се овчицы ваклашаты;
Козы ти се окози́ли,
Се яренца виёрожки;
Пчелици се изройли,
Се пчелици левиканки.

№ 14.

Старая-Планина; Соф. окр. с. Зимевецъ; 12 февр. 1880 г. записано въ селѣ Аджиска-маала (Берк. окр.) со словъ той же крестьянки.

Станине господине!
Тебе пое́мъ, тебе сла́вимъ:
Одъ Бога ти много здравье!
Да си идешь горе́-доле
Доле-горе по-загоре,
Да си карашь се овновци,
Се овновци патоножки,
Се кобилки патоножки.

№ 15.

Соф. поле, с. Кремиковци; 2 февр. 1880 г. записано со словъ Стефана Милчёва Крачуна.

(Матерь Божія входитъ въ церковь, построенную Джелепъ Неною).

(колядская).

Собралисе си селяне
На ме́хана меранджиска:
Вино піятъ, дума думатъ —
Кой да гради новы церкви?

Судна се редпа се,
Одсудна, да и гради
Да и гради Джелепъ Нено;
Започелъ ги одъ Дердевъ денъ;
Викна́лъ си е два майстора
Со-съ три-те чегерте [1]),
Да си прави новы церкви;
Та ги гради́ малу-многу
Малу-многу сва-то лѣто,
Одъ Дердевъ денъ до Митровъ денъ;
Та му мало пестигнало
Мало злато и то сребро́;
Оно́ облече церно руфо
Церно руфо калудерско,
Та си слезне доле въ поле
Покрай моря — по селчины,
Та̀ написа милостывня,
Та патовари деветъ коне́
Деветъ коне чисто сребро,
А десето суво злато,
Та догради новы церкви.
Тече-иде Божья майтя —
Одъ милосты не продума,
Одъ убосты не погледна,
Та си влезна въ новы церкви:
Та си сапаса кованъ коланъ,
Та го тури на престоло,
Де-то четатъ млады дьяци
Млады дьяци и попове,
А стары попове служатъ лытургія.

№ 16.

Село Жилинци, Кюстенд. округа; 6 дек. 1879 г. записано со словъ Стойны Стояновой Чекерсnúmer.

Эй Коледе, Коледе!
Ушто се крыешь, Коледе,
Задъ майке-те?
Ни есме ти, Коледе, добри́ гости;
Навези ми, Коледе, десно крыльце,
Да прелети́мъ презъ Морава,
Да наберемъ вито прутье,
Да заградимъ вита Струга,
Да накарамъ сиво стадо,
Да намуземъ ведро млеко,
Да обанямъ Млада Бога,
Млада Бога и Божича.
Богъ се роды у Коледе во вечеръ.

---

[1]) Подмастерье.

№ 17.

Село Скрино, Дупнич. округа; 17 дек. 1879 г. записано со словъ Ангела Рыбаря.

Сестро Петро, Коледе!
Везарія, Коледе!
Навежи ми, Коледе,
Десно крыло, Коледе,
Да прилитамъ, Коледе,
Презъ Дунава, Коледе;
Да наберемъ, Коледе,
Вито праке[1]), Коледе,
Да направимъ вита страга, Коледе,
Че навертимъ, Коледе,
Сиво стадо, Коледе,
Да намуза, Коледе,
Прѣсно млеко, Коледе,
За Божичь млеко, Коледе!

№ 18.

Соф. окр. (поле), село Враждебно; 1 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Донки Гёлева.

(Турки наслѣдуютъ царство царя Константина).

(НА Р. ХР. = НА БОЖИЧЬ).

Станянине господине!
Извило се сиво пиле
На цареви равни дворы;
Та се вило мало-млогу,
Мало-млогу, такмо три дни,
Такмо три дни и три нощи;
Никой пиле не согледа,
Согледа го царь Костадинъ.
Проговори царь Костадинъ:
«Слава Богу, цару слуги,
Цару слуги-дугонджіи[2])!
Изнесете танко мрѣдже,
Премрѣжете синё небо,
Да фанéмо сивó пиле».
Послушаа цару слуги,
Изнесоа тенко мрѣдже,

---

[1]) е-мегкое = пракје.
[2]) Слуги.

Премрѣжиа сниё небо;
Бо'ме, каде виде сиво пиле,
Сиво пиле и двашь и трышь,
И двашь и трышь надъ мрѣдже-то.
Проговори царь Костадинъ:
«Слава Богу, цару слуги!
Я влезнете нови церкви,
Изнесете столъ позлатенъ,
И турете среде дворы
Подъ ябука петровкина».
Послушаа цару слуги,
Та влезнаа нови церкви,
Изнесоа столъ позлатенъ,
И турнаа среде дворы
Подъ ябука петровкина;
Та си сѣдна царъ Костадинъ,
Та помами сиво пиле:
Ка' го виде сиво пиле,
Та му падне на колѣно,
Та растраси десно крыло,
Та истраси бѣло́ книже,
Бѣло книже — церно́ слово.
Проговори царь Костадинъ:
«Слава Богу, цару слуги!
Я влезнете у яѓаре,
Наяха́йте добры́ коне́,
На керзъ поле калешете,
Калешете си попове,
Си попове и дья́кове».
Послушаа цару слуги,
И влезнаа у яѓаре,
Наяха́а добры́ коне́,
На керзъ поле калесаа
Си попове и дьякове,
Да си четатъ литургіе;
Си попове книже четатъ,
Книже четатъ, пѣсень пеятъ;
Попъ Никола книже чети,
Книже чети — сълзи рони.
Проговори царь Костадинъ:
«Слава Богу, попъ Никола!
Какво́ ли е твое чудо?
Си попове книже четатъ,
Книже четатъ, пѣсень пеятъ,
А ты-зе-ка книже́ четы́шь,
Книже́ четышь — сълзи ронишь?»
Попъ Никола одговара:
«Слава Богу, царь Костадинъ!
Нали питашь, да ти кажемъ:
[(2 раза)
«Наше царство достанало,
Турско царство наста́нало».

№ 19.

(Заг.) Берков. окр. с. Вершецъ; 10 февр. 1880 г. записана со словъ Елисаветы Іованчиной.

(колядская).

Зависе сиви соколю
На царевы равны дворы;
Висе два дни, висе три дни
Коледе! Коледе!
Висе такмо три недѣли;
Царь испраты свѣтны слуги:
Коледе! Коледе!
«Я идете вѣрны слуги,
Та прекиньте ситно мрѣже
Коледе!
Юловете сивы соколъ,,
Донесете го ми на колѣно;
Коледе!
Да го поятъ съ руйно вино,
Да го рапатъ съ бѣло месо».
Коледе!
Злезнали вѣрны слуги,
Фергали со-съ ситно мрѣже,
Коледе!
Сиви соколъ ту подлаталъ
Ту подлаталъ, ту надлаталъ,
Коледе!
У мрѣжа тако улата.
Излезналъ е царо Костадине,
Коледе!
Па си сѣдне у дворове,
Па си сѣдне у дворове,
Коледе!
У дворове на столове;
Па почука на коленце;
Коледе!
Емъ почукалъ, емъ повикалъ:
Ела, ела, сиви соколъ,
Коледе!
Та ми сѣдни на колѣно,
Та ми падни на колѣно,
Коледе!
Да те ранимъ съ бѣло месо,
[(повторяется)
Коледе!
Да те поимъ съ руйно вино».
Свисе соколъ, та падналъ —
Коледе!
Падна цару на колѣно,
И простралъ си десно крыло,
Коледе!
Та истраси десно книжне,
Дребна книга, ситна слова.
Коледе!
Царь Костадинъ одговори:
«Леле, варай, вѣрны слуги!
Коледе!
Я идете по сви села
По сви села и градове,
Коледе!
Соберете сви попове

Сви попове и дякове,
Коледе!
Да пречетатъ дребно книжне,
Дребно книжне, ситно слово».
Коледе!
И учели[1]) вѣрны слуги
По сви села и градове;
Коледе!
Собрали са сви попове,
Сви попове и дякове:
Коледе!
Чели два дни, чели три дни,
Не могоха да пречетатъ,
Коледе!
Кой-то знае — не казува»
[(повторяется)
Коледе!
Продума царь Костадинъ:
«Я идете на Прокопе,
Коледе!
Да викнете попъ Никола
Коледе!
Попъ Никола одъ Прокопе;
Онъ ште книжне да прочете,
Коледе!
Онъ ште мене право каже».
И учели[1]) на Прокопе,
Коледе!
И викнали попъ Никола.
Коледе!
И погледналъ попъ Никола
И погледналъ книжле-то
Коледе!
И поронилъ дребни сьлзи;
[(повторяется)
Коледе!
Па си дума одговори:
«Леле, варай, цару Костадине!
Коледе!
Е-те глава, е-те и сабья —
Земи сабья, посѣчи ме:
Коледе!
Царсто ни е достаяло» (повторяется)
Коледе!
Расерди се царь Костадинъ,
И трегна сабья, да го посѣче;
Коледе!
Попъ Никола одговара:
«Леле, варай, царе Костадине!
Коледе!
Не сѣчи мене, не губи мене,
Но ме запри у тевница,
Коледе!
И ме тури у тумруци,
Да посѣда таманъ два дни и пладнина,
Ако нема иня вѣра,
Коледе!
Иня вѣра — клеты Турци,
Изведи ме, посѣчи ме».
Коледе!

---

[1]) Сказительница объяснила это слово черезъ «отшели», т. е. отошли.

И запрелъ го царь Костадинъ [(повторяется)
Коледе!
У тевницы, у тумруци;
И сѣделъ е, таманъ, два дни
Коледе!
Таманъ два дни и пладнина
У тевницы, у тумруци.
Коледе!
Изведе го, да го сѣче;
Алъ погледна на-нагоре
Коледе!
На-нагоре, па надоле:
Колко на гора листье
Коледе!
Колко на земня трѣва-та,
Толко иде иня вѣра,
Коледе!
Иня вѣра — клетви Турци.
Царь Костадинъ договарья:
Коледе!
«Леле, варай, вѣрны слуги!
Ях̆айте, та бѣгаме;
Коледе!
Кой ште съ мене да бѣгаме».
Вѣрны слуги одговарятъ:
Коледе!
«Леле, варай, царь Костадинъ!
Я се надах̆ъ, да полетимъ —
Коледе!
Ясно небо съ ясны дзвѣзды
Ние съ тебе да повернемъ,
Коледе!
А то нели ѓиня вѣра, (повторяется)
Коледе!
Иня вѣра — клетви Турци».
Царь Костадинъ одговори:
Коледе!
«Леле, варай, вѣрны слуги!
И я мога и конь може,
Коледе!
Коги́ Господь поможе».
Бутна конё — конь не верви,
Коледе!
Тергна сабья — невадисе,
Но се преби до крестеве,
До крестеве позлатены;
Коледе!
Проговори царь Костадинъ:
«Леле, варай, вѣрны слуги!
Кой ште съ мене да бѣгаме?»
Коледе!
Сви са слуги остапали,
Само пошелъ единъ слуга;
Коледе!
Преминали деветъ нах̆іи,
Царь Костадинъ вода посака,
Коледе!
На патё студенъ кладенце;
Царь Костадинъ одговори:
Коледе!
«Леле, варай, вѣрно слуго!
Я поземи златно тенче,
Коледе!
Загреби ми студна вода»;

Вѣрна слуга одговори:
Коледе!
«Леле, варай, царь Костадинъ!
Сеги свекій себѣ слуга —
Коледе!
Наведи се, загреби си»;
Онъ си беркна у бисаги
Коледе!
И извади златно тенче,
И загреба студна вода —
Коледе!
И посѣкна вѣрна слуга,
Одсѣче му десна рака
Коледе!
Десна рака и глава-та.
И преминалъ царь Костадинъ
Коледе!
Преминалъ е деветъ села
И безъ рака и безъ глава.
Коледе!
У десето малки моми
И сѣднах́а, та шіех́а;
Коледе!
Една мома казала:
«Та станете, мили дружки!
Коледе!
Да видите, какво х́аро
Какво х́аро по друми
Коледе!
И безъ рака, и безъ глава»;
И станах́а вѣрны дружки,
И видѣх́а царь Костадинъ.
Коледе!
И тогива падналъ царь Костадинъ;
Тамо е неговъ трупо.
Коледе, Коледе!

№ 20.

Соф. окр. (поле), село Челопечино; 1 февр. 1880 г. записано со словъ крестьянина Бунила Тодорова.

(Царь Стефанъ строитъ церкви).

Станинине господине!
Царь ми Стефанъ церкви гради;
Заградилъ е на Дюрдевъ день,
Доградилъ е на Великъ день.
Не стигнало му малу — многу
Суво злато за алтарь,
Безцанъ камикъ за престолъ;

Па се чуди царь ми Стефанъ,
Па се чуди, што да чини?
Што да чини, какъ доправи?
Стефаница одговара:
«Слава Богу, царь ны Стефанъ!
Се те уче и ова́ ли?
Я си влезни въ танка шайтя[1]),
Та си нишни низъ бѣлъ Дунавъ,
Та премини оданаде,
Оданаде градъ Солуна,
Та улови дру́га вѣра,
Друга вѣра Евреина,
У́вержи го, у́кови го,
Удари му вечь на макъ,
Онъ ште каже, што ти трѣбе».
Послуша ю царь Стефанъ,
Та си верзна въ танка шайтя,
Та си нишна низъ бѣлъ Дунавъ,
Та премина оданаде,
Оданаде градъ Солуна,
Та улови друга вѣра,
Друга вѣра Ереина;
Уве́за го, уко́ва го,
Удари му вечь на макъ;
Евреинъ се милно моли:
«Слава Богу, царь Стефанъ!
Я погледни доле — горе,
Доле — горе на дно море,
Ка́ играе мрена рыба,
Мрена рыба съ безцанъ камикъ:
Я си ферли танка мрѣжа,
Та си фаны мрена́ рыба —

[1]) Лодка.

Мрена́ рыба яко требе:
На Никулъ день за дулгере[1]),
За дулгере на курбанъ, —
Безцанъ камикъ за престолъ.

№ 21.

(Загорье) Берков. окр., близъ Бѣлградчикскаго округа, село Котеновци; 16 февр. 1880 г. записано со словъ Стояна Мурги.

(Царь съ золотыми волосами).

(колядская).

Собрали́се три кралёве,
И се моли́ли на едынъ човѣкъ:
«Имашь момче-златна коса,
Ты пушти намъ го — царь да намъ баде,
И пушти го — миръ да чини».
— «Имамъ, имамъ, багме имамъ,
А я младо аджамія —
Не умѣе ни кральство да варди,
Не умѣе войско да си стега».
— «Ты го пушти саде, —
Мы имаме три кралёве;
Еденъ ште му войска реди,
Еденъ ште му стеги стега,
Еденъ ште му на стулъ сѣды
На стулъ сѣды, да му реди».
— И пуштилъ го — царь станало.

---

1) Мастеръ.

№ 22.

(Загорье) Берков. окр., с. Гушанци; 13 февр. 1880 г.

(Зачатіе дитяти, у котораго въ одной рукѣ письмо, въ другой три золотыхъ яблока; на груди мѣсяцъ и на рамени солнце).

Ималъ Миланъ млада Петкана —
Одъ деветъ годинъ се узелъ;
Узели се одъ деветъ годинъ,
И рожба немали ни́каква.
Даде имъ Господъ иманье и стока,
А рожба си нематъ.
Продумалъ Миланъ:
«Петкано, Петкано!
Ште оставимъ тебе,
Оставимъ млада удовица».
— «Болеглава ме загуби!
Да не стане млада удови́ца,
Да се смѣе сельски селяне».
Миланъ запрати аберъ,
Аберъ при Лило Касапинъ:
«Че има права ялова
Ялова деветъ годинь,
Одъ деветъ годинъ нестелна».
Па си Миланъ до деветъ фурни леба упече,
Деветъ бачви вино нато́чи,
Деветъ бачви ракія наточи,
Заколелъ тлъиста пауна,
Зифетъ да чини Лило Касапинъ,
Да губи Лило млада Петкана.
Дойде́ Лило Касапинъ,
Дойде́ съ деведесе́ юнаци́,
Съ деведесе́ гонаци и осемдесе джалаци.

Па си думалъ Миланъ на Лило Касапинъ:
«Додай се крава ялова!
Деца́ — то ра́бота иматъ;
Да зако́леме крава ялова!»
— «Чекай, Милане; да вечераме,
Па тогива че ко́лиме».
Вечераю са дружина:
Дотерчаа млады юнаци,
Та фанаа млада Петкана,
Млада Петкана диванъ да ги чини;
Млада Петкана диванъ ги чини:
Емъ ги служи чаша вино
Емъ дробни сьлзи рони.
Додумали млады юнаци,
Та фанаа ю и заклали;
Заклали млада Петкана,
А у серцѣ́-то му нешто біе;
Продумалъ Миланъ:
«Распорете ми млада Петкана!»
Распоре млада Петкана,
И намѣри машко дете:
Ошь у майти баштинъ занаятъ научилъ;
Со-съ писмо у една рака-та,
Со-съ три златни ябълки у друга,
Да и ме́сецъ му у гърди-те,
Слънце-то му на́ рамо.
И се дете́ одъедныгъ загинало.
Продума тогива Миланъ:
«Лило Касапине!
Додай ми влашко ножле́нце,
Да порѣжнемъ ябълка-те,
Чста се да одква́симъ».
Онъ не ште да рѣже ябълка,
Алъ удари себе у серце́,

И продума:
«Просто да ти е деветъ верви жьлтице,
Да закопашь троицине въ единъ гробъ».
Закопаа ги троица въ единъ гробъ.

—

Да не бѣше истина,
Не би пѣсма запѣлъ.

№ 23.

Г. Радоміръ; 29 ноября 1879 г. записано со словъ Таски Петрунова.

(Конь Вирогонъ опережаетъ солнце).

Съ-ношти дойде́ Миялъ на сѣдентье;
Повали се при малки́-те моми́,
«Де-ка ималъ ко́ня Вирогона,
Што претича али́ и вѣтрове,
Што минуе това ясно слънце;
Ако мине Міялъ това ясно слънце,
Да му даде́ това ясно слънце,
Да му даде́ сестра Перусія;
А ако мине това ясно слънце,
Ако мине Мияла юнака,
Да му зе́ме коня Вирого́на».
И си сѣды Миялъ вреденъ юнакъ.
Слънце стана, вече, гулемъ руче́къ,
Миялъ сѣды́ у ладны меаны,
Та си піе това́ руйно ви́но
И си піе люти́ца ракія.
Дума дума слънчева-та майтя:
«Э, Мияле, э, вреденъ юначе!

Ка незнаешь, облокъ да си держишь?
Што се вашташь со-съ ясно-то слънце?
Слънце стана, вече, гулемъ ручéкъ,
Я ты піешь у ладны меаны,
Та си піешь товá руйно ви́но,
И си піешь лютица ракія!»
Миялъ стана, та коня изведе,
И си тури нога у зенгі́я,
Дуръ да тури, Богме, и оная,
И достигнá това ясно слънце,
И го стигнá, и го замина:
«Добра стиджа, мое ясно слънце!»
— «Далъ Богъ добро, Мияле юначе!
Кадé си коня уберзи́ло?
Чекай мене, заедно да идемо».
Я Миялъ му дума продумуе:
«Чуеть мене, мое ясно слънце!
Я че ойдемъ на твои пладништа,
Че да ойдемъ, мало да си преспимъ;
Когá ми́нешь, ты-зи да ме окнешь».
Заминало това ясно слънце,
Заминало, а го не окнáло.
Дума дума Миялови коня:
«Э, Мияле, вреденъ юначе!
Што семъ тебе язе надельело,
Та ме давашь на ясно-то слънце».
И Мияле (лъ + е) тогай собуди́ло;
Па-й си янá коня Вирогóна,
И го яна, и го си пребутна,
И си стигнá товá ясно слънце,
Па-й го стигнá, па-й го замина.
Дума дума това ясно слънце:
«Э Мияле, э, вреденъ юначе!
Просто тебе да е, моя мила сестра!

Я очемъ тебе коня да ти зе́мемъ:
Я коня ты кого вредна било —
Достигне ме и ме, бре, зами́не.

№ 24.

Берков. окр., с. Котеновци; 16 февр. 1880 г. записано со словъ того же крестьянина.

(БОГОСЛОВКА).

Повалисе Милке майтя
Съ-ношка на кла́денецъ:
«Ко́ уземе моя Милка,
Да прокопа двѣ планины
Двѣ планины — двѣ рудины,
Да искати морска́ во́да,
Да извіе виты́ чешмы —
Онъ да земе моя Милка».
Раструдисе малко дунге́рче —
Прокопа́ двѣ планины — двѣ руднины,
Пуштило морска́ во́да
И довело една вода Милки майти,
Милки майти у дво́ры;
Изви́ло́ виты́ чешмы́ —
И потекли виты́ чешмы́ —
Виты чешмы — три шипорки.
Тогива викнало младо дунге́рче;
«Излезъ, излезъ, Милки майтя,
Да си видишь морска́ во́да,
Како́ тече́ изъ виты чешмы,
Изъ виты́ чешмы́ у твои́ дворы».
Излезнала Милки майтя,

Излезнала, та па-й погледнала, —
Потекла морска́ во́да три шипорки —
И казвала:
«Язе така́ не се́мъ ре́кла;
Кой наса́де по бѣлъ Дунавъ бѣ́ло лозье
И па побрежли́ньки жьлти ду́ньки,
Онъ да земе моя Милка,
Моя Милка найубава».
Раструдисе малко дунгерче —
Па насади па бѣлъ Дунавъ бѣло лозье
И насади жьлти ду́ньки,
Па си викналъ Милки майти:
«Излезъ, излезъ, Милки майтя́,
Да си видишь по бѣлъ Дунавъ бѣло лозье,
Да си видишь побрежлиньки жьлти дуньки».
Излезнала Милки майтя,
Излезнала та па-й погледнала —
Та па-й рекла:
«Я така не семъ рекла;
Кой устрѣли грѣйно слънце,
Онъ да земе моя Милка,
Моя Милка найубава».
И рече тоги́ва младо дунге́рче:
«Излезъ, излезъ Милки майтя —
Я да стрѣлямъ грѣйно слънце,
Я да стрѣлямъ, ты да гле́дашь».
Не устрѣля грѣйно слънце,
Та устрѣля Милки майтя;
Та си умре Милки майтя,
Онъ си узе Милка найубава.

№ 25.

(Заг.) Берков. окр., с. Котеновци; 16 февр. 1880 г. записана со словъ Стояна Мурги.

БОГОСЛОВКА (благословеніе) въ р. хр. на «повѣсма».

Колко тука влакно
Нá-преко, нá-длъго,
Толко му далъ Господъ
На купништа кунупишта:
Били тенки, кà-то иглá,
Били высоки, кà-то елá,
Били гысты, кà-то маглà,
Момѝ ги работыли,
Момче ги носили;
Покумствó и побрáтимство
По сълнце и по вѣтеръ ги носили,
Носили, та ги кинали;
Ты си со-съ ни фалѝлъ,
А кои носили, се фалили со-съ рызи-те.

№ 26.

Берков. окр., с. Котеновци; 16 февр. 1880 г. записана со словъ того же лица.

БОГОСЛОВКА НА ЗЕРНО.

Какво-то е зернче,
Што-то ни дари нашъ побратимъ?
Ако буде злато,
Злато му се ляло и ковало
По синове и дащерки;
Ако буде сребро,
Сребро му се ляло и ковало
И прекъ краи прелявало;
Около Ивановы-те дни,
Што е околъ воденицы сковáло —
Колко се зернца премѣтни
Презъ това ситно сито,
Толко му далъ Господъ
На големи ниви купни,
На мали ниви кладни —
Кá-то жеравина презъ лѣбъ преревало.

№ 27.

Соф. поле, с. Кремиковци; 2 февр. 1880 г. записана со словъ Стефана Милчёва Крачуна.

(Св. Іоаннъ Креститель пьетъ вино; ему прислуживаютъ свв. Пятница и Недѣля).

Светый Іованъ вино́ піе,
Вино піе одъ неделя до неделя,
Одъ мѣсеца до мѣсеца;
Слуга му е света Петка и Неделя.
Никой не я не сегледа,
Сегледа я светы Іованъ —
Съ вино чаша не долива,
Со-съ сьлзи и прелива.
Светы Іованъ одговори:
«Што ти се е нажалило?
Съ вино чаша не доли́вашь,
Со сьлзи и преливашь?
Одгова́ра света Петка:
«Слава Богу, за светого Іована!
Че не надпих̑ме за светого Арандела
И за братъ му Мих̑аила».
— «Тая ли са грыжа грыжешь?
Язе имамъ три пивници
Три пивници добро́ вино́
И четверта, башь, ракія.

№ 28.

Г. Радоміръ; 29 ноября 1879 г. записана со словъ крестьянина Таски Петрунова.

(Св. Недѣля устроила пиръ).

Слуга служи пресвета Неделя,
И си кани ора и гра́дове,
И си кани до-деветъ краины,
И покани́ до-деветъ кралици,
И покани́ до-деветъ кра́лёве,
Не покани пресветы Никола;
Дума дума пресвета Неде́ля:
«Што ни е грозна търпеза?
Де нема старца светы Нико́ла?
Скоро-то бържете, ангеле!
Точе́те златна здра́вица,
Кане́те светы Никола!»

Ангеле послушаа пресвета Неделя:
Точили златна здра́вица,
Канили светы Никола:
«Пошло си е светы Никола,
Пошло со златна здравица,
На света Неделя на́ гостье!»
Отишелъ светы Нико́ла;
И света Неделя него́ срѣтна́ла:
«Бѣше ми грозна тързеза
Безъ светы старца Никола».

№ 29.

Тренскій окр., с. Бабица; 25 ноября 1879 г. записана со словъ 10-тилѣтней дѣвченки Христины Стоянчиной.

(Св. Іоаннъ Креститель затворяетъ небо).

Одъ-како́ се земля размѣри́ло,
Одъ-тага се срамы загубили:
Синъ си башту за башту не знае,
Черка майтю за майтю не знае,
Сна зелву за зълву не зна́е.
Проговори светы Іованъ Креститель:
«Дай ми, Боже, ключе одъ небеса́,
Да закло́пимъ това́ ясно небо —
Деветъ годинъ слънце да не грѣе,
Деветъ годинъ роса́ да не ро́си,
Да се пу́кне зе́мля деветъ педы,
Да упадне краль Миланъ Будимски,
Да упа́дне до а́лови поясъ —
Сълга народъ, на нишанъ біяше;
Нему душа на муку испадне».
Далъ му Господъ кloче одъ небеса,
Та закло́пи това ясно небо:
Деветъ годинъ роса не росила,
Деветъ годинъ слънце не грѣяло,

Та се пуче земя деветъ педы,
Та упаде краль Миланъ Будимски —
Сълга народъ, на нишанъ біяше;
Тамо душа на муку испаде.

ПѢСНИ НА ДНИ ДРУГИХЪ ПРАЗДНИКОВЪ.

№ 30.

Кюстенд.-Бан. окр., с. Жилинци; 5 дек. 1879 г. записано со словъ дѣвицы Анны Карадановой.

(ВЪ СУББОТУ ЛАЗАРЕВУ).

Летея, ми, Лазаре, летея
Деветъ реда галаби,
Десето жераби;
Пойдоа-ойдоа крали́чины дво́реве,
На кралица говоратъ:
«Эй, крали́це, крали́це!
Кутеи бисеръ сѣяше,
На галабье ферляше»·
Оговори имъ крали́ца:
Э, вие-ка галаби!
Зобете, ми, зобете;
У пролѣтъ ми дойдете:
Имамъ сина да женимъ,
Имамъ штерка Мара да давамъ».

№ 31.

Село Скрино, Дупнич. округа; 18 дек. 1879 г. записано со словъ Ангела Рыбаря.

(НА ПАСХУ — ВЕЛИКЪ ДЕНЬ).

Нено, хубави Нено!
Пратила му абаръ тета:
«Дойди Нено на Великъ-день,
Наше-то сѣло големо;

Дойди, Нено́, на́ гостье,
Големъ се соборъ соби́ра —
Отъ три села е соборо,
Загледа моми х̆убави».
И Нено крена да иде;
Майтя му премѣна да́ваше,
И градомъ сълзи роняше;
Снаи му колачи мѣсѣх̆а
И оны сълзи ронх̆а;
Башта му пари да́ваше
И онъ сълзи ро́няше;
Братья му ко́ня справлях̆а
И оны сълзи ронях̆а.
И майтя му говореше:
«Сѣди, сине, не иды,
Хубавъ ми си, сине!
Че паднешь тамъ одъ уро́ци»
Нс слуша́ — ойде Нено.
Одвела го тета на оро́-то;
Кметове вино піятъ,
И забора вино да піятъ,
У Нено погледнах̆а;
Кметици-те ду́ма ду́мах̆а
И дума-та збориа,
И оны́ у Нено́-то погледнах̆а;
Момчета-та камень ферлях̆а,
И оны́ ка́микъ зборих̆а;
Моми пѣсень поѣх̆а,
Пѣсень-та зборих̆а,
И оны-те погледнах̆а
Погледнах̆а у Нено-те.
И си-те уроци фанаа Нено:
Умре Нено одъ уроци.

№ 32.

Кюстенд.-Бан. окр., с. Жилинци; 5 дек. 1879 г. записано со словъ дѣвицы Анны Карадановой.

(ПРИ НАСТУПЛЕНІИ ВЕСНЫ).

Гороле, гора зелена!
Водоле, вода студена!
Не ми е гора зелена,
Не ми е во́да студе́на,
Туку е мома румена;
Шетала поле Дреново,
Видѣла момче́ убаво,
Па на башта си говори:
«Тателе, мили татице!
Я шетахъ поле Дреново,
Я видох̆ъ момче убаво;
Давай ме тате, за него:
Сама че д'идемъ по него».
Башта му вели-говори:
«Штерко румено, румено:
Я те недавамъ за него».
— Кърши́ла врата по него.

№ 33.

Г. Радоміръ; 1 декабря 1879 г. записано со словъ Таски Моавійскаго.

(тоже).

Зуравче-вѣнче, цвѣте меришливче!
Бера́ли те моми́ и невѣсты!
Я здравче му дума продуму́е:
Не ме бера моми и невѣсты —
Корень ми е подъ Соканоенъ-камикъ;
Ка ми до́йде пролѣтъ на Дюрдёвъ денъ,
Тогай си се язе разви́вамъ:
Умеришемъ горица зелена,
И кой мине, и се ми одкине,
То ме тура оно у пазуке,
И ме но́си оно у пазу́ке,
Да си віе тія виты вѣнци.

№ 34.

Соф. поле, с. Кремиковци; 2 февр. 1880 г. записано со словъ Стефана Милчёва Крачуна.

(на юрьевъ день).

Рано рани светы Дёрде,
Да, ми, иде, да обиде
Да обиде синурето,
Синурето по полето;
Веселъ ойде, скербенъ дойде́;
Никой него не сегледа.
Посрѣшна́ го Божья майтя,
Па му тио одговора:
«Слава Богу, светы Дёрде!
Веселъ ойдешь, скербенъ дойде́шь!
Какво ти синурето
Синурето по полето?»
— «Слава Богу, Божья мале!
Нали піташь, да ти кажемъ:
Есенина церна угарь,

Пролѣтнина не никнала».
Божья майтя одговара:
«Слава Богу, светъ Дёргіе!
Тая ли се грыжа грыжешь?
Да ми доде денъ Спасовъ-денъ,
Даште Господъ ситна роса;
Па да идешь, да оби́дешь.
Дошелъ денъ Спасовъ-денъ.
Та е ранилъ светъ Дёргіе,
Та отшелъ да обиде,
Да обиде синурето,
Синурето по поле-то;
Подковалъ е добра́ коня,
Та я отшелъ, да я обише́лъ,
Обишелъ синорето по поле-то;
Скорбенъ ойде, веселъ дойде́.
Посрѣшна го Божья майтя,
Посрѣшна го, попита го:
«Слава Богу, светъ Дёргіе!
Какво ти е синорето,
Синорето по поле-то?»
Нали питашь, Божья майтя,
Нали питашь, да ти, кажемъ:
«Есенина — конъ пота́(не),
Пролѣтнина до зенгіи».

№ 35.

Село Невѣстино, Кюстендильскаго округа, близъ Кадінна моста; записано 8 дек. 1879 г. со словъ Стоицы Лазарева.

(тоже).

Светыи Гёрги коня ях̂на́.
Кога́ ях̂на́, веселъ ях̂на́;
Та си пойде́ по поле́-то,
Да обиде ораче́-то,
Ораче́-то, овчарье́-то,
Овчарье́-то, конярье́-то.
Кога́ ойде светый Гёрги,
Кога́ ойде, веселъ ойде́.
Орачье́-то сѣдатъ-плачатъ,
Овчарье́-то сѣдатъ-плачатъ,
Конярье́-то сѣдатъ плачатъ;
Светый Гёрги веселъ ойде,
Оттудъ веселъ, оттамъ иленъ.
На срѣшта му стара майтя
Каже: светый Гёрги, мили сину!
Зашто толко веселъ ойде,
А сега́ ми то́лко иленъ идешь?
И онъ скаже на майтя:
«Како да не самъ иленъ?
Орачье́-то сѣдатъ-плачатъ,
Овчарье́-то сѣдатъ-плачатъ,
Конярье́-то сѣдатъ-плачатъ:
Све-то поле погорѣло».
— Каже:
«Светый Гёргю, мили сину!

И това́ ли те майтя да учи?
Я си ойды на нова-та церква,
Та за́пали семдесе жълты свѣшты,
И се моли на милна-та Бога,
Да зароси тая ситна роса́,
Та прерóси това́ свéто поле;
Тога яни́, светый Гёргю, мили си́ну,
Тога яни коню дорушáна;
Та си ойдешь по полé-то,
Да обидешь орачьé-то».
— Кога ойдé светый Гёрги:
Орачьé-то оратъ-поятъ,
Овчарьé-то пасатъ-поятъ,
Конярьé-то пасатъ-поятъ.
— Светый Гёрги веселъ ойде.
На срѣшта му стара майтя
И скажуе на него:
«О ты тако иленъ ойде,
А сега́ тако веселъ идешь?»
— Како́ да не самъ веселъ?
Орачьé-то оратъ-поятъ,
Овчарьé-то пасатъ-поятъ,
Конярьé-то пасатъ-поятъ;
Овцы-те се изъегниле,
Кобиле се иждреби́ле—
Не се знае, мáмо,
Кое е гулемо, кое е малено,—
И мóе коне Дорушано
Не може да изгори трава дѣтелина.

№ 36.

Соф. окр., с. Опій-цвѣтъ; 6 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Стояна Мильчова Лагарина.

(тоже).

Светы Дёрджа коня́ ковé,
Па си коня́ лэпо оружало,
И си верли коню на рамена,
Да обиде сичко поле.
Оды Дёрги, оды и па види:
«Пролѣтнины не никнали,
Есеницы изгинали»,
И си дойде светы Дёрги
И си дойде иленъ, а отиде веселъ.
Стара майтя го питуе:
«Леле синко, светы Гёрги!
Веселъ си ойдé, а ухиленъ ми дойдé?
А онъ си и одговора:
«Леле майко, мила майка!

Како да не самъ уиленъ?
Пролѣтнины не никнали,
Есеницы изгинали».
Кога́ биде денъ Спасовъ-денъ,
Па си ойде светы Гёрги,
Да обиде сичко поле:
Есеницы у вретенце,
Пролѣтнины класъ върлили.
И си дойде светы Дёрги,
И си дойде веселъ.
Стара майтя го питуе:
«Леле, синко, светы Дёрги!
Саде ты-си веселъ дошелъ?
Одговара светы Дёрги:
«Есеницы у вретенце,
Пролѣтнины класъ върлили —
Та за това семъ веселъ!»

№ 37.

Кюстенд.-Бан. окр., с. Жилинци; 5 дек. 1879 г. записана со словъ дѣвицы Анны Карадановой.

(тоже).

Ой, мили светы Дёрдё!
Светы Дёрдё церкве мете,
Церкве мете, книга чати,
И си рони дробни сьлзи.
Согледа го стара майтя
И говори на светый Дёрдё:
«Зашто синко, церква метешь,
И си чатишь бѣла книга
Бѣла книга — церно писмо,
И си ро́нишь бѣлы сьлзи?»
Светый Дёрдё говорише:
«Малеле, мила майчице!
По лѣто берететъ нема»,
Майтя му вели-говори:
«Ой, мили светы Дёрдё!
И това ль да те учимъ,
Да те уче-да науче:
Ноштемъ роси ситна роса,
Денемъ грѣе ясно сълнце,
Туре поле на распара;
Па си чекай една недѣля,
Па си яны Врана коня,
Та си ойды у поле́-то,
Да си ви́дишь равно поле,
Да си видишь беритето».
Послуша си Дёрдё стара майтя:
Ношкемъ роси ситна роса,
Денемъ грѣе ясно сълнце,
Тури поле на распара».
Па си яхна Врана коня,
Па си ойде́ у поле́-то,
Та си виде́ берите́то:

Пролѣтни-те никнали
Есени-те му класи́ли;
Раду́есе светы Дёрдё;
Настоясе на поле-то,
Па си дойде́ светы Дёрдё
Дойде́ при него́ва стара майтя,
Та на майтя си казуе:
«Малеле, мила майчице!
Есени-те ми класи́ле,
Пролѣтни-те ми никнале
Поле́-то ми е ве́село.

№ 38.

(Загорье) Берков. окр., с. Гушанци; 13 февр. 1880 г. записана со словъ Герасима Русинова.

(тоже).

Очудилсе Стояно
Очудилсе, че нема,
Че нема ваклошина да зако́ли,
Да зако́ли на Дюрдевъ денъ.
Дигналъ ми се заранъ-та,
Та ми преодылъ деведесе́ кошары,
Не можелъ да си намѣри ваклошина.
И си верналъ на-до́ми.
И майтя си него заклала,
И мила му черевца,
И надѣла го на раженъ;
Занела водица одъ черевца,
Та плиснала на прадиште-то.
И тамо е на Бога се свидело;
Та проникнали два ваклени ягенци.

№ 39.

Берков. окр., село Котеновци; 16 февр. 1880 г. записана со словъ Стояна Мурги.

(НА СПАСОВЪ-ДЕНЬ — ВОЗНЕСЕНІЕ).

Дошло е доберъ день
День Спасовъ-день.
Сбралисе чорбаджіи по меаны —
По меаны, по кафене-те,
И свекъ си канаше,
Кой де-ка на́ гостье иде́:
Едынъ у братъ на́ гостье иде́,
Едынъ у сестра на́ гостье иде́;
Едынъ човѣкъ немаше нигде никого,
Де́-ка на́ гостье иде,
И си заверна, та жалба дожалѣ —
Нема, де-ка на гостье д'иде;
Па си отиде́, да си пита,
Да си пита своя стара майтя:
«Малеле, Малеле, старо майтё!
Салъ мене ли родило?
Та не си ли родило
Ошь едны брато, или сестрица»?
—«Родило семъ, сине, родило
Родило семъ ти сестра,
Ама Турци занесоа твоя мила сестрица;
Я самъ чула, че войво́да воды;
Ама не дѣй д'идешь:
Да се уплаши отъ тебе —
Че си ты много юначенъ».
—«Ты ми мила майко кажи́;
Я ныщто нештёмъ напра́вимъ».

—«Да идешь, сине, у о́ня градъ,
Да идешь на́ гостье на войвода,
На войвода — при сестра си».
И онъ си стега коня, да си иде,
И сте́гне и отидé.
Задалъ се отъ широко поле —
Сестра му отъ пе́нджеръ гле́да
И си реди измитярки:
«Ела, да гле́дате, ко́я-та делiя?
Да ли е наша войво́да,
Да ли е друга войвода?»
—«Не е наша войвода,
Но е друга делiя,
Делiя много юначна».
И долѣте онъ на порты
И рече:
«Отворете ми врата, сестро!»
Рече сестра:
«Затворете врата, мои слуги,
Ударете деветъ ключеве на порты»;
Онъ се помоли ошь еденъ путъ;
И па у́дари со-съ топузъ у врата
Та си строши тiя врата:
У́лезна при сестра́ си;
И сестра му го срѣшна,
Срѣшна го со-съ кю́пава ракiя,
И метанiя му чини:
«Прости, брате, че ти грѣшила!»
—«Да ти е просто!»
Наредила сестра измитярки —
Та измѣшаа вино — ракiя —
И го опо́ила, и го у сенъ оборила.
За́спа младъ юнакъ;
А го сестра верза наопако,

И го ферли у тевни тевници.
Ка́ дойде́ войво́да,
И виде́, че му е по́рты стро́шены,
Пита:
«Зашто ми е по́рты строшены?»
—«Дошелъ ми е брато ми,
Па че тебе да погу́би,
Мене да си воды;
Я го верзала наопако
И ферлила у тевни тевници:
Да изведешь го на срѣдъ дворы,
На срѣдъ дворы да посѣчешь».
И войвода извади го на срѣдъ дворы,
Па си тергна сабля да го сѣче;
По́моли се му младъ юнакъ:
«Не мой мене сѣчи у тесны-те дворы,
Но изве́ды мене на широко поле,
Да ти дворы не окервавимъ —
Зашто много семъ юначенъ,
Мно́го ке́рви и́мамъ».
Изведе го на широко поле,
Па си тергна сабля, да го сѣче;
По́моли се нему младъ юнакъ:
«Поведи ме оште подалекъ,
По́далекъ отъ твои-те дворы».
Поведе по́далекъ одъ дворы,
И си тергна сабля да го сѣче;
—«Че ти са молимъ нешто:
Да отвержешь ми отъ сабля
Самъ маличекъ перстъ».
Послушало луда войвода,
И си о́тверза му самъ маличекъ перстъ.
И тогива узе онъ отъ маличекъ перстъ,
Отъ маличекъ перстъ сабля,

Та посѣчé войвода;
Пай отидé при сестрá си на дворы.
Рекла негова-та сестра:
Излезте, та излезте измитярки,
Да видите, каква е делія иде —
Млого е юначно, па сердито;
Да ли е верла измама?
Или е наша войвода?»
И въеднага онъ долѣте —
Та си бутна-óтворе порты;
И срѣшнаа го и му се прéклониа:
«Просты́ ме, брате, много прегрѣшия!»
— «Че ти простымъ!
Измѣша катранъ у ведри́ца,
Па узе катранъ, та я обля,
И запали я одъ глава-та до доле,
Да си нему свѣти;
Па-й нареди робини-те,
Да му правя ракія —
Да му служа гóстье,
А сестра му свѣти свѣтія.

№ 40.

Соф. поле, с. Кремиковци; 2 февр. 1880 г. записана со словъ Стефана Мильчева Крачуна.

(НА ТРОИЦУ — ДУХОВЪ ДЕНЬ).

Кирле ресле — Господи помилуй!
Света Тройца слезни оз-горе,
Та си влезни въ село,
Та искарай кмете, кметице!

Куни да носимъ, Бога да молимъ:
«Я дай ми Боже ситна росица—
Пó горѣ руйно, пó полѣ ситно,
Трѣва да расте, паунъ да пасе,
Паунъ да пасе, перья да рони,
Перья да рони, моми да бератъ,
Моми да бератъ, китки да віятъ,
Китки да віятъ, момци да зиматъ.

№ 41.

Г. Радоміръ; 29 ноября 1879 г. записана со словъ крестьянина Таски Петрунова.

(Объ Авраамѣ и Исаакѣ).

Слуга служи Аврамъ гостолюбевъ.
И е собралъ педесé дружи́на:
«Яжьте, пійте, братья и дружина!
Да ми даде Гóсподъ óдно мушко дете!
Очемъ него на Бога курбанъ да давамъ».
Породисе това мало дете
И рекло на майтя-на башта:
«Леле мале, леле моя стара башта!»
И се дошли два бърза а́нгеле,
Два а́нгеле — три Божи́ пóстоле.
Дума дума Аврамъ гостолюбенъ:
«Слушате ли ви два бързa а́нгеле,
Два а́нгеле — три Божи́ пóстоле!
Очемъ него курбанъ да си давамъ».
Та си дума Аврамъ гостолюбенъ,
Та си дума на дете Исакче:
«Я си ойды у суво — то лозье,
Та набери три огнёве дърва,
И приготви три казана вода,

Я че дойдемъ, курбанъ да се колимъ».
И дете́ башта послушало:
Приготвило три огнёве дьрва,
Приготвило три казана вода;
И тогай се башта продумало,
Продумало на дете Исакче:
«Леле сине, леле мили сине!
Я што чемъ курбанъ да си давамъ?
Очемъ тебе на Бога курбанъ да се давамъ».
— А дете му дума продума́ло:
Чуешь мене, тате, Аврамъ гостолюбенъ!
Оты ты мене до́ма не каза́лъ?
Да се проста одъ моя майтя,
И одъ моя брайтя и дружина.
А башта му дума продума:
«Слушай мене, дете Исакче!
Язъ бѣ тебе на Бога курбанъ обрекло;
И кадъ ты се породи́,
И, ми, рече: «татко и пай мамко!»
Я въеднагъ курбанъ на Бога те обре́кло».
Послѣ това дете дума продумало:
«Я ми вержи раце и па-й нодзе,
Да не рипнемъ, да те не убіемъ».
И Аврамъ му верзало раце па-й и нодзе,
Па-й си мах̆на со сабля димиція,
Та си мах̆на на лѣва-та страна.
И тогай си дума продумаа,
Продумах̆а два Божи а́нгели,
Два а́нгели — три Божи́ постоле:
«Слушай мене, Аврамъ гостолюбенъ!
Я си мани на десна-та страна:
Што закачишь, то оно твое».
Закачилъ е деветъ вакли овнове.
Това си е на Бога курбанъ!

№ 42.

Кюстенд.-Бан. окр., с. Жилинци; 3 дек. 1879 г. записана со словъ Стоймена Атанасова.

(Тоже).

Излезна Аврамъ, бре, богатый,
Излезна на равны друмове,
И повервея тія до́бры госты,
Повервея, на монастырь да одатъ.
Та гово́ри Аврамъ, бре, богатый:
«Пійте, яште, мои добры госты,
Пійте, яште и на Бога се молете,
Да васъ Господъ молба че пріима:
Эве, стана деведесе́ годи́на,
Како смо ми земали се
Со-съ стара баба Исака,
Одъ свое сердце чедо немаме;
Пакъ се молиме на Господа,
Да ны даде́ чедо одъ серце́-то, —
И не сакамъ ногу да живѣе,
Да живѣе само три годины.
Колко одъ серца чедо да познавамъ,
Пакъ на Бога курба́нъ че го давамъ.
И мина време, време три годины,
И да́де Господъ чедо одъ серце́-то;
И живѣало, таманъ, три годины.
И слезна́ Гаврилъ Божій рангелъ
На Авра́ма по тія разговора:
«Э, Авраме, Авраме, бре, богатый!
Што си на Бога, курбанъ обрекелъ,
Оты го, Авраме, недавашъ?»
И проговори́ Аврамъ, бре, богатый:
«Э, Гавриле, Божій, бре, рангеле!
Я што семъ на Бога обрекелъ,

Я се назадъ неповраштамъ,
Амо сакамъ, на Господа да се помолимъ,
Да го арыжи Господъ оште до три годинъ —
Да стáне дете шесъ годины,
Да го дадемъ на големо училиште,
Да изучи кни́га вангеліе;
Тогава ше стане поголемъ курбанъ.
И аризá го Господъ оште три годинъ,
И станá детé-то шесъ годинъ.
Пакъ слезнá Гаврилъ Божій рангелъ:
Хайда, Авраме, Авраме богатый!
き Ште да давашь на Господа курбано».
И зема Аврамъ, бре, богатый,
Зема сребрены ножеве,
Да закóле негово-то машко дете;
Тури́ го на десно колѣно
И фанá да остри сребрены ножеве;
Я дете му тія разговора:
«Авраме, Авраме, башто, бре богатый!
Дали чешь, Авраме, пѣтелъ да закóлешь,
Ели чешь на Господа курбанъ да колешь».
Но Аврамъ тога си фана,
Фана машко детé,
Да го коле курбанъ на Бога.
И продумá Гаврилъ Божій рангелъ:
«Стой Авраме, Авраме, бре, богатый!
Това на Бóга курбанъ неште да буде;
Само земи една прачка дренова,
Та удари на черна-та земня,
Че излезнатъ три черна овнове —
Они четъ на Бога големъ курбанъ да бидатъ».
Земá Аврамъ, бре, богатый,
Земá прачка дренова,
Та удари на черна-та земня —

Излезнали три черна овнове.
И тогай зема́ Аврамъ богатый,
Зема сребрены ноже́ве,
Закла три черны овнове:
Овнове курбанъ бидо́а
И на Аврама дете остана.
И дете́ му славно, бре, биде —
Ученъ биде мъжь (sic)
И рани башта-та.

№ 43.

Село Невѣстино, Кюстендильскаго округа; записана 8 дек. 1879 г. со словъ крестьянина Стоицы Лазарева.

(О св. Іоаннѣ Рыльскомъ).

(Светый Іованъ кога се покажа, да е светецъ).

Бѣше то едно дѣте сироче.
Послѣ се уцанилъ еденъ човѣкъ,
Уцанилъ се еденъ говедарь;
Одкара говеда, да ги пасе,
Загуби́ крава со-съ теле;
Кога́ дойде́ домоска,
Чорбаджія почна да го біе,
Да го біе за крава-та;
Това́ бѣше кара́ло
Презъ една вода́ голема:
Соблече́ дрея отъ него́,
Та тури на вода-та,
Да пройде презъ вода-та,
Да тражи кра́ва-та;

Ойде, найде́ кра́ва-та,
Па зема́ теле́-то,
Па тури дрея на вода,
Па пройде презъ вода со-съ теле.
Чорбаджія го пази.
Кога пройде́ презъ вода-та, дома дойде;
Чорбаджія донесе арижаго теле-то:
И теле-то бѣше шаре́но,
И теле-то бѣше машко;
Чува го три годинъ време.
И кога́ си пойде́ на три годинъ време,
И отиде на Скри́но,
Монастырь да прави на Скрино-то; [1])
Това Скринци сакаа, да го погубатъ.
Па той побѣгна́ со-съ волъ.
Гони́а го до Мердиште [2])
И ванаа го, земаа вола,
Та заклаха́ и него посѣ́коа.
И това створисе орелъ Таликна [3]).
Отта́мока ойде на Рыла,
Па тамока започне монастырь.
Сѣде́ орелъ три годинъ врѣме,
И тамо монастырь прави;
Оттамо го погнаа Рыльчане.

---

[1]) Село Скрино находится близь монастыря св. Димитрія, что̀ у рѣки Струмы, между мѣстечкомъ Бобошевомъ и селомъ Скрино. По распространенному въ народѣ преданію, этотъ св. Іоаннъ Рыльскій постриженикъ Бобошевскаго монастыря. Въ с. Скрино до сего времени указываютъ пещеру, гдѣ обиталъ святой. Жители этого села говорятъ о св. Іоаннѣ, какъ своемъ, но опровергаютъ преданіе, будто ихъ предки преслѣдовали святаго; они, когда заводится рѣчь объ этомъ, обыкновенно замѣчаютъ: «кой знае, што е било́?»

[2]) Село Мердиште находится въ Дупничскомъ округѣ, недалеко отъ Скрино.

[3]) Сказитель не понималъ этого слова; на мой вопросъ не могъ дать отвѣта.

Тога отиде у една пустылія,
Де е сега светый Іованъ.
И затекоа го тамъ ошь еднашь:
Одсѣкли му десни́ца и однесли у Росія.

№ 44.

Село Жилинци, Кюстенд. окр.; 6 дек. 1879 г. записана со словъ Миты Славеевой.

(Св. Недѣля съ Архангеломъ Михаиломъ строятъ изъ св. дерева мостъ и входятъ въ рай).

(хороводная).

Заспа́ла Света Недѣля.
Светы Рангелъ на ску́ты,
Светыя светцы буды,
Та и буди светая Недѣля:
«Стани ми, света Недѣля,
Да идеме света Гора,
Да сне́мо свето́ дерво».
Станала света Недѣля;
Та ойдо́а света Гора,
Одсѣкоа свето дерво,
Та превили у рай мостъ;
У рай мостъ има стевы,
Да мину́атъ мертвы души.
Си душици замина́ли,
Три се души останале —
Они биле яко грѣшни,
Та у рай ги не пушта:
Една душа много грѣшна —
Дечи́це е керштева́ла,
Повои имъ не дава́ла;
Друга душа ёшь погрѣшна —
Чуждо прела, чуждо ткала,
Отъ чуждо-то остаяла
И нойна-то притурала,
За това́ е ногу грѣшна,
Та у рай я не пушта;
Третя душа ёшь погрѣшна —
На мома покуди́ла,
Монастырье растури́ла, —
За това е ногу грѣшна,
Та у рай я не пушта.

№ 45.

Кюстенд.-Бан. окр., с. Жилинци; 5 дек. 1879 г. записана со словъ дѣвицы Анны Карадановой.

(«Прошетна се Огняна Марія»).

(ХОРОВОДНАЯ).

Прошетна́се Огняна Марія,
Прошетнасе изъ Легенско поле;
На срѣшта ю братъ света Илія,
И по него братъ светы Гёргіе:
«Добра срѣшта, пресвета Маріе!»
— «Далъ Богъ добро́, братъ, светы Иліе».
— «Каде ч' идешь Огняна Марія?»
Проговори Огняна Марія:
«Э, ты-зе-ка, братъ, светы Иліе!
Че си идемъ при милного Бога,
Да ми даде́ клю́чи и ката́нци,
Да заклю́чимъ небо и па земня —
Деветъ годинъ капка до́жда нема,
Да си пукнетъ земня деветъ латы,
Да пропадне конё со-съ юнакъ,
Да пропадне рало со-съ воло́ве:
Синъ си башта за башта незнае,
Но го знае — момо́къ да му биде, —
Штерка майтя за майтя не знае,
Но знае момкина да биде,—
Братъ си сестра́ за сестра́ незнае,
Но е знае — любне да му биде».
Отиде́ си Огняна Марія,
Отиде́ си при милного Бога.
Далъ и Господъ ключи и катанци;
Заключи́ла небо и па земня:
Деветъ годинъ капка дождъ немало,

Пукнала се земня деветъ латы,
Пропаднало рало со-съ волове,
Пропаднало юнакъ со-съ врана коня.

№ 46.

Г. Радоміръ; 1 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавійскаго.

(Св. Ангелы возвращаютъ душу умершему единственному у матери сыну).

Разви́ласе чума Руселія,
Развиласе, на два нова града:
На денъ біе двѣсте и дваесе,
На ношь біе триста и тріесе,
Па-й не се е на градъ запозна́ло;
Ка удари́ еде́нъ синъ у майтя,
И тогай се на градъ запознало:
А майтя му плаче и гово́ри:
«Леле, сине, леле мили сине!»
Кога́ са си дете однели,
Та са го погребли,
И па-й майтя му плаче и гово́ри:
«Леле сине, леле мили сине!
Мека ли е земняна постеля,
Мека ли е камена зглавница,
Мека ли е земняна завпвка?»
Пратп Господъ два берза ангела
Два ангела, три Божи постола:
«Я слезне́те доле на земня́-та,
Аку да е одъ мплосъ, скоро-бърже
Скоро душа да вадпте,
Аку да е одъ жалба, скоро-бърже
Скоро душа да да́вате!»
Слезнали са два бързa ангела,

Слезнали са три Божи по́столи;
И вишли се, де-ка е одъ жалба,
И они са въеднакъ душа дали́—
И си стана́ еденъ синъ у майтя,
И продума́ на негова майтя:
«Леле мале, леле моя стара мале!
Зашто мале, ты-зи толко плачешь?»
Како́ дете на майтя продума,
И она́ се съ душа раставила.

№ 47.

Врачанскій окр., с. Дупни-верхъ (Турлаки), въ Старой-Планинѣ; 12 февр. 1880 г. записана со словъ Петканы Дулиной.

(Чума «Дергина»).

Загради Господъ монастырь—
Ни ти на небо, ни ти на земи—
Между двѣ-те планине,
Между темни облаци —
Одъ лудье ги заградилъ;
Па нема Господъ монастырь да догради:
Кламбале да се натуратъ,
Стары-те лудье — подвале,
Манинькии деца́ — прагове,
Млады ергенье — колове,
Млады девойки — преплите;
Запраты Господъ запраты
До деветъ чума да моратъ,
Десета чума Дергина:
Одыла са, што одыла,
Морила са, што морила;
Си-те са чуми ойдо́а:
Го́сподъ тофтере́ прегледва;
Си-то тефтере реситены—
Те си чума Дергина.
Господъ си чума садеше:
«Чумо Дергино, Дергино!
Тебе ли вика зла болѣсъ?
Ты не си била зла болѣсъ;
Каде́ те праты, не иде́,
Што те наредихъ — не сверши».
Господъ си чума садаше,
А она му са мо́ляше:
«Божеле немилостивенъ!
Што ты си Боже не смилостишь?
Тернье ми дреи сдраа,
Кремици нодзе срѣзаа;
Не мога, Боже, да влеза,

Да влеза у Стоянове дворове,
Че има тамо кучка на синджиръ,
Кучка со-съ дванáесе кýчета,
Кучета са ботничета».
Господъ си чума учаше:
«Чумо Дергино, Дергино!
Сторисе мечка стервница,
Та му при стадо отиды,
Та му то стадо порини,
Ега се псета одмами,
Тогай да се е влезнешь,
Да влезнешь у Стояновы дворове
Со-съ метла да ги изметешь,
Керезъ те да ги искарашь».
И чума се назадъ пóверна:
Сторише се мечка стервница,
Та при стадо Стояново отидé,
И му то стадо порина,
И онъ си псета одмами:
Тогай чума улезнá,
У Стояновы дворы улéзна.
Стоянъ па снаи прóдума:
«Я дарýвайте циганка,
Па да си излази».
Прóдума му дума чума Дергина:
«Я несамъ церна цúганка,
Я самъ чума Дергина;
Самъ-си ме Господъ дóпрати,
Со-съ метла да вы изметне,
Керéзъ те да вы закарамъ»;
А Стоянъ се моли:
«Чумице, мила сестрице!
Млады да ми оставишь,
Борчове да ми извадышь».
Туку си товá издума,
Детенце писна у люльтя;
Та ги со-съ метла измела,
Та ги керезъ те искáра.

№ 48.

(Загорье). Берков. окр., с. Боровци; 13 февраля 1880 г. записана со словъ Тодора N.

(Хожденіе мертвеца по бѣлому свѣту).

Чувала мала — мача [1]), гледала
Доръ деветъ сúна рóдьены
На гурка [2]) и на махалко [3]);
И така ги учувáла;
Станáли мáжи работны.

---

[1]) Мать.
[2]) Прялка.
[3]) Колесо въ прядильной ручной машинѣ.

Лазарь майти говори:
«Малеле, мома, родьена!
Назе чува момá учувá,
Станáле маже работны;
Напълни, момá, деветъ баклеци,
Узимай деветъ гривна чифтета
И деветъ китки низаны,
На деветъ сéла момá да идешь,
Деветъ мóми да гóдишь,
Та назе да си оженишь».
Майка Лезаря дочýла,
На деветъ села отидé,
Деветы-ты моми довела
Деветъ синове у жены.
Дойдé ми чума безредна,
Умори деветъ синове,
Умори деветъ жеңи;
Останали деветъ люльчета
И една стара баба неяка.
Деветъ-ти баба люльки люля́ла,
И люто Лазаря, кълнеше:
«Сине Лазаре, Лазаре!
Господъ ти душу не прибра!
Низъ глáва трѣва изни́кне,
Косты ти земня изфéрли!
Я си дащерка не давамъ
На товá село Меново;
А ти я сине че дáде:
Нема вóда кой ми донесé
И лѣбъ да ми умесé,
И óгинь да ми накладé».
Плакала, та па кукала.
Я Богъ са жалба дожалилъ,
И Лазаря подплатилъ [1]),
И, ми, Лазарь изъ гробá излезналъ,
Да иде село Меново,
Сестра Іована да си доведé,
Та майтя да си послýша.
Отидé Лазарь село Меново:
Край село оро играя;
Сестра Іована братко заглела
Хоро, ми, прекина,
И братко Лазаря фанáлá:
«Браткуле, братку, Лазаре!
Деветъ годинъ, ка' ме дáдохъ ты,
Мене не сте ми дошли́;
Зашто, сеги́ че идешь?
Ели е мама умрела,
Ели е нѣкой милой снашици,
Или мили братя рóдьены?»
— «Млóгу ти здравье одъ мáма!
Дѣ идешь, момá, со-съ мене:
Мáма си жени преунукъ;
Да дойдешь, мома, сестрица,
Да идеме со-съ тебе».
Сестра Іована и братко пошли
Настанáли горá зелéна;
Низъ горá слáвія че пее:

[1]) Т. е. оплотилъ (воскресилъ).

«Де-къ се чуло, видело,
Живъ човѣ́къ съ мертавъ да хо́ди!»
Дочула сестра Іована:
«Браткуле, братку Лазаре!
Яле, ми, славія ка' пее:
«Какъ се чуло, видело,
Живъ човѣ́къ съ мертавъ да ходы».
Лазарь сестри си говори:
«Тайсе, сестра тайсе!
Ты имашь славій лажо́вны».
Вервели, што са ходы́ли,
Іована братку испитува:
«Браткуле, братко Лазаре!
Зашто ты, братку, душа смерды́
Душа смерды́ на базе[1]),
Я ты парцелякъ на попарена мирише?»
Вервели, што са вервели—
Яла край село че дошли,
Яла си братко гово́ри:
Сестро-ле мома́ Іовано!
Я земи тоа патъ,
Да идешь, мома, дома;
Я ше останемъ гробишта,
Ранена коня да си напасе́мъ,
Па ше те, мома́, пристигнемъ».
Сестра му дома ошела́,
Лазарь се у гробиште отшло.
Ку'-ту ми до́ма ошела́,
Майка и плака и виче,
Сина Лазаря кьлнеше:
«Сине-ле, сине Лазаре!
Господъ душа да ти не прибере!
Изъ глава трѣва изникне,
Косты-ты зе́мня исфе́рли!
Че я дащерка неда́вамъ
На това́ село Меново —
Меново село далечино
Не може да си дойде,
Та майтя да си послуша».
Іована на врата дошла́,
И на майтя гово́ри:
«Малеле, мома ро́дьена!
Отвори, мома! што плачешь?»
Майка и врата отворила.
Ку'-то у кышта увлезнала,
Жива се съ майка здравили—
Мертвы се пуштили.
Остана слано и благо
За тія верли душмане.

—

Това се тамо сторило
Та се у пѣсень турна́ло.
За ваше здравье — за наше,
За млого годинъ.

---

[1]) Особенная вонючая трава.

№ 49.

(Загорье) Берков. окр., с. Боровци; 13 февраля 1880 г. записано со словъ Тодора N.

(Вѣрованіе въ предсказанія календаря (оракула).

Рано, ми, рани младъ Тудоръ
У светá млáда нéделя.
Заметна кожувъ лисиченъ,
Узелъ, ми, тежекъ календарь,
Отважда церква шарена,
Та да се Богомъ помоли
У светá младая неделя.
Ку'-то, ми, отшелъ у церква,
Зяпалилъ дéветъ кандилé,
Та се Богомъ помóли:
«Божеле, мили Господи!
У календарь ми се пáдаше,
Че ште да гиня,
Да гиня одъ своя майтя родьена».
«Тудоръ надалеко ше бѣгне
У големъ градъ у Влашка,
Ага се годинъ поминатъ —
Деветъ годи́ны да сѣди,
Да сѣди у Влашка земня Богданска».
И такá Тудоръ побѣгнá
У Влашка земня Богданска;
Деветъ годины посѣделъ,
Тежко иманье спечалилъ;
Агá си годинъ помиíнатъ,
Тудору майка да умре,
Тудоръ дома да се врашта.
И така Тудоръ спечáлилъ,
Спечалилъ тежко иманье,
И се назáде·поверналъ.
Прикупилъ Тудоръ овчаре,
Овчаре и говедаре,
Стока-та да му закаратъ
На село-то Борованъ [1]).
Деветъ годины поминали
И десята му́ подбрала,
И такá Тудоръ кóня стегнáло,
Настанá Баштино росно ливадье.
Цено Тудуру говóри:
«Враштайсе, батё, назаде!
Това ти́ не е на добрó»
Тудуръ три паты коня припушты́,
Три паты калпакъ паднáло.
Настанали село Борованъ.
Край село-чешма шарена
Либс му Петкана стояше;
Тудуръ Петкана загледа́,
Тудуръ си при нея дойде,
И, ми, Петкáна пи́таше:

[1]) Село въ Врачанскомъ округѣ.

«Либеле, либе Петкано!
Петкана, младо невѣсто!
Има ли товá село конакъ,
Конакъ да лежимъ —
Сто гроша давамъ за оборъ[1])
Двѣ иляды давамъ, у васъ да спимъ».
Постой, почекай либе Тудоре,
До дома да се посвéрнемъ,
Да питамъ стара майка родьена —
Че ние сме двѣ жени́
Двѣ жени́ — довици».
И така шарены поди[2]) дигнала,
Ка-мъ-то, ми, дóма тéчаше,
Стара свекéрва питаше;
И си Петкана майка пи́таше:
«Малеле, мила родьена!
Терговче мало пи́таше,
У назе моли да дойде —
Сто гроша дае за оборъ,
Иляду дае, у насъ да си спи».
Петкани свекерва говóри:
«Иды терговче, мома, излажи —
Ага она-зе да дойде,
Тежко иманье да земеме».
И така она терговче викнáла;
Тудуръ на свайга домъ отиде.
Яле се пили ношь-та.
И Петкана свекéрви говóри:
«Малеле, мила родьена!
Яло, мале, терговче, ипило;
Оче мало да поспи;
Иды, ми, мамá, постели:
Шарены озглавницы натурай».
Она му озглавницы натурало
Озглавницы шарены;
Двама са Петкана и Тудоръ легнали,
Легнали, та се заспали.
Ноштá се дигнала стара баба:
Узéла влашяо ножленце,
Само при Тудоръ очела,
И така врата отвóрила
И Тудору глáва узéла.
Петкана се собу́дила —
Викнáла, та заплакáла:
«Малеле, мома, старице!
Каквó се чудо сторúло!
Нали е, мамо, нашъ Тудоръ,
Де-ка у Влашка побѣгнá
У тая земня Богданска?
Деветъ годинъ го не мало,
Десета година че дойдé.
Мале, мома, родьена!
На ли е то нашъ Тудоръ?»
Свекерва Петкани говóри:
«Дигнисе, мома, дигнисе!
Тудору да си спастриме[3]),

---

[1]) Сарай, малорус. обóра.

[2]) Исподница.

Тежко иманье ни остане;
Комшіи да ни не чуятъ,
Иманье да не узематъ».
Тудору ноштась спастрили,
У буниште го турна́ли.
Остана́ тежко иманье
За тія верли душманье.

№ 50.

Кюстенд.-Бан. окр., село Жилинци; 5 дек. 1879 г. записана со словъ дѣвицы Анны Карадановой.

(Будетъ болгарскій царь изъ болгаръ [1]).

Бугаринъ че царь да биде —
Бугарска войска че бере.
Кой има сина че праты,
Кой сина, кой ми́ли брата;
Спракъ Стояна нема сина,
Нема сина, ни брата:
Та си оды по дворове
И си рони дробни сузи,
И си тро́ши бѣли рацѣ;
Онъ си има деветъ штерки,
Десета-та Радули́нка;
Радулинка наймаленка,
Наймаленка, найубенька
Согледа го одъ високи те ча́рдаци,
Па на башта си гово́ри:
Аво тато, мили тато!
Зашто, тате, по дворъ шеташь,
По дворъ шеташь дробни сьлзи ронишь,
И си трошишь бѣли рацѣ»?
— А башта му говоряше:
«Радули́нко, мило штерко!
Та не чу ли — не разбра ли,
Съ ношти вечеръ на чешма-та
Каковъ си е ферманъ дошелъ,
Ферманъ дошелъ, аберъ донелъ:
«Бугаринъ че царь да биде —
Бугарска войска че джратъ»;
И язъ сирома ни мамъ сина,
Нимамъ сина, нимамъ брата,
Салъ си имамъ деветъ штерки,
Десета-то Радулинка,
Радулинка наймаленька,
Наймаленька, найу́бава».
Проговори Радулинка:
«Не бой, ми, се, мили тате!
О́тиди си на Новъ-Пазаръ на панагиръ,
Та ми купи машко руо и оруже,
И ми купи остра сабля,
Остра сабля — посѣкліе,

[1]) Пѣснь эта поется на хороводахъ.

И ми купи тенка пушка,
Тенка пушка нишанлія,
И ми купи Врана коня,
Врана коня — игралія,
И ми купи буйно копье,
И ми купи шаренъ калпакъ;
Подсѣчи ми руса коса,
Остави ми руси перчикъ';
Я че идемъ силне войске
Со чи́чины сынове —
Напредъ предъ войске че одымъ
И зеленъ байракъ че но́симъ».
Тамъ седѣла деветъ годинъ.
Кога́ дошло́ «Лазарица»,
Улезна́ло у яе́ро при конье́-то,
Улезнало — запояло «Лазарица».
Дочула е цари́ца — та,
И говори:
«Тако м' Бога, честитъ царь!
Имашь мома́ у войске-те».
Я царо не вѣруе.
Па сидѣла ошь три годинъ време.
Де сидѣла дружина,
Се трава-та весела,
Де седѣла Радулинка,
Тамъ трава-та повенала:
Радулинка у уста вода носи́ла,
Та трава-та насипала,
Та и тамъ трава весела била.

№ 51.

Село Жилинци, Кюст. окр.; 6 дек. 1879 г. записана со словъ Стойны Стояновой Чекеренды.

(Бѣгство влюбленныхъ [1]).

Извикна́ла е Янинка:
«Бре варай Боже! до Бога
Одъ таа кашта богата,
Одъ тія люде джеле́пи:
Весъ день перемъ и мѣсимъ,
Са ноштъ свила препридамъ
Золви за танки да́рове;
Да имамъ негдѣ нѣкого,
Бре, ако би не бѣгало».
Дочуе Петре́ терго́вецъ:
«Айде, Янинко да бѣгамо!»
А Янинка му гово́раше:
«Чекай, Петре, до година,
До година на Великъ-день, —
Свекорь, свекрова на церква,
До двѣ ми золви на о́ро,
До два девера на каменъ,

[1]) Пѣснь эта поется на хороводахъ.

Младо войно на прошетъ;
Докарай кони, кочіи,
Дотовари имъ иманье».
Чека́лъ Петре до година,
До година на Великъ-день;
Докаралъ кони, кочія,
Натоварилъ имъ иманье:
Една кочія тонки да́рове,
Друга кочія Яни́нка. —
И се бѣгало на друга кашта.

№ 52.

Кюстенд.-Бан. окр., с. Жилинци; 5 дек. 1879 г. записана со словъ дѣвицы Анны Карадановой.

(Жестокость гайдука [1]).

Билъ Богданъ, билъ арамлія
До седемъ — осемъ години арамлія.
Войвода му говори:
«А Богдане, Богдане!
По тая гора зелена —
Богъ да не кара —
Колко си годинъ айдукъ билъ?»
Богданъ му вели-говори:
«Войводо, мори, войводо!
Деветъ семъ годинъ айдукъ билъ,
Деветъ семъ керви учинилъ,
Десето дете́ Стояно,
Живью го на раженъ пекохъ:
Накара башта да верти́,
Накара сестры да поятъ,
Накара братя да свиратъ,
Накара сна́и да поятъ,
Накара майтя да яде;
Башта му верти и плаче,
Майтя му яде и плаче,
Братя му свиратъ и плачатъ,
Сестры му игратъ и плачатъ,
Снаи му поятъ и плачатъ.
Дете одъ раженъ гово́ри:
«Тателе, мили татице!
Потерни, мили тате, огино,
Изгорѣятъ церни очи,
Я ми додай студна вода,
Да растопа клето серце.

---

[1]) Пѣснь эта поется на хороводахъ.

№ 53.

(Заг.) г. Берковица; 13 февр. 1880 г. записана со словъ вожатаго медвѣдя.

(подъ пляску медвѣдя).

Димитра малка мома!
Да ми дойдешь ютре на́ вечеръ:
Да ми носишь руса коса,
Руса коса до пояса;
Премѣнисе, накитисе,
А верже се гердадже-то
Гердаджече су маниста.
Ште ти земемъ китка цвѣтя,
Китка цвѣтя одъ глава,
Китка цвѣтя ралебуша.

ПѢСНИ ИЗЪ СЕМЕЙНАГО БЫТА.

№ 54.

Село Струга (въ Македоніи); 2 дек. 1879 г. записана со словъ г. Лазаря Хаджіева.

(Раннее развитіе половыхъ стремленій).

Жены ме, майко, жены ме!
Дури су мало-мaлено
(повторяется стихъ)
Дури е жито ефтино, (bis)
Дури е вино ефтино,
Килныца вретя сто пары,
Ведрица [1]) вино золота [2]).
— «Не женамъ, синко, не женамъ,
Уште си мало-ма́лено
О(д) дванаесе години,
Одъ тринаесе проле́ти»;
— «Ако ме, майко, не женышь,
Младъ харамія ке бидамъ
Со дваесъ и петъ дружина,
Кой нема майка, ни татко,
Кой носи кервава кошула»;
— «Ако идешь харамія,
Луто ке, ми, те про́кьлнамъ:
Тамо да, ми, се ра́зболишь,
Да нема, кой да ти дойде до тебе;
Ты да си у́мрешь на-са́мо,
Гаврани́-те да те закопаятъ.

---

[1]) Сосудъ въ 12 окъ.
[2]) 30-ть паръ.

№ 55.

Г. Радомiръ; 1 дек 1879 г. записана со словъ Таски Моавискаго.

(Споръ двухъ братьевъ изъ-за дѣвушки и выборъ послѣднею младшаго).

Два се брата за мама́ караятъ;
По́младiё на старiё вели:
«Немой, брате, да се нека́раме,
Свѣтъ со-съ насъ да се несмѣе;
Ты у́дари го́ра бершлянова,
А я че удримъ го́ра чешмиро́ва;
Кой претече́ на мо́мины дворы,
Онъ че земе текмена девойтя».
По́старiё удри́ гора бершлянова,
По́младiё удри́ гора чемширова,
И два-та се на дворъ достигная.
Излезна́ла токмена девойтя—
Што че она дарба да даруе?
По́старiё свилена кошуля,
По́младiё дуня стогодкина;
Не се чуда свилена кошуля
Алъ се чуда дуня стогодкина;
Де-ка си е дуня лѣтувала?
А де-ка си е дуня зимувала?
Лѣтувала момины дарове,
Зимувала мо́мины пазуки.
И па-й се братья за мома карая;
И тога имъ мома продумуе:
«Кому да́до свилена кошуля,
Онъ да биде мои́ стари деверъ,
Кому да́до дуня стогодкина,
Очемъ него за любе да ми е.

№ 56.

Трен. округа, с. Бабица; 22 ноября 1879 г. записана со словъ Стоянчи Божилова.

(Дѣвушку беретъ въ жену юнакъ, принесшій изъ-за Дуная яблоко «мерджанку»).

Собрали́ се шеесе́тъ юна́ци,
Собрали се на ладне меане,
Та си пили то́ва руйно вино;
Слуга имъ е Руселенъ девойтя;
Ре́дома е чашу дава́ла—
Сви юна́ци чашу приванали.
Прогово́ри Дюра Скенделія:
«Бога тебе, моме Руселено!
Како можешь, слуга да ми бу́дешь,
Дали можешь, да ми любе будешь»?
Огово́ри Руселенъ девойтя:
«Кой се може юнакъ наванаты,
Да преплива презъ бѣ́ли Дунавье,
Тому-ва чемъ люба да си бу́демъ:
Тамо има мерджанка ябука,
Да донесе́ одъ ябука ниша́нъ».
Навара се Дюра Скенделія,
Да преплива презъ бѣ́ли Дунавье,
Да донесе́ ябука мерджа́нка,
Да си узме мому Дюрь-Елену:
Постегнале [1]) конче-то троего́дче,
Постегнале [1]) до деветъ коланы,
Те препливалъ бѣли Дунавье,
И до́не́лъ я́бука мерджанка,
Та узелъ мома́ Дюрь-Елена.

---

[1]) Т. е. постегналъ+е.

№ 57.

Г. Пиротъ (въ Сербск. Княжествѣ); записана 5 ноября 1879 г.

(Невѣста зоветъ своего милаго).

Дуни, ми, дуни ладя́не,
Дойди, ми, дойди Драга́не,
Иль та́е вечеръ, иль друга
У моя́ бащá зеленá,
Кудé везé Милка да́рове;
Да видишь Милки да́рове;
Вържи си коня за ружу:
Конь ру́жу да мери́ше,
А онъ у́ серцу да уздѝше
За своé-то драго на́йболе.

№ 58.

Соф. округъ, с. Кремиковци; 2 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Степана Крачуна.

(Невѣста цѣлуетъ руки свадебнымъ гостямъ).

(СВАДЕБНАЯ).

Огрея дзвѣзда деница
Низъ тая чесна тарпеза;
Не ми е било дзвѣзда деница,
Но ми е млада невѣста:
Редома рака целива
На кума и на старойтя:
Кумове аризватъ,
Аризватъ пара грошеве,
9 А девере керстаты полаци [1]).

№ 59.

Охридскій окр.; 2 дек. 1879 г. записана со словъ г. Лазаря Хаджіева.

(Злобное отношеніе матери жениха къ невѣстѣ).

По патъ растелъ трендафилъ,
Растелъ червенъ трендафилъ,
По патъ цвѣтилъ, на патъ падялъ;
Тукъ поминуватъ Янкови сватови:

---

[1]) Тур. слово-платокъ.

Си-те сватове трендафилъ брале;
А небере Янко младо момче,
Но онъ ходи близу при девойка,—
Янко думатъ на млада невѣста:
«Ой Меріе, моя сужденице!
Ты си ми сега девета девойка;
Си-ти ми ги отрула стара майка;
Ке дойдеме до бѣли дворови,
Предъ дворови коло ке играе,
Коло води стара-та ми майка,
И у коло мили-те ми сестры;
Отъ хоро-то майка ке се пустьі́,
Ке си влезе во бѣли дворови,
Ке си земе отъ злато машица,
Ке си фаны змія присойница,
И ке земе ба́рданъ отъ булюра
У чаша та зехеръ не нацеди,
Ке по́мѣша вода и шекеръ,
Ке ти дава шербетъ да си піешь;
Не се лажи, мило мое серце;
Па ты земи, подай си на деверо-тъ».
Ми дойдова до бѣли дво́рови,
Се фанаха коло да и́граятъ:
Коло во́ди Янкова-та майка;
Си до́несе шербетъ на невѣста-та:
«Земи, Маро, моя снахо мила!
Напи, ми́, се шекеренъ шербетъ».
Мара зеде [1]), на деверо-тъ си даде,
Па го непи —жалосна му майка!
Како га испи, на земля си падна —
Наймаліо-тъ синъ билъ деверъ.

---

[1]) Sic.

№ 60.

Тренскій окр., с. Бабица; 24 ноября 1879 г. записана со словъ крестьянина Юрія N.

(тоже).

Иванъ сака Петкану девойтю,
Иванъ сака, майтя му недава:
«Не мой, синко, Петкану да зе́мешь —
Петкана си е многа больняива
Больняива и па айнаджія:
Зимѣ(е) глава, лѣтѣ половина».
Иванъ си майтю неслуша́лъ,
Та земало Петкану девойтю.
Ка' е било ско́ро по вѣ̀нчанье,
И ню е скоро глава заболѣла;
А майтя́ му по ті́я огово́ри:
«Кой ты дума, синко, Петкану да не земашь?»
Па е отишла Иванова майтя,
Отишла на нови пазаръ,
Да тражи то вьрле маджіе;
Опази ю Иванъ до́баръ юнакъ,
Па-й си говори на Петкану любе:
«Те, си иде тая наша стара майтя
И носи той вьрле маджіе;
Када биде вечеръ на лаганье,
Ты да легнешь на мое постельте,
А я легнемъ на твое постельте;
Ега́ би се тоя вьрле маджіе растуриле,
Станалъ се Иванъ Змія — Осовница;
Ка' си биде рано одъ зарана
Я си стана́ Змія́ — Осовница,
Да запрегнешь той бѣли скутеве,
Да ме туришь у бѣле скутеве,

Да ме носишь презъ росне ливадье,
Да ме туришь у ка́мено громадье;
Ты си млада не чешь да отсѣдишь;
Ка' биде, да се тебе воде,
Да дойдешь, да ме туришь
Да ме туришь у бѣле скуто́ве,
Да ме туришь у мое дува́рове».

Дальше сказатель не могъ въ порядкѣ все досказать, но въ заключеніе сказалъ:

Станало е Петкана Змія́-Осовница,
Та испила на негову стару майтю очи,

И говори:

«Мале! да одышь по равни дворо́ве —
Емъ да одышь, тёрева да одышь».
Мои си дворы запустѣли.

№ 61.

Г. Дупница; 11 дек. 1879 г. зеписана со словъ Стефана Станоева.

(тоже).

Сѣдна́лъ е Стефанъ сиромахъ
Вечера да си вечёра
Со-съ булка си Еле́нка
И съ двѣ-те мышки ражбі́цы;
5 Яли са, вечера́ли,
Я вино́ имъ се свершúло;
Стана́ла булна-та Еленка
Въ дольни земници да иде
Вино да си нато́чи,
10 И се на прага запре́ла,
Да шлуша майка свекырва,
Што ште да дума за неа.
Майка Стефану ду́маше:
«Синку, Стефане, Стефане!
15 Я одсудимъ булка-та,
Че ми се вече не срамья:
И вечеръ хо́ды по дукяне,
Та со-съ терзіи играе».
Влезна́ла бу́лка-та Еле́нка;
20 Стефанъ Еленки думаше:
«Еленко первнолюбне!
Я и́звади ми вѣнчална премѣна,
Ютре ште идемъ на чёрква
Премѣни Петра и Па́вла;

Оди́ха и дойдоха.
Стефано Еленки думаше:
«Еленко перволюбне!
Чулъ самъ азъ ду́ма за те́бе,
Че се на майка несрамяшь;
Я и́звади, ми, сабля френгія
Руса и главица одсѣче;
Олавица таи ёште скачаше
И со-съ языкъ думаше:
«Стефано, перволюбне!
Што ти на срѣшта путъ преминáхъ,
Што ти лоше продумáхъ?
Та послушá майка ти —
Тая ми е големъ душманъ».
Стефану жалбу дожалѣ,
И се прободе кле́то серце,
И на майка си ду́маше:
«Сѣды ми майка сами́чка,
Сѣды ми, ёште лескувай».

№ 62.

Городъ Пиротъ (5 ноября 1879 г.).

Дево́йче цвѣ́тье брало.
Куд га брало,
Там заспáло:
У горице
Подъ ели́це
Подъ елу́
Зелену́;
Бѣло́ лице прекри́ло
Са алево кавраче.
— У́пази га младо момче́
Момче́ изъ нова сада,
Та гово́ри на девойче:
«Дигсе, дигсе девойчице!
Шта си се оспало?
Ясно сълнце изгрея́ло,
Оче да пригори;
Алевъ кавравъ побелѣ́лъ,
Побѣлелъ отъ люте росе.
И китка цвѣтя повену́ла,
Што си набрала».
— «Нека вене, нека сене,
Другчо че бере».
— И момче́-то се ожени́ло,
Што си избрáла.
— «Нек се жени, нек се доми,
Просто да му е:
У́ мен(е) му златан пь́рстенъ,
Што че се мени;
(Каже) Кадъ буде у́ церквице
У церкви насредъ вѣнчаня,
Громъ да громе и тресъ да тресне
Да тресне изъ ведро небо
И ни да уби́е.

№ 63.

Городъ Пиротъ (5 ноября 1879 г.).

(Девойче стои́ на порте, а момче́ шета по сока́къ).

Момче́ девойки гово́ри:
«Кажи́ ми, лудо, и пока́жи,
Куде има гора́ зелена́-та,
Де идем да се обѣсим;
У друштво личенъ да несем,
И на свето́ да не доса́джа»?
— Каже девойка:
«И то́ва ли да нау́чем?
Обѣси се, луде, у моя-та бащá
У башá зеленá,
На тія бели трендари».
— Момче́ девойки говори:
Кажѝ, покажѝ, ми, лудо,
Куде има земля́ ровита,
Да се тамо закопамъ»?
— Каже девойка:
И товá ли да научем?
Зако́пайсе, лудо, у моя-та бащá
У бащá зеленá,
У тыя бечки карафиль.
— Момче́ девойки говори:
«Кажи́, покажи́ девойче,
Куде има вода големá?
Идем да се удавим».
— Удависе, лудо, удависе
У моя-та бащá, у бунаръ.

№ 64.

Село Нова-Мала (Пирот. округъ); 7 ноября 1879 г. записана со словъ Софіи Кирины.

(Интимная связь дѣвушки съ холостякомъ).

Прошетавсе младъ бетяръ
Прошетавсе у серай — Бѣлградъ.
Угледа га Елена отъ високе чардака:
«И ела! дойди ерделъ младъ
И донеси кавале, мало да посвиримо!»
Проговори ерделъ младъ:
Не смѣмъ, не смѣмъ, Елено,
Ту е Іерко́въ краль,
Па̇ се дойде на вечеръ
Па-й донесе кавала».

Су[1]) ночь ѣше и пише
И предъ зоре заспаше.
—Причукали[2]) Іерковъ краль
Причукалъ на негове капие:
«Ела, отвори Елена!»
— «Почекъ почекъ, Іеркокъ краль»!
— Па се дойде Іе́рковъ краль,
Па говори Ї̈ерковъ краль:
«Елена, Елена! мѣсила ли таина,
«Да си дойдемъ на войску»?
—«Не семъ мѣсила, не готвила».
— Проговори Іерковъ краль:
«Што си косе мърсене»?
Приговори Елена:
«Дошла сестра́-та,
Та дове́ла деца́-та́, —
Да се съ мене играше,
Да на то косе мърсене».
— Изговара Іерковъ краль:
«Ей, Елено, Елено!
Іа, ми, додай ключе́ве,
Да отворимъ санда́ци (2 раза),
Да узмемъ дука́ци,
Да си купимъ таи́ну»
— Изговара Елена:
«Тако м' Бога, Іерковъ краль,
Си-ночь да де-си стра́тилъ,
Да се играше са деца́-та
Ключеве изгуби̇ше».
Изле́тесе Іерковъ краль,
Та, ти ра́зби сандаци:
У сандаци младъ бетяръ.

---

[1]) Т. е. всу. [2]) Sic.

№ 65.

Трент. окр., с. Божица, на границѣ Вран. окр.; 4 марта 1880 г. записана со словъ Павла Лазарева.

(Разспросы сестры у брата, любящаго поповскую дочь).

Пролія, ми, ято голубато
Па, ми, паде лозье на дутяне.
Лазарь рѣже крыла паунова,
Порѣза се на рука десницá
На рука десница.
Па го пита сестра Елица:
«Брале Лазо! боли ли те рука?»
— «Селе Еле? не боли ме рука
Не боли ме рука;
Но ме боли серце за девойка
Серце за девойка».
Па га пита сестра Елица:
«Брале Лазо, коя девойка тешь,
Коя девойка тешь?»
—«Селе Еле! найближня комшійка
Найближня комшійка
Поповá е чéрка»
— «Брале Лазо! шій мордоламо
Шій мордоламо;
Турай дугме до дугмеета,
(*повторяется стихъ*)
Да не пройде ни златнá ябýка,
А камо ли тýдя рука».

№ 66.

Соф. окр., село Сливница; 6 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Тита Николова Адамова.

(Кумъ и староста убиваютъ жениха).

(ЗА СВАДЕБНОЙ ТРАПЕЗОЙ).

Зажени ми се младъ Младенъ:
Далеко момá затекми
У Влашка града голема;
Чинило законъ, што било,
Та па се назáдъ пóверна;
Та позва триста сватове,
Триста сватове и дванаесе дéвере,
Новога кума и старойтю.
И си пойдоха свáтове.
Минаше поле широко
И насташе гора зелéна;

Тамо ги мракъ преотелъ,
Та са легнали и заспали.
И додума кумъкъ и старойтя:
Погубиха̑ млада Младена;
Турише Бранка деверче,
Турише младъ младоженя,
И отидоше у Влашка града голема.
Недѣля свадба правиха,
И рече имъ мома́ излезне;
Брайтя Тодори думая:
«Сестро Тодоро, Тодоро!
Кага́ улезнешь тарпеза,
Не дидзай глава високо́,
Не турай вѣнци по́-горѣ
И не разгледай тарпеза;
Не мой срамъ посрамишь,
Не мой укоръ изнесешь;
Ние сме людье чуены».
И Тодора тарпеза улезе:
И диже глава високо́,
И тури вѣнци по́-горѣ,
По сва тарпеза по́гледа —
Нема си Младенъ, та нема го.
И си пойдоше отуде;
Пре свая гора гледала,
Гледала млада Тодора,
Де-ка че види млада Младена?
Та я видѣла млада Младена
Утая гора зелена видѣла:
Башка́[1]) съ глава́ трупи́на,
Лежи на тенка риза-кошуля,
На чисъ червенъ подкапникъ.
Па си ойдо́ше на дворы;
И майтя ги срѣтнала,
Предала куму и старойтю
Това́ ви́но червено
И на девойтя превѣсъ подига —
Та ли е млогу хубава?
А девойтя ю казуе:
«Хубава, мамо, та яко хубава,
Амо семъ млада удо́вна».
Недѣля свадба правише:
Се си я майтя питуе,
И се ю мома́ казуе;
А па майтя вѣра не лови.
Кага́ си биде́ на́йпослѣ,
И майтя вѣра фанала:
«А куде́ е си Младенъ прилика?
Кой ти е младъ младоженя?»
— «А Бранко е, мамо, де́верче!
Оно е младъ младоженя».
— «Э, куде́ е Младенъ прилика?»
— «Мале! Младенъ е млады загина́лъ,
Загиналъ у тая гора зелена,
При това́ дерво керстато,
На тонка рыза-кошуля,
На чишъ[2]) червенъ подкапникъ».

[1]) Отдѣльно. [2]) Sic.

Тагай е деветъ сестры цвилба тергна́ли,
Десета майтя на́йвече;
А цвилба се до́чу небеси́;
И гово́ри Господъ:
«Ангеле мои ра́тае!
Слезнете долѣ, на земи!
Што ми е цвилба дочуе».
И са ангеле слезна́ли;
Та са на́ земи видѣли,
Та па си при Бога отоше;
Та па ги Господъ питуе:
Ангели мои ратае!
Што си видохте на́ земи?»
А они́ тагай гово́ра:
«Божеле, мили Божице!
Младенъ си е младъ заженилъ,
Далеко затекмилъ мома́
У Влашка града големи,
И си се наза́дъ по́верна
Со-съ триста сватове и дванаесе девере;
И мних̔а поле широ́ко,
Настая го́ра зеле́на,
И тамо ги е мракъ преотелъ,
Та си легнали-заспали;
И додума кумъ и старойтя,
Та погубих̔а Младена,
Турих̔а Бранка деверче,
Турих̔а младъ младоженя;
Кага́ отоше у́ Влашка,
Не́дѣля свадба прави́ше —
Не че имъ мома излезне;
Брайтя Тодори ду́мая:
«Сестро-ле Тодоро, Тодоро!
Кага́ улезнешь тарпезе,
Не дигай глава высоко́,
Не турай вѣнци по́-горѣ,
Не мой да гледашь тарпезе,
Не мой ни срамъ посрамишь,
Не мой укоръ изнесешь;
Ние смо людье чуены».
И се вернаа сва́тове
Презъ тая го́ра зелена,
Тамо е видѣла,
Видѣла млада Тодора,
Де-ка е Младенъ загиналъ:
У тая го́ра зелена,
При това́ дерво керстато,
Керстато и столовато[1]).
Па си ойдо́ше на дворы;
Майтя ги срѣтнала,
Предала вино-ракія,
На девойтя превѣсъ подигла,
Да види, да гледа,
Да ли е млогу х̔убава?
А девойтя ю казуе:
«Х̔убава, мале, х̔убава!
Х̔убава, мале, та млого,
Ама семъ мла́да удовна».

[1]) Развѣсистый.

Тутъ сказитель нѣсколько опустилъ, сравнительно съ изложеніемъ въ первой части этой пѣсни.

— «О ти си, синку (sic) удовна?»
— «Младенъ е млады погиналъ,
Погиналъ у тáя гора зелена».
Тагай се деветъ сестры́ цвилба тергнали,
Десéта майтя нáйвече.
Цвилба си дóчу до тебе»
— «Фала вама, мои ангеле!
Узнете сабья ерджава
И той маздракъ желѣзенъ,
Слезнете долѣ нá земи,
Ставéте глава трупи́на,
Та па му душа съодайте;
И дайте му сабья éрджава.
И тоя маздракъ желѣзенъ,
Та да оти́де на свадба.
Што нáйде, се да посѣчé,
Да сѣчé и да убодé.

№ 67.

Г. Радоміръ; 2 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавискаго.

(Разлука новобрачныхъ вскорѣ послѣ вѣнчанья).

(СВАДЕБНАЯ).

Войници́ се пишатъ
На войска да идатъ.
Горо-ломъ зелéна,
Ты вóдо студéна,
Ты стара пладнино!
Кой си нема коня,
Коня че му дадéмъ.
Горо-ломъ зелéна,
Ты водо студена,
Ты стара пладнино!
Кой си нема пушка,
Пушка те му дадéмъ.
Горо-ломъ зелена,
Ты водо студена,
Ты стара пладнино!
Кой си нема сабля,
Сабля че му дадемъ.
Горо-ломъ зелена,
Ты водо студена,
Ты стара пладнино!
Собралисе се млады войници
Си-те млады, си-те неженены,
И си-те, мале, коня играяха̊;
Я едно войниче коня не игрáе,
Ни коня играе, ни ми пѣсень поé;

Окна си го, мале, срьбски князь Стевана:
«Зашто ты-зи ни коня играешь,
Ни ми пѣсень поéшь?»
Продума малко войниче:
«Слушай мене сербски краль Стéване!
Я играемъ и ногу обичамъ;
Мене ми е писмо достигнáло,
Достигнало одъ моя-та дома,
Де-ка били ногу на грыжове»
Продумá си сербски краль Стеване:
«Ты разыграй коня патонóга!»
И разыгрá коня́ патонóга,
Разыгрá го низъ поле широко.
Продумá си сербски краль Стеване,
Продумá си на младо войниче:
«Ты разыгрá твоя́ добра коня
Разыгра го низъ поле широко»!
И войникъ му дума продумуе:
«Слушай мене, сербски краль Стеване!
Я не бѣгамъ одъ царска-та служба
И не бѣгамъ одъ нашіё народъ —
Ногу сакамъ и ногу обичамъ;
Богъ да біе мои-те комшійте!
Оии са си верли, бре, душманти:
То пратия това бѣло книже
У книже-то товá церно писмо,
Не го знаемъ, де е одъ комшіи,
Я го знаемъ одъ моя-та дома;
Научи̏се де-ка не е одъ моя-та дома,
Салъ одъ верли комшіи
Одъ комшіи, одъ верли душмане:
Очемъ сега коня да игрáемъ,
Очемъ тебе пѣсень да попóемъ,
Очемъ д'идемъ на равно Косово

Да пропъдимъ Турска силна войска,
Да погубимъ цара, бре, Мурата,
Да со-съ Божій заповѣдъ
Ослобо́димъ наша мила вѣра,
Мила вѣра, мила православна».
Богъ да біе Турци клеты псета!....
Да живеа наши мили брати,
Дека стана царство православно!

№ 68.

Село Скрино, Дупн. окр.; 17 дек. 1879 г. записана со словъ Ангела Рыбаря.

(тоже)

Стояне, море, Стояне!
Стояну кни́га дофтасала:
Премладъ на́ войсте че иде;
Оставя млада невѣста,
Армосана, невѣнчана.
И она го пра́шаше:
Стояне, любне, Стояне!
Кадъ-то чешь, любне, да идешь?
Ногу ли чешь да се забавишь?
Дали два дни, дали три дни?
— «Ни два, ни три дни,
Алъ деветъ годинъ царски измитяръ».
Па си легна, та си заспа.
Чукнала на порты дружина:
«Стояне, море, Стояне, станувай!
Ай станувай, да х́одыме!»
И онъ ошелъ, она го неусѣти́ла:
Ко́га се разбудила, ега́ ли го не́ма;
Станала́ на дворъ излезна́ла,
Викна́ла та заплакала:
«Стояне, море, Стояне!
Даль ойде у гора́
Еленъ да утепашь,
Или ойде́ у поле-то,
Рыба да уловишь».
Земала двѣ стовни шарены,
Та ойде на́ вода-на Дунаева,
На Ду̀нава говоре́ше:
«Дунаве, тія водице!

Одка(д) са петли пояли,
Колко вгемія минало?
— Триста вгеміи минаа,
Надъ-предъ Стоянъ и́деше
И со-съ пи́санъ кафалъ свираше
И за тебе жаляше.

№ 69.

Джумалійскій окр., с. Селиште; 10 дек. 1879 г. записана въ г. Дупницѣ со словъ Николы Іованова.

(тоже).

Углави́ се Павле́ у неделя,
До неделя-та свадба че буде.
Поканилъ си отъ три града гостье:
И си кани́ кумо́ и старейко;
На свадба му дойдоа три Татара
Три Татара — три чадара,
На Павле́-те велятъ-говоратъ:
«Айде, Павле, цару, ми, ти те́ра,
Да ты идешь на силна война»;
А Павле си вели — гово́ри:
«Постойте малко, почекайте,
Да испратамъ до три млады де́веры»;
А оны́ му велятъ — говоратъ:
«Не те оставамо ни денъ до пладнина,
А то не да испратишь три де́вера».
Та станува Павле́, да иде,
Да иде на силна война:
Башта му азна броише,
Братъ му коня кове и сѣдла,
Я майтя му дреи изби́раше,
Любне му ки́тка уви́ваше
Увиваше и му нарачаше:
«Да гледашь, Павле, да гледашь,

Кой ти китка повене,
Я те се углава».
Па ойде Павле́ на силна война —
Деветъ годины сѣде Павле
Сѣде на силна война —
Се му китка била весела;
Ко́га десета година-та би́ла,
Китка му повенала-се́хнала, —
Павле́ си уилилъ, угрыжилъ;
Догледала го царица Марія,
Та на Павле-те вели-гово́ри:
«Што си се, Павле, уилило
Уилило, угрыжило?»
Я Павле и вели-говори:
«Ко́га крену́ на силна война,
Башта ми азна брояше,
Братъ ми коня ковалъ и сѣдлалъ,
Майтя ми дреи збираше,
Любне ми китка уви́ваше
Уви́ваше и нарачаше:
«Да гледашь, Павле, да гледашь —
Ко́га ти китка повене,
Я те се углава;
Ка' се титка усе́хне,
Я те се ожéне»;
Те сега́ деветъ годины —
Титка ми биде́ се весела,
Са'ми титка повена-посе́хна́».
— «Проклетъ да си, Павле!
Што не ми си ты кажалъ?
Я улезни, Павле, у я́хере,
Та извади коня шестокры́ла,
Та си яни низъ поле широко,
Ега́ би нешта зате́калъ».

Та си влезна́ Пивле у ях̔еры,
Та извади коня шестокрыла,
Та ях̔на́ низъ поле широко;
На срѣшта му стара майтя,
Де-ка бѣли това́ платно́ у неделя;
Павле на майтя си вели-говори:
«Помози Богъ, стара бабо!
Зашто бѣлишь това бѣло платно,
Зашто бѣлишь у света неделя?
Да ли го бѣлишь, да бѣлѣе,
Или го бѣлишь, да цернѣе»?
— «Имахъ сина, како тебе;
Ойде́ онъ на силна война,
Любне остави подъ бѣла прекрова;
Са'му се любне жени:
Одъ мака семъ дошла да бѣля»;
Па си ях̔на Павле коня на нагоре,
Та си найде стара башта,
Де-ка крои лозье́ у неделя:
«Помози Богъ, стары дедо!
Зашто кроишь лози у неделя?
Да ли кроишь, да роды,
Или кроишь, да исах̔не»?
— «Не го кроимъ, да родитъ,
Но го кроимъ, да исах̔не:
Имахъ сима, ка'-то тебе;
Отиде онъ на силна война,
Любне остави подъ бѣла прекровка;
Са'му се любне жени,
Та одъ мака самъ се бѣгалъ, —
Та го кроамъ, да исах̔не»,
— «Да ли те я затеча до́ма»?
— «Карай кона поберже, те затечешь».
И Павле́ си бутна кона,

Та си ойде до́ма:
Сватове на търпезе сѣдеа;
До кумъ му мѣсто чиня.
Павле́ вели-говори:
«Не самъ дошелъ, да сѣдамъ;
А изваде́те млада невѣста,
Да ми целива рака».
И изведо́а млада невѣста,
Та му целна́ла ра́ка;
Павле́ даде и перстенъ мѣновникъ:
Тога она на сватове вели-говори:
«Айдете со здравье, китени сватове!
На ме́не дойде Павле добаръ юнакъ.

№ 70.

Берков. окр., с. Аджиска Маала; 12 февр. 1880 г. записана со бловъ Найдена Андрова.

(ТОЖЕ.)

Яла и Стоянъ заженилъ.
Доде му свадба стояше,
Ситенъ му ферманъ дофтаса:
Да иде Стоянъ, да иде,
Да дигне вълна бѣгличка»;
Излезналъ младъ Стоянъ,
Та на кметове се мо́ли
На кметове и попове:
Ко'-то писахте кола
Кола петъ стотинъ,
Да дигатъ вълна бѣгличка,
Оти писахте и ме́не,
Ко'-то самъ свадба прави́лъ?»

Они му тогива казували:
«Тебе сме писáли
Че ти са бúволе я́ки,
И ти са кола новы,
И ти са жегли[1]) желѣзны,
Да ште ты, Стояне, карване[2]) да водишь».
И Стоянъ си тергналъ, та пошéлъ.
И ко'-то пошелъ Стоянъ,
Миналъ покрай гóденица:
И она на вертнúко[3]) стояла
И ý рака торба держала,
И у една рáка китка держала,
И му казала:
«Доде-ка е китка вéсела,
И ты да ме знаешь,
Че самъ тебе чекала;
Одкадъ китка стане нехела,
Да знаешь, Стояне, да знаешь,
Че самъ се годúла, Стояне!»
И Стоянъ отшелъ.
Деветъ годинъ станáло,
Доде вълна теслимилъ
Теслимилилъ на кралица-та.
Свекоа заранъ китка бѣше вéсела;
Когú еднá заранъ, китка померкнала;
Невеселъ станалъ младъ Стоянъ.
И кралица го викнала:
Оти, Стояне, кáто заранъ веселъ,
А тая заранъ не ми е веселъ?»
И Стоянъ е казалъ: Оти невеселъ?
Не самъ веселъ, че има, царице,

---

1) Дышло.
2) Скоро.
3) Воротца.

Че има презъ врата двѣ ябълки,
Двѣ ябълки петровки;
Ката година раждатъ
Раждатъ една златна ябълка,
И тая година родили;
Ко'-то родили, дошли айдуци,
Та украднали ябълки».
— Сетило се царица. —
«Товá не са айдуци дошли,
Но ми са любовница жены».
Рекла тогива царица,
Рекла на нойны рыджале: [1])
«Изведéте кóня ранена,
Ранена, крылата;
Да иде Стоянъ, да иде
Да иде на негóви дóмове;
Че оде мене прошка има
Да иде на негóви дóмове».
И пошелъ Стоянъ, пошелъ:
Доде у зенгіа постапи на конь,
Настаналъ баштино лозье;
Башта му лозье копа у нéделя;
Рекелъ младъ Стоянъ:
«Помогай Богъ, копачко!
Оти кóпашь лозье у нéделя?
Да ли го кóпашь, да ражда,
Или го кóпашь, да сах̆не?»
— «Я го не кóпамъ да ражда,
На го копамъ да сане,
Одъ мой синове маки».
Заминалъ него, заминалъ,
Отшелъ на баштины домове, —

---

[1]) Слуги.

И сестрá му таче платно;
— «Да што го тачешь у нéделя?
Да ли тачешь, да нóсишь,
Или го тачешь са покровъ?»
— «Не го тачемъ да носимъ,
На го тачемъ за покровъ
Одъ братови па маки».
И одвéрналъ се Стоянъ;
Она му одказува:
«Че има единъ братецъ Стоянъ,
И него бѣгликъзакараа,
И негова либе женисе;
Та одъ мака голема тачéмъ».
И тогива си Стоянъ отшелъ на свадба.
И ко'-то отшелъ на свадба-та,
Го викнали тогúва унетра,
Викнали го слáдка тарпéза;
На сладка тарпеза пресѣдналъ;
И невѣста вино предава:
И ко'-то предала нему вино,
И онъ си далъ рака да цалýва —
И ко'-то цалýва рака,
Она си познае перстенё;
Тогúва невѣста млада
Отпушти чаша отъ своя рака
И пригерна млада Стояна:
«О Стояне, Стояне!
До сеги ли се сети за мене?»
И послѣ Стоянъ голема веселба дигнáлъ.

№ 71.

Стар. Планина, Соф. окр., с. Зимевицъ (Турлаки); 12 февр. 1880 г. записана въ селѣ Аджійска Маала со словъ Невены Цвѣтковой.

(тоже).

Била́ е Дола джелепка,
Джелепка млада безъ детка;
У гора коренье преяла,
Дунавъ е вода препила,
Доде е Стоянъ добила.
Крышома го чувало,
А тама го и женила,
До Турци да се не чуе,
Младъ войни́къ да го нека́ра,
Младъ войнинъ, млада войвода;
Не́деля свадба правила;
Туку се свадба растури,
У село фе́рманъ достаса,
Да иде Стоянъ младъ войникъ,
Младъ войникъ, млада войво́да;
Оставя млада невѣста
Вѣнчана я непростена
Одъ ку́ма и одъ старойтя
И одъ два млады деверы;
Майтя му дреи тражаше,
Башта му коня сте́гаше,
Невѣста му китка віеше,
Стопана на Стоянъ говóри:
«Весела, китко, весела,
Весела деветъ годинъ;
Кога́ десета настанешь,
Ты да ми, китко, повѣ́йнешь;
Че либе ше ти ожени».
Сѣдела, што е посѣдела;
Често си китка погледва́,
И весела му китка деветъ годинъ;
Кога́ де́сета настана,
И китка му повейна́ла.
Заиграло хо̂ро големо —
Се му дружина весели,
Стоянъ стоѝ и пла́че.
И царица го видла,
Та на Стоянъ говори:
Море, Стояне, Стояне!
Ты-зи, ми, бѣше найве́селъ,
Сега, ми, найускорбенъ?»
—«Царице, млада кметище?
Оженила ми е се невѣста»;
— Она му тихо̂ говори:
«Море, Стояне, Стояне!
Улезни у ладны земницы,
Избери̂ коня найдоберъ
Со-съ дванаесе по́праци,
И съ тринаесъ постедзи,
Та да си стигнешь до́ дома
Да идешь за день до до́ма».
И онъ си улезна у земници,
Извелъ е коня́ на́йдобра
Со-съ дванаесе попраци,
Со-съ тринаесъ постедзи;
Доде е турилъ но́га зенгія,
Онъ е три села замина́лъ,

Тай на свадба затекалъ;
И либе му са женило;
Па си оти́де на свадба,
Та па на лудье гово́ри:
«Изведете ми тая невѣста,
Аризмо́ да а́риже»;
Извели са невѣста,
Онъ си е дае перстень мѣновникъ;
Ка́-то е зела мѣновникъ,
Она со-съ Стояно отидé.

№ 72.

Г. Радоміръ; 3 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавійскаго.

(тоже).

Стояне, морé, Стояне!
Стоянъ си бaштá зажени́ —
Неська га, море, зажени́,
Ютре го въеднекъ пра́ти́
На доле съ вакли́ овно́ве;
Любе му титка вія́ше,
Я сестра космы́ чешяше,
Я брата конче спра́вяше;
На Стояна ли́бе проду́ма:
«Стояне, море, Стояне!
Че́сто у титка погледу́й:
Кога́ ти ти́тка повене,
Тогай я че се зажéнимъ.
Стана́ло деветъ годинъ време,
Тогай му титка повена,
И Стаянъ уйленъ падна́;
Съопази го негови чичо —
Чича́ му ду́ма продума:
Стояне, море, Стояне!
Што си х̂уильно падна́ло»?
— Стоянъ му дума продума́:

Чичоле, чичо Радуле!
За што ме пра́шашь,
Ты мене, чи́чо Ра́дуле?
Кога́ си пойдо́ на до́ле —
На доле съ вакли́ овно́ве,
Сестра ми косма че́шляше,
Я брата конь справляше,
Я любе титка віяше,
И любе ми ду́ма проду́ма:
Стояне, море́ Стояне!
Често у титка погледу́й:
Кога́ ми титка повене
Тогай я че се заженимъ»;
И тогай сказалъ Стоянъ
На неговъ чича Радулъ:
«Чичоле, чичо Радуле!
Не ми е ста́до больня́во,
Нель кога́ си пойдо́ на доле,
На доле съ вакли́ овно́ве,
А любе титка віяше,
А брата конче спра́вяше,
Сестра ми космы че́шляше,
И тогай ми любе продума́:
«Стояне, море, Стояне!
Често у ти́тка погледу́й!»
И чича́ му тогай продума́:
Стояне, море, Стояне!
Я́зди сиво конченце,
Препливай вода Арданска
Ойды си твой дворе́ве».
И Стоянъ чича́ послуша,
И яна́лъ сиво конченце,
Препливалъ вода Арданска,
И пошелъ него́ви дво́ры,

Настигналъ нино-то поле —
И вишелъ Стоянъ баштa си:
«Помá Богъ старче!
Зашто орéшь у Света недéля»?
Язе има сина, како тебе,
Та незнáемъ, де Светá недéля;
Эвé станá деветъ гóдинъ време,
Сегá му се любе зажени́ло,
Та не знáемъ, де Светá недéля».
Бутнá кóня млады Стояне,
Та си ойдé негови дворóве,
И си чука на порты желѣзны;
Излезнала Стоянова майтя;
— «Пома Богъ ти, Стоянова майко!
Зашто сѣди́шь у Света неделя
Та си предешь то церна кадéля»?
И майтя му дума продумáла:
«Я не знáемъ, де Светá недéля
Язе имамъ си́на, кáко тебе;
А сегá му се любе зажени́ло».
Дума дума Стоя́ново любе,
Дума дума на Стоянова майтя:
«Зашто очешь сѣкира до го гу́бишь»?
— «Прили́ча како Стоя́на»! —
И тогай продума Стоянова майтя:
Продума на Стояново любе:
«Ты-зи си ного проклéта»!
И Стоянъ легна, та заспа.
А любе го си припознá.
Прóклета била майтя-му!
Онá си зема сѣки́ра и уби млады Стояна
И погреба го у дюбре; [1])
Како си него погрéба —

[1]) Гной.

Ни си е малко, ни млого —
Дойде́ си овенъ караджа[1])
Што си носи звонци
До деветъ медни звонци носи;
По него ильядо брави вакли о́внове
Я деветъ сто́тинъ руды́ руди́ци,
Со-съ малки ягне́нци;
Право ги води овенъ караджа
Право ги води Стоя́нови дворы,
И чу́ка порты желѣзны;
Излезна́ ста́ра ба́бица:
«Ба́бице стара ба́бице!
Има ми Стоя́не чорбаджи»?
Баба му ду́ма продума́:
«Нема си Стояне чорбаджи!».
Продума́ овенъ караджа́:
«Бабице, стара бабице!
Отвори по́рты желѣзны;
Я че намѣримъ млады Стояна,
Онъ че ми уста́ позла́ти,
И алаци че ми посре́бри:
Оти му водимъ ста́до-то,
Ильядо вакли овно́ве,
Деветъ стотины руды руди́цы
И де́ветъ сто́тинъ ягненца».
Я ба́ба дво́ры не отвара.
И каза́ овенъ караджа́:
«Отвори стара бабице»!
И баба му дума продума́:
«Зашто да ти отво́римъ»?
И продума́ се овенъ караджа́:
Ба́бице, стара бабице!

[1]) Чернаго цвѣта.

«Имашь ли сина Стоя́на»?
И баба му ду́ма проду́ма:
Имамъ си сина Стояна,
Оно́ е ошло́ на доле,
На доле съ вакли овнове»;
Продума овенъ караджа́:
«Бабице, стара бабице!
Тука е твой синъ Стоя́но»!
И баба е тога отвори́ла,
Отвори́ла порты желѣ́зны;
Улезна́ овенъ караджа́,
У уведе́ ильядо вакли́ овнове́,
Деветъ стотинъ руды руди́цы,
И де́ветъ стотинъ ягненца;
Тогова каза́ овенъ караджа́:
Да рите това́ дю́брište,
Тува е млады Стояне чорбаджія,
Него е майтя утепа́ла,
Любе си его́ познало:
Майтя се по иманье поварди́ла,
А любе си его позна́ло....

№ 73.

Село Лешко, Джумалійскаго окр.; записана въ селѣ Скрино со словъ старушки Авдотьи Николицы 17 дек. 1879 г.

Углавилъ се Павелъ доберъ юнакъ,
Углави се Павле у са́бота,
У недѣля Павле свадба бѣше,
Понедѣльникъ Павле а́беръ дойде —
Два татара и три чохӑдара;
Проговоратъ до два татара:
«Э ты, Павле, э ты, до́беръ юнакъ!
Айде, Павле, айде со-съ насъ да идешь,

Да си идешь цару на индата:
Те се біе Турчинъ и кауринъ».
А Павле́ имъ вели́ и говори:
«Два татара и три чох̔адара!
Почекайте салъ те тая вечеръ,
Да испратамъ куму и старейко,
Да испратамъ мои дибри госте,
Да прелеза три млада невѣсты».
Проговоратъ два татара и три чох̔адара:
Х̔айде, х̔айде, Павелъ, доберъ юнакъ,
Та погледни, каковъ ферманъ,
Зашто д' идемъ и да дойдемъ».
Одкарали го.

№ 74.

Г. Радоміръ; 1 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавійскаго.

(Мать одного дня женитъ сына, а другого хоронитъ его).

Съ ношти майтя сина заженила,
Каде́ ручо́къ сина закопа́ла,
Каде́ пладне снах̔а испратило:
«Чуешь мене, моя мила снах̔о!
Я си яны тоя́ добра коня,
Та изви коли-колко можешь, —
«Леле Боже, леле мили Боже!
Ка ли бидо́ мома и оевѣста
И остана млада удовица?»
Пушти коня косы до капита».
И си плаче коли-колко може,
И я дочу Господъ одъ небеса,
И си прати зелена трѣви́ца,
И си прати шарена зміица,
И прати шарена боклица:

Скоро бърже да но́сите шарена бокли́ца,
Да на́йдете млады младоженя,
Да сипете това́ руйно вино,
Дека си е оно́ погре́бено».
Однели са шарена бо́клица,
Пресипа́ли негово-то тэло —
Даде Господъ и въеднага стана́,
И си ойде́ до́ма на дворе́ве,—
И го виде негова-та майтя,
Де е станалъ млады младоженя,
И въеднага съ душа се растави.

№ 75.

Соф. округъ, с. Сливница; 6 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Ангелка Тончина.

(Сестра влюблена въ молодца, а братья противъ этой ея любви).

Димитрій, сине Димитре!
Не ли те, майтя учаше:
Нейды, синте на сѣдентю,
При Милку, синку, девойтю,
Не носи мѣдны кавалчета?
Димитеръ майтю не слуша;
Отиде при Милку на сѣдентю:
И вечерали и сѣдели;
Тагай рекла́ Милка девойтя:
«Засвири со-съ мене кавалчета»;
И запея́ла Милка девойтя;
Дочули нёны петина брайтя —
Двамина кеседжіи, троица арамліи
И Мильци на двореве чукали;
Тагай се Милка уплашила:

«Димитріе, де-ка те сокріемъ?»
Сетисе Милка девойтя:
«Вала тебѣ, Димитріе!
Я семъ по-юнакъ одъ си петина брайтя».
И станала Милка девойтя,
Та отворила порты демирове;
И влезнаше нёны брайтя:
«Вала тебѣ, Милко, наша мило сестро!
Вала тебѣ Димитріе, наша мило зетленце!
Донеси, Милко, млого руйно вино».
Испише това руйно вино;
И тогай окали нёны брайтя —
Двамина кеседжіи, троица арамліи:
«Пусто! се вино довершило!
Улезни, Милко, девойтё,
Улезни у тевни зевници,
Та наточи това́ руйно вино»;
Милка се вила и повила —
Не смѣ да остави Димитріе;
И Никола, наймлади брате́къ рекелъ:
Не бойсе, Милко, сестро наша,
Нечемъ погубимо наши зетъ,
Наши зетъ Димитріё».
Тагай се верлила Милка,
Верлила у тевни зевници.
И говора петина брайтя:
«Не бойсе, зето Димитріё!
Стури капа, да те бріемо.
Излезнала Милка изъ тевни зевници
И рекла на свои-те брайтя:
«Што видосте у мене — завидосте?»
— «У одаѣ се кервь оперскано».
— «Камъ Димитріе, мой первнелюбе?»
И тогай Милка проговарала:

«Ваши домове на меза́[1]) про́даме
И васъ млады че обѣсу —
Какво? де-ка че се кріе Димитріе?»
Па ги Милка научи́ла:
«Можете, закарайте го,
Закарайте у негови дворове,
Положете него у негове одае».
Учинили тако нёны брайтя.
И тогай негова майтя говорила:
«Милко девойтё, девойтё!
Млого си играли съ ношти на сѣдентё —
Димитріе млого е заспало».
Милка ншто не думала.
Отишла си Димитрина майтя,
Отишла си на свой домъ
И окала сина Димитріе:
«Димитріе, сине, Димитріе!
Не ли те учимъ-нейды на сѣдентье,
Да не идешь при Милку девойтю;
Млого си се, снно, оспало —
Се дружина твои́ на оранье отишли́».
Ока майтя, Димитріе не стае;
И тогай беркну она у десна пазука
И рекла:
«Ситна те роса изби́ла!
Млого си, сине, играло на сѣдентѣ,
Та си морно, сине, заспа́ло»;
Кадъ си терже рука десни́ца,
Она у кервь утанала;
Тагай си майтя би у двѣ страна у́ глава
И каже:
«Димитріе, сине Димитріе:
Не ли ти учила сине —

[1]). Турецое слово — съ молотка.

Да не идешь Милки на сѣдентю:
Оти су Милки многи душмане».
Тагай се окну́ли люде,
Окнули да погребу Димитрія;
По нега дошла Милка девойтя:
«Вала вие петина майсторе!
Да направите ковчегъ за двамина».
Искарали Димитрію на гро́биште;
Излезе и Милка девойтя:
«Вала вие, чорбаджіе!
Избѣсите мои́ брайтя
И нашъ домъ на-меза́ да про́дате;
Саде, оступете се чорбаджіе!
Я да придемъ при Димитра,
При Димитра, мое младо любе;
Беркна Милка у свилни джепове,
Та извади ноже-та влашки
И си беркну у клето-то се́рце:
«Легай, войно, оба да лежимо—
Да не жали моя майтя,
Моя майтя а твоя.

№ 76.

Г. Радомíръ; 2 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавискаго.

(Счастье матери).

(*Свадебная*).

Роды́ майтя деветъ ми́ла сына
Да ги роды у гладна година
Съ игла ши́ла, та ги е ранила
Съ вурка прела, да ги облачи́ла.
Дошло време старія да жени—
Си-те деветъ за́едно че жени;
Па обиде ора и градове,

Та си тражи деветъ снаи ми́ли,
Си-те деветъ една лика да са,
Една́ лика и една прили́ка,
И у кышты слога, бре, роднина.
Па си ойдé ора и градове
Пай не море, да си нигде найде;
Па си ойдé у Лендера града,
Та́мо найдé деветъ снаи ми́ли
Едноликп и едноприли́ки;
И собра́ триста и три свата
И собра свирки и тупанье,
И пойдоа китени сватове;
Настанаа презъ гора зеле́на;
А майтя му дума проду́муе:
«Ка ста́нете презъ гора зеле́на,
Заставе́те свирки и тупанье:
Тамо има вила-самови́ла,
Претвара́се той млада невѣста,
И износи шарена бокли́ца,
Та си изно́си това́ ру́йно вино:
«Да піéте ки́тени сватове,
Вече ми се душа умериса́».
И тогай сватове дума продумуе:
«Умериса́ одъ това́ вино церве́но».
И си окна ку́ма и старойтя:
«Я запрете свирки и тупанье,
И запре́те, ките́ни сватове,
Да ви́диме, каква си е дзвѣрка?»
Излезна́ си детé Андреяше:
«Назадъ, назадъ, ките́ны сватове!»
И поверна́ ките́ны сватове.
— Продума си Андреёва коня:
«Слушай мене детé Андреяше!
«Това́ не е той млада невѣста,

Нела си вила-самови́ла;
Погьлтна ме-мене до копита;
Я извади лека воздога́на,
Та ме удри мене доле у копито».
Извадило дете Андреяше,
Извадило лека воздогана,
Удри коня́ доле у копито,
И се смаза вила-самови́ла;
Тога́й окна́ свирки и тупанье,
И си окна́ ките́ны сватове,
И си каза кума и старойтя:
Нека свира свирки и тупанье,
Нека поя́ ки́тени сва́тове;
Што се прави премлада невѣста?
Оно́ не е премлада невѣста,
Оно́ си е вила-самови́ла».
И я вана́ дете Андреяше,
И си ея на ко́ня верга́ло;
Па си ойде́ у Ленгера града;
Доведоа деветъ мили снаи;
Па удрия презъ гора зеле́на,
И застави́я свирки и тупанье,
Запре́я се китени сватове.
Продума имъ дете́ Андреяше:
«По́йте, братя, и не се пай бойте!
Я семъ смаза́лъ ала́-гуштерина!»
Пай удрия свирки и тупанье
И запояа китени сватове,
И ойдо́а дома на дворе́ве;
Одведоа деве̂тъ снаи ми́ли,
Си-те деветъ едноли́ки били́
Едноликии еднолрилики били.
У кышты слога роднина.

№ 77.

Трен. окр., с. Бабица; 23 ноября 1879 г. записана со словъ крестьянина Дёши.

(Недовольство невѣсты своимъ молодцомъ).

Вéсело Стойно, весéло!
Што си садъ не весéла,
Какво́-то първня годи́на?
Она́ си му гово́раше:
«Како́ да семъ си весéла?
Са ночь била́ на свадьба:
Вѣнеръ борина держала,
Редомъ се редомъ гледáла—
Мое-то х̑аро найгрозно!»
А чиче ё говоре:
«Весело, весело, Стойно, весело!
Грозно е, Стойно, грозно е,
Ама си има иманье!»
А óна си му говóре:
«Иманье, чичё, иманье
Иманье гнило бунище!»
— Чичё ё по ти говóре:
«Мое-то х̑аро найгрозно!
Весела Стойна, весела,
Не буди уильна, Стойно!

№ 78.

Село Скрино, Дупнич. округа; 16 дек. 1879 г. записана со словъ того же крестьянина.

(Смерть молодца отъ уроковъ).

Нено, хубави Нено!
Пратила му абаръ тета:
«Да дойде Нено на Великъ-день:
Наше-то село големо,
Да дойде Нено́ нá гостье —
Големъ се соборъ собира—
Отъ три села е соборъ —
Да гледа моми х̑убави».
Нено крена да иде:
Майтя му премѣна даваше
И градомъ сълзи роняше;
Снаи му колачи месех̑а
И оны сълзи роних̑а;
Сестры-те му перчи крешаа
И оны сълзи роних̑а;
Башта му пари дáваше
И онъ сълзи рóняше;
Братья му кóня справлях̑а
И оны сълзи роних̑а.
И майтя му говорéше:
«Сѣди, сине, не иды,

Хубавъ ми си, сине!
Че паднешь тамъ одъ уро́ци».
Неслуша Нено — ойде́,
Одвела го тета на оро́-то:
Кметове-то вино піяха,
И забора вино да піятъ,
У него погледнаха;
Кметици-те ду́ма ду́маха,
И дума-та збориа —
И оны у Нено́-то погледнаха;
Момчета-та камень ферляха,
И оны́ ка́микъ збориха;
Моми-те пѣсень поѣха
Пѣсень-та збориха —
И оны-те погледнаха у Нено.
И си-те уроци фанаа Нено:
Умре Нено́ одъ уроци.

№ 79.

Село Жилинци, Кюстендильскаго округа; 6 дек. 1879 г. записана со словъ Яни (Іоанны) Големинской.

(тоже).

Хубави Нено, гиздави!
Наpачало него́ва-та ми́ла тетка:
«Да дойды, Нено, дойды
На хубави денокъ Великъ-день;
Ногу че соборъ да има —
Одъ де́ветъ селъ моми́-ты
Десе́та се́ло-то наше-то,
Да ти мома избере́мо».
Кога дойде день Великъ-день,
Справи се Нено да иде;
Два му брата коня справя(тъ);
Башта му порты отворя;
Двѣ му сестры китки справятъ;
Майтя му премѣна справя,
Премѣна справя и учи:
«Убави Нено, гиздави!
Кога́ придешь при соборо,
Немой си коня разигра,
Немой си тенко провикна,
Немой си коня пушки приферля;
Ты ми се Нено угледенъ:
Хочатъ те о́чи пресѣчатъ.
Оно́ си майтя неслуша:
Кога́ при́де при соборо,
Врана си коня разъигра,
И си тенко провикуе,
И си ферли́ тенки пушки.
Момчета каменъ метаа,
Каменъ си погрѣшиа,
У Нено то гледаюти;
Моми-те о́ро играятъ,
Оро-то си погрѣшія,

У Нено-то гледаюти;
Нено-то очи пресѣкли.
На тетка си Нено говóраше:
«Аво тетко, мило тетко!
Айде, дóма да идеме;
Нешто ме серце пресѣ́че!
Не слушалъ Нено майтя,
Не слушалъ та и умрелъ.

№ 80.

Село Жилинци, Кюстенд. округа; 6 дек. 1879 г. записана со словъ дѣвочки Гюргены Чекерендовой.

(Сговоръ дѣвушки съ молодцомъ, безъ согласія ея родныхъ).

Іоване, Іоване юначе!
Заспали Іоване гора зелена,
Я девойтя край студенъ кладенецъ;
Кой замине — све девóйте буде,
Я Ивана никой неразбужда.
Долетѣло пиле соколенце
И паднало на Ивана на рамъ:
Се крыла трепчи — Ивана разбужда,
Со-съ уста го прашуе:
«Эй Иване, Иване юначе!
Такменъ ли, море, иль не си?
Женeнъ ли, море, иль не си»?
Я Иванче пó-ти оговóри:
«Ни семъ такменъ,
Ни чу да си такмемъ,
Ни семъ женeнъ,
Ни чу да се женемъ;
Че си чекамъ Бильтя мала мома».
Дочулъ е бильтинъ брате:
Сградил кула одъ óлова,
И затвори Бильтя мала мома;
Седѣла е Бильтя деветъ година,

Па е Бога помоли́ла:
«Дай ми, Боже, есени дождеве,
Дай ми, Боже, пролѣтни гърмо́ве;
Дождеве кула-та да расто́патъ,
Гърмове-те вра́та да растро́шатъ,
Да излезнемъ на бѣло-то видѣло,
Да си видимъ юнака Ивана,
Да ми оды, ка́ко што одаше,
Да ми ях̑а тая Врана коня,
Што му семъ я кришума купи́ла;
Ни ме знае ни ма́ма, ни тата,
Ни ме знае ни чичо, ни стринка,
Салъ ме знае наймала стрина,
И нея семъ даро́къ даровала:
На Великъ-день свилена кошуля,
На Дюрдевъ-день алови чарапи,
На Спасовъ-день пребрана марама.

№ 81.

Кюстенд.-Бан. окр., с. Жилинци; 27 дек. 1879 г. записана со словъ Екатерины Миловановой и Маріи Павлёвой.

(Бѣгство жены съ своимъ любовникомъ).

Янинка Пазарджичанка.
Провикнала Янинка:
«Бре варай Боже да Бога!
Тая кашта богата,
Ветье ми се досадило,
Досади́ло, додеяло
Одъ тая кашта богата,
Ди да имамъ негдѣ не́кого,
Та ако би не би бѣгала».
Дочу́ Петре рата́йче,
Па на Яни́нка говори:
«Янинко Пазарджичанко!
Дали, мори, бѣгамо»?
Янинка му гово́ри:
«Петреле, Петре рата́йче!
Бѣгатю, море́, бѣга́тю:
Нека дойде Великъ-день,
Великъ-день—Свѣтла недѣля—

Стари́ у церква те идатъ,
Золви́, етерви на оро,
А девери каменъ те метатъ;
Павелъ на ловъ те иде,
Ние съ тебе те бѣ́гаме
Та си доше́лъ Вели́къ-день,
Великъ-день — Свѣтла недѣля:
Стари у церква ойдоа,
Золви, ете́рви на оро ойдо́а,
А девери камикъ метаа,
А Павелъ на ловъ отишелъ;
Они съ Петре-те бѣгаа.
Кога́ бѣ стрѣдъ поле́-то,
Срѣтналъ е Павелъ юнакъ,
Па на Петре те говори:
«Петреле, Петре ратайче!
Э позапри кочія,
Да ти видимъ невѣста-та:
Бѣла ли е, червена ли,
Танка ли е, висока ли,
Мошно ли церноо́ка?»
Послуша го Петре юнакъ,
Та подзапри кочія;
Те му виде виде невѣста-та,
Та на Петре-те гово́ри:
«Петреле, Петре ратайче!
Та каква ти невѣста!?
Се си е лика и прилика
На мое любне-те Янинка»?
Петре́ му вели—говори:
«Я мини, измини Па́веле
Зарадъ те млада че (в)ишешь,
Я гла́ва и ты гла́ва».
Мина́ — измина́ младъ Павелъ,
Та си яхна Врана коня,
Та си ойде дурь до́ма;
Оддалекъ иде и ви́ка:
«Любне Янинко, Янинко!
Отвори ми но́ви порты,
Зеръ ти иде млады Па́велъ;
Па излезна́ ста́ра майтя,
Та отворѝ новы порты,
Па на Павле́ гово́ри;
«Тува нема Янинка,
Измами я млады Петре».
Одъ конь, бари, не е слезна́лъ,
Бутна ко́не наназа́де,
И извади́ остра са́бля,
Та си стигна́ млады Петре́,
Одсѣче му руса гла́ва,
Па я даде на Янинка,
Па на Янинка гово́ри:
«Любнеле Янинка, Янинка!
Чу̑вай ты-зи млады Пе́тре.

№ 82.

Г. Радомiръ; 1 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавискаго.

(Измѣна жены мужу).

Дойдо́ двѣсте вошта́не,
Да вани млады Бого́я
Дека недава на цара данокъ;
Я Петкана[1]) имъ говори:
«Додайте свилни гайта́не,
Он се е у сънокъ зане́лъ,
До си го-него окове́мъ».
Дали са сви́лни гайтане;
И Петка́на го окова́,
И отвори́ порты желе́зны.
Улезная двѣсте воштане,
И дѣте́ си ги съопази:
«Тателе, тателе Бого́ё!
Я ста́ни, тате, Бого́ё!
Да видишь двѣсте воштане»,
И башта му се съобуди́:
Глава си диза, не му се диза,
Ра́цѣ си диза, не му се дигатъ
Нозѣ си диза, не му се дизатъ
Ванае си го двѣсте воштане,
И въеднага го на конь качiя;
И забра́а си млада Петка́на,
И забра́а си това́ ма́шко дете,
И ойдоя гора зелена;
На дете́ се вече́ досади́:
«Тателе, тате, Богоё!
Эве́, стана́ три дни и три ношти,
Како́ не самъ ни лэбъ я́ло,
Не самъ ни вода пи́ло,
Ни сънокъ земало.
Продума́ башта́ Бого́я:
«Дете-ле, дете, малечне!
Иды при майтя Петка́на,
Ега́ те на конь качеше».
Дете си ойде́ при ма́йтя;
Петкана ѓидра — опака:
Одту́ка дете́ малечно!
Ты-зе си ѓидро — опако!»
Пай си верне детенце;
Ойде́ при башта Бого́я.
— Башта му дума говори»:
«Ногу си дѣте одъ́ıло,
И оште малко поо́ды,
Че слезне двѣсте воштане,
Че слезне росно ливадье,
Че слезне коне́ да паса́тъ;
И тогай ты-зи че пре́спишь,
И тогай вода че пiешь
И тога́й лэбецъ че ру́чашь».
— Слезнали росно ливадье,
Тамо са коне́ пушти́ли;
Како́ са коне́ пуштили,
Заспа́ли двѣсте воштане,
Заспа́ла млада Петкана.
— Продума млады Бого́я;

[1]) Жена Богоя.

«Дѣте-ле, дѣте́ мале́нько!
Я бъркни свилны джепове,
Извадиноже́ потайно,
Та сѣчи свилны гайтанье».
И дѣте башта послуша́,
И бъркна свилны дже́пове,
Извади́ ноже́ потайно
Одсѣче свилны гайтанье.
Опушти́ башта Бого́я;
И стана́ло е башта Богоя,
И беркна у десна чи́жма,
Извади́ сабля на згла́бове,
Развертесе на лѣво, на де́сно,
Погуби́ двѣсте воштане,
И зема́ млада Петка́на:
Ископа дупка до по́ясъ,
И намаза́ млада Петка́на
Намаза лой и катранъ,
Запали́ млада Петка́на;
Бого́я съ малко дѣте́нце
Пія́ си това́ руйно ви́но
И тая люта ракія, —
И Петкана му гово́ри:
«Бого́ё, млады Бого́ё!
Ако не ти е за мене жалъ,
Не ели ти жалъ за това́ мышко дѣте́,
Што е ме́не у коре́му?»
И оно земѝ ноже́ потайно,
Та распра́ млада Петка́на,
Извади́ мышко дѣтенце,
И него са въеднакъ погребло
Погребло га у церна та земня.

№ 83.

Г. Радомі́ръ; 1 дек. 1879 г. зяписана со словъ Іордана Лазарева.

(**Выходъ замужъ жены, мужъ которой въ долгой отлучкѣ, считается великимъ несчастьемъ его рода**).

Затворанъ Тодоръ е забоваренъ.
Та си лежи деветъ годинъ време.
Ка пока́ра десе́та годи́на,
Пишти́ Тодоръ, ка-то люта змія;
Та го дочу крали́ца-кмети́ца.
Па слезна́ кралица кмети́ца
Па си слезна́ више од дивана́,
Та си слезна́ при тевни зъндани,
Та прашуе То́дора юнака:
«Э ты-зе-ка Тодоре юначе!
Эве стана́ деветъ годинъ време,
Како́ лежишь у тевны зъндани,
Не пиштеше, ка-то люта змія;
Садъ покара́ десета годи́на»

И ты пшитишь ка-то люта змія
— И Тодоръ си дума продумуе:
«Э ты-зе-ка кралице-кметице!
Я се моли цару Костадипа,
Да ме пушти, дома да се ойдемъ».
Неська ми се любпе затекмило».
И се моли кралица-кмети́ца,
Та се моли цару Костадине:
«Э ты-зе-ка цару Костадине!
Да си пуштишь Тодора юнака,
Да го пуштишь, дома да си ойде;
Неська му се любне затекми́ло».
И си пушта цару Костади́на
И си пушта Тодора юнака.
Ка прив́еде Тодоръ-добаръ юнака,
Та приве́де коня Дорушана,
Приведе га на бинекъ-камико
Та си тури́ нога у зенгія:
Дуръ да тури лѣпо и она́я,
Онъ се ойде на Будино село;
Пушты́ коня, самъ да му се ше́та;
И си приде при негови порты:
И си сѣды негова—та майтя
Та си сѣды́ у Света неделя,
Та си пряде, бре, церна каделя.
И Тодоръ си дума продуму́е:
«Э ты зе-ке, Тодорова майтё!
Зашто предешь у Света неделя?».
И та́ си дума проду́муе:
«Э ты-зе-ка, непознанъ юначе!
Язъ си имамъ сина, како те́бе, —
И эве стана́ деветъ годинъ време,
Како́ си е оно́ затво́рено,
Неська му е любне затекми́ло се;
Та незнаемо, дека си е Пре́света неделя».
И се качи Тодоръ добаръ юнакъ,
Та се качи више на ча́рдаци,
Та улезна́ у ладны ода́и:
У одай—той чесны търпезы
И си сѣды́ ку́ма и старо́йтя;
И улезна́ Тодоръ добаръ юнакъ:
«Добре ютро, куме и старойтё!»
И они́ му тогай продума́ли:
«Далъ Богъ добро, церно колуджере».
Продумалъ си церна калуджера:
«Э ты-зе-ка куме и старойтё!
Я о́кни Тодорица мла́да,
Да ю кажемъ, дека умре Тодоръ добаръ юнакъ».

И окнáли Тодори́ца млáда;
Казу́е ю церна калуджера:
«Э ты-зе-ка, Тодорице млада!
Де си умре Тодоръ добаръ юнакъ!»
И онá си дума продуму́е:
«Э ты-зе-ка, церна калу́джера!
Ако ми, ле, ты-зе право кажешь,
Де се смазá Арватско колѣно,
Я зе тебе дарба че дару́емъ,
Че даруемъ одъ ерилье кошуле».
Ка се виде Тодорица млада,
Ка се виде Тодорови перстень,
И онá си дума продуму́е.
«Э ты-зе-ка церна калу́джера!
Дека найде То́дорови перстень?»
«И продумá церна калуджера:
«Э ты-зе-ка Тодорище млада!
Ка си умре Тодоръ добаръ юнакъ,
Нема кой да си го погребé;
Я погребо́ Тодора юнáка,
Та му земá бесцаны перстень».
И улезнá Тодорица млáда,
Та улезнá у ладны зевницы́,
Тай отвори́ той сельви сандаци,
Та извади од ериль кошуля,
И него е дарба дарувáла.
И си сѣднá церна калуджѐра,
Та си сѣднá у чесны тьрпезы,
И тогай си дума продумуе:
«Просты мене, куме и старойтё!
Да играемъ оро калуджерско».
И му про́сты кума и старойтя
Да играетъ оро калу́джерско.
Развертесе церна калу́джера;
Развертесе нáлѣво, нáдесно,
Та съосѣче китены сватове,
Останале кума и старойтя,
И останалъ млады младоженя,
И при ни Тодорища млада.
Продумалъ си церна калуджера:
«Э ты-зе-ка Тодорице млада!
Та я не сам церна калуджера,
Нело семь си Тодоръ добаръ юнакъ:
И тогай се Тодоръ продуму́е:
«Э ты-зе-ка млады младеженё!
Да докарашь до три кола иманя,
Да те пуштимъ живо да се ойдешь».
И онъ си дума продуму́е:
«Э ты-зе-ка Тодоре юначе!
Я ме пушти до́ма да си ойдемъ,
Че докарамъ три кола иманье».

И несмѣе Тодоръ, да го пушти:
И му веза́ ра́цѣ нао́пако,
И му тури́ пе́ры у зуби́-те,
И му тури книже на колѣно,
Та си пише млады младежене,
Та си пише това́ ситно пи́смо,
Та го пращта на негови башта,
Да допра́ти три ко́ла иманье,
Ега него живо опушти́ль.
И докара́ неговиё башта,
Та докара́ три ко́ла иманье,
Та си пушти́ Тодоръ, добаръ юнакъ,
Та го пушти́, до́ма да си ойде́.
Остана́ла Тодори́ца мла́да.
И Тодоръ си дума продуму́е:
«Э ты-зе-ка, Тодорице младо!
Да ли очешь, да си млада свѣтарія,
Или очешь, да си млада слугарія?»
И она́ си дума продуму́е:
«Нечемъ язе слуга да си слу́жимъ
А очемъ да семъ млада свѣтарія.
Намаза я Тодоръ, добаръ юнакъ,
Намаза я тоя церни катра́нъ,
Закопа́ я, Богме, до колѣна
Запали я, Богме, од неде́ля,
Та му свѣты, богме, до друга́-та:
И си сѣды Тодоръ добаръ юнакъ,
Та си піе съ брайтя и дружина;
И си ви́ка Тодоръ, добаръ юнакъ:
«Э вие—ка, бре, вѣрна дружи́на́
И ру́чайте и кажете.
«Богъ да біе Тодори́ца мла́да!»

№ 84.

Г. Паланка, въ 4-хъ часахъ разстоянія отъ Кюстендильской Бани, въ Македоніи; 5 дек. 1879 г. записана со словъ Стаменка Алексова.

(тоже).

(*Пересказъ пѣсни*).

Талакинъ Тодора затворили деветъ кралёве и затворили го за-ради деветъ азна; а сами сѣдеа на меана, та пія. Деветъ годинъ лежа́ таламинъ Тодора. Него́ва жена заженисе. Имаше оно пиле соко́лово; дойдоше пиле на зенданы и пишти, та си глава кине.

Скочи Таламинъ Тодоръ, та го замами: пиле нему каже: твоя жена раненика си земáло. Ка' дочулъ това таламинъ Тодоръ, заронилъ сьлзи́ у абсена: о, ты моя любне! зашто не зимашь дру́гого, ту́къ узимашь мога ранени́ка. Заплака таламинъ Тодоръ у абсана, дочули го деветъ кралёве. И тега речеа на абсанджія: «за што пишти Тодоръ? Што зоръ му е»?—И те га праша: «што неволя ти»?— «Што ли имамъ зоръ? Моя стопаница зима мой рáненикъ; оти не земе другого, по ранени́ка земе»! Тагай извикнаа го при деветъ кралёви. Речеа крáлёве: «талиминъ Тодоре! Што ти е зоръ, Да пиштишь у зенданы? Дали ти е додеяло, што лежишь одъ деветъ годинъ?—«Не ми това додеяло: оно, ми, се любе заженило: не си зима другого мужа, оно зима мого ранени́ка; а да зима другого, жалъ немамъ». Речеа кралёве: «Седъ, ка те пуштимъ, едали се можешь, да повернешь»? — «И да пуштите, че повернемъ, и вашё азно донесемъ». И тогай пуштія го.

Отиде́ Тодоръ на свои двóрови: станала церна калудера; у врата на негова майтя чука: «Добро ютро! бабо!»—«Далъ ти Господъ добро!» Оти плачешь, церно калудере? о-де-къ идешь?» — «Я идемъ одъ деветъ кралёве, што бѣ затвóренъ». — «Имамъ и я тамо едного сина талиминъ Тодора».—«Сви е погубія, салъ мене пуштія». «Тега баба бакшишь му даде».—Пита негова люба: одкудъ идешь, церно Калудеро? *(не досказано)*.

№ 85.

Село Рыло (Дупн. окр.); 27 дек. 1879 г. записана со словъ Екатерины Миловановой.

(Разговоръ дѣвушки Вардарки съ соколомъ).

Соколъ піе по Вардара вода:
Нодзе му у сребро укованы,
Криле му у злато позлáтены,
На глáва му бѣлъ трендафиль павти,

На гърло му дробенъ бисеръ трепти́;
Па не смѣе нико да го пита.
Пита го Вардарка девойка:
«Э ты зека пиле соколенце!
Кой ты сребри нодзе до колѣна,
Кой ты златы крила́ до ра́мена,
Ко́й ты сади́ тренда́филь на глава,
Ко́й ты низа бисеръ на герло»?
А соко́ле му по́-ти оговори:
«Э ты-зе-ка Вардарка де́войко!
Ель ме пи́ташь, пра́во ште ти кажа:
Зете́ имамъ злата́ринъ,
Да ми сребри нодзе до колѣна,
Да ми златы кры́ла до ра́меня;
Сестра имамъ, та ми сади́ трендафиль на глава́
Та ми нижа бисеръ на ге́рло.

№ 86.

Соф. окр., село Сливница; 7 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Ильи Григорьева Стамбуліи.

(Одна сестра у девяти братьевъ).

Деветъ брата една сестра иматъ;
Сви-те деветъ са я обича́ли;
Одъ милосъ я на пазаръ одвели,
Што видѣли, се се ней купили:
Видѣли се сребрени ножница,
На ножница три струка вериги,
На вериги ясно огледало,
И купили, да се Нейтя често огледуе;
О́тишли у ладна меана,

Та си сѣдли да си ядатъ и да піятъ;
Она била итра-дьяволита:
Прошетнасе низъ тевна чаршія,
И усрѣта Митеръ Кустурлію:
«Добра срѣ́ча, гиздава девойте!»
— Далъ Богъ добро, Митеръ Кустурліе!
Очешь, Митре, мене да залюбишь?
— «Не ти смѣемъ, тебе да полюбимъ:
Да ты имашь деветъ мили брата —
Сви-ти деветъ си юнаци;
Очу мене о́ны да погу́батъ».
Она́ му по́ ти огово́ри:
«Я чемъ братя лысно да изда́демъ:
Собери се тристе душъ юнаци,
Па оти́де на старе езе́ре
На езере, на стара по́ишта;
Я чемъ братя у ловъ да допра́тимъ».
Кога́ било ютре одъ-заранъ,
А она́ си братя поокнало:
«Айте, брало, у ловъ да и́дете!
Сви юна́ци тука проминали —
Проминаше и васъ пот'окнаше
Пот'окнаше и порты почукнаше»;
Я они и по́ ти огова́ра:
«Иды, сестро, кони́-те ни справи».
— Пошла сестра,
И со-съ венеръ[1]) крыла оперлило,
Што остало подъ кола верзало,
Я сабля имъ съ калай[2]) зопошло;
Па дооды и гово́ри:
«Я кони справила и при камикъ ги привела!
Айте! качитесе на свои кони́».

---

[1]) Фенеръ—фонаръ. [2]) Олово.

И она́ се лѣпо накачили,
Па отишли на езере,
На езере, на поишта стара;
Согледалъ и Митра Кустурлія;
И проговори́ наймлады брате́къ:
«Бѣжьте, брало! сега́ да бѣгаме!
Оче Митеръ назе да пoǵуби»;
Проговори́ найстаріё брате́къ:
«Да я немамъ саблю да кервавимъ,
Я камо ли вие да сѣчете?»
Приблизилъ се Митеръ Кустурлія.
Сабли тергнатъ братя, сабле не излазатъ,
Кони рижатъ, ко̀ни се не мердатъ;
Проговори найстаріё брате́къ:
«Бѣжьте, кой на-куде види!»
Алъ ги Митра сви-те деветъ погуби́лъ.
Па отишелъ Митра Нейти на дворове,
И излезе на куле високе
И говори Нейти:
«Сѣди, сега да сѣдимо —
Сви-те деветъ я семъ погубилъ»;
А она му по ти одго̀во́ри:
«Съ-ношка, вечеръ дете се добило,
И оно одъ юначко колѣно;
Оче оно насъ да ны́ погуби».
Отиде Митеръ Кустурлія,
Да погуби дете́ у пеле́не;
Излезе се деветъ миле стрине —
Сви-те се Митру помолиле,
Помолиле и па поклони́ле:
«Тако м' Бога, Митеръ, наши зе́ту!
Остави ны това мушко дете —
Кой че, Митеръ, насъ да ны дорани?»
И нему се верло нажалило,

Та-си оставилъ това мушко детс.
Минало се текмо двѣ недѣли,
А дете си на майтю говори:
«Вала, мале, моя стара мале!
Сва деца бащеве держатъ,
Оти нема мене кой да держи?»
Я она му по ти оговори:
«Богъ да біе лелю Нетю!
Да ты имашь осемъ мили чиче
И деветы твой стары башта,
Амо леля ги издала».
А оно си майци одговара:
«Я ми справи бащина коня,
Че си идемъ башта да си тражимъ»;
Я майтя му пó ти одговара:
«Сѣды, дете, сѣды у пелене,
Оче тебе Митеръ да погубе».
А оно си майтю не послуша,
Нело отидé на ладны яхыры —
Съ нога ритна, та си врата строши,
Та улезне у ладны яхыры
И си тражи бащинога коня;
И си найде бащинога коня,
Па си тури бащино оруже;
Приведе га при бащинъ си камикъ,
Де-ка се му бащá качило;
Та уяну бащинога коня
И отиде Митру на дворóве:
«Тако м' Бога Митре Кустурліе!
Я излезни мене на белѣго»;
Одговара Митеръ Кустурлія:
«Богъ те убилъ, дете у пелéне!
Да я немамъ сабля на тебе,
Немамъ сабля да керва́вимъ,

Я камó ли на белѣгъ излезнемъ»;
Я дете му пó ти одговóри:
«Я излази! яли че те съ душо
И съ кожсра тергнемъ!»
Митеръ е тагай на белѣго излези:
Одсѣче му дете той русу глáву;
Па излезе на куле высоке,
Та си вана леля си Нейтя
И одсѣкалъ ю ноге до колѣна,
И одсѣкалъ ю руке до рамена,
Извертелъ ю тія церни очи,
Па завелъ на камены тюпрія:
«Сѣды тука, лелю, да си сѣдышь —
Кой проми́не, дарба да ти дари;
Ка' проминемъ, дукатъ че ти давамъ.

№ 87.

Г. Радомiръ; 29 ноября 1879 г. записана со словъ Таски Петрунова.

(Сестра любима девятью братьями, но ненавидима женою одного изъ нихъ).

Една Яна между деветъ брата;
Каде́ ида, и Яна си вода.
Отишли са на нови паза́ре
И Яна са тамо, бре, одвели
Одвели я на нове пазаре.
Што са вишли, се се укупили:
Вишли са си сребернo вериги
На вери́ги среберно ноженце.
Богъ да бiе Павла-то любе!
Не свидссе Павла ку́чковица,
Та улезна у ладне яхе́ры,
Та убоде до два сиви юнца
И убоде до деветъ конѐве,
Си-те деветъ, богме, подпаява́не;
И си ойде Павла ку́чковица,
Та си ойде у ладне ода́и:
«Дигъсе, дигъсе, Павеле юначе!
Каква ти е штéта учинсто?
Убодени до два сива юнца
И деветъ коне́ подпайване,
Учини и сестри́ца Янинка».

— Я братокъ му дума продумума;
«Просто да е, Яни за свадбина»!
Богъ да біе Павла кучкови́ца!
Улезнала у ладны зевницы,
Опушти́ла деветъ бочви вино
И десета той люта ракія,
Пай си ойдé при Павле-то юнака:
«Дигъсе, дигъсе, Павле юначе,
Дигъсе, дигъсе, да би се не диголъ
Каква ти штета учинето?
Учини с сестри́ца Янинка:
Опуштила деветъ бочви вино
«И десета той люта ракія».
И тогай си Павелъ продумуе:
«Просто да е, Яни за свадбина»!
Богъ да біе Павлово-то любе!
Ка улезна у ладне одаи
И си зема Янино ножéнце,
Убоде си товá машко дете,
И тогай ойде у ладне одаи:
«Дигъсе, дигъсе, Павле, юначе!
Каква ти е штета учинето?
Учини с сестрица Янинка:
Убоде ти това машко дете».
Тогай Павелъ дума продумало:
Што ми прави, се се ми прости́ло,
Што убоде товá машко дете»?
И тогай окне Павелъ вреденъ юнакъ:
Елъ овамо, сестрицо Янинко!
Ты убоде до два сиве юнца,
Деветъ коне, богме, подпайване,
И опушти деветъ бочви вино
И десета-та люта ракія;
Што убоде това машко дете»?
— Дума дума сестра му Янинка:
«Ако семъ братко, товá я направило,
Изведы ме у гора зелéна:
Де-ка падна мои бѣли рацѣ,
Тамъ да никна двѣ бѣли тополи,
Де-ка падна мои церны óчи
Тамъ да извратъ два бистры кла́денца;
Де-ка падне товá мое тéло,
«Да се згради церква Маріица» [1]).
И кога́ лежи кучка Павлевица—
Лежала е деветъ годинъ време—
Пай се присни Павла кучковица,
Да я вода церква Маріица;
Одвели я церква Маріица,
И тогай се съ душа раставило.

---

[1]) Тутъ пропущено то, что братъ все такъ сдѣлалъ, какъ говорила сестра Янинка.

№ 88.

Кюстенд.-Бан. окр., с. Жилинци; 5 дек. 1879 г. записана со словъ **Маріи Тупаковица.**

(Сестра любима двумя братьями, но ненавидима женою одного изъ нихъ).

Два, ми, брата верно живовали,
Между ни сестрá милувáли;
Одъ милосъ е на пазаръ водили,
Што са вишли, све са укупи́ли:
Ножи вишлé, ножи церноцрены
И нія укупи́ли;
Па си дошлé вечере до вечеръ
Дошлé на свои́—те двóры.
Не свиде се кучка Павлевици:
Улезнáла у ладны земници,
Испуштила деветъ бочви вино
Десета—то люта ракія;
Па си ойде у ладны меаны,
На Павлé по тія говори:
«Дигъ се, Павле, да бихъ се не ди́гналъ!
Што ти се штета учини́ла!»
А Павле му по ти оговóри:
«А оттука кучка Павлевица!
Два сме живи два — та со-съ брата,
Да е жи́ва наша мила сестрá».
Не свидесе кучка Павлевици:
Па улезна у ладны яорье,
Та убóды коня упайвана;
Па отидé у ладны меаны,
На Павле-те по ти оговóри:
Дигъ се Павле, да би се недигналъ!
Што ти се штета учинила?

Уббдена коня упайвана!»
А Павле по ти оговбри:
«А отува, кучко Павлевице!
Да сме живи два-та со-съ брата,
Да е живе наша мúла сестра!»
Не свиде се кучка Павлевица;
Та отиде у ладны ляницú
Та сосипа до-деветъ кошара —
Потекоа меды изъ ляницú;
Па отúде кучка Павлéвица
На Павле-те по ти оговори:
«Дигъ се, Павле, да би се недигалъ!
Што ти се штета учинила!
Сосипаны деветъ коша —
Потекóа меды изъ ляницú!»
Я Павле му по ти оговóри:
«А отува, кучка Павлевица!
Да сме живи два-та со-съ брата,
Да е жива наша мила сестра!»
Па не свидесе кучка Павлéвица:
Искачи се горе на чардаци,
Та убóде това машко детé
Убóде го у свилны пéлены
У пéлены, у клѐто-то серце —
Потекли са керви изъ чардаци;
Па отиде кучка Павлевица
Отиде у ладны меаны
На Павле-те по ти оговóри:
«Дигъ се, Павле, да би се недигалъ!
Што ти се е штéта учинúла!
Убодено наше машко детé
Убóдено у свилны пелены
Убóдено у клето-то серце,
Потекли со керви изъ чардаци».

Тогай рипна Павле добаръ юнакъ:
«Да гле́даме редомъ по ноже́ве —
Чіи ножи у керви утах̑нали,
Това си е штета учинилъ».
Та гледаа редомъ по ножеве —
Сестры Мары ножи у керви утах̑нали.
Прогово́ри Мара церно́ка:
«Аво, братко, аво мили братко!
Ако семъ ти штета учини́ла,
Изнеси ме на висока ела́,
Расѣчи ме на четири дѣла:
Де че падне моя руса коса,
Тамъ че никне тая гаста гора;
Де че падатъ мои церни о́чи,
Тамъ че извратъ два студна кладенца;
Де че паднатъ бѣли рацѣ,
Тамъ че никнатъ двѣ танки топо́ле;
Де че паднатъ мои танки вѣжди,
Тамъ че извратъ морски пья́вици;
Де че падне моя рамна снага,
Тамъ че стане церква Маріица».
Изнесеа на висока ела́,
Расѣчеа на четире дѣла:
Де-ка падне нойна руса коса,
Тамъ никна́ла тая гаста гора;
Де паднале нойны церни очи,
Тамъ изврє́ле два студна кладенца;
Де падна́ле нойны танки вѣжди,
Тамъ изврє́ле морске пья́вици;
Пе падна́ле нойне бѣли рацѣ,
Дамъ никна́ле двѣ танке тополе;
Те падна́ла нойна рамна снага,
Дамъ створи́ласе церква Маріица.
Поболѣ се кучка Павле́вица:

Обидоа орье и загорье,
Немогоа лѣкове да найдатъ, —
Изъ кости му трава проникнáла!
Изъ очию муи пролитаятъ,
У ушu-те погáнци матúле.
Проговóри кýчка Павлéвица:
«Аво Павле, аво добаръ юнакъ!
Да ме носишь церкве Маріице».
Па усобра косты у рѣшéто,
Однесе я церкве Маріице:
Оддалекъ е церква согледáло,
Одблизу се церква затворúло —
Попóве-то онемѣле,
Дякове-то ослѣпѣле;
Проговорú церква Маріица:
«А отува кучко Павлевице»!

№ 89.

Село Бабица (Трен. окр.); 26 ноября 1879 г. въ мѣстечкѣ **Брѣзникѣ** записана со словъ **Дёши Тодорова**.

(тоже).

Два брата много добре живовали,
Сестру Нейтю много миловали:
Одъ милосты на пазаръ одвели —
Што видѣли се и окупили:
Видѣли су ножи у ножница,
На ножеве три струкеве вериче,
На вериге педесе прáпорца,
На прапорци златно огледало —
Да се Нейтя често огледуе,
Да ли е бѣла, иль е црвена. —
Несвиде се на кучку Павловицу,

Та се диже ночи и средъ ночи,
Та украде Нейтины ножеве,
Та убоде два вола на адрѣ(?),
И убоде конекъ на пойвани,
И убоде товá мужко дете,
И расипа до двѣ бъчве вино
А третя-та люта-та ракія;
И с'окала кучка Павловица,
И с'окала стопаница Павла:
«Дигъ се Павле, да би се не ди́галъ!
Каквъ се пакость направи́ло:
Убодены два вола на одри,
Убоденъ конёкъ на пайвана,
Убодено товá мужко детé,
Расипано до двѣ бочве вино,
А третя-та да та люта ракія»;
Рипа Павелъ на тънке кошуле,
Па се чуди Павелъ, што да чини;
Учило га негово-то любе:
«И това ли да те учимъ?
Редомъ реди по града, по Солунь,
Редомъ реди, да ножеве гледай,
Чии ножи у кьрвь потонули,
Тіе са тоя работили».
Редомъ реди, та ножеве гледа,
Нигде нема ноже у кьрвь потонуле;
Кадъ погледа Нейтине ножеве —
Они су у кьрвь потонули:
Сестро Нейтё! моя сестро!
Оты си пакость направила?
— «Не семъ, брате, ко ми живи віе;
Я брале, много се вѣрно кьлнемъ».

(Конецъ не досказанъ).

№ 90.

Трен. окр., с. Бабица; 25 ноября 1879 г. записана со словъ 10-тилѣтней дѣвушки Христины Стоянчиной.

(Предотвращеніе любовной связи брата съ сестрою).

Пишти́ пиле подъ небесе,
Пишти́, пишти́, та си главу кине:
Чуйте стары, млады паметуйте!
Не е било, не че па-й да буде—
Братъ и сестра́ на ча́рдаци сѣду́,
Те играю со-зъ златну ябуку,
Емъ играю, емъ че се залю́бу.
Не дочула ги гиздава девойтя,
Нель си до́чу турче Саратличе;
Па казуе Турче Саратличе;
«Казуй си-отъ коя́ си рода́?»
—Че да кажемъ, Турче Сарадличе
Че да кажемъ, да грыжа не ме е:
«Я си имамъ и ма́йтю и башту́,
Я си имамъ и брата и сестру́;
Ка' су били первне размирице,
Тагай-си го Турци зароби́ше,
А я-си на спсу оста́ла».
—«Казуй, како́ е име?»
—Че да кажемъ-грыжа не ме е:
«На ма́йтю-Мару меанджійтю,
На башту-Пауна войводо,
На брата ми-Николо войводо,
24 А мене Паунтя девойтё.

(*не кончена*).

№ 91.

(Загорье) Берков. окр. с. Вершецъ; 11 февр. 1880 г. записана со словъ Дамьяна Тодорова Пецынъ.

(Распредѣленіе подати (порѣза) въ деревнѣ).

Кехі̆яты[1]) ви́ка по́ село:
«Коги́ ште баде зарана,
Свичко-то село да се саби́ра,
Да рѣжатъ царска мирія».
Коги́ било е зарана-та,
Свичко-то село собрало се —
И стары кметове и млады
И рѣзали царска мирія.
Чорбаджи Лазаръ продума:
«Селяне и кметски синове!
Редомъ вергія рѣжéте —
Кому́ педесетъ, кому́ шесé,
А на моё брато синъ Тудоръ
Да рѣжете сто и педесé:
Че има стока свекаква
И дро́бна и ядра».
А Тудоръ за́плака и рече:
«Чиче, Тудоре, Тудоре!
Што самъ ти зло направилъ?»
Та па си домо-ка отидé,
И на майтя си продумá:
«Мале, стара — никаква!
Да видышь мале стара,
Чичо Тудоръ предъ село што продумá!»
— «Што е, сине, продумалъ?»
— «На селяне говори:
«Селяне и кметски синове!

[1]) Глашатай.

Редомъ царска вергія рѣжете —
Кому педесетъ, кому шесдесетъ,
А на синъ на мой братъ Тудоръ
Да рѣжéте сто и педесé:
Че има стока свекаква
И дробна и ядра».
Стара майтя го научи:
«Ако, сине, чиче тако продумалъ,
Я земи, сине, сертме [1]) севрія [2]),
Па отиды Тунджа, Маруца,
Да ферлишь сертме севрія,
Да фанешь рыба скомрія;
И онъ майти си послуша:
И узе сертме семврія,
Та ферли у Тундже Марице,
Да фане рыба скомрія;
Онъ не фанá рыба скомрія,
Но фана глава човѣчка —
Оште керве течеа.
И онъ е дома занесе,
Па на майтя си продумалъ:
Ела, мамо, моя мила мама,
Каква ти рыба уловихъ:
Не фана ти рыба скомврія,
Но фана ти главá човѣчка».
Тогива майтя продума:
«Я иды, сине, я иды
Я иды у чичины-те слами,
Та заври тая глава човѣчка;
Па да идешь, сине, заранъ одъ зарана,
Да видишь, да ли чиче тая дума продума?
Ако продума па таká,

[1]) Мрежа.
[2]) Густой.

А ты тогива да речешь:
«Чичё Лазаре, Лазаре!
Па ты ли си, чичё, харенъ
Харенъ и па вреденъ!
Де-ка-то терговци претычатъ,
Тамъ ги глави-те узимашь, —
И съ-ношка, чичё, терговецъ претече,
И съ ношка му гла́ва одсѣчешь,
И глава́-та му у тво́я-та слама,
У слама иржана турната!»
Чичё му Лазаръ продума:
«Селяне, кметски синове!
Ако има глава човѣчка
У моя́ слама иржана,
Свички мой малъ да е просто
Да е просто на царо—
Ако да идете селяне
И да па намѣрите глава човѣчка
У моя-та слама иржана.
Хайде, селяне, идеме, да ви́диме».
И отшело́ село-то и намѣри́ло
Глава-та човѣчка у слама-та.
И земало му село мало,
А царь му деца и мало аризалъ

№ 92.

Г. Радомiръ; 30 ноября 1879 г. записана со словъ Таски Моавискаго.

(Споръ двухъ братьевъ объ имѣньи — собственно изъ-за шестокрылаго коня, сивыхъ «загаретъ» и сивыхъ соколовъ.

Два си брата, два са, бре, близна́ка.
Едини Петеръ булюбаша,
А други Павелъ господара

И два-та са ного зендинъ[1]) били
Постаріё Павелъ господарь
Помладіё Петеръ булюбаша.
Продума́ло Петеръ булюбаше:
«Слушай мене, Павелъ господаро!
Имаме си сто дулума лозье,
Имаме коне́ и гове́да,
Имаме козы́ пай о̒вцы,
Имаме си ниви и ливады,
Имаме си́ви гелыбета,
Имаме си́тни загаре́та
Имаме сиви соколета»;
—Помладіё Петеръ булюбаша.—
Кога́ бѣше рано одъ зара́но,
Дума дума Павелъ господара;
А Петеръ му дума проду́муе:
«Не ти хочу ни козы, ни овцы,
Ни ти сакамъ коне́ и говеда,
Само хочу коня шестокры́ла,
И си сакамъ сиви загарета,
И си сакамъ си́ви coколе́та
И си сакамъ сиви гелыбета».
Дума дума Павелъ господара —
Дума дума на негове любе:
«Слушай мене, мое первнелюбе!
Кога́ биде рано одъ зарано,
Да ми справишь коня шестокры́ла;
Кога́ ойде Петеръ булюбаша,
Кога́ ойде у село́ на церкви,
Кога́ ойде Богу да се мо́ли,
Ты да готвишь той сладки ручко́ве,
И да туришь у сладки ручко́ве
Да си туришь тоя́ люты отровъ»;

---

[1]) Богатый.

Нойна снах̑а ного у̑мна била,
Ного у̑мна и но́го разу́мна,
Готвила си той сладки ручко́ве.
Продумало Петроёви брато́къ—
Дума дума на негове любе:
«Я че ойдемъ у гора́ на ловъ;
Ако не би ты това направи́ло,
Че те сѣчемъ мерва по мерва—
Найголемо, враминёкъ што носи».
И него жена дослушала.
Павелъ ойде́ у гора на ло́ва,
А Петеръ ойде у село на церкви,
И си ойде́ и си Богу мо́ли;
И четеа попове, владыки.
Излезна Петеръ булюбаша,
Излезна низъ село, низъ це́ркви;
И си ойде до́ма на дворо́ве,
И го срѣтна́ негова-та снах̑а́:
«Слушай мене, Петеръ булюбаше,
Я ти готви́мъ тоя сладки ручко́ве,
Како каже твоё браты Павелъ:
Я че х̑ойдемъ у гора на ло́ва,
Ты да готвишь Петре-ти юна́ка,
Да му готвишь то сладки ручко́ве,
У ручкове това люты о́тровъ,
Зеръ ка дойдемъ низъ гора, низъ ло́ва,
Че те сѣче́мъ мерва по мерва—
Найголемо, враминёкъ што не́си».
И си дойде Петеръ булюбаша
И си дойде низъ село, низъ церкви
И си зема́лъ големо пречесіе,
И го срѣтна́ него́ва та сна́х̑а
И го срѣтна и ра́ка целива:
«Слушай мене, Петре булюбаше,

Какво каже, твоё браты Па́велъ:
Петеръ ойде́ на село у це́ркви,
И оно ми вѣрно отказа́ло:
«Ка излезне Петеръ булюбаша,
Да му готвишь тія сладки татліи,
Да туришь у ния то́я люты отровъ».
И Петеръ си дума проду́муе:
«Слушай мене, моя мила снах̆о!
Моя снах̆о, моя мила майко!
Я улезны у ладны зевницы,
И и́знеси платно́ бабуче́рно
И усучи до три жьлты свѣшты,
Я че легнемъ у двори да ўмремъ».
И снах̆а го не́го послуша́ла,
И изне́ла платно́ бобучерно,
И усукла до три жьлты свѣшты.
И си легна Петеръ булюбаша,
Та си легна у дво́ры, да ўмре;
Покри́ла го негова-та сна́х̆а,
И запали́ла три жьлты свѣшты,
И си изви той зелены титки;
А ка ошелъ Павелъ господа́ра,
И одкара́лъ коня шестокры́ла,
И си одвелъ си́ви соколе́та,
Излезнала бѣльтя златнокрыльтя;
И си пушты Павелъ господа́ра
И си пушты едынъ братъ соко́ла,
И неможе́ нигде да я стигне:
Пиштъ́ пиле до Бога чуе се;
Кадъ си пушты други братъ сокола,
Ка я стигна́, ка ю душа вади,
И тогай си Павелъ съосети́ло,
Де не може братъ безъ брата да биде;
И уяна́ ко́ня шесторыла,

И го бутнá негови дворóве,
Ега може брата живо да намѣри.
И улезнá негови дворóве:
Ка си виде брата упружена,
Изваді́ ножé потáйно,
Да се муне у клето-то серце;
Што-то бѣше негово-то лю́бе
И въеднагъ ему дума продумала:
«Да видишь ты, де не може
Братъ безъ брата да е».
А што-то било на Петеръ булюбаша снáха́
Она била умна и рáзумна:
«Петеръ не е у дворы поумрелъ,
Живо сѣды́, а у дворъ помрéло».
Тогай каза Павелъ господáро:
«Стани ты-зи Петеръ булюбаше,
Просто да е коня шестокры́ла,
Просто да са сиви гелыбета,
Просто да са ситни загарета,
Просто да са сиви соколета!
Сегá видó, де неможе
Братъ безъ брата да е;
Ного била твоя снáха́ —
Мое первне-любе умна и рáзумна.
И тогай казало Павелъ господара:
Чуешь мене, Петеръ булюбаше
Ты не сакашь делъ да ми делешь;
Не ми сакá козы и пай овцы,
Ни ми сáка конé и говéда,
Ни ми сака сто дулу́ми лозье;
Просто да е тебѣ коня шестокры́ла,
Просто до са сиви гелыбета
Просто до са ситни загоретá
Просто да са сиви соколета!

№ 93.

Село Нова-Мала, близъ Пирота; 7 ноября 1879 г. записана со словъ Іоны Ки́рины.

(Споръ двухъ братьевъ изъ-за коня и сокола).

Проговóри дзвездица даница:
Тако м' Бога, тія мѣсяцъ,
Кудъ се било у тре́тью ве́черъ,
Та те не́ма на небу да грѣешь?
— И́зговори тія самъ мѣсяцъ:
Я самъ билъ у тре́тью вечеръ
Я самъ билъ у Русію зе́млю
Тамъ сидѣла два брата роджени:
Све су благо раздѣлили
Саде коня́ су не раздѣлили
И со-съ нега сива соколе́нца;
Па стари сака коня́ да узме,
А пóмлади га за свадбину не даде;
Тега проговори по старіё-тъ брата-тъ
Проговори со свою перволюбу:
«Да отруешь пóмладóга брата,
И я чу са соколемъ идемъ;
Када дойдемъ, бра́та подъ покровъ да найдемъ».
Онъ уше́лъ у ловъ,
Па отише́лъ у сине езерь;
Па си пу́шти сиво соколенце,
Да улови плóвку златокрилку.
А оне́[1]) би́ле много на родуту,
Та на соколе крила потрошише;
А соколъ пиште, у небу се чуе.
Тагай онъ се тешилъ:
Тай си сиво соколенце!
«Чу те, да те чувамъ до твоё-тъ животъ;»

[1]) Т. е. Пловки-утки.

Проговори сиве соколенце:
«Тешко мени, докъ ме ти е чувашь;
Тешко мени безъ брата родженогъ».
Онъ се текъ вернувсе на домъ,
Да се иде, да затéче брата съ душомъ;
Де мине презъ моста каменъ,
Коня-тъ се строши ногу у копиту,
Та и онь се пишти — у небу се чуе.
Па онъ нéму говори:
«Тай се коню, немой да се пиштишь,
Чу те: чувамъ до твóя живóта».
— «Тешко мени, докъ ме ти е чувашь;
Тешко мени безъ брата родженогъ».
А онъ остáви коня́ нá путъ;
Скоро търчи дома, да се стигне,
Да се найде брата съ душомъ.
— А снаа-та била много досетница:
А она извéла девера тога на висóки чардакъ,
Прекрила га съ то бѣлó платнó,
И запалила му тее жьлте свѣче.
— А онъ презъ дворъ търчи:
«Леле любе, леле перволюбе!
Што ти, рекъ, да ми си створила?
— А она рекла:
«Што ми се казалъ, све самъ завершила».
— Тага онъ и́звади óстри нóжи,
Да убоде своé клетó сéрце,
А тагай вáну свое перволюбе.
— Немой, войно, не семъ завершила:
Обишла, да види, кáку жалъ за брата!
Она брата живога завила,
Не го уморила—
Да ви́ди, кака жалъ за брата!

№ 94.

(Загорье) Берков. окр., с. Гушанци; 13 февр. 1880 г. записана со бловъ Герасима Русинова.

(Похвальба болгарина передъ евреями въ г. Солуни въ кофейнѣ, что онъ на своемъ борзомъ конѣ въ одинъ день отправится въ Царьградъ и обратно возвратится).

Дигналъ, ми, се Радойно
У света млада недѣля:
Чарны си очи омыло,
Запáлилъ чибукъ — килибаръ,
Замѣтналъ кужухъ нá рамо —
Големъ го дьяволъ оздýло, —
Та си нейдé на церква,
На си отиде па Солунско кафене;
Шекерно кафе испило.
Таманъ Радойно да си пойде,
Затекоа го мърсна вѣра Еврея;
Големъ са облогъ правúли,
Че има кóнче ранено,
За денъ да иде Цариградъ
За денъ да и де и да дойде;
Ако не дóйде, мърсна вѣра Еврея
Кышта-та бѣгликъ да му зéматъ,
Млада Петкана рóбкина
Со-съ това машко детéнце;
И ако си иде и да дойде,
Просто да му са еврейски дутяна
Покрай синё-то море,
Со-съ товá тежко иманье —
Дуръ деветъ дутяна со-съ тія маргаре,[1])
Десята помлада еврейкина».

---

[1]) Монисты.

Тогива шеи-те [1]) фана́ль,
Та па отиде на дома́;
И негова Петкана на порты стояше,
На рака машко дете держеше.
И заминалъ ю Радойно
И не погледналъ на Петкану;
И детенце бѣше запла́кало,
Че си го башта бѣше нау́чило —
Коги́ си идешь изъ церкве,
Онъ си детенце зе́меше,
Та го у кышты унесе́,
И коги́ детенце не узе,
Оно запла́кало.
Влезна Петкана по Радойно
И си дума говори:
Либе ми, либе Радойно!
Да ли на дете́ яду́вашь
Иль я не се́мъ ти у́бава,
Ка’-то первня-та вечера,
Ка’-то двѣ-те та неделя,
Ка’-то первня-та го́дина?»
И онъ тогива дума гово́ри:
«Я-си на дете́ не ядувамъ,
И ты-зе си ми у́бава;
На ли одъ заранъ дигна́ —
Големъ ме дьяволъ издулъ —
Та си не отидо́ на церква,
Но си отидо́ на Солунско-то кафене;
Шекерно кафе испилъ;
Таманъ, бре, да си пойда,
Зате́че ме мърсна вѣра Еврея;
Големъ семъ облогъ напра́вилъ:

[1]) Свидѣтель.

Че имамъ ко́нче ра́нено
За денъ да ида и да дойда
Да дойда у Цариградъ.
И казалъ бѣше Петкани,
Да справи му коня;
А самъ си легналъ та заспалъ.
Петкана си ко́ня гледа́ла,
Сребрене гривны разваля,
На коня плёчи правила,
Златены перстени трошила,
На конё пироне [1]) правила;
Та му крака́-та [2]) подко́вала;
Студена го во́да напо́ила,
Сребрено му сѣдло турна́ла,
Деветъ колане́ стигна́ла,
Златена му юзда турна́ла.
Зоря-то трепе-изла́зи,
Петкана Радойно бу́деше:
Дигайсе, дигайсе, Радойно!
Зоря ми трепи-излази.
Мърсны еврея покрай порты вардиа,
Тебе да ти испрататъ».
Дигналъ се дѣте Радойно
Черны́ си очи омилъ,
Шеке́рно кофе́ испило;
Петкана му ко́ня приве́ла;
Имъ се сребряна зенгія стапналъ,
Феркна́ло коньче́-то, та пошло,
Преме́тнало деветъ кадылаци [3]);
Доръ се на него префе́рли,

---

[1]) Подкова.
[2]) Нога.
[3]) Губернія.

Опте деветъ преметналъ;
Доръ се крако́ у зенгія намѣстилъ,
Доръ си е кожуо заметналъ,
Оште деветъ преметналъ,
У Цариграда уле́зналъ —
Таманъ е било на́ пладне,
Ка'-то влезна́лъ тамъ;
Конё си на меана верза́лъ —
Тая меана бѣше евреска;
Па, ми, отшелъ на полиція;
Големъ ферманъ чете́а,
И му други писа́а
И му пи́саа и да́доа;
Верналъ се бѣше Радойно,
Одверзалъ си конё одъ дирекъ,
Евреинъ му дума — говори:
«Кога́ дойдешь ты, у назе свернешь»;
А Радойно каза,
Че големъ облогъ прави́лъ;
Тогива евреинъ рекелъ:
«Чекай, дадемъ една чаша ракія́». —
Не било ракія, но било верло отро́ва;
Та легна́ Радойно, та заспа;
Слънце-то трепе да зайде,
Конё му вишти и ко́па:
«Дигай ми се, Радойно!
Слънце-то трепе да за́йде,
Кышта ти бѣгликъ отиде́,
Млада Петкана робкина
Со-съ това машко детенце».
Дигналъ ми се Радойно,
Дребни се сьлзи поро́нилъ;
Конё му дума говори:
«Студена во́да да ме напо́ишь,

Бѣла рапсалица[1]) да ми закачешь,
На мене да си укáчишь,
Очи́-те съ кьрпа да си превéржешь,
Да извáдишь дваяна камджія
Со-съ тія златни куршу́мы,
Да ме удáришь три паты;
Доръ се свія, да феркна,
Ни ти ште нá небо,
Ни ти ште нá земи,
Самъ до два тéвна óблака».
И онъ го студéна вóда напоилъ,
И му бѣла рапсалица закачилъ,
И му деветъ колáна постéгналъ
И се на нéго укáчилъ;
Очи се съ кьрпа преверзалъ;
Извáдилъ дваяна камджія,
Та го удáрилъ три паты́.
Доръ се кончé свило,
Ферквало предъ деветъ кадылаци;
Радойно ферлилъ маздракъ,
Та си забувалъ у нéговъ дворъ.
Тоги́ва Петкана по дворъ одаше,
Зеленъ керчагъ у рака нóсаше,
У него вóда студена —
Не си е била вóда студéна
На е било верло отрова;
Ка'-то слънце трепне да зайде,
Онá да се отрови.
Ка'-то видела маздракъ у дворове,
Она евреа разгóнила:
«Урипете-се, каже, проклеты еврéи!
Радойно си бѣше дошелъ-ка,

[1]) Родъ жита, ярица.

Амо легна́лъ та заспалъ».
Она́ това изре́кла,
И конче се свило, паднало,
Радойно одъ него слезна́ло.
Излезналъ бѣше на порты,
Подбралъ бѣше еврея,
Та ги заве́де на Солунско-то кафене;
Евреи му се молеа:
«Просто да ти са дутя́не
Съ това тежко иманье,
И доръ деветъ дутяне
Со-съ тія маргари,
Амо да ны опростышь
Да опростышь помлада еврейкина».
А Радойно рекелъ:
«Не проштава еврейкина».

№ 95.

Софійск. губернія, село Столникъ; 28 ноября 1879 г. записано въ мѣстечкѣ Радомірѣ со словъ солдатика Волка (Волчё) Гешова.

(Какъ Стояна избрали въ старшину надъ обозомъ въ 500 возовъ).

(Изъ караваннаго обычая).

Големъ се бѣгликъ зачело:
Петъ стотинъ кола софишки
Петъ стотинъ кола загорски,
Па се сабрале фо-фъ долни Лозенъ
На механа червено вино пія
И тая бистра ракія,
И вѣрна дума думале, —
Кого́ крамаринъ [1]) да туратъ

---

[1]) Старейшина каравана.

На петъ стотинъ кола софишки,
На петъ стотинъ кола загорски;
Па си тури́ле Стояна,
Стояна Долно-Лозлянче:
Че знае Стоянъ, че знае
На дълги патишта кра́ёве,
На Витимъ-вода бродове.
Па си оше́лъ младъ Стоянъ
При стара майтя рождена,
Па си на майтю казува:
«Малеле, мила моя малеле!
Язе се много измамихъ,
Измамихъ, мале, излагахъ;
Стана си младо крама́рче
На петъ стотинъ кола софи́шки
И на петъ стотинъ загорски —
На ильядо кола крамаринъ,
Крамаринъ язе да бидемъ».
— А майтя си му думаше:
«Сину, Стояне, Стояне!
О ты се, сину изла́га,
О ты се сину изма́ми!
Айде, сину,—ка си ѐйдете
На Витимъ вода дълбо́ка,
Та си биволе ра́серди,
Ярми́-те да ти потрошатъ
И тія жегли сребряны,
Доде́ сѣдите, да се напредватъ,
Дружина да си забаватъ,
И много пари́ поа́рчатъ,
Оште еднашь тебе-ка крамаринъ
Крамаринъ да си не ту́ратъ:
Ти-зе си млогу а́джамія,
Ти-зе си единъ у майтя,

Може си младо заги́на».
— Какво́ си они́ отишли
Край Витимъ вода дълбо́ка,
И Димитеръ си на биволе думаше:
«Де д'иды брешко Влаинче
И ты-зе кула Караманъ,
Отука ме извадете
Низъ Вити́мъ вода дълбо́ка,
Я шта коса-та да си о́скуба
Да я про́дада, купи́те
Што ви позлата, рогови,
Рогови што ви по́сребра».
— И биволе го послу́шале,
Извади́ле го низъ Витимъ вода дълбока
И онъ си коса оскуба,
И сичко си прода́де,
На биволе копита позлати,
И ро́гове имъ посребри,
И стара майтя пригледа:
«Небойсе, мале, небойсе,
Ты-зи си майтя, па майтя,
Ты-зи си мене роди́ла,
Язе шта глава́-та да си дамъ,
Иллемъ(-иль емъ) тебе-ка не давамъ;
Ты-зи си мене майчица,
Язе шта тебе-ка да гледамъ,
Какъ двѣ-те очи мои́-те, церни́-те,
И те шта така да гледамъ,
Доде мене очи-те гледатъ;
Одкадъ си язе загина,
И тебе тога́ не гле́дамъ.

№ 96.

Кюст.-Бан. окр., с. Жилинци; 5 дек. 1879 г. записана со словъ дѣвицы Анны Карадановой.

(Заключеніе условій).

(На праздникъ св. Николы, 6 декабря).

Николо, море, Николо!
Дружина си собираятъ
У меана вино піятъ,
Тежка кирія пазаратъ
Тежка кирія — олово,
Ногу далече го каратъ —
На Нишь, на Видинъ, на Бѣлградъ.
И Николо че да иде;
Па на майтя-си говори:
«Малеле, мила майчице!
И я чу, мале, да идемъ —
Волове са ми биволе,
Кола́-та ми желѣзна,
Ярмове са ми среберны,
Жегла-та са ми зла́тени»;
Па на майтя си говори:
Эве, малеле, мила майчице!
Невѣста-та да ми чувашь:
Често ё на паза́ръ во́ды,
Да си видуе другачке,
Да се, мале, не растажи».
Па му майтя набра́ ро́сна китка,
Та я даде на Нико́ла
И на Никола говори:
«Синко, Николо, Николо!
Додека китка цавти,
До тага да а жалѣишь;
Фане ли китка да вене,
Тогай че се она ожени».
Отишелъ младъ Никола.
Фанала китка да вене;
Гово́ри Никола на дружи́на:
«Дружина вѣрна, собрате!
Да ми чувате кола́-та
Колата и волове-те;
Я че си идемъ на свои домове:
Че ми се ожени лю́бне-то.

№ 97.

Село Бабица, Тренскаго окр.; 18 ноября 1879 г. записана со словъ Дёши Тодорова.

(Златокрылая утица помогаетъ юнаку Смиляну пріискать двухъ снохъ-«близнакинь» для его двоихъ сыновей-близнецовъ).

Башта чува́лъ до два ми́ла сына,
До два сына, до два су близнаци.
Дойде време синове да жени,
Че да тражи до двѣ миле сна́е,
До двѣ снае, до двѣ близнаки́не —
Они́ брайтя да су бажанаци,
Оне́ сестре да су етерве.
Наточилъ е двѣ златни здравице,
Па си справи коня Пеливана,
И си узе пу́шка нишанлія,
Па си пойде презъ горе зелене,
Па се виде́ пиле златокрыльку, —
Па на́слони пу́шку нишанлію,
Да убіе пиле златокрыльку;
А она Смиляину дума:
«Немой мене, Смиляине юначе:
Да я зна́емъ, куде́ ты си пошелъ;
Ты си имашь до два мила сына,
До два сына, до два, бра близна́ка,
Па си тражишь до двѣ миле снае,
До двѣ снае, до двѣ близнакине;
Я си знаемъ, де има до двѣ близнакине,
Та су сестре, та си су етерве,
А два брата да су бажана́ци».
Одведе га у града незнана;
Та си найде до двѣ миле снае,
Емъ су сестре, емъ да су етерве;

Утокми Смилянинъ юначе:
Па си пойде Смилянинъ юначе,
Па по тія оговори:
«Остань съ Богомъ, добры домачине!
Да ми справишь до двѣ миле снае,
А я чу да идемъ на мое́ дворове,
Да си справимъ до два мила сына,
И да зберемъ до триста сва́тове».
Отиде юнакъ Смилянинъ,
Отиде на свои дворове,
Па каза на свое любне:
«Я си найдо до двѣ миле снае,
До двѣ снае, до двѣ близнакине,
Да су сестре, да су етерве».
А любе му тія продума».
«Немой да идешь Смилянинъ юначе;
Лошь семъ сенъ гледала:
Долетеше два сива го́луба—
Ка' дойдоше, со-зъ главе дойдоше,
Ка' отоше, безъ главе отоше».
Онъ не слуша неговей любе:
Собралъ си е до триста сва́тове,
Та си ойде презъ гору зеле́ну;
Отиде си у града незна́на,
Та си узе до двѣ миле снае,
До двѣ снае — до двѣ близнакине;
Па си пойде презъ горе зелене,
И си води до двѣ миле снае;
И напредъ ишелъ Смилянинъ юначе
И са-съ неге снае-си идутъ;
Два дни оде, нема да викаю;
Па лежаше на равне руди́не;
Кога биде рано одъ-зарана,
Пай си иду презъ горе зеле́не,

Тагай су снае завикале.
А питаль ги Смиляинъ юначе:
«Што викате до двѣ миле снае?»
А оне су тагай продумале:
«Леле тате да нашъ миле свекре!
За кога ны водишь?
Я пречекай китене сватове:
Дали иду до два твои сыну,
До два сыну, до два младожене»?
Шевнулъ коня Смиляинъ юначе,
Та преброи китени сватове;
Сви сватове подъ брой искочише,
Али нема до два мила сына;
Тога бутнулъ коня́ назадъ,
Та отиде на равне рудине:
Какво спали, такви погинули —
И на два та главе одсѣчене;
Тагай слезе одъ коня доброгъ,
Та си узе до двѣ русе главе,
Та ги тури коню у зобницу;
Па си стиже китени сватове,
Стиже, па ги за́мину,
Саатъ мѣсто до дома-си дойде:
Искочило негови-то любе,
Та питу́е Смиляинъ юначе —
Не питуе за снае — не пита,
Нель питуе за свои сынове:
«Да камо до два мила сына,
До два сына, до два, бра, близнака?»
Онъ си вика, до́ Бога се чуе.
Чуешь, каза, мене, первнолюбе!
«Еве тебѣ до двѣ златне я́буке,
Да ги шожемо, додека смо живи». —

№ 98.

(Загорье) Берков. окр., с. Гушанци; 13 февр. 1880 г. записана со словъ Младена Младенова.

(Храмовой праздникъ въ селѣ).

Собра́ло се село-то
Собра́ло се на Бору́ванска могила —
Сви се селяне сабрали;
Соборъ правяа и Бога мо́ляа:
«Боже мили!
Ага ала не дойде,
Соборъ да не разва́ли».
Тама́нъ това изре́кли,
И ала дойде́ и соборъ имъ развали.

№ 99.

Велескій окр. (въ Македоніи); 2 дек. 1879 г. записана со словъ Лазаря Хажіева.

(Неопредѣленнаго содержанія).

Каравело, мори, мала мома:
Оште ли ходышь неженѐно?
— Булюкбаши по конаци,
А сеймены по чаршіи,
А сеизи край огниште;
А ти насъ не насъ изма́мп;
Све измами, све соблече —
И коне-то ны ги зема,
И пары-те ны ги зема;
Дай ми, баре, малко паре,
Да си купамъ Врана коня —
Дружина-та ми се смѣе, —
Да не ходамъ пѣшь».
Одговара Караве́ла:
«Кой давало, лудо било,
Кой зимало, паметно би́ло;
Триста дадохъ за мониста,
Двѣсте дадохъ за стары бабти,
Шесъ стотина за дерданы,
Седемъ стотины за желтице;
Што ти земахъ, све поарчихъ;
Кога́ си ми пары давалъ,
Мартиры ми ты извади».
— «Не ти давахъ на пладнина,
Ни ти давахъ по борина,
Него но́тье на ме́сечина».

№ 100.

Соф. окр., село Кремиковци; 2 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Стефана Крачуна.

(«Попей ми слуго»).

(Застольная пѣсня—трапезная).

Попей ми слуго,
Повесели ми гостье-то:
Да ми е гостье весело,
Да му е течно яденье,
Да му е пивко пиенье;
Слуга му тія оговора:
«Не мога да ти попея,
Тежка е грыжа на мене:
Видышь ли Стара-Планина?
Колко е магла на нея,
Толко е грыжа на мене —
Че имамъ сина да жена;
Това е грыжа на мене.

№ 101.

Г. Паланка (въ Македоніи); 29 дек. 1879 г. записана со словъ священника села Рыла Василія Христова.

(«Яребиче́нце, Преперичéнце»).

(Мірская слава).

Яребиче́нце
Преперичéнце!
По пóле шéташь,
По друмье скáкашь,
По друмье скакашь,
Цернъ пи́теръ клю́ешь;
Одъ друмье летнешь,
На кашта ми паднешь;
На кашта ми слáма,
Укашта ми слава.
Ой борье, борье!
Зелены борье!
Тéбе те сѣчатъ деветъ сѣки́ры,
Одъ тéбе лети́ деветъ иверъ,
Па си лети́, лети́
У срѣда ми дворье,
А у двори ми среберни столе;
У столе сѣди Иванъ господаръ,

У рацѣ держи́ среберна чаша,
Пълна е ро́вна това́ руйно ви́но;
Напимисе Иване
Добри домати́не:
Живо ми ти гла́ва
За-длъго ти слава;
Богъ да ти помо́гне
И светы Іоване!

№ 102.

Село Влаи, Мельникскаго окр. (въ Македоніи); 16 дек. 1879 г. записана въ селѣ Бобошевѣ со словъ одного слѣпца.

(Банъ Стефанъ строитъ церкви).

(Поется за трапезой).

Стефанъ бано церква гради,
Церква гради-светы монастырь,
Церква гради Софіянска.
Омутъ има да покрива, *(стихъ 2 раза повторяется)*,
Да покрива со-съ алтына;
Што не стигна со желтица,
Да покрива со-съ кара-грошъ; *(2 раза)*
Што не стигне со-съ кара-грошъ *(2 раза)*
Да покрива съ же́ты свѣшты.
Одгово́ра на Стефанъ банъ:
«Немой гради света церква *(2 раза)*:
Не скандисатъ клети Турци *(2 раза)*
Тебе може да клеветатъ» *(2 раза)*.
Ка си дочу Стефанъ бано,
Остависе света церква,
Заградисе едны мосты.
Тебе пе́емъ, Бога славимъ, *(2 раза)*
Да се цавтишь, да се китишь,

Ка то ружа у градина,
Сиви соколъ у высúна *(2 раза)*
Мрена рыба у длы́бина,
Бѣлъ трендафилъ у градина.

№ 103.

Г. Радомiръ; 29 ноября 1879 г. записана со словъ Таски Петрунова.

(Горестное воспоминанiе о Бѣлградѣ).

Бре, Iоване, бѣлиграджанине!
Повернысе — Бѣлиградъ изгóре!
— «Ако гóри, да би пустъ останалъ:
У него семъ три годинъ робу́валъ —
Перва годинъ за добра-та коня,
Втóра годинъ за момá х̆убава,
Трета годинъ за свилено руó;
Когá бѣше кóня за язденье,
Тогай ми я други преотеа;
Когá бѣше любе за любенье,
Тогай ми го други преоте́;
Когá бѣше руо за носене,
Тогай ми го други преотеа».

№ 104.

Г. Радомiръ; 1 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавискаго.

(Поединокъ пастуха Стояна съ медвѣдемъ; его спасаетъ кучка (сучка) «Симджирлика»).

Поселисе мечка-медвѣда,
Та издавú невѣсты по кладенци,
А можье́-то по Балканье́-то,
Депá-та по зевницú-те.

Собрали са се одъ три, ми, се́ла
По триста — деветъ стотины,
Че гонятъ мечка-медвѣда;
И со-съ ни Стоянъ младъ чоба́нъ.
Ошли са гора зеле́на,
Нашли са мечка-медвѣда,
Нашли е подъ голе́мъ камикъ —
Ядеше крава я́лова,
Што-то бѣше одъ деветъ годинъ я́лова;
Избѣга́ли Ко́совци голобо́совци,
Што бѣя деветъ стотины,
Салъ остана́ Стоянъ младъ чобанъ.
И стана́ мечка мьрсни́ца
И стана и въеднакъ ревна́,
Вана се со Стояна млады чоба́на,
Та се боратъ три дни и три ношти:
На Стояна млады чобана
Мечета му на нодзе жили извадия,
А Стоянъ държи мечка-медвѣда;
И на Стояна се досады́:
«Божице, миле Божице!
Имамъ ли рода́, я по́родъ,
Или мой мили брато́къ,
Да ме дочуе, да дойде?
Стана́ три дни и три ношти,
Како се я съ ме́чка боримъ,
Мече́та ми жили извадия».
Даде Господъ тоа ладенъ вѣтеръ;
Стоянъ пишти, до Бога се чуе;
Дочула го кучка Симджирлика,
Та извади́ деветъ лакты копье
Та извади́ низъ земи́,
И си търчи презъ гора зелена:
Со-съ нодзе си корене ко́паше,

У со-съ душа бу́ти пова́ляше,
И си найде́ у го́ра зеле́на,
Де се држи Стоянъ млады чобанъ
Држи мечка-медвѣда;
И тогай кучка Симджирлика
Вана си мечка-медвѣда,
Та кина́ мьрва по мьрва —
Найголемо врами́нёкъ да поси,
Та закача́ по гора зелена
Одъ дерво на дерво,
И си носи́ по равни дру́мове,
Та качуе одъ дерва на дерв о.
И тогай Стоянъ проду́муе:
«Кучице Симджирличице!
А че те водымъ на Стамбулъ,
Да ти посре́бримъ нодзе-те,
Да ти позла́тимъ ялаци.

ИСТОРИЧЕСКІЯ — ЮНАЦКІЯ ПѢСНИ И СКАЗАНІЯ.

№ 105.

Г. Радоміръ; 3 дек. 1879 г. зяписана въ Кюстендель-Банѣ со словъ Милоша Момчилова.

(Что способствовало усиленію Русскаго Царя?)

(*Пересказъ*).

Ка' бѣше Бугаринъ царь — и четвертый той бѣше царь, той ойде-Русъ, да даде малко му поминокъ. Той му даде еденъ дёлъ; тамъ имаше ногу рыбы у него, да лови рыби, да продава и да поминуе. И той (Русъ) лови́ еденъ петдесетъ годинъ време; послѣ

помислилъ, да исуши дѣло и да оре́ жито у него. А имаше една планина; прекопа е подъ земня, и исуши све вода. Ка' исуши вода, найде́ у дѣлъ три то́пове: перви-светъ Никола, вторія-светы Петеръ, третіё-светы Ранделъ. Тія то́пове били нему ногу вредни: кадъ-то има битка на една странъ, тія си сами обраштая; отъ тія топеве ногу земня́ зема́ и найбогатъ стана. И перви онъ се стана́ царь.

№ 106.

Соф. округъ, с. Суводолъ; 31 янв. 1880 г. записана со словъ крестьянина Жёты Илкова.

(Царь Петръ (болгарскій) справляетъ свадьбу).

Царь Петаръ свадба правеше;
Се е поканилъ на свадба:
Одъ си-те, каже, крайнины
До седемъ, каже, кра́лёве,
И си е деверъ поканилъ
Одъ мила рода́ негова.
Та па си е свадба прекаралъ,
И деверъ си е испратилъ, —
Та си на дворы отишелъ;
А майтя си го питуе:
«Сине Младене, Младене!
Што си те, царо, по́дари»?
Младенъ си го гово́ри:
«Малеле, мила майчице».
Млогу ме дарба дариа —
Одъ чисто злато кошуля.

№ 107.

Соф. окр., с. Суводолъ; 31 янв. 1880 г. записана со словъ крестьянина Жёты Илкова.

(Царь Асѣнь (болгарскій) настигаетъ Турокъ, плѣнившихъ его жену и сына).

Царь Ясень служба заслужи;
Та си е собралъ село́-то,
Та си ги вино по́яше.
Проклета да е една бабица:
Она на Турци казала:
«Турци-ле, Турци презморци!
Царь Ясень служба заслу́жилъ,

Та піе вино́ червено́
Со-съ негови-те селяне
Надъ село́ подъ Кукаляне[1]),
На това бѣло каменье;
Подминете си царь Ясень,
Та му на кале́ ойде́те,
Та му кале́-то разбите —
У кале никой са' нема».
И Турци са баба слушали,
Подминаа царь Ясень,
Та му на кале ойдо́а,
Та му кале́-то разби́а,
Та му царица робія
Со-съ зълва сестра Янинка;
Никой ги ни чу, не виде,
Видѣла си е мома одъ срѣшта
Одъ село́—одъ Панчарево[2]);
Та е окнала мома-та:
«Цару Ясене, Ясене!
Ты піешь, цару Ясене,
Піешь си вино червено
Со-съ чаша, со-съ позлатена,
Со-съ твои добры селяне,
И со-съ твои добры слуги,
Турци кале-то разбія,
И царица робя,
И дете́ ти погубія,
И сестра ти закарая».
Царь Ясень въеднагъ станало,
Та си у яхъ̒ыръ улезна́,
Та си е коня извело,
Та си е Турци гонило;
Стигна ги и погуби ги;
Та си е везелъ царица
И зелва сестра Янинка,
И свое мушко дете.

№ 108.

(Соф. округъ; с. Быстрица; 7 февр. 1879 г. записана со словъ Аджи-Іована Славіева въ селѣ Васильевци.

(Турки завоевываютъ Балгарію; царь Асѣнь убѣгаетъ съ одною женщиною въ Россію; женидьба его сына на дочери Русскаго царя).

Кога́ дошли Турци у Бистрица, срѣшнали една баба, коя рекла: «честито ви царство»; а Турци рекли: «не маме царство, доръ не ванемо царь Ясеня». Рекла баба: «я чемъ царь Ясень лесно да ви ванемъ». Та ги провела низъ во́да ведена тамо, де е

[1]) Село это и теперь существуетъ.
[2]) Село это находится по сосѣдству съ первымъ.

царь и царица. У то време царица е излела на оро со-съ тія сельски дреи; а баба казала на Турка: «те, товá царица-та! и ю Турци ванали и закарали. Царь Ясень седѣлъ, та си ручалъ. Дошло аберъ нему: «Ты сѣдишь и піешь, а Турци закараше царицу». Царь рекелъ: «Петре, скоро софра прибирай! — Павле, конь ми изводи». Довели коня, и царь Ясень качилъ се на коню, па не согледалъ, че коню е опайвенъ[1]). Тако миналъ презъ село Кукаляне[2]). Отадъ миналъ презъ село Панчерéво[3]); отадъ миналъ презъ село-градъ Германъ[4]). Ошелъ тогай подъ село Лозенъ[5]). Тамъ пасли двѣ деца овци; онъ ихъ попиталъ: «минади ли туку Турци»? Они рекли «чичу! сегà туку заминаха; онъ рекелъ: «даль че ги стигнемъ»? Они рекли: «какво че стигнешь? коню ти заклоненъ!» Тогай рекелъ царь Ясень: Эй, Кукáляне, калъ да те біе! — Панчерéво — саде камикъ да е! а градъ Германъ-градушка да те біе — село да те на прави! а Лозенъ безъ конé да не са и безъ волове да не са, и жито садé, да имъ е ченица!» — Деца рекли: «чичу! нема по-туку вода»; а онъ рекелъ: «Господъ че даде вода!» — Тогай пресѣкалъ царь Ясень пайване-та и рипналъ коню — излели три кладенци вода. Кога бутналъ царо коня, стигналъ Турци-те и погубилъ ги, а царица-та верналъ си и одвелъ я у Урвичь[6]) - градъ, со-съ желѣзны порты, а Искеръ заобиколилъ градъ Урвичь. Тогай царь Ясень попиталъ царица: «Когá Турци те водиа, имали ли нешто пакосъ?» Она рекла: «влезне вълкъ у овци, онъ си мирно не излезне: единъ ми е беркналъ у пазува»; а царо рече: «они са сета[7]), — товá не е лошо, ка'-то сѣдеше при царо».

Па рече царица цару: «многу ги я аресахъ, кога идатъ да сератъ, они се міятъ». Царо се расерди, та погуби царицу и

---

[1]) Спутанъ.

[2]) Село въ Софійскомъ округѣ.

[3]) Тоже.

[4]) Тоже, (село).

[5]) Тоже.

[6]) Село въ Софійскомъ округѣ.

[7]) Т. е. псета.

расферли я по единъ камикъ. И била царица доила дете, и отъ това до днеська излеза вода бѣлá. Тогай царь Ясень со-съ една мома бѣгалъ у Русія. И тамока у Русія бѣше говедарь. Тамо му дали една бабица сельска, коя родила нему едно детенце машко. Дете изучило книга; ка' изучило книга, умрелъ башта-му. Когай детенце разбило сандакъ и нашло тамо царска капа и царските писма; тогай повѣрвало, че неговъ башта былъ царь и че има у Урвичъ закопаны бащины пары́. И натовари оно маски со солъ, та дойде у Софія; ойде у Урвичъ, со-съ писма найде бащины пары, та однесе у Русія [1]).

Преданіе это досказалъ крестьянинъ Филиппъ Мининъ такъ:

«Царь Ясень на Русія бѣше говедарь. Тогашни Руски царь никакву вѣру нéмаше. Царо Руски затражи да жени сина си; и синъ му рече: «че земемъ на говедара черку». Одговорилъ Руски царь: «добре»! — Царь Ясень - говедарь рече на царь Руски: «има ли нешто твой синъ одъ занаятъ»? — Онъ рекелъ: «ништо нема»! Рече царь Ясенъ-говедарь: «почекай, да го учимъ». И учише го царь Ясенъ-говедарь десетъ дни и научише да прави рогоже. Тогай рече царь Ясень-говедарь: «ка'-то може да прави рогóже, че му дадемъ мому́-ту». И му дáде мóму-ту. — И синъ на Руски царь не може да живѣ со-съ своя булка. Тогай сама булка рече: «бре, човѣче! мой баща знае траву самотворку, коя че помогне. И царь Ясень-говедарь соблекелъ синъ на Руски царь, па му ту́рилъ босилекъ, па му светилъ вóду, па го молитви́лъ, па го искупалъ. И оттогай лице-то сину свѣтнало, ка'-то на царь Ясень-говедарь. Па и самъ Руски царь — невѣрны, кадé даде сина на черку царь Ясень, стана ка'-то неговъ синъ, сирѣчь ристянинъ. И сега и Русія и Болгарія се едно — Ристянія.

---

[1]) Въ заключеніе сказитель замѣтилъ, что до настоящаго времени въ Кокалянскомъ монастырѣ «св. Рандела, што надъ самъ Искаръ, има чаша и кратуна одъ царь Ясень».

№ 109.

Г. Джумая; 27 дек. 1879 г. записана со словъ Георгія Емануйлова въ м. Рылѣ.

(Воевода Гедіянъ и царь Іоаннъ Шишманъ).

У торникъ се годы лудо-то Гедиянъ,
У недѣля-та зарани,
Свадба че се прави;
Дойде недѣля заранъ:
И пойдо́а у церква да идатъ;
И ойдоа у церква,
Армасаны — невѣнчаны;
Аберъ му достигна́ одъ царь Іованъ Шишманъ,
Достигна книга на рака-та:
«Та булче остави, Богме, подъ вѣнчило,
Армасано-невѣнчано,
Та си и́ди мени на помошь».
И тадай говори лудо-то Гедиянъ,
И гово́ри на свое-то любне:
«Справля́й коня моя-то Доряна,
Че се одымъ на Сафійско поле,
На Сафійско поле подъ бѣли чадори,
Дурь не е войска разо́рена».
И справи коня Доряна,
Таманъ тури ногу у зенгія;
Докле нога да преферли́,
Прекомъ пречи презъ гора зелена:
И гора-то укори,
И земя-то ископа́,
Докле дойде на Софійско поле.
Кадъ го виде царь Іованъ Шишманъ
Проговори тія мили речи:

«Благодари́мъ Бога за това,
Што имамъ та́кива юнаци!
Што терашь луду-ту Гедиянъ?»
— Што терамъ, цару Іованъ Шишманъ?
Дойде ми аберъ: «булу подъ вѣнчи́ло
Армасано — невѣнчано остави,
Та си иди царю на помошь».
И язе оставихъ булу подъ вѣнчи́ло,
И дойдохъ тебѣ да те видамъ,
Дурь не е войска разо́рена!
— И му проговори царо Шишманъ:
«А се верни, луду Гедиянъ!
На ти сребро, злато, ако искашь!
Иди—прави свадба своя». —
— И го тури у златна кочія,
И го проводи́, свадба́ да си прави. —

Затѣмъ сказитель прибавилъ слѣдующее: этотъ Гедіянъ былъ первый полково́децъ болгарскаго царя Ивана Шишмана; онъ дошелъ на Софійское поле, когда битва съ непріятелемъ была окончена въ пользу царя Ивана Шишмана.

№ 110.

Село Рыло; 30 дек. 1879 г. записано со словъ Димитрія Іованова.

(тоже).

Одкадъ се зоря́ зазори́ла,
Оттогай е войска повервела:
Конь до ко́ня, юнакъ до юнака,
У раце имъ се делги баряци:
Въ едну имать остри муздраци,
Въ другу имать тенки пушки;

Пушки-те имъ, като ясно слънце блештатъ,
Одъ громъ повече трештáтъ,
Сабли-те имъ на-то ясна мѣсечина лештатъ,
На баряци-те имъ написано
Асланува образъ,
Да се показва, че весме берзъ.
Одкадъ е зачýла лудá-та Гедия,
Остави се бульче подъ було,
А себе подъ вѣнчи́ло;
Скоро берже опаше сабля дамаскина,
Сабля дванадесе педи,
Обсѣдна се кóньче Дорья́на;
Пре́комъ речи́ презъ гора зелена:
Гора-то укерни,
Планина-то укори́,
Додéка излéзне на Софійско пóле,
Бой да се біе за Ристово име.
Жалко му станало,
Зашто ненамѣри войска да се біе,
Само што намѣри бѣли-те чадери,
Чадери царь Іоанови-те,
Чадери царь Шишманови-те;
Тутакъ проводилъ го кодъ царь
Кодъ царь Іоанъ Шишманъ;
Поглéдна го царь Іоанъ Шишманъ;
Казва му царь Іоанъ Шишмáнъ:
Тверде ми се виждашь
Жалко и уиленъ:
«Кончé ли те неработи,
Сабля ли те несѣче?»
Одговори му Гедия:
«Коньче ми работи, като дукаты,
Сабля́ ми сѣче, каде-то повлечé;
Но ми е дрýга жáлба:

«Зашто не намѣрихъ войска да се біемъ?
Оставихъ булче подъ бу́ло
И себе подъ вѣнчи́ло,
Ка' то ми а́беръ достигна́,
Скоро берже опаса(хъ)се са́бле дамаски́на,
Сабля дванадесе педи,
Обсѣ́дна(хъ) си коня́ Дорья́на,
Гора-то укерпихъ,
Планина-то укорихъ». —
И поклони́ го царо Шишмано
Една златна кочія со-съ желтицы. —
Милостиви Богъ всегда есть со-съ мене:
Одкакво я имамъ таквия добри юнаци,
На всека дѣла Богъ тье ми помогне.

№ 111.

Пирот. окр., Суковскій монастырь; 17 ноября 1879 г. записана изъ разсказа одного дряхлаго священника.

(Преданіе о занятіи Турками Болгаріи).

Царь Болгарскій Петръ [1]) не вдругъ потерялъ свое царство, а постепенно, отъ времени до времени уступая натиску Турокъ. Сначала онъ принужденъ былъ оставить г. Виддинъ и утвердилъ свое мѣстопребываніе въ г. Нишѣ, гдѣ правилъ 7 лѣтъ. Преслѣдуемый и здѣсь Турками, онъ бѣжалъ въ г. Пиротъ, гдѣ царствовалъ тоже 7 лѣтъ. Затѣмъ, точно также бѣжалъ въ г. Софію, гдѣ правилъ 7 лѣтъ и наконецъ въ *одинъ монастырь семи престоловъ* откуда затѣмъ перешелъ *въ рай*, гдѣ и донынѣ находится.

Турки, говоритъ это народное преданіе, производили свое давленіе на Болгаръ и по другому пути, направляясь одъ *Самокова*.

---

[1]) Имя не вѣрно обозначено (анахронизмъ).

Идя по этому пути, они достигли окресностей Моглена. Отъ звѣрскаго турецкаго истребленія спаслись въ монастырѣ «*Магличь*» св. Николая нѣсколько тысячъ болгарскихъ дѣтей и то Божьей волей: Богъ попустилъ великую мглу, въ слѣдствіе которой Турки должны были оставить этотъ монастырь въ покоѣ.

Дальше, затѣмъ, народное преданіе приводитъ все это въ связь съ господствомъ въ Болгаріи *греческаго духовенства*. Турки, говоритъ преданіе, заняли всѣ мѣста въ Болгаріи и Греціи. Нужно было имъ подумать о своемъ управленіи; нужно было назначить вѣрнаго духовнаго пастыря, патріарха (патрика), который бы не вредилъ интересамъ турецкимъ: султанъ Махометъ, назначая цариградскаго патріарха, потребовалъ отъ него ежегодно 300 по дукатовъ, а этотъ, въ свою очередь, выговорилъ себѣ право поставлять въ Болгаріи *греческихъ священниковъ*.

№ 112.

Г. Радоміръ; 1 дек. 1879 г. записана со словъ Іордана Лазарева.

(Сонъ Могленской королевы; убіеніе Турками ея мужа — Могленскаго короля; женидьба ихъ сына Павла юнака).

Де заспа́ла е крали́ца кмети́ца,
Заспа́ла е у света неде́ля.
Мало спанье, големъ сънóкъ вишла:
«Сво е поле магла нападнало,
Низъ магла-та ели́ проникна́ли
И ясно слънце у кърви́ утах́нало,
А ясенъ мѣ́сецъ у зла́то око́ванъ».
И казуе крали́ца кмети́ца,
И казуе кралю господину:
«Э ты-зе-ка кралю господи́не!
Мало спанье́, големъ сънокъ ви́до:
Сво́ е поле магла нападна́ло,

И ясно слънце у кървь утахнáло».
И продýма краля господи́на:
«Э ты-зе-ка крали́це кмети́це!
Да што си е тая силна мáгла?»
— «Товá си е силна турска войска».
— «Да што са си тія тенки éли?»
— «Товá са си́ сабли и ножéве».
— «Да што си е това ясно слънце?»
— «Товá че ни се крайнына отме».
— «Да што си е тоя ясенъ мѣсяцъ,
Да што си е у злато окóванъ?»
— «Това си е Турски, оле, царь».
Дури краля дума да издума,
Испуни́ла турска силна войска:
И тогай се крáлё вострашила.
Богъ да біе тìя клети Турци!
Та фаная магленскио краля;
Останáло негóво-то дѣтé,
Останáло на сѣдымъ години;
Имайтя му дума продумуе.
«Айде, Павле, майтя да те жéнитъ».
— Я Павлé си дума продумýе:
А я, мале, не чё да се жене,
И мéне-ми книжеле дооди,
Дооди ми отъ край—одъ крайнина,
Дека че си крайни разми́руе».
А майтя го, богме, не слушáла;
Та си ойде у Будима града,
Та утекми будимка девойтя.
Та си собрá Павлé, добаръ юнакъ,
Та си собрá триста и три свата,
Та си ойдé у Будима града,
И си води будимка девойтя,
Та я вóди дома на двореве:

Оште не е у двори увéло,
И нему е книже достасáло
Достасало одъ край — одъ крайнина:
«Дека са си крайни размири́ли,
Да си иде Павлé добаръ юнакъ,
Да си иде на край-на крайнина
Да си иде крайни да си ми́ри».
И си беркна у свилны джéпове,
Та извади той перстенъ меновникъ,
И си ду́ма Павлé добаръ юнакъ:
«Э ты-зи-ка, Елено невѣсто,
Да ме чекашь деветъ годинъ дена.
Я че идемъ на край-на крайнина,
Да си идемъ крайни да си миримъ.
И го чека Елена невѣста,
Та го чека деветъ годинъ време.
И е дошелъ Бошка добаръ юнакъ,
И си дума Елену невѣста:
«Э ты-зе-ка, Елено невѣсто!
За што чекашь Павлé-то юнáка?
Павлé си е крайни умири́ло,
И Павлé ногу на ќевове —
На ночь люби момá и невѣ́ста».
Тогай станá Елена невѣста,
Та си зема той зелени стовни,
Та си ойдé па шáрены чéшмы;
И продума Бошко добаръ юнакъ:
«Э ты-зе-ка, Елено невѣсто,
Да направишь той сладки вечери».
И направи Елена невѣста,
И направи́ той сладки вечери.
Ка е било вечеръ да вечера,
Отишéль е Бошко добаръ юнакъ,
Отишель е вечеръ да вечéра,

И е сѣдналь у чесны тарпезы,
Да вечера Бошко добаръ юнакъ;
Не ми́на се ни ного ни малко,
Та си дойде Павле́ одъ крайнина,
Та си чукатъ на ньегови порты:
И излезна Елена невѣста,
Та излезна́ на ша́рены по́рты,
И она си тогай попро́шуе:
«Кой си чука на Павлеви порты?»
И Павле́ си дума продумуе:
«Чекашь ли ме, Елено невѣсто?»
Продума си Елена невѣста:
»Я почекай Павле, добаръ юнакъ,
Да си земемъ одъ порты ключе́ве
Да отво́римъ той шарены вра́ты».
Повернасе Елена невѣста,
Та продума́ Бошко тій юнака:
«Бѣгай, Бошко, низъ мали-те враты,
Эте, иде Павле́ одъ крайнина:
Оче онъ кавга да си пра́витъ».
Ка си бѣга Бошко добаръ юнакъ,
Ка си бѣга́ низъ мали-те вра́ты,
Забовари́ при чесны тарпезы,
Забовари дванаесъ ноже́ве,
Со-съ ножеве, дванаесъ ножни́ци.
Ка улезна́ Павле́ добаръ юнакъ,
Ка улезна́ у ладны ода́й,
У ода́й у чесны тарпе́зы,
Та си виды Божкови ножеве;
Позналь е Павле добаръ юнакъ,
Дека са си Божкови ножеве.
Нече Павле́ кавга да си прави́,
Павле́ се е съ акылъ разумилъ:
Та направи той сладки ручкеве,

Та си собра́ брайтя и дружи́на,
И си окна́ Божко-те юнакъ.
И тогай си Павле́ дума продуму́е:
«Э ты-зе-ка Божко добаръ юнакъ!
Ка си пойдо́ на край-на крайнина,
Я загради зелена лива́да,
Научиль се еленъ съ двана́ес ро́гове,
Та прерипалъ у моя́ лива́да,
Ништо не е па́косъ учини́ло,
Саде ми малко трѣва умьрси́ло;
Ка прерипна́ еленъ съ двана́ес рогове,
Остави́ло двана́есъ ножеве,
Со-съ ножеве двана́есъ ножници».
И тогай си Бошко продума́ло:
«Просты мене, Павле, добаръ юнакъ»;
Това са си, бре, мои́ оже́ве,
Бре, ножеве съ двана́есъ ножницъ
И тогай си му просты́ Павле добаръ юнакъ.

№ 113.

Кюст.-Бан. окр., с. Жилинци; 5 дек. 1879 г. записана со словъ дѣвицы Анны Карадановой.

Рожденіе у влахини Өеодоры «самотворнаго» дитяти Іоанна, который былъ брошенъ царемъ Константиномъ въ темницу, а за тѣмъ наслѣдовалъ его царство).

Тодоро, Тодоро влаино!
Остана́ла Тодора Влаина,
Останала съ деветъ спрочета;
Чудиласе, со-съ ни што да чини;
Прочула се пуста евтинія,
Евтинія у пуста Софія:
Куто жито педесе́ грошеве,

Ока просо дванáесе гроша;
На си-те по дутянъ купила,
На Димитрія до-два дутяна купила,
Си-те ги я на занаятъ дала —
Кой терзія, кой младъ тюрчія,
Димитрія на два занаятъ дала —
Емъ терзія, емъ младъ патречія.
Прожегнасе церна чума —
Та не біе секаде редомъ,
Но избира кой-де-ка юнака,
Кой-де-ка юнака по единъ у майтя;
Удари деветъ мили сина:
Си-те ги гробишта качала,
Димитрія у дворъ закопала
Одъ заръ: сину «добро итро»!
Вечеръ иде: сину «добро вечеръ»!
«Жешка ли е, сину, землянa постельтя?
Жешка ли е, сину, камена зглавница?
Жешка ли е, сину, штичена завивка»?
И му пали по пóлъ ока свѣшты.
Одъ жалбы е земня продумáла:
«Стига, мале, стига, ми́ло мале!
Со-съ свѣшты покрово изгоре,
Со-съ сьлзи гроби истопи».
Чудилосе сирота влаина,
Чудилосе самá, што да прави;
Па улезнá у нова гради́на,
Та откинá до два, ми, зunбуля,
Откинá ги со-съ лѣва-та рака,
Та ги тури у десна-та пазука.
Одъ занбулё, што че да ю биде?
Пошла е трудна и дебела;
Носила го до деветъ мѣсецы,
Роды́ло се детé самотвóрно:

На́ главу му златна айманлія,
Подъ рацѣ-ты златны крыла трепчатъ»;
Одъ радосты сирота влаина
Направи му среберна люльчица,
На люльтя-та златены люли́ла;
Пови́ла го у свилны пелены;
Вержа люлька за блага ябука;
Емъ го люля, емъ му пѣсень пѣе:
«Люлюй Нане, дете самотворно».
Покани́ла петина-та попо́ве
И канила пети́на ку́мове,
Та керстила дете́ самотворно,
Тури́ му имя Іованіё.
Емъ го люля, емъ му пѣсень пѣе:
«Люлюй Нане, дете самотворно,
Да пораснешь юнакъ надъ юнакъ,
Да преотмешь на царо царство-то,
Да си станешь найголемъ валіё».
Дочуле я комшіи душмане:
Испишая тая бѣла книга,
На кни́га-та това церно писмо;
Пратия го цару Костадину;
Расчети го царо Костадино,
И извика́ два берза юнака,
Два юнака, како два голака:
«Да идете на Влашка-та земня,
Да идете влапины дворы
Ни е биты, ни е, башь, маче́ты,
Салъ земе́те дете самотворно:
Де е, сага тува да е».
Отидо́а на Влашка-та земня,
На влапины-те дворы:
«Добро ятро, влаино невѣсто»!
— «Далъ Богъ добро, два бързa юнаки!

Далъ сте дошлé леби да ядите,
Иль сте дошлé вино да піете?»
А они по тіё говоратъ:
Э, ты-зе-ка влаино невѣсто!
Ни сме дошли лебе да ядеме,
Ни сме дошли вино да піеме.
Но сме дошли дете да зéмеме
Твое дете самотворно».
Однесоа детé самотворно,
Однесоа на царска-та земня,
Дáдова[1]) цару Костадину;
Развилъ го царо Костадино:
На главу му златна айманлія,
Подъ рацѣ́ му златны кры́ла трепчатъ;
Погледá го царо Костадино,
Па изви́ка Нико зондаджія:
«Э, ты-зе-ка Нико зондаджіё!
Отвори-си темни-те зондане,
Та да ферляшь дете самотворно,
Да го ферлишь у темніи зондани,
Да го ядатъ зміи и гуштерье».
Отвори́ Нико темни-те зондане,
Та си ферли дете замотворно,
Да го ядатъ зміи и гуштеріи.
Поболѣ се царо Костадино;
Обидоа орье и загорье,
Не могоа лѣкове да найдатъ;
Поболѣ се много царо Костадино:
Изъ кости му трава проникнала,
Изъ очи му муи́ проли́тая,
У уши му поганци матиле.
Проговори́ царо Костадино:
«Э, ты-зе-ка Нико зондаджіё!

[1]) Sic.

Отвори си темни зондане,
Ега найдешь одъ детѐ косчица —
Белки, ме е майтя му проклела —
Та да носишь на негóва мáйтя,
Да си види детé косчица».
Отвори си Нико темни зондане,
Да си тражи одъ дете косчице,
И виды:
Дете сѣды на свилна постеля;
Света Петка у скутъ го держеше,
Света Недѣля свѣшта му свѣтеше,
Дете чати кни́га вангеліе.
Па си станá детé Іованіе,
Та си дойде при царо Костадино,
И си фана царо Костадино:
Изверте му тія церни очи,
Одсѣче му тія бѣли рацѣ;
И му купи́ дервена паница,
Изнéсе го на длеги дру́мове;
Па нему по тія оговóри:
«Аво, цару, аво, Костадину!
Тува, цару, царство да царуешь!
Тува, цару, кральство да кралюешь!»
Па си праты дете Іованіе,
Па си праты два бърза юнака,
Та ги праты на Влашка-та земня,
Да доведатъ нему стара майтя.
Пойдоа два бърза юнака,
Пойдóа на Влашка-та земня,
Доведоа негова-та майтя;
Проговóри негова-та майтя:
«Э, ты-зе-ка дете самотвóрно!
Се ми е млекó-то истекло»;
Я детé по ти оговóра:

«Аво, мале, аво, старо мале!
Мене-ми е млеко доождало».
Дете́ игра съ лека воздугана,
Лека-лека деведесе́ ока,
И си сѣды на царскіё столъ.

№ 114.

(Загорье) Берк. окр., с. Чипоровци (Турлаки); 21 февр. 1880 г. записана со словъ Симы Маркова.

(Дитя Маріи наслѣдуетъ Маріино царство).

Родила е Марія мушко детенце;
Па си ма́ма па дете́ гово́ри:
«Нуни ме, сине, Нуни,
Големъ юнакъ да станешь —
На цара царство да узмешь,
На краля кралство да узмешь,
На бана банство да узмешь».
Дочуше селяне комшіи
Селяне верли душмане,
И на цара аберъ зане́соше:
«Де д'иды, цару честиты!
Марія млада невѣста
Мушко е детенце добила,
И си Бога моли:
Големъ юнакъ до стане,
Царство-то да ти узме».
Испрати царь троица Турци гава́зье,
Да донесу́ Маріино мало дете́нце;
И узеше Маріино мало дете
И зане́соше го при цара.
Царь дума говори:
«Де д'иды Ангеле тавничаринъ,
И отво́ри дервены тевници

И десети зандалъ желѣзанъ,
Та ферли Маріино детенце,
Де-ка-то зміе и гуштере —
Зміе-те кервь-ту да пію,
Гуштере-те мѣсо да яду́,
Жабе коколе[1]) да погълну;
Ега́ ми царство оста́не».
И отво́ри Ангелъ тевница,
Та ферли дете Маріино;
Деветъ годинъ е лежало,
А Марія майтя по тавницѣ викала,
Дребне сьлзы ронила —
Де-ка-то сьлзе капале,
Тамо рѣки—вербе ницале;
На дете мама́ сеньтю правила
Сеньтю одъ тавнице до сарая,
И правила равны друми.
И се цару много нажалѣло,
И царь продума́лъ е думу:
«Ангеле, мой товничаре!
Отвори доръ деветъ тевне тевнице
И десеты зандаль желѣзанъ,
Та збери кокала на Маріино дете,
И ги дай на майтю,
Ега́ си мама оттуку рине».
Отворило Ангелъ тевничарь
Отворилъ до-деветъ дервене тевнице
И десеты зандаль желѣзанъ:
Света Недѣля дете дои,
Светы Никола дива́нъ стои́,
Светы Рангелъ изметъ чини;
Ангелъ тевничарь назадъ се по́верну,
Та на цара приказа:

[1]) Кость.

«Де д'иды, цару честиты!
Отидé ти, цару, царство!
Света Недѣля Маріино дете дои,
Дои у деветъ дервене тевнице,
Светы Никола диванъ стóи,
Светы Рангелъ изметъ чини».
Царь дума проговори:
«Тако м' Бога, Ангеле тавничаринъ!
Пóскоро дете да ми донесéшь,
Пóскоро му царство да опростымъ».
Принесé дете тавничаринъ Ангелъ:
Предъ него Света Недѣля,
По него светъ Никола,
Светъ Никола и светы Рангелъ;
Царь дума проговори:
«Да ти е просто, Маріино детé,
Да ти е просто царство-то,
И ты мене кабаатъ[1]) опростышь»;
Думу продумá Маріино дете:
«Я чемъ тебѣ кабаатъ да опростымъ:
Да лежишь ты, цару тамо,
Де-ка-то я семъ лежалъ
И лежалъ семъ деветъ годинъ време».
И продума мáлечко дете Маріино
Продума на Ангелъ тавничаринъ:
«О́твори тевнице, Ангеле тавничаринъ,
Та си буни цара-та голема —
Зміе-те кервь-ту да пію́,
Гуштере-те месо да яду́,
Жабе-те кокале да яду́».
И тогива преземало дете
Дете Маріино царство-то.

---

[1]) Проступокъ.

№ 115.

Записано со словъ одной старушки въ деревнѣ Великій Вербовникъ 9 дек. 1879 г. (на границѣ Кюстенд. и Дупнич. округовъ).

(Какъ царь Константинъ убѣжалъ изъ Кюстендиля).

Када бѣгалъ царь Костадинъ одъ Турка, маска наопако плоча-та ковалъ, да незнаятъ, на куде ошелъ. Одъ зарану го потерáли—камо царь Костадинъ? Онъ ойде оште съ ноштиִ, когá пéтли поятъ. И когá избѣгналъ царь Костадинъ, Турци заузели Кюстендиль, кой навикалъ *градъ царь Костадинъ*, а туречко—*Кюстендилъ*.

№ 116.

Г. Радоміръ; 3 дек. 1879 г. записана со словъ Милоша Момчилова.

(Послѣдняго болгарскаго царя Константина убилъ арабинъ, а не турокъ; значеніе этого факта).

(*Пересказъ*).

Кадъ презимо Турци Бугарско царство, тагай бѣше царь Костадинъ и царица Елена. Имаше оны́ двама юнаци: Марко Кралевичъ и Реля отъ Пазаръ. Та ги испрáти царь Костадинъ, да сѣча Турци, да отимая царство. Тія бѣше у Мóмина клисура; тамъ онá направи́ едынъ лагемъ—и подъ земи два юнака и два коня верви́; та излеза у Софійско поле. Тамъ (на Соф. полѣ они) сѣчá Турци: на двѣ пресѣче (Турка), той двамина стана. Вернесе (юнаки) назадъ на Мóмина клисура, па-й тамъ сѣчá Турци—па-й едынъ сѣчá, двамина стана. Ты видова, дека Богъ не помáга, та ойдóа на царь Костадинъ казоваа. Дойдоа; а царь Костадинъ пержи три рыбы у тава-та. Казую, каквá е работа; а царь Костадинъ каза на юнаци: «Ка' излезнá тія рыбы изъ тава-та, тогай

че ми зема Турци царство»! Той рыби-те пернаа, та излезнаа изъ това-та: и де бѣше огине, тамъ вода искара, и тамъ рыби останаа у вода-та живи. Рыби-те одъ една странъ бѣше пержени, а одъ една не бѣше преверпсты. И тогай виде царь Костадинъ, че му зематъ Турци царство. И онъ самъ яна коньче, ойдо на бой. Тамъ срѣтна Турци на бой: единъ Арапинъ пушти се, та посѣче царь Костадинъ.

Да го (царя Константина) бѣа Турци посѣкли, че они да са роби; але Арапинъ посѣче, та за то Турци стана царове, а Арапи стана робье. Ти ги и днесь-ка продавая.

№ 117.

Село Рыло; 29 дек 1879 г. записана со словъ Марін Павлёвой.

(Черный арапинъ убиваетъ царя Константина, при посредствѣ старой бабы).

Сонъ сонила царица Елена:
На сонъ и се небо предвоило,
Дробни дзвѣзде по земля паднаа,
А мѣсяцъ у керви утана,
А дзвѣзда е тевно утавнала.
— Емъ станува, емъ сонокъ кажува:
«Ой ле, цару, цару Костадину!
Какво язе сонъ видѣла!
На сонъ ми се небо предвоило,
А мѣсяцъ у керви утана,
Я дзвѣзди-те на земня-та попадаа,
А власи-те далекъ пребѣгнаа,
Далекъ, далекъ у славна Русія;
Тамъ имъ е дѣдина и старина».
Проговори царо Костадино:

«Э ты-зе-ка царице Елено!
Това те се наше царство узети.
Е-те оттамъ една ста́ра баба —
Ему да́де дервена калечка:
«На ти, сину, дервена кале́чка,
Да побѣ́дишь тія клети Турци»;
Костадино тія лѣпо вели:
«А отту́ва стара баба!
Язе имамъ сребернa кале́чка,
Та неможемъ Турци да побѣдимъ,
А камо ли съ дервена калечка».
Та си слезна тая стара баба,
Та си слезна долѣ на дворове
И тамъ е заплака.
— Е-те отадъ церна Арапина;
На баба се вѣрно покорило:
И си зема дервена калечка,
Та погуби́ царо Костадино
И пороби́ цари́ца Елена;
— Синове имъ дале́къ пребѣгнаа,
Далекъ, далекъ у славна Русія. —
— Два ми сина царство землтъ. —

№ 118.

Берков. окр., с. Вершецъ; 12 февр. 1880 г.; передаемъ буква въ букву письмо одного болгарскаго мальчика, списавшаго для меня эту пѣсню, ставимъ лишь свою интерпункцію.

(Король Степанъ женитъ двухъ сыновей-близнецовъ на двухъ сестрахъ близнакиняхъ).

(Записано однимъ болгарскимъ юношею).

«Затродилъ се кралъ Стефанъ, да жени два близнаки, саде сина доръ. Кралъ Стефанъ обишелъ сви села и се градове, да

намери две снаи, две близкини. Не може да намери. Премина оданакъ дуновъ: у влашка тамъ намери две снаи, две близн(а)кини; верпа е дума удумалъ, та се назатъ пов(е)рналъ, та си е домъ ошелъ: те свадба подигналъ: собралъ три ста свати и двести свахи; та отиде оданакъ дуновъ у влашки за снахи; та си венчали два сина, два близнака, та назатъ свадба повернаха. Варвели, що си варвели, те са се синове остали; срѣшнаха ги айдуци, та назатъ повернаха — на гуша петелка да окинатъ; па си пойдоха на пато на кр(с)сто-пато: зла ги стига стигнало — глави ги осекоха. Баща имъ се надалъ, да стигнатъ. Послѣ имъ баща се назатъ поверналъ, та имъ глави нашелъ, та ги у дисаги турналъ. Па си пакъ по свадба пойде и свадба пристигна; па си на кума и старайтю каза: «полекъ свадба!» И тагива ошелъ на свой домъ.

№ 119.

Соф. окр., с. Сливница; 6 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Тита Николова Адамова.

(Женитьба мисирскаго короля).

Заженисе кралё одъ Мисира:
Обиде хора и градове,
А паланки и брой край нема,
Тражилъ за себе прилика
И за майтю роднина;
Де-ка найде за себе прилика,
Тамо нема роднына за майтю,
Де-ка найде роднына за майтю,
А нема за себе прилика.
Ка' отиде у Роксана града,
Тамо найде за себе прилика,
И найде за майтю роднына,

Амо са засакали млогу —
Сакая му благо три товары,
И сакая единъ златенъ перстенъ,
И што си има рода, да се позве,
Сестриче свои да не позве —
У кавга са кавгами много,
У ракія млогу лудіи».
А дете си дойде по свои дворове;
Пушти коня́ по равны дворове,
Па си керши тія бѣле руке,
И си рони тія дробни сълзи;
А майтя га стара согледала,
Согледала и говори:
«Чедо драго, мое мило чедо!
Оты ќершишь тія бѣле руке?
Оты ронишь тія дробни сълзи?»
А дете на майтю говори:
«Охъ, старо майтё моя!
Я обидохъ градове и хоры,
Та си тражилъ за себе прилика
И то тражилъ за тебе роднина —
Де-ка найдемъ погода за тебе,
Тамо нема прилика за мене,
Де-ка найдемъ прилика за мене,
Тамо нема погода за тебе;
Ка' отидохъ у Роксана града,
Тамо найдохъ за себе прилика
И за тебе найдохъ роднина,
Амо млого ми засакаше:
Сакая ми благо три товары,
И сакая единъ златенъ перстенъ,
И сакая шесъ стотинъ сватове,
Што си имамъ рода-се да позвемъ,
Да не позвемъ свои сестричиче.

Кажи мене, мале, што да чинимъ?»
Одговара нему майтя:
«Я си земи тоя бѣле книже,
Та испиши баштины достове»[1]).
И онъ земá това бѣло книже,
Та испи́са баштины достове:
Та си писа кралевитя Марка,
И си писа одъ Косово Янка,
И си писа одъ Релёво Релю,
И си писа Сербина юнака;
Буде деверъ одъ Кралево Марко,
А старойтё одъ Косово Янко,
А кумъ че одъ Релёво Реля,
Сербинъ юнакъ баряктарче младо.
Собраша се китени сватове;
Напредъ иде Марко одъ Кралево
И си воды шесъ стотинъ сватове,
И си носи три златна перстена,
На престенѣ[2]) безцѣно камепье;
На найпослѣ иде Сербинъ добаръ юнакъ
Се Сербяци — до Бога юнаци,
Подскацую канъ сури-éлене;
Мерки-берки за уши верзую.
И пойдоше китени сватове;
Салъ не ида, бре, сестричиче.
Проговори пина майтя,
Бре, сестра на кралё одъ Мисира;
«Чуешь мене, Вукашине сине!
Чуешь мене, сине Петрушине!
Не идохте уйтѣ си на свадба?»
— «Какó незвани ч' идемо.
— «Ка'? не уйтя поредомъ познава?

[1]) Пріятель. [2]) Sic.

Я земете, синку, това бѣло книже,
Та пишете това ситно писмо,
Та пратете на Кочанъ пладнина,
Пратете по пиле соколенце».
Исписаше това́ си́тно писмо
И да́доше на пиле соколе;
И одлете пиле на Кочанъ пладнина:
Ручёкъ руча чобанинче Милошъ,
Ручёкъ руча съ дванаесе кіяи [1]);
Та си падне Милошу у коленце,
Съ крыло тропна и книже отвори;
Ка' прегледа чобанинче Милошъ,
Ка' прегледа това́ ситно писмо́,
На кіяи по́ ти огово́ри:
«Фала вама, дванаесъ кіяи!
Х̔убаво ми стадо погледайте,
Погледайте, брайтя, почувайте;
Я че идемъ на свои дворо́ве,
Да си видимъ стару майтю мою —
На-злѣ лежи стара майтя моя,
На-злѣ лежи, че да умре;
Не можемъ у животъ затечемъ,
Баремъ, майцѣ на гробницу д'идемъ;
Фанете ми конче троегодче,
Накитете лѣпо, што сакате,
Постегнете твердо, што можете».
Накития лѣпо, што сакаx̔а,
Постигнаа твердо, што могоx̔а.
Па се качи коню на рамена,
Па се качи Милошъ добаръ юнакъ,
Па на пиле низъ гърло гово́ри:
«Лети, пиле, подъ бо́жя небеса,

---

[1]) Овчарь.

Конь че иде по бѣли друмове —
Кой че може на дворъ да претече?
Писна пиле подъ божё небесье,
Висна коньче по бѣли друмове —
На дворове коньче е претекло.
А стара майтя сина согледала одалекъ,
И одблиза сина посрѣтнала
И у рука здравица держала:
«Млого здравье, чедо мое драго!
Млого здравье одъ уйтя твоéга!
Да си идешь у сватове уйти».
Юнакъ ни се вива, ни се пови́ва;
Ферли кожухъ-мечетина
И си ферли калпакъ вучетина,
Па облече сермалія руо,
Па облече кожухъ-мечетина,
И си тури калпакъ вучетина;
Па си стега коньче троегодче.
А майтя му погово́ра:
«Не карай си коньче троегодче,
Нело карай Кулаша баштина».
И дете е послушало майтю:
Та си стегна Кулаша ба́штина,
Та го стегна—одъ земня го дига,
Па се качи на рамена коню.
Сватове бѣха три дни предъ него.
Оно прави ко́ня по друмове;
Не ли е будалина овчаръ?
Онъ за́дрема коню на ра́мена,
А конь си е млого засилило;
За пладниште сватове пристигна;
Мейданъ гледа, де-ка да замине.
Згледаха го тройца юна́ци,
Вернаха се, конекъ да му узма,

Сви троица заедно ферлиша,
И ферлише и нишанъ ударише —
Удариха тоя добаръ юнакъ;
Юнакъ си е низъ сенъ разбудило,
На конь тергне той златны дизгине
И му шибна четалъ-мамузе[1]):
Три копа у высъ е рыппало,
А у длъжинъ ни край, ни брой нема;
Па заверте ко́ня по тра́гове,
Та си тражи три добра́ юна́ка;
Па си нашелъ тія троица юнаци:
Охъ, вала Вама, троица юнаци!
Дали мене юначки біете,
Или съ мене шака [2]) правите?
Да видите, коно́ біе юнакъ!
Па извади огняна камджія,
Та ги шибна тенке половине —
Ка'-но титре играя предъ него,
И настегнаше на Роксанско па край,
И Роксанци ги чекая на край:
И говора Роксанци:
«Кой че може, китени сватове,
Кой че може излезне юнакъ,
Да прерипне три хата [3]) па-съ-поредъ:
На коньче-то това́ буйно копье,
На копье-то стрѣли шестоперы;
И сватове потерпали терпомъ [4]),
А кралёкъ у земня погледнало.
Эте иде церна Бугарина
Иде и Кулаша мами,

---

[1]) Шпоры.
[2]) Смѣхъ, шутка.
[3]) Конь.
[4]) Призадумались.

И си ачикъ[1]) дума:
«Богъ вы убилъ, кметове роксански!
И я самъ козарь по Кочанъ-пладнина!
Ночемъ дойде диви́ говедина,
Та попуди мое сиво стадо;
Я прекрочимъ по деветъ могилы,
Та соберемъ мое сиво стадо,
Та соберемъ, у терла[2]) накарамъ.
Што е овой три коньче на-съ-поредъ?
Та па крочи юнакъ Милошъ,
Юнакъ крочи и пре́крочи,
Па гово́ри имъ:
«Али нема крокомъ да крокнемъ,
А камо ли юначки да рипнемъ».
И си зема три коньчета добры,
Та на краля теслимъ[3]) учини;
Па отиде па крадни[4]) меаны
Со-съ вино се пити.
И ошь еднашь игра заиграли:
Изнели деветъ чебра вино
И говора:
«Кой че може вино да испіе,
Той че воды гледа на девойтю».
И сватове потернали терномъ,
А крале́къ се у колѣно тупна;
Эте иде церна Бугарина,
Иде и Кулаша мами,
И си ачикъ дума:
«Богъ вы убилъ, кметове Роксански!
И това ли е игра че да буде?
Я самъ козарь по Кочанъ-пладнина;

---

[1]) Свободно.
[2]) Кошары, хлѣвъ.
[3]) Подарокъ, даръ.
[4]) Крайніе.

Кага́ бѣше лѣто презъ стружница [1]),
Я измълземъ деветъ ильядъ сагмалъ [2]),
Та па саде питамъ, а нема да дробнемъ:
«Што е овай деветъ чебра вино?»
Па си нави юнакъ, та ги испи —
Лѣвый мустакъ половинъ на́топи,
А десные аберъ нема.
Па отиде на крадни мехапы.
Па отиде со-съ вино́ се пити.
Ошь еднашь се игра заигра́ли:
Охъ, вала вама, китени сватове!
«Кой че може юнакъ да излезне,
Да убіе низъ перстенъ я́бука?»
Сви сватове терномъ потернали,
А крале́къ е дума продумало:
«Оттукъ нечемъ гла́ва да занесемъ,
А камо ли мома да заведе́мъ?!»
Эте иде церна Бугарина
И коня́-си за дезгинъ водеше,
И постеза до деветъ колана,
И си метна коню на рамена,
Та по́кара Кулаша баштина,
Та сва рудина [3]) угаръ [4]) направило,
И терже стрѣла шестопера,
Терже шесъ сааты мѣсто,
Та уби низъ перстенъ ябуко,
И кралю теслимъ учи́нило.
И отиде на крадни механы.
И тергнаха китени сватове,
Налезоа у Роксана гра́да;

---

[1]) Время стрижки овецъ (лѣтомъ).
[2]) Дойная овца.
[3]) Ливада—сѣнокосъ.
[4]) Нива, пашня.

Обтекли Роксански кметове,
Обтекоа китени сва́тове,
И имъ дума продумаше:
«Кой че може юнакъ да излезне,
Да отвори порты желѣзници;
Не че, може, отворите порты,
Редома главы че зи́маме».
Сви сватове терномъ потернали,
А крале́къ подъ-кришома аберъ запратило:
«Да ми дойде церна Бугарина,
Да ми дойде глава куртулише[1]);
Одъ не-братъ, братъ да ми стане».
— Это иде церна Бугарина,
Та си кара коня Кулаша,
Кара презъ тѣсны сокаци:
Одъ копита ясенъ огень сьева,
Та кепенци пали,
И душа духа ганды[2]) обары;
Та си приде́ порты желѣзници,
Па по́верна коня́ Кулаша,
И говори китени сва́тове:
«По-край, по-край, китсни сватове!
Да повернемъ я коня́ Кулаша,
Да го вернемъ, да му дадемъ мейданъ,
Да видиме, да ли може, да е».
И по́верна той ко́ня Кула́ша,
Та му мехданъ даде,
И урипна у кале высо́ко;
И тамъ найде́ три добры девойки,
Едноликя у едно лице,
И едноимки на име;

[1]) Отнять, спасти.
[2]) Крыша.

И онъ ферли кожухъ мечетина,
И си стури калпакъ вучети́на,
И извади спрегалія сабля,
И говори на добры́ девойки:
«Кажете си—гледана коя е?»
И двѣ се крадни средне погледна́ли;
И онъ фапа́ двѣ крадни девойки,
Та ги тури при дуваръ на края
И говори има:
«И сѣдете, мори, не мердайте[1]),
Да ме нема три дни бѣла дена».
И подрипна порты желѣзници,
Со-съ десна нога подрипна,
И порты низъ темель искрутило.
И налезнаа китени сватове,
И медю себе продумаше дума:
«Да ручамо, брайтя, да піемо,
Вечи нема назаде обло́га».
А ги дочу церна Бугарина,
Та на имъ низъ гърло бесѣди:
«Де знаете, де-ка нема облогъ?
То перва е облога наза́де!
Оште нема Балашинъ войво́да!
И троеглави е—да го Богъ убіе!»
И проговори краль Роксански:
«Фала вама, двама таламина!
Я идете, да о́кнете Балашинъ войводу
Да ми дойде, да ми отме чедо,
Кое отишло на обло́га».
И отоше двама таламина,
Па говора на Балашинъ войвода:
«Охъ, фала тебѣ, Балашинъ войвода́

---

[1]) Не трогаться, не шевелиться.

Млого здравье одъ краля нашега!
Да си идешь, чедо да му отмешь —
Отидé му чедо на облóга».
А говори Балашинъ войвода:
«Фала вама, двама таламина!
«Дали има юнакъ одъ-нѣкуде?»
А онѝ му низъ гърло бесѣда:
«Има негде, кажатъ, Бугарина церна,
Амо преди тебе нече може юнакъ да е».
А онó е сълзи порóнило:
«Това, брайтя, не е церна Бугарина,
Нело ми е мило чобанино
Одъ Кочанъ-пладнина;
Преди нега юнакъ нигде нема —
Оде-ка слънце истиче,
Доде-ка сълнце зах̔оды
Предъ нега юнакъ никаде нема;
Чемъ да идемъ, мои мили брайтя,
Не чемъ кралю атеръ [17]) да строшимъ,
Амо тамо главу че потровимъ». —
И поведох̔а гиздава девойтя —
Излезоа низъ Роксана града.
И срѣтна ги Балашинъ войвода:
И дух̔на со-съ вири вѣтрове,
И дух̔на со-съ ясны огнёве,
И прéтури до деветъ кочiи,
И паднах̔а юнаци одъ конѝ.
И излезе церна Бугарѝна,
И си терже лека буздогана,
И си дигна тежка топузина,
И говори Балашинъ войводу:
«Ферляй, брайле, жалба да немашь».

---

¹) Милость, благорасположенiе.

И си ферли Балашинъ войвода,
Церна Бугарина дочекало тежка топузина
Су десница рука дочека;
И говори церна Бугарина:
«Держьсе, Балашинъ войводо!
Я че врачамъ твою топузину»;
И ферли тежка топузина —
Деветъ лакти у земь нáкара,
Нáкара Балашинъ войводу.
И оттоа се китени сватове.
Церна Бугарина вернá се у Роксана
Та си зема двѣ добры девойки,
Што ги тури при дуваръ на-края:
Еднá че му ягенци пасе,
А другá-та вода че да носи;
И си стиже китени сватове:
«Добра стижа! мой мили уйтицс!
Незванъ дойдохъ, непочтанъ чс с' идемъ».

№ 120.

Трен. окр., с. Бабица; 24 ноября 1879 г. записана со словъ крестьянина Дёши Тодорова.

(Постройка крѣпости королемъ Вукашиномъ).

Заградиле[1]) крале Вукашино,
Заградиле на Дунавъ, на озеръ,
Заградиле кула да се прави —
Три година по триста майсторе,
Па-й неможе темель да си вержи:
Дьнемъ прави, а ночемъ га носи.
Па сбраше негови-те брайтя:

[1]) Заградилъ + с.

«Чуешь мене, крале Вукашине!
Ты не можéшь, кула да заправишь,
Ты не можешь темéль да овержешь,
Доръ ние думе не думамо».
Удумаше, вѣру увѣрише:
«Кагá буде одъ заранъ собалье,
Кoя́ жена ручькъ намъ донесé,
И ню че у темель ту́римо,
Тагай че се темель задержаты».
Па отоше дома, да лéгаю.
Итро било крале Вукашино —
Оно каза на нéгове любе:
«Немой, мори, ручéкъ дá донесешь»;
Па-й каза среднія-тъ брата-тъ
Каза па негове-то любе:
«Немой, мори, ручéкъ да донесешь!»
Наймлади несте да каже,
Несте каже Матруни невѣсти.
Кадá биле зарáнъ собале,
Дойдé време ручéкъ да се нóси.
Думе дума кралево-то любе:
«Айде, море, ручéкъ да нóсите!
Мене нешто глава заболѣла,
Та не могу ручькъ да однесéмъ;
Продумала средня-та етерва:
«И я немогу́ ручéкъ да однесéмъ —
Мене нешто нога заболѣла,
Че да иде Матруна невѣста;
Продумала Матруна невѣста:
«И я немогу́ ручекъ да однесемъ —
Редъ ми е дошелъ, да ометéмъ ижу,
И па-ми е Петруна малестна —
Да го окупимъ и да ю повіемъ».
Думе дума найстара етерва:

«Айде, море, ручéкъ да однесешь!
Я чу тебе ижу да изметéмъ
И па-й чу ти Петруну окупéмъ
Чу окупемъ и па-й чу повіемъ»
Узé ручéкъ Матруна невѣста,
Та отидé тамо пре дунгере;
Тамо сѣду троица кралёве:
Наймлади сѣди — сьлзе рони;
Питала го Матруна невѣста:
«Зашто сидишь, зашто сьлзе ронишь?
А онъ си е думе продумало:
«Я си викамъ одъ мое жалове —
Я си имамъ то златна ябука,
И ню че ми вóда однесé»;
А она му тагай продумала:
«Мълчи, море, за това не викай!
Ты я́буку па че си ку́пишь».
Па станаше два млада девера,
Уловише Матруну зá руки,
Та туришe Матруну у темель;
Она каже, да шала права.
Зазидаше ноге до колѣна,
Тагай си думе продумала:
«Чуйте мене, два млада девера!
Немойте мене у темель ту́риты!
Идете ку моя-та майтя —
Моя майтя много пары има,
Она че ме со-съ парé одку́пи»;
Зазидаше Матруну до пóясъ:
Окну-викну, колико што може, —
Туга, леле, до Бога се чуе:
«Кой че мене Петруну да чува?
Петру́на мене мáлечка;
Кой че мене Петруну да ку́пе

Да купе и да си повіе;
«Она нече безъ боску[1]) да мине;
Ано мене у дуваръ туристе,
Оставе́те бо́ску на дво́рку,
Донесете Петруну детенце:
Я чу га на дуваръ подо́имъ,
Она нече безъ боска да мине».
Зазидаше Матруну невѣсту,
Оставише е боску на дворку,
Доне́сеше Петрун у дете́нце;
Три године на дуваръ доила
Доила га и одоила га.
Пораснало Петруно детенце.

№ 121.

Соф. окр., с. Василевци (другое названіе Войсиловци); 7 февр. 1880 г. записана со словъ Іоны Илина.

(тоже).

Градъ градили три брата родьена:
Едно бѣше кралё Вукашино,
Другій бѣше Углеша войвода,
Третій бѣше Гойковиче младо;
Градъ градили три година дена
Три година со-съ триста майсторы;
Што майсторы за денъ соградиа,
То е вила за ночь оборила;
Па дозива вила низъ планина:
«Фала тебѣ, крале Вукашине!
Не арчисе и не троши блага;
Не мошь, крале, темель поставиты,

[1]) Груди-титьки.

Я ди ли града сградиты,
Докъ не найдешь два слична,
Докъ не найдешь Стою и Стояна,
Я найболѣ брата и сестрицу,
Да зазыдешь кулѣ у темелю —
Тогай че се темель задержаты,
Тогай че се града сградиты».
Ка'-то зачу кра́лё Вукашине,
Онъ дозива два брата родьена
И говори кралё Вукашине:
«Фала вис, два брата родьена!
Ние файда[1]) нема, што арчиме».
Па дозива слугу Десимира:
«Фала тебѣ, слуго Десимире!
Вати конп и интове[2]),
И понеси три товара благо,
Те си иды преко бѣла свѣта,
Те си тражи два слична имена».
Ка'-то зачу слуга Десимира,
Вати конп и интове,
И понесе три то́вара благо,
Те си тражи два слична имена, —
Тражи слуга три година дена,
Алъ не найдо два слична имена.
Ка'-то зачу кралю Вукашине,
Кралю викну Раду наймайстора,
Рада викну до триста майсторе,
Те зедаше куле и теме́ли —
Што майсторе за денъ заградиа,
То е вила за ночь оборила,
Па дозива вила низъ планина:

[1]) Польза.
[2]) Колесница.

«Фала тебѣ, крале Вукашине!
Не се арчи и нетроши́ блага —
Не мошь, крале, темель поставиты,
Я ди ли града соградиты?
Эво, вие сте три брата родьена,
У свакога има вѣрна люба:
Чія дойде ютре на Бояна,
И донесе руче́къ на майсторе,
Да градиме кулѣ у темели:
Тогай че се темель задержаты,
Тогай че се града соградиты». —
И твердо су вѣру завѣрили
И тверду су думу удумали:
«Никой, вечеръ, люби да некаже».
Ка' ото́ше вечеръ на вечера,
Вечераше господска вечера,
Та отоше сѣкій у легало.
Али крале вѣру погазило,
И онъ своей люби доказа́ло:
«Немой дойдешь ютре на Бояна!
Че те градимъ кулѣ у темели»;
И Углеша вѣру погази́ло —
И онъ своей люби доказа́ло:
«Не мой дойдешь ютре на Бояна!
Че те зедамъ кулѣ у темелѣ»;
Али Гойко вѣру непо́гази,
И онъ своей люби не до́каза.
Ка' е било ютре одъ зарана,
Та отоше градекъ да се граду.
Дойде́ време-руче́къ да се носи:
Редъ е било господи кралици;
Она иде помлада етерва
И говори:
«Фала тебѣ, помладо етерво!

Я понеси на майсторе ручекъ,
Мене е главá заболѣла;
Она иде Гойковичи младо
И говори Гойковичи младо!
«Фала тебѣ, Гойковичо младо!
Я понéси на майсторе ручéкъ;
Алъ говори Гойковича млада:
«Фала тебѣ господжо кралице!
Че понесéмъ на майсторе ручекъ;
Али ми е дете некýпано,
Не купано, ни пелены праны»;
Алъ говори господжа кралúца:
«Фала тебѣ танана невѣсто!
Я чемъ тебѣ детé окупáты,
Я етерва пелене опрáты».
Немá кудé Гойковиче младо,
Те понесе на майсторе ручекъ.
Кадъ е било на воду Бояну,
Сегледа ю Гойковиче младо:
Верлá му е жалба нажалѣла —
Рони сьлзи низъ тое бѣло лице;
Упази го Гойковица млада
Па говори Гойковица млада:
«Фала тебѣ, Гойковиче младо!
Што си ронишь сьлзи низъ образи?»
Одговáра Гойковиче младо:
«Имао самъ одъ злато ябълко,
Те ми спаде данесъ у Боя́ну —
Те го жалимъ, преболье не могу».

№ 122.

Село Верба́ (Радомірскаго окр.); 29 ноября 1879 г. записана со словъ того же крестьянина.

(Король Вукашинъ затворяетъ въ темницу двухъ родныхъ братьевъ).

Живовали два брата рождены:
Една лика коне яха́ли,
Една форма руба носили,
Па една вода се мили,
Съ една си кърпа брисáли.
Каскандисалъ крале Вукашино,
Та затворилъ до два мила брата;
Затвориль и за нино юнаштво,
Затвори́ль и забовари́ль;
Та лежали деветъ годинъ врѣме,
Цвилёмъ цвиля до два мила брата,
Цвилёмъ цвиля Стамболъ съобудуе.
А што бѣше краля Капетана:
«Скоро быржe Петеръ жендаджія,
Да опрашашь до два мила брата!».
И си ойде Петеръ жендаджія;
Отвориль тевни зондани:
«Што плачете до два мила брата,
Што цвилете у тевни зондани?»
— «Не знаеме, на кое смо врѣме,
Ни кога́ е лѣте, ни кога́ е зиме;
Каде дойде день Іованъ день,
Донесете студенъ ледокъ,
Да знае́ме, на кое смо врѣме;
А кога на день на Спасовъ день,
Донесете класо́къ жито,
Да знаеме, на кое смо врѣме;
А кога́ дойде на день, на Крстовь день,

Донесете чаша благо вино,
Да знае́мо, на кое смо врѣме».
Излезналъ помладій-отъ брато́къ,
Та ойде́ на Новопазарье,
Та си найде неговъ стари башта:
Продава това сиви́ воло́ве;
Онъ му каже:
«Леле дедо, леле татко,
За што держишь сиви во́лове?»
— Онъ му каже:
«Держимъ, да прода́вамъ,
Да синове си одку́пимъ:
Затвориль и краля Вукашина,
Затвориль за Божія правнина,
Затвориль и за нино юнаштво».
— А си пошелъ малко по-на-горе,
Тамъ си найде него́ва-та майтя,
Де держала тія вране́ кони́;
«Чуешь мене, моя стара майко!
На што держишь тіе вра́ни кони?»
— Я держи́мъ да и продавамъ,
Синове да одкупимъ:
Затвориль и кралё Вукашина,
Затвориль и за Божина правина,
Затвориль и за нино юнаштво».
— Па си пошель оште по-на-горе,
Тамо нашель мили сестры,
Е держали сія тенки ризи,
Держали, та и продавали;
А то имъ говориль:
«Леле моми, леле сестры!
Зашто держите́ той тенки ризи?»
«Держиме́, да и прода́ваме,
Братья да отку́пиме:

Затвориль и краля Вукашина,
Затвориль за Божія правина,
— Затвориль и за нино юнаштво».
— Пошель оште по-на-горе,
Тамъ нашель нини люби́-те;
«Чуете ли жены, — сестры!
Зашто держите́ той машки деца?
Да ли держите, тавра́ да чините?»
— А они му по́ тія говоря:
«Держиме́, да ги прода́ваме,
Да имъ баштп одку́пиме:
Затвориль и краля Вукашина,
Затвориль за Божія правина
Затвориль и за нино юнаштво».
— Па наточиль чаша благо вино,
Та си ойде при негова брата,
Сичко нему одказа́ло.
— И се тогай братья искомка́ли,
Па се тогай обадва престави́ли. —

№ 123.

Кюстенд.-Бан. окр., с. Жилинци; 3 дек. 1879 г. записана со словъ Стоймена Атанасова.

(Царь Капетанъ (Вукашинъ) затворяетъ двухъ родныхъ братьевъ)

Богъ да біе царо Капетана!
Затворилъ е до два брата родьены,
Затворилъ е за Божя́ правина —
Де-ка са си верно живовали,
Затворилъ е у темна зендана.
Та лежа́ле двана́есе годинъ,
Та изумиле, на кое са време?

Па продума ашикъ Димитріе:
«Тако м' Бога, дели Николáе!
Я повúкай млады зондаджиче,
Да донéсе златны-те ключеве,
Да отвóри темни-те зондани,
Да опушти, баръ, еденъ одъ насъ,
Да вúдиме — на кóе сме време:
Да ли си е товá тóпло лѣто,
Или си е товá ладно зиме,
Да ли си е таа росна прóлѣтъ;
Да ны даде мулетъ за едынъ мѣсецъ».
И отворилъ е зендаджія,
Отворилъ е тіе темни зендане,
Та си пушти дели Николае.
Испрашта го ашикъ Димитріе:
«А со здравье, дели Николае!
Ногу здравье на нашего башта,
Ногу здравье на наша-та майтя!
Ако си е товá тóпло лѣто,
Да допратате единъ класокъ жито;
Ако си е таа росна пролѣтъ,
Да допротате едно росно цвѣтье,
А ако си е таа ладна есень,
Да допрататъ единъ гроздокъ гроздье;
Ако си е товá студно зиме,
Да допрататъ една чáша вино —
Да видиме, на коé сме време?»
Па си пойдé дели Николая,
Па си пойде на рамны дрýмове;
На срѣшта му тая стара майтя,
И си кара сиви, бре, говеда:
«Добра срѣшта, мори, стара бабо!
Кадé кáрашь сиви, бре, говеда?»
— «Че ги карамъ, да си ги продавамъ,

Да си пуштамъ до два ми́ла сина:
Еве, стана дванаесе годинъ,
Какó лежá у темни зендани,
Ни ги знаемъ, ни ги попознавамъ».
Па си пойде еще по-нагоре,
Па си срѣтна неговіё башта:
«Де си карашь, сиви, бре, волове?»
— «Че ги карамъ, да ги продавамъ,
Да си пуштимъ до два мили сина —
Еве, лежатъ дванаесе годинъ,
Лежá у темни зендани,
Незнаеме—да ли са живи,
Или са мертви».
Па си пойде еще по-нагоре,
Та си срѣтна нины-те братя:
«Де-ка карате ергеле-коне?»
— «Че ги караме, да ги продаваме,
Да пуштиме до два свои брата».
Па си пойде еще по-нагоре,
Па си срѣтна́ нины свои сестры:
— «Де-ка носатъ свилене дарове?»
— «Че ги носатъ, да ги продаватъ,
Да си пуштатъ до два свои брата».
Па си пойдé еще по-на-горе,
Па си срѣтна снаа-та и невѣста-та:
— «Де-ка водатъ млада-та дечи́ца?»
— «Че ги водатъ, да ги продаватъ,
Да си пуштатъ нины-те момчéта».
И продумá едно машко дете:
«Мамо, рече, него тата!
И на башта му дума испаднала.

(не кончено).

№ 124.

Село Верба, Радомірскаго окр.; 30 ноября 1879 г. записано со словъ Мины Стоянова.

(Марко Кралевичъ спасаетъ дочь царя Константина и Елены отъ чернаго Арапина).

Дошла́ е церна Арапщи́на,
Де е дошла́ изъ Арапска земя:
Дойде у Стамбола града,
Кале́ прави одъ мермера ка́микъ,
Кулі́ гради одъ жълти дукати;
Само нема за себе прили́ка;
Ареса́лъ царева-та черка,
И си ойде подъ цара Костади́на
Това му дума издума́ло:
«Чуешъ мене, царю Костадине!
Я заправилъ ка́ле одъ мерме́ра камикъ,
Кули правимъ одъ жълти дукати,
Амо немамъ за себе прили́ка»,
Та беендисалъ това султана:
«Я салъ дошелъ не я семъ просимъ;
Дойдо, молба да се мо́лимъ
Мало со-съ добро, а повече со зло»—
А оно му е черка говори́ль.
Проговори царъ Костадинъ:
Че дадемъ моя мила штерка.
А што-то бе́ше Елена царица
И она изговори тая дума:
«Я че дадемъ моя-та мила штерка,
Да ми чекашь петнаесъ де́на»
И она исписа тоя́ бе́ла кни́га,
Та я прашта на Марко Кралевичъ:

«Много здравье, Марко Кралевиче!
Да дойдешь чадо да ми отмешь
Одъ това церна Арапщина».
Дофтасала книга до Марко юнакъ;
Онó е книже прегледáло
И го тури подъ колѣно.
Кадъ стануло петнаесъ дена,
И што-то бѣше царева-та штерка
Исписала тая бѣла книга,
Та я прашта Марка на юнакъ:
«Да ли очешь мене за любе да си любишь?
Ако ты имашь любе за любенье,
Некъ ме земи за робинье,
Не ли да ме люби церна Арапштина:
Да не грѣшимъ майчина душа,
Ни да срамимъ цара Костадина.
Ако нечешь, Марко, да си придешь,
Очемъ млада да си тровимъ».
Какъ си приде товá бѣло книже
До Марко-то Кралевича,
Тогай се Марко заплакало;
И посправи Шарца добра коня;
Какъ отидé на Бѣло-то море,
Излезнало царева султана —
Самъ царъ Костадина черка,
Да пооды малку по гезне,
Па че верни се, да си трови,
Отпрашало него Марко юнакъ:
«Де си одышь царево султано?»
Она нему одговóра:
«Я си одинъ, да малко прошетнимъ,
Ште се вернимъ, млада се тровимъ:
За што ме че люби церна Арапщина?
Я праштала до три бѣли книги

На Марко-ти добри юнакъ,
Да дойде мене да ослободи,
Алъ го нема, та и нема».
Одговори нейни Марко добри юнакъ:
«Азъ самъ Марко добаръ юнакъ;
Много здрави цару Костадину!
Да опушти до-седемь телала,
Да си лича по Стамбола грады:
Да си нигде нема дворы отворене,
Салъ е негови сараи отворены,
И да отвори той нови áнове,
Да ми готви крава яловица,
И да готви до три фурни леба
И да готви до три бочви вино,
Ште да дойдемъ на нове анове,
Ште да дойдемъ да вечера вечерамъ».
Што-то бѣше цара Костадина,
Нему черка одказала:
«Ете иде Марко Прилѣпче!
«Ты си опушти до седемь телала,
Да си лича по Стамбола града,
Нигде да нема дворы отворены,
Само да е сарай отворенъ
И да се отворены той нови анове».
И оно е ти Марку приготви́ло,
Што е нему зарачи́ло.
Ете дойде церна Арапщина
Со-съ триста души бѣли Ара́пи
И въеднако уйде у цареви дворы,
И земало царева султана —
Самъ царъ Костадина черка,
И по тие приказало:
«Кадъ си предъ нове анове
Никой смѣя дворы да отвори,

Чекъ да отидемъ при новъ анджія».
А Марко веза́ Шарца добра коня
И го веза́ за нови дирецы,
И го пои вино шербетлиё.
Кадъ притьрча церна Арапина
Со-съ та тенка бедовія,
Ферли чифте за чифта
На добра Шарка коня;
Алъ не припушта тенка бедовія.
Излютисе церна Арапина,
Та си рипна тенка бедовія,
Та улези у нови анове,
И тамо е нашелъ Марко добри юнакъ,
И проговори на Марко добри юнакъ:
«Богъ те било Марко Кралевиче!
Да и ты ли си ми на срѣшта пришелъ?»
И извади тая остра сабля,
Да погуби Марко-то юнакъ;
А Марко се подъ дирецы проврѐло;
Кадъ си удри церна Арапщина
Удрило у нови́ дирѐци
Та си е сабля потрошила.
Па и Марко извади сабля на зглабове,
Та пресѣче церна Арапщина;
Па уяна Шарца добра коня,
Тай стигнало той бѣли Арапи,
Тай погуби си-те триста Арапина,
И поверна́ царева султана
Самъ царъ Костадина черка,
И одведе я цару Костадину:
Ето тебе твое мило чедо»!
— А онъ си нему одговара:
«Ако сакашь, за любне я води»

А Марко му тія лѣпо дума:
«Я си имамъ любе за воденье;
Я избавилъ твое мило чедо,
Твое чадо, па и мое.

№ 125.

Трен. окр., с. Бабица; 23 ноября 1879 г. записана со словъ Пеши (Петра) Тодорова.

(Качанскій кадія (судья) присуждаетъ дѣвушку въ невѣсту Николаю королю «отъ Кралёва», руки которой добивались Марко Кралевичъ и Янко «отъ Косова»).

Стави́шесе тро́йца дружи́на,
Стави́шесе на по́ле широко —
Сви-те млады, неженете:
Едно Марко одъ Прилѣпа града,
Друго Янко одъ Косова града,
Третё кралё одъ Кралева града.
Сви-те су млады, неженеты.
Усрѣте ги гиздава девойтя:
Тагай су се дружина закарала —
Да кой че девойтю да узме́.
Прогово́ри Марко Кралевичъ:
«Да идемо у Качана града».
Та отоше у Качана града:
— «Богъ пома́га Качански кадія!»
— «Добро́, добро́, добри юна́ци!
Каже́те, каква́ е ка́вга?»
— «Я пойдо́мо пре широко поле,
Усрѣча ни гиздава девойтя;
Сви су да́рба даровали:

Марко даде тая жълта ду́ня,
А Іованъ даде червена ябука.
А Никола пьрстенъ бармулія;
Сега ние сме се судомъ засуди́ли —
Да кой че девойтю да узме?»
Проговори Качански кадія:
«Али, ми, е дуня за меризма,
А ли, ми, е ябука за гри́зенье,
Я ли, ми, е пьрстенъ за вѣнчанье,
И тагай и пресудило Качански кадіе:
Па́десе Николи, девойтю да узме.
И тагай Никола одъ Кралева града
Марка си е за кума вануло,
А Іована е за де́вера ватило;
Та су свадбу направи́ли.

№ 126.

Соф. окр. (Поле), село Враждебно; 1 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Донки Гёлева.

(Марко Кралевичъ освобождаетъ молодыхъ женщинъ и мущинъ, взятыхъ въ плѣнъ Турками).

Марко сака Моровски девойки,
Марко сака, майтя му не дава:
Немой, синку, Моровски девойки,
Зимѣ глава, лѣтѣ половина;
Па си тергна Марко добаръ юнакъ,
Па си стегна коня Шаркалія,
Та отиде у тесны илисуры.
Срѣшта му се три синджира робье:
Единъ синджиръ-млады момчетія,
То́ры синджиръ-млады девойки;
Трети синджиръ-млады невѣсты;
Согледа ги Марко, одгледа ги,

На очи му жалба останало,
На серце му свидно [1]) останало;
Проговори Марко добаръ юнакъ:
«Слава Богу, моя Шаркалія!
Мошь ли аскеръ съ нодзе да погазишь?
И язе-ка со-съ остра-та сабля».
Шарка коня по́ ти огово́ра:
«Ка' неможемъ аскеръ да погазимъ?
Зашь ме зобишь тая чиста зоба,
И ме по́ишь това руйно вино?»
Па си тури Марко добаръ юнакъ,
Па си тури нога у зенгія,
Доде тури Марко и оная,
Онъ отиде у тесны клисуры,
Та затече тоа силенъ аскеръ;
Та разъигра коня Шаркалія;
И разверже Марко остра сабля,
Та погуби тоа силенъ аскеръ,
И свободи три синджира робье;
На секога по дуката даде:
Кое гладно, лѣбецъ да си купи,
Кое голо, дрешка да си земе,
Кое босо, опинци да си земе.

№ 127.

Г. Радоміръ; 1 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавискаго.

(тоже).

Марко шета низъ тесны клисуры;
Емъ си шета, емъ си Богу мо́ли:
«Дай ми, Боже, три синджира́ робье —
Едни синджиръ са млады невѣсты

---

[1]) Скучно, сердце ноетъ.

Невѣсты со-съ мъшки дечи́ца;
Други синджиръ се млады девойти;
Третій синджиръ се млады момчета,
Си-те млады, си-те неже́нены»,
Доде Марко дума да изду́ма,
Далъ му Господъ три синджира роби —
На синджиро по ильядо души;
И ди кара церна Арапи́на
И Марко му дума продумуе;
«Босъ те уби, церно Арапино!
Каде́ карашь три синджире роби?»
Я Арапинъ дума проду́муе,
Проду́муе па Марка юнака:
«Мълчи, Марко, непознанъ юначе!
И за тебе празна алка има!»
Марко-ти се варло дожалѣло
Дожалѣло и па-й доделѣло,
И Марко си въеднакъ най [1]) проду́ма:
«Богъ те уби, церно Арапино!
Че пущашь ли три синджира роби?
Или нечешь, па-й да си ми кажешь?»
И Арапинъ Марко-ти продума:
«Че те туримъ тебе найнапреде,
Да ди водышь, како тёсе́мъ овенъ».
Марко бъркна у десна-та чижма,
Та извади сабля на зглабове,
Што се вие, ка-то люта змія,
Па си мана на́лѣво, на́десно,
Та погуби церна Арапина,
И опушты́ три синджира роби —
На синджиро по илядо души:
Едынъ синджиръ со млады невѣсты

---

[1]) Т. е. на-+-й.

Невѣсты со-съ мъшки дечица,
Други синджиръ се младе девойти.
Трети синджиръ се млады момчéта,
Си-те млады, си-те нежéнены
И си ойдé Марко Кралевпко,
Та си ойдé церкви Маріицы,
И си ойдé церкви манастырѣ;
Дума дума на попóве-владыки:
«Чуете ли, попóве-владыки!
Да ли и́мамъ язе-ка пречесе,
Дека самъ си язе опуштило,
Опуштило три синджира роби —
На синджиро по ильядо души?»
Продумаа попóве-владыки:
«Имашь Марко, не ли да не имашь!
Имашь, Марко, до три пътъ пречесе:
Когу си си добро направи́ло,
Де избави вѣра православна. —

№ 128.

Соф. окр., с. Василевци; 7 февр. 1880 г. записана со словъ Филиппа Минина.

(тоже).

Рано рани Марко светы недѣли,
Да си иды церкви Раваницы.
Мина Марко презъ широко поле,
Насталъ Марко презъ гора зелена;
Самъ си Марко гори поговáра:
«Горе-ле горице!
Што си рано повенала?»
Сама гору Марку поговáра:
«Што сама си рано повенала?

Богъ да біе церна Арапина!
Поминало три синджира робье:
Еде́нъ синджиръ-се млады юнаци,
Еденъ синджиръ-се млады девойки,
Трети синджиръ-се млады невѣсты,
Со сьлзи ми верши посушише,
Со-съ ноге корень подкопаше;
За това я рано повенала».
Тогай си Марко гори поговара:
«Вала горо, вала зелена!
Дал' е далекъ»?
Одговара сама гора зелена:
«Ни е далекъ, ни е близу,
Салъ у тесны клисуре».
Марко стиже Арапина у тесны клисуре
И му рече:
«Стани, курво, церни Арапине!
Пушти три синджира робье!»
Одговара церна Арапина:
«Мълчи, курво, Марко!
За тебе има една ока вино!»
Я Марко му говори:
«Стани, курво, церни Арапине!
Да си мейданъ біемъ —
Я ферляй, я ли че верлямъ буздогана».
И въеднага верлилъ Марко добаръ юнакъ,
Верлилъ перна буздогана,
И накаралъ Арапина деветъ лакти у́ земь.
Осташе три синджира робье;
Поведе ги Марко церкве Раванице;
Ка' дойдоше церкве Раванице,
Сами церкви отворишесе.

№ 129.

Кюст.-Бан. окр., с. Жилинци; 5 дек. 1879 г. записана словъ Маріи Тупаковица и ея дочери.

(тоже).

Горице-ли, горице зелено!
Пойде Марко на церква да иде,
На срѣшта му горица зелена;
Я Марко по тія говореше:
«Горице ли, горица зелена!
То што си, ми, рано повенела?
Дали, ми, те слана попорило,
Или, ми, те снѣжи оснѣжили,
Ели, ми, те сѣкира сосѣкла?»
Горица му тія говореше:
«Море, Марко, море, добаръ юнакъ!
Ни, ти, ме слана попарила,
Ни, ти, ме снѣжи оснѣжили,
Ни, ти, ме сѣкира пресѣкла;
Заминаа тіе клети Турци,
Прекараа три синджира робье —
Со-съ нодзе корень подкопаа,
Со-съ душе ми више полумиа:
Еденъ сенджиръ-се млады невѣсты
Се невѣсты скоро доведены,
Други сенджиръ-се млады девойки,
Трети сенджиръ-се млады момчета;
Невѣсты-те милно-жално плачатъ:
«Аво, Боже, аво, мили Боже!»
Милно-жално за машки-те дѣца;
Я моми-те милно-жално плачатъ
Милно-жално-за тенки-те дары:
Тенки дары пусты останали,

Кой че да ви растресé-претресе;
Ергенье те милно-жално плачатъ
Милно-жално-за тенки-те пушки:
Тенки пушки пусты останáли,
Кой че напуны и сверле.
За това я самъ рано повенела».

(не кончена).

№ 130.

Трен. окр., с. Бабица; 23 ноября 1879 г. записана со словъ Пеши (Петра) Тодорова.

(Женитьба Марка Кралевича).

Зáженисе Марко Крáлевичъ.
И си óды три дни и три ночи.
Ка' отидé у Земéна града,
Тамо найдé са себе девойтю:
Нишанъ даде три товара благо.
И думалъ си Земенски краль:
«Да си берешь, Марко, китени сватове
Да си берешь за триесé дена,
И да водышь гиздаву девойтю,
И да водышь за триесé дена».
Ка' отидé Марко у Прилѣпъ градъ,
Тамо найдé Янко одъ Косова,
И найдé си крáля одъ Кралева;
И питаю го добри́ юнаци:
«Да найдé ли за тебе девойтю,
А за насъ прилику?»
— «Я си найдó за мене прилику
Найдо Прилику и девойтю,
И нишанъ дадó три товара благо, —

И думаше ми, да за триесé дéнá
Я си водимъ триста и три свата».
Я се диже Янко одъ Косова,
И се диже кралекъ одъ Кралева;
Свеки оди три дни и три ночи;
Ка' отиде Янко у Земена града,
Тамо найде за себе девойтю —
Нишанъ даде два товара благо;
И думаше краль Земенски:
«Да си водышь китены свáтове
Да си водышь двѣсте сватове,
Да си водышь за триесé дена.
Ка' отиде Кралекъ одъ Кралева,
Ка' отиде у Земена града,
Тамо найде за себе девойтю —
Нишанъ дадé четиръ товара благо;
И дума му краль Земенски,
Да си воды четирстотитъ свата.
Тагай су се поверну у Прилѣпа града;
Тамъ найдоше Марка Кралевича:
И онъ си гя вѣрно питýеше:
«Та найдосте ли за васъ девойтю,
За васъ девойтю, а за мене прилику?»
Сваки каже све по реду.
И собрали се сватове.
Се пойдоше еденъ дьнькъ.
Ставишесе на поле широко,
Ставишесе до трóи сватове,
До три кума и до три старойтя,
И до три, ми, младе младожени,
И до три, ми, млады байрактары,
И до три, ми, млада девера,
А сватове края броя нема.
Я отóше у Земéна града.

Ка' отоше у Земéна града,
Срѣтоше ги кметове Земенчане,
И срѣте ги майтя на девойтю.
Улезоше у златне тарпезы;
Сѣдóше до трои́ца младожене.
Проговóри Марко Кралéвичъ:
«Да камо вие мое-те слуге?
Я окнете майтю на девойче,
Да опитамъ и да опрашамъ».
И окнýше девойчину майтю.
— «Бога тебе, девойчина мале!
Да ли имашь три младе девойте?»
— «Една си е, и онá да не е».
Проговори Марко одъ Прилѣпа града:
«Ако сакашь, мале,
Да ю давашь яко за юнака,
Да ю давашь за Марка Кралевича;
Ако сакашь яко за прилику,
Да ю давашь Янку одъ Косова;
Ако сакашь яко за иманье,
Да ю давашь кралю одъ Кралева».
Майтя му по тія оговóри:
«Онá не че боякъ да ми біе,
Да удавамъ яко за юнака.
Она не е китка, да забоде за главу
Да удавамъ яко за прилику;
Че удавамъ за млого иманье».
Тагай си излезла майчина девойтя.
Марко си тада по тія оговори:
«Бога тебе, мое-те слуге,
Я окнете и мóя-те слуге,
Да збирамо мои́-те сватове».
Окнуше те Маркове сватове;
Собрашесе Маркове сватове;

И Марко имъ по тія оговóри:
«Бога тебе, мои́-те сватове!
За насъ тука девойтя нема».
Тагай Марко низъ тарпезе излезе,
Та си яну коня шаренога,
Та си стане предъ врата,
И си ока девойчину майтю,
Да опита па-и да опраша.
Дойде девойчина майтя;
Па ю пита Марко одъ Прилѣпа:
«Бога тебе, девойчина мáйтя!
Кой найнапредъ со-съ нишанъ дойдé?»
— «Найнапредъ Марко Кралевичъ».
Сметнý се Марко одъ добрóга коня,
Та улéзе у златна тарпéза;
Та си вану Янка одъ Косова,
Ударáше му еднá шлякави́ца —
Нáкара га три педы у земи;
Я си вану крáля одъ Кралева,
Удари му еднá шлякави́ца —
Нáкара га три педы у земи.
Тагай сѣ́де у златна тарпеза,
Та си сѣдé три дни и три ночи.
Што би законъ, се га прекарáше,
Па подоше друмы да друмýю;
— «Нема ништа майтя-да поýчи?»
Бога тебе, девóйчина мале!»
— «Да немогу ништа да поучимъ:
Кадъ си биде пре сынё-то море
И подувну тія силенъ вѣтеръ,
Да си церсто превезъ держишь,
Че да дувне тія силенъ вѣтеръ,
Та поди́гне на девойтю превезъ».
Я пазила кума господина —

Да га Богъ убіе! —,
Што е майтя продума́ла:
Кага́ е било преко синё море,
Я си дувне тія силенъ вѣтеръ,
Та подиже на девойтю превезъ:
Синю лицé, како ясно сълнце;
Опазило кума господина:
Вати, та обречé на девере
Та обречé едéнъ това́ръ благо,
Да си люби той млада невѣста;
Оны́ молчу [1]), па си снау водé.
— «Бога ви, два ру́сна дéвера!
Да дадете спау да ви любимъ;
Оны мълчу, па си спау́ уводе.
Онъ обрéкоше чéтиръ то́вара благо...
Кага́ си е вечеръ на леганье,
Проговóри гиздава девóйтя:
«Я се окни, кумо господино,
Я се окни троица берберы,
Да обриче тую ру́су браду,
Па тага че лицé да ми́ лю́бишь».
И онó óкну троица берберы:
Обричише ту́ю русу браду —
А она имъ свѣтила,
Та-й у превезъ браду верзувала;
Когá се брада обричила,
Она си е свѣ́чи ду́внула;
Та си вати той тéвне тевни́це,
Та си ойдé при Момчилъ
При Момчалъ байрактарче:
«Богъ помáга, Момчилъ байрактарче!»
А онъ си лежи, не смѣ да устáне,
Алъ на-срѣдъ е казуе:

---

[1]) Sic.

«Богъ те у́билъ, той млада невѣста!
Што си тражишь, невѣста?»
— «Тува ле́га Марко Кралевиче?»
— «Тува ле́га; презъ вода Ситни́ца,
Поды зелёнъ ча́деръ ле́га».
И си стану Момчилъ юнакъ,
— Испрати ю до воду Ситни́цу
И говори:
«Бога тебе, той млада невѣсто!
Я си завій тія свилни скуты,
Та препли́вай той вода Ситница,
Та си право иды подъ зелены ча́дори,
Де-ка спава Ма́рко Кралевиче.
Тамо горѣле двѣ жьлте свѣче».
Та за́сука тія свилны скуты,
Та преплива той воду Ситни́цу.
Ка' оти́де на зелени чадоръ,
Тамо спава Марко Кралевичъ;
Она Марка на легола найде
И го, море, замашкала;
А Марко по тія оговори:
«Бѣгай, курво, предъ коне у ясле»!
И она си ишла у ясле,
Предъ коня у я́сле ле́гла.
Кадъ се рано вазорило,
Я излезла денни́ца звѣздица,
Прогово́ри Марко Кралевиче:
«Ела, курво, сада ми да ка́жешь».
И она тагай стаде, та дойде́:
Нема ништо дума да се дума —
Тако си превезъ одверзала
И си тако косу истресала»;
Марко си тагай сетило:
«Ле́гай, курво, на мое посте́ле;

Я че точимъ той сладке здравице,
Че да идемъ, кума да си канимъ,
Да си путомъ путуемъ».
Она́ си лежи на зглáвницѣ.
Марко яна коня́ шаренога,
Па си прейде́ той воду Ситницу,
Паси иде́ предъ Милошь[1]) байрактарче:
«Богъ помáга, Милошь байрактарче!
Айды, да станы, кума да кáнемо».
Я си стану Милошь байрактарче,
Та отоше, кума да си кане.
Ка' отоше при кума Латина:
«Богъ помага куме Латине!»
— «Добро́, добро́, млады младоженё!»
— «Бога тебе, кума господине!
Што си верзалъ тую ру́су главу?»
— «Ситни су ми зуби заболѣли»;
— «Я самъ здравице наточилъ,
У здравице лѣкове натурилъ:
Очемъ, Бога, главу да оздравимъ;
Я додай ми тую де́сну ру́ку».
Я си дойде тую десну руку,
Предáде му то́й лѣ́па здравица,
И говори Марко Кралевиче:
«Зашто, куме, главу уверзáлъ?»
— «Ситни су ми зубы заболѣли»;
— «У здравице семъ лѣ́кове ту́рилъ,
Очемъ, богме, глáву да излѣкуемъ».
Нема, кума Латина да одверза
Да одверза тую русу главу;
Онъ га вану за десну ручи́цу,
Да предаде́ той златне здравици;

---

[1]) Въ началѣ пѣсни онъ названъ «Момчилъ».

Кума господина оговори:
«Ситне су ми зубы заболѣли,
Та не смѣемъ главу да одвержемъ».
— «Я семъ, кумо, синочка чуло —
У здра́вице лѐкове турило,
Очемъ, богме, да оздравимъ;
Я дай, куме, руку десни́цу».
Кумъкъ да́де руку десни́цу;
Марко га за руку вану́,
И одсѣче му той русу главу.

№ 131.

Село Скрино, Дуннич. окр.; 17 дек. 1879 г. записана со словъ крестьянина Ангела Рыбаря.

(Алватаръ воевода уводитъ жену Марка Кралевича; Марко убиваетъ его).

Ойде Марко на Косово поле,
На краль да с младый помохчія;
Тамо сѣделъ Марко три години.
Дочулъ го с Алватаръ войвода,
Та дошелъ, та му поплѣнилъ дворове,
И залюбилъ му любне-то.
Дочулъ го с Марко одъ Косова,
И се чуди, што да чини,
И попраша чорбаджія си:
«Такова ми е книга дофтасала,
Дека ми е дворове́
Поплѣнилъ Алватаръ войвода
И ми залюбилъ любне́-то».
— И рекалъ му чорбаджія:
«Да си викнешь дванаесе терзіи,
Да сошія руба игуменска,

И да зе́мешь калпакъ игуменски,
Да си ях̆нешь, конё,
Да си ях̆нешь, та да си оти́дешь.
За година бѣше му за мѣсяцъ.
И ойде въ село́-то, па ойде на чешма-та;
Тамо найде моми и невѣсты;
Угледна на една невѣста,
Рече: чія си невѣста?
— Язе Маркови́ца бѣхъ,
А сега на Алватаръ войвода».
— Можемъ ли, да поминемъ я
У ваши-те дво́рове?
— Айде, идеме у наши дворове.
И ойдоа у нойне-те дворове.
И рекла млада Марковица:
«Э ты-зи-ка, церно калу́деро!
Дека найде Маркова-то коня,
Дека найде Маркова-та сабля?»
И рекалъ церно калудеро:
«Марко умре на Косово поле,
Та му земахъ коне́ за опѣ́ло,
Сабля-та земахъ за одгреба».
— Чекай малко, да излезнемъ,
Да прашуемъ Алватаръ войвода:
Можешь ли да поминешь ты тука?
И ойде Марковица да прашуе Алватаръ войвода.
И онъ рече: «нека дойде».
И ойде церна калудера,
Ойде на высоки чардеци. —
И она верза конё у ях̆е́ро,
И го пригерна и здравува:
«Мило ми коньче, добре́ ми дошло,
Оте нема Марко да ми дойде».
Дури плачеше, конё ока

И потече кервь врезъ нея;
И она викна тогай:
«Алватаръ войвóда испусти вино-то»;
Излезна на высоки чардаци,
Погледна на Алватаръ войвода,
А глава-то отсѣчена.

№ 132.

Соф. окр., село Суводолъ; 30 янв. 1880 г. записана со словъ крестьянина этого села Жёты Илкова.

(Марка Кралевича ищетъ его мать).

Майтя Марко по варошь тражила.
Не найде го у бѣли вароши;
Разбрáла го у ладни меаны́;
Когá бидé у ладны меаны́,
Нема Марко у ладны меаны́;
Разбрала го у суи плáднины,
Де-ка гради деветъ заду́жбины,
Калии друми, камени калдерми,
Криви рѣки, те мѣре мостéве,
Вода вóды, одъ деветъ планины,
Чешмы гради по суи планины;
Вода воды, вода не дохóды.
Па говóри нéму стара майтя:
«Фала тебѣ, Марко, моé детé!
Зашто градишь деветъ задужбины?
Даль ги градишь тебе за спомена,
Иль ги градишь мене за проклета,
Иль ги градишь башти за проштенье?»
Одговара Марко добаръ юнакъ:
«Леле мале, леле стара мале!

Ни ги градимъ мене за спомене,
Ни ги градимъ тебе за проклета,
Ни ги градимъ башти за проштенье;
Нель ги градимъ Арватки девойти.
Ние бѣхме триесе юнаци,
Отидох́ме на ладна меана,
Пих́ме вино и пих́ме ракія,
У дружина си чаша посатукна;
Кога́ бѣше рано одъ зарана,
Пойдоа си триесе юнаци,
Тесгетаре порты затвориа,
Редомъ реда редомъ по юнаци,
Редомъ реда, та си чаша тра́жа,
Редомъ реда-редъ клетва да́вае:
Кой се кьлне у бра́та, у сестра́,
А я немамъ у шта да се кьлне́мъ;
Я се кьлнемъ у мо́я-та коня,
И се кьлнемъ у мо́я-та сабля —
Остра сабля-студено́ желѣзо,
Врана коня-кучешка нарана, —
Та не хтеа за вѣра да вана;
Турнаа ме у тевни тевницы,
Та си лежа три година време;
Никой нема кодъ мене да дойде;
Научисе Арватка девойтя,
Ката дена подъ мене доожда,
Ката дена и сака недѣля,
На ручка пребѣло погача,
И на вечера пребѣла баница,
На недѣля пребѣла премѣна;
Па си дума Арватка девойтя:
«Вала тебѣ, Марко, доберъ юнакъ!
Хочешь мене за любе да земешь;
Че да лах́амъ одъ башта ключеве,

Че отворимъ той тевни тевници,
Че те пуштимъ низъ тежки зендани».
И Марко ю по ти оговóра:
«Вала тебѣ, Арватко девойтё!
Ты ме пушти низъ тежке зендани,
Я чемъ тебе за любе да узмемъ».
Везéла е одъ башта ключéве,
Отворила той тевни тевници,
Опуштила Марко-те юнака,
Пуштила го низъ тежки зендани.
Пойдé Марко, дóма да си иде;
Онá пойде со-съ него да иде.
Пойдé Марко презъ поле широко;
Останáла Арватка девойтя;
Проговори Арватка девойтя:
«Вала тебѣ, Марко, доберъ юнакъ!
Чекай, Марко, я съ тебе д'идемъ;
Ако нечешь за любе да семъ ти,
Ты ме воды робыня да самъ ти;
Ако нечешь-робыня да самъ ти,
Ты си верни, па си ме погýби»,
А Марко се токо чудомъ чуди —
Да я воды за лю́бе да му е,
Со-съ него чеше га дружина да си бія;
Да я воды-робыня да му е,
Па дружина ше га да си бія:
«Да нéма ли бугарка девойтя,
Та я везелъ арватка девойтя»;
Па се Марко токо чудомъ чуди:
Па си тегна сабля димискія,
Та погуби арватка девойтя,
Погуби е на равни́ дрýмове.
Проговóри Марко доберъ юнакъ:
«Леле мале, леле стара мале!

Ка' ме родишь, што мене поро́ри?
Яли брата, яли мила сестра?»
Я майтя му по́ ти огово́ри:
«Фала тебѣ, Марко, мое дете!
Ка' те родихъ, а я те поро́дихъ,
Породихъ ти брата Андреяша;
Амо дойде Челединъ войвода,
Занесе го на Латина града».
Я Марко го по ти огова́ра:
«Клета да си, моя стара мале!
Клета да си и про́клета да си!
Што не кажешь оште одедавна?
Да си идемъ брата да си тражимъ,
Да си тражимъ брата Андреяша».
Па подко́ва си нодзе у подкови,
Па облече той дервишки дреи,
Направи се лу́да дервишина;
Па си вана Шарга по себе-ка,
Та си хо̆ды одъ града на града,
Та оти́де у Латина града;
Па питуе латински читаци:
«Вала вие, латински читаци!
Де-ка има вино за желтица?
Я да піемъ и конё да поимъ».
Я о́ни нему по ти огово́ра:
«Фала тебѣ, лудо дервешино!
Тука нема вино за желтица,
Тука има младо Андреяшо,
Оно́ дава вино на облога:
Ты да піешь и коня да по́ишь».
Я Марко по ти огова́ра:
«Фала вие, латынсци читаци!
Де-ка са си негови дворове?»
Говореа латынсци читаци:

«Фала тебѣ, лудо дервешино!
Негови са яко лични дворы,
Се дуаре одъ юначки глави,
Я подпоры одъ юначки нодзе;
Нему дворы на-срѣдъ на Латина».
Кога́ ойде́ Марко доберъ юнакъ,
Та си найде Андреяши дворы;
Почукналъ е на пребѣли порты;
Излезнала Андреяши либе;
Говораше Марко доберъ юнакъ:
«Фала тебѣ, Андреяши либе!
Да дадете вино за желтица,
Я да піемъ и конё да по́имъ».
Я она́ му по́ ти огово́ри:
«Вала тебѣ, лудо дервишино!
Тува нема вино за желтица,
Тука има младо Андреяше,
Оно дава вино́ на обло́га—
Ты да піешь и конё че по́ишь».
Улезналъ е Марко у дворове,
Та си сака вино́ за желтица:
«Фала тебѣ, младо Андреяше!
Да ми дадешь вино за желтица».
Андреяша по́ ти огово́ри:
«Да си давалъ вино за желтица,
Сва би града злато позлатило;
А я давамъ вино́ на обло́га—
Ты да піешь и конё да поишь».
Ка' сѣднаа до-двама юнаци,
Направиа голѣма облога:
Марко даде ко́ня изъ-подъ себе,
Андреяше свое первнолибе,
Да си піятъ двѣ недѣли дена,
Да си піятъ да си незадрематъ;

Когѐ напредъ дремка че одреме,
Онъ че дадé голѣма облога».
Ка' се пили денъ-недѣля дена,
Андреяше дремка одремала —
Заспало е младо Андреяше;
Провикна се Андреяши либе:
«Фала тебѣ, лудо дервишино!
Че ме вóдышь у Прилѣпа града,
Тамъ я имамъ, бре, Марка девера,
Онъ че мене одъ тебе да отме».
Проговóри Марко доберъ юнакъ:
«Стани, млады Андреяше!
Просто да е голѣма облога;
Днеська пресвета недѣля,
Стани, Бога да молиме,
Стури капа, Бога да мóлиме».
Когá станá младо Андреяше,
Па му дума Марко добаръ юнакъ:
«Справи коня Тютурана,
Да идеме на наши дворóве;
Да си идешь майтя да си видишь».
Справи коня младо Андреяше.
Уяхнаа два добры юнаци,
Уяхнаа до два добры кони́:
Марко яхна коня Шареяна,
Андреяша коня Тютурана;
Та пойдоа презъ Латина града,
Презъ Латина по тѣсни сокаци,
Калдермé изъ темель вертéа,
А терамиды у небеса верчá,
Со-съ колпаци чандіи собаратъ.
Говóраа Латински читаци:
«Фала вама до двама юнаци!
Не зорете ваши добре кони.

Излезнете у сува планина,
Та ше́тайте по сува пла́нина —
Кой понапредъ вода че поса́ка».
Ка' шетали до двама юнаци,
Андреяша вода ожеднѣло,
Па си дума младо Андреяше:
«Фала тебѣ, Марко мили брате,
Че си бодемъ коня изъ-подъ себе,
Млогу са ми жеди зажедѣли,
Че си піемъ конски церни́ керви».
Я Марко му по ти огова́ра:
«Фала тебѣ, младо Андреяше!
Не боди си коня изъ-подъ себе,
Да си піешь конски церни керви,
Нело иди у гора зелена́:
У гори́ца-потайна меа́на,
На меани Мара меанджійтя;
Она дава вино́ за желтица,
Ты да піешь и коня да по́ешь;
Кога́ ойдешь у го́ра зелена
У горица на ладна меана,,
Ты-зе, младо, одъ коня не слази,
Че е Ммра многу дяволита»,
Бога́ ойде́ младо Андреяше,
Кога́ ойде́ презъ горы зелены,
Оддалекъ го Мара согледала,
На х̔айдуци по ти огова́ра:
«Фала вие, шесдесе х̔айдуци!
Какво лудо презъ горица иде:
На глава му безцано каменье,
И си ях̔налъ коня Тютурана».
Дори она́ дума продумала,
Пристигнало младо Андреяше.
«Фала вие шесдесе́ айдуци!

Да фанете незнана делія,
Да земетё безцано ка́менье;
Мене дайте безцано каменье,
Да платите, што сте си испили,
Што сте пили на ладны меаны».
Кога́ приде́ младо Андреяше,
Па си сака вино за желтица:
«Фала тебѣ, Мара меанджійтя!
Да ми дадешь вино за желтица —
Я да піемъ и ко́ня да поимъ».
Прогово́ри Мара меанджійтя:
»Фала тебѣ, непознанъ юначе!
Я да давамъ вино́ за желтица,
Сва би го̀ра злато позлати́ла,
Нело давамъ вино на облога —
Ты да піешь и коня пое́шь;
Да си слезнешь одъ добра-та коня,
Да улезнешь у ладна-та меана,
Пій си вино́, колико си сакашь».
Слезнало е младо Андреяше,
Улезнало у ладна меана:
У меана шесдесе́ х̓айдуци,
Си-те са му на́ подзе́ станали,
И въеднагъ го у руцѣ фанали
И руса му гла́ва одрѣза́ли.
Пиле пиште изъ-подъ ясно небо:
«Дигъсе, Марко, да бих̓ се не дигалъ»!
Марко заспало у Доспадъ-пла́нина,
Въеднага е на подзе рипнало, —
И уях̓на́ коня Шареяна;
Та си тергна́ огня́на камджія,
Та удари Шарко по гербина:
Литна Шарко презъ гора зелена,
Та одлете на ладна меана;

Верза Шарка на мала-та врата,
Самъ улезна одъ голема врата;
Улезналъ е у ладна меанá,
Извадилъ е сабля зглобовница,
Завортесе налѣво-надесно,
Та погуби шесдесé х̔айдуци;
Итра била Марка меанджійтя:
Подврела се Шарку подъ копито,
Та бѣгала у росно ливадье.
Уях̔на си Марко, добаръ юнакъ,
Уях̔на си Шарко узобенъ,
Па си тергнá огняна камджія:
Ка удари Шарка по гербина —
«Де? да найдешь Мара меанджійтя!»
Я Шарко му по ти оговáра:
«Цверсто, Марко, на мене-ка держшьсе!
Я че найдемъ Мара меанджійтя;
Э, каже, у росно ливадье».
Литна Шарко презъ поле широко,
Та отиде у росно ливадье;
Фаналъ е Марко Мара меанджійтя,
Тергналъ си е сабля зглабовница,
Да посѣче Мара меанджійтя;
Онá му се вѣрно примолила:
«Немой мене, Марко, да посѣчешь!
Че оздравимъ младо Андреяше:
Каквó бѣше, поболье че стане»;
Па отидé у гóра зелена,
Та набрала трѣва лѣковачна,
И наточи вода лѣковачна,
Окепала млада Андреяша:
Какво било, поболье станало.

№ 133.

Трен. окр., с. Бабица; 24 ноября 1879 г. записана со словъ **Арангела Дойчинова**.

(**тоже**).

Тражи майтя Марка юнака.
Тражи майтя него у горне мене,
А найде га дольне меане:
Марко пiе со-съ брайтя, со-съ дружина;
У дружина чаша погинула,
Меанджiйтя чаша тражи у дружина—
Кой се кьлне у брата, у сестра,
Я Марко се кьлне у коня шареного,
И кьлне се у сабля ржавица;
Я Марко дружина невѣрче:
Тако д'[1]) Бога, Марко Кралевиче!
Зашто си кьлнешь у коня шареного,
У шаренога коня и у сабля ржавица?
Конекъ си е пчешко месо,
Сабля си е желѣзо студено!
Марко си паде у невѣрось.
Па се Марко завика,
И сьлзе рони низъ бѣле образье.
Па си вану коня Марко Кралевиче,
Та си уойде дома на дворове.
Сегледа га негова-та майтя:
«Тако д' Бога, сину Марко!
Зашто одышь по дворъ —
Бѣле сьлзе ронишь,
Бѣли персты кьршишь?»
Проговори Марко Кралевиче:

---

[1]) т. е. тако ти.

«Вала, мале остарѣло!
Ка' ме роди, што ме не породи?»
— «Породи́ ты сина Андрея́ша,
Ама га су Турци закара́ли».
— «Даль е, мало, далекъ, иль е близа?»
— «Ни е, синко, далекъ, ни е близа:
Одъ вечера коня да посправишь,
За́рани рано да подра́нишь —
Да си рано подранишь,
Рано коня да назо́бишь,
Да си отидешь презъ поле широ́ко,
Рано че стигнешь тамо;
Че найдешь Ана меанджійтя,
Она че ты каже, сину, Марко».
И оно си е одвечеръ коня́ посправи́ло,
Зарани си е, рано подрани́ло,
Па си я́ну ко́ня шарено́га:
Тури лѣву ногу у зенгія,
Доръ да тури десна нога у зенгія,
Оно се отиде презъ поле широ́ко,
Та си дойде при Ана меанджійтя:
«Помози Богъ! Ане меанджійтя!»
—«Далъ Богъ добро, непознанъ деліё!»
—«Очешь мене да давашь вино немѣрено?
Да ти давамъ паре неброене».
Она му дала вино немѣрено,
Онъ ю дава паре неброене:
«Тако д' Бога, Ане меанджійтя!
Дали има одъ мене по-юнакъ?»
— «Тако д' Бога, Марко Кралевиче!
Има одъ тебе по-юнакъ-братъкъ Андрея́ша».
— «Даль е да́лекъ, иль е бли́за?»
— «Да отидешь презъ поле широко,

Че да видишь Андреяшины дворы:
Андреяшины куле́ направене со-съ юначке главе,
А негови дворы направены со-съ юначке руке
И омазане со-съ юначке кърве.

№ 134.

Г. Радоміръ; 2 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Петрунова Моакискаго.

(Марко убиваетъ Динче Арнауче, ограбившаго его дворы).

Марко кани ора и гра́дове,
И покани до деветъ кра́ины,
И покани́ до деветъ кралёве,
И покани́ до деветъ крали́цы,
Салъ некани Динче Арнауче.
Дума дума Марково-то любе:
«Како кажатъ тія добры гости,
Млого сладки Маркови-те гозби,
Салъ да има рыба одъ Ори́до
И ракія одъ Демиръ-капія».
И Марко си дума продумуе —
Продумуе на негово любе:
Посправи ми коня Шаргови́та,
Че да идемъ, да си донесемъ
Рыба одъ Орида и ракія одъ Демиръ-капія». —
Бутна́ ко́ня Марко Кралевико,
Та го бутна́ низъ поле широ́ко,
И настана низъ тесны клисуры;
У срѣшта му Динче Арнауче:
«Добра срѣшта, непознанъ деліё!»
— «Далъ Богъ добро, непознанъ юначе!»
И Марко се малко изместило,
И си веднагъ на коню продума:

«Това си е Динче Арнауче.
Како мие сега да пра́виме?»
И про́дума ко́ня Шарговита:
«Я ме верни мене назаде-къ».
И Марко е ко́ня послуша́ло,
И си верна́ коня Шарговита;
Какъ си верна́ коня Шарговита,
И достигна́ Динче Арнауче:
«Добра стиджа, непознанъ деліё!
— «Далъ Богъ добро, незнане юначе!
«Каде́ си конё уберзи́ло?
И Динче му тогай продумало:
«Че да идемъ на Марковы дворы»
— Зашто идешь на Марковы дворы?»
— Че да идемъ, дворы да му похарамъ,
И госке да му погубимъ».
И Марко се заплакало;
А коня́ го допитало:
«Зашто платьешь Марко Кралевико?»
И Марко му дума продумуе:
«Како́ да не плачешъ?
Че си ойде Динче Арнауче,
Че си ойде на мои дворове
Дворы оче да ми похара,
И госке оче да ми убіе».
И тогай си коню продумуе,
Продумуе коню Шарговиту:
«Слушай мене, Марко Кралевико!
А си верны, да го дости́гнеме».
Бутна́ ко́ня Марко Крале́вико,
И достигна Динче Арнауче:
«Язе не семъ непознанъ деліе,
Нело семъ Марко Кралевико».
Въеднага одъ коня се стурия:

Една́ страна кончета се бія,
Друга странъ юнаци се бія;
И ё одвиль коня Шарговита,
И накаралъ на Динче Арнауче ко́нё,
Накаралъ го тридеветъ лакти у земи;
А преверналъ Динче Арнауче,
Преверналъ Марко-те юнака;
И си дошелъ коня́ Шарговита:
«Леле, Марко, мои́ чорбаджіё!
Я си бъркни у десна-та чижма,
Та извади ноже́ потайниче,
Та го муши у клето-то серце».
И Марко е ко́ня послуша́ло,
Та извади́ ноже́ потайниче,
Та го муна у клето-то серце.
Тогай Марко-ти продума коня,
Продума коня Шарговита:
«Я се ме́тай мене на ра́мена!»
И Марко е ко́ня по̀слуша́ло;
Бутнало го низъ поле широко,
И си ойде до Орида града —
Земало е рыба одъ Орида
И земало е ракія одъ Демиръ-капія,
Па-й се однесе на негови дворы,
И си піе вино одъ три го́динъ,
И си піе лютица ракія,
И казуе негови дружина:
«Што-то бѣше Динче Арнауче —
Бѣше пошло́ на мои́ дворо́ве,
Дворы да ми поара,
И госке да ми убіе;
Алъ него семъ я погубилъ
Со-съ ноже-то пота́йниче.

№ 135.

Вран. окр., на границѣ съ Лековскимъ, с. Мачкатица; 3 марта 1880 г. записана со словъ Иліи Николина.

(тоже).

Темби чини цара Сулеймана:
Да не иду по Стамбола града,
Да не иду ти добры юнаци,
Да не пречу сабле по меане,
Да не пію вина и ракіе.
Той негледа Марко Кралевиче;
Но си иде по нова пазара,
И си пречи сабля по меане,
И си піе вино и ракіе.
Той согледа царе Сулеймане,
Па, ми, вика по нова пазара:
«Кой се найде юнакъ у мейдана
Да погуби Марка Кралевича,
Да дашчю му пóла мое благо».
Никой не би се нашéлъ;
Туй се найде Гине Арнауче,
Та уяне тенко Бедовіе,
Право иде у меана нова
И казуе:
«Чуешь мене, Марко Кралевиче!
«Ты изиды овамо мейдана —
Оче мие мейданъ да дѣлимо».
Ту изиде Марко Кралéвиче,
Па увати Гине Арнауче —
Обѣ му е руке излóмио,
А ние го свóга погýбио.

№ 136.

Село Верба, Радомірскаго окр.: 30 ноября 1879 г. записана со словъ Мины Стоянова.

(Янко юнакъ освобождаетъ Марка Кралевича, взятаго въ плѣнъ Турками въ Охридѣ).

Поканилъ Марко това добра гость:
Седемь краля одъ седемь крáины
И три владыки одъ три краины;
Си-те крали поканúло
Пай си-те дойдó,
А найпослѣ дойде кралица довица.

И сѣднали у чесны тарпе́зы.
А кралица маана нашла:
«Добаръ Марко добаръ госба прави,
Добаръ госба за гладны юнаци,
Добро вино за піяны жены;
Оти нема ракія
Одъ Демиръ-капія,
Оти нема рыба
Одъ Орида града?»
И тогай си Марко слютилъ,
И уяна Шарца добра коня,
Та отиде на Орида града,
Да си тражи рыба одъ Орида;
А тамъ го су Турци уловили;
А онъ си лѣпо имъ измолюе:
«Опуштете ми тая десна рака,
Да испишемъ тое бѣло книже,
Да попратимъ на моя-та майтя,
Да се майтя на сына не нада».
И тогай се Турци несвѣстили:
Опуштили тая десна рака;
И исписа Марко тая бѣла книга,
Та я прати на негови шура,
На юнакъ Янко Ко́совче;
И я пратилъ по сиво соколе,
Ошь побърже Янко да приде.
И соколе тамо оти́де,
Даде Янку книже да пречати.
Чети книже Янко Косовче,
И него со сьлзи оми́ло.
И въ еднага Янко яна
Яна коня Пелифана,
И отиде на Орида града.
И тогай се Турци нарипа́ли,

Та му даю това руйно вино.
А оно си вино не пріима,
Нель извади то́я остра са́бля;
Та погуби Турци яньичари
И па Марко думу издумае:
«Да не може ли съ брайтя да піешь,
Нель си піеша съ курви и съ геділ?»
— И тогай е Марка одвезало. —

№ 137.

Сло Верба, Радомірск. окр.; 29 ноября ноября записана со словъ того же крестьянина.

(Король Вукашинъ не зоветъ на пиръ Марка Кралевича и Грую-дитя).

Поканиле[1]) краля Вукашина,
Уканиле[2]) сичке околи́не,
Салъ не кани́ль Марко-то юнакъ
И неканиль Груё малко дѣте,
Дека су се многи пьяници
Вино заодили, у ракія незна́яли,
А на ноже́вс дюрсячіи,
А на коне́ бинекчіи;
Оттова не хтѣлъ да ги кани.
Аль си иде Груя малко дѣте:
«Леле, уйте, леле Марко!
Поканиль е краля Вукашина,
Поканиль това́ добро́ госбе,
Салъ не каниль мене и пай тебе;
Айде, д'идемо ни каниты, ни фризены.
А яна́ли тія добри кони,
Та отишель краля Вукашина.
Излезнало това добро госте,

---

[1]) Т. е. поканилъ е.
[2]) Тоже.

Та срѣшнало Марко-то юнакъ,
Да му земе Шарца добра ко́ня,
Да го земе, да го шетатъ;
А онъ имъ говори:
«Онъ е ученъ-самъ че шета«.
Па си сакая Грую детенце,
Да шетая конче троегодче;
А онъ имъ говори:
«Не ватайте конче троегодче,
Че го учи учива конь».
И сѣднали чесны тарпе́зи:
Слуга имъ е Роселинъ девойтя;
Редомъ чаша служи;
Редъ дойде до Груя детенце,
А него е подминала;
А оно имъ говори́ло:
«Чуете това́ добро́ госте!
Имате ли облокъ за девойка?»
А о́ны му гово́ря:
«Има, та како́ не́ма —
Ту е Біоръ-планина,
Еденъ езеръ има и пай не́ма,
Други езеръ има и пай не́ма,
Трети езеръ дьрво езерливо,
У дьрво-то до три златны ябуки;
Кой то може, да та ябука одкине,
Онъ че земе Руселинъ девойка».
— Въеднагъ рипна Груя детенце,
Да посправя конче троегодче;
А му Марко дума:
«Я си карай моя Шарца
Шарца-добра коня;
Онъ ишель, онъ че те води, —
И што дума, него да слушашь».

Кадъ си ойде на бистро озеро,
Па му-нему дума:
«Леле Шарцо, леле добро коню!
Да ли я ябука да кинемъ,
Ели дерво да ва́димъ»?
И онъ му-нему говори:
«Ако можешь, дерво извади».
И она е де́рво извади́ло,
Извадило-побѣгнало.
Излезнали до три вили-самовили,
Самовили тія яшни ку́чки;
Па ему една́-та ока:
«Я постой Груё дете!
Я ти дадемъ тая златна форма».
А оно си па отбѣ́гло.
Одока го дру́га ку́чка:
«Э, ме чекай, Груё детенце!
Че дадемъ та́я златна тепсія,
У тепсія златне пилишта[1])».
А оно́ си па отбѣ́гло.
Па му третя ока кучка:
«Я почекай, Груё-малко дете!
Я дадемъ та́я златна софра,
На софра́ това безцани камени:
Кадъ вечерашь, сами́ те да свѣта»;
И она му ко́ня позапре́ло.
Стигнаа него три вили-самовили,
Тамъ су мрѣжю упле́ли;
А конёкъ му по́-ти огово́ри:
«Изведъ това остра сабля,
Та ю пушти меджи предни нозе,
Да исѣче тая ситна мрѣежа,

1) птички.

Умѣри-то у клетно серце,
Да се сетимъ за младиётъ вака-тъ».
— Уритни га у клето серце,
Та излетѣлъ у поле широ́ко
И изнекалъ до три вили-самовили.
Па му конё по́-ти оговори:
«Чуешь мене, Груё дете!
Я си вежи до три самовили,
Двѣ си вежи мени за зенгіи,
Третя вежи мени за опа́шка».
Па одлете у кралевы дворы,
И е побиль[1]) това́ златно де́рво,
И везаль е до три вили-самови́ли;
А они се чудомъ почудили,
Какви юнаци отидоа,
Никой неможе да се пове́рне;
А това е Груё дете:
Довело три ви́ли-самовили
И зема́ло Руселинъ-девойтя,
Та земало си за любе.

№ 138.

(Загорье) Берков. окр. с. Чипоровци (Турлаки); 20 февр. 1880 г. записано со словъ Симы попъ-Маркова.

(Марко отыскиваетъ своего брата Андрея).

А собралисе дванаесе деліе,
А дванаесе деліи-све добры юнаци
А ю Стамбола града голѣма, *(повторяется).*
Ю ладне меане,
А то пію́ а това́ руйно вино;

[1]) Т. е. *всадилъ въ землю.*

А наймладо меанджійче
Това руйно вино служише —
А руйно вино служише,
А съ чашка злата, позлащена;
А штукнала е чашка позлатена
А между́ двана́есе добры юнаци;
А задирало е младо меанджійте
А задирало чашка позлате́на —
А кой, ми, се кьлне у брата,
А у милу сестру,
Я Марко доберъ юнакъ — у коня Шаркалію,
У коня-ки́село месо,
И се кьлне Марко доберъ юнакъ
А ю саблю мегданлію;
Сви добры юнаци Марку подсмиваю,
Че се кьлне Марко у коня Шаркалію
И се кьлне у саблю мегданлію:
«А ю нега е чашка позлатена!
А за това́ се Марко кьлне
У коня Шаркалію и у саблю мегданлію»
А Марку, ми, се много нажалѣло:
А изведе́ ко́ня Шаркалію
А та па усѣ́де коня Шаркалію́
А та па, ми, Марко отиде,
Отиде кодъ майку дома.
А та па се Марко мо́ми прови́кна:
«А чуешь ли мене, старо майчице!
А кага́ мене, мамо, роди,
А заште ме, мамо, не породи́ —
Я брата, мамо, да имамъ,
Я и сестру, мамо, да имамъ?»
— «А мама те, сине, породила:
И ты, сине, имашь младо Андреяше,
А и си имашь сестру Петкану;

А когá бѣше, сине, первня размúрица,
А тегай су ги мали заробúли;
А да диришь, сине, брата Андреяшу
А да диришь у Невенъ града голѣ́ма,
А да диришь сестру Петкану
Ю Дуката града голѣ́ма».
А и онó си стегна коня Шарканлія,
А юдарú му сѣдло позлатено,
А па, ми, отúде у Невенъ града голѣ́ма;
А ю срѣчу му млáда девойка;
А Марко си думу продумáло:
«А де-ка вóда за піенье?
А или да има вино за піенье?»
А она му дума продумала:
«Ту-ка вино за піенье,
Ту-ка нема вода за піенье;
Само има на едно мѣсто
На едно мѣсто вино за піенье,
И онó на облóгъ да го піешь,
А съ пары нема да го кýпишь».
А, ми, Марко пита:
«Де-ка е тóва вино,
Што на облогъ да піемъ?»
А мома дума проговори:
«Ту-ка има вино за піенье,
Ту-ка има младо Андреяше?»
— «Де-ка сѣди младо Андреяше?»
— «Разиграй коня Шаркалія,
Разиграй низе тевни чаршіе;
Де-ка найдешь порта позлáтена,
Тамо сѣдыʹ младо Андреяше».
Намѣрило Марко порта позлáтена:
Шь(=съ) чизма біе порта позлáтена,
Порта, ми, се изъ темель круте.

Излезна́ло Андреяшево-то либе:
«Што работышь незнаны деліё?
Та, ми, біешь порты со-съ чизмы
И си изъ темель крутешь?»
— Ту-къ ли сѣды́ младо Андреяше?»
— «Тука сѣдь́ младо Андреяше;
Амо ту-ка нема сега».
— «Али има ви́но за піенье»?
— «Има вино за піенье:
За облогъ да піешь,
Съ пары нема да ку́пишь».
Изведе га на висо́ки ча́рдаци,
Па изне́се то́ва руйно вино.
Па си пита Марко добаръ юнакъ:
«Али знаешь дали има Андреяше
Да ли има младо Андреяше брата?»
— «Има брата Марко, доберъ юнакъ,
Амо га незна́е».
Продумалъ е Марко, доберъ юнакъ:
«Я самъ Марко Кралевитье!» —
Марко и неговъ братъ Андреяше
Голѣма́ су весела́ направи́ли;
Младо Андреяше сака,
Да си иде съ Марко, добаръ юнакъ,
Да иде, майку да ви́ды.
Излезнаше на поле широко.
Продумало младо Андреяше:
«Тако м' Бога, Марко, добаръ юнакъ!
Айде, да правимо юначки юришь —
Да видимо, кой е по-юнакъ?»
Марко, ми, е продумало:
«Да правимо два брата юначкигоришь!
Кой виды, че ны завиды,
Кой чуе, че се зачу́ды —

Два брата юначки юришь да правя!
Нело чеме настане Димска пла́нина:
Тамо нема вода за піенье,
Тамо нема вино за піенье;
Три дни че одымо и три ночи,
Нигде сѣньтя нема за сѣ́денье;
Тамо че видимо-кой е по-юнакъ».
Настана́ше Димска-пла́нина;
Та си оде три дни и три ночи;
Млого, ми, се Андреяше младо
Млого за воду до́сади:
Извадило влашко ножленце,
Та си коня бодеше,
Та му кервь піеше.
Продумалъ е Марко добаръ юнакъ:
«Небоды́ коня ранена,
Непій туя конску кервь;
Нело ту-ка има дълбока падина:
У пади́ну-ту има ладна меа́на,
И тамо има Мара меанджійтя,
Тамо има вино за піенье».
Настанаше дълбока пади́на;
Разсѣдлаше тія добри ко́ни;
Та си леже Марко да по́спи;
Я младо Андреяше отиде на ладне меа́не:
У меане четыресъ юнаци сѣду́;
Како́ улезе мла́до Андреяше,
Така му гла́ву отсѣ́коше.
Сънъ сенуе Марко доберъ юнакъ:
«Излезне́ше три люте зміе,
Та уапаше младо Андреяше»;
Ка̑ се рыпне Марко добаръ юнакъ,
На́ уста му огень ферина́ло;
Та отиде́ на ладну меану:

«Камо младо Андреяше?
Мара меанджійтя думу одговара:
«Ту-ка младо Андреяше не е доодило—
Ова е годинъ девета,
Како ту-ка не е минуло».
Ка' улезе Марко, добаръ юнакъ,
Ка улезе ладне меане,
Тамо найде мертво Андреяше;
Та истерже Марко саблю мегданлію,
Та погуби четыресъ юнака.
Останала Мара меанджійтя;
Онъ ю фати за русу косу:
«Че ти рѣжвмъ русу глáву,
Ако недашь младо Андреяше».
Продумала Мара меанджійтя:
«А почекай Марко, доберъ юнакъ!
Да донесемъ живу вóду,
Да полéемъ младо Андреяше,
Да оживѣе младо Андреяше».
Ка' донéсе Мара живу воду,
Та, ми, полье младо Андреяше,
Та оживе младо Андреяше.
Тагай Марко добаръ юнакъ
Одрѣзало ю главу
И па-й приказало:
«Ты си млого юнаци загубила,
Сега я тебе да загубимъ».
Та усѣднаше оба брата,
Та усѣднаше тія добры кóни,
Та отидоше майти на дворóве.
И си видé майтя млада Андреяша.
И какó ю майка виде,
Въеднагъ му душá испадла.

№ 139.

Трен. окр., с. Бабица; 22 ноября 1879 г. записана со словъ Божиля Янкова (тоже).

Собрáшесе седемдесé юнаци,
Собрашесе на лáдне меáне,
Да си пію те рýйно винó;
Слуга имъ Дюрде-Еленъ девойтя;
Редома е чáша предавала;
Сви юнаци чаша приванали;
У юнаци чаша погинула;
На юнаци клéтва че давая —
У когá е чаша погинула?
Кой се кълне у брата, у сестрá;
Марко нема у штó да се кълнé:
Онъ се кълне у сабля димескíя
И се кълне кóня шаренóга;
Марку си клетва неванáло —
Марка си беля́ обѣдила;
Марку си върло нажалѣло,
За правину беля́ обѣди́ло.
Марко яха кóня шаренóга,
Та че да иде на негóви дворóве,
Да си питуе туя стару майтю —
Дали има, да е породила
Я братъ, я сестру?
Дошелъ Марко на свои дворóве
И питуе свою стару майтю.
Я майтя му по тію оговоре:
Да ты имаше братé Андреяше—
«Когá бѣше първня разми́рица,
Тагá я младо заробише,
Заробише и га закарáше,

Закараше га камъ-то истоку».
Че иде Марко да си брата тражи.
Отишéлъ е на ладне меáне,
Тамо има Неда меанджійтя:
«Помодзъ Богъ, Неда меанджійте!
Я изнеси еденъ чеберъ вино —
Я да піемъ, кóня да напóимъ»;
А онá-си емý по тія оговáри:
«Слезни, брате, у ладне механе,
Ты да піешь и кóня да напóишь;
Марко Неди говóраше:
«Де изнеси́ на дворъ вино —
Я до піéмъ, коня́ да напóимъ:»
Неда си изнела чéберъ винó:
Марко пило и коня́ напоíло.
Па си слезе Марко Кралéвичь,
Та улезне у ладне механе:
Ка' улезна у ладне зевници́,
Тамо нáйде шесдесé айдýци,
Тамо нáйде на брата глáву
На братъкъ Андрея́шь;
Та си айдуци́ игрáю ти́тру;
Айдуци му по тія оговоре:
«Бога тебе, непознанъ деліё!
Сѣди малко, ви́но да піéмо»;
А онó си има по тіе оговоре:
«Че ви играмъ калуджерско óро».
Поигрáло калýджерско óро,
Завьртело саблю нáлѣво, нáдесно,
Та посѣкло шесдесé айдýка;
Па си вана Неда меанджійтя:
Намаза ю са-съ катранъ
И запали Неду меанджійтю;
И си сѣдé три дни и три нóчи;

Зе си пи́ло и па-и руча́ло,
А Неда му све свѣчь свѣти́ла.
Па си узе Марко Андре́яши гла́ву,
Та ю тури у зобни́це
И одне́се на негови дворы
При туя стару майтю;
Па исока туя стару майтю:
«Леле майте́, леле старо мале!
Я излезни, да видишь —
Тая ли Андреяшева глава?
И изле́зла тая стара майтя:
Имало Андреяше имало
Златно влакно́ у главу́-ту.
Та познала стара майтя
Тія Андре́яшина глава́.

№ 140.

Село Бабица, Радомірскаго окр.; 22 ноября 1879 г. записана со словъ Божиля Янкова.

(тоже).

Пію́ вино трои́ца дружина:
У дружину чаша погинула;
На дружина се клятвина пада:
Кой се кьлне у брата, у сестру́,
Яли Марко нема́ ни брата ни сестру́—
Не му се чаша предѣлила;
Та си платиль чашу у дружина,
Па си ойде при негову майтю,
Пи на майтю по ти оговори:
«Ка' ме роди, шта ме породи —
Яли брата, яли милу сестру?»

Одговори майтя на сина-си:
«Леле синко, леле Марко!
Ты си имашь брата Андреяша,
Малечкога ю Турци заробише,
Заробише и па откараше».
— «Леле мале, моя стара мале!
На ку́де га мала закараше?
Да ли откуде сълнце изъоди,
Или одека запада?»
—«Одкараше га мала камъ по истоку».
—«Дали, мале, нешто нишанъ има?»
—«Има, синко, да како́ си не́ма:
На́ ногу га свиня́ уапала:
На главу му до три златна влакна».
Яну коня́ Марко Кралевичъ,
Да си тражи брата Андреяшу;
Та на́стану презъ горе зеле́не:
Два дни оды, воду не нао́ды;
Па си найде́ той ладне меане́
И отиде́ вино́ да си піе́;
Сипа́ вино́ млада меанджійтя —
Вино піе Марко Кралевичъ;
Питала за млада меанджійтя:
«А чуешь мене, непознанъ деліё!
Дали знаешь Марка Кралевича?
Мой стопа́нинъ-онъ е Андреяша,
Онъ си има брата Марка Кралевича,
Одъ нега се юнакъ по-не-мало».
Тагай рипи Марко Кралевичъ:
Держи чизму, та му съобу —
На но́га га свиня́ уапа́ла;
Держи калпакъ, та му калпакъ стури —
На главу му до три влакна златна;
— «Да ты се си, брате Андреяшю?»—

— «Да я самъ-си, Марко Кралевичъ».
— «Айде, брале, при майтю да идемо».
Седѣли су, та су вино пили —
Вино пише три недѣли дена. —
Та-й пойдоше предъ майтю да иду.
Андрее водицу ожедненъ:
«Леле, брале Марко Кралевичъ!
Чу да бодéмъ коня́ съ-подъ себе,
Че да піемъ тіе церни керви»;
А Марко му таде продумало:
«Немой, брате, коня́ да си бóдешь;
По-тамъ има айдучке меане:
Терчи тамо вино да си піешь».
Отидé да си піе винó;
Тамо има до деветъ айдука:
Искочише до деветъ айдука,
Та срѣтнуше брата Андреяша —
Сви-те деветъ по чашу дадóше;
Испилъ си е Андреяша до деветъ чаша,
Па улезне у ладне меане;
Посѣкоше брата Андреяша;
Почека га Марко Кралевичъ,
Па си нема Андрея да дойде;
Бутну коня Марко Кралевичъ:
Како отиде на ладне меане,
Тамо сѣди млада меанджійтя,
Она сѣди — бѣле сълзé рóни;
«Помозъ Богъ», младо меанджійтё!
Имашь ли си вино, за піенье?»
— «Имамъ, да кудé не имамъ;
Слезни да си малко вино піешь,
Люби мене, колико ти драго».
Кадъ си слезе Марко одъ Шарца-си,
Та улезе у ладне меанé и види:

Погинулъ е братъ му Андреяша;
Извадиль е тая остра́ са́бля,
Та посѣче до деветъ айдука;
Па улови младу меанджійтю,
Умаза ю у катрану и у восакъ;
Па си узе́ гла́ву и трупину,
Застави си брата Андреяша —
Како си бѣше, пакъ тако стана́;
Тагай запалише младу меанджійтю:
Она гори, оны вино́ пія.
Пише вино три дни и три ночи. —

№ 141.

Село Батеновци, въ 6-ти верстахъ отъ города Радоміра; 26 ноября 1879 г. записалъ со словъ старика Анты (Антона).

(тоже).

Пили вино педесе́ другара,
Пи́ли вино у ладна меана;
У дружина чаша поштукнала,
Сви юнаци клетва постигнала:
Кой закьлне у брата и у сестра,
На не́га бѣля́ не́ма, да ю стиза;
Люты Марко ни то брата,
Ни то сестра има.
Сва дружина на Марко бѣля́ туря;
Онъ закьлне у вѣрна коня,
А дружина го за вѣра не ватая:
За што конёкъ е чешко[1]) месо;
И па се Марко кьлне у остра-та сабля,

[1]) Т. е. пчешко—собачье.

Па нега дружина за вѣра неватая:
Зашто тая сабля студенó желѣзо.
Па се Марко на меана заплакáло,
Па си ойде кодъ негова стара майтя.
Пай на майтя пó ти говори:
«Тако м' Бога моя стара майтя,
Когá мене роди, одъ мене не породи́—
Я братъ бѣше породи́ло,
Я сестрá бѣше породи́ло?
Тагай си Марко майтя измами́ло.
— Та му каза, де е братъ зарóбенъ,
И сестра и она ему заробéна.
Тагай рипнá Марко на юначке нóге,
Та нарáни тая врéдна коня́ —
Емъ го рани, ему дума думи:
«Тако м' Бóга, мой доберъ Шарко!
Я ми рýчай трава детели́на;
Кога бъде рано одъ зарано,
Че ми брата да тражи́мо».
Майтя му се люта лѣпо заплакáла:
«Зашто, синко, мене измами́ло,
Зашто симъ теби брата казáло,
Зашто ти е братокъ одавна заробенъ:
Одкарáли га Турци-Лечане,
Одкарали га су у Лечана града —
Я братокъ ти млада Андрея́ша».
Ка' е било рано од зарано,
Марко янá тáя вредна коня,
Та га бутна презъ поле ширóко,
Та отидé у Лечана града,
Та отидé на лечански чешмы,
Па затéче девойки-Лечанки;
Кога Марко викна на девойки-Лечанки:
«Добро ютро, Лечанки-девойки»!

Изъикнáла момá,
Та проговори на Марка Кралевича:
«Далъ Богъ теби, Марко Кралевиче»!
Марко тогай по ти говори:
«Тако м' Бога, момé лечáнко,
Да одека знаешь, я самъ Марко Кралевичъ?»
— Па момá по ти говори:
«Я те знаемъ:
Кога одъ люте-те раны лежаше,
Моя майтя тебе мекъ лекъ тураше,
А я ти-тебе вода студена приносúхъ;
За товá тебе знаемъ,
Дека си Марко Кралевичъ».
Па си ойде Марко Кралевичъ
На лечанска джамія,
Та затече Турци-Лечане, —
И Марко у джамія улезнá,
Сви су Турци изъ джамія побѣгнáли,
Самъ остало оджа Мамудъ-ойджа;
Па се чуде оджа,
На-каде побѣгне;
А Марко му по ти говóри:
«Фала оджа, фала Мамудъ-оджа!
Зашто си толко уплашила?
Ты си вѣренъ, вѣрно че те прашамъ;
Да ми кажешь:
Дали има тука млады Андреяша?»
— И онъ му казáлъ, дека има
Юнакъ Андреяша найболи.
«И да ми кажешь, дéка има
Винó добро и та лютá ракія?»
— И каза оджа Мамудъ-оджа:
«Тамо има у млада Андреяши,
Тамо има добрó вино и арна ракія».

Тагай исправи Марко,
Та отойде кодъ брата на́ госбе.
А на млада Андреяша три девойки
На главу му стоя́;
А млади Андреяша на сънъ заспало;
А Марко му у дворове улезна̀ло,
А любе Андреяшино на чешма́ зате́кло,
Пай си любе на Марко те говори:
«Тако м' Бога, непознанъ юнакъ!
Зашто шеташь по наши дворо́ве?
Андреяша си мало заспало;
Ако си обуди Андреяша,
Може те младо да погу́би».
А Ма́рко по ти гово́ри:
«Тако м' Бога, моя младо снао!
Я ми кажи, дека младо Андреяша,
Я чемъ код нега госъ.

Конца пѣсни сказитель недосказалъ въ точиой послѣдовательности, а прибавилъ лишь: «Па послѣ гостовали, здравовали и познали, да су брайтя». При этомъ сказитель замѣтилъ, что сначала, прежде чѣмъ они узнали другъ друга, дѣло доходило до опасной ссоры между братьями; но эту ссору устранило золотое яблоко, которое показалъ Марко Кралевичъ, то самое яблоко, которымъ они въ дѣтствѣ играли. —

№ 142.

Вранскій округъ (въ Серб. княж.) с. Мачкатица; 3 Марта 1880 г. записана со словъ крестьянина Ильи Николина.

(Смерть Андрея, брата Маркова).

Вино пію́ два брата родье́на,
Вино пію́ Марко и Андрее;
Па овако Андра проѓовара:
«Вала тебѣ, Марко Кралевиче!

Е самъ чуо и люды казую,
Да смо мие найдобры юнаци;
Айд' идемо у Рогожь-планине,
Да видимо, кой е более юнакъ?»
Проговора Марко Кралéвиче:
«Чуешь мене, Кралéвичъ Андрéо!
Немой ити у Ротожь-планины:
Нама че се люды насмѣяты;
Айде, мие жеду да терпимо:
Кой више жеду утерпѣте,
Той е, есте, болій юнакъ бити».
Па терпѣше двѣ недѣли дена.
Проговара Кралевичъ Андреа:
«О, мой брате, Кралевичу Марко!
Отю колемъ Вранца одъ мегдана,
Да тю піемъ тія церни керви:
Млогу ми су жеде надолѣле».
Проговáра Марко Кралевичъ:
Немой, брате, не коли си коня;
Не мой, брате, не чини си штета;
Ели видишь ту суу елу?
Ту има такой нова меана,
У меана Мара керчмарица;
Ты, ми, и́ды, вино́ да ме піешь»;
Туй отиде Кралевичъ Андреа.
Оддалекъ го Мара согледала;
У меане три́есе айдука;
Па овако имъ бесѣдаше:
«Чуете ли, триесе айдука!
Те иде еденъ доберъ юнакъ!
Дайте мене триесе ду́ката,
Да уватимъ това ю́нака»;
Дадоше нёй триесе дуката.
Туй ми дойде Кралевичъ Андреа:

«Помози Богъ Маро керчмарицо́!»
— Богъ помогалъ, непо́знанъ делїё!»
— Чуешь мене, Маро керчмарицо!
Изнесе ми е́денъ чаберъ вино,
Кои вата семдесе́ ока».
— «Ты у́иды у нове меане,
Пїй ми вино, а пїй ми ракїю́,
Нетю тебе ни пару узеты:
Эте деветъ годинъ дена,
Како ни самъ юнака видѣла».
Онъ уиде у нове меане;
Видоше га триесе айду́ка —
Смакошесе еденъ до дру́гога,
У версъ мѣсто начинише;
Сви му триесъ наздра́вую —
Сваки шаволь [1]) по двана́есъ ока:
«Пїй, Андро мустатьна накваша!»
Богъ убїе Мару керчмарицу!
Она д'иде длубоке по́друмы,
Изнесе му еде́нъ чаберъ вино,
И на́тури свакояку травку,
Понайвише траву дренбуличе.
Испи Крале́вичъ Андреа;
Па задрема доберъ юнакъ;
Туй, ме, стаде едно туре младо —
Ману саблю, одсѣче му гла́ву.
Сенъ сенио Марко Кралевиче,
Сенъ сенио у Рогожь-планина;
Чимъ се диге, одма го казу́е:
Яо мене! до́ Бога еднога!
Каковъ се сенокъ сенувало
Декъ ми Шарцу гры́ва опаднула,

1) Чаша.

Той по́гину Крале́вичъ Андреа.
Па уяна Шарца добра ко́ня,
Ȉраво иде у нове меа́не;
Оддалекъ го Мара согледала
И казуе:
Чуете ли триесе айдука!
Эте и́де еде́нъ добаръ юнакъ!
Отю него вама увати́ты».
Кадъ, ми, дойде Крале́виче Марко,
Па, ми, видо одъ Андрею главу,
Одма верже Шарца за врата,
И улезне у нова меана:
Па извади саблу одъ мейдана,
Одъ трие́се и шесе́ начина,
И посѣче триесе айдука;
Стаде бѣгатъ Мара керчмарица;
Проговáра Марко Кралéвиче:
«Стани, Маро! живъ те Богъ убио!
Ёште ючеръ да си стала бѣгатъ,
Данасъ би те Марко уватио,
Обѣ бѣ ти очи извади́о».
Па ю стиже Марко Кралéвиче,
Обѣва очи извади,
Десну руку одсѣ́че,
Па даде стотина дукáта:
«Бирай, Маро, по горѣ юнаци.

№ 143.

Соф. окр. (поле), село Сеславци; 3 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Іованчи Иліева.

(Марко (Кралевичъ) присуждаетъ взять дѣвушку тому изъ юнаковъ, который принесетъ изъ-за Дуная дафиново дерево).

Вино піятъ тридесетъ деліи
У меана подъ Демиръ-капія;
Вино піятъ и ракія
Слуга имъ Деница е девойка,

Служи имъ и редомъ чаша предава;
Све деліи мирно сѣдеха;
Павелъ мирно несѣдеше:
Чаша зима, за персты я лови,
Чаша дава, низъ серце воздыша.
Проговори Марко делія:
«Фало тебѣ, Павелъ добаръ юнакъ!
Така либа не са залибува!
Кой че земе така либа,
Да преплива презъ бѣлъ Дунавъ,
Да отиде у широка Влашка;
Тамо има, брс, сербска градина,
Тамъ си има дерво дафина;
У дерво-то има двѣ златни яболки,
И си има одъ секакво цвѣтье,
И си има цароградско грождье,
И си има дунки и наранки;
Та ги варди ала троегла́ва.
Кой се найде премладо юначе,
Да преплива презъ бѣлъ Дунавъ,
Да набере одъ секакво цвѣтье,
Да увіе до три китки цвѣтье,
Да набере цароградско гроздье,
Да откине дунки и наранки,
Да откерши двѣ златны яболки,
Той ште биде найболье юначе,
Той ште либе Деница девойка».
Наелъ си е Павелъ добаръ юнакъ.
Отиде́ си на сербска градина,
Та си набра́ одъ секакво цвѣтье,
Та си у́ви до три китки цвѣтье,
И набрало цароградско гроздье,
И оскуба дерво дафиново
Оскуба со сички корене.
Та си пойде́ Павелъ добаръ юнакъ,
Та наплива презъ бѣли Дунавъ:
Дунавъ плива на дружина казва:
«Фала вазе, тридесе деліи!
Елате, та ми помогнете,
Да изпливамъ презъ бѣли Дунавъ,
Да изнесемъ дерво дафиново».
Прогово́ри, башь, делія Марко:
«Пливай, пливай, Павле добаръ юнакъ,
Пливай, пливай, Дунавъ да изпливашь
Ты да либашь Деница девойка»
Таманъ тая дума думаше,
Сабудисе ала троеглава,

И стигнала Павелъ добаръ юнакъ,
На стрѣдъ бѣли Дунавъ стигнала;
Извадилъ е Павелъ добаръ юнакъ,
Извади, бре, остра-та сабля,
Што-то има на канія до деведесе оглсдала,
Та пресѣче ала на два, на три трупа;
Почервила бѣли Дунава,
Почервила со-съ черни-те керви.
Па исплива Павелъ добаръ юнакъ;
Та отидé на Деница на порты.
Па си казва Павелъ добаръ юнакъ:
«Излезъ, излезъ, Деница девойко!
Да си видишь Павелъ добаръ юнакъ —
Што зарачи, се ти донесе»;
И на дружина проговара:
«Излезнете, моя дружино!
Си-те тридесетъ деліи,
Што правиме вѣренъ облокъ!
Я си свершихъ тоя облокъ —
Я донесохъ дерво дафиново,
Дафиново со сичко коренье;
Та изгуби нéгова дружина,
Та залиби Деница девойка.

№ 144.

Соф. окр., с. Суводолъ; 31 января 1880 г. записана со словъ крестьянина этой деревни Жёты Илкова.

(Похвальба мадьярскаго короля: убіеніе его Маркомъ Кралевичемъ).

Сѣднá Марко съ майтя да вечера
Суа лѣба и вино червено;
Па се Марко подъ мустакъ усмива,
Я майтя му пó ти оговара:
«Фала тебѣ Марко, мое дете!
Што се Марко подъ мустакъ усмúвашь?
Далъ си смѣешь мене на старость-та,
Иль си смѣешь башта на проштенье,
Иль си смѣешь на сухa вечера,
Иль си смѣешь на вино червено?»

А Марко ю по́ ти оговара:
«Леле мале, леле остарѣла!
Ни се смѣемъ на старость-та,
Ни се смѣемъ на проштенье,
Ни се смѣемъ на суи вечери,
Ни се смѣемъ на вино́ цервено;
Нелъ се смѣемъ Филиппъ Маджарина,
Де са Филипъ по меани фали:
Сви юнаци Филя погубило,
Сви юнаци и си-те кралёве;
Останали троица юнаци:
Останалъ е Марко Кралевикъ,
И останалъ Релё шестокрылецъ,
И останалъ Кобиличъ войвода»;
Па на майтя по́ ти оговара:
«Леле мале, леле стара мале!
Рано Шарка вода да напоишь,
Да напоишь и зобъ да назо́бишь,
Че да идемъ Филипови дворы,
Че да идемъ, да си ю погубимъ».
— Ка' било рано одъ зарана,
Рано Шарка вода напоила,
Напои́ла и зобъ назоби́ла.
Та е станалъ Марко добаръ юнакъ;
Уяхна си коня Шареяна;
Отидé си у Филибе града,
Отиде си на Филёвы порты:
Извадилъ е лека буздогана —
Лека: съ сто и шесдесé оќа,
Та си біе Филиповы порты:
«Я излезни Филиппъ маджарино!
Я излезни, да си обидеме»;
Немало е Филипъ Маджарина;
Излезнало Филипове либе,

Излезнало, та Марка видѣло,
Видѣло е Марко Кралевиче,
Поверна се, та на майтя дума:
«Леле мале, постара свекерво!
Каковъ дервишь на порты ни чука:
На гербина цала вучетина,
А на глава цала мечетина,
У уста си церна овца носи».
Я проговори нойна стара майтя:
Иды, снао, иды да му речешь,
Да му рѣчешь: оттукъ да с 'иде;
Че да дойде Филипъ маджарина,
И него че младо да погуби».
Излезнала нойна мила снаа,
Па на Марка по́ ти оговара:
«А иды си луда дервишина,
А иды си од пребѣли порты,
Че да дойде Филипъ маджарина,
Че да дойде и че те погуби;
Да видишь ли тоа мермеръ камикъ,
Што е камикъ до пребѣли порты,
Него Филипъ до колена дидза,
Че ю дигне, та че те утепа».
Слезна Марко одъ одъ доброго коня,
Та си везе тоа мермеръ камикъ,
Та го тури на десна-та страна,
Завертесе на́лѣво, на́десно,
Та си ферли тоа мермеръ камикъ:
Исферли го на край-на Филибе;
Па си фана Филино-то либе,
Та му везе отъ гуша желтица;
Па си ойде на ладна меана —
Тамо найде Филипъ маджарина,
Па му дума Марко Кралевиче:

«Богъ те било, Филипъ маджарино!
Ты се, Филипъ, по меаны валишь:
«Сви кра́лёве ты погубило,
Останалъ ти Марко Кралевичъ,
Останалъ ти Релё шестокрыла
И останалъ ти Кобиличъ войво́да»;
Стани, мене да погубишь —
Сега́ семъ ти я на́ но́дзе дошелъ».
Филипъ не смѣялъ е дума да продума.
Извадилъ е Кралевико Марко,
Извадилъ е лека буздогана,
Та удари Филипъ маджарина:
Накара го у церна-та земня —
Деветъ лакти у земни улезе.

№ 145.

Г. Кюстендиль; 3 дек. 1879 г. записана со словъ Гроздана Костова (пере селившагося сюда изъ г. Радоміра.

(тоже).

Пратилъ Филипъ Маджаринъ писмо
Пратилъ на Марко Кралевиче
На Марко-то Прилѐпско-то копеле:
«Я да ми дойде онъ на Будима града,
Да му не идемъ на Прилѣпа града;
Семдесе́ юнака самъ се погубилъ!
Ту да ми дойде Марко на нодзе!»
Сѣдналъ Марко вечера да вечера:
Вачера единъ лѣбъ и червена пипера
И піеше това́ цервено вино.
Емъ вечера, емъ подъ мустакъ се усмива;
Праша го майтя стара:
«Синко, што се смѣешь подъ мустакъ?

Даль на моя starосъ си смѣешь,
Аль на добра вечера ми си смѣешь?»
Рече Марко Кралевиче:
Не се смѣемъ на твоя та старосъ,
Ни се смѣемъ на добра вечера,
Но се смѣемъ на Филипъ Маджаринъ,
Де-ка ме пратилъ абаръ,
Да му идемъ на Бу́дима града,
Да му дойдемъ на нодзе».
Рече му стара майтя:
И́ды, синко, до Бу́дима града!
Да не глéда майтя церни кьрви».
Марко ойде на Бу́дима града.
Яна Шарка добра коня и го пи́та:
«Дале можемо робота[1]) да заверши́мо?
Или да не идеме?»
Конё Шарацъ му рече:
«Да како не идемо, Марко?!
Ако не идеме, Марко,
Оте срамота каде че се дéнеме?»
Бутна конё Марка, пройде презъ бѣли Дунавъ,
Та ойдé на Буди́ма града:
И тамо срѣтна-семдесé робини
Платно бобошевно бѣля;
Рекоа му семдесе робини:
«Лудо младо! каде одышь тува?
Знаешь, де-ка смо ние семдесé роби́ни!
Наши юнаци погуби́лъ, насъ зароби́лъ;
И ты каде одышь? и тебе че глава земе!»
И тогай рече Марко юнакъ:
«Ногу ли е юнакъ Филипъ?»
— Товай камикъ дига на конь до дезгиня».
Марко зема камикъ, да го верли у бѣли Дунавъ;

[1]) Sic.

И ги праша: «де-ка сѣды Филя маджаринъ?»
— «Ваны возъ Будима града,
Че те срѣ́тна желѣзны порты,
На ни семдесе́ ключеве».
Дойде Марко и почукна́ на порты;
Излезнала Филипица, та му рече;
«Што тражишь, лудо младо?
Малко ли семъ кърви гледа́ла,
Та и тво́и да гледа́мъ!
Рече тогай Марко:
«Де е Филя маджаринъ?»
— «На гора зелена, ловъ да лови».
— «Кога́ до́йде, недъ [1]) дойде на меаны́
На ладне-те меаны́!»
Дойде Филя маджаринъ:
Порты-те му у срѣдъ дворове накараны;
Тогай пита млада кметица:
«Што са́ е тія порты у срѣдъ дворо́ве?»
— Проговори млада кметица:
«Една́ незнана делія дойде».
— «Како́въ бѣше?«
— «До-двѣ церни овци у заби носи,
Калпако му вучетина,
Кожуо му мечетина,
И конь му шаре́нъ».
— «Товай Марко прилѣпско копиле!»
— «Че да идешь на ладны меаны!
Онъ мой бисеръ откиналъ одъ гуши,
Та однелъ го на ладны меаны,
И казалъ: кога́ дойде Филя,
Да го піемо на ладны меаны́ заедно!»
Ойде Филя на ладны меаны:
«Ту́ва ли Марко Прилѣпско копеле?»

[1]) Sic.

— «Я семъ Марко Кралевиче!»
— «Айде, Марко, Прилѣпско копиле!
Айде, да біемо мейданъ:
Біемъ ти кóня и очи ты вадимъ!»
— «Тува се юнаци не біятъ,
На се біятъ на равны друмове —
На раскьрстье, дуня-та да ги види».
Ойдóа на равны друмове:
Мана Филя своя боздогана,
Удари Марко на конь у зенгія;
Тагай мана Марко Кралевиче,
Мана со-съ своя лека боздогана,
Та накара Филя маджаринъ
Деветъ лакти у земи. —
Яна Марко Шарца коня,
Та отиде на Прилѣпа града
На Прилѣпа града при стара майтя.

№ 146.

Соф. окр., с. Опій-Цвѣтъ; 6 февр. 1880 г. записана со словъ Стоянова Мильчова Лагарнина.

(тоже).

Сѣдна Марко съ майтя да вечéра,
Да вечера сува лѣба и црвено вино;
Па се Марко подъ мустакъ усмива,
А стара го майтя питуе:
Леле Марко, леле, башь, делìё!
За што ми се подъ мустакъ усмивашь?
Далъ си смѣешь мене на старость-та,
Илъ си смѣешь на посна вечера?»
А онъ си ю пó ти оговори:
«Леле мале, леле стара мале!

Не смѣемъ си ти на старость,
Ни се смѣемъ на посна вечера,
Нелъ се ми се малко досѣтило:
Съ ношти вечеръ на ладна механа
Повалисе Вилипъ маджарина —
Че погубилъ тридесетъ юнаци,
Оште има троица да губи:
Единъ ми е Марко Кралéвиче,
Единъ ми е Муса Кеседжія,
А третіё Релё Крылатиче».
Кога биде ютре одъ зарана,
Марко стегна коня Шареяна,
И обрамчи сабля димискія,
И закачи лыка буздогана;
Па си верли коню на рамена
И отиде у маджарска земня,
Че да тражи Филипъ маджарина;
И отидé на Филиповы порты;
Чукналъ си е Филиповы порты;
Излезнало Филипово льюбе;
Па говори Марко Кралевиче:
«Помози Богъ Филипово льюбе!»
Онó си му пó ти оговори:
«Што тресишь, непознанъ гедіё?»
А Марко ю питуе:
«Тува ли е Вилипъ, мой побратимъ?»
— Айде, верви, непознанъ гедіё!
Вилипъ съ таквія недума,
А како ли побратимъ да буде?»
Разъигралъ е Марко добаръ юнакъ
Разъигралъ е коня Шареяна,
Па удари Филипицу съ рука перишана [1]),

---

[1]) Ладонь.

Искара ю обѣ церни очи,
И ю кара на ладни механи;
Узелъ му е кована дердана,
Па си сѣдне у ладны механы,
И си піе вино троегóдско;
Конь се самъ пре дворы шета;
Па говори Марко на Шарко:
«Гездеръ,[1]) коню, и на врата гледай,
Да не дойде Вилипъ на измама».
Сѣды́ Марко у ладна механа,
Та си піе кована дердана.
Эте, иде Вилипъ маджарина.
«На странъ стани, коню, —
Да улезне Вилипъ моджарина».
На странъ стана коня Шареяна.
У́лезналъ си Вилипъ маджарина:
Марко піе, а Вилипъ го біе;
Проговóри Марко Кралéвиче:
«Фала тебѣ, Филипъ маджарине!
Не ме удри по десница-ручица,
Да расипешь една чаша ви́нце,
Што-то ми е деведесé ока»;
Нс се одбрá Филипъ маджарина:
Расипа му една чаша вино:
Расредисс Марко Кралéвиче,
Та извади сабля димискія
И посѣче и Вилипъ и конё.

---

[1]) Прохаживайся (тур. слово).

№ 147.

паланка (мѣстечко) Брезникъ; 26 ноября 1879 г. записана со словъ Петра Нейчева.

(Разграбленіе «дворовъ» Марка Кралевича Филиппомъ мадьяриномъ).

Съ ношти дойде Марко до три здравы:
Една́, да иде Марко да вѣнчава,
Друга, да иде Марко да кърштава,
Третя, да иде Марко да наплита.
Сина прати Марко да кърштава,
Брата прати Марко да поплита,
Самъ че иде Марко да вѣнчава
Дуръ далеко у Стамбо́ла града.
Тага нема три годиие време.
Богъ да біе Филя маджарина:
Равны му е дворы оарало,
Младо му е любе залюбило,
Стару майтю зароби́ло.
Четверта е година поступи́ла,
Ете дойде́ Марко Кралеви́че:
Равне дворы у пелинъ ураснáли, —
Марко се жално заплака́ло,
Марко то си комшійтя одговара:
«Не бо́йсе Марко, милъ комші́я!
Богъ да біе Филя Маджарина,
Равне ти е дворы оарало,
Младо ти е любе залюби́ло,
Стару майтю заробило,
Одкарало дуръ у Маджара града,
Оно е юнакъ надъ юна́ци —
Негови двори зъ главе оперине,
Оно е юнакъ надъ юнаци —
А подпо́ры одъ човѣци нозе;
Та да идешь Марко Кралеви́че;

Оно направи́се церна калуджера.
Преды дворы двѣ шарены чешмы:
Да приведешь коня,
Вода да напо́ишь;
При тебе че любе дойде».
— Марко си е комшійтя послушало.
Направи́се церна калуде́ра,
И си иде у Маджара града.
Тамо найде́ двѣ чешмы шарены,
Та прійде́ да напо́и вода;
И при нега любе дойде́;
И ю пита:
Тако д' Бога, церно калуде́ро!
Дека найде́ Маркова коня,
Дека найде́ пьрстенъ бурманлія?
— И оно́ му вѣрно говори:
«Марко те е Богъ да прости!
Коня се му зе́ло за гробни́на,
Пьрстенъ се му зе́ло за тростина».
— Повьрнасе прелѣпа невѣста,
Та си каза Фили Маджарину:
«Пій, ручай Марково иманье;
Туй промина церна калудера
И прове́де Марковога ко́ня,
И пронесе пьрстенъ бурманлія»
— Иды, викны церна калудера,
Да му правимъ голѣмъ зіяветъ.
— Повьрнасе прелѣпа невѣста
Та си викна церна калудера —
Качи́ло се на висо́ке ку́ле,
И оно́ си му вѣрно гово́ри:
«Пій, ручай, церно калудеро!»
— Марко те е — Богъ да га прости —
Та си сѣди три дни и три ночи.

Врѣме дойде́ Марка да си пра́ти.
Напуни́ло коню зобни́ца Марково иманье,
Тури́ло ко́ню на тертія,
Самъ гово́ри Марково-то любе:
«Пій, ручай, церна калудеро,
Да си речешь: Марку Богъ да просты!
То е Марково иманье!»
Богъ да біе Филя Маджарина!
Кьздисало де е рекло Марково иманье,
И си по́шло къ церна калудера.
— Да си оды, само се е досети́ло:
«Чуешь мене, Филе Маджарина,
Да ми простышь,
Да ти играмъ калу́дерско оро.
И оно е опрости́ло.
— Заверте́се налѣво, пай надесно:
Богъ да прости Филё Маджарина!
Просты мене, да ти играмъ калудерско оро.
Дори Фи́ля дума да изду́ма,
И оно́ му главу откинало.
И тегай е любе опозна́ло,
Зашто е Марко Кралевичъ!

№ 148.

Соф. окр., село Суводолъ; 30 янв. 1880 г. записана со словъ кмета Георгія Колова.

(Прогулка 7 юнаковъ; одного изъ нихъ Секулу-дитя схватываетъ триглавая змія; освободить его не могутъ его сотоварищи, а освобождаютъ вилы-самовилы). [1]

Збра́лисе седмина кра́лёве,
Збра́лисе шедбаджія че шетая,
Че шетая по пуста краина.
И си шетатъ редомъ по земни-те.

---

[1]) Въ этой пѣсни приведены имена вилъ.

Се кра́лёве одъ редоме юна́ци;
Секой юнакъ испитье чини,
Со-съ Марко-то и двѣ и три ида
И найнапредъ Секула детенце:
«Леле Марко, леле мили уйте!
Ты че х̆одышь и мене да во́дышь;
Сакамъ, уйте, и я да си х̆одымъ,
Я да х̆одымъ и да си видимъ;
Чешь ли, уйте, мене да си водышь?
Я обычамъ, уйте, да си одымъ,
Да си видимъ, што юнагство имамъ,
Че и мене майтя е родыла,
Че и я самъ одъ Маркова рода;
Чешь ли, уйте, мене да пріимашь?»
А Марко му ти говораше:
«Э, Секуле, Секуле детенце!
А родъ те знаемъ,
Да те не познаемъ;
Че я самъ одъ юначка рода;
Я че одымъ шедба че да шетамъ,
Не разбирамъ твое-то юнагство;
Ты че х̆одышь, а назе незнаешь:
Ние ч'име много подале́че,
Че х̆одыме земни покраины,
Покраины земня Карамъ-Влашка
И са-съ друга земня Ӑрванашка,
И пай друго редомъ по земни-то,
Може, нема вода за піенье;
А ние сме далеко отива́ли,
Отивали три недѣли де́на:
Бѣлтимъ нема вода за піенье,
Ты немо́жешь за вода да траешь».
А Секула Марку не вѣр'вало,
Налъ х̆одыло, та шедба шетало,

И чинило три недѣли дена;
Седамъ краля за вода траяли,
Одыли са и млогу са траяли,
Нигде нема вода да намѣра;
А Секуло вырло нажели́ло,
Нажелило и е ожеднѣло;
Само дете, само продумало:
«Чиче, виче, мили уйтё, виче!
Ходыли сме редомъ по земя́-та,
По земя́-та, земня по Латинска,
Земпя-та Латинска, земня Тала-Туратинска,
И найпослѣ земня Карамъ-Влашка,
Карамъ-Влашка, земня Арванашка,
Арванашка, боме, земня Герчка;
И ходихме редомъ по земни-те,
По си земни, по си кра́йны.
Леле уйте, леле мили уйте!
Ка' ойдохме наши пусты земни,
Дали има негде да ме за́пратъ?
Ты-зи знаешь и ны ги позна́вашь;
Не мой, уйте, лошо да си стане;
Са' семъ, уйте, вода ожеднѣло:
Дали има во́да за пiенье?
Я не знаемъ нигде, ни познавамъ,
Ты-зе, уйте, знаешь и че кажешь,
Дека има ле́дена води́ца?»
Той му Марко ти оговора́ше:
«Э, Секуле, одъ курва копеле!
Ты-си пошло за мои́ ядове:
Каде́ ходымъ, се за тебе жалимъ;
Нигде нема вода за пiенье,
Саде знаемъ на едного мѣсто
Само има батале буна́ре,
У бунаре ле́дена водица;

Да ойдыме, можеме да піеме;
Ако да би змія да заспала,
Може се би вода извадила.
Той не бѣше много подалече.
Тергнали се и право ойдоа
И ойдоа на батале бунаре,
Со-съ еднога до седемъ кралёве,
Со-съ едного[1]) одъ добре́-те кони
Изгорѣли за ледена вода;
Никой нема вода да нацерпа;
Говораше Секула детенце:
«Чичо, виче, мили уйтё, виче!
Э, вие несте одъ моя-та рода!
И язе-ка семъ малечко детéнце,
И я, брате, че съ ваме че х̆одымъ;
Сапасуйте свилени пóясе,
Верчете ме прекомъ половина —
Я да слезнемъ у баталъ бунаре;
Бунаре-те са у наша-та земня;
Я да слезнемъ, я че ви напоимъ».
И кралёве дете послушах̆а:
Сапасах̆а свилены поясе,
Верзах̆а го преко половина;
Седемъ пыты у бунаръ слазило,
Седемъ пыты слело и излело;
Изнело е ледена водица,
Напопло седмина кра́лёве;
Каде слезне дете, да се піе,
У бунарѣ вода намалела,
Разбудисе змія трояглава,
На глава ю вода оплетела,
Лежала е, Богъ да ю убіе,

---

[1]) Sic.

Лежала е и належала се;
Сагледала Секула детенце,
Дигнала нойны е до три глави;
Гълтнала е Секула детенце,
Гълтнала е и погълтнала:
Еднажь гълтна до бѣли колѣна;
Извикна се Секула детенце:
«Леле братя и мои́ дружи́на,
Е кралёве, е мои́ мили брайтя,
Да вис сте до седемъ дружина!
Де-ка да сте, се́га тука да сте»!
Дуръ е дете дума да издума,
Гълтнала е а́ла троеглава,
Гълтнала го до свилни по́яси;
Пишти дете и колико може:
«Фала вама, фала вамъ до седемъ кралёве!
Дайте мене моя остра сабля,
Што я чувамъ одъ мое стары башто,
Я и дайте-мене се найде:
Ега́, може, змія да убодемъ».
Дали му тая остра сабля.
Вертело се Секула детенце,
Вертело се и колико могло́,
Не е могло змія да погуби;
Пресѣкло е свилены по́яси,
Паднало е на дно у бунаре,
И змія го до рамена гълтна;
И дете оште нышто нема.
Дете имъ изъ бунаре каже:
«Уйте́вицы па чичо́вицы!
Вие да сте падалекъ ходите;
Вержете ми ко́ня за бунаре:
Како мене змія че да яда,
Тако коня орли нека ядатъ;

Чичо, виче, мили уйте, виче!»
Тія бѣха надалекъ ойдо́а,
И шетаха и далекъ ойдоа.
Коня цвили-надалеко се чуе;
Дочуло се млогу надалече,
Дочуло се до више планине;
На планина три ора играя,
До три ора, до три самовилы;
На танецъ е Дюрга самовила;
Продумá Дюрга самовила:
«Вала тебѣ, моя мило сестро!
Што ли се гласъ дочуя,
Дочувая одалекъ-одъ баталъ бунаре,
Гласи са де на наши братенце;
Да ли си у бунаръ слезнало,
Да не са го зміи погълнали;
Млогу ми се гласи дочувая,
Може да е наше мило брате́?
Да си идешь, брате, да си видишь».
Пратила ги Вела самовила:
«Иди Гюрго самовило,
Да би могло наше миле брате,
Да би могло у бунаръ да падне,
Да би, може, и намъ да си кажешь».
—«Я че пратемъ Магда самовила;
Она че иде, право че ми каже;
Што м' да каже Вела самовила,
Сама ч' иде, сама че виде».
И ошла Магда самовила;
Право ойде на баталъ бунаре,
Право ойде и право слезна́ло,
Право слезна у баталъ бунаро.
Видѣла я Се́кула детенце;
Па си дума Магда самовила:

«Фала тебѣ, зміе троеглава!
О́пушти ми Секула детенце;
Ако дойде Гюрга самовила,
Тебе она младо че погуби».
Гово́ри змія́ троеглава:
«Ха́йде, верви, оде-ка си дошла!
Я една́ се со-съ мѣсо насытила».
Литнала е Магда самовила,
Залитѣла у више планина,
Та казуе Гюрди самовили:
«Фала тебѣ, Дюрго самовило!
Не пушта-си змія троёглава,
Не пушта ни Секула детенце, —
Гълтнала е дете́ до рамена».
Ка' се пушти Гюрга самовила,
Пуштила се више пладнине,
Пуштила се, ка'-то бѣло платно,
Залитѣла у пусты крайнины,
У крайнины, на баталъ бунаре;
Не стѣла е дума да продума,
Въеднага е у бунаръ рипнала,
Та фанала Секула детенце;
Све заедне низъ бунаръ изнесе,
И изнесе змія́ троёглава.
Погуби си змія́ троёглава;
Опушти Секула детенце.
И онъ яхна нему добра ко́ня,
Па го стегна по бѣли дру́мове,
Та си гони до седымъ кралёве;
Па си стигна до седымъ кралёве.
Та шетаа редомъ по земни-те.

№ 149.

Вран. окр., село Церна-Трава; 5 марта 1880 г. записана со словъ крестьян на Стамена Стеванова.

(Марко Кралевичъ празднуетъ «Юрьевъ день»).

Вала Боже, вала единому!
Данагъ-Дюрдевъ денъ служи Марко Кралéвичъ,
Ага служи, ага бере три совре:
Едну совру бере люде чорбаджіе,
Другу совру бере люде челепе,
Третю совру бере пуку сиротыньа;
Тури своюю майку слугу на едну совру,
А негову любу тури слугу,
Слугу на кметове люде,
Само Марко зауза руке до лактови.
Докле пійте и ѣжьте,
Те, присташе Турци янычары;
Докле онъ думу продума
И разговоръ разговóри,
Пристасаше Турци янычаре,
Пристасаше при негови дворы.
Проговори Марко доберъ юнакъ:
«Чуешь мене, майко остарѣло!
А извéды мени кóня Шара,
И ми тури перна буздована,
И ми тури топузъ одъ мейдана,
И справи крешимъ-калица на коня;
Я тю да идемъ у Орида града,
Да знамъ, да не дойдемъ».
Ему справи майка коня,
Ему майка оружа коня;
Марко яна и отиде у Орида града,
Да узме рыба одъ Орыда града;

Не може Марко рыба да узме,
Но го притисну Сулеймана цара
Притисну у тѣсне клисуре.
Говори Шарацъ Марку:
«Чуешь мене, Марко юначе!
Мы чемо женски изгинути,
Изгинути у тѣсне клисуре».
Ёшь мало не извикну,
Ёшь мало останало,
И Сулеймана цара при́тисну;
Гово́ри Шара коня Марку:
«Не предавайсе на цара Сулеймана».
— Гово́ри Марко:
«Предавайсе, царе Сулеймане»!
— «Не се предава цара Сулеймана».
— Проговори Марко доберъ юнакъ:
«Чуешь мене, цара Сулеймана!
Метни, царе, перна буздогана —
Ель га ты метни,
Ель га я тю метамъ».
Метну га́ Марко Кралевичъ:
Ель га метну Марко Кралевичъ,
Накара царь Сулеймана
Седемдесе аршина у церну земю;
Тага стадоше Шарецъ Марковъ,
Сташе и конь Деблянъ ца́ревъ,
Та си риваше три дена и три ноти:
Одолѣ се яко Марковъ конь на царева коня.
Тагъ повике Марко:
«Чуешь мене, Шарко коню!
Погледни у ясно сланце,
Какви темо юнаци да се погу́бимо!»
Нель се сѣти́ царевъ коню,
Смлѣ га Шара коня, —

Па тогай Шарецъ доберъ конё
Не могалъ се три дена да се извади,
Да извади се одъ мершу.
Тагъ повиче Марко:
«Чуйте мене, виле-самовиле!
Куде сте? овде сте дойдете,
У нево́лю да ми се найдете,
Да извадите Шара добра коня,
Да извадите одъ мершу царева».
Дофтасали виле-самовиле,
Извадише Маркова-та коня Шара,
Извадише одъ мершу царева.

№ 150.

(Загорье) Берк. окр., с. Чипоровци (Турлаки); 20 февр. 1880 г. записана со словъ Симы попъ-Маркова.

(Марко Кралевичъ въ числѣ сватовъ у юнака Полугуна Спечена).

Полугу́нъ Спеченъ добаръ юнакъ
Собралъ е ки́чени сва́тове:
Найболье Марко добаръ юнакъ-старойтя.
Марко му ѐ ду́ма продума́ло:
«Наточи вино и ракія,
Че на тамо не́ма ни виво, ни ракія,
Ни има вода за піенье».
Полугунъ си дума проду́мало:
«Докле ми су желтици у кесію,
Нечу да точимъ ви́но и ракію».
Отидоше; настана́ше го́ра зеле́на:
Нигде нема вода за піенье,
Нигде не́ма вино за піенье;
Намѣрише длъбока бунара:

Тамо че улезне-Полугунъ
Полугунъ добаръ юнакъ,
Да изнесе во́ду за піенье;
Загълта га а̑ла троеглава,
Загълта га до колѣна.
Провикна́се Полугунъ добаръ юнакъ:
«Тако м̓ Бога, кичены сватове,
Найболье Марко старойтё!
Я пуштете свилни поясы,
Че ме загълта а̑ла троеглава,
Че ме загълта до колѣна;
И турете кони за бунара,
Ега могу добры кони тіе
Тежакъ гайлетъ да учина».
Учинише тако добры юнаци;
Учинише кони тіе тежакъ гайлетъ,
Та не могу а̑лу да покруте,
Али юнака́ да, ми, изва́де;
Марку, ми, се мѣрну а̑ла троегла́ва
Мѣрну се предъ саблю мегданлію,
Я Марко тимну [1]) да пресѣче а̑лу,
Да пресѣче а̑лу троеглаву,
А онъ пресѣче свилни по́ясы;
Та упаде Полугунъ юнакъ надо́лѣ;
Провиче се Полугунъ добаръ юнакъ:
«Я пуштете ситны синджире,
И вержете моéга коня́ —
Ту-ка конь да пукне при мене:
Я чемъ ту-ка младъ юнакъ да уги́немъ,
Ту-ка и конь да угине при ме́не».
И пуштише ситни синджиры,
И верзаше коню за буна́ра.

---

[1]) Ударилъ.

Конь цвили, до нéбо се чуе,
Та се дóчу презъ деветъ планинъ:
Тамо бѣше Вела-самовила
И тамо бѣше Іона самовила
Полугýнове посестриме:
Та си лíтнаше презъ деветъ планине,
Та пáдоше на ширóка орница[1]).
Продумала Вела самовила;
«Тако м' Бога, зміе аловито!
Я ми пушти доброга юнакá».
Продумала змія аловита:
«Тако т' Бога, Вело самовило!
Ту-ка сѣдимъ триста години
У тай длъбока бунара,
Триста аршина длъбока,
Досегъ ми е такевъ юнакъ неупáдалъ —
Глáву давамъ, юнакá си не дáвамъ».
А Вела си изступи по орница
По широка орница,
Та си літну, та кáкъ вѣтрокъ,
Та извернý бунаръ наóпако,
Та рáсипа змію троеглаву,
Та извáди доброгá юнакá,
Па извади Вела самовила
Па извади саблю мегданлію,
Та си сломи змію чирéкъ по чирéкъ;
Па си на брата проговóри:
«Айде, брате, да идеме
Да идеме по кúчены свáтове».
— «Не могу, сестро, да идемъ,
Че самъ слóменъ и стрóшенъ».
Иступисе Вела самовила

[1]) Прогалина.

Иступисе по широка орница,
Та со́бра всѣ́каква трѣвка,
Та га на́пои-на́ложи:
Како́ бѣше юнакъ-по́болѣ ста́ну.
Па отоше по ки́чены сватове,
Та собраше кичены сватове —
Найболье Марко старойтё,
Та су за девойку отишли;
Та су свадбу направили.

№ 151.

Г. Радомірѣ; 1 дек. 1879 г. записана со словъ Іордана Лазарева.

(Марко Кралевичъ вѣроломнымъ образомъ убиваетъ юнака болѣе сильнаго, чѣмъ онъ — дитя Дукатинче).

Та си о́ды Марко Кралевико
Та си оды одъ града на градъ,
Та си тражи поюнакъ одъ него.
Ка си ойде у Будино село,
Тамо има дѣте Дукадинче;
Оно си е на седымъ годи́нъ,
Седымъ паты поюнакъ одъ него;
Та намѣри три малки дечица,
И Марко си дума продумуе:
Э вие-ка три малки дечица!
Де-ка сѣды дѣте Дукадинче?
Оно си е на седымъ годинъ,
Седымъ паты поюнакъ одъ мене».
Продума́ си посреднё-то дѣте:
«Э ты-зе-ка, Марко Крале́вико!
Да язъ семъ дѣте Дукадинче,
Седымъ паты поюнакъ одъ тебе».

И Марко си дума продумуе:
«Э ты-зи-ка дѣте Дукадинче!
А д'идеме на Перинъ-планина,
Да фьрляме камикъ на облога»!
Ка ойдо́а на Перинъ-планина.
Та земаа той мермеръ камика;
Та го зема́ Марко Крале́вико,
Та си ферля той мермеръ камикъ.
И си зема дѣте Дукадинче,
Та си зема той мермеръ ка́мика:
Ка го ферли дѣте Дукадинче —
Де си падна той мермеръ ка́мика,
Та си е изби, ископало,
И надферли́ Марко-те юнака,
Надферли го пстъ раскрочи мѣсто.
И Марко си тогай вострашило;
И Марко си ду́ма продумуе:
»Э ты-зе-ка дѣте́ Дукадинче!
Айде, ние брайтя да ста́неме,
Да и́деме у Зе́мена града,
Да уте́пеме земенскіё цара».
Ка си яхна́ Марко Кралевико,
Ка си яхна́ Шарца добра коня,
И со-съ нього дѣте Дукадинче:
Та си яха дѣте Дукадинче,
Та си яха коньче́ седмогодче;
И Марку-те се, Богме, не свиде́ло,
Та продума Марко Кралевико:
«Э ты-зе-ка дѣте Дукадинче!
Я погледни више у небеса́,
Како трепта́ тія ясни дзвѣзды».
Ка погледна́ дѣте Дукадинче,
Та погледна́ више у небеса,
Како́ трепта тія ясни дзвѣзди.

Богъ да біе Марко-те юнака!
Ка извади сабля на зглабове,
Та пресѣче дѣте́ Дукадинче,
Пресѣче го пресредъ половины;
Минало се е еде́нъ сатъ време,
И дѣте́ си ду́ма продума́ло:
«Э, ты-зе-ко, Марко Крале́вико!
Ништо мене серце преболѣе».
Я Марко му дума продуму́е:
«Э, ты-зе-ка дѣте Дукадинче!
Наведи си надъ твоя-та коня,
Та си лизни одъ десна зенгія,
И тебе-ка серце че умине».
Наве́де се дѣте́ Дукадинче,
Наве́де се на нѣгова ко́ня,
Наведесе зенгія да лизне,
Та му падна половинъ трупи́на;
Ка си стана́ трупи́на безъ гла́ва,
Та си забра́ Марко-те юна́къ,
Та ю гони низъ Перимъ-планина;
Ка достигна́ половинъ трупина,
Та достигна́ Марко-те юна́ка,
Достигна́ у тесны клисуры:
Фаная се у юначке рацѣ,
Та се боратъ три дни и три ношти;
И Марку се, богме, досадило,
И продума Марко Крале́вико:
Э, ты-зе-ка, Ми́лице Загорко!
Я си сбе́ри ви́ли-самови́ли,
Да си ски́на половинъ трупи́на».
И си сбрали вили-самовили,
Сбрали се низъ Перимъ-планина,
Да се кина половинъ трупи́на;
Ка се кина вили-самовили,

Та си падна Марко Кралевико,
Та си падна подъ ньегова мерша;
Па-й се мычи Марко Кралевико,
Та се мыче подъ негова мерша,
Та се мыче три дни и три ношти,
Дуръ да стане подъ ньегова мерша,
Ка си станá Марко Кралевико,
Та си станá подъ ньегова мерша,
Та си беркнá Марко Кралевико
Та си беркнá у дéсна-та чижма,
Та извади ножé потайниче,
Та си распра дѣте Дукадинче,
А оно има до три, бре, серце-те:
Едно се е било и пребило,
Другó-то се туку разбудило,
А трéтё-то, Богме, и нечуло.
И сбралисе вили-самовили,
Та погребли дѣте Дукадинче.
И Марко си дума продумуе:
«Э вие-ка вили-самовили!
Та што вие дѣте Дукадинче
Та што вие ногу-ле уилилось?»
И продумáя вили-самовили:
«Э ты-зе-ка Марко Кралевико!
Онó си едно-ле у майтя,
И е седымъ паты поюнакъ одъ тебе;
За товá ли ние него че погребéме —
Онó може светія да стане,
Оты си е на седымъ години.

№ 152.

Трен. окр., с. Бабица; 23 ноября 1879 г. записана со словъ Божиля Янкова.

(тоже).

Оды Марко узъ тесне клисуре,
Да си тра́жи юнака нады не́га.
Одыло е три дни и три ночи,
Нышто не е Марко намѣрило;
И оно́ си гово́ръ гово́раше:
«Бога тебе, дзвѣзде деновни́це!
Како грѣешь вы́синъ подъ небе́са,
Да ли зна́ешь юна́къ на́ды мене?»
Дзвѣзда си ему по ті́я огово́ре:
«И ты ли си ю́накъ надъ юнаци?
Я отиды у Ду́ката гра́да,
Тамъ да си видишь юна́къ!
Тамо има дете Дукати́нче,
Па си има конче́ троего́дче».
И Марко си яшилъ коня́ шарено́га:
Та е пошла мъгла и пра́ове,
Та ошло у Дуката града;
Намѣри́ло Дукатске юна́ци
И па и питало:
«Бога и вамъ Дукатске юнаци!
Де-ка си е Дука́то-то дете?»
А они́ си му по тія огово́ря:
«Ела! мало камикъ да метамо,
Па тъга че кажемо, де-ка сѣды́
Де-ка сѣды́ дете Дука́то?»
И оно́ си е узело камикъ
Узело камикъ, та вьрли́ло;
Надвьрлили га Дукатски юна́ци;
Па-й се Марко, па-й-се повьрнало,

Та узéло кáмикъ, та гó вьрлило —
Нигде си виделъ, ни с'опрелъ
Па тага си му юнáци казáли,
Дé-ка сѣды дете Дукáто:
«Де-ка има дворы сребѐрны подпóры,
Тамо сѣды́ дете Дукáто».
И онó я́нуло кóпя шареногa,
Та си ошлó на негóви дворы.
Па-й си му Марко говóраше:
«Я мой брате, мой побратиме!
Я семъ дошéлъ, да се оби́дсмо.
Я си яни кончé троегодче!
И онó си яни кончé троегóдче,
Та га рáзигра по негóви дворóве —
Я негóви дворóве све потресли;
Тага си се Марко уплаши́ло.
— «Яни, брате, конче троегодче;
Мие съ тéбе братя, побрáтиме,
Че одымо по гóру зелéну,
Да тражи́мо юнáци нады насъ».
Па си га Мáрко вьрло преварúло:
«Аде, брате, предъ менé искáрай!»
И дете си искарáло напредъ;
Тага Марко извадилъ е саблю димискію
Та пресѣ́че дете прéко срѣдс;
Па-й се Марко на дете говóри:
Я, дете! можé ли да усетишь?
И онó си му детé говóраше:
«Смуднá си ме пресъ тоньтс половине»;
А Марко си му говораше:
«Я разигрáй коньче троегóдче!»
И разиграло оно коньче троегодче,
Та се на двѣ трупи́не одлетéло.

№ 153.

Джумалійскій окр., с. Панчерево, въ такъ называемомъ округѣ Пьяницѣ [1]); 13 дек. 1879 г. записана со словъ Димитрія Кундева.

(тоже).

Излезналъ е тово витекъ Марко
Излезналъ е вонка на дво́рове,
Искокналъ е вечеръ предъ вечера,
Та на дзвѣзда вели и говори:
«Мори, дзвѣздо, мори, вечернице!
Кадъ-то грѣешь, дзвѣздо, по са тія земя,
Да ли е видѣла, дзвѣздо вечернице,
Да ли е видѣла неде юна́къ,
Юна́къ, ка'-то мене?»
А дзвѣзда́ му вели и говори:
«Море, Марко, море, хӑджаміё!
И ты ли, Марко, юнакъ броишь?
А да иде́шь у Дука́та града,
Та да видишь дете Дукатинче —
Оште си е дете три годинe,
Три паты поюнакъ одъ тебе;
Порты му самородъ одъ желѣзо».
Полютисе това витекъ Марко.
Кога́ бѣше, море, утре рано,
Яхӑналъ си тая добра конъ,
Та-я ошелъ у Дука́та града;
Кога́ бѣше на по́ле широко,
Тамо срѣтна до три машки дѣца,

[1]) Округъ этотъ въ настоящее время раздѣленъ на части: одна вошла въ составъ Болгарскаго Княжества, а другая осталась во владѣніи Турціи (въ Македоніи).

Де-ка ферля това тешокъ каменъ:
Еднó ферля, та надферля.
Рече Марко добаръ юнакъ:
«Помóзи Богъ, до три машки дѣца!
Али има тука дете Дукатинче?»
— Оно рече: «язе дете Дукатинче!»
— «Айде, да ме водышь на твои-те двóре,
Да ти вида дворы,
Да ти вида-какви́ са?»
— «Айдемо на мои́-те дворы!»
— «Море, дете Дукатинче!
Де-ка бива госто напредъ оды?
Айды, ты-зи напредъ да одышь».
Крена дете Дукатинче,
Да го воды на свои дворы.
Марко бѣше хитра гидія:
Тергна Марко тая остра сабля,
Та удари дете Дукатинче
Та удари преко тенки половины;
Па кренаа на нагоре.
А дете-то вели и говори:
«Море, Марко, море, чичё Марко!
Какво ме е серце нешто пригрызло».
— «Айде, айде, детé Дукатинчé —
Това ни е твое люто серце,
Туку си е моя остра сабля;
Ту́ку си на́криви на-въ десна рака,
Те ти олекна твóе-то серце».
Ка' се накриви́лъ дете Дукатинче
Ка' се накриви́лъ на-въ десна рака
Накривилъ си, па и изгаснал.

№ 154.

Трен. окр., с. Бабица; 24 ноября 1879 г. записана со словъ крестьянина Дёши.

(тоже).

Сѣди Марко съ майтю, та вечера
Суво лѣбо и вино червено;
Па се Марко подъ мустакъ усмива.
Питала негова-та майтя:
«Емъ вечерае(шь) подъ мустакъ се смѣешь —
Даль си смѣешь мене́ подъ старости,
Ель си смѣешь на божя́ вечера,
Ель си смѣешь на твое-то любе?
Любе имашь, а други люби га»
Питалъ си е Марко Кралевичъ:
«Кой ми люби мое первнёлюбе?»
— «Люби га Сънко Дуковита».
— «Леле мале, мое стара мале!
«Даль си чула. съ очи ли видѣла?»
— «Емъ самъ чуло, емъ съ очи видѣло».
Итро било Марко Кралевичъ:
Собрало око́льне комшіи,
Собрало ги, та ги попоило,
И не окало Сънка Дуковита;
Думало-то негово-то любе:
«Чуешь мене, Марко Кралевиче!
Оты не позвашь Сънка Дуковита?
Дуковитъ е найближи комшія
Найближни и понайаранъ».
Думе дума Марко Кралевичъ:
«Забоварилъ семъ, мое первнёлюбе».
Наточиле Марко Кралевичъ,

Наточиль е та златна здравица;
Та си дадé на негове любе,
Да си позва Сънка Дуковита,
Да га позви, да га докара;
Позвало га, па-й га и забрало.
Яли Марко одъ чардакъ пазило:
Доръ да доду до негови дворы,
Три путы обе залюбили.
Тагай дойдé Сънко Дуковито.
Сѣдéли су три дни и три ночи.
Марко прати окóини комшіе —
Емъ ги прати и дарекъ дарус;
Яли Сънка рече да испрáти,
Ни испрача, ни га дарекъ дарус.
Думе дума негове-то любе:
«Зашто нечешь Сънка да испратишь,
Ни испрачашь, ни даръ га даруешь?»
Марко тага на любе продýма:
«По-часъ, нега че испратимъ;
Че му дадéмъ свѝлене кошуле».
Испратиле околни комшіи,
Уловиле Сънка Дуковита,
Одсѣче му тýю русу главу;
Уловиле негово-то любе,
Умаза га [1]) у катранъ, у восекъ,
Запалиле то негòве любе:
Онó горѝ, опъ се винó піе.
Думе дума негове-то любе:
«Ако ни е за мене,
Но ли те за церни те очи!»
— «Нека горý, нека ги Богъ убіе!
Ние любилъ Сънко Дуковитъ.»

[1]) Вм. ю.

— «Ако не за мене, не за те церне очи,
Нель за бѣло́-то лице́!»
— «Нека гори, да га Богъ убіе!
Нега се е Сънко любило».
Пропиштало мужко дете́,
И она́ е тога́ гродума́ла:
«Ако не е за мене,
Нели ти за мужко-то дете!«
— «Нека гори, да га Богъ убіе!
Сіе Сънково колѣно.

№ 155.

(Загорье) Берк. окр., с. Вершецъ; 10 февр. 1880 г. записана со словъ Елизаветы Іованчиной.

(тоже).

Море, сѣдналъ Марко да вечера
Да вечера съ негова-та майтя;
Емъ вечера, у небо погледа,
Емъ, море, согледа звѣзда вечерница.
И па-й дума Марко Кралевичъ:
«А, море, звѣздо вечернице!
Моя верно посестримо!
Море, ко'-то грѣешь одъ истокъ
Одъ истокъ до западъ,
А ко'-то грѣешь по свичка земня,
А ко'-то видышь Влашка и Богданска,
А дали има негде по-юнакъ одъ мене?»
Продумала дзвѣзда вечерница:
«Леле, варай, Марко доберъ юнакъ!
А нигде нема по-юнакъ одъ тебе,
А туку има у Дукатинъ града
Младо момче Дукатинче».

Море, посердисе Марко юнакъ,
Че имало по-юнакъ одъ него.
Онъ улезло у новы яхаре,
Изведе си коня Шаркалія,
Со-съ шиница бѣла го наранилъ,
А напоилъ чаборъ вино, —
И си бутна коня Марко юнакъ,
Та отиде у Дукатинъ града;
Край Дукатинъ града—двѣ млады момчета,
Двѣ млады момчеты-млады телчартыта.
Попита ги Марко доберъ юнакъ:
«Леле, варай, двѣ млады момчета!
Море, де сѣди момче Дукатинче,
Де е казва, че е млогу юнакъ»?
Продумали двѣ млады момчета:
«Леле, варай, чиче незнаяны!
Да ли питашь-право да кажеме:
Море, де-ка сѣды момче дете Дукатинче?
Бутны конё возъ новый пазаръ —
Де-ка найдешь калдерма одъ желтици,
Де-ка найдешь порты одъ желѣзо,
Де-ка найдешь камены дворове,
Де-ка найдешь высоке сарае,
Тамо сѣды момче Дукатинче».
И пойде Марко доберъ юнакъ
И отиде возъ тесны сокаци,
И намѣри калдермо одъ желтици,
И намѣри порты одъ желѣзо,
И намѣри камены дворове,
И намѣри высоке сарае;
И него мрьзи порты желѣзны да чука:
Море, бутна коня, презъ дувара прерипна;
Па ми ходы по равны дворове,
По дворове ходы одъ конё не слазе.

Видело го момче Дукатинче:
Та му дума одговóри:
«Леле, варай, чиче незнаяны!
Што ми ходышь по равны дворове,
По дворове ходышь, одъ конё не слазишь?
Дали мислишь пазаръ да правиме,
Пазаръ да правиме-трампа да чиниме,
Или меркашь, бой да се біеме?»
Продума Марко доберъ юнакъ:
«Леле, варай, момче Дукатинче!
Не семъ дошелъ пазаръ да правиме,
Не семъ дошелъ бой да се біеме,
На семъ дошелъ юнатлакъ да правиме,
Зӑшто семъ те чуло и разбрало,
Че си млогу юнакъ надъ юнака;
Море, ела, малко юнатлакъ да правиме,
Юнатлакъ да правиме,
Да се малко пребóриме».
Море, продума момче Дукатинче:
Што-то се, брате, пребóриме,
Бельти се убіеме;
Айде, идеме у Косово-поле,
Тамо има тое желты камикъ —
Онъ е мѣренъ триста оки;
Тамо штемо да се обидеме —
Кой юнакъ надъ юнакъ?»
Искочила негова-та майтя,
Та му дума одговóри:
«Леле, варай, момче Дукатинче!
Не е Марко юнакъ со-съ юнатство,
На е Марко юнакъ со-съ курвалство;
Оште, сине, тебе да погуби».
Изведе коня момче Дукатинче
Изведé изъ новы яха̒ры,

*

Та го шинекъ-бѣлъ орисъ на́зоби,
Напои го чоборъ ру̀йно вино,
Постигна го съ тридеветъ колане,
Попрегна го съ тридеветъ попрази;
Па бутна конё момче Дукатинче,
Бутна конё изъ Дукатинъ града.
Леко ходы коня Ластавица,
Леко ходы, калдерма-та троши,
Калдерма-та троши, дуваре са трясатъ,
Дуваре са тресатъ, пенджере трепе́ратъ.
И отшели у Косово-поле,
Намѣрили тоя желты камикъ —
Де-ка мѣренъ таманъ триста ока.
Море, подметна го Марко юнакъ,
Та летелъ е ни малко, ни млогу,
Та летилъ три дни и три нощи́;
Дирили го три дни и три нощи,
Дирили го, доде-къ намѣрили.
Та го метне дете Дукатинче;
Него мерзне одъ коня да слази—
Свесе се, одъ коня го узе;
Подметналъ го момче Дукатинче,
А го ферли момче Дукатинче;
Дирили го три дни и три нощи,
А дирили го те намѣрили го —
Чудили́се, каде́ камикъ падне?
А дали влете у церна земня,
Или упадна у си́нё-то море.
Море, ка' си пойде момче Дукатинче —
Леко ходы коня Ластавица,
Ка'-то би е ясна зора чини;
А, море, леко ходы коня Ластавица—
Одъ подзе-то трѣва ферлила́ се у небеса.
Тогива продумало Марко доберъ юнакъ:

«Леле, варай, момче Дукатинче!
Постави се коня Ластавица...

Конецъ недосказанъ. Сказитель замѣтилъ, «да е Марко излагалъ момче Дукатинче» и вѣроломнымъ образомъ погубилъ его, (бóльшаго отъ него юнака).

№ 156.

Г. Радомiръ; 1 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавискаго.

(Марко Кралевичъ вѣроломнымъ образомъ убиваетъ юнака — дитя, семи мѣсяцевъ, имѣющаго коня, семи мѣсяцевъ).

Билó дете седмомѣшче,
Па имáло конь седмомѣшче.
Дума дума му уйтя седмомѣшче:
«Я излезны детé седмомѣшче,
Изведы коньче седмомѣшче,
Изведы го низъ ладны яхеры:
Мие малко бой да правиме съ тебе,
Да вúдеме, кой че поюнакъ,
И дали е коньче седмомѣшче,
Дали ти е ногу берзо бúло,
Ели си е моя коня Шарговита?»
Излега го уйтя му Марко:
«Я опушти ты коньче твое
Коньче седмомѣшче—
Да видиме, ногу ли е берзо бúло?»
И оно е уйтя послушáло,
Та опушти коньче седмомѣшче;
Я Марко ного хитро било:
Не свидесе, де-ка е детé седмомѣшче
Де-ка си е одъ Марко-те поюнакъ,

И извади́ сабля димиція—
Дете́ си е напредъ предъ Марко-те—
И зема́ Марко сабля димиція,
Та пресѣче́ дете пре-срѣде-ка;
И де́те си на коньче гово́ри:
«Слушай мене, коньче седмомѣшче!
Нешто ме е серце преболѣло»:
И тогай му Марко въеднакъ ока:
«Э, ты-зи-ка дете́ седмомѣшче!
Я си оберны ты-зи-ка наза́де,
Да си видишь ты-зи, коньче
Съ каква ти е чоха покриенъ?»
Дете се въеднакъ обернало
Обернало и въеднакъ паднало:
«Проклетъ да си, уйте, триклетъ да си!
Оты ме мене така́ измамѝ?
Тебе гробъ нигде, уйте, да нема!»

№ 157.

Трен. окр. с. Бабица: 23 ноября 1879 г. записана со словъ Пеши (Петра) Тодоро̀ва.

(Марко Кра̀левичъ захватываетъ Янка «отъ Косова» въ плѣнъ и затѣмъ освобождаетъ его).

Повалисе Янко одъ Косова,
Да не мине турчинъ презъ Косово поле.
Сѣде Марко съ майтю да вече́ра
Да вечера суво лѣбо и церве́но вино;
Я самъ Марко подъ мустаци смѣе;
Майтя Марка питу́еше:
«Бога тебе, Марко Кралевиче!
Даль си смѣешь на суе вечере,

Иль си смѣешь на мое на старосты?»
«Ни се смѣемъ на суе вечере,
Ни се смѣемъ тебе на старосты,
Я са смѣемъ Янку одъ Косова:
Повалилъ се Янко одъ Косова,
Да не мине турчинъ презъ равно Косово;
Дори, мале, Марко повечéра,
Ты да идешь, коня́ да закаляшь—
Шаренъ бѣше, цернъ да стане;
Да донесешь това турско ру́о —
Да облечемъ това турско ру́о;
Чу да идемъ Янку на индаты».
Майтя иде, та коня закаля;
Па се верну, та донесе това турско ру́о.
Па премѣри Марко Кралевиче
Премѣри и пререшисе;
Па си стану Марко, та и отидé,
Та отидé подъ Косова града:
Поби копья, па си ко̀ня вéрза,
Па се узе турски да се кланя.
Сегледа го Янкова то любе,
Па говори Янку господа́ру:
«Бога тебе, Янко господаре!
И ты си младо обложи́ло,
Да не мине турчинъ презъ Косово.
Онъ се кланя у Косово града».
Янко по тія оговори:
«Бога тебе, мое—то любе!
Я че окнемъ саизина,
Да си узме коня дебеляна,
Да си иде доле—подъ селó-то,
Да га види—ель е турче, или бугарче?
И онъ я́ну коня дебеляна,
Та отиде доле—подъ село-то:

«Богъ те убилъ, непознанъ деліе!
Даль си турче, иль каурче?»
А онъ си често кланя.
Кагá си е момче приблизи́ло,
И онъ върли лека буздогана,
У́дари га у самó-то серце —
Конёкъ се паде и онъ се по нега;
И вану га, и верза му руке нао́пако;
Па-й се узе, да се турски кланя.
Сéгледа га Янко одъ диванé:
Па си я́ну коня́ Пеливана,
Та отидé доле—подъ селó-то;
Ка отидé доле—подъ селó-то
Проговори Янко одъ Косова:
«Бога тебе, турче саратличе!
Да-ль си турче, иль бу́гарче?»
Марко мълчи и често се кланя.
Кагá си е Янко приблизи́ло,
Онъ си върля лека буздогана,
Та у́дари лека буздогана,
Та у́дари коня́ изъ-подъ нега;
Конёкъ се пада, и онъ по нега:
Тага ста, та му верзá руке наопáкъ,
И си верзá коня́ Пеливана
И си верзá за коня́ шаренога.
Па Тагáй вати, за баджа пуса-та,
Да си гази той воду Ситни́цу,
И прикара Янка при воду Ситни́цу;
Тагай Янко по тія оговóри:
«Бога тебе, незнано деліё!
Да ми пуштишь руку десницу;
Ако не смѣешь руку десницу,
Да ми пуштишь руку лѣви́цу;
И додай ми това бѣло книже,

Да испишемъ това це́рно пи́смо,
Да га пра́тимъ на стару́ ту майтю».
А Марко му е пуштилъ десницу,
Та му да́де това бѣло книже;
Янко на́писа това церно́ писмо́;
Не га трати на ста́ру-ту майтю,
Нель га прати Марку Кралевичу—
Па си сви́рну на сиво соколе́;
А Марко Янку подсмѣе:
«Бога тебе, Янко одъ Косова!
Деветъ путы низъ давнанъ те пушталъ,
Садъ десеты путы те пуштамъ;
Я самъ Марко Кралевичъ!
Зашто пратишь сиво соколенце,
Да иде на мое дворо́ве?»
Янко си е тага продумало:
«Просто да ти е деветъ кадълька,
Просто да су и мои конаци,
Просто да и то мое любе».
Но е Марко Крале́виче опросты му
И конаци и любе-то,
И любе-то, што обруча́лъ.

№ 158.

Дупнич. окр., с. Рыло; записана 19 янв. 1880 г. однимъ болгарскимъ школьникомъ по порученію народнаго учителя дьакона Христы Димитріева Куюнджискаго. Передаемъ буква въ букву.[1])

(Янко отъ Косова уводитъ жену Маркову Ирину; Марко убиваетъ его; освобождаетъ свою жену; смерть матери и сестры Марка отъ радости).

Море, Марко, море млады Марко;
Марко шета по Влашка крайнина,
По крайнина шета, та крайни(на) чува.
Кога беше на светіи никола,

---

[1]) Дѣлаемъ только свою разстановку знаковъ.

Тогай Марко отъ крайни доиде,
Па на слуги по ти́ оговори́:
Е виека дванаесе слуги!
Гответе ручокъ, да ручате,
Наточете вино, да пиете,
Изнесете наймалата чаша,
Що то бере дванаесе ока,
Та я дайте на млада шарко́те,
Да си пие и да благосивя.
Слушаа го дванаесе слуги́,
Уготвия ручокъ, да ручая,
Наточия вино, да си пиятъ,
Изнесоха наймалата чаша,
Дадоха я на млада шарко́те—
Ем си пие, ем си благосивя.
Па е Марко на чаша задремало—
Малко дремна, големъ сонокъ виде;
Уплаши се Марко разбудисе,
Та на слуги по ти́ оговори:
«Е виека дванаесе слуги!
Малко дремнахъ големъ сонокъ видохъ:
Де ми двори магла утахнали,
Претъ портите цернъ барякъ побие
У стретъ двори това сухо дерво;
А на яфорово на дервото
До три куковици́:
Една кука вечеръ и на вечеръ—
Като кука веке ичъ неможе;
Друга кука нощи-полунощи—
Като кука друга изговара;
Трека кука заранъ та на заранъ
Като кука веке ош окнала.
Да ли е на зло, или е на добро́?»
Слуги́ му по ти оговоратъ:

«Море Марко, море млади Марко!
Ни е на зло, ни то е на добро:
Пленена е робена господна—
Еве сега три година време,
Како си е она запленена—
Пленилъ е Янко отъ Косово;
Това що са до три куковици:
Тай що кука вечеръ та по вечеръ,
Това ти е твое стара майка,—
Що то кука ноштѝ полунощи,
Това ти е твое первнолюбне,—
Що то кука заранъ па та зáранъ,
Она ти е сестра Ангелия».
Ни то стоя Марко, ни то гледа,
Туку яхна тая Шарца кона,
Та си пойде стара манастира;
Тамо седе три месеца време;
Та си пущи коси зá поясъ си,
И направи калугерско рухó,
И си тури калугерьска капа,
Та си яхна, та Шарца кона,
Та си хойде з Косови града;
Та си ходе предъ Янковѝ портѝ;
Претъ порти му тай шарены чешмы:
Тамо наде ери(на) госпожа
Де налие два ибрика вода;
Говори церна калудера:
«Помага(й) Богъ, моя Янковице!
Я ми дода(й) еденъ ибрикъ вода—
Я да пия, коня да поя;
Устата е мене погорелы
Погорелы за студена вода».
Говори му Ерина госпожа:
«Далъ Богъ добро, церна калудера!

Не смею ти водица подати,
Ме Янко отъ чардаци гледа,
Та хоке мене младо да погуби;
Кога бехъ котъ млади Марко,
Секо гладно бех го заранила,
Секо жадно бех го напоило,
Секо гола бех го заоблекло,
А подъ Янко ясъ несмемъ
Не смемъ и вода да дадемъ;
Ене, Янко отъ чардаци гледа!»
Па си зема два златна ибрика,
Та си хойде горе котъ Янкоте
Котъ Янкоте на високи чардакъ.
А Янко и по ти́ огово́ри:
«Е тизека Ерино госпожо,
Що ти збори́ церна ка́лугера?»
И она му казива и доказа,
Що и збори церна калугера;
Туку го е она излагала:
«Е тизека Янко млади Янко!
Конакъ тражи дека да нощева».
Говори Янко млади Янко:
«Е тизека Ерине госпожо!
Ти го викни́, у насъ да нощева;
Язе имамъ дума да му думамъ
Ега Бог да право да ми кажа,
Ясъ на него големъ бакшишъ дада!»
Послуша го Ерина госпожа,
Та повикна церна калугера:
«Тако м' Бога церна калугеро!
Хайде тизе у насъ да нощевашъ,
Тебе зове Янко млади Янко»;
Не ще да праша-послуша я церна калугера,
Та си хойде код млади Янко,

Те говори церна калугера:
«Богъ помага Янко млади Янко!»
— «Далъ Богъ добро, церна калугера!»
Говори Янко млади Янко:
«Е тизе Ерино госпожо!
Я уготви тай слатка вечера
И наточи това руйно вино».
Послуша го Ерина госпожа,
Та уготви тай слатка вечера
И наточи това руйно вино.
Па седнаха да си вечерая;
Принесоха вино да си піять;
Па се они дума задумаха.
Говори му Янко млади Янко:
«Тако м' Бога, церна калугеро!
Богъ ми, душа! нещо ке те прашамъ;
Да би далъ Богъ,
Право да ми кажешь,
Я кю тебе големъ бакши́ да дамъ».
Говори му церна калугера:
«Прашай, Янко, прашай, млади Янко!
Тако м' Бога, право ще ти кажа».
И Янко му ощ еднашъ, говори:
«Е тизека церна калугеро!
Отде ти е марковата кона?»
— Калугер му по ти́ оговори.
«Е тизека, Янко млади Янко!
Еве, сека три години време,
Како Марко по краини умре,
Та му коня за опело узехъ»;
Дочула е Ерина госпожа,
Поронила тия дробни́ сьлзе;
Согледа я Янко млади́ Янко,
Дека рони тия дробни сьлзи,

Дека жали за млади Маркоте,
Тагъ удри съ рака десница,
Два и заби из глава паднаха.
Говори му церна калугера:
«Тако м' Бога, Янко, млади́ Янко!
Я ми пода́й тая остра сабля,
Да понишамъ твоя остра сабля,
Да поиграмъ калугерско оро;
Да разговара Ерина госпожа,
Да не рони тия дробни сьлзи,
Да не жали Марко млада Марко».
Не сетисе Янко млади́ Янко,
Та е даде тая остра сабля;
Разнишалъ церна калугера
Разнишалъ тая остра сабля,
Та разгралъ е калугерско оро,
И отсѣче Янковата глава;
Остави му глава на софра-та,
Па си ѳана Ерина за рака,
Та я сведе доле у дворове;
Па улезна у нова яхери,
Та изведе си тая Шарца кона,
Та си яхна тая Шарца кона,
Па си ѳана Ерина за рака,
Та я ѳерли кото зат себека.
Расплака се Ерина госпожа,
Та си викна, колко що си може:
«Леле Боже, леле мили Боже!
Останах си без млада Маркоте,
А па сега и без млади Янкоте,
Па сега кю калугеръ да вода».
Говори и Марко млади Марко:
«Не бой ми се, Ерино госпожо!
Язе не самъ церна калугера,

Туку са ти Марко первнолюбне;
Сега ние дома ке идеме,
Да видиме наша стара майка —
Живи ле, или не живи?
И да вида сестра Ангелия —
Дома ли е, или се ожени?»
Па си ойде Марко, дура, дома;
Одалеко иде и си вика:
«Отвори́ ми, моя стара майко!
Отвори́ ми тия нови порти, —
Я излезни сестро Янгелио!
Я излезни да поштнашь коня».
Дочула го нему стара-майка;
Дочула го сестра Ангелия;
Дури майка стара да подигне
Да подигне тия стари кости,
Да отвори на Марроте порты;
Дури сестра гергевъ да остави
На гергево тоа свилепъ яглакъ,
На яглако деведесе игла,
И си на нозе станала,
Удри Марко коня съ зенги́(и),
Та прелете презъ новите по́рты.
Ка' го виде негова-та майка,
Жива го е она пригърнала!—
«Добре дойде Марко, мили сине!»
Още рече она неизрече,
Мертва се она одвоила;
Пригърна го сестра Ангелия:
«Добре доше Марко, мили братко!»
Жива го е она пригърнала,
Мертва се е она одвоила.

№ 159.

Соф. окр. (поле), село Чепинци 2 февр. 1880 г записана со словъ крестьянина Николы Мацуковецъ.

(Белё юнакъ увелъ жену Марка Кралевича).

Абаре дошлó на Марко
Одъ три кралове стигнало:
Да иде Маркó да иде,
Да три крайнины да варди.
Мало е многу е пресѣдѣлъ,
Сѣделъ е деветъ годины;
Абаре дошло одъ Марко:
«Марко е дюле [1]) удрило;
Осилилъ се Белё добаръ юнакъ,
Та зароби Марково-то либе
И марково-то дете осмогодче».
И калеса Белё триста села
Триста села и сто града:
Собралисе юнакъ надъ юнакъ,
А Белё се самъ си, бре, пофалú:
«Видете ли Марково боздоганинъ?
Това ми е одъ Марко миразъ [2]);
Юнаци се сиюгледнахá,
Та вазеа Маркови боздоганинъ —
Кой си може низъ капія да го извади?
Си се гостье редомъ, бре, редили,
Кой се, бре, фана за него,
И кой се не фана;
А марково дете осмогодче
Фанало се со-съ лѣва-та рака,

---

[1]) Пушка.
[2]) Наслѣдство (тур.).

Извади си босдоганъ до стрѣде,
Па се фана со-съ десна рака,
Та извади боздоганъ.
А майтя го, бре, люто кълнеше:
«Проклето да си, триклето да си!
Башта ти си глава придáде
Са-съ тая х̑алосія[1]).
Таманъ е, бре, рекла,
Тече-иде церна калудера
И си ях̑а Марку шарголія.
Ка' го видé Белё добаръ юнакъ,
Зеá лица да го пребиватъ:
Ná нодзе го дочекали,
Ná раце го прифанали,
У тарпези го увели,
Да му рече тоя, оня;
Продума му самъ Белё добаръ юнакъ:
«Слава Богу, церна калудера!
Што си яздышь коня,
Приличе на Маркова Шарголія?»
— Одговара Марко церна калудера:
«Слава Богу, Белё добаръ юнакъ!
Згодихсе Марку на опѣло,
Та ми дали Шарка коня».
Тога се Белё ослободи́,
Тога се Белё самъ си приказа:
«Слава Богу, церна калудера!
Та това е Марково либе
И негово мошко дете осмогодче»;
Марко пó ти одговори:
«Слава Богу, Белё добаръ юнакъ!
Я ми дай Марковъ боздоганинъ,

[1]) юнакъ.

Да припаша на моя-та танка половина,
Да се кача Маркова-та коня,
Какъ и знае, да играе,
Да играе прилѣпчанско оро».
И Белё му даде боздогана;
Припаса го церна калудера,
Припаса го танка половина,
Па се качи коня Шарголія,
Та заигра прилѣпчанско оро,
Та заигра, бре, налѣво;
Ка' оберна́ на́десно,
Кога погледне на юнаци,
Одъ юнаци нема нышто;
И говори:
Та знаешь ли, Белё чорбаджіё?
Те това́ с Марко добаръ юнакъ
Одъ Прилѣпа града, бре, голѣма!
Тогая се ѳана Белё добаръ юнакъ,
Та му подви́ лѣва-та рака,
И му изви, бре, руса-та глава,
Па си беркна у десны джепове,
Та извади, бре, влашки ножéве,
Одрѣза му, бре, руса глава.

№ 160.

Вран. окр. (въ Сербскомъ княжествѣ), с. Мачкатица; 3 марта 1880 г. записана со словъ крестьянина Иліи Николина.

(Марко Кралевичъ въ испугѣ).

Сѣды Марко да вечера;
На вечеру го питус майка:
«Вала тебе, Марко Кралéвиче!
Како дурашь по бѣлога свѣта,

Ели се кад-годъ уплашио?»
— «Нель ме питашь остарѣла майка
Нель ме питашь, право тю ти кажемъ:
Кадъ запресе младе Радивое,
Кадъ запресе надалекъ девойку,
Надалеко-преко Церно море,
Кума куми Дука Лати́нина,
Старогъ свата Релю одъ Пазара,
А прикумка Милошъ Кобиличе,
А мене, майко, за деверство узме;
Па отомо у Латинску земню,
Па-й отомо здраво и ве́село;
Латини ни лѣпо дочека́ше:
Доста пива и доста ва́рива;
Па пойдо́мо изъ Латинску земню,
И узомо тую лѣпу девойку,
Па пойдо́мо горѣ Романліѣ.
Проклета е гора Романлія!
Никадъ не е безъ айдука, майко,
Безъ айдука, ель безъ мечка-вука.
Врагъ изнесе тро́главу Рапину,
Па овако онъ бесѣдеше:
«Чуешь мене, Дуко Латинино!
Чудно ли тешь, лудо ли да пога́нешь?
Своу главу за-лудъ да издаде́шь
И за тудя тай лѣпа девойка».
Онъ побѣже горѣ Романліѣ.
Па овако, майко, прогово́ра:
«Чуешь мене, Милошь Кобиличу!
Чудно ли тешь, лудо ли да погинешь?
Своу главу за-лудъ да издаде́шь
И за тудя тай лѣпа девойка,
И за тудя одъ злато ябука»;
Онъ побѣже у горе зелене.

Па овако Рели бесѣдаше:
Чуешь мене, Реля одъ Пазара!
Чудно ли тешь, лудо ли да погинешь:
И за тудя тая лѣпа девойка,
За-лудъ ли тешь да погинешь?»
Побѣгоше сви редомъ сва́тове;
Ёште оста Марко Кралéвиче:
И онъ вóды подъ девойку коня.
Туй Рапъ му бесѣдаше:
«Чуешь мене, Марко Кралевиче!
Чудно ли тешь, лудо ли да погинешь?
Своу главу за-лудъ да издадéшь:
А што вóдешь подъ девойку кóня».
Тегъ се майко, я малко уплаши:
Па попу́стимъ шарены дизги́ни,
Па побѣго у горé зелене,
И западо узъ елу зелену;
Девойка ме люто прокленяше:
«Проклетъ да си, Марко Кралéвиче!
Оде вѣре срамóта те било:
А кому се снау поклонúо?
Да е Сербинъ, ни е ни срамóта,
Но па церну троеглаву Рапину!»
Тегъ се, майко, я малко налю́ти:
Па си узмемъ тежку топузину;
Варкалъ одъ елу до елу,
Докле го самъ малко превáрио
На довата по церному врату:
Арапъ пади, я му допада,
Па-й отсѣко три айджерске главе;
Па си викалъ до три бѣла дена,
Докле свикалъ редомъ до три сви сватове.
Па и отóмо здраво и вéсело.

№ 161.

Вран. окр. (въ Сербскомъ княж.), с. Мачкатица; 3 марта 1880 г. записана со словъ крестьянина Иліи Николиа.

(Похвальба дуки (дожя) Латинскаго Радоя; убіеніе его Маркомъ юнакомъ).

Сѣды Марко вечеръ-та вечера;
На вечеру питуе го майка:
«Што се, Марко, подъ мустати смѣешь?
Даль си смѣешь на божу вечеру,
Иль си смѣешь майка на старости?»
— «Ни се смѣемъ на боже вечере,
Ни се смѣемъ майки на ста́рости,
Но се смѣемъ Дуки Латинину —
Како́въ юна́къ! какво́ писмо прати!
«Да ми дойде Марко у мейдана,
Али отю нему отити».
Проговара нему стара майтя:
«Немой да дойде Дука Латинина,
А иды ты —
Вете ми се надолѣло,
Гледаючи свакакви грѣо́ви».
И узъяна Марко Шарца добра коня,
Право иде у дукине дворы;
Кадъ онъ е се добро затво́рио,
Туй, ме, чука Марко на порте:
«Ты излезни, бре, добрый юначе!»
Проговара негова-та люба:
«Айде, иды, непо́знанъ деліё,
Докле не е Раде дошео ми,
Али оче тебе онъ погубити»;
И налюти Марко Шарца добра коня,
Па урипи у него́ви дворы;
Тавай скина кована гердана,

Маку съ рукомъ—изчука ней зуби,
Па поручуй на нейнога човѣка —
Нека дойде у нове меане,
Да піемо той герданъ заедно.
Кадъ, ми, дойде тай-зи нёванъ човѣкъ,
И она му добрѣ доказус:
«Ючеръ самъ ти погинула —
Туй, ми, дойде, сденъ доберъ юнакъ,
Преко твое порте, есте, урипио,
И мене ми герданъ изкидао,
И мене ми зуби изчукао;
А што пратешь писмо,
А дома не сѣдышь?»
— «А кудъ се дѣну тоя доберъ юнакъ?»
— «Онъ отиде у нови меане
И поручи—и ты да му идешь».
И онъ оде у нове меане:
«Помозъ Бога, Марко Кралевиче!»
— «Богъ помогалъ, непознанъ деліё!
Оды, вино да піемо,
Да піемо еденъ женски герданъ».
— Каже Дука Латинина:
«Лесно жени сваки бити;
По излезни юнакъ у мейдану».
— «Оды, кажемъ, вино да піемо,
А у мейданъ съутра излезтемо».
Дука нышто више нете да говори —
Ману сабля и расипа Марку чашу.
Налюти се Марко Кралевиче,
Та му узме тая празна чаша —
Мана чашу-истера му главу;
Съ чашу го погубио —
Нема на што саблю да кервави.

№ 162.

Радом. окр., село Верба; 29 ноября 1879 г. записана со словъ того же крестьянина села «Вербы».

(Марко Кралевичъ уничтожаетъ еврейскую аренду на Св. Горѣ).

Продáвасе чиста света гора.
Закупиль е жълта еврештина;
И наловиль триста кириджіи,
Амо се нема конь-калаусъ;
Беендисаль Марково-то конё,
Да му иде нредъ конь напредъ;
Па си ойде при Марко юнакъ:
«Я самъ купиль чиста света гора,
И наловиль триста кириджіи,
И беендисахъ твоя Шарца добра коня,
Да иде калаусъ напрéдъ
И да носе звонéцъ седемдесе óки».
— А слютисе Марко добаръ юнакъ,
Та удри жълта еврештина,
Удри га Марко добаръ юнáкъ;
А она нему говóриль:
«А ме удри, а ме муа уштúпа».
Тага удриль жълта еврештина;
А онъ си му измóлюе:
«Не мой мене повторь повторите!
Айде, карай Шарка добра коня:
Колко сакашь, толко товаръ турай».
— А онъ си ойде та на майтя казува:
«Богъ да біе жълта еврештина!
— Закупиль е чиста света гора,
И ме одкара Шарца добра коня».
— И товá ли, сине, да те учимъ?
«Направисе Божія прошлятина,

Та си иды друми на раздруми,
Та си сѣди шарены на чешмы,
И ты земи тія лѣпи гусли,
Тамъ че мине жъ́лта евре́штина;
Честиты му чиста света гора;
Онъ че даро́къ даруе,
А ты не мой, дарокъ да земешь,
А ты си му измолюй,
Ега че вода́ да даде́».
— Ете иде жълта евреина.
— «Богъ те било жълто евреино!
Честита ти чиста света гора!»
А оно му дае жълте алтены;
— А оно каже: «не давай жъ́лте алтены́,
Додай мени студена водица:
Немамъ я очи, да си придемъ,
Да придемъ, вода да си піемъ».
— А слезнало жълта евреина,
А слезналъ, вода да піе,
Та запишиль деветъ дули чешмы;
А не било Божія прошлятина,
Нело било Марко, добаръ юна́къ:
Извади́ тая остра сабля,
Та пресѣче жълта евреина;
А рекнала половинъ-трупина
Та притисне Марко юнакъ;
— А онъ се лѣпо измолюе:
«Чуете ли, триста кириджіи!
Свинете те триста тоягальни». [1])
Удрише му триста помага́льни,
Па немогли, него да о́дма;
А онъ се ока́ Шарца добра коня:

[1]) Палка.

«Скоро бѣжи, мене да отмешь!»
— Тагай му конё повернýло,
Та удри со-съ негови копити,
Го накаралъ деветъ латы у земи,
А четри у дробно каменё.
Тогай стана́ Марко добаръ юнакъ,
Да е отелъ чиста света гора,
Да не мърси жълта еврешти́на.

№ 163.

Соф. окр. (поле), село Челопечино; 1 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Стоина Растова Буелъ.

(Марко убиваетъ треглавую змію, вредившую жителямъ).

Собра́лисе три дружина
У меана дренопольска,
Та си піятъ вино и ракія:
Единъ бѣше Марко юнакъ,
Торы бѣше Павелъ юнакъ,
Трети бѣше Бранко юнакъ.
Прочула се люта змія
Люта змія у Балкана,
Разселила деветъ села
И за́прела три клисуры.
Проговори Бранко юнакъ:
«Слава Богу, два дружина!
Ка' сѣдете, та пите,
Я то иде, да обиде
Да обиде добра коня.
Па отиде, та обиде добра коня,
Та е постéгна, та попрéгна,
Та се качи добаръ юнакъ,
Та отиде на Балкана;
Проговори добаръ юнакъ:
«Слава Богу, люта змія!
Де-ка да си, ту́ка да си!»
Ка' го дочу люта змія,
Заехчала-запиштала,
Съ душо гора поломила,
Со-съ нодзе камень обронила.
Согледа го добаръ юнакъ:
Верна конё наназаде,
Едва живъ съ душо утече;
Та отиде при два дружина
И говори добаръ юнакъ:
«Слава Богу, два дружина!
Ка сѣдете, та си пійте,
Не се трепе люта змія
Люта змія троеглава
Троеглава, шестокрыла».

Проговори Павелъ юнакъ:
«Слава Богу, два дружина!
Ка' сѣдете, та си пійте,
Я то идемъ, да обидемъ
Да обидемъ добра́ коня,
Да постегнемъ добра́ коня».
Стегна, попрегна добра́ коня,
Та се качи добаръ юнакъ
И отиде на Балкана;
Проговори добаръ юнакъ:
«Слава Богу, люта змія!
Де-ка да си, тука да си!
Да те вида, ты каква́ си?»
Дочу го люта змія:
Заехчала, запиштала,
Съ душо гора поломила,
Со-съ нодзе камене обронила;
Ка' виде́ Павелъ юнакъ,
Версна ко́ня на-назадъ,
Едва живъ съ душо утече,
И ойдё при два дружина;
Проговори Павелъ юнакъ:
«Слава Богомъ, два дружина!
Не се губи лю́та змія
Люта змія троёглава
Троёглава, шестокрыла».
Проговори Марко юнакъ:
«Слава Богомъ, два дружина!
Ка' сѣдете, та си пійте,
Я тю идемъ, да обидемъ
Да обидемъ Шарка коня».
Па постегна Шарка коня,
Постегна́ го, попрегна́ го,
Запа́са остра́ сабля,
Та се качи Марко юнакъ,
И отиде на Балкана;
Проговори Марко юнакъ:
«Слава Богомъ, люта змія!
Де-ка да си, тука да си!
Да ти вида, ты каква си?»
Дочула го люта змія:
Заехчала, запищала,
Съ душо гора поломила
Со-съ нодзе каменье обронила.
Согледа с Марко юнакъ,
Согледа а, дочека а;
Дочекала люта змія:
Фанала люта змія
Фанала Марко юнакъ —
Съ една глава фанала Марко юнакъ,
Съ то́ра глава фанала Ша́рка ко́ня,
Третя глава Марко яде́.
Погледалъ Марко юнакъ
Погледалъ и заплакалъ,
Одъ Марка си керви течатъ, —
Па изва́ди остра́ сабля,
Та одсѣче змія троёглава,
Па си верна на-назаде;
Проговори Марко юнакъ:
«Слава Богомъ, деветъ села!
Селе́тесе деветъ се́ла;
Я погуби́ люта змія;
И проверветe три клисуры!
Я погуби́ люта змія!

№ 164.

Соф. окр., село Суводолъ; 30 янв. 1880 г. записана со словъ кмета Георгія Колова.

(Марко Кралевичъ строитъ церкви, безъ спроса турокъ; вслѣдствіе чего навлекаетъ на себя злобу султана, который приказываетъ схватить его).

Шета Марко по Косово поле,
Тамо гради церкве, монастыре;
Оттамъ ойде на Скопье высоко,
И тамъ Марко монастырь загради —
Монастырье светы Димитріе;
Се ги гради безъ царева изинъ [1]).
Рѣчь по рѣчь до царо се дочу́.
Царъ се прати до два ми телала,
Личь балича по Стамбола града:
«Чуете ли Турци и Бу́гаре!
Че каковъ е Марко делійбаша!
Кой-то може юнакъ надъ юнаци
Живъ Марка да у руце фана,
Дарилъ бы ги незнано иманье,
Дарилъ бы незнаны градове,
Дарилъ бы и оште што сакатъ,
Салъ Марко живъ ми да доведа».
Никой нема юнакъ надъ юнаци —
Живъ Марко у руце да фана,
Салъ са е церна Арапина;
Па отиде при царъ султанъ Муратъ
И говори:
«Фала, цару, фала е, султане!
Колку, цару, дарба че ме да́решь?
Я самъ болье юнакъ надъ юнаци,

---

1) Тур. слово=разрѣшеніе.

Я че фанемъ Марка-те юнака,
Живъ че ти у руке доведе́мъ;
Давай, цару, друго, што че давашь:
Ты ме даришь града Радоміра,
Што извезе стара влахимина,
И ми давашь града Сталатина,
Што извезе стара влахимина,
И ми давашь Босна-Сараева
И у Босна бѣло Сараево,
Той нераждa ни жито, ни трѣва;
Давай, цару, друго и придавай,
Ако сакашь добро да ти чинимъ —
Живъ Марко ти у руке да фанемъ,
Живъ да те на дворы доведе́мъ».
Той му царо ти'о говоре̔ше:
«Фала тебѣ, церна А̔рапине!
Ако можешь юнакъ надъ юнаци
Живъ Марко у руке да фанешь,
Даричемъ те сва Солуна града
И че дадемъ кральство да кралювашь;
Ако можешь добро да ми чинишь,
Че те даримъ Маркови-те дворы
И са-съ дворы Марково-то лю́бе».
Той се нае церна А̔рапина;
Тогай тергна возъ тесны сокаци,
Право ойде на ибизданжіи;
Тамъ накрои ру̔хо калудерско,
И направи капа калимавка.
И направи златны нараквицы —
Сышты стана церны калудера;
Направилъ е до седемъ сенджира,
И везелъ дервишко дерверже,
Съ деверже одъ юнаци варай,
Право тергна по бѣли друмове,

Право ойде града на Прилѣпа:
Тамъ подчукна на марковы порты;
Излезнала маркова-та майтя,
Па му майтя тих̔о говораше:
«Фала тебѣ, церно калудеро!
Тука нема Марка-те юнака,
Да Марко е на Ско́пье высоко,
Тамо гради церкви-монастыре,
Заградилъ е светы Димитріе».
Той се тергна церна Арапина,
Право тергна по бѣли друмове;
Ка' е тергна оловна камджія[1]),
Та удари коня изъ-подъ себе;
Каде мина́ по бѣли друмове,
Се друмове о́гень утегнах̔а,
Одъ узда́ му бѣли пѣни теча́;
Одъ гєрби́на церни керви теча́;
Право ойде на Скопье высоко,
Тамъ на монастырь светы Димитріе;
Почукналъ е на пребѣли порты:
Излезналъ е Марко доберъ юнакъ,
Излезналъ е и вѣсдпагъ казалъ:
«Фала тебѣ, церно Арапино!
Богъ те біе, Богъ да те убіе!
Зашто идешь на наши монастырь?
Дали идешь-нешто да ми лыжешь?»
А онъ си му тих̔о говораше:
«Фала, Марко, фала, доберъ юнакъ!
Да я несамъ церна Арапина,
Нело семъ церна́ калудера,
Де я самъ си одъ света горица —
Одъ монастыро одъ Илендараго;

[1]) Кнутъ (тур. слово).

Той самъ чуло и самъ си разбрало,
Зашто градишь церкви-монастире,
И самъ дошелъ на твой монастырь:
Ты че кажешь старѣя да быдемъ».
Той му Марко по ти оговóри:
«Богъ те било, церне Арапине!
Ты си дошелъ, та ме-мене лыжешь».
Арапинъ му тихо говóраше:
«Фала, Марко, фала, доберъ юнакъ!
Óведисе, Марко, и ме слушай:
Я да четимъ книга повангелье;
Ако ли те, Марко, я излыжемъ,
Ты одсѣчи моя церна глава,
Ако ли те, Марко, я не лыжемъ,
Ты постави мене старѣя че быдемъ».
И Марко го младо послушало:
И Арапинъ книга прочетело —
Съ лѣва рака книга се держаше,
Съ десна рака синджиръ си держеше
И на Марко на рамо наметна —
Живъ Марко та у руке улове;
Пишти Марко, ка’-то люта змія,
Никой нема, Марко да се отме.
Дочулъ го е хайдукъ дебелъ Новакъ
Одъ висока Качи́нова града:
Справилъ си нему добра коня́;
Тергналъ си е по бѣли́ друмове,
Право ойде и право ги стигна́,
На Арапинъ тихо говóраше:
«Фала тебѣ, церна Арапина!
Каде карашь Марко-те юнака?
Знаешь ли ме-мене и познавашь?
Кой самъ юнакъ, одъ коя самъ града?»

Слѣдовалъ, вѣроятно, отвѣтъ Арапина; но сказитель опустилъ его. На отвѣтъ Арапина отвѣчаетъ юнакъ Новакъ:

«Не ме викатъ Марко доберъ юнакъ,
Налъ ме викатъ х̔айдукъ дебелъ Новакъ,
Одъ висока самъ Качина града;
Чемъ да ферлимъ, чемъ да те уда́римъ:
Мытна вода какво порой но́си,
Така тебе бѣда́ че однесе».
А онъ си му тих̔о гово́раше:
«Ферляй, ферляй, х̔айдукъ дебелъ Новакъ!
Ако можешь мене да утепашь,
Харамъ да е кральство, што кралювашь,
Ако немошь мене да уте́пашь,
Да ти видимъ, што юначство имашь!»
Тергна-ферли х̔айдукъ дебелъ Новакъ
Со-съ негово лѣпо шестоперче;
Богъ да біе церна Арапина!
Завертелъ е дервишко дерведже,
Шестоперче на страна́ отиде́;
Ферлилъ х̔алка [1]) и него улови.
Тойги стави до два юнаци;
Тія пиштатъ ка'-то люты зміи,
Дочуло ги Новаково дете́,
Дете му е Груица-детенце;
Справило нему е добра́ коня́,
Тергнало одъ свои́ дворо́ве,
Право терчи на бѣли́ дру́мове,
Право срѣшна и право го пита:
«Богъ те било, церно Арапино!
Каде х̔одышь и каде́ си х̔одыілъ?
И си фаналъ двамина юнаци?
Дошелъ ли си е до моя-та рака́,

[1]) Петля.

Да ме видишь, да я кой самъ юнакъ,
Кой самъ юнакъ, одъ коя самъ града?
Не ме викатъ Марко Кралевиче,
Не ме викатъ хайдукъ дебелъ Новáкъ,
Но самъ язе Груица—детенце,
Одъ висока самъ Качина града;
Да видишь ли мое шестоперче!
Мытно вода каде порой носи,
Така ты-зи у бѣдá че ойдешь».
А онъ-ти му по ти оговóри:
Богъ те било, Груице—детенце!
Харамъ, што кральство кралювашь,
Ако немошь Арапинъ утепá».
Ферли дете съ леко шестоперче.
Богъ да біе церна Арапина!
Завертелъ е дервишко дерведже
И буздоганъ нá страна отиде,
Ферли синджиръ и него улови.
Той станаха троица юнаци;
Тія пишта, ка'-то люты зміи.
Дочуха ги Новáкови децá:
Исправиха нихни добри́ кони́,
Излезнаха, и нихъ си е фаналъ,
Фаналъ е церна Арапина.
Той станаха петина юнаци;
Тія пишта, ка'-то люты зміи.
Ка' ги дочулъ Янко доберъ юнакъ —
Той е Янкулъ одъ равно Косово —
Янкулъ дочулъ одъ негови́ дворы,
Че дружина у руке фанеты;
А Янкулъ е юнакъ надъ юнаци,
Че да ида, дружина да отме.
Той е ошелъ, и онъ си е фанатъ.

Той станаха шестина юнаци;
Тія пишта и си са ожаловатъ.
Богъ да біе церна Арапина!
Ни ги пита, ни имъ добре́ чини,
Право верви́ по бѣли друмове,
Право д' иде на Стамбола града,
Да ги кара при царъ султанъ Муратъ.
Дочуло с Секуло—детенце
Одъ высока града Іорга́нина;
Седѣло е дете у одаи́,
Одъ врати му гласи достигная,
А дете се чудо му чудило, —
Я вечера, а гласи дости́гатъ;
Той си мои́ братя уло́вены,
Мои́ братя и моя дружина;
Може, да са на зло начинеты;
Я да идемъ, ега́ да ги отмемъ;
Не че можемъ со-съ моя силама,
Я да платимъ деветъ летургіи,
Можемъ тога́й бра́тя да одку́пимъ.
И станало и коня стегнало,
И тергна́ло и си е отишло́,
И скепо си е летургія плати́;
Право стигна́ нето́вы-те дружины:
И тамо е церна Арапина,
Живъ ги фанали [1])
И живъ ги кара,
Тай са близа до Стамбола града;
И надалекъ робье заробены.
Ка'-то стигна́ Се́кула—детенце,
Оддале́къ е оно́ исока́ло:
«Богъ те било, церна Арапина!

[1]) = фаналъ + и

Пуштай ты-зи той моя́ дружина!
Ни се фалимъ—ни юнагство имамъ,
Ако, може, Господъ да помо́гне,
Ты че знаешь и люде че видатъ!»
Тергна, ферли съ лека буздогана;
А е ферли́лъ, а го е удари́лъ,
Исферлилъ го низъ синё-то сѣдло,
И онъ падна на церна-та земня;
Што ми пришло Се́кула-детенце,
Тергнало е са́бля дипленица —
Диплело е дванаесы диплё,
Носило е у десна пазуха;
Отпуштило е шестина юнаци
И думало Се́кула-детенце:
«Айде напредъ, церна Арапине!
Каде ч' идешь, каде че ме водышь?
Да и́машь ли мѣсто, дека д' име,
Дека д' име, дека че ме во́дышь?»
Ара́пинъ му се чудомъ учудило:
Дека д' иде, дека го воды?
Нима д' иде, нима да го воды.
Земало е Секула-детенце,
Везело е на Арапинъ гла́ва
И ошло́ при царъ султанъ Муратъ,
И му тихо говораше:
«Фала тебѣ, царъ султанъ Мурате!
Мошь честыти да быдышъ!
Ты ми прашташь церны Арапины,
Та да лова насъ по земни́-те,
И да хода и назе да лова,
А ние сме и па оште живи —
Братъ по брата и нече да умре;
Я семъ отелъ шестина юнаци,

Я семъ седми кодъ тебе семъ дошелъ,
Да ми кажешь, далъ ги ты-зе пратышь?
А царь-си му по ти оговори:
«Фала́ тебѣ́, Секуло́-детенце!
Я те знавамъ за мое-те чедо
И за тебе нигде душа немамъ;
Ты-си дошелъ, да ми-мене жалишь;
Я не знаемъ церна Арапина,
Ни ме питай, каде́ си хо̆ды,
Ни го знаемъ, ни го попознавамъ,
Дали има негде Арапины;
Я да пойдемъ, я че ги уте́памъ».
Той му дете по-ти оговори:
«Фала, цару, мошь честитъ да быдешь,
Я погледни на мо́я-та коня
И погледни у мои́ бисаджи,
Што ти носимъ глава, да си видишь:
А дали глава за ферлянье?
И дали е, цару, непознавашь?
И дали чешь, цару, да си думашь?
У тебе е дума изпуштена,
Ты чешь, цару, одговоренъ да си́;
Я семъ срамень, и срамо загу́бихъ,
Я чемъ сега право да си кажемъ:
Че те губимъ, ако да си са́камъ».
А царь му-се тио говораше:
«Э Секуле, Секуле-детенце!
Мои-те са дарби найголѣ́ми:
Колко сакашь, толко че те даримъ».
А Секула ти оговораше:
«Богъ те било, цару, е честиты!
Ни те знаемъ, на те попознаемъ,
Ни че иштемъ, тебе да погубимъ;
Я избавихъ шестина юнаци,

Избави́хъ ги и ги познавамъ,
Ни ги сакамъ, мене да се кажатъ,
А то нели, царо, да те гу́бимъ».
А царь му е ти огово́раше:
«Э, Секуле, Секуле — детенце!
Ты ме знаешь, язе колко можемъ;
Ты да сакашь, ты че ме погу́бишь;
Молимъ ти се, не дѣй да ме погуби».
—«Дарба имашь живо́тъ и здравье».

№ 165.

Трен. окр., с. Ба́бица; 28 ноября 1879 г. записана со словъ 10-тилѣтней дѣвушки Христины Стоянчевой.

(тоже).

Марко гради деветъ задужбине —
Ни питуе цара, ни визира.
Па се дочу до честита цара.
Пушти царо до деветъ тала́ле;
Талали виче по Будима града:
«Кой се може юнакъ наванати,
Да си ване Марка Кралевича,
При мене живъ да докара,
Че му даде́мъ Босна-Сарай,
Че му даде́мъ двѣ азнаина».
Богъ да біе церну Арапину!
Наванусе церна́ Арапина
Наванусе — да га Богъ убіе!
«Давай цару-што че ми дадешь?
Да я нечу Босну-Сараю,
Што не ража ни дьрва ни камикъ».
Далъ му царькъ три азне иманя.
Богъ да біе церну́ Арапи́ну!

Ка̓ отиде на нови пазаръ,
Та си купи руо калудерско,
И си купи капу калудерску,
И си земе кни́ге старовремске,
Па си пойде презъ по́ле широ́ко.
О́далекъ га Марко согледа́ло:
«Назадъ, назадъ, церна́ Арапина!»
Арапинъ си Марку гово́раше:
«Тако д' Бога, Марко Кралевиче!
Да я несамъ церна́ Арапина,
Нели самъ церна́ калудера;
Я ме води деветъ задужбине,
Да осветимъ деветъ заду́жбине».
Не сѣтисе Марко Кралевичъ —
Излыжи га церна Арапина;
Уведе га у деветъ задужбине.
Прогово́ри церна́ Арапи́на:
Тако д' Бога, Марко Кралевичъ!
Я наведи ми твою ру́су гла́ву,
Да осветимъ твою ру́су главу,
Па тагая че церкве да осветимъ».
Навело е Марко Кралевичъ,
Навело е ту́ю русу главу;
Богъ да біе церну Арапи́ну!
Вади ключе одъ сенджире,
Та у́кова Марка Кралевича:
На ноге му три ситна синджія,
На руке му деветъ букадія,
На гушу деветъ куладія —
У́кова Марка, Кралевича,
Уковало га и покарало.
Писнуло е Марко Кралевичъ,
Писнуло е, колико се може.

Дочу си Янко одъ Косова;
Янко дума на стару майтю:
«Леле мале, леле стара мале!
Писъкъ иде презъ поле широко,
На гласъ му е побратимъ Марко.
Янко си е коня́ посправило,
Постéгнуло до деветъ колана,
Узело тешка топузина,
Узело лька бугдозана,
Та пристигна церну́ Арапи́ну:
Пуштай, пуштай Марко Кралевичъ,
Че те удри(мъ) меджи церны́ очи,
Че накарамъ три пéды у́ земь!»
Проговори церна́ Арапина:
«Върляй, върляй, жалба да не ти е!
Таманъ толко и за тебе алка има».
Таманъ това́ думу издума́лъ,
И нега у алку турило.
Писнали се двамина юнака
Писнали се, колико се може.
Дочу́ ги айдукъ Дебéлъ-Нова́къ;
Айдукъ ду́ма на стару-ту майтю:
«Леле мале, леле стара мале!
Много писакъ преко поле широко —
Едно си е Марко юнакъ,
А дру́го-то Янко одъ Косо́ва».
И оно́ е коня́ посправи́ло:
Постегну до деветъ ко́лана,
И́ узело тежка топузи́на,
И узело лька бугдозана,
Та присти́гну церну Арапину.
Прогово́ри айдукъ Дебелъ-Нова́къ:
«Тако д' Бога, церна́ Арапина!
Пущай, пущай двами́на юнака,

Че те удри́мъ меджи церны́ о́чи,
Че накарамъ три педы у земи».
Одгова́ра церна́ Арапина:
«Върляй, върляй, жалба да не ти е»!
Таманъ, това думу издумало,
И не́га у алку ту́рилъ.
Писнали су троица юнака,
Писнали су, колико се може.
Дочу ги Груя вреденъ ю́накъ.
Груя дума на стару-ту майтю:
«Леле мале, леле старо мале!
Много писакъ презъ поле широко —
Едно си е Марко вреденъ юнакъ,
Едно си е Янко одъ Косова,
Я третье-то айдукъ Дебелъ-Нова́къ».
И оно́ е коня́ посправи́ло,
Постегнуло до деветъ колана,
И узело тежка топузина,
И узело лька бугдозана;
Пристигну церну́ Арапину:
«Пущай, пущай троица юнака!
Че те удримъ меджи церны очи,
Че накарамъ три педу у земи».
— «Върляй, върляй, жалба да не би ти,
Да не би ти жалба останала:
Таманъ толко и за тебе алка́ има».
Таманъ това́ дума издумало,
Удри нега Груя вреденъ юнакъ,
Та накара три педы у земи,
Та опущи троица юнака.

№ 166.

Вранскій округъ, с. Мачкатица; 3 марта 1880 г. записана со словъ Ильи Николина.

(тоже).

Марко прави триестъ манастира
У Приморьѣ мѣсту питоміѣ;
У ни пóпне деведесé звоне,
И набави триесъ калу́дера
И тридесетъ дяка самоука.
Па кадъ буде у петекъ—у ютро,
Онъ обори деведесéтъ звоне,
И пѣвали тридесетъ калу́дера
И тридесетъ дяка самоука;
Туй не смѣю ити турци у джаміе;
Тежка тужба на цара отúде:
«Чуешь, царе, самъ честиты царе!
Марко прави триестъ манастира,
У ни попне деведесé звоне,
И набави триесъ калу́дере
И тридесетъ дяка самоука,
Па, кадъ бива у петекъ—у ютре,
Кадъ пойдо у джаміе
Онъ обори деведесé дзвóне,
И пѣвау триесъ калу́дера
И тридéсетъ дяка самоука;
Туй не смѣю у джаміе ити».
Онъ му прати неколико войско,
Па му рушу триестъ манастыра,
И погубу триестъ калудера
И тридесетъ дяка самоука.
Той, ми, дóчу Марко Кралéвиче;

Па узъяне Шарца добра коня,
Право иде у При́морье добро;
Та, ми, виде него́ве-те штеће;
Право иде у бѣла Стамбола,
И уиде цару у дво́рове:
Побѣ шаторъ цару у дворове,
Побѣ коне у леди́ну;
Па приверже Шарца добра коня,
Па изи́де цару чести́тому —
Бѣле руке до лакти за́узви,
Церны берке на раме наба́ци:
«Кажи, цару, кудъ е мое благо?»
Туй се стаде царе измацине,
Али Марко ближе примацине;
Дойде царо до ду́вара —
Па, ми, беркну у свильни джепове,
Та извади стотина дука́та:
«Иды, Марко, у нове меане!
Докле піешь стотина дуката,
Тю ти правимъ триестъ манастира
И у нима деведесе́ дзво́не,
Набавити триесъ калу́дера
И тридесетъ дяка самоука;
Све тю твое благо тако́ да наравнамъ,
Како́ што е било;
Салъ немой, Марко, цара да погу́бишь».
Све му царо, есте, напра́вио,
И Марко го не е погу́био.

№ 167.

Село Лешко, Джумалійск. окр.; 17 дек. 1879 г. записана въ селѣ Скрино со словъ старушки Авдотьи (Авдоча) Николицы.

(По порученію Гины Латинина, Марка захватываютъ въ плѣнъ).

Канилъ Марко госте Светогорци,
Канилъ съ Никулъ денъ.
Отъ се има Марко, да е гости,
Оште нема рыба моруна.
Креналъ Марко на риба да иде,
На срѣшта му Гина Лятинина
И со-съ нея тро́ица Лятине;
Оддалекъ му вѣра процураа,
Одблизу му майка споменяа;
Извади се леки боздогана,
Та погуби троица Лятине;
Одбѣгала Гина Лятинина,
Одбѣгала, та отишла цару на индату,
Та пратила за Марко Кралевите,
Да го найдатъ, да го фанатъ,
Те погуби́ мои-те дружи́на;
Па пратих́а на Маркови двори,
Та фанах́а Марко Кралевите:
Ойдоа цару на индата;
Не го губи царо Марко Кралевите,
Но го тури младо азнатарьче:

№ 168.

Трен. окр., с. Бабица; 22 ноября 1879 г. записана со словъ Божиля Янкова.

(Марко Кралевичъ убиваетъ Мусу кеседжію).

Яши Марко коня шаренога,
Та си шета по люте кра́ине,
Та си тражи Мусу кеседжію́.
Шеталъ си е три́ дни и три ночи,
Та па-й се га дре́мка оборила;
Якъ конь нега изъ-подъ себе везе;
Та говори Шаренога конь:
«Дигъ се, Марко, дигъ се —

Да би се не дигалъ!
Каквá ала у срѣчу не иде;
И Марко си е тагай обудило,
Тагай си е на коня говорило,
И па-й се Марко устрашило:
«Леле коню, леле шаренога!
Напредъ да идемо, млади че ги́немо,
Над-задъ че вратемо, люде че ны смѣю;
Айде, напредъ да и́демо —
Каквó Богъ помáга».
И усрѣче Муса кеседжія.
Марко си е говóраше:
«Добра срѣча, Мусо кеседжіё».
— «Далъ Богъ добро, непознанъ деліё!
Какво шеташь узъ тесне клисуре?
Дали знаешь, Марко де-ка си е?»
— «И ты ли си Марка непознавашь?
Съ Марка думашь, Марка не познавашь!
Я сáмъ пошéлъ, тебе да се оби́деме;
Де, върляме льке буздоане.
Върлилъ Марко лька буздоана,
Маркова-та се строшила;
Върляли си тежки топузи,
Маркови са строшиль;
Па си се вануше у юнáчке руке:
Борили се три дни и три ночи,
Марко си е оздолье пáдло,
Марко си ока и па-й вика:
«Леле виле, леле самовиле,
Леле мое посестриме!
Дéка сте, тука да сте,
Да видите Марка!»
Долетели виле-самовиле;
И онé му шепнуле на десно-то ушé:

«Да куде су те потайни ножеве?
Та убоди Мусу кеседжію».
И оно́ изва́ди потайне ножеве,
Та убоде Мусу кеседжію;
Та си умре Муса кеседжія;
Па не може Марко да се изверне:
Те, си иду́ млади кириджіе;
О́каю виле-самовиле:
Э, вие, млади кириджіе!
Та се́чете си́рове кюскіе,
Да се дигне Марко Крале́виче».
Пасѣкли су сирове кюскіе,
Отверлили Мусу кеседжію,
Та се диже Марко Крале́виче.
Та распрало Марко Му́су кеседжію,
И си найде двѣ се́рца у Мусу:
Едно се борило и преборило,
А друго́-то, таманъ, се разгрѣвало.

№ 169.

Соф поле, с. Чепинци; 2 февр. 1880 г. записана со словъ Атанаса Микинецъ.

(ПЕРЕСКАЗЪ).

(Марко въ адріанопольской темницѣ; его бой съ черным арапиномъ).

Ферлили Марко Кралевича у Ядрена града голѣма;
У апасъ деветъ годинъ сѣде́лъ.
Царь зна́ялъ, че е Марко поги́налъ.
Излезла церна Арапина,
Па си посилила—на царь хазни за пира.
Па се чуди царь, што да чини,

Што да чини со-съ а̔рмазанина;
Пушти телалъ по Цариграда:
«Кой се найме а̔рмосанина да погуби,
Царь му царство дава».
Наялъ се турчинъ Мехмедъ барьях̔тарь:
Сабралъ петъ стотинѣ души млады юнаци,
Та отиде а̔рмаса да погуби.
Онъ бѣше у Ямбола града:
На голѣма дива́на высо́ко сѣдеше;
Ка' виде, да идатъ юнаци да губатъ него —
Онъ бѣше на танки бѣли донове[1]) —
Ка' ги виде, а имъ оддалекъ дума:
«Не при́дете петъ стотинъ юнаци,
Жалъ ми е, млады ше гинете».
Юнаци това нештех̔а да слушать,
Право кодъ него ойдо̇а;
Онъ стана на нодзе,
Одкачи сабля френгія,
Па слезна доле на земня:
Та се заверте налѣво, надесно,
Та си погуби петъ стотинъ юнаци;
Туку остана Мехмедъ барьях̔тарь,
Него си живъ уло́ви,
Та го на конъ качи —
Нодзе му заклопи подъ конъ,
Рацѣ му назадъ веза́,
Па го на царь запрати,
Да види царь Мехмедъ-юнакъ.
Кога́ кодъ царо отиде́,
Царь Мехмеду дума:
«Фалимъ тебе, Мехмедъ барьях̔тарь!

---

[1]) Подштаники.

Камо ти петъ стотинъ млады юнаци?»
А Мехмедъ дума на царь:
«Нели я ти дойдохъ? за юнаци не питай».
Тога се сети царь за Марко Кралевичъ:
Да бѣше Марко оште живъ,
Онъ ште Арапинъ погу́би.
Излезна една баба, та каза,
Че е живъ Марко Кралевичъ,
Ама у Едренѣ апасъ девстъ годинъ.
Царь пушти улакъ[1]), да го доведатъ.
Кога́ отидоха кодъ него —
Онъ душа има, сила нема;
Аберджіи кажатъ на Марко:
Я хайде, Марко, да станешь!
Че те царь о́ка».
А Марко нимъ дума:
«Я душа имамъ, сила немамъ,
Сила немамъ да ида»;
И ула́къ се верна́ кодъ царь и дума:
«Марко душа има, сила не́ма
Кодъ тебе да до́йде»;
А царь на улакъ дума:
«Скоро на конъ да го донесете!»
И они се скоро вернаха,
Та го на конъ донесоха.
Царь дума на Марко:
«Знаешь ли, Марко Кралевичъ,
Зашто те на конъ донесо́а?
Знаешь, Марко, я те носимъ
Бой да біешь».
Марко на царь дума:
«Цару честиты!

---

[1]) Вѣстникъ.

Мертва душа бой біе ли?»
Царь на Марко думаше:
«Какво́ да чиниме сега́?»
— «Да ми дадешь мух̆летъ еди́нъ мѣсецъ,
И да ме́ х̆ранишь овчё месо,
Ялово отъ три годинъ,
И да ме поишь вино троегодско».
И царь го х̆рани́ мѣсецъ време
Овчё месо ялово.
Царь дума на Марко тогай:
«Какво́ да чи́ниме сега, Марко?»
Онъ каже: «я мо́га, ама конъ не мамъ».
Царь каже: я коне́ имамъ;
Влезни у ях̆аръ, та и́збери».
Марко у ях̆аръ влезна́, конъ да избере,
За Марко конъ немало;
И́злезна, та на царь ду́ма:
«Цару честиты!
Да пуштишь телалъ по Цариграда,
Че ште Марко да свирне;
Никой да се не уплаши;
Ако ми е конё живъ,
Онъ ште дойде».
И Марко излезна́, та свирна́;
Конё му бѣше у Едрене воданоси,
Ка'-то го конё чу,
Онъ се низъ раце́ отамна́,
Та кодъ Марко отиде́;
И онъ бѣше герчавъ [1]) конь.
Марко дума на царо:
«Цару, да ми дадешь дваесе дена,
И конё да ми х̆ранишь ечмикъ троёгодски,

---

[1]) Тощій, исхудалый.

И да го пóишь церно́ вино».
И царь го храни дваесе дéна
И пои́ го вино троёгодско.
Тога е Марко на коня качи́,
Та отидé на Ямболъ града,
А Арапинъ армасанъ тамъ не маше;
Него казаха на друга касабá.
Марко пойдé, кодъ него д'иде,
Та го срѣшна на стрѣдъ патъ:
Арапинъ му оддалекъ о́ка:
«Не иды на срѣшта, курвино копеле!
Че ше младо да загинешь»!
А Марко му думаше:
«Несамъ курвино копеле,
На самъ Марко Кралевичинъ!
Стой на бѣлекъ, курвино копеле!
Я да ферлямъ, я да ферляшь».
Наферли Арапинъ Марко да убіе,
Марко зададе зенгія,
Топузъ у зенгія удари;
Когá ферля Марко со-съ топузина,
Марко Арапинъ у рака го уло́ви;
Тога придохa еди́нъ до единъ,
Па слезнахa съ коне, да се зборихa;
Та се три дни бориа;
Па тратна Арапинъ Марко;
Сѣдна Арапинъ на Марко,
Да обчини малко,
Па послѣ да го сѣче;
А Марко се имаше силе
Сила со-съ самовила:
Тогае Марко пословечки засвири:
«Вило-самовило!

Де-ка да си, кодъ мене да си»;
Она бѣше у церно море
У церно море на стрѣдъ, на Ада.
Ка'-то го чу вила-самовила,
Она со-съ силенъ облакъ кодъ нихъ отиде;
Та па на Марко дума:
«Я тебе, Марко, думала,
У света недѣля бой да небіешь;
И сега тю да те куртулиша;
Ты кажи Арапину, облакъ да погледне,
Па извади ножъ, та го ра́спори
Одъ гочкуръ до бѣло гърло.
Учинилъ тако Марко Кралевичъ,
И распра́ Арапинъ одъ гочкуръ до бѣло гърло;
Та падна мърша на Марко,
Та три дни не може́ одъ него да излезне;
Па минаха лудье ябанджіи,
Та Марко одъ мерша извадиха.

№ 170.

Село Бабица. Тренскаго окр.; 18 ноября 1878 г. записано со словъ Деши Тодорова.

(Марко Кралевичъ убиваетъ дѣвушку Арватку).

Юнаци у ловъ пойдоше,
Та отоше у гора зелена;
Настануше презъ поле широко.
У полѣ се нешто побелѣло;
Бутна коня Реля Крылатица;
Ка' оти́де, тамо види:

Што се белѣело,
Оно било перо пауново;
Онъ тада узелъ е перо да забоде,
Алъ едва пéро до колѣна диже.
Ете иде Дена-дзвездалія:
И онъ узé пéро да забодé,
И едва пéро до пóяса диже.
Те стиже Дина-Арнауче:
И онъ узе перо да забоде,
Едва перо до рамена диже.
Кога стиже Марко Кралевичъ,
Онъ е перо за калпакъ забоде. —
Па подоше презъ полé широко.
Пресрѣте га Арватка девойтя,
Та си сверте тіе тріести дружина:
«Зашто мене перо забодоше,
Нели ми се перо оставило?»
Одкара ги у града Маджара,
Затвори ги у кале маджарске.
Затворила се триесъ юнака,
Лежали су три недѣли дана:
Ни имъ дала воду да пію,
Ни имъ дала лѣба да ру́чаю.
Па послѣ е продумала.
«Лежте, лежте, триестъ юна́ци,
Одъ-заране пресвета недѣля,
Я че са-съ васъ Великъ-день да правимъ.
Уплашисе Марко Кралевичъ:
Та си прейдé презъ кале маджарско;
Онъ пройде и коня си преведé;
Испишташе триестъ дружина:
«Леле Марко, леле Кралевичъ!
Ега Марко и насъ си пренесешь,
Да пренесешь презъ кале маджарско».

Превелъ си е триестъ дружина —
Ни преведе и конѝ преведé.
Па тагай се на кони качили,
И доръ да се зазоре,
Три конака мѣсто утекли,
Осевнуше на шарены мосты;
И тогай Марко продумалъ:
«Чуйте мене, триестъ юнаци!
Че ме стигне Арватка девойтя,
Че ме стигне, [да ю Богъ убiе!]
Айде вие да бѣгате,
Я че станемъ божя прослятина,
Конь ме криви, и я семъ невидимъ,
Та че седи́мъ на шарены мосты:
Кой че мине, зá Бога че сакамъ».
И отоше си триестъ юнаци;
А остане Марко Кралевичъ,
Остане божя прослятина,
Та си пусти коня кривога:
Конь му криви, а Марко не види.
Ете иде Арватка девойтя,
Па на Марко по ти оговори:
«Добрó ю́тро, божё прослятино!»
А Марко тага одговорилъ:
«Богъ помага, непознанъ делiё!»
Продумала Арватка девойтя:
«Чуешь мене, божё прослятино!
Далъ минаше триестъ юнаци?»
Продумала божá прослятина:
«Еве стана три недѣли дена,
Какó сѣди́мъ на шарены мóсты,
Ни́ко нема тука да си мине;
Конь ми кривы, а яси невидимъ;
Коня́ пушти(хъ) по желена лужья,

Па немогу коня да се найдемъ,
Да си идемъ, лѣба да се тра́жимъ».
Тагай слеже Арватка девойтя,
Тай му найде́ тогъ кривого[1]) коня;
Укачила божя прослятину.
Па си пойде Арватка девойтя,
И продумала на боже прослятину:
«Карай коня́ кри́вога,
Да те водимъ у града Маджара,
Да ти дадемъ лѣба да си ручашь».
Напредъ кара Арватка девойтя,
А по нёй божя прослятина:
Извадила божя прослятина
Извадила саблю изъ-подъ мишку,
Та пресѣче Арватку девойтю;
Онъ пресѣче, она не усѣче,
Саде си ёй душе продумала:
«Што мене, што серце прогри́зуе».
А Марко тагай-си продумало:
«Разъиграй си коня Пеливана,
Та да си дзенгіё цели́вашь,
Тебе че си серце уздраве́е».
Разъиграла коня Пеливана,
Навела се да цели́ва дзенгію
И тагай се мома раздвоило:
Половина на земи паднала,
Половина на коня́ остала.
Погубилъ така Марко юнакъ
Славну Арватку девойтю.

---

[1]) Sic.

№ 171.

Трен. окр., с. Баба; 7 февр. 1880 г. записана въ селѣ Василевци со словъ Гиги Тричкова Вирьянова.

(Въ поминъ ей Марко строитъ церкви).

Марко шета по го́ра зелена,
Та си гради тежке задушбине,
Церной гори бѣли манастири,
У полѣ церква Раваница,
И надъ воде широке тюпріс,
По друмове чешме шалдерваны[1]).
Питуе га своя стара майтя:
«Кому, синко, тежке задужбине?
Даль ги градишь тебѣ на юнашство,
Ель ги градишь майци и пай башты?»
— Ни ги градимъ мене на юнатство,
Но ги градимъ Арватки девойке:
Затворенъ самъ граду Арватину,
Та самъ лежалъ за деветъ година;
Верло ми си, майко, додеяло,
Лежаючи у тевна зендена;
Тамо сѣды́ Арватка девойка
И говори:
«Узетешь ме, Марко Кралевичу?
Я украднемъ кључе одъ тевнице,
Да бѣгамо у го́ра зелена.
Пай се чуди Марко Кралевичъ,
Што да чини Арватки девойки, —
Па я казалъ: «узечю те, Арватко девойко!»
Па окрадла ключи одъ тевницы;
Та побѣгли у гора зелена.

[1]) Пестрый.

Поболѣсе Арватка девойтя,
Та лежáла три дни и три ночи,
Па умрела Арватка девойка.
Нёй си градимъ тежке задушбины:
Церной гори бѣли манастире;
И у полѣ церкве Раванице,
И по длъге водс широкс тюпріе,
И по дру́мове чешме шалдерване.

№ 172.

Трен. окр., с. Бабица; 24 ноября 1879 г. записана со словъ Пеши (Петра) Тодорова.

(Марко Кралевичъ убиваетъ Крипу самовилу).

Оде Марко це́ркве Равани́це,
Да си зима чесна почеснина.
Кагá ойдé церкве Раванице,
Церква си е затвóрена,
Калуджера пословочке зборую у церква:
«Проклетъ да си Марко Кралевичъ,
Кой-то направилъ церкве-те,
Па назадъ не поверну́лъ,
Кой направилъ той голѣ́ми мосты —
И на мосты сѣды Крипа самовила
Сѣды и баждарлàкъ зи́ма».
Тагай си Марко повернуло,
Та отидé на голѣ́мы мóсты.
Сегледа га Крипа самовила:
«Бога тебе, незнано делíё!
Да оштъ отъ тебе баждарлакъ да зимамъ —
Да ли отъ тебе десно око,
Яль одъ коня нога десница».

А Марко мълчи, за пусаке держи;
Па подритне коня́ Шареногa.
— «Бога тебе, Марко Кралевиче!
Та ты ли си, курвино копило?»
Па-й Марко мълчи, за пусаци держи.
— «Бога тебе, Марко Кралевиче!
Я чу тебе три бильтя аризамъ:
Една бильтя—кудъ погледнашь,
Тамо да си видишь,
Друга бильтя—кудъ помислишь,
Тамо да си стигнешь,
Третья бильтя, да те роды
Да те роды мужко дете».
А Марко си по тія огово́ри:
«Кудъ помислимъ, тамо си стизамъ,
Кудъ погледнемъ, тамо се видимъ;
Ако има одъ Бога даръ,
Че се роды мужко дете.
Да те питамъ-кой ти рече,
Да узимашь баждарлакъ на голѣмы мосты?»
Тамо ю стиже, тамо ю сѣче;
Па си тури главу у зобнице.
Па отиде́ церкве Раванице,
Та подритна и о́твори церкву-ту.
Тагай улезе у церкве богомолство;
Та си узима чесна почеснина;
И каза си на него́ви калуджери:
«Зашто затварате церкву Раваницу?
Како самъ ю направи́лъ,
Не самъ до́шелъ да узимамъ
Да узимамъ чесна́ почеснина;
Кадъ дойдо сега, да си зимамъ
Да си зимамъ чесна почеснина,
Вие сте церкву затвориле?»

Оттагай калуджере Марку говориле:
«Да ты ли си Марко Кралевичъ?»
—«Я самъ Марко Кралевичъ!»
Тагай сега́ Марка причести́ли.
И Марко по тія оговори:
«Бога тебе, церни калуджере!
Имате ли зоба, коня да назо́бите?»
И оны́ идоше—коня назобише:
Та узеше торбу́—зобницу,
Найдоше главу у зобни́цу.
Тагай су се калу́джере освободиле,
Деветъ дена на зіяветъ держали
Держали Марка Кралевича.

№ 173.

Село Ястребецъ (бывшее въ Вран. округѣ) въ Арнаутлукѣ; 5 марта 1880 г. записана со словъ Мили́сава Стеванова Румене въ с. Герделицѣ.

(Чудесное сѣмя двухъ золотыхъ яблокъ, данныхъ юнаку Марку дѣвицею).

Давала мома Марку:
«На ти, Марко, двѣ златне ябуке!
Да ги ѐде́шь у Едрене града,
Сѣмте сушишь на ясно слунце, —
И да ги поса́дышь цару до чадера;
Па те никне и да расне,
Па те расне и берго[1]) порасне;
И царь че се чуди, како́ берго ра́сне;
Порасне и цвѣтье отье да цевти —
Много тье цевти, а мало тье одержи,
И царь тье се да чуди —
Да одержи двѣ ябуке

[1]) Вм. берзо—борзо, скоро.

Одъ-благе пребла́ге я́букс;
Царь тьс ђде́ ме́зе со-съ ракiю,
Па тье чудомъ че се чу́ди,
Што су толко бла́ге:
Какво благо царь не ђлъ,
Той найблаго изишло».
Учинило тако Марко юнакъ.
Па си лежи царь да спава:
Мало спая, много сенувая —
Великъ се сенекъ санувалъ,
И сенъ му лѣпо приказалъ:
Да има Марко мо́му запро́сену;
Па кадъ пошелъ Марко у войску
У войску цару на по́моть,
Та му мома те ябуке дала,
И онъ с сѣмте посадилъ.

Сказитель не могъ все въ порядкѣ передать, и въ концѣ сказалъ: «Што растеше ябуко, мома радуваше се; а што цевтеше, она надаше, да е близу свадба. Амо Марко забавише. У сенекъ царь видѣлъ и дознал, да е то чудо голѣмо, и рекалъ: кой има мому запросену, недонесену, да иде домъ, да прави свадбу. И отишелъ Марко да прави свадбу.

№ 174.

Лесков. окр. (въ Сербiи), село Рѣинипте, входящее въ область такъ называемаго Дервена; 5 марта 1880 г. записана со словъ Веселина Маркова.

(ПЕРЕСКАЗЪ) [1]).

(Татаре, посланные матерью Марка юнака, освобождаютъ его отъ янычаръ-турокъ).

Дигасе Марко Кралевичъ Турчина да разбiе; дигаюсе Турци-яны́чары, семдесе́ Турци-янычары. Рекне онъ: Те, да улазимъ

[1]) Сказитель не могъ передать мнѣ въ стихахъ и со всѣми подробностями.

у васъ. Кадъ улегоа у Турци—янычары, они го упоили, па верзали и се усмѣнуясе: «Э, Марко юначе! Што те е до́бро нашло!» — «Што е нашло? «Како́въ юнакъ, како лесно пройдехъ!» — «Э Турке! дали може човѣкъ да се откупе со-съ благо?» — Може: до-двѣ куле блага да дадешь». — Попуштите десну руку, да напишемъ едно ситно писмо, да пра́тимъ на свою стару майтю. Попуштили десну руку. Марко пише ситно писмо, и праты сокола на побра́тима Милютина и Илію: «Марко Кралевичъ; ютре че га бѣсу; до три кула благо майка да праты, Марка да откупи».

Эво, зеленъ пламенъ изъ кони излази! Што е войска иде, силна войска иде; то е иде майка Маркова: Татары пратила, да откупи мене; благо иде по ни́.—«Добро ютро, Турци—янычары! Марко ли сте лѣпо верзали?» — «Лѣпо!»—«Айде, атове да играмо— лѣво на десно сабля да заве́ртеме». Извадили Татаре сабле, погубили Турци-янычары и извадили Марка Кралевича. — Э, добры юнаци—побратими! мене извадили изъ вѣчне муке!

№ 175.

Кюст.-Бан. окр., с. Жилинци; 5 дек. 1879 г. записана со словъ дѣвицы Доминицы Карадановой.

(Сонъ королевы Милицы).

Заспала е кралица Милица,
Заспала у света недѣля,
А заспала, е сонъ видѣла,
А стануе, а си́ сонъ казуе:
«Тако м' Бога, честиты царе!
Каковъ семъ си сонъ сенувало —
Товей сенокъ у добре́ да биде:
«Ясно ми се небо раздвоило,
Ясны дзвѣзды по земи паднáли,

Влахци[1]) далекъ пребѣгали,
Деница-та керво огрѣяла,
Я мѣсяцо на наши дворове»;
Проговори́ честитого царо:
«Тако м' Бога, Милице кралице!
Што—то се е небо раздвоило —
Нашо се е царство доврши́ло,
Што—то влахци-те далекъ пребѣгали,
То влахци—наши мили дѣ́ца,
Што деница си е керво грѣяше —
Ты-зи си млада удови́ца,
Што мѣсяцъ на наши дво́рове —
Това́ си е моя́ руса глава».
Дури дума, дума да изду́ма,
Долетѣли тія клети Турци —
Погубили честитога цара.
Останала Милица
Млада удовица.

№ 176.

Село Верба, Радом. окр.; 29 ноября 1879 г. записана со словъ крестьянина Мины Стоянова.

(Султанъ Муратъ вызываетъ на бой сербскаго князя Лазаря; полное пораженіе Сербовъ).

Што-то бѣше сербски кнезъ Лазаре,
Ималъ си до четри штерки;
Оженилъ и на четири краини;
И си те изба поканилъ,
И поканилъ до четыра зета.

---

[1]) Названіе звѣздъ.

Што покани́, уси те му дойдо!
Постари айдукъ Бранковичъ,
А по́млади Милошъ Кобиличъ,
А третіе Милана Топлика,
А четверты Лютица Богданъ одъ стара Русія;
Си те су собаръ присобрали.
А што бѣше султана Мурата,
Оно́ е кавга́ заправило:
Исписало тая бѣла книга,
Та я прашта на стара Сербія,
«Да му готви воиске наголѣмо,
Да ги готви за три дни;
Ако ти но войски не приготви,
Да одаде ключе одъ Призрена
И даде арачь одъ—седемъ годинъ».
Книге чети кнезъ Лазаре,
Книге четисо сълзи премива:
Капки капа—соври прогоруя.
Какъ го види негово-то любе,
Проговори тія лѣпи думи:
«Чуешь мене, добри кнезъ Лазаре!
Сака денъ книже прегліждашь
И се е подъ мустакъ сміяшь,
А сега́ книге прегліждашь
И со сълзи е премивашь».
А оно ю одговора:
«Мълчи, мълчи, первнолюбице!
Богъ да біе султана Мурата!
Заправиль кавга наголѣмо,
Да собирамъ войски за три дни;
Ако не соберемъ войски за три дни,
Да си дадемъ ключе одъ Призрена
И да дадемъ арачь одъ седемъ годинъ».
Я она́ му тія лѣпо дума:

«Небойсе кнеза Ла́заре!
Я исписи до четири книги,
Та ги прати на четири краины,
Та ги прати на четира зета,
Да соберать до четыресъ илядъ войска,
Да си ида на равно Косово».
И оно пратиль е до четири книги,
Пратиль е на четири кра́ины.
Собрали му до четиресъ илядъ войски,
И ойдо́ на равно Косово,
И тамо се битка заправиль.
Што-то бѣше кнеза Лаза,
Прогово́ри кнеза Лаза:
«Чуете ли до четира зета!
Кой-то може да битка заправи?»
Што-то бѣше айдукъ Бранковичъ,
Проговори айдукъ Бранковичъ:
«Я ми дадешь шесъ иляды окло́пника,
Я чемъ тебя земя да воздержимъ».
И нему онъ да́де шесъ иляды оклопника,
А проклети Бранковичъ!
Оно се со-съ Турчинъ сослиза́ло,
Да издаде стара Сербія.
А што бѣше Милошъ Кобиличъ,
Оно му дума продумало:
«Леле дедо, леле мили дедо!
А ты-си, бре, земя издало́:
А това е зетъ одъ герчкіятъ царь;
Оти нему даешь шесъ иляды оклопника?»
Я чемъ, дедо, земя да воздержимъ!»
Облече Милошъ своя оклопница,
И се качи коню на рамено,
И въеднагъ пристигна на турeчка войска;
И просѣче турецка война;

Кадъ просѣче турецка война,
Срѣтна него кьрвь до колѣна;
А кадъ се оно наванъ повернáло,
Срѣтна го кьрвь у зенгїи;
И на деда по ти продумало:
«Леле дедо, кнезъ Лазаре!
Я самъ турецка война просѣкло!»
А Лазаръ му пó ти огóвори:
«Много ли е турéчка война?»
А оно нему одговориль:
«Ни ного, ни малко, кнезъ Лазаре,
Сви су то кокошкари—оризари;
Я чемъ свичко-то погубимъ».
И се качи коню на рамена;
Свичка войска погубило,
Салъ останали шесъ иляды
Шесъ иляды оклопници,
Останали со-съ айдукъ Бранковичъ;
И отишло нис да погуби,
А не могло да погуби све,
Само думу продумало:
«Чуете ли шесъ иляды оклопника!
Кой-то у васъ бѣлъ Мехметъ
Бѣлъ Мехметъ со-съ бѣлъ мустакъ?
Да излезне битка да правиме».
А оно е вечь сънъкъ видѣло:
Дека чея Турци земя да притиснутъ,
И оно че се само битка прави,
Битка прави со-съ бѣлъ Мехмета,
Бѣлъ Мехмета со-съ бѣлъ мустакъ».
Одокнало бѣлъ Мехмета,
Бѣлъ Мехмета со-съ бѣлъ мустакъ;
Излезнало бѣлъ Мехмета,
Излезнало битка да прави.

И тога́й одказуе Милошъ Кобиличъ:
«Свершавасе наше-то царство,
И ви чете царство да держите!»
И соблека негова-та форма. —
И тога́й земали Турци наше царство,
Преземали всичка Българія,
Преземали и стара Сербія.
Одъ петъ стотинъ годинъ
Еве стана двѣ годипе време,
Одкадъ се с Българія избавила;
Избавиль е царь Алесандрія
Царь на стара Русія.

№ 177.

Самоков. окр.; 9 дек. 1880 г. записана въ г. Дупницѣ со словъ слѣпца Николы Млечанова.

(Косовскій бой).

(Цѣльная эпопея).

Вино піе кнезо Лазаро
Вино піе одъ града Крушево,
На Крушево на негове дворе
Со-съ негове до четири слуги:
Перви бѣше Милошь Кобилите,
Други бѣше Косача Иванъ,
По него Топлица Милано,
По Милано бано Голубано.
Сѣднаа на златна терпеза
Ручёкъ да ручатъ, вино да піятъ.
На кнеза Лазара чаша подадо́а;
На чаша книга-то достигна
Одъ Косово по́ле одъ царь султанъ Муратъ:
«Вногу тебе здравлье, кнезу Лазаро,
Сербски господару!

Бери войстя да се біеме;
Отъ ни с ти ра́е сиромашна —
Немать пари́ лѣбъ на деца да купатъ,
А камо ли на два цара миріе да даватъ»!
Кнезо книга прегледало
Прегледало и на Милошь говорило:
«Богъ те убилъ, Милошь Кобиличу!
Ты си вѣренъ и безвѣренъ;
Ели си ты одъ кобила зацицало,
Одъ ристянски-те законе не разбирашь?
Ты чешь, Милошь, вѣра да изда́дешь
Да издадешь — на Турци да преда́дешь
Да предадешь — вѣра да потурчишь».
Охъ, Милоша вели-говори:
«Господаро, сербски кнезу Лазаро!
Ако баде тая измама одъ мене,
И мене сабля пресѣкла!»
Заклело се Милоша во-фъ посты
Во-фъ четири посты въ година:
Преви посты Богородичины,
Фторы посты Божичевы,
Трети посты Великевы
И четверты посты Петровы,
И туку му и света Неделя,
И туку му и день Великъ-день.
«Ако бидс измама одъ мене-ка,
Клетва да ме стигна —
Турци да ме загубатъ».
«Слушай мене, слушай кнезу Лазару!
Не одъ мене тая работа;
Но одъ твое зето Вельчё Бранковичъ —
Той се предалъ се на царь Муратъ
Предалъ се и потурчи́лъ се
Со сто хи́льяды войскы:

Све ги облече у турски дреи,
Се паднаа Турци янычаре,
А Вельчё стана везире;
Облече го царь со златны дреи.
Ако помогне Царь Небесный,
Со-съ моя сила голѣма
Да ида по Косово-поле,
Да фатаютъ царь султанъ Муратъ —
Тако м' Бога, вѣра ристянска!
Сланина му въ уста туратъ;
И ако фате Вельчё Бранковичъ
Ако го фате тамо,
Че му одсѣчé двѣ-те рацѣ
Рацѣ-те до лакти́-те,
Двѣ нозѣ до колѣна,
Отте да издава ристянска вѣра?
Сега, ако семъ живъ,
Въ рацѣ да го фанамъ.
И да стане, да иде на Косово,
Да фати(мъ) царь султанъ Муратъ».
И отиде Милошь добаръ юнакъ.
И речé му побратимо Косачё Ивано:
«Леле, леле, побратиме Милошу!
Ка'-то идешь на Косово-поле,
А турски не знаешь,
Какó зговоръ да зговóришь?
На турци селямъ да дадешь?
Моле ти се, мой побратиме,
Сѣды ты-зе на назаде;
Я те се облека у турске дрее,
Та че идемъ у Косово-поле,
Та че се направимъ младо янычерче;
Я знамъ турски ферсія —
На Турци селямъ че дадемъ

И селямъ че земемъ.
Айде, ты сѣды на наза́де;
Дай ты ми коня сѣдлена́,
Я те вервимъ по Косову полю
И те идемъ по турска-та ордія,
Те идемъ, да видимъ-что има?
Да видимъ — колко войска туречка?
Да ме чекате до шеснаесте дни;
Ако не мога, да се живъ дойде,
Та ме чекайте на осемнаесе дни;
Не мого ли да стигне на дваéсеты —
Ако не мого да стигна,
Поменъ да ми чините:
Да идете, да земете отъ фурне-те
Да земете лѣбъ, за душа да разда́вате».
И стана Косаче Иванъ,
Облече се у турске-те дреи,
Направи се прави яньчаринъ,
Та отиде по Косово поле.
Та замина презъ Сазли — тюпрія,
Та флезна́ низъ Косово поле;
Ка'-то флезна низъ туречка ордія,
Селямъ дае, селямъ зима,
И никой го непознава
Не познава, те е сербячь;
Вѣкій го вика: «те, х̆еньчаринъ!»
Петнаесъ дена оды низъ Косово поле,
Неможе войске да прекоси;
На шеснаестые денъ отиде
Отиде при зеленъ чаде́ръ,
Отиде при царь султанъ Муратъ;
И тамъ сѣдеше Вельчё Бранковичъ—
На царо везиръ стана;
Со сто х̆ильяды войскя отиде,

Та потурчи се — вѣра погуби;
Сички му се Турци поклониа,
Ка' замина край зеленъ чадéръ;
Вельчё Бранковичъ Іована не позна́,
А Іованъ Вельчё позна́;
Ама нема какво кавга́ да поди́гне,
Те се сами найде́.
Стана Іованъ, замина пре силна ордія.
А кнезо Лазарь думаше на Милоша:
«О Ми́лоше, Ми́лоше моя слуга,
Ты си вѣренъ и безвѣренъ!
Ты издаде земня-та, Милоше,
Те я потурчишь, Милоше;
Ты си прати твой братъ Іована,
Ты го прати́, та загина́ на Косово;
Утре и мене те издадешь —
На Косово и я те погинемъ;
Я, ми, иды на фурни, Милоше,
Та, ми, купи два лѣба семида
За Іована за душа да раздáвамъ».
А Милошь Лазара не слушаше,
Яаше коню изъяхуваше,
По три паты по поли излазаше,
Да гледа на Косово — да гледа,
Дали те дойде Іовано?
На третія патъ магла се замагли
Замагли се магла у Косово —
Магла́ идеше и роса́ зароси;
У Милошь се серце зарадува —
Отти Іованъ живъ дойде;
И Милошь съ пусула гледаше —
Дали е живъ иде Іованъ?
И го виде — живъ идеше,
Барьякъ въ рацѣ носеше;

Ка’-то виде го Милошь,
У срѣшта му отиде:
И се срѣтнаха на высока могила —
Два братя се пригернаха,
Чинія здраво, живо!
Милошь викаше на Іована:
«Леле побратиме, какво помина?
По Косово-поле, низъ тіе пусты Турци
Какво́ замина, побратиме?
Да̀ли има вно́гу Турци побратиме?»
А Іованъ на Милошь думаше:
«Немой ми пита, побратиме!
Не се чуде, мой побратиме,
Какво Турци са насиле́ли,
Не се чуде цару, какво рани,
Но земня какво́ е держи́:
Колко листя по го́ра, побратиме,
До два ката войстя на земня».
Рече Милошь Кобилите:
«Э, побратиме Іоване, Іоване!
Сакыни немой да кажешь —
Немой да кажешь на кнеза Лазара,
Отти е Лазарь много страшливъ,
Те се уплаши кнезо Лазаро,
Та земня-та на Турци-те я даде́;
А кога́ и́деме на кнезови-ти дворове,
На Лазарь немой да кажешь,
Немой да кажешь, те има вногу Турци
Вногу Турци по Косову;
Лазарь тебе те попраша,
А ты немой да му кажешь,
Те са вногу Турци по Косову —
Отти Лазарь те се уплаши,
Те на Турци земня-та те предаде,

Те и вѣра-та потýрчи;
Ами, ако те пита Лазарь,
Ты да речешь побратиме:
«Небой, ми, се Лазаре кнезо!
Ни сме четворица побратима;
Войско ни е за денъ и до пладнине;
Направи ни четúри дрéи сермини,
Да облечеме юнакъ, да заключиме
Отъ перчикъ конь до копиту, —
Да облечеме юнака и коня;
И когá идеме, ты да речешь,
Да ни даду ракія три паты́ преварена:
Ние юнаци да се напіеме
И коне-те со-съ вино-то
Со-съ вино преварено да напоúме;
Отти, когá úдеме у войстя,
Да не глéдатъ коне-то,
Да не гледатъ, де-ка идатъ».
Дáде имъ царо четири дреи
Четири дреи сермени даде;
Заклопиа юнаци отъ перчикъ коню
Отъ перчикъ коню до копита,
Заключиа сабли за рацѣ,
И се напія ракія три паты преварена,
И коне-то вино напоиа,
И си лѣбецъ въ уста натуриа,
И бутнаа коне ранене:
Напредъ Милушь, по него Іованъ,
По Іованъ Миланъ, по Милано банъ
Бано—Голубано;
Отидóа на Косово-поле презъ Сазли—тюпрія;
Увлезóа у Косово-поле, бре, побратиме,
Ка'-но неке косаче у некосена ливáда;
А Мúлушь напреде вревеше——

Ка'-но маше саблюналѣво
Маше налѣво — надесно,
Еднашъ маше, триесе глава падеха;
По Милушу Іованъ вревеше —
Ка'-но маше саблю налѣво
Маше налѣво—надесно,
Еднашъ маше, двaесе главе падеха;
По Іованъ Миланъ вревеше —
Ка'-но маше саблю налѣво
Маше налѣво — надесно,
Еднашъ маше, петнаесе главе падеха;
По Милано бано Голубано —
Ка'-но маше саблю налѣво
Маше налѣво—надесно.
Еднашъ маше, десетъ главе падаха.
Кусія, ка'-то некой косаче
По некосена ливада;
Косія, косія, отидоа до зеленъ чадеръ,
Отидо̀а при царь султанъ Муратъ.
Ка'-то отидоха тамо, бре, побратиме,
И видеха четворица Турци
Четворицы со златны дрехи облечены:
Не се знае, койе царь султанъ Муратъ?
А везиръ бѣше Вельчё Бранковичъ;
Милошъ-оно назáдъ конё поверна,
Да си иде кодъ князо Лазарь,
Да си иде на града Крушево;
Заминаха презъ Сазли-тюпрія;
Собраха се четвори́ца побрáтима,
Да си идатъ кодъ князо Лазарь;
Еле си Милушъ досети:
«Леле Боже, исполай ви!
Какво̀ си бѣше клетва заклела,
На цару сланина фъ уста да тури(мъ),

А язе заборавихъ!
Те се вернемъ надира,
Отъ клетва да не мина»;
А Іованъ побратимъ му думаше:
«Поверштантя проклята бива!
Немой се поверштаты!
Клетва те ни стигне!
Та те, ми, загинешь
Те загинешь, побратиме Милушь!
Та нема тебе да прежалиме,
Отты нис, братку, безъ сабля
Безъ сабля останеме».
А Милошь Іованъ неслуша:
«Дури не иде, да се вернемъ;
Да идемъ на чадеру — кодъ царь султанъ,
На цара сланина-та въ уста да туримъ!
Оты да те невернемъ?
Оты одъ клетва те останемъ?
Мене князо нете, да ме вѣрува,
Нете, да ме има вѣра».
Па стана Милушь, назадъ се верна́.
Отиде на зелене чадеры;
— Видеа га риджале-те и рекоа:
«Цару честиты Мурату!
Иде Сербячу, сербячу иде!
Иде, да се молба моли,
Да му простышь Сербія,
Да му простышь Булгарія,
Иде рака да те цалува;
Амо немой рака да му давашь,
Е му дай одъ нога чижма да цалува».
Дойде́ Милошь Кобилите;
Наклони се да цалува нога,
Та извади остра сабля

И убоде царь султанъ Мурата,
И му тури въ уста сланина[1]).
Амо одъ Милоша отишло юнатство,
А одъ царь султанъ Мурата царство.
Поверна́ си Милошь Кобилите;
Поверна се, да си иде презъ Косово
Да си иде на Крушева града,
Да си иде при князо Лазаро;
И си иде, и си сѣче Турци.
Та замина на Сазли-тюпрія.
Немогоа Турци да уфану
Да уфану Милошь Кобилите;
Посрѣшнали една стара баба
Стара баба булгарка;
Дадоа два фе́са желтици:
«Кажи, бабо, научи не,
Какво́ да фатиме то-зи юнака
Того юнака Сербяка;
Него фанемъ, да погубимъ:
Те доста маки расплака,
И доста жены довицы останаха,
И доста дѣца безъ башти,
Безъ майти-сираци остаха;
Кажи, научи ны, старо бабо!»
И баба булгарка за пары
За пары бѣше лакома;
Отъ Турци пары зема́,
Та юнака на Турци издаде:
«А, бре, Турци, Турци янычаре!
Това́ ли искате, да вы научимъ?
Я идете, соберете одъ Косово

---

[1]) Въ обнародованныхъ доселѣ пѣсняхъ съ этимъ сюжетомъ этой черты не встрѣчается; въ первые она является въ издаваемой мною пѣсни.

Одъ Косово сабли половины,
Соберете, нарсдете по Сазли-тюпрія,
И земéте слама ержаница,
Та покрійте со-слама-та отъ-горе,
Да си не гледа сабля по тюпрія;
Кодъ-то иде Милошь серблява,
Кодъ-то иде одъ Косова силенъ
И не види, што има подъ слама-та,
Кодъ-то премине по тюпрія,
Те си кóню пресѣчé нозе-те;
Коню те паднé на тюпрія,
А Милошь одъ коню на земя те падне;
Вие тога изъ-подъ тюпріи излезнете,
Та фанете Милошь серблява,
Та го фанете, та него погубете.
Ваша воля да се напу́лни!»
И Турци това нея послушаа:
Направи́ха, нарсди́ха сабли по тюпріи,
И со слама ги покриа,
И подъ мосту си се скриа,
И чекаа, Милушь да ми́не.
И отамъ идеше Ми́лушь,
Таманъ, да мине презъ тюпрія;
Силно идеше и невидеше,
Што има предъ нéго;
Таманъ, на тюпрія да мине,
Коню се нозе пресѣче до колѣ́на,
Падна коню на калдерма,
И по него Милошь по земя се полужи.
Тогай Турци излезнаа
Излезная изъ-подъ тюпрія,
Та фанаа Милуша Серблява,
Та го прикараа при цару

При цару на мизличу [1]):
«Каковъ изетъ да му дадéме?
Дали на колъ него побіеме,
Или со сáблю да го посѣчéме?
И мизличу имъ рекоа:
«Немойте го на колъ побивáты,
Отти е онъ царски измичія,
Отти е го князъ пратúло,
Пратило да му земя утúма;
Идете, со сабля глава му земéте»,
И отидоха Турци яньчаре
Та го туриа на Сазли-тюпрія
На Сазли-тюпрія—на краю,
Тамо го туриа, со сабли мачиа:
Три дни мачиа, глава да му заматъ,
Еле бѣше пандзуръ на него заключенъ;
Еле се на Милошь ногу досадú,
Ногу досадú, тешко додея:
— «Подигнете ми десна мустака,
Та извадете ключе одъ мустака,
Та отключете пандзуръ одъ глава,
Та одъ мене го соблечéте,
Тога лесно те мене погýбите».
Послушали него пусты Турци,
И мустакъ му подигнаха,
Извадиа ключе одъ мустака,
Та отключиа пандзуръ одъ глава-та,
Та соблекоха Милуша сербляка,
И земаха сабля туречка,
Та на Мúлуша глава отрѣзаха.
И тога царь султанъ Муратъ умре.
Одъ десна страна Милуша погребаа,

[1]) Собраніе, совѣщаніе (тур.).

Одъ лѣва-та страна царь Муратъ
Царь султанъ Муратъ погребоха;
Та направиа темеръ,
Да се знае—кой е гробъ Милушевъ,
Кой е гробъ на царь султанъ Муратъ.
Па тога станаха Турци
И аберъ пратиа на княза Лазара
На Лазара—на Крушеву граду:
«Вногу здравье, князу Лазаре!
Тебе-ти слу́га погина —
Погина те Милуше сербляче;
Ние го погребаме.
Ты имашь ли време, князо Лазаре,
Земня-та на ни преда́вашь,
Или оште имашь борба да се боришь,
Или съ молба да се молишь,
Иль съ кавга́ земня предавашь.
Ако имашь куветъ, князо,
Бери войстя да се біеме».
И тога́ оти́де книга-та
Отиде на града Крушево
На князъ Лазарово дворъ.
И Лазарь бѣше излезна́ло
Излезнало—по двори се шета́ше
А за ручёкъ чекаше, —
И книга-та на него достигна́
Достигна́ на рацѣ-те;
Лазарь на стрѣдъ дворы сѣдна
На стрѣдъ дворы на камикъ сѣдна,
И си книга на колѣно разви;
Та си книга прегледа и пречети,
И се силно расплака —
Слызи по суратъ поруни́:
Леле Боже! што да правимъ?

Како на Турци на срѣшта да излезнемъ?
Да излезнемъ, Сербія да отъемемъ,
Да отъемемъ отъ туречке ра́цѣ?
А царица-та Лазарица на Лазара гово́раше:
«Небойсе, князе Лазару,
Князе Лазару, честиты наши князу!
Да пратиме до четири, до петъ книги
Да пратиме на града Услика
До оной-ги (у) Услика Стефана
И до слуга му Первозо́ра,
Да калезатъ, да соберáтъ
Сички народъ ристянски:
Што е одъ майтя родьено
Да потечетъ, ка'-то вода,
Какво́-то Дунавъ иде на море,
Такво́ наро́до да иде на Косово,
Да се біятъ за родъ-вѣра,
Вѣра да куртули́сатъ,
Да куртулисатъ Сербія и Булгарія».
Князо книга пи́са,
Та я прати́ на Услика града
До оной-ги у Услика Стефана,
Де-то Крайна чу́ваше,
На Мушата[1]), на Немція.
Таманъ бѣше сѣдна́лъ Стефанъ —
Сѣдналъ на златна-та трапеза
Вечера да вечера,
И на вечера-та кни́га-та достигна́:
«Айде, Стефане, стегай ко́не
Стегай твое берзе ко́не,
Айде, да идешь на Ко́сово;
Ка'-то вода иде на море,

[1]) Непонятно намъ это слово; не Молдавія ли?

И нис така да и́деме на Ко́сово,
Да се біеме съ Турци за-радъ вѣра».
Распрати книги по сичке градове
До сичке-те нашіе начельници,
Да збиратъ наро́до —
Да идеме на Ко́сово-поле.
И потекоа сичке млады сербячи,
Потекоа, ка’-то вода на море;
И се проштваю дѣца со-съ майти
Со-съ майти и со-съ башты,
Прошка зи́маю одъ майти и одъ башты,
Отты идатъ на кервь
Идатъ на Ко́сово кервь те проли́ватъ,
А башты-те и майти-те плачатъ,
Плачатъ и на дѣца-та думаа:
«О чедо, моя рожба!
Ка’-то идете на Ко́сово,
Какъ е живи да се видеме,
Какъ е васъ да прежа́лиме?
Вие, ка’-то идете на Ко́сово,
Кервь проси́пате тамо,
А кой те гле́да насъ на старо време?»
И потекоа Сербяци юнаци на Ко́сово,
Поте́коа, ка’-то вода на море,
И си дофтасаа Ко́сово, та се бих̑а;
И се бих̑а три годины,
Вногу кервь се проліяше:
Конче пли́ваше у кервь до сѣдло́-то,
Юнаци се заруних̑а по поле,
Ка’-то снопе по нива;
Кервь текна́, ка’-то рѣка голѣма.
И Стефано одъ Усли́къ стана́
И стана́ со слу́га си Первозора:
Ях̑наа си свои два берза коня,

Та заклопи́а пандзуръ за себе
Одъ перчика коню до купиту,
И заключиа сабля за рацѣ,
Та пойдоа на Ко́сово;
Та пойдоа по вечерно време
А придоа зоря́ че зазори́
На се́ло Реплянову; на чешма Бѣгличка
Слънце ги изгрѣя тамо;
Тамъ найдо́а на чешма-та.
Тамъ найдоа триесе мо́ми
И найдоа педесе́ невѣсты,
Каде бѣля бѣло платно;
Невѣсты-те платно бѣляха,
А моми-те калпаци кервави міяха;
И юнакъ Стефанъ одъ коню слезна,
Ко́ню да си проше́та, вода да напо́и
Да напо́и на чешма студена;
И виде Стефанъ тридесе девойти,
Како міяха тридесе калпаци господарски.
И ту виде князови калпакъ
Со златны-те челенкове
И съ безцаны-те каменье;
Позна го Стефанъ одъ Усли́ка,
Позна го по ка́ме-то,
И позна го по писмо́-то,
Позна и се сильно заплака́;
И на мо́ми-те говори:
«Ойле, моми, мои сестры!
Ойле, невѣсты, мои снаи!
Де-ка найдохте тія калпаци
Та ги тука на чешма доне́сохте,
Да ги міете одъ керви-те?
Чеда да ми сте! право да кажете!»
И моми-те на него казу́ва:

«Пие отидóме на рѣка Сазлица [1]),
Да бѣлеме това бѣло платно;
А рѣка-та бѣше кервава —
Еденъ катъ вода, а три катъ кервь имаше —
Люде носаше, ка'-то снопе по нúва;
Не можеме у рѣка платно да убѣлиме,
И си вернали на чешма Бѣгличка,
Да обѣлиме платно-то,
Да уміяме одъ кервь калпаци».
—«Дé-ка ги мóме найдóхте?»
—«Найдоме ги край рѣка Ситница —
Тамо ги ми намѣриме,
Та ги донесеме, да уміеме одъ кервь».
Види юнакъ Стефанъ види,
Да юнаци на Косову изгинáли —
Изгинали седемдесе краля
Со-съ нúна сичка рожба:
Юговите Богданъ одъ града Крушево
Изгина со-съ деветъ сина,
Бано изгина со-съ дванаесъ побратиме,
И загина Косаче Іовано
Со-съ десетъ побратиме,
И загинá Топлица Милано
Со-съ дванаесе братýчеда
И четыри ильяды народъ,
Што со-съ него водеше,
Сичке тамъ погинаха́, —
И калпаци у рѣка ушли.
И Стефанъ си коне яхнá
И по него слуга Первозоръ;
Отидоха́ презъ Сазли-тюпрія,
Та отидоа на Кóсово-поле

[1]) Такъ въ этомъ мѣстѣ назвалъ эту рѣку сказитель.

И улезнаа низъ турска-та ёрдія;
Ка'-то влезнаа у турска-та ёрдія,
Слуга Первозоре излезе напреде,
Та извади саблю одъ ножници,
И по него Стефанъ одъ Усликъ;
Та влезнаа, ка'-то нѣкои косаче
По нѣкоа ливáда зелена, у турска ёрдія;
Каквó-то косаче трѣва-та косах̆а,
Тіе со сабли човѣци гу́беа:
Ка'-то маше сабля слуга Первозора
Ка'-то маше на лѣво, на десно,
Еднашь маше, триесе главе паднах̆а;
Ка'-то маше сабля одъ Усликъ Стефанъ
Ка'-то маше на лѣво на десно,
Еднашь маше дваесъ петъ главе паднах̆а.
Отидоа до зелени чедеры,
А на тама-го Вельчё Бранковичъ,
И той Сте́фана позна́:
И дигна стрѣла шестоперка,
Одъ чадеръ стрѣла́ ферли,
Та уда́ри слуга Первозора,
Про серце него пронижа:
Падна слуга Первозоре одъ конь
И загина тамо — у Ко́сово.
Ка'-то виде́ Стефанъ одъ Усликъ,
Та се уплаши́, и назадъ се поверна́,
Та побѣгне, у Сербія отиде́
Отиде́ на града Крушево
Отиде на Лазарове дворы,
Та приде́ и извика се:
«Охъ, леле, майко, царице Лазарице!
Загина нашь царо, твой господаро!
Турци уземах̆а Сербія и Булгарія!
Айде, царице, да бѣгаме!

Стегни дванаесе кучіи,
Напани ги со златни минцеве,
И да земешь одъ Лазарь корона-та
И да земешь двѣ-те свои дѣца,
Да бѣга́ме у Немечка-та земя;
Немой, да препаднеме на туречкс рацѣ,
Оты, ка'-то зематъ коро́на-та,
Ка'-то зематъ и дѣца́-та,
Ни те сме робье до вѣкъ».
И зема царица дванаесс кучіи,
Натовари ги съ иманье,
Та бѣга со-съ дѣца-та
Та бѣга́ у Немечка земя.
И дѣца-та тамо израспаха̑
Педесе́ годинъ тамъ живѣяха̑
И акылъ научиа на школѣ;
Па се излезо́а изъ Немечка земя
У Турци се отемнаха̑
И си Сербія земаха̑.

Въ заключеніе сказитель замѣтилъ, что онъ знаетъ досказать, какъ продолженіе этой объемистой пѣсни, дальнѣйшую исторію борьбы Сербовъ съ Турками до новѣйшаго времени. Но время не дозволило ему передать мнѣ эту пѣсню цѣликомъ; онъ спѣшилъ съ своими товарищами въ странствованіе по селамъ.

№ 178.

Трен. окр., с. Бабица; 23 ноября 1879 г. записана со словъ Дёши Тодорова.

(Прекращеніе общенія между юнаками послѣ Косовской битвы).

Рано ми е сълнце огрѣя́ло.
Марко слезалъ одъ добро́га коня,
Та го шета по Косово-поле.
Дружина му по тія огово́ри:

«Бога тебе, Марко Кралевичъ!
Дали ты не можешь,
Или конь не може,
Али самъ-си Господъ не дае?»
Тагай си Марко по тія оговори:
«Кадъ си би́ше у Косово поле,
Та газише кьрви по зенгіо,
Самъ си Господъ по́шелъ,
Виделъ и рекалъ:
«Нема инатъ! да бѣгамо!»
Тагай си рипнали та побѣгли!
Тагай изайде Реля Крылатичъ,
Тагай изайде Муса кеседжія,
И изайде Момчило доберъ юнакъ,
И изайде дете Груяничъ,
И изайде дете Міяильче —
Тагай су се дружина раздвоили.

Замѣч. При этомъ сказитель прибавилъ, что этотъ бой на Косовомъ полѣ вели Болгаре.

№ 179.

Село Баблица, въ 6-ти верстахъ отъ мѣстечка (паланки) Брезника: 21 ноября 1879 г. записана со словъ крестьянина Дёши Тодорова.

(Женитьба Милоша юнака на Маріѣ «Бѣоградкѣ»).

По двору оды Милошъ добаръ юнакъ.
Емъ си оды, емъ уяльно гледа.
Питала га та негова маїтя:
«Зашто одишь и уяльно гледашь?»
— «Леле, мале, стара мале!
Зашто нечешь, да мене оженишь?

— «Еве стана деветъ година дена,
Како тражимъ за тебе прили́ка,
Пай не можемъ прилику да найдемъ:
Дека найдемъ за тебе прилика,
Тамо нема за мене роднина́,
Да ми дойду, и па да оти́демо;
Таманъ отидо у Бѣлградъ,
Тамо найдо́ за тебе прили́ку,
И пай найдо за мене роднину.
Проклетъ е Марко Кралевичъ!
Надкупи ми Мару Бѣлоградку,
Надкупи ю и уводи».
— «Леле, мале, старо мале!
Даль е близа, иль е далеко?»
— «Леле, синко, Милоше юначе!
Ни е далекъ, ни е яко близа:
Оде вече́ру коня́ да поранишь,
Одзарана коня́ да уянешь,
Че да ойде́шь на Бѣлиградове,
Че си видишь Мару Бѣлоградку.»
И оно́ е майтю послуша́ло:
Одвечеру коня нарани́ло,
Отзарану рано уяну́ло,
Емъ га яна, емъ си говори:
«Леле коню, леле Пилатицу!
Ситно скачи, далеко упружи,
«Да идемо на Бѣлиградове,
Да види́мо Мару Бѣлоградку».
Та отоше на Бѣлиградове,
Отидоше на Марины двори:
Моминъ дворъ пълнъ си сватове,
У сватове той чесна́ тарпеза,
У тарпезу кумъкъ и старойтя,
Яли Мара меджи два девера,

Два девера, два перья оката.
—Отишель е Милошъ добаръ юнакъ,
Отидé си предъ млада девера:
«Помозъ Богъ, два млада девера!
Привéдете вашу милу снау,
Егаби ми у руку цунула,
И я чу даръкъ даруемъ,
Чу дадемъ двѣ жълте желти́це».
— Девере се тага одговорили:
«Чуешь мене, непознанъ делiё!
Е неможемо снау приведéмо; (Sic)
Е си слезни о(д) доброга коня,
Та си сѣдни у чесне тарпезе,
Редомъ че невѣста да нелива».
—«Я не могу одъ коня да слазимъ,
Я на цара поцту нóсимъ».
Привели су Мару Бѣоградку:
Пружи руку, она га целива;
Онъ е даде двѣ жълте желтице,
Па си бъркне у свилне пазуке,
Та извади кърпа и бришима:
У кърпу-ту ситьнъ бисеръ вéрзанъ,
Та расипа тiя ситанъ бисеръ.
Навели се два млада дéвера,
Да си беру тiя ситанъ бисéръ.
Тадъ се суна Милошъ добаръ юнакъ,
Та докача Мару Бѣоградку,
Та утури коню на тертiю.
Подигне се два млада девера:
Нима юнакъ, нима мила снаа;
Отърчаше Марку и казáше:
«Е си дойде непознанъ делiя,
Та оте Мару Бѣоградку,
Оте си ю, па и однесе».

Марко рипи низъ чесне тарпезе;
Яну коня́ каписески,
Терчи саблю тесиджиски,
И по Марка кумокъ и старойтя,
Я по кума деветъ стотинъ свата.
А онъ си е далека утекалъ,
Чакъ утекалъ у ситне рѣке,
Извадиль е ногу низъ зенгію.
Питала га Мара Бѣлоградка:
«Зашто вадишь ногу низъ зенгію?»
—«Върло ми се жеде додіяше,
Чу да слезнемъ, воду да се піемъ».
А Мара е Милошу ду́мала:
«Немой, море, одъ коня́ не сла́зи,
Че ни стигне Марко Кралевичъ,
Тебе че си младо погубити,
Али мене наза́дъ че верне,
Твой си конекъ робъ че му будс;
Еве имамъ той блага ябука:
На ти той блага ябука;
Она че ти жеди растуриты».
Милошъ узе́ той блага ябу́ка,
Та си руча презъ поле широко.
Обьрнусе наза́дъ на трагове,
Пристигълъ га Марко Кралевичъ,
И по Марка кумекъ и старойтя,
Я по кума деветъ стотинъ свата.
Развикасе Милошъ, добаръ юнакъ,
Па си беркну у свилне па́зуке,
Та изва́ди двѣ бѣле́ ма́раме,
Та ги даде Мари Бѣлоградки:
«На ти-тебѣ двѣ бѣле́ ма́раме,
Са-съ една́ ти очи преверза̀ти,
А са-съ друге преко тебе, па за мене,

Чу да пуштамъ коня́ Пилатицу,
Ега пренесе́ преко Дунавъ;
Марко нече Дунавъ да прега́зи».
Узело тага двѣ бѣле́ ма́раме —
Са-съ едну очи превезала,
А са-съ друга преко него, та за ню;
Онъ извади коня́на камджія,
Та удари коня Пилатицу,
Та прелете́ преко бѣли Дунавъ;
Нигде нема ногу да уда́ри,
Та си прейде отудъ преко Дунавъ;
Тагай слезе Милошъ добаръ юна́къ
И па слезе Мара Бѣлоградка,
Самъ се конекъ по край Дунавъ шета.
Яли Марко до Дунаво опре́ло,
Па не може да Дунавъ прегази.
Па си стане Милошъ добаръ юнакъ,
Та целива коня́ крылатога;
Яли Марко одовуда ока:
«Богъ те било, Милоше юначе!
Зашто си со-съ коня целивашь,
Не целивашь Мару Бѣлоградку?»
— «Я чу со-съ коня и Мару целивамъ,
А ма та(д) съ кога че си ойдешь,
Съ кога́ че си кума одведешь,
Съ кога́ че си сватове одведешь....»

№ 180.

Джумал. окр. (въ Малешѣ), с. Селиште: 10 дек. 1879 г. записана въ Дупницѣ со словъ Николы Іованова.

(Смерть Милоша юнака на Косовомъ полѣ).

Ранилъ Милошъ коня Маркушана
Ранилъ пребрана пшеница,
И го поилъ вино тригодишно.

И проговóри царо Стефано;
«Э, Милоше, Милоше капетане!
Турци са усилія, земя те ны focusъ».
Я Милошь вели-говóри:
«Небой, ми, се, цару Стефану!
Што имамъ конче ранено,
Я земя-та не давамъ,
Турчинъ да ти земе;
Да си премѣна, да си нареда,
Да сѣднамъ товá сино сѣдлó,
Да сѣднамъ сѣдлó на кона,
Да му стегна деветъ колана
Деветъ колана люты смоци,
Я на зенгіи двѣ люты зміи,
И да си зéмамъ мое потайно оружіе!»
Па премѣнилъ се Милошь,
Па наредилъ се Милошь,
Сѣдналъ на кона сино сѣдло,
Коланьé му турилъ деветъ смока,
На зенгіи двѣ люты зміи,
Па си яхна кона Маркушана,
Па си ойде кодъ царо кодъ Стефана,
Та на царо вели-говори:
«Погледай, цару, погледай —
Прилега ле ми?
На сѣдло деветъ смока,
На зенгіи деветъ люты зміи!»
Я царо му вели-говори:
«Постой, Милоше, постой!
Да те погледамъ!
Што ти прилега, деветъ коланы-смоци
На зенгіи—двѣ люты зміи!»
И Милошь му вели-говори:
«Я подай ми вино тригодишно,

Ко́на да си напоя».
Царо му пода́лъ вино тригодишно;
И Милошь ко́на напои́лъ,
Та си я́хна кона Маркушина,
Я́хна низъ по́ле широко,
Та си ойде́ у Косово по́ле:
Та си извады лека воздогана,
Та заверте́ на лѣво, на десно,
Та исѣче клеты Турци.
Па си ойде́ кодъ царо, кодъ Сте́фана
Та на царо вели-говори:
«Видишь ли, цару, што самъ юнакъ!»
Я царо му вели-говори:
«Ште е пусто Косово-поле,
Ште е турчинъута́хнало».
И Милошь я́хна кона Маркушина
Я́хна низъ поле широко:
Та си заверте на лѣво, на десно,
Та исѣче́ клеты Турци;
Па си я́хна кона Маркушина,
Та си ойде кодъ царо кодъ Стефана;
Я царо му вели-говори:
«Какво́ Милоше? какво́ направи?
И Милошь му вели-гово́ри.
Я царо му вели-говори:
«Погледни, Милоше, погледни!
Пусто е све Косово-поле,
Што е турчинъ ута́хнало,
Доде-къ е кервь проперснала,
Се турчинъ ута́хнало.
И Милошь па я́хна кона Маркушина,
Та си я́хна́ да иде низъ по́ле широ́ко;
Я царо му вели-гово́ри:

«Стой, милоше, стой!
Самъ не иды, заръ те погинешь».
Товá си е Милошь не слушалъ:
Па си ойдé у Косово поле,
Та погиналъ Милошь.

№ 181.

Г. Радомiръ; 2 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Петрунова Моавискаго.

Момчило юнакъ задолжался.

Момчиль си е борчокъ заборчи́ло —
Запраило девéтъ воденицы,
И запраило деветъ валя́вицы;
Си-те деветъ у бѣдá дало́,
Па-й не може бѣдá да одбѣди.
Дума дума Момчи́лова майтя:
«Эй, Момчиле, Момчиле юначе!
Когá биде рано одъ-зарано,
И́зведы ме на нови пазаре,
Егáби цанá учинило,
Та егаби борчóкъ одборчи́ло»;
Тогай дума дума Момчи́лово любе
Дума дума Момчилу юнака:
Та што че ти майтя учини́ти?
Я мене кáрай на нови пазаре,
Егáби ты ништо цанá учинило».
И Момчиль си тога дума продумало:
«Я се оми и о́плеты,
Че те кáрамъ на нови пазаре
Че те карамъ, да те препродáемъ».
Извель е Момчиль вреденъ юнакъ

Изведе низъ тесне чаршіи,
Одве́де я на нови пазаре.
Богъ да біе церна Арапина!
Зaпраша си Момчи́ла юнака:
«Каде́ во́дышь Элена невѣста?
Даль е водышь, саиръ да гледа,
Иль е водишь, да я препродавашь?»
И Момчилъ му дума проду́муе:
«Не я водымъ, саиръ да гледа,
Но я водымъ, да я препродавамъ».
Сказалъ тогай церна Арапина:
«Ніойна цана́ колко че биде?»
Тогай сказалъ Мо́мчилъ вреденъ юна́къ:
«Ніойна цана́ двана́есе и́льяды».
Богъ да біе церна Арапина!
Извишисе више надъ дивани,
И си о́ка Момчи́ла юна́ка:
«Момчиле! одведы Е́лена невѣста!»
И Арапинъ колко брои, толко заброи.
И Момчиль, кадъ дало Элена невѣста,
Излезнало низъ-срѣдъ, низъ чаршіи,
Излезнало и въеднакъ заплака́ло;
И верна се двана́есъ и́льядъ,
И си зема Эле́на невѣста,
Па я во́ды низъ тесны чаршіи;
У срѣшта му турче́ саратли́че —
Дума дума Момчило юна́ка:
«Эй, Момчиле, Момчиле юначе!
Каде́ водышь Элена невѣста?
Даль я водышь, саиръ да си гледа,
Иль я во́дышь, да я препрода́вашь?
Ни я водымъ, саиръ да си гледа,
Ель я водымъ, да я препродавамъ».
Праша́ло е турче саратличе:

Ніойна цана колко че биде?»
Момчилъ юнакъ казалъ:
«Ніойна цана дванаесе и́льядъ».
Извиши я више на дивана́ —
Колко брои, толко заброи,
И си гледа Элена невѣста;
Одведе я турче саратли́че
Одведе я на него́ви дворы;
И си ду́ма турче саратличе:
«Тако м' Бога, Элено невѣсто!
Ка огрѣе това ясно сълнце,
Напредъ удри у мои́ дворе́ве;
Како́ ты дойде у мои двореве,
Ни ми грѣе това ясно сльнце,
Ни ми е одъ дервье слана опадатъ».
Тогай сказа Элена невѣста:
«Ела, брате, да те попоштемъ!» [1])
Легнало турче саратличе,
Легнало на Элена на скуты,
И она зема́, да го поште,
И у косма-та му намѣри
Намѣри три златна вла́кна, —
И му сказа Элена невѣста:
«Слушай мене, турче саратличе!
Че те прашамъ, право ми кажешь —
Немой, да ме лажешь! —
Да се кажешь—имашь ли нишанъ?»
Продума́ му турче саратличе:
«Кога бѣше моя́ стара майтя,
А я било дете у пе́лены,
И остави́ла моя́ стара майтя
Оставила майтя вретено,
И я самъ падналъ, та се самъ у́билъ,

[1]) Искать въ головѣ вшей.

Одъ то́ва нишанъ имамъ».
И тогай сказа́ Элена невѣста:
«Да се скажешь, одъ коя си рода́?»
Оно́ сказа́, одъ коя е рода́.
Какъ се сказа́, одъ коя е рода́,
Тогава Элена невѣста привернала
Него си вѣрно привернала,
Де-ка си е ноенъ вѣренъ брато́къ;
И тогай-си продума́ на турче саратличе:
«Да пра́тиме за Момчила юнака —
Оно се ного у борчокъ заборчило»;
Тогай дума турче саратличе:
«Ты си била моя́ мила сестра,
Я че окнемъ до деветъ таляла,
Че товаримъ до деветъ мьски иманье
И десеты пайтонъ со-съ тебе,
Ега си Момчилъ юнакъ,
Што-то е борчокъ заборчилъ,
Ега си борчокъ одборчи».
Дума продума́ Элена невѣста:
«Чуешь мене, братичко!
Ты-зи иманье испрати́
До деветъ мьски иманье,
Десета жьлты желтици».
Продума турче саратличе:
«Сестроле, сестро Элено!
Ка ойдешь твои́ двореве,
Да сѣдышь ни малко, ни ного —
За́берешь твои́ дечи́ца, сестро,
Послѣ да гледашь, сестро-ле,
Какво че ми ясно слънце огрѣе,
А найрано роса че ми опадне
Опадне одъ мои дворове.

№ 182.

Г. Радоміръ; 29 ноября 1879 г. записана со словъ Таски Петрунова Моавискаго.

Жена Момчила юнака измѣнница: ее за измѣну наказываетъ самъ мужь.

Дума дума Момчилово любе:
«Ей Момчиле, Момчиле, юначе!
Ты-зи спишь у ла́дны одаи́,
Сви дружина лова уловили,
Сви са дружки курбанъ износили».
И Момчилъ му дума продумуе:
«Чуешь мене, мое первнё любе!
Ты-зи, стана три дни и три ношти,
Како́ съ мене ты-зи се играешь,
Неси дало́ малко сенъ да земемъ»;
Па-й Момчилъ опетъ продумуе:
«Я по́справи моя коня шестокрыла,
И ми тури пушки и ножеве».
— Богъ да біе Момчилово любе!
Оно си е итро и о́пако;
Кога́ било рано одъ зара́но,
Пойде любе, ко́ня да му спра́ви:
Подъ колане́ раны развертéло,
И на ко́ня кры́ла оперли́ло,
У пушке му вода насипа́ло,
А ножи му кены закани́ло.
И си ойде́ Момчилъ добаръ юнакъ,
И си ойде́ при сини е́зера;
Поби́ копье, та си копя верза,
И си чека той сура елена.
И се мина ни малко, ни млого,
Та-й убилъ той сура элена;
И го качи коню па тертíя;

Па си бутна презъ поле широко;
Оддалекъ се гласи зачуюя,
И Момчилъ си дума продумуе:
«Бѣгай, коню, какó-што бѣгашь!
Пуцай, пушко, какó-што пу́цаше!
Сѣчи, саблё, какó-што сѣчеши!»
И Момчилу конё продумáло:
«Ей, Момчиле, ей вреденъ юначе!
Богъ да біе твое первнёлюбе!
Кагá биде рано одъ зарано,
Онó ми е крылá оперли́ло,
И ножи тіе кьни закапило,
Пушки тіе вода насипáло».
Доде конё дума да издума—
Богъ да біе церна Арапина!
Эте иде со-съ три хи̏льяды души,
И си гóня Момчи́ла юнака;
Па-й си Момчилъ на коню говори́:
«Бѣгай, коню, какé-што бѣгашь!»
Достигналъ е на негoвы дворы,
И си óка сестрá Перусія:
«Чуешь мене, сестро Перусіё!
Отвори ми той порты желѣзны!»
Я сестра му дума проду́муе:
«Слушай мене, Момчиле юначе!
Богъ да біе твое первнёлюбе!
Излега ме оно, да ме плетé —
Заплетé ми косы за темель дирéци»;
Я братокъ ю дума продумуе:
«Скуби, сестро, косы че ты никне,
А брата дека че намѣришь?»
И она е брата послушáла,
Та си свое косе оску́бла.
И тогай си Момчилъ продума:

«Слушай мене, сестро Перусіё!
Я улѣзни у ладни зевницы,
Та извади платно́ бабучерно,
Та го ферли презъ върхъ
Презъ върхъ-презъ кале то».
— Богъ да біе Момчило́во любе!
Оно си е па-й пресѣкло
Това́ платно́ бабучерно,
Да не мине Момчилъ вреденъ юнакъ.
— Богъ да біе церна Арапина!
Оно си е Момчило стигна́ло:
И си вана церна Арапина
Та си вана Момчи́ла юнака.
Што-то бѣше Момчи́лово любе
Што че нему[1]) дарба да даруе:
Што-то бѣше Момчилови кълпакъ
На Момчило на връ—на глава,
А на Арапинъ до саме рамена;
Што-то бѣше Момчи́лови кожувъ
На Момчила надъ колѣна,
На церна Арапина до церна-та земя.
И тогай му Момчилъ дума проду́мує:
«Чуешь мене, це́рна Арапина!
Каковъ юнакъ онай издава?!
Та тебе ли добро че поминемъ?
И Момчилъ му тагай дума продума:
«Слушай мене, церна Арапина!
Я ме пушти малко мегданъ да земемъ;
Я си ка́чи висока дивани,
Та си и́ды при сестра Перусі́я».
И Арапинъ е Момчило пустило.
Па си зема Момчилъ вреденъ юнакъ

---

[1]) Т. е. Арапину.

Та си зема сабля на зглабове,
Што се віе, ка-то люта змія,
Па си вана Момчилъ вреденъ юнакъ,
Та си вана сабля на згла́бове,
Развертесе налѣво надесно,
Та обори до три ӽильядъ Турци,
И си вана церна Арапина
Со-съ два нерста душа му извади.
И си вана́ него́ве-то любе:
Ископало дупка до поясъ,
И намаза лой и катра́нъ,
Па запали́ него́во-то любе;
Момчилъ піе вино одъ три годинъ
И си піе лютица ракія,
А любе му борина[1]) свѣтеше

№ 183.

Трен. окр., с. Бабина; 24 ноября 1879 г. записана со словъ крестьянина Дёши Тодорова.

Жена Момчила спозналась съ Релей Крылатицей, который, съ ея помощью, убиваетъ юнака Момчила.

Момчило има то любе убаве.
Често, често на пазаръ иде.
Кага́ иде на голѣмы пазаръ,
Се се найде съ Релю Крилатицу,
Са-съ Релю оба се доду́маю,
Да загрію Момчи́ла юнака,
Да се узму съ Рели Крилати́ца.
Па си дойде Момчи́лово любе.

---

[1]) Лучина.

Питалъ ю Момчилъ добаръ юнакъ:
Чуешь мене, мое первнёлюбе!
Какó идешь на пазаръ голѣмы,
Дали нешто ты за мене чуешь?»
—«Чуемъ, Момчилъ, да како не чу́емъ:
Е се бія у деветъ краля
Деветъ краля одъ деветъ краинe,
Е се бія за твоя-та сестрá,
Па не смѣю ко тебе да дойду.
Еве стане деветъ година дена,
Како смо се са-съ тобо узели,
Ручéкъ прави сестра Ангелина,
Онá че тебе лесно измами;
Айде, да ти правимъ той сладке вечере».
Уготви му той сладке вечере,
Е су сѣдли, та су вечерáли,
Вечерали и думу думáли:
«Отъ-заранъ пресвéты Илинъ денъ,
Кагá буде на денъ на Илинъ денъ,
Ты си лови сурога елена,
Е си лови да како ли курбанъ
Курбанъ на Илинъ денъ;
Айде легни, да малко поспишь,
Я че справимъ коня крылатóго».
Момчилъ лежé, та си и заспáло.
Тагá станало негове любе,
Та улезне у ладне я́хары,
Та му справи коня́ крылатога,
На коня́ му крыла изгори́ла,
Што остало, подъ коланъ тури́ло,
У пушке му воде насыпало,
Я и саблю му съ кану канусáло,
Я маждракъ одъ воре строши́ло,
Па улезне у ладне одае,

Исокале Момчила юнака:
«Дигъ се Моимчилъ, дигъ се,
Да бихъ се не дигалъ!
Бѣлé зоре зазори́ле,
Кадъ че идешь елена да ловишь?»
Рипи Момчилъ на тенке кошуле,
Станало е и любе питало:
«Справи ли ми коня крылатого?»
— «Справила са́мъ коня крылатого,
Натура́(ла) пушке у пабуре,
Закачи(ла) саблю на тертію,
И га стегну(ла) до деветъ кола́на».
— Уяну Момчилъ коня крылатого,
Та си ойдé у гóре зелене,
Та си сверну на длубоки езеръ,
Тамо чека сурога елена,
Тамъ че дойде воду да се піе;
Пуче пушка у горе зелене:
Зачудисе Момчилъ добаръ юнакъ;
Дори да се Момчилъ начуди,
Склопила га та силна войска;
Терже пушке, да съ пушке біе,
А у пушке му вода наси́пана;
Терже саблю, да се съ сабля сѣче,
А му сабля съ кану коносано;
Терже маждракъ, да са-съ маждракъ боде,
А маждракъ му одъ вори истрошено;
Бутна, са-съ коня́ да бѣга,
На коня му крыла изгорѣла;
Што е могла, са-съ ноге бѣгало,
Чекъ утече на негови двори,
Сахатъ мѣсто одалека ока:
«Чуешь мене, сестро Ангелино!
«Отворь двора вратъкъ, да утечé(мъ)»

А она брату си одговара:
«Клето твое первнёлюбе,
Заплете ми коси за дире́ци,
Та немогу, брале, да отворимъ».
А Момчи́лё та́га проговориль:
«Тегни, сестро, косе-те искуби:
Коса ти че ю́тре пórосте́,
А братокъ нече да поросте́».
Искубла е косе низъ главу-си:
«Леле, брале, Момчи́ле юначе!
Ключи нема, да двори отворимъ».
— «Я улезни, сестро Ангелинó,
Я улезни у ладне одае:
Тамо има платнó бабучерно,
Та га верли презъ бѣли дувари,
Ягаби се конекъ довану́ло,
Ягай би ме презъ дуваръ прене́ло».
Изне́ла е платно бабуче́рно,
Върлила га презъ бѣли дувари:
Таманъ се конекъ довану́ло;
Опа кучка тага искочило,
И носила той остри нóжници,
Прерѣзала платнó бабучерно
Пай се юнакъ назадъ поверну́ло;
Достиже га та́я силна войска,
Уловила Момчи́ла юнака,
Уловише и пай посѣкóше га;
Сѣчена глава зборува́ла:
«Леле, сестро, леле Ангелино!
Да си миешь на студни кладенци,
Дека има три тополя дервья,
Тебе че коси́ца порасте».
— Отворише Момчи́лове двори,
И дадоше Рели момчилову кожувъ;

Загърну га Реля Крылатица:
Што Момчилу плечи-те држало,
А Рели се по земли влачи́ло;
И дадоше му момчилове чизме;
Убулъ е Реля Крылати́ца:
Што Момчи́лу една́ нога́ стои́,
А Реля и двѣ-те тури́ло,
Пай не може чизму да испълни;
Дадоше му Момчи́лову саблю:
Што Момчило на персъ вьртѣло,
А Реля не може одъ земли да подигне,
А то не-ли на персъ да уве́рти.
Продумалъ е Реля Крылатица:
«Вала Богу за чудо голѣмо!
Овай юнакъ зашто е погину́ло?
Ка не може онъ да се чардоши,
А то не ли я да се чардошимъ».
Улови́лъ е то Момчилову любе,
Посѣкло е Момчи́лову любе,
Дека си е Момчи́ла истро́ви.

№ 184.

Село Бабица Трен. окр., 24 ноября 1879 г. записана со словъ шестидесятилѣтняго старика Божила Янкова

Груя юнакъ убиваетъ Момчила юнака и его жену Милицу.

Эй Милице, Милице Загорко!
Одкадъ се мие се-ъ тебе узели,
Не си ойдо́мо у та́я мила родина,
Ни си ойдо́мо у тая мила теснина;
Да си се младо омиениш.

Да главу да си оплетѐшь,
И да си омѣсишь тія виты колачи,
И да си наточишь жьлте здравице,
И да си туришь семдесе́ стрѣла,
Па да си иде́мо у тая ми́ла ро́днина,
И у тая наша т'снина.
Пай си су по́шли презъ горе зелѐне;
Пай си с Момчи́ла вьрло дремка одремало.
Момчи́лё Милици говоре:
«Я окни, Милице, та запой».
А Милица му говоре:
«Не смѣемъ, Момчи́лё, несмѣемъ;
Че ме дочуе Груя, младъ юнакъ,
Че ны млади погуби».
— «Не бойсе Милице, не бойсе,
Де окни та запо́й».
Милица окнула та запояла,
Одъ гора с шума опадала;
Дочулъ е Груя добаръ юнакъ,
Та е стигалъ Милицу младу господжу
Са-съ семдесе́ дружина.
Фьрляле стрѣле́-те Момчи́ле,
Та истепалъ семдесе́ дружина,
Та самъ си осталъ Груя добаръ юнакъ.
Тай се ванулe у юначне руке,
Па се борили три дни и три ночи;
Я Груя по тія оговори:
«Приди Милице Загорко,
Я приди, я при́ступи,
Я мене помогни,
Я Момчила помогни».
И она-та пришла́,
Та приступила́,
Та помогну́ла Момчилу,

Та се на Грую гачникъ скинулъ;
Пай си Груи вьрло нажалѣло,
Та се на Момчило надви́ло,
Па и Милицу погуби́ло,
Па се верна на негове доми.

№ 185.

Кюст.-Бан. окр., с. Жилинци; 3 дек. 1879 г. записана со словъ Стоймена Атаносова.

(Дойчинъ больной юнакъ поражаетъ чернаго арапина, повелѣвавшаго въ г. Солуни).

Посели́се, посели́се церна а̒рапина,
Поселисе по Со́луна града:
На денъ руча крава яловица,
И си руча по двѣ фурни лѣбъ,
И піе по двѣ бочви вино
И третя-та люта ракія;
Ношкемъ любе мома и невѣсты
Ношкемъ люби, денеска ги губи.
Редомъ реда по Солуна града,
Се редомъ редо́къ изреди́ло,
Редъ е дошелъ до Дойчинова сестра́.
Дойчинъ лежи́ младъ-боленъ-юнакъ,
Дойчинова сестра по дворове-хо̒ды,
По дво́рове хо̒ды, дробны сълзы роны,
Дробне сълзы рони, бѣли рацѣ троши;
Я Дойчинъ-тъ тія разгова́ра:
«Тако м' Бога, сестро А̒нгелино!
Дали си те, сестро, досадило,
Ели ты си, сестро, ядно додія́ло,

Мои злавья често тураючи,
Мои керви често переячи?»
И одговори́ сестра Ангелина:
«Поселила се церна Арапина,
Поселиласе по Солу́на града —
На день яде́ по крава яловица,
И яде́ по двѣ фурни лѣбъ,
И піе по двѣ бочви вино
И третя-та люта ракія,
Ношкемъ люби мома́ и невѣсты
Ношкемъ люби, денеска ги губи;
Редъ е дошло до твоя́-та сестра́,
А ты лежишь тридеветъ годины:
Низъ очи ти муи пролитале,
Низъ кокале-то трава проника́ла».
И проговори́ Дойчинъ боленъ юнакъ:
«Набери гайле́, сестро Ангелино,
Улезны си у ладны яхары,
Та извади́ моя добра коня,
Деветъ годинъ тимаръ не чинена,
Деветъ годинъ вода непо́ена,
Деветъ годинъ коня некована,
И улезни шарены одая́,
Та си земи сабля димискія;
Па си пойды низъ Солуна града,
Конё воды Петеръ налбатино,
Да ти кове конё вересія,
Ако станемъ, скапо че му платымъ,
Ако умремъ, алалъ да ми чини, —
И однесы сабля димискія,
Однесы я на А́нгела ковачь,
Да подостры сабля димискія,
Да я остры божя́ вересія,

Ако станемъ, скапо че му платымъ,
Ако умремъ, алалъ да ми чини».
Отишла сестра Ангелина.
Налбатъ, ковачь тія проговори́:
«Ако давашь твое бѣло лице,
Я че кове́мъ Врана коня
Че кове́мъ божя́ вересія, —
Ако давашь твое бѣло лицé,
Я че подостримъ сабля димискія
Я че подострымъ божя́ вересія».
— И заплакасе Дойчинова сестра́,
И ошла се Дойчиновы дворове,
Па си верза коня ладны, бре, яхере,
Тури сабля на Дойчинова гла́ва;
И проговори́ Дойчинъ боленъ юнакъ:
«Иды, сестра у Солунска чаршія,
Ойды си при млады чифутинъ,
Доиссы триста латы платно,
Да постегнемъ мои гнили косты».
И ойдé Дойчинова сестра
Ойдé си у Солунска чаршія,
Ойде при млады е́вре́инъ,
Та зема триста латы платно —
Она сака триста латы,
Онó дадé триста и триссе.
Стегна Дойчинъ, бре, гнили-те косты,
Па си яна негова-та коня,
И си зема́ са́бля димискія,
И си зема́ лека буздугана —
Ногу лечка — деведесе ока.
Па си пойдé низъ Солу́на града:
Огнь свѣтини низъ солунска калдерма
Отъ шта? коня, коня неко́ва́на.
И проговори Дойчинъ боленъ юнакъ:

«Я излезни церно Арапино!
Церно Арапино, биволешко лайно!»
И говóри церна Арапина:
«Назадъ, назадъ, суо сушенице!
Немашь кервь, сабля да напóишь,
Немашь месо, коршумъ да наранишь».
Проговори Дойчинъ боленъ юнакъ:
«Не тужи Бога, церна Арапино!»
Излезнáла церна Арапина.
Проговори́ Дойчинъ боленъ юнакъ:
«Я ты ферляй, церна Арапино!
Я ты ферляй, я че да ферлямъ»!
Ферлило е церна Арапина,
Ферлило е съ лека буздогана —
Дойчинъ го дочекá со-зъ зенгія;
И проговори церна Арапина:
«Чекай, Дойчино, ошь еднашь
Ошь еднашь да гаджамъ»;
Проговори Дойчинъ боленъ юнакъ:
«Чекай, церно Арапино!
Ты си ферлялъ, па я че фéрлямъ»;
Ферлилъ е Дойчинъ боленъ юнакъ,
Удари го съ лека буздогáна,
Удари го у пéрво-то серце:
Падна Арапинъ одъ Врано-то коне,
И проговори церна Арапина:
«Удри, Дойчине, удри, оште душа има»;
И проговори́ Дойчинъ боленъ юнакъ:
«Еднешь мріемъ, еднешь семъ родилъ»;
Тогай пукнá церна Арапина.
Па си яхна Дойчинъ боленъ юнакъ,
Па си яхна тая Врана коня,
Та си ойде при Петеръ налбатинъ:
«Я излезни, Петеръ налбатинъ!

Ковалъ си ми конё вересія!
Излезни, скапо да ти платимъ»!
Излезна́ си Петеръ налбатино́,
Одсѣче му Дойчинъ тая руса глава;
И ойде Дойчинъ при Ангела ковача:
«Излезни, Ангеле, ковачу!
Подострилъ си сабля димискія!
Излезни, да ти платимъ»!
Излезна си Ангелъ ковачъ,
Одсѣче му Дойчинъ тая руса глава.
Па си зема́ до двѣ руси главы,
Па си яхна тая Врана коня,
Та си ойде при млады евреинъ:
«Я излезни, млады евреине!
Давалъ ми си триста латы платно,
Ко́лко сакашь одъ мене да платымъ?»
Проговори́, бре, млады евреинъ:
«Э, Дойчине, млады, бре, юначе!
Колко любишь, толко че ми платышь»;
Дойчинъ му платы́ двойно
Платы двойно, што му чини.
Па си ойде́ Дойчинъ на дво́рове.
Разверза си Дойчинъ бѣло платно,
И душа му на-часъ излезна́ла

№ 186.

Трен. окр., с. Бабица; 22 ноября 1879 г. записана со словъ Божиля Янкова.

(Дойчинъ больной юнакъ поражаетъ чернаго арапина, повелѣвавшаго въ г. Будимѣ,

По́селисе церна Арапина,
По́селисе по Будима града;
На́ да(нъ) руча по вурнія лѣба
И си піе по една бъчва люта ракія,

И си піе по éдна бъчва вино;
Посили се по Бу́дима града:
Нá ночь люби по еднá гиздава девойтя.
Редомъ реди по Бу́дима града,
Редъ си дошлó до болнога Дойчина:
Болны Дойчино имало
Имало едну́ добру сестру;
Онá по двóры оды,
По дворы оды бѣле руке кърши
И си рони дробне сълзе;
И сгледа ю боленъ Дойчинъ:
«Леле сестро, леле мила сестро!
Зашто си по двору одышь,
Дробне сълзе ронишь,
Бѣле руке кършишь?»
— «Да какво дробне сълзе не ронимъ?
И каквó да не кършимъ руке?
Поси́лисе церна Арапина,
Та си люби нá ночь по една девойтя,
Редомъ реди по Бу́дима града,
Редъкъ се дошелъ до насъ —
Дошелъ до болнога Дойчина».
Проговори Дойчинъ боленъ юнакъ:
«Да улезнешь, сестро, у ладны зевници́,
Да изнесешь бобучерне платно
Бобучерне платно деведесе аршина,
Да увертемъ мои болне косты;
Да улезнешь у добре яаре,
Да изведéшь коня босатина,
Да га вóдишь Петру албáтину,
Божья вересія да га кове,
Да улезешь у ладне дзевницы,
Да узмешь саблю рджави́цу,
И да носишь на мóега побратима,

Да подостри божья вересія.
Ютре че я се вратити
И че имъ плати́ти.
Послушала мила добра сестра.
И носила му сабля-та
На негова побратима;
Онъ не стѣлъ да подостри сабля
Да подостри божья вересія,
Но рекалъ:
«Ако дашь свое-те бѣле лице,
Да подостримъ са́блю рджави́цу».
И водила му коня Петру албатину,
Да укове коня босатина
Да укове божья́ вересія.
И албатинъ рекалъ:
«Ако давашь бѣле лице,
Че ти ко́ве конче вересія».
И она тогай назадъ поверну́ла,
Повернула и на брата се казала;
Заплакала мила добра сестра.
Рекалъ тогай Дойчинъ боленъ юнакъ:
«Изве́ди ми коня́ босати́на,
Дай ми саблю рджавицу,
При́веди коня́ на бѣлъ камикъ».
Довела коня добра сестра.
—«Держь коня, сестро, да, се качимъ!»
Укачилъ се Дойчинъ на доброга коня,
Па-й тогай разигра до́брога коня
Разигра низъ Бу́дима града
И рекалъ: камо-тъ церна Арапина?
Айде, на старе бѣлеге,
Айде, бой да правиме сеги!»
И станули на старой бѣлегъ.
Рекалъ Дойчинъ: церно Арапино»!

«Врьляй на Дойчина болнога
Врьляй лька бъздованя,
Што-то има деведесе ока».
Върлилъ церна Арапина
Върлилъ тежка бъздованя,
Бо́ланъ Дойчинъ го у руке дочека́лъ.
— «Па се чекай, церна Арапино!»
Я върля́мъ тежка бъздованя!»
Овърлилъ Дойчинъ бо́ленъ,
Та га накаралъ у земи
Накаралъ деветъ а́ршина;
Тага́ е прише́лъ Дойчинъ юнакъ,
Та му отсѣкалъ ру́су главу,
И ю турилъ ко́ню у зобнице.
Па тага разигралъ коня
Низъ Бу́дима града,
И оше́лъ на Петра албатина:
«Излезъ, излезъ, Петеръ албатинъ!
Да ти платимъ, Петре албатине,
Што ми си кова́лъ коня!»
Петеръ не смѣе да излезне;
Па излезнелъ Петеръ албатинъ.
— «Ела, да ти пла́тимъ!»
Излезнелъ е Петеръ при нега,
Дойчинъ извади свою-ту саблю,
Та му осѣче русу главу.
Па тага отиде на Павла побра́тима:
— «Излезъ, излезъ, Павле побра́тиме!
Да ти платимъ саблю,
Што си ми подострилъ».
Излезнелъ е Павелъ побратимъ:
Мане Дойчинъ со-съ саблю,
Та му главу осѣче.

Па тага отиде дома Дойчинъ,
Та размо́та деведесе лакта платно,
Што-то бѣше на негове болны косты,
И се съ душо раставѝло.

№ 187.

Село Жабленъ, Радом. окр.; 24 ноября 1879 г. записана со словъ болгарскаго солдата Ивана Дмитріева.

(тоже).

Боленъ лежѝ Дойчинъ добаръ юнакъ;
Тай лежалъ деветъ годинъ време:
Веч му се кости разлежале.
Богъ да біе церна Арапина!
Редомъ реди по Будѝма града:
На ношь люби гиздави невѣсты,
На денъ люби гиздаве девойти.
Дочула е Дойчинова сестра,
Па си рони тія дребни слéзы.
Съопазилъ е Дойчинъ добаръ юнакъ,
Па прашуе дильберъ Ангелина:
«Дали те се досадило, мене чуваючи,
Та си толко жално ты заплачешь?»
А она му по тія оговори:
«Не ми се досадило, тебе чуваючи,
Но Богъ да біе церна Ара́пина!
Редомъ реди по Будима града,
Редъ са̀ дойде́ на наши дворы,
Та за това я толко жално плачемъ:
На ношь люби по моми гиздави,
И си яде́ кра́ва ялови́ца,
И си піе деветъ бочви вино».
И е братóкъ пó ти оговори:
«Я ми дай, сестро, платнó бабочерно;
Умотамъ това́ клéто серце,

И да справимъ това́ добаръ конь».
Кога́ додала́ му платно бабочерно,
Опаса се юна́къ, отегна́се,
Па си ста́на, та си справи́ своя добра конь,
И си зема́ своя тьнка сабля,
Па си яна́ своя добра коня,
Па излезна́ на росна ливадя.
Съопази́ га церна Арапи́на:
Па си рипна церна Арапи́на,
Па си я́на своя добра коня;
Оддалекъ се юнаци поздравія.
Побѣгналь е Дойчинъ добаръ юнакъ;
Ферлилъ се церна Арапинъ,
Удариль е Дойчина добра юнака
Удариль е у десно у зенгія;
Поверна́се Дойчинъ добаръ юнакъ,
Та у́дари церна Арапина,
Удари га меджи двѣ-то очи—
Въеднакъ се очи испьрснали.
Па си ойде Дойчинъ добаръ юнакъ,
Па си ойде́ до́ма на дворо́ве,
Па слезна́ одъ своя́ добра коня,
Па си улезна́ на своя постельтя:
Съопасаль е платно́ бабочерно,
И въеднакъ се съ душо раставило.

№ 188.

Г. Радомірь; 30 ноября 1879 г. записана со словъ Таски Петрунова Моавискаго.

(Тоже, съ перемѣной имени Дойчина на Демьяна).

Лежи Демьянъ деветъ годинъ време
Та си лежи се на едно мѣсто:
Низъ очи му муи пролетели,
Низъ косты, му трѣва проникнала

У чамбасъ[1]) му зміи изводили;
И при него ядна Яна, мила сестра.
И говори Демьянъ, боленъ юнакъ:
«Леле, Яно, леле, моя мила сестро!
Я си ойды при Петре младо симичиче,
Да ми земешь три жешки симида,
И ми зéми моя добра коня,
Та го води на Петре налбатинъ,
Да го кове, Богме, вересія:
Ако стане братокъ, че ти плáти;
Ако ўмре, че му простышь»!
Продума си Петре младо налбаче:
«Нему ковемъ коня вересія,
Ако дадешь твое бѣло лице...»
И она с коня повернáло,
Па си ойде при младо симичиче,
Та си сакатъ три жешки сими́да:
Ако стане братокъ, че ти плати,
Ако ўмре, Богме, че му простышь».
Я си сака младо симичиче,
Оно сака церни́ очи на залóга.
Повернасе негова-та сестра
Сестра ядна-та Яна,
Повернасе въеднакъ назáде-ка,
И си верна́ коня некована,
И не земало той жешки симидо.
«Што-то бѣше той младо налбаче,
Оно сака бѣле лицé на залóга,
Што-то бѣше младо симичиче,
Онó сака церни очи на залóга».
Дума дума Демьянъ, боленъ юнакъ:
«Чуешь мене, моя ми́ла сестро!
Я улезны у ладны зевници́,

[1]) Волосы.

Та изнеси платнó бобучéрно,
Да увіемъ тія гнилú кóсти».
И она е брата послушáло:
Изнела с платнó бабучерно,
Та увúло тія гнилú кости,
И се метна на рамена,
Деветъ годинъ коня некóвана,
Ни кована, ни зоба зобúло,
Ни м', Богме, ни вода пóсно;
И си метнá коню на рамена
И си земá та остра сабля,
Што не е деветъ годинъ острена,
Запаса си Демьянъ, вреденъ юнакъ
Запаса си сабля не острена,
Не острена, ни на-й брисана;
Бутнá коня низъ тесне клисуры;
Ý срѣшта му цернá Арапúна:
«Э Демьяне, э боленъ Демьяне!
Я кадé си коня уберзúло?»
А Демьянъ му дума продумáло:
«Што ме прашашь, церно Арапúно?
Че да идемъ, да си я поплáтимъ,
Што ми е Петре коня ковáло,
И што ми е пратило младо симичúче
Пратúло ми женки симида».
И си ойде, та си ока Петре налбаче:
«Чуешь мене, бре, Петре налбаче:
Я излезни, язе да ти платимъ!
Язе прати моя добра кóня,
И я ти прати тія подковалія».
А оно му сказало:
«Не семъ я подковалъ».
А Демьянъ му дума продýмуе:
«Язе прати Яна ядна сестра

Ты-зи сакашь бѣло лице на зало́га;
И си окна́ младо симичиче:
«Ела ты-зи! тебе да си платимъ!
Што ми прати́ три жешка симида —
Ты-зи сакашь церни очи на залога».
И тогай си боленъ Демьянъ
Извади си сабля неострена,
Тай погуби той младо налбаче,
И погуби той младо симичи́че,
Де-ка му коня нековали,
И дека му нее пратили
Не пратили той жешки симида.
Бутна ко́ня, въеднагъ се на заде верна́ло,
И си срѣтна церна Ара́пина:
Продума́ му въеднагъ боленъ юнакъ:
«Богъ те уби церно Арапи́но!
Што ми-мене ты-зи гово́раше?
Очешь съ мене ты бой да пра́вишь?»
И Арапинъ му ду́ма проду́муе:
«Очемъ» (рекалъ Арапинъ).
Продума му Демьянъ, боленъ юнакъ:
«Богъ те уби, церно Арапи́но!
Я семъ увиль тія гнили́ косты;
Ты-зи ферли съ ле́ка воздогана».
Арапинъ е ферлило съ лека воздогано,
Демьянъ пружи́ та́я десна но́га,
И поверна́ лека воздога́на.
И тогай-си въеднакъ оно проду́муе:
«Богъ те уби, церно Арапи́но!
Я ми стани ты-зи на белѣга,
Я че ферлямъ съ лека воздогана»;
И си ферли, и си го нака́ра
Тридеветъ лакти у́ земи;
Пай си ойде при негова сестра

И му каза: «Яно, ядно сестро!
Я погуби той младо налбаче
И погуби младо симичиче,
И погуби церна Арапи́на;
Я одверти платно́ бабуче́рно,
Та ми одвій тія гнили́ косты,
И размоты ми до осемдесе раны,
Та на точи тія церни кърви,
Та белѣжи дервье и камене;
Та си слезни у гора зелена,
Та наточи вода у руменче,
Та донеси да си се напіемъ».
Даде Го́сподъ тоя силенъ дъждокъ,
Та си одмій дьрвье и камене,
И тогай се Демьянъ съ душа растави́ло.
Тогай ока негова-та сестра:
«Леле Боже, леле мили Боже!
Я не можемъ брата да си найдемъ;
Я ме створи пиле ку́ковица,
Да си лети́мъ одъ дьрво на дьрво,
Егай би си брата погоди́ла».
Гарванъ гачс у гора зелена:
«Ела вуче, месо да яде́ме!
Ты да ядешь това люто мсcо,
Я да піемъ тія церни очи».
И тогай го сестра намѣрило,
Намѣрило и съ душа раставило.

№ 189.

Соф. окр., село Сливница; 6 февр. 1880 г. записана со словъ крестьянина Ангелка Тончина.

(Визирь Тодоръ поручаетъ Лютицѣ Богдану доставить ему жену и коня легенскаго короля и ключи отъ города Легена).

Пише писмо Тодоре визире,
Пише писмо на Лютица Богдана,
Та го прати у Легена града:
Да донесé ключи одъ Легена,
Да доведé любе Авионче,
Да докáра коня со-съ три чуда.
Ка' дойде Лютица Богдана,
Каже:
«Фала тебѣ, Тодоре везире!
Што ме окашь, Тодоре везире?»
— «Я те окамъ, Лютица Богдане,
Че те пратимъ у Легена града:
Да донесешь клю́чи одъ Легена града,
Да доведешь любе Авионче,
Да докарашь коня со-съ три чуда;
Че ти давамъ три товары благо».
Не сте много да мисли Лютица Богданъ,
Токо въеднага пойдé;
Отидé у Легена града:
Оды́ три дни по Легена града;
Срѣте га Легенскова краля
И каже:
«Фала тебѣ, Лютица Богдане!
Што шеташь по Легена града?»
Рекалъ Лютица Богдана:
«Младо си много засиромашило,
Тражимъ да се цѣнимъ».
Одговáра легенски краля:

«Тражишь млады да се цѣнишь?
Д' очешь мене слуга да будешь?
Очемъ тебе младо да цѣнимъ».
И за пазаръ запазарили:
Засака му Лютица Богдана
Засака му триста и дваесе дуката,
А пазаръ направили
Триста и дванаесе дукаты;
Три дни дена са керчма пи́ли,
На четверти дена отишли са,
Да слугус Лютица Богдана.
Слугувалъ е деветъ годинъ време;
По́ступи десе́та година,
Не може да виды ключи одъ Легена града,
И не може да виды коня со-съ три чуда;
Ра́сердисе Лютица Богдана:
Запали Легена града,
Запали го одъ деветъ страна;
Легенски краль се уплаши́,
Уплашисе—уяхна коня Голешава[1]),
Та побѣжс изъ Легена града.
Тагай се верну Лютица Богдана;
По дворъ оды любе Авионче,
По дворъ оды, бѣли руке керши.
Проговори Лютица Богдана:
«Вала тебѣ, любе Авионче!
Кажи, де-къ су ключе одъ Легена града?
Кажи, де-къ е конё со-съ три чуда?»
Она тіе одгова́ра:
«Я си узми деветъ ключе
И отвори деветъ желѣзници,
Десста е врата одъ близница,

---

[1]) Голый (объясненіе сказителя).

И изведешь коня со-съ три чуда,
И тамо су ключи одъ Легена града».
И рекелъ Лютица Богдане
Рекелъ на любе Авионче:
«Премѣнисе у невѣстичко руо;
Изгреби бисеръ и ма́гаре,
Укачисе на конё со-съ три чуда».
Учинила това́ любе Авионче.
И ука́чисе Лютица Богдана,
Укачисе на конё со-съ три чуда.
Дочули троица юнаци:
Едно бѣше Релё одъ Релёво,
Други бѣше Янко одъ Косово,
Трети бѣше Марко одъ Крале́во;
Та збрали три силне войске,
Ега́ узма любе Авионче,
И по не́га коня со-съ три чуда,
И по нега ключе одъ Легена,
Салъ да не отиду при Тодора везира.
Тагай дочуло е Лютица Богдана—
Пристигли га три силни войски;
Ритну коня Лютица Богдана,
Ве́ркну конё подъ небеса;
Кага́ се собудише три силни войсти—
Една бѣше на Релё одъ Релёво,
Друга бѣше на Янко одъ Косово,
Третье бѣше на Марко одъ Крале́во,
Се се чудомъ учудише:
Де-къ се дено то́е вреденъ юнакъ?
Чекало го Тодора везиро
Чекало деветъ годинъ време
Чекало го на свои дворове:
«Декъ се забави Лютица Богдана?
Че го манемо да го чекамо,

Да го чекамо десета година»;
Тамъ, мануше го и онъ достиже.
Тогай викалъ е Лютица Богдана:
«Вала тебе, Тодоре везире!
Како мене чекашь деветъ годинъ,
Оти мене не чекашь десета?»
И кога́ го виделъ Тодора визира,
Въеднага го у руке приватилъ:
«Вала тебе, Лютице Богдане!
Како цернеа [1]) по Легена града?
(Слѣдовалъ отвѣтъ Лютицы, опущенный сказителемъ).
«Да ми давашь любе Авионче,
Да ми давашь ключе одъ Легена,
Теби коня, коня со-съ три чуда» [2]).

№ 190.

Дупнич. окр., с. Бобошево; 13 дек. 1879 г. записана со словъ Хаджи Михаила Бѣлобрадовича.

(Страхиля, страшный воевода; его смерть).

Страхиля страшна войво́да!
Што си посеҳналъ и повеҳналъ?
Далъ ти е пушка дотеѓнала,
Иль те сабля омерзнала,
Далъ ти е конче постанало,
Иль ти е булче домилѣло?
— «Акмаджакъ кучюкъ, барьяктаръ!
«Ни ми е пушка дотеѓнала,
Ни ми е сабля омерзнала,
Ни ми е конче постанало»,
Ни ми е булче домилѣло;

---

[1]) Служилъ.
[2]) Слова визиря.

Акмаджакъ кучюкъ барьяктаръ!
Вчéра семъ миналъ—проминáлъ,
Презъ Рылска страшна планина,
Презъ хайдучки долины,
Презъ темны-те стервины;
Спадналъ семъ доле въ рѣка-та
При зелéна-та ливада,
Подъ дебела-та сѣнка:
Одкачилъ семъ рухо юначко,
Одкачилъ семъ сабля огнана,
Одкачилъ семъ пушка танкана,
Заспалъ семъ тамо въ ливадѣ—
Страшенъ сънъ сенилъ семъ:
«Страшно «потера» по менъ верви́
И тыя ми черны манафи«.
Проговорилъ Акмаджакъ кучюкъ барьяктаръ:
«Страхило, страшно войводо!
И тó ли да те учимъ?
Соблечи рухо юначко,
Извади оружіе страшно,
Облечи рухо прóстячко,
Сѣдни си на патъ
На керстопатъ;
Зéми си дервено пани́че;
Дека че мине «потера»,
Сѣки ште дарува те по гологанъ» [1]).
Сички «потера» изверве́
И дариха го по гологанъ.
Черно циганче казáло
Казало на сильна «потера»:
«Вие когó дарихте?
То е самъ Страхиль,

---

[1]) Турец. мелкая монета = 3 коп.

Самъ страшна войвода!«
И тогай се вернала «потера»:
ОдрЍзали му главá-та.
Страхилъ си загналъ[1]) безъ глава
И това циганче, што казало,
Онъ му одралъ кожа со-съ кремúкъ.

№ 191.

Самоков. окр., с. Студеница; 8 февр. 1880 г. записана со словъ Банки Титева въ селѣ Клисурѣ, что близъ г. Берковицы.

(Груя юнакъ получаетъ дѣвушку Виду на пиру у юнака Янка «отъ Косова»).

Зачинисс Янко одъ Косова
Зачинисе госба да си чини:
Та поканú седемдесé краля,
И поканú Марко Кралевича—
Емъ го кани, емъ му дума дума:
«Ты да дойдешь, Груе недовóды;
Доде бѣхме старо побратимче,
Да не станемъ младо свакоштино;
Язе имамъ Вида малка мома».
Я Марко му по ти оговораше:
«Безъ се мога, безъ Груе не мóга—
Оно ми е арна служба».
И си пiятъ седемъ краля вино,
И си го пié Марко Кралевúче,
Не пié го малко дете Грýе;
Слуга имъ е Вида малка мома;
Вида малка има голѣма облога:

---

[2]) Побѣжалъ.

У бѣло дерво—абланево дерво,
У дерво-то три златны ябуки,
Кой откине три златны ябуке,
Той че земе Вида малка мома.
Я си рипне дете младо Груё,
Та си рипна на юначки нозе,
Та си улезна́ у высоке ях́ере,
Та си справи коньче троего́дче.
Согледа го Ма̀рко Кралевиче,
Та па му по ти оговори:
«Тако м' Бога, дете, бре, Груице!
Зашто не справишь коня́ газибара?»
Па си яна дете, бре, младо Груё
Па си яна коня газибара
И отиде до една готока;
Тамъ е излезнала ала троегодска:
Ала рыпа коня да пога́лне,
Коне рыпа ала да пога́зи
И говори на дете Груё:
«Клето да си и проклето!
Не ли видишь, де-ка младо че погинешь?
Што не ва́дишь сабля, да се бранишь»?
Послушало дете младо Груё,
Извадило сабля, та посѣкло ала.
Па си ойде до друга готока;
Тамъ излезна ошь пострашна ала:
Ала рыпа коня да погълна,
Коне рыпа ала да погази;
Проговори коня газибара:
«Клето да си и проклето, дете Груё!
Не-ль видишь, че да си младо погинешь?
Што не вадишь сабля да се бранишь?»
Послушало дете младо Груё,
Извадило сабля, та посѣкло ала.

Отиде си до третя готóка:
Тамъ излезнá ошь пострашна ала;
Ала рыпна коня да погълна,
Коне рыпа ала да погази;
Проговори коня газибара:
Клето да си и проклето!
Не ли видишь, че си младо да погинешь?
Што не вадишь сабля димискія?
Послушало дете младо Груё,
Извадило сабля, та посѣкло ала.
Отиде си у бѣло-то море,
Па си дете Груё по ти оговори:
«Тако м' Бога, коня газибара!
Да искубемо дерво низъ корене»;
Я конéкъ му по ти оговóри:
«Да откинемъ три златны ябуки».
Откинáли три златны ябуки
Отъ той абланево дерво,
Та отишли дома-ка.

№ 192.

Село Верба, Радом. окр.; 28 ноября 1879 г. записана со словъ того же крестьянина.

(Жена Груи юнака измѣнница).

Сѣдú Груя на Юрýшъ-пладнина;
А што лети живо че проминé,
А што оды, подъ сабля че тури;
Па го дрéмка одремáло,
Па на любне пó-ти говори:

«Чуешь мене, млада Ангелина!
Очешь, карау́лъ да чувашь»?
А она́ му проговори:
«Очемъ, да оти да нечемъ;
Я ми дай твое оружіе,
Я че сѣдамъ, караулъ да чувамъ:
Э што лети живо че промине,
А што оды подъ сабля че ту́римъ».
И оно́ му додаде́ него́во-то оружіе,
Та го зема млада Ангелина.
А сѣднала Груица войвода,
Тога легна́ та заспа.
Эте одатъ петъ стотинъ турчета;
А гово́ри млада Ангели́на:
«Чуете-ли петъ стотинъ турчета!
А вежите́ Груица войвода;
А они́ нёй говоря:
«Несмѣме него да вежемо;
Ако очешь кадана да бидешь,
Ты че вежешь Груица войвода».
И она зема диремли гайтани —
А гайтани отъ зелена сви́ла,
Та увеза Груица войвода.
Тога се го Турци разъокали:
«Айде, стани, Груицо войводо!»
—И оно се тогай свѣстило,
И тогай се чудомъ почуди:
«А како мене веза́а»?!
Покарали га.
Заплака него́во-то дете,
Заплакасе дете Міалаче:
«Леле тате, леле ми́ли та́те!
Я неможемъ, тате, да си одымъ».
А онъ му одка́зуе:

«А си иды кодъ твоя-та майтя,
Ега оче на конь да те каче».
И оно кодъ майтя оти́шло;
А она́ му гово́ри:
«Назадъ, назадъ, юначко кусло!»
И търгала сабля, да го уби;
И оно́ се кодъ башта верна́ло:
«Леле тате, леле мили тате!
Нече ма́ма на конь да ме каче!
А онъ го зема́ на раме́на;
Та слезна́ло доле у ливаде́,
У леваде кодъ големи бути,
А при бути студе́ни кладенци:
Тамъ се Турци разоблекли,
Тамо се си́чки заспа́ли;
А што-то е Груи́ца войвода
Та си прашта дете Міалатя,
Та го прашта при негова майтя:
«Украдна́ло потай ножеве,
Та си́ изсѣче тія диремли гайтани́».
— Леле тате, леле ми́ли та́те!
Я неможемъ гайтанъ да пресѣчемъ.
— Леле дете, леле Міала́те!
Я ми рачете тоя бѣла меса.
— Немой, тате, жили да не сѣче́.
Тогай е рипна́ло на юначко ноге
На юначко ноге Груица войво́да;
Та зема́ло негово оруже,
Та посѣче петъ стотинъ турчета.
Побѣгна́ла млада Ангелина,
Побѣгнала въ Юрушъ-пладни́на;
А Груица ёй говори:
«Я постой, курво! каде че бѣгашь?
Не утекло петъ стотинъ турчета—

Си самъ редомъ погуби́ло,
Да ты ли, курво, утечешь?»
И оно е тогай улови́ло,
Уловило—погубило.

№ 193.

Дупнич. окр. мѣстечко Бобошево; 15 дек. 1879 г. записана со словъ Маріи Гёргевой.

(Груица юнакъ освобождаетъ дѣвушку отъ арапина).

(ХОРОВОДНАЯ).

(поется на оро(хороводѣ), въ рождеств. святки)

Море Марко, море младый Марко!
Марко гради деветъ монастыра,
Десета е церква Маріица,
Та ги гради на друми широки;
Ете отадъ гиздава девойка
На Марка-те тія ого́вораше:
«Богъ помогналъ, Марко, младый Марко!
Честиты-те деветъ монастыра,
Десета ти света Маріица;
Вѣрувашь ли Бога Единого,
Пріимашь ли светого Іована,
Да ме отешь одъ церна Арапина».
А Марко тія ого́вораше:
Э ты-зе-ка, гиздаво девойче!
Та вѣрувамъ Бога Единого
И пріимамъ светого Іована;
Я си иди оште по-на-горе,
По-на-горе зелено лива́де,
Тамо има Груица дѣтенце:

Прострелъ си с той бѣли чадори,
Та си пасé деветъ враны кóни;
Ты си сѣдни подъ бѣли чадыри,
Оно тебе че да те оты».
Ни слушало, мори, ни чекáло,
Но си ойдé ооште по-на-горе,
Ойде у зелено ливáде;
Тамъ найде тое бѣле чадыре,
Подъ чадыръ Груица-дѣтенце;
Девойче му тія оговораше:
«Богъ помогналъ Груица дѣтéнце!
Да прати ме Марко, младый Марко,
Да ме отешь одъ церны Арапинъ».
Груица и по тія оговóраше:
«Э ты-зе-ка, гиздаво девойче!
Я си сѣдни подъ бѣли чадыри,
Та преприлашь тоя бѣли ибришимъ [1]),
И ми подай лека буздогана,.
Че пресрѣтна церна Арапина».
Па си станá Груица-дѣтенце,
Та пресрѣтна церна Арапина,
Та на нея тія говóраше:
«Э ты-зе-ка, церни Арапина!
Постой малко на бѣлега!
Та си ферли Груица дѣтенце,
Па си ферли съ лека буздогана,
Па си ферли фъ церна Арапина,
Накара го деветъ лакти у земя.
Та си станá Груица дѣтенце,
Па си ойдé подъ бѣла чадера,
На девойче тія говóраше:
«Э ты-зе-ка, гиздаво девойче!

---

[1]) Шелкъ (свила).

Іали че идешь при млады Марко,
Иль че сѣдышь подъ бѣли чадери?»
Проговори́ гиздава девойче:
«Э ты-зе-ка, Груица дѣтенце!
Не то ч' идемъ при млады Марко,
Ни че сѣда подъ бѣли чады́ри,
Но че ида фъ церква Маріица».
Па стана́ло гиздаво девойче,
Та си ойде фъ церква Маріица,
Па си ойде, фъ церква флезна,
Прекерстисе и Богу се помо́ли:
«Леле Боже, леле мили Боже!
Язе нечу на земля младене́цъ,
Язе сакамъ небеса́ младе́нцъ».
Прати Господъ той Божи Ангелъ,
Та и тури той златенъ вѣне́цъ,
Та и тури на нойна-та глава;
Пресѣдело гиздаво девойче́,
Пресѣдело два дни и двѣ ноштн
Пресѣдело фъ церква Маріица;
Та си слезна светый апостолъ Петеръ,
Та си слезна светый апостолъ Павелъ,
Та земаха гиздаво девойче,
Та земаха изнесоха го у небеса.

Посветилосе.

№ 194.

Джумалійск. окр., с. Панчерево (въ Пьяницѣ); 13 дек. 1879 г. записана со словъ Димитрія Кундева.

(Женитьба Янкола—Зеленъ-гора).

Заженилъ се Янколъ-зеленъ-го́ра,
А никаде си при́лика не найде́; *(повторяется стихъ).*
При́лика нашелъ въ Капстанска земя
При́лика нашелъ у Русійска земя;

Тамъ е нашелъ капетанска мома *(повторяется).*
Крена Янкулъ презъ гора зелена,
Та накани китены сватове;
Проговори кума господи́на:
«Не пойте ми китены сватове,
Турска гора безъ айдуци не е *(повторяется)*;
Кога́ придеме у Русійска земя,
Кога́ придеме кодъ Капетанска мома,
Че се скара Русійско царо Капетано:
Зашто пояхмо презъ гора зелена,
Презъ гора зелена, презъ турска-та гора?
Турка има и ю Русійска земя!
Тамо шеташе Адеръ арамлія.
И дойдоа китены сватове
И дойдоа у Русійска земя,
И земаа Капетанска мома;
И кренаа Янколъ-зеленъ гора
Со-съ твои-те китены сватове
И кренаа презъ Церна-та гора.
Срѣтналъ ги Адеръ арамлія,
Та повреди́ китены сватове;
Янколъ-зеленъ гора напра́ви си
Самъ си направи боленъ и умре;
Ойде му китена невѣста
Та ойде́ на Адеръ арамлія.
Беркна́ китена невѣста
Беркна́ му у десна-та пазвука
И му каже: Адеръ арамлія!
Еле жена пуста да остане?
Я ми дай твое́ оружіе,
Да повреда Янкулъ-зеле́нъ гора».
И ю даде Адеръ арамлія
И ю даде свое оружіе.
Руска мома Капетанка хи́тра била

Не повреди Янкулъ-зеленъ гора,
Та повреди Адеръ арамлія
Та повреди и го убй.
Тогай рече Янколъ-зеленъ гора:
«Я семъ живъ, а ты ли си жива?»
И стана Янколъ-зеленъ гора,
Та повреди со-съ своя сабля
Та повреди девстъ дулюма гора.

№ 195.

Село Драгоданъ, Дупнич. окр; 16 дек. 1879 г. записана со словъ Василія Бѣлобраскаго.

(**Жена юнака Янка взята въ турецкій плѣнъ**).

Сонъ сопила Янкулица млада
Предъ Великъ-день—бѣла сабота;
Емъ станус, емъ си сонъ казуе:
«Э Янкуль, Янкуле чорбаджіе!
Двори ти са вода потанали;
Та пливнаа три дзегворе биволе
И пливнаа деветъ враны кони».
Проговори Янкулъ чорбаджія:
«Э ты-зе-ка, Янкулице младо!
Това не е тая матна вода,
Туку си е тіе клети Турци;
Язе ч' идемъ у церква Марія.
Па отиде у церква Марія;
Турци му са двори поплѣнили:
Товариа три коне иманье,
Товариа деветъ враны коне,
Заробиа Янкулица млада;

Што излезне Янкулъ чорбаджія
Излезне низъ церкве Маріица,
Извикна се Янкулица млада:
«Э ты-зе-ка, Янкулъ чорбаджія!
Я се верни назадъ ко́ня,
Дворы ти се Турци поплѣни́ли:
Товарна три кола иманье,
Товарна девстъ враны коне,
Зароби́а Янкулица млада».
Проговори Янкулъ чорбаджія:
«Э ты-зи-ка, Янкулице младо!
Каде тія потайно оружіе»?
— Проговори Янкулица млада:
«Найнапрежь оружіе земаа,
Та по-тогай двори поплѣниа;
Я си иды у Стара-Планина,
Да си фанешь стара кобылица,
Што-то воды дванаесе ждребци».
Па отиде Янкулъ чорбаджія,
Посегна се, да си лови стара кобылица:
Дигна глава, она́ не дава́се.
Па гово́ри Янку́лъ чорбаджія:
«Э ты-зе-ка, стара кобылице!
А што не жалишь мое-то иманье?
Ако не жалишь мое первнолюбне,
Не жалишь ли твои девстъ сына,
Дека са ги Турци поплѣни́ли?»
Сложи гла́ва стара кобыли́ца,
Та я фана́ Янкулъ чорбаджія,
Та си крена презъ по́ле широ́ко —
Замаглисе магли праове.
Проговори Янкулица млада:
«Ви-е, клеты Турци!
Я си сто́йте, малко почекайте;

Язе имамъ до довстъ пау́на,
Ега́ стигнатъ и оны́ да дойдатъ».
Запреасе малко клеты Турци,
Достигна ги стара кобыли́ца,
Съ устъ имъ главы покина́,
И съоте Янкулица млада,
И съоте сичко иманье.

№ 196.

Трен. окр., с. Божица (на границѣ Вран. окр.); 4 марта 1880 г. записана со словъ Павла Лазарева.

(Янко юнакъ схватываетъ хитростью юнака Ивана Поповича).

Пойде Іованъ у шура на гостье да иде.
И съ него любе Станиславе.
Три дни оды презъ поле широко,
А четыре презъ горе зелене;
Іована се верло дремке одремале,
Па си моли люби Станислави:
«Я си викни, любе Станиславе,
Я си викни тенко, гласовито»!
— «Не смѣемъ Іоване, бре, стопане!
Тува има Курунъ кеседжія,
Онъ е верло мене пизманлі́я».
— «Што се боишь, кадъ се юнакъ о́дышь?»
Па се вичe любе Станиславе;
Колко бѣше леко повикнуло,
Одъ гора листье опадну́ло;
Дочулъ Курунъ кеседжія:
«Кой ми, може Іована увати
Да увати и да го уверже,
Чю да му даемъ благо,

Што му е драго,
И чю му даемъ воеводлакъ
На седемдесе́ другала,
Што е мой билъ».
Избралъ се Янко одъ Косово:
Додайте ми гусле яворове,
Додайте ми седемдесе́ аршина ременя
Седемдесе́ аршина червена ременя,
Я семъ ти Іована Поповича уватимъ
И семъ ти го увезамъ».
Па си дочулъ Курунъ кеседжія.
Па си допадне Курунъ кеседжія
Со седемдесе́ друга́ра,
И си верза, бре, Іована.
Па си говори любе Станиславе:
«Дай ми, Іоване, саблю,
Да ти я главу посѣчемъ,
Да знаешь, женски да поги́нешь».
Узме она саблю о́стру;
Не сѣче она́ Іовану гла́ву,
Но одсѣче́ яко ременье;
Па си даде Іовану у десну руку
Па си даде остру саблю.
Па си оберну Іованъ наде́сно,
Па се оберну на́лѣво,
Нигде, нигде отъ айдука глава не остане,
Салъ остане любе Станиславе.
Па оти́де Іованъ со свое-то любе
И си стигна у тесне клисуре,
Та пречека Янка одъ Косова;
Па си беркне Іованъ у свилне джепове,
Да даруе прошляка голема дарба;
И говори Янко—прошлякъ:
«Нечю мене голе́ма дарба да даруешь,

Но ме баци Шарцу у тертіе,
Та ме носи на Битоле града —
Тамо има много мои прошляци,
Тамо има да се ранимъ».
И го баци Шарцу у тертіе,
Па си пойде поле широко.
Много се Янка дремке обориле:
Ка' си буде презъ горе зелене
Янка Іованъ веже со-съ цервена ременя.
Тагай викне Янко, што-годъ може:
«Де-си да си Куруиъ кеседжія,
Тува да си!»....

(Не кончена).

№ 197.

Село Бабица, Радом. окр.; 21 ноября 1879 г. записана со словъ Деши Тодорова.

(**Женитьба Ѳедора юнака**).

Зажениce Тодоръ юнакъ;
Одалеке [1]) девойтю затеклилъ;
Таманъ, дойде на майтю се каза,
Я си токлимъ Негритску девойтю,
Дори майци дума да издумалъ,
Достиже това ситно писмо;
Писмó читé—бѣлé сълзи рóни,
Ронилъ е Тодоръ доберъ юнакъ:
«Да си води деветъ стотинъ сватове;
Декъ че найде деветъ стотинъ сватове?»
А майтя си Тодора поучи:
«И това ли, сйнко, да те учимъ?
Да си позвешь Марка Кралевика,
Да ти кумокъ буде,

---

[1]) Т. е. одалекъ+е.

И да позвешь Янка одъ Косова,
Да ти деверъ буде,
И да позвешь Релю Крилатицу
Да го позвешь, старойтя да биде;
Отъ три града три юнака
Че доведу по триста сватове,
Че ти стану девеьъ стотинъ сватове».
И оно с майтю послушало —
Позвало с тіе три юнака́ —
Станоше му девеьъ стотинъ сватове;
Справляше се дванаестъ дьна
И справише дванаестъ кола;
Че караю воду студе́на,
Че да иду презъ Перимъ-планину,
Тамо нема воду да се найду;
А Марко нестѣлъ да покара воду;
Оставиле дванаестъ кола,
Оставиле и продумали:
«Кага идемъ у ловъ големъ,
Три недѣли воду се не піемъ».
А продумалъ Марко юнакъ:
«Па за вода ништа не би биде».
Оставише—воду не караше,
Та пройдоше презъ Перимъ-планину;
Отидоше у градъ-тъ Негрита,
Изведоше Негритску девойтю,
Па пойдоше презъ Перимъ-планину;
И спиташе китени сватове:
«Чуешь, Тодоръ младожене!
Върло жеде намъ с додеяше,
Че сла́зимо, кони да бодемо,
Да піемо тіе церни́ креви́».
А Тодоръ с дума продумало:
«Стойте малко—кони́ не бо́дете;

Потамъ има длубоки бунаръ—
Ни е длубокъ, ни е яко плитакъ,
Саде има семдесе́ лакти».
Отидоше тамо на бунари,
Погледаше воду да се виде;
Сви дружина воду тричи потьрнаше,
Кой че слази воду да издада;
Али Марко кумъ-тъ продумало:
«Че да слази Тодоръ младоженя —
Онъ се жени, воду чс издае».
Ситне сълзс рони Тодоръ юнакъ,
И соблачи руо младоженско;
Вързаше га со-съ свилни по́ясы.
Пустише га у длубоки бунаръ;
Писну юнакъ, како люта змія:
«Леле куме, леле Марко Кралевиче!
Поголема змія яловита,
Поголема змія до колѣна»;
Па си пишти—то́нки гласп до Бога се чую:
«Поголема змія до пояса!»
Тържс Марко добри юнакъ,
Тържс да извади Тодора юнака,
Али змія Тодора непушта;
Притръчалъ Янко одъ Косова,
Да помага Марку Кралевичу-
Па не може юнака да извади;
Притръчалъ Реля Крилатица—
Па-й не може юнака да извади;
Привелъ си Марко Кралевичъ,
Привелъ си коня до буна́ра:
Тамо́ върза свилни поясы на груди,
Па извади огняна камжія,
Та у́дари коня шареного,
Удари го одъ бедра до бедра;

Разлютисе конь шарсяны,
Та закопа ноге у землю,
Та закопа до ки́чице,
Та изнесе Тодора юнака,
Изнесе змію яловиту;
Марко търже тай остра́ сабля,
Да пресѣче змію яловиту—
Онъ погрѣши, та поясъ просѣчи:
Па се юнакъ у бунаръ вернасе—
Пишти юнакъ—до Бога се чуе:
«Леле Марко, да мой миле куме!
Ако Марко ты да си отидешь,
Немой мене да си коня одведешь,
Поби конья, та ми конья вержи!»
И тогай си Марко конья побило,
И му конья верзало.
Кой че мине, самъ да види,
Да види, самъ да завиди.
Пишти Тодоръ юнакъ у бунари,
А конь-тъ му на бунара вишти;
Башка вика Негритска девойтя:
За кого ме Марко водишь?
Тодоръ юнакъ у бунари оста».
А дочула га вила-самовила,
Дочула га изъ-подъ ясна неба,
Па си падна́ла до́ле на бунари,
Та си пита Тодора юнака:
«Зашто лежишь у длубоки бунаръ?»
Одговори Тодоръ добри юнакъ:
«Погълнула ме змія ялови́та».
Тагай слезе вила-самовила,
Та распрала змію́ яловиту.
Извадила Тодора юнака,
Изнѣ́ла га горе на бунари;

Дума продумала вила-самовила:
«Тодоре млады младежене!
Викни, колко што можешь,
Тонки гласи до Бога да се чу́ю».
А Тодоре е тага продумало:
«Дерманъ немамъ—гласи да ишпуштимъ;
Викни-окни ты, моя посестримо,
Ега може Марко да дочуе,
Ега би се назадъ повернуло».
Викну—окну вила-самовила;
Доръ да ойду гласи до Ма́рка,
Деведесе́ кола дърва поломи́ло,
Дочулъ си Марко Кралевичъ:
Тагай Марко назадъ повернуло
И са-съ нега Негритска девойтя,
Та отоше та́мо на бунаръ;
Тамо сѣди вила-самовила
И при ню е Тодоръ младожения;
Те иде Марко Кралевичъ,
Одалекъ се малко поклонило,
Одблизу руку целивало,
Аризалъ той желте жьлтице;
Те иде Негритска девойтя—
Аризала свилену кошулю.

№ 198.

Тренск. окр., с. Бабица; 25 ноября 1879 г. записана со словъ 10-тилѣтней дѣвушки Христины (Ристены) Стоянчиной

(**Женитьба Ивана Черногорца**).

Заженисе Иво Церногоре;
Одалекъ затражи си девойти,
Одалекъ у Смедера града;

Тамо найде малена девойтя—
Емъ малена, емъ дарове нéма.
Аберъ прати малена девойтя
Аберъ прати на Иво Церногорце:
«Много здравлье, Иво Церногорце,
Да ме чека до двѣ, до три године—
Една година тенка да порастемъ,
Една година дары да наготвимъ,
Една година уми да позберамъ».
Аберъ прати Иво Церногорче:
«Много здравлье, малена девойтя!
Не чека ми не два дни, не три дни,
А то нели три године чека»;
Збрало е кúтене свáтове,
Та пойдоше на Смедера града,
Та придоше на Церно-то море—
Церно море одъ брегъ до брегъ біе,
Сегá, море све е пресенуло;
Околъ моря цвѣтье наницало
Найвече модра перýника;
Сви сватове по китку набраше,
Иванъ набралъ до двѣ, до три китке:
Една китка на милу балдазу,
Друга китка Иви Церногорчи,
Третя китка малена девойтя;
Што-то китка на милу бáлдазу
Подъ китію со-съ церна мониста,
Што-то китка малену девойтю
Подъ китію жълте желтице,
Што-то китка Иви Церногорчи
Подъ китію со-съ кара-гроше.
Ка одоше на Смедеръ градъ,
Вѣнчаше ги, армасаше ги—
Што би законъ се прекарáше.

Дойде́ время девойтю да воду.
Проговори Ива Церногорче:
«Да камо ви, млады кочіяши?
Докарайте ви, сремски кочіяше—
Накачимо малену девойтю».
Укачише ма́лену девойтю;
Та и отидоше у Церно-то море—
Церно море одъ брегъ до брегъ біе;
Проговори кумъкъ и старойтя:
Назадъ, назадъ, китене сватове!
Назадъ, назадъ, море не газите—
Кой се жени, онъ че да го гази»;
А загази Ива Церногорче:
Ка' загази едну́ за́току,
Вануло ко́ню до зенгіи,—
Ка' загази другу за́току,
Иву вати до равна́ рамена,—
Ка' загази третю за́току,
Токо му се перо віе.
Прогово́ри малена девойтя:
«Назадъ, назадъ, Ива Церногорче!
Назадъ, назадъ, младо да не гинешь».
Па загази младена девойтя:
Сви сватове у скутъ запрегнула—
Кумъ, старойтю у лѣву пазуку,
Младоженю у десну пазуку,
Два девера на окато перо,
Си-те одъ-еднушь пренело.
Проговори кума господина:
«Тако т' Бога, малена дево́йтя!
Са недѣля премлада невѣста,
До друга-та млада-та удовица,
До третя-та кума залюби́ла».
Богъ да біе кума господина!

Што думало, све се завршило:
Са недѣля премлада невѣста,
До друга-та млада-та удовица,
До третя-та кума залюбила.

№ 199.

(Загорье) Берков. окр. с. Клисура; 8 февр. 1880 г. записана съ словъ Тодора Пайденова.

(Похвальба бана Петра).

Петеръ бано вино піе
Вино піе на ладны-те керчми;
И си пилъ и се пофалилъ,
Што ю мене—у цару нема:
Я имамъ деветъ синове
Деветъ синове и деветъ снаи,
Една черка и деветъ унуци.
Дочулъ го царь Костадинъ,
И му прати това ситно писмо:
«Да си дойде то-зи Петеръ бано;
Че се онъ пофалилъ на ладны-те керчми,
Че у него што има, у мене го нема».
И си дошелъ Петеръ бано.
Та го пита царо,
Царь Костадинъ пита:
«Ты си, Петре, пилъ си,
И се тамо пофалилъ се —
Што у тебе има—у мене го нема?»
Царо го питува,
Петеръ му казува:
«Цару, царь Костадинъ,

Вишь, я имамъ деветъ синове
Деветъ синове и деветъ снаи,
И деветъ унуци и една мила
Една дащерчица мила».
Царо му казу́ва:
«Право имашь—у мене го нема».

№ 200.

Соф. округъ село Бутуне́цъ; 4 февр. 1880 г. записана со словъ Стоила Недѣлькова Кадиска́го.

(Банъ Петровитинъ успѣшно дѣйствуетъ въ пользу раи, при султанѣ Муратѣ).

Царъ султанъ земня біе,
Земня бье да утамне,
Да утамне, рая да преземе;
И си біятъ между Сава и Морава,
Та си біятъ деветъ годинъ дена,
Па неможе султанъ да надвіе,
Да надвіе, земня да утамне;
Той си пушти телалъ,
Пушти телалъ низъ Турска ордія,
Да му ли два дни, та па три дни:
«Кой се найме премладо юначе,
Да премине Дунавъ оданаде,
Да отиде въ града Масарева,
Да излаже Петровитинъ банинъ,
Да го фанемъ, глава да му земемъ».
— Обадисе турче потурняче
Алилъ-бегъ войвода:
«Фала тебѣ, царъ султанъ Мурате!
Я да личишь оште два дни и па три дни,

Да намѣришь оште двѣ турчета
Двѣ турчета на моя прилика,
Што-то три дни и три ношти,
Што-то сѣдатъ дремка не задрематъ,
Што-то піятъ вино и ракія,
Што-то піятъ, а се не опиватъ».
— Та си личи царъ султанъ Мурато
Личилъ е два дни оште три дни,
Та намѣри оште два турчета.
Преминаха Дунавъ оданаде,
Отидоха въ града Масарева,
Па спаднаха на шарены чешмы,
Па си віятъ, ка'-то люты зміи,
Гласи пуштатъ до си́нё-то небо.
Што-то бѣше Петровитинъ банинъ,
А той бѣ легналъ, та бѣ заспалъ.
Зачула ги Петровица млада
Па си буди Петровитинъ банинъ:
«Стани, либе, да би да нестанешь,
Турци ти са градо испълнили».
— Сабудисе Петеръ, разбу́дисе,
И той дочу тія ясни гласи,
Той си влезна у новы ягыры,
Та изве́де коня Карамана,
И изнесе сабья димискія,
Што я правилъ майсторъ Димитрія,
Што се віе ка'-то люта змія,
Тія си сѣче дервья и камене;
Конъ воседна и сабья наметна,
И конъ бутна низъ града—возъ града:
Нема ништо, нигде да се гледа,
Метна очи край Масыръ-капія,
Тамъ согледа три млады турчета;
Той побутна коня Карамана,

П потегли сабья Димискія
И потегли сабья, да ги губи;
Клето да е турче потурнячe!
Одалекъ е поклонъ поклонило,
Óдблизу се молба помолило:
«Фала тебѣ, Петровитинъ банинъ!
Просты назе, Гóсподъ да ти просты,
Че бѣгаме одъ турска ордія,
Та идемс тебе-ка на индатъ[1])».
Саборъ стори Петровитинъ банинъ,
Та си спушти сабья у ножница,
Па ги викнá на негова дома,
Та се Петеръ со-съ нихъ братимилъ;
Та сѣдели три дни и три нoшти,
Та си ядатъ и си піятъ;
Што-то бѣше Петровитинъ банинъ,
Той подпи со-съ нихъ и се напи́;
Клета да си три млады турчета!
Три дни сѣдатъ, а си не задремватъ,
Вино піятъ, а се не опіятъ;
А што бѣше Петровитинъ банинъ,
А той легна Петеръ, та си заспа;
Па го буди Петровица млада:
«Стани, либе, д' идешь,
Д' идешь, да си легашь».
— Петеръ дума продума:
«На ли ми свóи побратими?
Та шта язе при нихъ да си легамъ»;
Остави го Петровица млада.
Клето да е турче потурнячe!
Че си фана Петровитинъ банинъ,

1) Турецкое слово, значитъ помощь.

Та си веза́ Петровитинъ банинъ,
И го веза, и го обко́ва:
На подзе-те три чифта букиджіи,
На раце-те девесть билезици,
На гърло-то десетъ синджиры;
Па го рита турче потурняче:
«Калканъ, калканъ, Петровитинъ банинъ!
Да піемо вино и ракія!»
Сабудисе Петеръ, разбу́дисе,
Намѣрисе укованъ-увезанъ.
Што-то бѣше турче потурняче,
Той изведе коня Карамана,
И се верза Петеръ коню за опашка,
Па го забра по равны друмове,
Зака́ра го укованъ—увезанъ,
Зака́ра го на Стамбола града;
Тамъ излезне царь султанъ Муратъ,
И на Петеръ дума ду́маше:
«Фала тебѣ, Петеръ, добаръ юнакъ!
Зазнаяли, Петеръ, запазили;
Кога ние со-съ васъ біехме
Мижду Сава и мижду Морава,
Та се бихме девесть годинъ време;
Кажи сега, Петеръ, добаръ юнакъ,
Кой-то бѣше одъ васъ найпервіё кралъ,
Што си язды коня Шаркалія,
Конь си язды и сабья си верты,
Дека мине низъ турска ордія,
Дека мине, сокаци отвори»?
— А Петеръ му дума думаше:
«Фала тебѣ, царъ султанъ Мурате!
Това́ бѣше Марко Кралевитинъ,
Той си язды коня Шаркалія,
Той си язды и сабья-та верты».

Царь султанъ му думу думаше:
«Чуй ме, Петеръ, оште да те пи́тамъ —
А кой бѣше одъ васъ повторніё кралъ,
Што-то язды коня Кулалія,
И той носи сабья димискія,
Дека мине, сокаци направи?»
— А Петеръ му думу думаше:
Това бѣше Хилванъ добаръ юнакъ,
Оданаде одъ града Деболова»;
— Чуй ме, Петре, оште да те питамъ:
«А кой бѣше третіё кралъ,
Што-то язды коня Доралія,
Той ми-мене войстя нама́ли?»
— Одговара Петеръ добаръ юнакъ:
Това бѣше Дойчинъ добаръ юнакъ,
Той си язды коня Доралія,
Той ти-тебе войстя намали».
А чуй ме, Петре, оште да те питамъ:
«А кой ли бѣше штвертіё[1]) кралъ,
Што си язды коня аджамія,
И той бѣше самъ аджамія,
Той ни гледа, войстя да ми губи,
Само гледа со-съ конь да ги трепе,
Што не може со-съ конь да утрепе,
А той ги живи въ Сава изнакара,
Та си живи въ Сава издавіа?»
А Петеръ му тія одговара:
«Това бѣше Груйче мла́до дете́,
Той си язды коня аджамія,
И той бѣше младо аджамія,
Той си войстя въ Сава издави».

[1]) Присутствующіе слушатели-крестьяне той же деревни замѣтили сказителю, что лучше будетъ сказать *«четверты»*.

— Чуй ме, Петеръ, оште да те пи́тамъ:
«А кой бѣше петыё кралъ,
Што-то язды коня Карамана
И си носи сабья-та голема,
Той ми-мене войстя-та битиса[1]),
Той погуби триесс риджале,
Той погуби дванаесе паши,
И погуби мое машко дете,
И да би джанамъ[2]) и мене фаналъ,
Да бѣхъ спадналъ у юначки раце,
Господъ знае, и съ мене
Што би штеше да стане?»
Проговори Петровитинъ банинъ:
«Фала тебѣ, царъ султанъ Мурате!
Въ раце ти самъ, право тю ти кажа:
Язе язда ко́ня Карамана,
Язе носа сабья-та голема,
Я ти-тебе войстя битисахъ,
Я погубихъ триесе риджале,
Я пого́бихъ дванаесе паши,
Я закла́хъ твое машко дете,
Да би джанамъ[2]) и теб' да бѣхъ фана́лъ,
Само не можехъ тебе да намѣра,
Че се скри подъ камилски самаръ,
Штехъ да дроба мѐрвка по мервка[3])
Найголема—што-то мравка носи»;
— Обадисе царъ султанъ Муратъ:
Фала вазе, триесе риджале!
Я фанете Петровитинъ банинъ,
Искарайте го на кра́ё,

---

[1]) Тур. слово, знач. совершенно уничтожить.
[2]) Тоже, знач. можетъ быть, вѣроятно.
[3]) Греч. слово, знач. часть.

На край-на калны чаире[1]),
Закопайте му нодзе у земня-та,
Потеглéте триесе сатыре[2]),
Здробнете го мервка по мервка,
Найголема—што-то мравка носи».
Извели го на калны чаире,
Закопаха му нодзе у земня,
Потеглиха триесе сатыре, —
Се се сатыре истрошили,
Нема сатыръ-Петеръ да порѣже,
Яли сатыръ-Петеръ да погу́би.
Помо́лисе Петровитинъ банинъ:
«Фала вазе, триесе риджале!
Тю се мола, молба ли пріймайте:
Стига мака толко на мене-ка;
Нема сатыръ у Стамбола града;
Я фанете коня Карамана,
Отидете въ града Масарева,
Та земете сабья димискія,
Што я правилъ майсторъ Димитрія,
Што се віе ка'-то люта змія,
Тія[3]) сѣче дервье и камене,
Тія ште и мен' да погу́би».
Што-то бѣше турче потурняче
Алилъ-бегъ войвода,
Той си фана коня Карамана,
Па го бутна презъ поле широко,
Турски дума, булгарски се моли:
«Леле Боже, леле мили Боже!
Ега́ да би Боже—да помогнешь,
Да погине Петровитинъ банинъ,

---

[1]) Тур. слово, знач. ливада, сѣнокосъ.
[2]) Тур. слово, знач. кинжалъ.
[3]) Вм. тоя́.

Да остане коня Карамана,
Конь да язда и конь да се наязда».
Па отиде въ града Масарева;
Одалекъ се турче провикнало:
Излезъ, излезъ, Петровица младо,
Изнеси ми Петрова-та сабья,
Да я носа на Петеръ добаръ юнакъ,
Че го прати царъ султанъ Муратъ,
Че го прати на бой да се біе,
Па си нема у Стамбола града,
Нема сабья за-ради него».
— Петровица му тія одгова́ра:
«Клето да си турче потурнячe!
Кого́ лажешь, кого́ штешь да излажешь?
Я ли незнамъ, я ли незнамъ,
Че си нема у Стамбола града,
Нема сатыръ — Петеръ да погу́би,
Та ште тая[1]) него да погу́би».
Па с влела[2]) Петровица млада,
Та е зела сабья, та износи —
Емъ я носи, емъ се Богу моли.
«Леле Боже, леле мили Боже!
Ега́ да би Петру да помо́гнешь,
Да отиде сабья у Петрови,
У Петрови рачицы,
Ега да би Петеръ да не погине»;
Изнеса я па я ферли насердыто.
А што бѣше турче потурняче,
Той не може самъ да я ка́чи,
На се моли Петровици младо:
«Леле, варай, Петровице младо!
Помогни ми на конь да я качимъ».

---

[1]) Т. е. сабля.
[2]) Вм. *влезла*.

Помогна му Петровица млада,
Качи я коню Караману;
Па го' бутна турче потурняче,
Па го бутна презъ поле широко —
Турски дума, булгарски се моли:
«Леле Боже, леле миле Боже!
Ега да би Боже да помогнешь,
Да погубимъ Петровитинъ банинъ,
Да остане ко́ня Карамана,
Конь да язда, конь да се наязда»
Па отиде на калны чаире;
Срѣшнаха го триесе риджале;
Та се зема сабья димискія:
Наловатъ се петнаесе души —
Петнаесе души за черено́ теглатъ,
А петнаесе души за ножницы теглатъ,
Па не можатъ сабья да извадатъ —
Извадатъ я педа и половина,
Па я пуштатъ, пуштатъ —
Тія се въ ножници влезне.
— Помо́лисе Петрови́тинъ банинъ:
«Чуйте мене, триесе риджале!
Кю се мола — молба ми пріймате:
Стига мака толку на мене-ка:
Нодзе ми се въ земи зако́паны,
На нихъ имамъ три чифта букагіи,
На раце-те имамъ билезици,
На гърло-то имамъ десетъ синджире;
Ако мене оште не вѣр'вате,
Фанете ме петнаесе души —
Петнаесе-те души одъ лѣва-та страна
И петнаесе души одъ десна-та страна,
Одвежете ми саде десна-та рака
И ми дайте сабья у рака-та,

Да извада сабья низъ ножница,
Да я поклана на ваши-те раце, —
Вие мене съ нея погубе́те».
Излага ги Петровитинъ банинъ·
Наловія се триесе риджале,
Одверзаха Петру десна рака;
Што-то бѣше турче потурняче,
Той привлече сабья, та му даде;
Ка' я фана́ Петровитинъ банинъ —
Што фана́ и Богу се помоли:
Фала, Боже, фала, вишни Боже!
На ли дойде сабья у рачица?
Помогни ми, Боже, да излезна,
Да излезна низъ турски-те раце,
Да отвора земня затво́рена»;
Па отферли со-съ палецъ ножница,
Та подигна сабья на лѣво,
Та посѣче триесе риджале,
И исферкна низъ черна-та земня.
А што бѣше турче потурняче,
Той си фана коня Карамана,
Па го бутна презъ поле широко,
Па го бутна—со-съ конь да бѣгна:
А разгледа Петровитинъ банинъ,
Та си виде коня Карамана, —
Преви́кна се Петровитинъ банинъ:
«Фала тебѣ, коню Карамане!
Шта те стигна на поле широко
И одъ теб' да керви се напія»;
Ка' го зачу коня Карамана,
Закопа си нодзе у земня́-та;
Што-то бѣше турче потурняче,
Той му тегли талатинъ [1])—дизгине

[1]) Тур. слово—удила.

И го біе съ махмузъ[1] чарклія[2],
А одъ коня черни керви течатъ,
Само не ште напредъ да верви;
А што бѣше турче потурняче,
А той слезна—пѣшій да си бѣга;
А што бѣше Петровитинъ банинъ,
Той потегли сабья димискія,
Та одрѣза три чифта букагіи,
И одрѣза девеtъ билезици,
И одрѣза десетъ синджиры —
Расковасе Петеръ—развезасе;
Па си стигна коня Карамана,
И нему се поклонъ направилъ;
Па се качи коню Караманo;
Па погледна нагоре, надоле,
Та согледа турче потурняче;
Провикна се Петровитинъ банинъ:
«Бѣгай, бѣгай Алилъ-бегъ войводо!
Да те вида, кой си юнакъ на земня-та»;
Па го стигна на поле широко;
Поверна се турче потурняче,
Поверна се—Петру да се моли:
«Леле, варай, Петровитинъ банинъ!
Просты мене, Господъ да ты просты».
А Петеръ му тія одговáра:
«Я да проста, сабья не проштава;
Ты я носишь одъ града Масарева»;
Па го фана Петровитинъ банинъ,
Та му одра раце до рамена,
И му одра нодзе до колѣна;
Па му Петеръ тія одговáра:
«Стани, стани, Алилъ-бегъ войводо!

[1]) Тоже=шпоры.
[2]) Тоже=кольца въ шпорахъ.

Да те гледамъ—какво ти прилича:
На раце-те алене кожуве,
Па подзе-те морови[1]) тузлуци[2]), —
Да те вода у Стамбола града,
Да те види царъ султанъ Мурата;
Па го забра по равны дру́мове,
Та отодатъ у Стамбола града;
Тамъ излезна царъ султанъ Муратъ,
И на Петеръ тія продумаше:
«Аферамъ тебе, Петре, добаръ юнакъ,
Аферамъ ти на твое юнагство,
Че погуби триесе риджале —
Просто да са, Петре, и одъ мене,
Просто да ти е и Стамбола града»;
А Петеръ му дума дума:
«Я излезъ, излезъ, царъ султанъ Муратъ,
Да да срѣшнашь Алилъ-бегъ войвода,
Да го видишь, колку му приле́га:
На раце-те алены кожуве,
На подзе-те морови тузлуци».
Па излезна царъ султанъ Муратъ,
Одалекъ се Петру помо́ли,
О́близу му метанія направи:
Просты наше, Петровитинъ банинъ,
Просто да ти е и Стамбола града».
А Петеръ му тія одгова́ра:
«Я да проста, сабья непроштава —
Кого́ прашташь на калны чаире,
Кому теглишь триесе сатырe?»
Па го фана́ Петровитинъ банинъ,
И нему одра подзе до колѣна,

[1]) Т. е. валашскіе, цинцарскіе.
[2]) Особаго рода одежда, прикрывающая ноги отъ колѣнъ до ступни.

Па ги тури на чесна тарпеза,
Да си піятъ вино и ракія;
Па си пили три дни и три ношти.
Па си фана коня Карамана,
Та отиде въ града Масарева,
Та отвори земня затворена.
Кога Петеръ бѣха закарали,
Тогава се свѣто затвори́ло;
Ка'-то стигна Петровитинъ банинъ,
Тогава се сички отворили.

№ 201.

Г. Радоміръ; 2 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавискаго.

(Туре Арнауче грабитъ дворъ бана и уводитъ его жену; банъ настигаетъ его и убиваетъ).

Твои дворы, Бане, оплѣнеты!
Оплѣни́ и Туре Арнауче—
Деветъ мъски той бѣло иманье
И десе́то той жълты желтицы,
Одка́рана Елена невѣста,
Твоя майтя-она заро́бена,
Мъшко дете́ подъ конь уда́рено.
Дума дума баневіо коня:
«Слушай мене, бане чорбаджіё,
Ты-зи піешь у ладны меаны́
Та си піешь съ братя и дружина
И си піешь това́ руйно вино,
И си піешь люти́ца ракія;
Тво́и дворы, бане, оплѣнеты!
Оплѣни́ ги Туре Арнау́че,
Деветъ мъски той бѣло има́нье
И десето-то жълты желти́ци,

Одве́дена Еле́на невѣста,
Заро́бена твоя стара майтя,
Мъшко дѣте подъ конь ударено».
Тогай стана́ Бане чорбаждія,
И дума дума на негова ко́ня:
«Оче ние него да гониме?»
И коня́ му дума проду́муе:
«Я ми тури два кутла белія;
Дури язе зоба да изо́бамъ,
Ты ми стегни дванаеса колана,
И ми тури сѣдло самостворно,
И тури ми трина́есе кускуне,
И ми тури дзвѣзда дзвѣздоглава,
Што-то е со-съ дванаесе дизги́не,
Приведы ме на бинекъ камикъ,
Тури но́га у зенгія,
Да гони́ме Туре Арнауче!
Бане тури нога у зенгія,
И се метна коню на ра́мена;
Настаналъ е презъ по́ле широ́ко;
Зада́десе тая тевна магла,
Низъ магла́-та ситна роса́ ро́си,
Низъ роса́-та оги́нь просьявуе.
И тогай дума дума Туре Арнауче,
Дума дума Елени невѣсти:
«Чуешь мене, Елено невѣсто!
Зада́десе тая тевна магла,
Низъ магла́-та тая ситна ро́са,
Низъ роса́-та оги́нь просья́вуе».
Елена му ду́ма продумуе:
«Не е това́ тая тевна магла,
И не си е тая ситна роса,
И не е това тоя ясенъ огинь;
Това́ си е банева страія;

А што-то́ тая ситна роса,
Ко́ня пеня фе́рля, та си роса иде,
А што-то тоя ясенъ огинь,
Она си е на конь одъ подко́вки».
Доде она ду́ма да изду́ма,
Достигналъ и Бане вреденъ юнакъ
Достигналъ и у поле Ко́сово,
И въеднега на Туре гово́ри:
«Богъ те уби, Туре Арнау́че!
Каде́ ка́рашь Еле́на невѣста?
Каде́ ка́рашь моя стара майтя?
Мъшко дѣте под конь си ударилъ?
Девстъ мъски тія бѣли па́ри
И десе́та той жълты желтицы?»
И си бъркна Бана чорбаджія
Та си бъркна у десна-та чижма,
Та извади́ та́я остра сабля,
И си вана Туре Арнауче
И го вана, и го накара
Три деветъ лакти у́ земи;
И си зема́ туре́віо коня,
И си верна́ тегобно иманье,
И си верна́ Елена невѣста,
И изроби негова стара майтя
И опушти́ това́ мъшко дѣте.

№ 202.

Трен. окр., с. Бабица; 22 ноября 1879 г. записана со словъ Божиля Янкова.

(Невыполненіе юнакомъ Иваномъ своего намѣренія).

Лежи́ Иванъ бо́ленъ юна́къ,
Лежи та три године дена:
Кързъ косты му трава проницала,
Кързъ очи муе пролитале.

Заправи́ль е де́вetъ че́шме',
Заправиль е де́ветъ мо́ста,
А си не еденъ не доправилъ —
Ни е чешме доправи́лъ,
Ни е мостове доправи́лъ;
Че си и́де це́ркве Раванице.
Покара́ли га камъ-то церкве Раванице;
Опази́ле га церкве Раванице,
Саме су се затвори́ле:
«Надъ-задъ, Иване юначе!
Кързъ костъ ти тра́ва проница́ла,
Кързъ очи ти му́с пролитале:
Не си се чешме доправи́ло,
Ни па-й си си мосты доправи́ло,
Нема време церкве да си дойдешь;
Да си чешме допра́вишь,
И да си мосто́ве доградишь,
Тегая у церкве да дойдешь —
Саме си че це́ркве отвориты».
Иванъ се назадъ повернало,
И па-й-се съ душу раставило.
Оста́ле се чешме недопра́вене,
Остали су мосто́ве не догра́дены.
Иванъ си съ душо раставило —
Това тага́й така́ остана́ло.

№ 203.

Соф. окр., с. Сливница; 7 февр. 1880 г. записана со словъ Иліи Стамбуліи.

(**Черный Арапинъ убиваетъ баръяктара Бана**).

Што е чаде́ръ—поле побелѣло,
Подъ него е еденъ чаде́ръ
Самъ одъ себе зеленъ;
Подъ нега е Бана баръяктара;

Бана свири—сва войска игра,
Бана пое—сва ордія слуша.
Посвиде се на церна Арапина:
Верли пушка низъ густа ордія,
Та удари Бану баръяктару,
На зло га е мѣсто ударилъ,
На зло мѣсто меджи церни очи.
Проговори Бана баръяктара:
«Тако м' Бога дванаесе слуги!
Доведете коня одъ ливада,
Та беркнете у свилни бисаци,
Изведете одъ бѣлъ макъ мараму,
Та пребрище мои церни керви;
Я ги пратимъ на моя-та стара майтя:
Ако не че мене да си види,
Да си види мои церни керви.

№ 204.

Велескій окр. (въ Макед.); 2 дек. 1879 г. записана со словъ г. Лазаря Хаджіева.

(Дѣвушка воевода).

Де-ка се чуло-видело,
Мома булюкъ-баша да биде
Со сто и педесе деліи,
Со тристамина сеймени,
Со кадифе фыстанъ до земня,
Со тьнка пушка на рамо,
Чифте-пиштоли на поясъ;
Сеймени-те и завиделе,
Силна поплака дадова:
10 «Нейкеме мома булюкъ-башь!»
Мома булюкъ-башь говори:
«Месете пресна погача,
Турете алтенъ во нея,
Скършите парче по парче,
15 Кому ке паднетъ алтыно-тъ,
Той булюкъ—баша да биде».
Месива пресна погача,
Турия натре алтено-тъ,
Скършия парче по парче;
20 Па ней-зе алтыно-тъ падна;
Деліи-те завидова,
Па силна поплака дадова:

«Нейтеме мома булюкъ-башь!»
Мома булюкъ-башь говóри:
«Ай на нышанъ да фы́рляме—
Кой ке ми погоди,
Той да ми биде булюкъ-башь»;
Никой нышанъ не погоди,
Мома ми нышанъ погоди.
Остане мома булюкъ-башь.

№ 205.

Г. Радомiръ; 1 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавискаго.

(тоже).

Де се чуло, де видѣло,
Момá войвóда да биде
На семдесé дружина
И на седми́на роднúна!
Ишли са гора зелéна
Тури́ли пьрстень на бýка,
Си-те си рéдомъ редúли,
Никой не можé да удри;
Окная момá румéна:
«Ела си, момá румена!
Ты-зи си млада войвода,
Та згодышь пьрстень у бука».
И земá момá румена,
И земá си пушка филинта:
Не стóи пушка да ферля,
Нело е онá клекнáла,
И ферли пушка филинта,
Въеднакъ низъ пьрстень прокарá.
Думаю въеднакъ думая,
Думая вѣрни дружина:
«Чуешь ли мóма румена!
Ты-зи ни бидé войвóда
До деветъ годинъ войвóда,
Оште деветъ да одишь,
Ты че ни бидешь войвода;
Каде ни ты-зе попратишь,
Ногу чесъ че ти и́маме».
И румéна имъ продума:
«Дружина, вѣрни дружина!
Очемъ да самъ ви войвóда:
Деветъ годи́ны я воды́,
Вие по мене, како пи́ленца;
Че одымъ и оште деветъ години,
Че одымъ гора зелéна,
Да сѣдымъ сентя зелена,
Да пiемъ вóда студéна,
Да ядемъ вакли́ ягнéнца,
Да пiемъ вино цервено
И тая люта ракiя.

№ 206.

Г. Радоміръ; 1 дек. 1879 г. записана со словъ Таски Моавискаго.

(Турецкіе жандармы отыскиваютъ гайдука Милена).

Та што ми́ се лелѣе—белѣе?
Да ли хиле, или бѣло кохиле,
Или сами́ нишéвски сегмéне?
Не е било хиле и кохиле,
Нело били нишéвски сегмéне,
И си тража Милена айдука;
И ванаа негова-та сестрá:
«Казуй, мори́, Милена айдука!»
А сестра му дума продумуе:
«Я незна́емъ Милена а́йдука,
Че вертыме тыя цéрны очи,
Че сѣчеме рацѣ до рáмена,
Че сѣчеме нозѣ до колѣна».
Па-й си біе Милева-та сéстра:
«Казуй, курво, Милене а́йдука!»
Я она имъ пó-ти оговóри:
«Я не знáемъ Милена а́йдука!»
Извертеа тыя церны очи,
Па-й не каза Милене а́йдука;
Одсѣко рáцѣ до рáмена,
Па-й не каза Милене а́йдука;
Одсѣкоя нозѣ до колѣна,
Па-й не каза Милене а́йдука.
Ванаа си милево-то любе,
Дважь го, трижь го по пóле шибнáа:
«Казуй, курво, Милене а́йду́ка!»
—«Че го кáжемъ, та грыжа ли ме е?»
И си каза Милена а́йду́ка —

«Сестра му го у ковчадзи крие
У кавчадзи, у сви́лни дарове».
И ойдо́а нишенске сегме́не,
Ванаа си Милене а̓йдука;
И сестра му по́ ти огово́ри:
«Немамъ, брате, очи, да те
Да те жално опла́камъ,
Немамъ, брате, рацѣ, да те
Да те пригърнемъ,
Немамъ нозе да те испратимъ».
И Тогай си нимъ дожале,
Дожалесе нишевски сегмене̇,
Опуштия Милене а̓йдука:
«Просто да е твоё кабаатъ,
Да си ойдешь у гора зеле́на,
Да одсѣче́шь дерво ях̓орове́,
Да напра́вишь гусле ях̓орови,
Да си ранишь твоя́ ми́ла сестра»;
И тогай си вана́ли нишевски сегмене,
Ванали са милево-то любе:
«Зашто́, мори̇, ты-зе-ка неказа,
Што неказа́ Миле́на а̓йдука,
Нело чека на негова сестра?
Извертеме тія церны очи
И одсѣкоме рацѣ до рамена,
Одсѣкоме нозе до колѣна,
Ты тогай каза Милена а̓йдука?
Нему ние кабах̓атъ простиме».
И погуби́ли миле́во-то любе.

№ 207.

(Макед.) Солун. округъ, городъ Дев̀гелія; 29 января 1880 г. (въ Софіи) записана со словъ Лазаря Хаджіева.

(Разспросы турокъ про гайдуковъ).

Дейды, Милко, море, дервенджико;
Все си сѣдышь дервенъ чувашь,
Все си сѣдышь дервенъ чувашь
И си зи́машь дервенджелыкъ;
Не видѣлъ ли, мори, Милко,
Кой помина, кой замина?
Право да ми кажешь,
Мене да не лажешь.
— Дейды, Исо, море, булюкъ-баша,
Лели питашь, право те ты кажемъ,
Тебе, Исо, не те лажамъ:
«Поминаа, Исо, море, заминаа,
Заминаа лоши лудье[1]),
Лоши лудье а̔раміи,
А̔раміи Боймичани»[2]).
— Дейды, Милко, мори, дервенджико;
Колко ли бѣа дружина,
Дали млого, или малко?
— Дейды Исо, море, булюкъ-баша:
Оны бѣа многу дружина —
Седумдесе и седумъ друга,
Седумдесе 'вакви — такви,
А седумъ-те лоши лудье;
Накачиха планина-та,
Планина-та Боймія-та,
Па слегнаа у средъ село,

---

[1]) Вм. Людье.

[2]) *Боймица*—названіе села и планинѣ.

У село-то у Мерзинци:
Тамо бѣа мали моми,
Я грабнаа есмеръ [1]) Яна,
Я грабнаа и одведоа.

№ 208.

Софійскій окр., село Столпииъ; 28 ноября 1879 г. записана въ м. Брезникѣ со словъ солдатика Волка Гешова.

(Вѣроломный поступокъ турокъ съ молодцомъ Димитріемъ).

Сину Димитре, Димитре!
Не ли ти майтя думаше:
«Не мачи, сину, рая-та
Рая́-та и райца-та—
Одъ седе́мъ годинъ деца́-та,
Скуты камене да носатъ,
На гърбе де́рве да влачетъ,
Високи кули да градатъ,
И тія х́аны широки;
Имашь ты, сину, душмане
Фо-фъ Врачанска-та наія:
Лютъ-Бродъ Лало джелепинъ
И одъ Скьрвена Нено касапинъ —
Червено вино да піятъ
И тебе мезе да ядатъ,
Ште да те, сину, издадатъ».
Димитеръ майци думаше:
«Не бойсе, мале, не бойсе!
Да ми е живо турче-то
Турче́-то и пашинче-то
И пашиница аныма».
Кога́ е било́ са́бота срѣшту недѣля,
Димитеръ санъ сануваў,
И сино майтя думаше:
«Малеле, старо малеле!
Страшенъ семъ санъ сануваў
Са́бота—срѣшта нѣделя:
Алено чубе на мене,
Аленъ се фесъ накривилъ,
Чифте пиштове зата́кналъ,
Руси мустаци засукалъ».
А майтя му се досети —
Пороны селзы, пороны,
Поро́ны селзы до́ земи,
Съ мермерги кьрпе тріеше,

---

[1]) Тур. слово, знач. черный.

Емъ си отъ сина кріеше,
Па си на сина думаше:
«Небойсе, сину, небойсе!
Това е, сину, нах̆арно:
Чубе-та ти е кула́-та,
Фесьле-то ти е добро́-то,
Пиштоле ти са конче-то,
Мустаци ти са вино́-то».
Кога́ е било са́бота—срѣшта недѣля,
Ето гавазе стигнах̆а,
И на Димитеръ думах̆а:
«Димитре, кара-Димитре!
Стегни коня куласта,
Д'идеме, море, д'и́деме
Во-фъ Врачанска та наія,
Во Враца града голѣма,
Че си те паша́ ви́каше,
Да ти теслимы ключеве
Одъ тія царски а́мбаре».
— Димитеръ послушалъ тія гавазе:
Стегна́ си коня́ куласта,
Ошелъ си въ Враца града голѣма;
Излезна си паша-та,
Па на Димитеръ думаше:
«Димитре, кара-Димитре!
Стегни си коня ку́ласта,
И́ды си въ тія равни́ дру́мове».
И Димитеръ си го послуша,
Та си конче-то восе́дна,
А конче си го уапа,
А Димитеръ се почуди:
«Божеле, мили Божеле!
Деветъ години шта ста́не,
Ка ях̆амъ коня ку́ласта,
Не бѣ ме конъ уапалъ,
Сега́ ме конче уапа;
Дали е на зло—на добро.»
— Димитеръ си верве
Верви по тія равни́ друмове;
Кога́ се наза́дъ пове́рна,
По негу иде ви́рушка;
Не си е било́ ви́рушка,
Но си е било́ джелаче;
И тамо си га пристигна,
И Димитеръ му думаше:
«Брелеле, варай джалаче!
Пушти ме, язъ да идемъ
Во-фъ мое село голѣмо
У тія мех̆ени́ ладовны,
О дружина да се о́просто,
Лице́-то да си преміе,
Душа-то да си пре́чиста».
— А джелаче му думаше:
«Димитре, кара́—Димитре!
Я шта те дружина опросте,
Лице́-то, што ти преміе,
Душа-то, што ти пре́чиста?»
Извади сабля—лютица,
Извади па мах̆ана,
Та му глава одсѣче;
А глава́-то му ска́чаше,
И язи́ко му ду́маше:
«Брелеле, варай гаваче,
Да си ме земешь, гаваче,

Да си мс носишь во-фъ Лютъ-Бродъ
На Лало джелéпинъ
И одъ Лютъ-Бродъ
На Нено касáпинъ:
Червено вино да пiятъ
И мéне мезé да ѣдáтъ,
Че оны́ мене изъѣдó
И оны́ мене издадоа
На тiя турци мьрсници,
Одъ турчинъ да ми е ѣджело;
Язъ самъ младо заги́нуло,
И стара майтя остáла,
Да вика за мéне, да плаче
За пьрвнó чедо рождено—
Нема си ниде никого
Ни сина, ни то па щерка.

№ 209.

Соф. окр., село Суводолъ; 31 янв. 1880 г. записана со словъ крестьянина Жёты Илкова.

(Послѣдствiя похвальбы раи передъ турками).

Павалилъ се младъ Стоя́нъ
Въ Едренъ-узунъ чаршiя,
Предъ Селимъ-султанъ джамiя,
На пашинó-то кавене,
Де има Стоянъ, де има,
Де има кончé рането
И како кончé х̔убаво!
Конче му чини три града,
Три града, колко Софiя
И Софiйска-та нах̔iя;
Яко кончé му чинеше
Три града, колко Видина
И Видинска-та нах̔iя.
— Аберъ си прати паша-та:
Да дойде Стоянъ, да дойде,
Кончé-те да си доведé,
Облога да си прáвиме;
Ако ме варне младъ Стоянъ,
Просто да му е Видина,
И Видинска-та нах̔iя,
И Видинске-те конаци;
Ако ли варнемъ Стояна,
Че да му земемъ кончé-то,
Кончé-то и попонче-то» [1]).
Когá отиде младъ Стоянъ
На тiя равни дру́мове,
Тамо затече паша-та;

---

[1]) Жена.

Направили са облога,
Та са пуштили кошія
По тія равни друмове;
А Стоянъ-си му говори;
«Пашо Видински, Видински!
Пуштай си ты-зе кошія,
Я на-по-радъ тебе че идемъ».
И онъ-си пушти кошія,
Та си утече паша-та
До-три саты напреде;
Кога́ си ях̆на младъ Стоянъ
Ях̆на коня ранета.
Дигна си мъгли правове
И тія вири вѣтрове,
Та си стигна паша-та
На тія ровни друмове,
Стигна го и замина го,
Та си уте́че младъ Стоянъ
До-три саты напреде,
Та си отиде Стоянъ
На Видински те конаци;
Кога́ си ойде́ паша-та,
Та на Стояну ду́маше:
«Море Стояне, Стояне!
Просто да ти е Видина
И Видинска-та нах̆ія,
Саде́ ми не мой аре́мо
Аремо со-съ анеми-те»;
А Стоянъ си му говори:
«Пашеле, пашо Видински!
Ни сакамъ, пашо, Видина,
Ни сакамъ, пашо, конаци,
Ни сакамъ, пашо, анеми;
Да пратишь вѣрни дружина,
До дома да ме заведатъ».
Прати паша вѣрни дружина,
До дома да го заведатъ —
Двaесе души джалате
На друми да го изведа,
Па Стояна да си погу́ба.
А Стоянъ си коньче разведе
И на джалате говори:
«Бре, фала вама, дружино!
Айдете вие напреде,
Я че ви стигнемъ, дружина.
Па ях̆на коньче рането,
Та бутна коньче рането,
Та си на дворы отиде.
Кога́ джелате дойдо́а,
Та те Стояну говора:
«Бре, вала тебѣ, Стояне!
Насъ си е пратилъ паша-та,
Тебе-ка да погу́бимe,
А ты-си, море, утечи;
Сега́ че насъ погу́би»;
А Стоянъ-си имъ говори:
«Айдете, море, джелате!
Че земемъ сабля острена,
Та си-те че ви посѣчемъ»;
А они́ си му гово́ра:
«Море, Стояне, Стояне!
Губи ны, Стояне!
Што че ны губи паша-та,
Ты-зе да ны погубишь.
И Стоянъ си ги погуби:
Па имъ глави-те изрѣза;
Та ги на паша занесе,
На тоя паша Видински,

Та те му Стоянъ говóри:
«Пашо Видински, Видински!
Я простихъ тебѣ облога,
Ты прати́ вѣрни дружина
Двaесе души джалате,
Мене-ка да се погуба,
А я ти носимъ глави́-те
Одъ тія вѣрни дружина;
Подай си, пашо, главица
Че мах̑немъ съ остра брич-
ни́ца,
Че сѣчемъ тебѣ глави́ца,
Да не кервавимъ постильтя».
Мах̑налъ е съ остра брич-
ница,
Одсѣче пашу главица,
Посѣче паша Видински.

№ 210.

Трен. окр., с. Бабица; 25 ноября 1880 г. записана со словъ 10-тилѣтней дѣвушки Христины Стоянчиной.

(Бѣгство раба и рабыни изъ турецкаго рабства).

Кадъ се била первня разми́рица,
Ка' вервею голе арнауте,
Пушки носе на голи раме,
Со-съ голе се сабля подпи́раю,
Што би старо, све су загуби́ли,
Што би младо, све су заробили—
Заробише двѣ дѣца́ близнета,
Закараше долѣ—дольню землю:
Еднó си Витанъ младоробче,
Друго-то Мара, бре, роби́ня,
Та седѣше до дьнь до Великъ-дьнь;
Ка' би на дьнь на Великъ-дьнь,
Сви-те Турци у джамію отидоше,
Све-те буле теверичe чину,
Салъ остаде Мара, бре, робиня
И остаде Витанъ младоробче.

Проговори Мара, бре, робиня:
«Леле брале, Витанъ младоробче!
Стига, брало, ты сейще би́ло;
Стига, брало, я ащійтя била;
Айде, брале, ние да бѣ́гамо!
Тебе се ключи одъ яары,
У мени су ключе отъ съндыци;
Кажи, брало, што да грабе́мо?
— «Награбемо жьлте жьлтице—
Оны су льки за носенье,
Амо су тешке за броенье;
Да грабемо одъ бѣли́ гроше́—
Оне су тешки за носенье,
Ама су льки за броенье».
— «Да не карамо одъ врани́-те кони —
Они су си, брале, многолични,
Они, брале, насъ че да изда́ду
Че издаду, брале, да гинемо».
Загребли жьлте жьлтице,
Та бѣгали, та майтю тражили.

№ 211.

(Заг.) Берков. окр., с. Слатино; 10 февр. 1880 г. записана со словъ Лазаря Гергина.

(Турецкая расправа съ Димитріемъ, построившимъ укрѣпленіе для своей защиты отъ села Кунина).

Широко поле край нема,
Дребно каменье брой нема,
Хубава мома́ родъ нема.
Сине Димитре, Димитре!

На ли ти майтя думаше:
«Не прави кула камена
У това село Кунино —
Че са Кунинци душмане
Душмане и са верли а̀йдуци;
Та штатъ они да те излажатъ,
Та шта(тъ) послѣ да те побѣдатъ,
Та штатъ послѣ да те обѣсятъ».
Онъ майти си не послушалъ:
Та градѝлъ кула̀ ка̀мена
Са-съ седемдесе́ мазгале[1]),
Са-съ седемдесе́ пенджере.
И фанали послѣ една битка да біятъ.
Онъ се влезналъ въ кула камена,
И молилъ Бога тогива:
«Дай Боже Іовановски-те мразове
И дай Боже Петровы-те пекове,
Та кула да се распукне
И я тогива да искочимъ», —
Че е одъ-надворъ заключенъ бѣше,
Чекали го троица гавазе;
Допратилъ ги Генче паша одъ Орсово,
Та глава-та да му зематъ.
И фанали го троица гавазе,
Та привели при Генча-паша
Привели го у Орсово,
Джуапо[2]) да си предаде:
— «Зашто правилъ кула камена?»
— «Правилъ самъ кула камена,
Да се вардимъ отъ душмане —
Отъ тія Кунинчане,

[1]) Отверстіе.
[2]) Отвѣтъ.

Што са верли айдуци».
Рече му Генча-паша:
«Ты не си правилъ кула камена,
Да се вардишь отъ душмане-Кунинчане,
Нало си правилъ кула камена,
Отъ Генча-паша да се одтавнешь!»
Искарали Дмитра троица гавазе,
Та му главу посѣкли.

№ 212.

Г. Радомірѣ; 30 ноября 1879 г. записана со словъ Таски Петрунова Моа-вискаго.

(Расправа юнака Николы съ Идрисъ-бегомъ).

Э Николо, Николо юна́че!
Не знаешь ли, Нико́ло юначе?
Кога́ бѣше первна размири́ца,
Забѣгна́ме со-съ це́рни татары,
Та ойдоме мале, та ойдо́ме,
Та ойдо́ме у́ гора зеле́на;
Тамъ найдо́ме, мале, козарчета
И найдоме, мале, овчарчета;
Накара́ме у нове поя́та,
Запали́ме мале, козарче́та,
И запали́ме, мале, овчарчета;
Ка пиштеа, мале, козарче́та,
Распукна́се земня на срѣде-ка,
Ка пиштеа, мале, овчарче́та,
Распукна́се небо на срѣ́де-ка;
И отаде, мале, побѣгна́ме,
Па ойдоме, мале, у Едреня града;
Сви кме́тове побѣга́ли
И ягаляры побѣгали,
Салъ остана́ у Едренѣ града

Салъ остана́ Идрисъ бегъ-войвода, —
И онъ со-съ иманье поуздалъ.
Ка си ойде Никола юна́ко,
И го виде́ Идрисъ-бегъ войво́да:
По дворъ о́ды, машко дете носи;
Дума дума Идрисъ-бегъ войво́да
Дума дума негова ханема —
Негова ханема и негова кадена:
«Слушай мене, ханемо, кадено!
Я готви той сладки яныи,
И той сладки татлiи».
Дума дума Никола юнака:
«Я не очу той сладки яныи,
И не очу той сладки татлiи,
Само хочу това мъшко де́те;
Продума си Идрисъ-бегъ-войво́да:
«Глава да́вамъ, дете́ си не да́вамъ».
Што-то бѣше Ни́кола юнака,
Истергна́ сабля димицiя,
Да му сѣче негова-та гла́ва:
И онъ дава това́ мъшко дете;
И закла́ това мъшко дете;
Накладоя тоя ясенъ о́гень,
Накла́доя насрѣдъ на дворо́ве;
Майтя му со сльзы исчисти,
И дете се на рьженъ нате́ли,
И го печа на ясныё огень;
Само дете́ одъ ръженъ продума:
«Верты, тате, плешти изгорѣа,
Мажи, мале, глава ми изгоре».
«И отаде, мале, побѣгна́ме».

№ 213.

Трен. окр., с. Бабица; 23 ноября 1879 г. записана со словъ Ристы Стоянова.

(Бракъ (христіанина) сына Будимскаго короля съ (мусульманкою) дочерью визиря.

(*Нельзя смотрѣть на лицо новобрачной*).

Дойде́ си паше Вериза,
Да си дойде́ при краль Будимъ-Видински.
Дойде, па-й говори паша Вериза:
«Чуешь мене, краль Будимъ-Видински!
Што че, да ти дума думамъ:
Же́ны сина, да ти дамъ дево́йтя».
Е си чуди драль Будимъ-Видински:
«Дали сину вѣра да промѣни,
Или паша атеръ растури?»
— «Болье, че си сину вѣра да промѣны,
Негли паша атеръ растури».
Собрашесе света неделя,
Собрало се деветъ стотинъ сваты—
Собраль е краль Будимъ-Видински;
Отоше у пашины дворы:
Што бие свѣтъ анетъ, све прекара́ли,
И вѣнчали млады младе́нци.
Пойдоше си китени сватове,
А остаде млады младоженя,
Остаде пеклю да кине.
Па си стиже китены сватове.
Пай-й гово́ри млады младоженя:
«Леле Боже, леле мили Боже!
Я подовни вѣтеръ ладовине,
Та подигни на невѣста пре́везъ».
Само е си Богу нажалѣло,
Та по́дуно вѣтеръ ладови́не,

Та подиже на невѣста превезъ:
Сина́ лице, како́ ясно сълнце,
Бѣло гърло-ясна мѣсечина;
Невѣста ошь преванала,
Па-й говори гиздава невѣста:
«Чуйте мене, два млади деве́ра!
Заставете свирке и тупане,
Заставете тои сремске кочіи,
Да надзерне на бѣло́ видѣло;
Нешто му е мука припаднала».
Заставише свирке и тупане,
Заставише той сремски кочіи;
Надзернало на бѣло видѣло:
Што надзерна́, веднекъ падна́ла,
Паднала и веднекъ умрела;
Младоженя пѣсань напо́яли.

№ 214.

Охрида; 29 янв. 1880 г. записана со словъ г. Лазаря Хаджіева.

(Турецкій способъ усмирять возмутившуюся раю).

Ми, собралъ Муратъ, ми, набралъ
Педесе́ и петъ Латыни,
И дервишь Муша одъ Дебра
Ми, дошелъ у села-то охридски,
Големъ зулумъ, ми, направилъ:
Села-та, ми, ги похаралъ,
Рая-та осиромашилъ.
Се собрале селани-те
Голема жалба сториле
До охридскія-тъ бегъ Джеладинъ:

«Аманъ, до Бога едного!
Муратъ и Османъ Дебранци
Живи, голи не соблекова».
Големъ се мезличъ [1]) пособралъ:
Си-те беговн охридски,
И тія чорбаджіи охридски,
И улема-та битольска,
И кадія-та прилѣпски,
Кого мунасипъ [2]) да найдатъ
Кырь булюкъ-баша да ставатъ —
Села-та да ги умир
Рая-та да я уложи.
Големъ, ми, мезликъ сториа:
Кузмана мунасипъ найдова,
Кузманъ кырь сердеръ да биде
Джеладинъ беговъ капетанъ.
Па, ми, пратиа сейменче
До това село Верблянн,
До кутя Кузманъ [3]) каримана;
Писмо-то му однесе.
И му проговори:
«Дейды, Кузманъ ќараманъ,
Джеладинъ-беговъ капетанъ;
Бего те вика на диванъ:
«Тебе тье ставя кырь сердарь —
Села-та да ги умиришь
Рая-та да ся уложишь».
Кузманъ, ми, вели-зборува:

---

[1]) Совѣтъ, совѣщаніе.

[2]) Возможный.

[3]) Кузманъ былъ гайдукъ; онъ укралъ изъ имѣнія Джеладина-бега 12 коней. Назначеніемъ этого гайдука на должность булюкъ-баши Джеладинъ-бегъ думалъ поймать его. Кузманъ былъ изъ села «*Дольни Верблянн*», по сосѣдству съ которымъ находится село «*Горни Верблянн*».

«Де д'иды, турче будала!
Лисица на пазаръ иде ли,
И Кузманъ бегу на конакъ?»
Кузманъ, ми, писмо испея:
Виде поднисъ на владыка-та;
Тогай, ми, Кузманъ вѣрува.
Стана си Кузманъ—отиде
Со-съ чифъ пиштоли нá поясъ
И танка пушка на раму,
Крыва-та сабля на плешка[1]),
Отидé въ града Охрида
Джеладинъ—бегу на конакъ:
До земя Кузманъ се поклóни;
Кузманъ, ми, вели—зборува:
«Де д'иды, бего Джеладинъ!
Да ти се много годины,
Што си за мене хитро пописалъ
И мене си повикалъ».
Джеладинъ—бего збóруе.
«Гей, иды Кузманъ кариманъ,
Джеладинъ—беговъ капетанъ!
Ние мупасипъ найдохме —
Кырь сердарь тебе стáвихме:
Села-та да ги умиришь.
Рая-та да я уложишь,
Османа, Мурата да ги фанешь,
Глави-те да имъ ги донесешь;
Него кефила[2]) да дадешь,
Оты вѣренъ те бидешь».
Тогай, ми, Кузманъ испадна
По чардакъ се прошета,

---

[1]) Бедро.
[2]) Тур. поручительство, гарантія.

И персти-те си кыршеше
И со-гласо-тъ, ми, викаше:
«Де д'иды мене до Бога!
За харамія кефилъ кой бива?»
Тогай, ми, чула була[1]) одъ харемъ;
Па си дойде на чардакъ,
Со машко си дете на раци;
На Кузмана була зборуе:
«Де д'иды Кузманъ кариманъ,
Джеладинъ-беговъ капетанъ!
Што ти е, море, што плачешь?
Што кыршишь пьрсты на раци?
Язъ те ты, будала, кефалъ за тебе».
У мезличь, ми, влезуе була-та
Влезуе и па ми зборуе:
«Де д'иды бего Джеладинъ!
Я сумъ кефилъ за Кузмана
Со мое-то машко дете!
Села-та те ты умири,
Рая-та те ты уложи,
Хараміи-те те ты исфатя»;
Джеладинъ-бего зборува:
Е, д'иды, Кузманъ кариманъ!
Ты си одъ-сега мой капетанъ;
Си-те кабате[2]) ты проштевамъ;
Хайде си, сега, излези,
Дружина да си намѣришь,
Хараміи-те да си исфатяшь,
Глави-те да ми донесешь».
Кузманъ, ми, радо, подскокна,
По чаршіи, ми, си испадна,

---

[1]) Эта була была украдена Кузманомъ.
[2]) Тур. грѣхъ, преступленіе.

Дружина, ми, си насобра,—
Дваесе и петъ момчиня́,
Одъ дваесе и петъ годины—
Кой нема майка, ни татко,
Кой носи кервава кошула,
Кой може да стигне и да утекне.
Отидоа въ село Вербляни [1]),
Сѣднаа да вечератъ;
Али, ми, си жалосенъ гласъ престигна:
Де, д'иды Кузманъ кариманъ!
Харамъ [2]) да ти е вечера-та,
Отровъ да ти е вино-то!
Османъ и Муратъ Дебранци
Верблянн горную запалиа,
И попо-тъ однесоа».
Тогай си Кузманъ поскочи,
Одъ амбаро-тъ се извикна:
«Де иды моя дружина!
Кой вечералъ-да вечералъ.
Кой не вечералъ—лѣба-тъ въ чанта-та [3]),
Нека стега на опинци ременье-то,
И на пушки кременье-то;
Бергу [4]) да сте предъ мене».
От-тамо си пойдо́а,
У Верблянe ойдо́а,
На Мурата дира-та [5]) зедова,
По него отидова
У тая пуста планина
У планина-та Гюлянска
До тая чешма студена

[1]) Т. е. *долніе* Верблянe.
[2]) Проклятъ (тур.).
[3]) Сумка на хлѣбъ (тур.).
[4]) Берго (Вр. окр.)=берзо=борзо.
[5]) Слѣдъ.

До Трайково-то бачило [1]);
Кузманъ, ми, праша овчаротъ-тъ:
«Де, д'иды, море, овчаре!
Не виде ли некои хараміи
Одевде да поминатъ?»
Овчаро-тъ право зборуватъ:
«Османъ и Муратъ Дебранци
И педесе и петъ Латыни
Денеска те дойдатъ на ручёкъ;
Осумъ овны сумъ приготвилъ;
До чешма-та те ручаатъ;
Вие метери [2]) фанете,
И тука гу удрите».
Кузманъ ми заповѣда
На свои-те дружина;
Си-те метери фанаа;
Опте имъ Кузманъ зборуе:
«Моя-та пушка дури не пукне,
Ваши-те да не пукаатъ;
Чуешь, ми, Митре търновче!
Ты да нишанышь Османа,
Я те нишанамъ Мурата;
И послѣ вие всичке-те
По еденъ да гледате».
Таманъ метери фанаа,
Хайдуци-те, ми, дойдова,
По край чешма-та сѣднаа.
Муратъ, ми, зеде тамбура,
Малко да, ми, се попее,
И си пее тако:
«Де д'иды Кузманъ кариманъ,
Джеладинъ-беговъ капетанъ!

[1]) Мѣсто, гдѣ приготовляютъ овечье масло.
[2]) Мѣсто, пунктъ.

Де си посранъ кауринъ?
Камо си? сега да излезнешь:
Бечви-те ти се на страна,
Гати-те ти се посраны».
Тога одговара Кузманъ:
«Бечви-те, ми, се на страна,
Пушки, ми, тенки на право».
Дваестъ и петъ пушки пукнаа,
Дваесе и петъ души кутнаа;
Друзи-те, ми, побѣгнаа;
Кузманъ и дружина му потерчи—
На рѣка-та мосто-тъ го фанаа;
И тамо метерисъ фанаа:
Дълго време не помина;
Эве-те, озгора хайдуци-те
Преко мосто-тъ вервеятъ:
Дваесе и петъ пушки пукнаха,
Дваесе и петъ души кутнаха,
Седумъ-мина побѣгнаа;
Кузманъ глави-те имъ ги пресѣчс
У Охридъ ги однесе,
Предъ Джеладинъ-бегъ ги ферли:
«Эво, ти, бего Джеладино!
Глави-те одъ хараміи-те!»
Джеладинъ-бегъ бакшишь имъ даде
188 По едынъ конь на свички-те.

№ 215.

Село Рыла, Дупнич. окр.; 29 дек. 1879 г. записана со словъ Христины Стойчевой.

(Турецкіе жандармы отыскиваютъ Дима джелепина, семь лѣтъ неплатившаго бѣглика).

Димоле, Димо джеле́пинъ.
Заптисалъ Димо заптисалъ
На цара бѣгли́къ да недáва
Одъ сѣдемъ годи́нъ на ова́мо.

Царь му запрашта, запрашта
До седемдесе сеймени
И седемъ булюкъ-баши:
«Идете, Димо найдéте,
Я му глава земете,
Яли живъ го докарайте».
Станаа сеймени ойдóа;
Минаа поле широко,
Влезнаа у гора зелéна;
Провикнаа се сеймене:
«Димоле, Димо джелéпинъ!
Дека си, да се обадишь?
Ние сме млады тергóвци
Стóка-та ти кýпиме».
Димо на планина сѣдеше,
Свое стадо пасéше;
Кадъ то рече: «млады тергóвци»,
И Димо се обади:
«Язе Васъ познáвамъ,
Каквú сте тергóвци,
Каквá стóка те кýпите!
Сеймене, млады левене!
Айде назадъ верныте,
Што-то сте пóмлады,
Нежалите младóсть-та,
И постаріи—децá-та!»
Сеймене му говоратъ:
«Жалеме, Димо, жалеме,
Одъ царa мира нéмаме:
Царь ни запрашта, запрашта,
Я глава да ти земемъ,
Я живъ да те кáраме».
— Айде се назадъ вернете,
Я да си посправимъ кончé-то
И да се облéчемъ контóшо,
Што ми е контошь до пóясъ,
И на контóше каплама,
Одъ седемъ мечки кóжи-те
А одъ сéдемдесе мечéта».
И стана Димо, та ойде;
Додекъ сеймени да ойдатъ
А Димо ги превари;
Одалекъ иде и вика:
«Цару-ле, цару честúты!
Отвори царски капíи!»
Какво е го царо видѣлъ,
Па на Димо вели-говори:
«Верни се, Димо, нетю те»;
А Димо му говори:
«Почекай, цару честиты',
Да піе кафé-петъ пáри».
Пай проговóри цáро:
«Вернисе, Димо, вернисе,
Зеръ не можемъ, да те гледамъ:
Оти ми е сéрце плашлúво;
Товари азнá петъ товары,
Само назадъ се пóверни».
И товари Димо петъ тóвары,
И се назадъ поверна,
И се верна при стадо си.

№ 216.

Г. Радоміръ; 2 дек. 1879 г. записана со словъ Іордана Лазарева.

(Руснакъ король Степанъ попался въ плѣнъ султану Бреязизу; притворно принимаетъ мусульманство и вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ руку дочери султана; затѣмъ, онъ убѣждаетъ послѣднюю принять христіанство, и вмѣстѣ убѣгаютъ въ Россію къ цару Александру).

Ка си пойде́ Руснакъ краль Стефане,
Та си пойде́ презъ поле широко,
Та нападна у гора зеле́на.
И ошелъ е султанъ Бреязизе,
Отише́лъ е со-съ петъ стотинъ души,
Та си ойде́ у го́ра на ло́ва;
Тамъ намѣри Руснакъ краль Стефана:
И си фана султанъ Бреязиза
Та си фана Руснакъ краль Стефана;
Продума́ си султанъ Бреязиза:
«Е ты-зе-ка Руснакъ краль Стефане!
Ай д'и́деме на Стамбо́ла града;
Че ти готвимъ той сладки вечеры
И че давамъ султанка девойтя».
Продума си Руснакъ краль Стефана:
«Е ты-зе-ка султанъ Бреязизо!
Я не мога на Стамбола да д'идемъ».
Продума́ султанъ Бреязиза:
«Е ты-зе-ка Руснакъ краль Стефана!
Ако ты-зи вѣра си промѣнишь,
Че ти даде́мъ половинъ Стамбола
И че даде́мъ двѣсте валявицы,
Што валяа тая чиста чоа,
Што валяа той си́нё кадифе,
И че даде́мъ триста водени́цы,
Што-то меля церве́на ченица,

И че ти дадéмъ султанка девойтя;
Ако нечешь вѣра да промѣнишь,
Че те туримъ у тевны тевни́цы,
Да си лежишь дванáесе годины».
Продумá си Руснакъ краль Стефана:
«Че да лежи́мъ дванáесе година,
Але нечемъ вѣра да си мѣни́мъ».
Затвори го султанъ Бреязи́зо
Затвори си Руснакъ краль Стефана
Затвори́ го у тевни тевницы.
У тевни́цы вода изви́раше,
Низъ вода жабреницы много,
Низъ дуварá мишке излаже,
Оче нему чамбазъ да искубатъ.
И си пришта султанъ Бреязиза
И си пришта султанка девойтя;
Та си ойдé султанка девойтя,
Та си ойдé при тевни тевни́цы,
Та си ока Руснакъ краль Стефана:
«Я излезны Руснакъ краль Стефане!»
И и́злезна Руснакъ краль Стефана.
И продума султанка девойтя:
«Е ты-зе-ка Руснакъ краль Стефана!
Айде, ты-зе вѣра да си мѣнишь!
Че ти дадéмъ половинъ Стамбола,
И че дадéмъ двѣсте валявицы,
Што валя таа чиста чоа
И што валя тоа синё кадифе,
И че дадéмъ триста водени́цы».
Продумá си Руснакъ краль Стефана:
«Е ты-зе-ка султанко девойтё!
Язе нечемъ вѣра да си мѣнимъ:
Я вие-ка никаковъ законъ, бре, немате;
Имате еденъ Мухамеда,

И вие си него истéпате
И со-съ пушки више со-съ тóпове;
Я у насъ ного добаръ законъ има:
Ка ни дойдé день, бре, Дюрдёвъ день,
Ние си него со-съ добро срѣтнеме;
Ка ни дойдé день, бре, Великъ-день,
И него си со-съ добрó срѣтнеме;
Ако очешь вѣра да си мѣнишь,
Да те водымъ у добрá Русія».
И продумá султанка девойтя:
Е ты-зе-ка Руснакъ краль Стефана!
Очемъ язе вѣра да си мѣнимъ».
И продума Руснакъ краль Стефана:
«Е ты-зе-ка султанко девойтé!
Я си ойды при твоя бабáя,
Та украдны до два добры конé,
Да бѣгаме у добрá Русія».
Отишла е султанка девóйтя
Отишла е при ноенъ бабáя,
Та украдна до два добры́ кóне,
Одведе ги Руснакъ краль Стефане;
И си качи Руснакъ краль Стефане,
Та си качи султанка девойтя —
Та я качи на врáна-та коня,
Я другúя онó уяхнало.
Та пойдоа презъ поле широко,
Та придóа при бѣлú Дунавье —
Дунавъ си е ного, бре, дотекло —,
И продума султанка девойтя:
«Е ты-зе-ка Руснакъ краль Стефане!
Ногу си е Дунавъ, бре дотекло»;
Продума си Руснакъ краль Стефана:
«Е ты-зе-ка султанко девойтё!
Айде ты-зе-ка, Богме, по мене-ка».

И загази Руснакъ краль Стефана
И загази презъ бѣли Дунавье,
И по него султанка девойтя;
Та минаятъ отадъ бѣли Дунавъ.
Ка придо́ при добра́ Русія,
И си пра́шта Руснакъ краль Стефана,
Та си пра́шта това́ бѣ́ло книже,
У книже́-то това́ церно пи́смо,
Та го прашта цару Александру,
Да посрѣтна Русна́ краль Стефа́на,
Де-ка иде одъ Стамбола града,
И си во́ды султанта девойтя.
Провикна си ца́ра Александра:
«Е вие-ка два бързи юнака!
Я ойде́те церкви манастирье,
Запалете по церкви кандиле
И удрите той лѣпы дзвоно́ве».
И дочула султанка девойтя
Дочула е той лѣпы дзвонове,
И она́ си ду́ма продума́ла:
«Е ты-зе-ка Руснакъ краль Стефана!
Што е това̀, што си бія по ваша Русія?»
Продума́ си Руснакъ краль Стефана:
«Е ты-зи-ка султанко девойтё!
Това са си по церкви дзвоно́ве;
Я си прати́ това бѣ́ле кни́же
Та го прати ца́ру Алекса́ндру,
Дека идемъ одъ Стамбола града,
И си водымъ султанка девойтя;
И испрати цара Александра,
Та испрати тая добра война,
Та срѣтнаа Руснакъ краль Стефа́на».
Право иде Русна краль Стефа́на
Право иде на ца́реви дворы:

Качие се више на чардаци
И си сѣдна у ладны одаи.
И излезна́ цара Александра,
Та прашуе Русна краль Стефана:
«Е ты-зи-ка Русна краль Стефана!
Еве стана́ три години време,
Како́ тебе́ на домъ-ле те не́ма».
И онъ си му дума продумуе:
«Е ты-зе-ка, цару Александру!
Затвори́ ме султанъ Брεязиза,
Затвори́ ме у тевне тевнице:
У тевнице вода изви́раше,
Низъ дуваре мишке излазеа —
Мишки низъ глава косъ ми оскубаа;
И си пршта султанъ Бреязиза —
Праштало си султанка девойтя, —
И она ми думу продумуе:
«Е ты-зе-ка Русна краль Стефана!
Како́ каже, моё, бре, бабае:
Айде ты-зи вѣра да си мѣнишь,
Че ти даде́ половинъ Стамбо́ла,
И че даде́ двѣсте валя́вицы,
Што валяа тоа чиста чоа
И што валяа той синё кадифе,
И че даде́ триста водени́цы,
Што-то меля червена ченица,
И язе-ка дума си проду́ма:
«Е ты-зе-ка султанко девойтё!
Я вие-ка никаковъ законъ, бре, немате,
Имате си еденъ Мухамеда,
И него си, Богме, исте́пате
И со-съ пушки више со-съ топове».
И исказа Русна краль Стефана
Та исказа́ ца́ру Александру.

И продума́ цара Александра:
«Е ты-зе-ка Русна краль Стефана!
Я покани ора и гра́дове».
И покани Русна краль Стефа́на
И покани хо̆ра и градове;
Сички-те се, Богме-ле, собрали;
Три недѣли, Богме. свадба-ле правило;
Четверта-та ги, Богме. испратило,
Да си идатъ до́ма на дворе́ве.
Минало се еденъ мѣсяцъ време,
И си пращта султанъ Бреязиза,
Та си пращта това́ бѣло книже,
У книже́-то това́ цѐрно писмо,
Да си иде Русна краль Стефана,
Да си иде на ца́ра на го́стье,
И да воды султанка девойтя.
И е ошелъ Русна краль Стефа́на,
И си ойде́ на ца́ра на гостье,
И одведе́ султанка девойтя.
Та си нареди си цара Бреязиза,
Нареди си два бързы юнака:
«Я фане́те Русна краль Стефана,
Та му-нему глава одсѣче́те».
И продума́ си Русна́ краль Стефана:
«Бога тебе, султанъ Бреязизу!
Немой мене млада да погубишь,
Да я семъ си еденъ у майтя
И у майтя, па-й ли у башта».
Богъ да біе султанъ Бреязиза!
Не е тео да си го пожали:
Одсѣче му та́я руса глава;
Провикна се султанка девойтя·
«Леле Боже до милого Бога!
Ка ми бидо мома и невѣста,

Кога си семъ млада́ удови́ца»,
И я дочу Господъ одъ небе́са,
Та си праты́ шарена зміица,
Со зміица шарена боклица,
У боклица вино троего́дско,
У вино́-то зелена трѣвица;
И продума Господъ одъ небе́са:
«Е ты-зе-ка шарена зміица!
Ка' си слезнешь доле на земня́-та,
Да си видышь, што е тоя пи́сокъ?
Ако си е ного одъ жалосты,
Скоро бърже душа да му свернешь;
И ако си е ногу, бре, одъ милосъ,
И ты-зе-ка душа да му земешь».
Ка си слезна шарена зміица,
Слезна́ла е доле на земня́-та
И прашуе прелѣпа невѣста:
«Е ты-зе-ка прелѣпо невѣсто!
Зашто пиштишь, у Бога се чуе?
Да ли пиштишь ногу, бре, одъ жалби,
Или пиштишь ногу, бре, одъ милосъ?
Продума́ си прелѣпа невѣста:
«Не пишти́мъ си ногу, бре, одъ милосъ,
Нель си пишти́мъ одъ голѣма жа́лба».
И продума шарена зміица:
«Я ты-зе-ка прелѣпа невѣста!
Я си земи шарена боклица,
У боклици има вино троегодско,
У вино́-то зелена трѣвица,
Та си запой Русна краль Стефана:
Оче оно съ душа да си ста́не».
И си зема́ прелѣпа невѣста,
Та си зема́ шарена бо́клица,
Та запо́й Русна краль Стефана,

И онó си съ душу, бре, станало.
И е било у света недѣля:
Прекрести се Русна краль Стефáна,
И си керсти, та Бога се моли:
«Леле Боже, леле мили Боже!
Што се чиня тыя клеты Турци?
Зима ми моя́ млада младóе».
И провикнá си Русна краль Стефана:
«Леле Боже, до милого Бога!
Я ми дóдай крыла паунóве
Да си бѣгамъ у добрá Русія».
Пожали́ го Господъ милостивенъ,
Та му даде крылá паунове,
Та си бѣгнá у добрá Русія,
И си падна на цáреви дворы.
Согледа го цара Александра
Согледа го више одъ дивана,
И онъ си е дума продумáло:
«Е вие-ка два бързы юнака!
Излезнéте у равни́ дворéве,
Да фанете два лѣпы пауне».
Излезнаа два бързы юнака,
Да си фана два лѣпы пауне.
И тогай си оно продумало
Продумало Русна краль Стефана:
«Та не сме си той лѣпы паýне,
Та я семъ си Русна краль Стефана,
Я други́-то султанка девойтя».
Вернаа се два берза юнака
Вернаа се, Богме, назаде-ка
И казуя цару Александру:
«Бога тебе, цару Александру!
Та не са си два лѣпы паýне,
Нело си е Русна краль Стефана

И друго-то султанка девойтя».
И окна́ и цара Александра
Окна́лъ е више на ди́ваны;
Улезна у ладны одаи,
Та ги тури на сладки вечеры,
И си сѣда и си, ле, думая.
Продума́ е цара Александра:
«Бога тебе, Русна краль Стефана!
И си ручай и си кажи».
— Богъ да просты Русна краль Стефана! —
И онъ си му дума продумуе:
«Е ты-зе-ка, цару Александру!
Какъ да кажемъ, цару Александру?»
— Богъ да просты Русна краль Стефана! —
«Де си сѣдышь живо при мене-ка».
И продума́ цара Александра:
«Е ты-зе-ка, Русна краль Стефану!
Де си мине презъ мене-ка мрешка».
И казуе Русна краль Стефа́на,
Та казуе цару Александру,
Какъ го мачилъ султанъ Бреязиза,
Како́ му се лѣпо-ле молило:
«Не мой мене, султане Бреязизо!
Да я семъ си еденъ, бре, у майтя
И у майтя еденъ и у башта;
Нете оно́ да мене лѣпо жали,
Та ме оно мене младо-ле
Младо-ле погуби;
Але Господъ ме-мене избави».

№ 217.

(Заг.) Берк. окр., с. Вершецъ; 11 февр. 1880 г. записана со словъ Николы Бѣлёва.

(Чудо надъ англійскимъ царемъ).

Писмо пише царо Ангелиски,
Запрашта го на Светá Гора
На Света Гора-Илиндарь монастырь,
На стары игуменъ Саву:
«Да ми допратышь икуны и керстеве
И сребрено-то евангелье
И позлатены кандила;
Ако не допратишь,
Шта да пратымъ войска,
Да изгора Илиндарь и семдесе монастыра».
И повика Сава седемдесе игумена,
И повика двѣсте калудере,
И повика триста дякóне,
И повика петъ стотинъ магяре[1]),
И ги питаше:
«Ко'-то праты царо Ангелиски писмо
За икуны и керстеве,
Стояте ли кабумъ, да дадемо?
Да не запали монастыре!»
И сви-те казва: «неможемо
Неможемо да дадемо!
Нека запали, нека изгоратъ».
И тогива Сава запраты писмо
Писмо на царо Ангелиски:
«Не можемо да дадеме!»
Ка'-то зема царо Ангелиски

[1]) Послушники, занимающіеся кухней; отсюда магерница=кухня.

Ка'-то зема тое писмо
И прочети тія слова,
Допрати семдесе геміи войны,
Да изгоратъ Света́ Гора.
И запалиа Илиндарь монастырь,
И запалиа се семдесе монастыре,
Запалиа и обраа,
И пойдоа да си верватъ домо-ка.
И тоги́ва стары игуменъ Сава
Четеше едно писмо:
«Сбирайтесе седемдесе стары игумене,
Сбирайте́се двѣсте калудере,
Сбирайтесе триста дяко́не
Сбирайтесе петъ стотинъ магяре,
Да се молиме на Богу,
Единъ други да си исповѣдаме,
И дванаесеви литургіи да служиме,
Да ни би се на Богу смилѣло,
Да угаси тія седемдесе монастыре».
И се сбраа седемдесе стары игумени,
И се сбраа двѣсте калудере,
И се сбраа триста дяко́не,
И се сбраа петъ стотинъ магяре
И се Богу мо́леа,
Единъ други исповѣдаа,
И служиа дванаесе литургіи.
И се на Богу думиле:
Издасе инъ теменъ облакъ
Облакъ изъ Бѣло-то море,
И удари единъ буенъ дажь,
Та угаси тія седемдесе монастыре;
Па си тресна одъ Бога,
Та погуби седемдесе ангилиски геміи.
Ка'-то дочу царо Ангилиски,

Прати едно писмо
На стары́ игуменъ Сава:
«Ты си единъ праве́денъ чове́къ!
Да се молишь Богу за-радъ мене;
Ако Господъ извади изъ море
Мои геміи и мои-те войны́,
Тогива че вѣрвамъ, че има Господъ;
И шта посребримъ сребрени евангели,
И позлатны кандила че направимъ,
И Светая Гора че заверда».
Ка'-то четеше стары́ игуменъ Сава,
Ка'-то четеше писмо и прочетеше,
Пакъ казваше:
«Сбирайтесе седемдесе игумени,
Сбирайтесе двѣсте калудере,
Сбирайтесе триста дяконе,
Сбирайтесе петъ стотинъ магяре,
Бо́гу да се молиме —
Единъ други да си испове́даме,
И дванаесе литургіи да служиме,
Да ни би се на Богу смилѣло,
Да извади седемдесе геміи,
Да извади со-съ тіи войны».
И се сбраа седемдесе игумени,
И се сбраа двѣсте калудере,
И се сбраа триста дяко́не,
И се сбраа петъ стотинъ магяре,
И свалиа капи калимавки
И се Богу молеа,
Единъ други си исповѣда,
И дванаесе литургіи служиа.
И се на Богу думилé:
Та испраты светы́ Николая;
И си влезна Светы Николая

И си влезна у Бѣло-то море,
Та извади седемдесе геміи царски
Со-съ тія войны барабаръ
И дочу то царь Ангилиски:
И позлаты икуны и керстеве,
И посребри сребрены евангеля,
И позлаты кандила.

№ 218.

Село Жабленъ (Радом. округа) 27 ноября 1879 г. записана со словъ солдата Ивана Димитріева.

(Сербинъ юнакъ поражаетъ арапина).

Сербинъ зоби коня за Кра́ина:
Да га зоби жълта ечмена,
Вода пои вино одъ три годинъ;
Пуста се Краина размири́ла,
Сви су Турци на Краине пошли́;
Напредъ иде Сербинъ добаръ юнакъ,
Напредъ иде, бѣли барякъ носи.
Ка отойде на пуста Краина,
Краина се умери́ла;
Сѣдели су девеѣ годинъ време,
Сви су Турци коне́ испрода́ли,
Сербинъ юнакъ ошь боле ко́ня узобилъ,
И продалъ е половина руа;
Па си стана́ юнакъ, па си пойде́,
Пойде да види Краина, како си умирилъ;
Вечь нема пари́ да си а́рчи,
Па на ко́ня по́ ти огово́ри:
«Леле коню, леле мое добро!
Вси су Турци коне́ испродали́,

Я самъ тебе оште боле узобило,
Продало́ самъ половина руо,
Вечи нема пари́ да си а́рчимъ».
А конь му по тія оговори:
«Постигны ми деветъ колана,
Ега́ би те изнелъ низъ тая Кра́йна».
И юнакъ му постегна́ до деветъ колана,
Па си яна тая добра коня,
Та си излезна́ низъ тая пуста земя;
Вечь се су ношти померкна́ли,
Па залежа́ Сербинъ добаръ юнакъ;
Па си стана́ рано одъ зарано,
На шарене-те че́шмы,
Да си пою тая добра коня;
Тамо найде гиздава девойтя,
Де си рони ті́я дробни слезы;
Запрашае Сербинъ, добаръ юнакъ:
«Зашто плачешь, гиздава девойко?»
— А она му по ти огово́ри:
«Язъ имамъ еденъ ми́ли братъ,
И сега́ го тато заженило,
И мене облокъ дава;
Богъ да біе церна Арапина!
Оно че ме облокъ зе́ме».
— А Сербинъ по тія огово́ри:
«Вечь се самъ коня утраши́ло—
Язъ би тебе младо изроби́ло.»
—Беркна́ла девойтя у свилне джепове,
Та извади едны шати жълтици,
Та си даде на Сербина юнака—
Онъ да пія, и ко́ня да рани,
Кога́ пойде, за девойтя да иде,
Кой превари, онъ че земе гиздава дево́йтя;
Па си стана́ юнакъ, па си о́йде,

Та си арчи неделя време,
Вечьемъ си е пари́ поарчи́ло;
Па си пошли рано одъ-зарано
У света неде́ля,
Да си иде на Прилѣпа града;
Сербинъ юнакъ оште спие,
Коня фи́шти, та Сербина буди:
«Стани, стани, Сербине юначе,
Не знаешь ли, каковъ обло́къ фата́ло».
— Съобудисе Сербинъ добаръ юнакъ:
Сълнце иде вечьемъ на заода,
Кога стана юнакъ, та погледна,
Сълнце ошло, вечь е на заоду.
Па си стана юнакъ,
Та си спра́ви та́я добра коня:
Тури юна́къ но́га у зенгія,
Дурь да тури юнакъ и она́е,
Стигналъ си е церна Арапина,
Стигналь го е юнакъ,
Миналь го е юнакъ,
Та право иде на момины дворы:
Нема кого на капи да иде́;
Бутна ко́ня, презъ кале прелетне́ло,
Дури ко́ня душа да ута́фри;
Пообо́ри тія високи чарда́ци,
Па си сѣдна́ кодъ гиздава дево́йтя;
Отадъ иде церна Арапина:
Нема што да чини на Сербина юнака,
Нель си тергна тая тенка са́бля,
Та уда́ри коня у клето-то се́рце.
— Проговори Сербинъ добаръ юнакъ:
«Што не дойдешь,
Да си съ мене біе́шь?»
Тергна юнакъ тая тенка сабля,

Та удари церна Арапина,
Удари го, на двое пресѣче:
Та пресѣче церна Арапина
И си зема гиздава девойтя.

№ 219.

Дупнич. окр., с. Бобошево; 13 дек. 1879 г. записана со словъ Димитрія Радова Бурова́.

(Сравненіе сербскаго войска съ русскимъ).

Каква ми е Сербска гора!
Сербска гора Турка поцерне́ла!
У сербска-то гора малка мома плаче:
«А што нема никой да ме жали
И да оправа тако́, да е право;
Немамъ майтя и што нема?
Кой-то мене да ме тажи».
Ой брайтя наши, брайтя Сербе!
Висо́ко вѣно́къ цавтеше!
А што е Турка поцернела } *повто-*
У наша-та сербска гора, } *ряется*
Яко низко вѣно́къ цавтеше.
А што нема зоря да зазори? (*повторяется*)
Каква че ми зоря зазори́?
Изъ Влашка-та, мамче, земля
Яко низко вѣно́къ цавтеше —
Яка ми е, мамче, Руска войска,
Яко силна, мамче, иде войска,
И вѣнокъ яко низко предъ нихъ цавтеше:
А конь до коня, юнакъ до юнака.
Яко низко, мамче, яко низко
При Руска войска вѣнокъ цавтеше;
А што низко, мамо,
А што низко Руска войска —
Се е православна.

№ 220.

Тренск. окр., с. Баба; 7 февр. 1880 г. записана со словъ Гиги Тричкова Вирьянова.

(Изъ войны Турокъ противъ Сербовъ).

Виче вила съ Авале планина:
«Вама, Турци, у глави ви било —
Обметнусе една церна тица,
И обметну половинъ Шумадію,
И обметну Южичку наію,
И обметну Вале́вску наію;
Стара Влашка нему поручуе:
«Бре, не бойсе, Дёко одъ Тополе!»
Дочули се четри идаіе,
Редомъ че Сербію гореты,
Али не че Сербію даты.
Па имъ рече Воча мали паша:
«Не мойте си Сербію гореты —
Пойде ядна сиротыня;
Но опременете бико одъ Рудника,
Да отиде стойну Београду,
И дайте му зелена дурбисна [1]),
Да окрене преко Шумадію».
Ка' окрене преко Шумадію,
Ка' погледне у село Вербице —
У Вербице каква́ сила сбила?
Се е конякъ до коняка,
Се е пѣшакъ до пѣшака,
И при ние Дёко одъ Тополе.
Одтамъ иде Воча, мали паша:
«О́ды, Дёко, о́ды побра́тиме!
Да ти давамъ благо, колико ти драго.

---

[1]) Бинокль.

Да не блудишь ядну сиротыню»;
Дёко нему одговара:
«Имамъ благо, колко тебе».
Тогай Воча вели:
«Айде, Дёко, айде, побратиме!
Да те водымъ стойну Београду —
Ты да судишь, Турци да глéда»
Дёка вели:
«Я не идемъ Стойну Београду.
Воча вели:
«Да опростышь, Дёка одъ Тополе!»
Дёка вели:
«Я да простымъ, нáродъ не че да опросты:
Млого те сте зулумъ починили —
Постави́сте бико одъ Руднико,
Та си óды по земю Сербію:
Кудé има годена девойтя,
Бико люби годену девойку;
Постависте до-триста спаіе,
Та ны любе триста попадіе. —
Че се біе ядна сиротыня,
Че се біе, доде-ка си може.
Остана е сиротыня ядна,
Остана е безъ закóнъ и безъ причесъ.

№ 221.

Соф. окр., с. Бояна; 30 янв. 1880 г. записана со словъ крестьянина тойже деревни Стоянча Величкова.

(Какъ болгаринъ одержалъ верхъ надъ туркомъ?)

Сведоа се два млады юнаци,
Сведоа се на бистрó езéре,
Де си поятъ добри коне вода:
Еди́нъ Янче Капетанче,

Я другій Шадай Наячи́бро;
Коня по́и Янче Капетанче,
Я приведе Шадай Наячи́бро,
Я приведе коня деблага;
Проговори Янче Капета́нче:
«Фала тебѣ, Шадай Наячибро!
Тегли Дёга—не моти ми вода:
Боле ми е Вранчина одъ Дёга,
А я по-юнакъ одъ тебе».
— Проговори Шадай Наячибро:
«По-добро мой конь одъ твой,
А язека по-юнакъ одъ тебе!»
Янче ныщто му непродума;
Та си яхна коня Вранчина,
Та си ойде на негова дома́,
Та си писа книга на-сердито:
«Фала тебѣ, Шадай Наячибро!
Я ти праштамъ книга на-сердито,
Да си дойдешь на стары боишта».
Книга ошла му на вечера
И стигнала Шадай Наячибро;
Книга чети Шадай Наячибро,
Книга чети — не вечера —
Имъ я чети, грозно се смѣе;
Питала го него́ва-та майтя:
«Фала тебѣ, Шадай Наячибро!
Да какви ти радости стигнаха,
Книга чтишь, а грозно се смѣешь.»
Одговори Шадай Наячибро:
«Мале мило, моя мале!
Сведоме се два млады юнаци,
Сведоме се на бистро езере,
Де си поятъ добри коне вода,
Язе со-съ Янче Капетанче;
(*Повторяется до конца ихъ столкновеніе*).

Янче ныщто ми не продума;
Яхна ко́ня, та си ойде́,
А до мене книга проводило:
Да си дойдемъ на стары боишта».
— Проговори негова-та майтя:
«Леле сино, леле Шадай Наячибро!
Зъ добра си е змія закачила:
Ты си ималъ до деветъ амиджіи [1])
И си-те деветъ одъ него умреа,
И ты чешь одъ него да умрешь;
Я си иды на стары боишта,
Да не дойде на твои-те дворы,
Да не гледамъ я твои жалове».
Послуша я Шадай Наячибро:
Та си ойде на стары боишта,
(Тамъ го чека Янче Капетанче) —
Да се бора два млады юнаци;
Проговори Шадай Наячибро:
«Фала тебѣ, Янче Капитанче!
Я си ферляй перна буздогана»;
— Проговори Янче Капетанче:
«Ты си турчинъ, ты напредъ че ферляшь».
Та си везе Шадай Наячибро,
Та си везе перна буздогана,
Везе да удари Янче Капетанче;
Зачувасе Янче Капетанче.
Та си фана Янче Капетанче,
Та си фана перна буздогана,
Та я фана у десна ръка,
И гово́ри Янче Капетанче:
«Держьсе, курво, Шадай Наячибро!
Какво че те біе болгаринъ!»

---

[1]) Тур. слово, знач. дядя.

Та заверте́ перна буздогана,
Та си удри Шадай Наячибро:
Накара го деветъ лакти у церна-та земня,
Я четыри у дребни камени.

№ 222.

(Заг.) Берков. окр., с. Чипоровци (Турлаки); 21 февр. 1880 г. записана со словъ Сима попъ-Маркова.

(Генералъ Киша измѣннически передалъ туркамъ мадьярскій лагерь).

(СКАЗКА).

Проклетъ да е, триклетъ да е
Киша Генералинъ,
Шта изда́де, шта изда́де
Логурь на Маджара.
А и издаде, и изда́де
Една шко́ля ситны де́ца
И издаде и издаде
Янче Капетанче.
Това дочу, това дочу
Тія люты Рачко:
«Тако м' Бога, мое деветъ слуге!
Я стегне́те сива Бедалія,
Я ударе́те сѣдло́ позла́тено
Дори деветъ колана;
И ударе́те аша́ посре́брено;
Те да идемъ, да си диримъ
Да си диримъ Кишу Генералинъ».
Излезна́лъ е люты Рачко,
Стегналъ е Сива Бедалія,
Запасалъ е сабля мегданлія,
И посѣдналъ е сива́ Бедалі́я;
Па улезе по́ле широ́ко:
У срѣчу му иде Киша Генералинъ —
«Тако м' Бога, Кишо Генералинъ
Е..-тю твою-ту стрѣтю!
Шта издавашь ло́гурь на Маджара?
И изда́вашь шко́ля со-съ деца,
А изда́вашь Янче Капетанче?»
Ка' по́тегнулъ тія люты Рачко,
Ка' потегну саблю мегданлію,
Та погуби Кишу Генералинъ.

№ 223.

Кост.-Бан. окр., с. Повѣстино; 9 дек. 1879 г. записана со словъ Стояна Митріева Бикъ.

(Сказка про богача и сына бѣдняка, наслѣдовавшаго все имѣніе перваго, по Божьей волѣ).

(СКАЗКА).

Ишелъ еденъ големъ чорбаджія; водилъ си со-съ него измитярье; одылъ три дни, село да си найде. Нашелъ една коли́ба, и у нея се невѣста растоварила[1]); рекелъ доматинъ: не можешь, да поминешь ту́ва, — эве́ се невѣста растоварила, та срамота е! И чорбаджія тогай рекелъ: си-те сме отъ жена, си-те сме на той редъ бивали дѣца; и тука че поминемо, на друго мѣсто не найдемо конакъ.—И сѣднали, вечера́ли си. И кога́ да легна́ли да си спіятъ, чорбаджія тогай говорилъ на негови измитярье: «спите! да спіеме! что че сонъ да видиме, и заютре да ми кажете». И спали, и ютре стана́ли; си-те си кажали свой сонъ; еденъ си трае не кажуе, и чорбаджія-та го прашуе; и онъ тогай си кажу́е: «срамота си е, да ти кажу́емъ». — «Кажи». И тогай онъ сонъ кажуе: «това дете́ мало тебе да ти яде́». — И той чорбаджія пойде́ си, да си иде; и дете-то си искупи отъ башта и майтя, та го носи́ до една пештера—до камикъ носи́. И тогай на измитярье говори: «Това ли мене мало че ме яде?» и го ферли отъ камикъ доле. И имало тамо мечка, мечка со-съ меченца; та си прибера она дѣтенце, да е чува. И пойдатъ ловджіи на ловъ да идатъ; идатъ сви кодъ пе́штера-та; спаднато си дѣтенце и меченца да си играятъ; погнаха ловджіи, да ги фанатъ, тія си скріятъ—и меченца и дѣте́нце у дупка-та; и ловджіи не могли да ги фанатъ. Па си ойдатъ ловджіи кодъ една ба́ба, па си кажатъ на баба: бабо! найдомо си мече́нца и едно́ дѣтенце; погнаме си, да си фанемо дѣтенце-то, и оно́ рипна́, та си скри у дупка-та. Како че ни кажешь, да го фанемо?» И баба-та рекла: «идете, сино, у папук-

[1]) Разрѣшилась отъ бремени.

чіе-те; да си земе́те едны кондуры, да си турете до ду́пка-та; ка' че излезнатъ меченца-та и дѣтенце-то, че обуе дѣтенце ко́ндуры-те, онъ со-съ кондуры-те не може да се улезне у дупка-та. Учинили тако ловджіи и тогай го фана́ли, и го одвели на еденъ х̓анъ. И го е тогай х̓анджія одъ них̓ъ зема́лъ; и имъ далъ, што испили, што изъѣли, а они́ го тогай на х̓анджія дали́. И слушало́ дѣтенце дваесе годинъ у тое х̓анджіе. И тогай си чорбаджія па-й намѣрилъ на той х̓анъ, и тогай беендисовалъ[1] момчето; и тогай той чорбаджія прашалъ той х̓анджія: «оты го викате мечкарь?» И тогай му х̓анджія кажалъ: «ловджіи го фанали одъ тая пештеры тамо; мечка го е издо́йла съ мечета; та го ловджіи доне́соа, та се семъ язе земалъ одъ них̓ъ». — И тогай се той чорбаджія сетилъ, дека го е онъ ферли́лъ, и па мысли, да го во́ды, да го-воды, да го сотрее па. И го зема отъ х̓анджія-та, та му исписа книга, та го прати́ на неговъ домъ; и писа у книга: «многу здравье на доматинка-та! това момче — да го пратышь у овни-те, и да кажешь на овчарье́-то, да го сцкнатъ со-съ псета-та, да го удаватъ псе-та». И това́ момче пойде, че иде. На срѣшта му овчарь (самъ Господь) пладнувалъ си подъ верби до дру́мъ; и мечкарь реке́лъ: «помози Боже, дедо!» — Далъ ти Богъ добро, синко! «И тогай рекелъ деда: «каде́ че идешь, синко?» — «Мене еденъ чо́рбаджія уцани́лъ, и ми книга даде, запечатилъ е». Рекелъ деда: «дай ми, синко, да погле́дамъ тая кни́га». И тогай погледалъ одъ тая книга, та му пише старецъ одъ дру́га кни́га. У друга-та книга пише: «многу здравье на доматинка-та! Това язе момче пратих̓ъ; кога́ дойде́ това́ момче, да викашь кумъ и старойтя, и сватове, и мома́-та да му вѣнчашь; а каде́ дойдемъ, това, кадъ сте не заверши́ли, живо́тъ одъ васъ не́ма».

Три дни по свадба-та, дойде́ той чорбаджія, и погледна́, та си виде́-негова-та штерка вѣнчана, вѣнчана за момче-то. И чорбаджія на доматинка-та си ныштo не кажуе. И вечеръ, се стемнило; и си ошли, та си легнали момче и мома́-та. И тогай чор-

---

[1] Вспомнилъ.

баджія говóри на негова-та домати́нка: «Э. вие свадба провихте, и я тува се незгодихъ. Иды ода-ранъ да раскарашь зето, да докáра одъ овците три овна. И си тогай чорбаджія напреть си пратилъ абаръ на овчарье-то: «когá дойде човѣкъ, вие да секнете со-съ песета-та да го песета удаватъ».

И тогай стина доматинка-та, да раскара зéто. Па зето си и мома легнáли и се призернáли: баба-та не могла да ги развика. Па си ойде, та си вика нейны-те синъ, та си го праты него за три овна да докáра, а башта му да зіяфеть прáви. И тогай ойде сино и та найка на овчарье-то; и овчарье-то него секнали, та го песета-та удавили.

И тогай стане собалье чорбаджія та и си праша доматинка-та: «пратила си момче, да докара одъ овни-те? И она рекла: «пратихъ наше-то момчé». И тогай се чорбаджія загне, та си отерчи кодъ овчарьé-то, и си тогай найде неговие си синъ, дéка го песéта удавили, раскинали. И тогай жечка пукне на чорбаджія, та си умре.

И тогай на мечкарь стока останала. Онъ мало на чорбаджия ручалъ.

№ 224.

(Нѣсколько пословицъ).

Дойдé ми умъ, ама бѣгá умъ (Пирот. окр.).

Ћени мома да не дома (с. Бобошево Дупн. окр.).

На чій возъ возишь, тому пѣсень поёшь (Пирот. окр.).

Свакій петелъ пое на свое бунище (Пирот. окр.).

ПРИБАВЛЕНІЕ.

1) Млечный путь носитъ у Болгаръ въ Пиротскомъ округѣ названіе «Слама». Названіе это народъ объясняетъ такъ: былъ случай, что кумъ у кума укралъ солому; путь кума-вора пролегалъ по тому пути, который виднѣется на небѣ; когда онъ несъ украденную солому, то отдѣльные стебли ея упадали на пути, и оттого виднѣющійся на небѣ путь называется «Слама».

2) Въ Радомірѣ говорятъ, что юнакъ Марко живъ; его гроба нѣтъ нигдѣ; въ настоящее время онъ сидитъ въ планинѣ Балкана «Ада», которая находится среди моря.

3) Близь деревни «Извора», Радомірскаго округа, на пути отъ Радоміра въ Кюстендиль-Баню находится городище (= градиште), гдѣ, говоритъ народное преданіе, былъ городъ, во время Болгарскаго царства. Близь этой мѣстности тянется планина Слива, соединяющаяся съ По́логъ-планиною.

4) Сёла въ Радомірскомъ округѣ по правую сторону шоссейной дороги, если ѣхать изъ Радоміра въ Кюстендиль-Баню, извѣстны подъ однимъ общимъ названіемъ «Пьяница»[1]), а по лѣвую сторону — «Кра́ишта». Краишта начинается отъ села Лобошъ вверхъ. Сёла, идущія внизъ отъ села Лобоша, съ городомъ Радоміромъ извѣстны подъ однимъ общимъ названіемъ «Мрака». Послѣднее названіе обязано своимъ происхожденіемъ тому, что здѣсь бываетъ частый туманъ (= макъ).

---

[1]) Часть «Пьяницы» осталась за Турціей по берлинскому договору.

Считаемъ необходимымъ сдѣлать замѣчаніе о выговорѣ употребленныхъ въ этомъ сборникѣ нѣкоторыхъ новыхъ знаковъ.

Знаки *а̔* (а̔рмосана), *е̔* (е̔зеро-182), *и̔* (и̔ня), *о̔* (о̔ды) должны быть произносимы съ придыханіемъ, на подобіе латинскаго h, т. е. ha, he, hи, ho.

Въ произношеніи другихъ гласныхъ читателя можетъ затруднить произношеніе *е* въ такихъ случаяхъ, какъ не́бо и голе́мъ, наряду съ голѣ́мъ. При неустановившемся болгарскомъ правописаніи[1]), составитель сборника не могъ избѣжать непослѣдовательности, которую онъ и отмѣчаетъ, и въ настоящемъ мѣстѣ предлагаетъ вниманію читателя имѣть въ виду разницу въ произношеніи такихъ случаевъ, какъ небо и големъ: въ первомъ *е* твердое, приближающееся къ *э*, во второмъ оно мягкое, приближающееся въ произношеніи къ *к* и *ѣ*. Произношеніе перваго случая извѣстно всякому ознакомленному съ болгарскимъ нарѣчіемъ, гдѣ звукъ *н* имѣетъ всегда твердое произношеніе; но относительно втораго случая этого сказать нельзя, такъ какъ произношеніе звука *л* въ однихъ мѣстностяхъ мягкое, а въ другихъ твердое.

Осторожный читатель, надѣюсь, всегда будетъ имѣть въ виду основныя особенности произношенія звуковъ въ болгарскомъ нарѣчіи. Разница произношенія *е* въ различныхъ мѣстностяхъ Бол-

---

[1]) Какъ объ этомъ пишетъ (14 апр.) мнѣ проф. М. С. Дриновъ.

гаріи условила и подобное правописаніе въ этомъ «сборникѣ», какъ сте́ и эте́, въ первомъ случаѣ *е* мягкое, во второмъ твердое.

Въ отдѣлѣ согласныхъ звуковъ отмѣчаемъ начертаніе *х̆*, которое по своему произношенію соотвѣтствуетъ латинскому *h*.

Въ прилагаемомъ словарѣ удержано правописаніе «сборника». Въ словарь внесены и такія слова, которыя не находятся въ сборникѣ, какъ напр. слово слънце въ различныхъ его видоизмѣненіяхъ по говорамъ и др. Составитель словаря нашелъ возможнымъ сдѣлать это на томъ основаніи, что онъ такимъ образомъ желалъ представить пробные листы задуманнаго имъ обстоятельнаго болгарскаго словаря по говорамъ, отсутствіе котораго сильно чувствуется въ наукѣ. Знатоки дѣла будутъ имѣть возможность сдѣлать ему свои замѣчанія, которыя послужатъ къ болѣе удачному выполненію его задачи. Въ данную минуту онъ заручился уже обѣщаніями М. С. Дринова, А. Л. Дювернуа и И. В. Ягича на полнѣйшее содѣйствіе полезному дѣлу.

Полагаясь на содѣйствіе другихъ лицъ, составитель считаетъ долгомъ выразить свою признательность болгарскому офицеру А. Ѳ. Бендереву, обучающемуся въ нашей Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, который уяснилъ ему значеніе нѣкоторыхъ словъ, и знатоку турецкаго языка В. Д. Смирнову, который съ величайшею готовностью исполнилъ не легкій трудъ — проставилъ транскрипцію турецкихъ словъ. Составитель питаетъ себя надеждою, что и впредь они будутъ помогать выполненію задуманнаго имъ плана.

В. К.

С.-Петербургъ, 20 апрѣля 1882 г.

СЛОВАРЬ.

А.

Аберъ, а́беръ (тур. хаберъ), вѣсть, извѣстіе.

Абсанъ, а́бсенъ (тур. хабсханэ́), арестъ, заключеніе (Пал. № 84).

Абсанджія (тур.), тюремщикъ (ibid.)

Ага́, если, пока (Заг. 49).

Аджамія (т. аджемѝ), неопытный (Соф. о. с. Суводолъ, № 12).

Азна́ (тур. хазинэ̀), казна.

Айва́ръ (тур. хавья́ръ, возникшее изъ французскаго caviar), икра.

Айде, а́йде (тур. гайдэ̀), идемъ, пойдемъ.

Айманлія (на главу му златна айманлія), золотая монета, какъ принадлежность головного убора (К.-Б. ок. с. Жилинци, 113); быть можетъ въ сравненіе идетъ тур. айналы, зеркальный.

Айнаджія (тур. яланджи), обманщикъ (Трен. окр. 60)

А́кълъ, (Радом.) акы́лъ (тур. акылъ), умъ, смекалка.

Ала́лъ (тур. халàлъ), прощеніе К.-Б. окр. 185).

Алка (тур. халка́), петля, узы (Радом.).

Ама. (тур. амма) но, а.

Амиджія (тур. амуджа), дядя.

Аму́тъ (тур. хаму́дъ), хомутъ (г. Радоміръ).

Анъ, а́нъ (тур. ханъ), гостинница.

Анджія (тур. ханджи), содержатель постоялаго двора.

Анѐма (тур. ханымъ), гаремная женщина, жена.

Анстъ (тур. адэтъ), обрядъ (анстъ прекарали). (Трен. окр. 213).

Апати, апнути = хапати, хапнути (Дупн. окр.).

Арамлія (тур. харами́), разбойникъ (К.-Б. окр. с. Жил).

Ара́чъ, а́рачъ (тур. хараджъ), подать.

Аре́мо (тур. харэмъ), гаремъ.

Аренъ, а́ренъ, на, но, добрый, хорошій.

Аре́сати, (греч. ἀρέσκω, ἀρέσω) нравиться, выбрать, высмотрѣть дѣвушку, женщину, (Рад. 124), обыкнуть (Бр. о.).

Аржа́, рожь (Кюст. о. с. Невѣстино).

Ари́звамъ (греч. χαρίζομαι), дарить.

Армо́самъ (греч. ἁρμόζω, ἁρμόσω), обручить.

Арти́шка (греч. χαρτίον), ли-

сточекъ (Турлаки, с. Чипоровци).

А́рчимъ, арчи́мъ се (т. харджъ), расходовать, тратить.

Аске́ръ (тур. аскэръ), регулярное войско.

Атеръ (тур. хатыръ), благорасположеніе, милость.

Атълъ, лавка (Брезн. окр. с. Бабица).

Ачи́къ (тур. ачыкъ), свободно, (Соф. окр. 119), открытый.

Ащійтя, (тур. эси́ръ?) рабыня (Стига, брала, я ащійтя била) (Трен. окр).

Б.

Баба́я (тур. баба) (= башта), отецъ.

(да) Ба́де, да будетъ (Заг.).

Баджа́ (тур. баджа), дымовая труба.

Бадни вечеръ, сочельникъ.

Баднякъ, полено, горящее въ праздникъ «бадняго вечера».

Базе, особенная вонючая трава (Заг. 48).

Бакши́шъ (тур. бакшишъ), даръ за услугу (=рус. на чай).

Бала́, блоха (Пир. о. Темско).

Ба́ра, небольшая рѣченка, потокъ, ручей (Вр. о. Прекодѣльци,— Заг. Слати́на).

Барабаръ (тур. бэрабэръ), вмѣстѣ (217).

Баремъ, бари (тур. бари), даже, по крайней мѣрѣ.

Бармулі́я (тур. бурмалы), спираль, буравъ (перстенъ бармулі́я) (Трен. о. 125)

Барья́къ (тур. байракъ), знамя.

Ба́та, старшій братъ.

Ба́тя, въ обращеніи младшаго къ старшему (Джум.).

Бачи́ло, мѣсто, гдѣ приготовляется овечье масло (214).

Бачія (кога́ мълзу овце, викасе бачія, Брезн. окр. с. Бабица).

Башъ (т.), точь въ точь.

Ба́шка и башка́ (тур. башка́— башка́), различно, порознь.

Башти́ца, батюшка (Брезн. о.).

Бегли́къ (т. бейликъ), подать, состоящая въ взиманіи десятой части съ овецъ и козъ.

Бегли́чки, прил. (тур. бейликчи), относящійся къ этой подати.

Бегличія (тур. бейликчи́), собиратель беглика.

Бедовія (тур. бедави́), арабская лошадь.

да Беседисовамъ, вспомнить (223).

Белки (т. бэль-ки), вѣроятно, быть можетъ. (К. Б. окр. с. Жилинци 113).

Бе́льтимъ, развѣ.

Бельчу́га, бельчу́гъ (тур. бэлэзи́къ), кольчуга, кольцо съ гвоздемъ (Пир. о. Темско, Мосра).

Белѣ́гъ, знакъ.
Белюва́ (Пал. о. Церноклиште), бѣленье.
Берберъ (тур. бэрбэръ), бородобрей (Трен. окр. 130).
Бербо́й, картофель (Джумая).
Берго (= берзо) (Вран. окр. Дервенъ).
Берите́то, берите́тъ, (тур. бэрэкэ́тъ), урожай, плодородіе, изобиліе. (К.-Бан. о. с. Жил. 37).
Берите́тни (тур. бэрэкэ́тны), урожайный.
Берло́гъ, берлогъ (Пир. окр. Темско).
Бетяръ, бетяринъ (тур. бикяръ), холостякъ (о. Пир. Берк.) (Турлаки, Чипоровци).
Бе́чви-те (бечви те ти се на страна—214, бочки).
Би́волъ, буйволъ самецъ.
Биво́лица, буйволъ самка.
Би́къ, быкъ (Джум. Пирот. о.).
Билюръ (тур. биллю́ръ); рюмка, стаканъ.
Бине́къ-ками́ко (тур. бинѐкъ-даши́), камень, къ которому подводятъ лошадь, для того чтобы сѣсть на нее.
Бинекчі́я, множ. бинекчіи (тур. бинекчи́), ловкій при всѣданіи на лошадь съ камня «бинекъ». (Радом. окр. 137).
Биса́дзи, биса́ги, подорожные сумки.
Бити́самъ (тур. битирмэкъ), совершенно уничтожиться.
Близна́къ, близнецъ.
Близна́киня, ж. п. близнецъ.
Близни́ца, сталь (Соф. окр. 189).
Божи́чъ, Рождество Христово.
Божуре́къ, піонъ, Марьинъ корень.
Боза́ти, сосать, высасывать (деньги).
Боздога́нъ (тур. боздога́нъ). дубина.
Боймі́я названіе горы въ Македоніи, близъ г. Девгеліи, гдѣ деревня Боймица.
Бо́ленъ, больной (язе бѣхъ боленъ, с. Врабче́, Джум. окр., — с. Верба, Радом. окр.).
Больняи́въ, а, о, болѣзненный (Трен. о.).
Болѧринъ, бояринъ (К.-Б. о с. Невѣстино).
Боля́чка, рана (Джумая).
Боръ, сосна (Пир. о. Темско).
Борна, борина, лучина (Джум. окр.).
Босилёкъ, василёкъ.
Боска, ти́тька, (Заг.).
Боски, двойств. ч. род. п. боску, титьки (Трен. о. 120).
Ботни́че, (кучета са ботничета Стар. Пл. 47), боченокъ.
Браби́някъ, брави́някъ, муравей (Пир. о. Темско).
Брава, замокъ (Пир. Джум. о.).
Бремба́ръ, шмель, трутень.
Бре́хамъ, лаять, брехать (Джум.).
Бриса́тиси, утираться (Радом. окр. 122).
Брични́ца, сабля (Соф. окр.).
Брояни́ца, четки (Пир. окр. с. Сопотъ).
Бубре́къ, печонка (Заг. с. Верше́цъ).

Будала́, дуракъ, безтолковый.
Будзоганъ см. бодзоганъ.
Буздоанъ, буздоганъ см. боздоганъ.
Бу́ло, покрывало, фата.
Булуле́а, сова (Пир. о. Темско).
Бульбуль (тур. бульбуль), соловей (Макед. окр. Монастыр.).
Булюкъ-баша (тур. булюкъбаши́), начальникъ отряда, капитанъ.
Буна́ръ (тур. буна́ръ), колодезь.
Буни́ште, куча гноя (Брезн. о.).
Бурма́, шлюбка (Радоміръ).
Бурунджу́къ (тур. бюрюмджу́къ), родъ матеріи, изготовляемой изъ шелку и шерсти.
(да) Бу́тнемъ, ударить въ бокъ.
Бутъ множ. бути (тур. бутъ), окорокъ (Радом. 104).
Буха́лка, валёкъ для катанья бѣлья.
Бъкълъ, боченокъ (Брезн. о. Бабица).
Бъкле (тоже).
Бъчва, бочка (Ак. Пал. окр. с. Оресовци).
Быде, будетъ (Соф. о. с. Суводолъ).
Бѣга́лецъ, бѣженецъ (Джумая).
Бѣгли́къ, бѣгликчія (тур. см. бегли́къ, бегликчія).
Бѣлото́къ, бѣлокъ въ яйцѣ (Заг. с. Вершецъ).
Бѣ́льтя, бѣлокъ (Дупн. окр. Бобошево.

В.

Važé, веревка (Джум.).
Вакли́ (овнове), бараны, имѣющіе черные кружки около глазъ.
Ваклошина, ягненокъ (Заг. 38).
Вали́мъ, падать въ изобиліи (снѣгъ вали́, (Джумая).
Ва́ма, (тур. ва́мъ «долгъ»?) торговая пошлина за право въѣзда въ городъ съ товаромъ. (Заг. г. Берковецъ).
Ва́нгеліе, евангеліе (Кюст.—Б. окр. 42).
(да) Ва́рам, обращать вниманіе,
(да) се Варам, остерегаться.
(да) Ва́рдим, стеречь, охранять.
Варошь (венгер.-тур. варо́шь), городъ.
Варъ, известь (Бр. о. Бабица).
Васу́ль (фр.-тур. фасу́лія) фасоль (Тр. окр.).
Вата́ти, хватать (Пир. окр.).
Вгемія см. гемія. (Дупн. о. 68).
(да) Ве́лим, говорить.
Ве́неръ (тур. фэнэ́ръ), фонаръ (Соф. окр. Сливница).
Веръ, ве́рове, верхъ (Соф. о. Сливница).
Вервѣти (тур. вармо̀къ), идти, направляться (Загорье).
Вергія (тур. верги́), подать, пошлина.
Вересія (тур. вэрэси́), кредитъ.
(да) Ве́рзам, вязать, привязать.
Верига, цѣпь, узы (Пиротъ).
Версъ, возрастъ (Заг. Турлаки, с. Чипоровци).

Вертни́ко, ворота (Заг. 70).
Верши́тба, молотьба лошадьми (Заг. Берков.).
Верши́ти, молотить лошадьми.
Вѣ́штица, мотылекъ, летающій почью (Пир. окр. с. Ореовицъ).
Вештъ, вещь (Р. окр. с. Верба).
Ви́довати, видывать (не самъ видовалъ (Р. окр. с. Верба).
Вие, вы.
Ви́кам, звать, кричать.
Ви́рушка (по негу иде вирушка — Соф. о.), завируха, вихоръ.
(да) Викна, позвать.
Вита́лъ, заклопка (Пир. окр. Темско).
Вишли́, видѣли (Радом. 46).
Взалка́ти, (Вр. окр. с. Преködѣльци на Сурделич. полѣ).
Вла́жно, влажно (Р. о. с. Верба).
Вне́тра, внутри (внетра не бѣше влезохъ, Джум.).
Вно́гу, много (Самоков. окр.).
Воздоганъ, воздоанъ см. боздоганъ.
Войстя, войско (Самок. окр.).
Во́ло, волъ (Джумая) множ. ч. волови́ (Заг. Аджійска-Маала).
Вора́ (а маждракъ му одъ вори истрошено—Трен. о. 183.)
Вору́на (тур. фуру́нъ) форуна, печь (Пир. о. с. Сопотъ).
Воскра́й, въскрай (Джум. о.).
Вошта́нъ, множ. вошта́не, жандармъ (Радом.).
Врануша́ты, черноватый, чернаго цвѣта (Соф. окр. с. Суводолъ № 10).
Враби́къ, врабче́, воробей (Кюст. о. Невѣстино).
Врами́некъ, муравей (Радом. о.).
Вредъ, вредъ (Пиротъ).
Врезъ, поверхъ (Дупн. окр. 131).
Врѣти, варить (Рыло), за-врѣти, заврѣло (ib.).
Всѣки (Знепольск. жупа с. Калне), всѣ́кій, всѣко, всякій (Джум.).
Вузда́, узда (Пиротъ).
Ву́лна, во́лна (Турл. с. Копиловци).
Вурка (т. öрэкэ́), прялка (Радом.).
Вче́ра, вчера (с. Жилинци, Кюст. окр.).
Вчера́шни, вчерашній (Джумая, (с. Керджево).
Вькъ, волкъ, но «много во́лци» (Джумая).
Вълкъ, множ. ч. вълци (Загорье с. Слатина); но волко́ (ib.) волкъ.
Вълна́, волна́ (Пир. окр. Темско).
Въслѣдъ, тотчасъ, послѣ (Дупн. окр. с. Бобошево).
Выме, вымя (К.—Б. окр., Вербникъ).
Вѣ́рляти (тур. фырлатма̀къ), бросать.
Вѣ́джа, множ. ч. вѣдже́, бровь (Пир. о. Суково).
Вѣжди ц-слав. вѣ́жди. (К.—Б. окр. 88).
Вѣтеро́, вѣтеръ (Кюст. окр. с. Вербовникъ).
Вѣтеръ (вѣтеръ па иска да дуне, Кюст. окр. с. Невѣстино).
Вѣтрокъ, вѣтерокъ (Загорье, Берков. окр. 150).

Г.

Гава́зъ (т. каввасъ), жандармъ.
Газка и гызка, гуска (Джум.).
Гайда́ (тур.), волынка.
Гайле́ (тур. галлэ́), печаль (Кюст. окр. с. Жилинци).
Га́лабъ, голубь (К.-Бан. и Берк. окр. 30).
Га́ля, глезе, баловство (Тырнов. и Филип. окр.).
Ганды (тур. ханэ дамы), крыша (Соф. окр. 119).
Гарванъ и гавранъ (гавранъ гащи (Брезн. окр. с. Бабица), воронъ.
Га́ска (Кюстенд. окр.), см. газка.
Га́че, гати (Брезн. о. Бабица).
Гезде́ръ (тур. гездэръ = проводи), прохаживайся.
Гези́е (тур. гезмэ), прогулка (да пооды малку по гезие Радом. о. 124).
Гемія (тур. гэми́), корабль, судно.
Гемиджія (тур. гэмиджи́), перевощикъ, матросъ.
Ге́рменье, громъ; народное объясненіе грома слѣдующее: «Св. Илія прека́ра бачію» (см. бачія). (Брезн. окр. с. Бабица).
Ге́рчавъ, тощій, исхудалый (169).
Гидія (тур. йнги́тъ), удалецъ.
Ѓидра, о, хитрая, ое (Радом. 82).
Главина, центръ колеса (Пир. окр. Темско).
(да) се Главимъ, наняться.
Гласъ, голосъ, эхо.
Глето́, долото (Дупн. окр. с. Бобошево).
Глистъ, множ. ч. гли́сты (Лесков. окр.), червь.
Гове́до, скотина.
да се Го́димъ, сдѣлать сговоръ (о бракѣ), условиться (Заг. 70).
Го́лубъ, голубь (Лесков. и Вр. о.).
Гороли́лякъ, летучая мышь (Пир. о. Темско).
Госпо́дна, госпожа, хозяйка. (Дупн. о. с. Рыло).
Гочку́ръ, см. учку́ръ (169).
Градушка, ум. отъ градъ, градъ (Соф. окр. 108).
Грегу́рица, горлица (Пир. о. с. Ореовицъ).
Греда́, млрс. гря́да (въ потолкѣ дома) (Пир. окр. с. Сопотъ).
Гри́вна, часть руки въ изгибѣ рукояти (Пир. о. Темско), обхватывающій «главину» обручъ (ibid.).
Гри́жа, забота, безпокойство.
(да) се Грижи, опечалиться, озаботиться.
Гримна, гривна (Ак.-Пал. окр. с. Топольница).
Гро́здье, виноградъ.
Гугу́тка, голубь съ бѣлыми перьями (Дупн. окр. Бобошево).
Гугущи́ка (тур. гöгерчинъ-голубь?), горлица (Заг. Берков.).
Гулемъ (= големъ), большой (Радом.).
Гу́ня, гунька, одежда широкихъ размѣровъ (Заг. с. Вершецъ).
Гунька, башлыкъ, капишонъ (Брезн. о.).
Гурка, см. вурка (Заг. 48).

Гуса́къ, гусь самецъ (Пир. окр. Темско).

Гу́ша, горло, глотка, (Заг. Слатина).

Гу́штерица, ящерица (Соф. о. с. Бутунецъ).

Гьрдыти, хрюкать (свыня́ гьрды́ (Брезн. окр.).

Гьрманъ, кустъ (тур. урма́нъ-лѣсъ?), Пир. окр. Темско).

Гьрсница, конопля (Пир. окр. Темско).

(да) Гъ́лтамъ, глотать (Тр. окр. Баба).

Гърстъ, конопля (Заг.).

Гърчавъ, плоховатый, негодный (Соф. окр.) см. герчавъ.

Гысты, густой (Заг. 25).

Гяуринъ (тур. гявръ), невѣрный (т. е. христіанинъ).

Д.

Дабъ, да́бово де́рвьє, да́бови деpве́та (Джум.),—дубъ.

Дъбъ, см. дабъ (Джум.).

Давна́нъ (= тавнанъ), темница (Тр. окр.).

Дале́чино, дальнее (Заг. 48).

Дали, или.

Даль, или.

Дажь, дежь, дъжь (Пир. окр., с. Берлогъ); дашь, даждь (Заг. с. Слатино, Панчевци); дужь (Стар. план.); дошь, дышь (Джум. о. Копиловци),—дождь.

Двама, двамина, двоица, двое.

Два́яны, а, о, двойной, ая, ое, (Заг. 94).

Дели-баша (тур. дели-баши), сержантъ.

Дено, день (Дупн. о. Рыло).

Дерводѣлецъ, плотникъ (Джумая).

Дёрда́нъ (тур. герда́нъ), ожерелье (Бр. о. Бабица).

Де́ржка, рукоятка (Заг. Турлаки).

Де́тко, дитя (Радом. о. с. Верба).

Джамі́я (тур. джа́ми), мечеть.

Джана́мъ (тур. чуна́нъ=такъ?), можетъ быть, вѣроятно.

Джеле́пинъ (тур. джемебъ, «живой товаръ»), торговецъ скотомъ, правительственный счетчикъ овецъ и козъ.

Джепъ (тур. джебъ), карманъ.

Джуа́по (тур. джевабъ), отвѣтъ.

Джуракъ (тур. чайла̀къ), польск. szulak), ястребъ (Заг.).

Дзверь, ове (Брезн. о. с. Бобица, Пир. о. Церноклиште), звѣрь.

Дзевни́ца см. зевница (Трен. о.).

Дзенгі́я (дур. ӳзенгѝ), стремя въ въ сѣдлѣ (Пир. о. Темско).

Дзвѣзда́, звѣзда (Джум., Заг.).

Дива́нъ (тур. диванъ), совѣтъ.

Дизги́нь (тур. дизги́нъ), поперечный ремень въ уздѣ (Радом.).

Дира́-та, слѣдъ (214).

Дискусъ, множ. ч. дискузье́ (греч. δίσκος), подносъ (Джум.).

Дисáдзи (Ак.-Пал. о. с. Топольница), см. бисáдзи.

Длань, долонь, ладонь (Темско).

Длъгъ, а, о, долгій (Соф. о. с. Суводолъ и Джум. № 12), — дълги (Зал. с. Слатино), — дългъ, долгій (Пир. о. Темско).

Дълбóки, глубокій (Заг.).

Длыби́на, глубина (Македон. Мельник. окр. № 9).

Доби́токъ множ. ч. добици, скотина, (Радом. окр. Верба).

Довóлно, довольно (К.-Б. о. с. Вербникъ).

Догáнъ (тур. догáнъ), соколъ изъ малыхъ; ихъ дѣлаютъ ручными (Заг.).

Дождéцъ, дождикъ (Заг. Берк. о.)

(да) Докара, пригнать.

Домóска, домой (К.-Б. окр. 43).

Домъ, домъ (Лесков. и Вран. о.).

Дóнове, (тур. донъ) подштаники (169).

Досегá, донынѣ (Пир. о. Ореовицъ).

Досéтница, находчивая, толковая, (Пир. окр. 83).

Достъ (тур. достъ), множ. дóстове, пріятель, креданный, расположенный, (Соф. о. 119).

Дрешка deminut., дреха, дрея, верхняя одежда (Соф. о. 126).

Дрóпле, дропъ (птица) (Соф. о. Бутунецъ, Сливница).

Другакво́, иначе (другакво́ чети́мо, поéмо — Дуп. окр.).

Дубáрь, дубъ и вообще дерево, негодное на постройку (Пир. окр. Темско).

Дýбье (собир. слово), множество дубовъ (Вран. окр.).

Дувáръ (тур. дуваръ), каменный заборъ въ родѣ стѣны, стѣна.

Дугмé (т. дӧвмэ́), пуговица (Заг.).

Дугонджíя (тур. dugondji), слуга, служитель.

Дудýкъ (тур. дӱдӱкъ), свистёлъ (Пирот. окр. Темско).

Дулгéръ (тур. дюльгеръ), множ. ч. *и*, мастеръ, каменщикъ, плотникъ (Соф. о. Челопечино).

Дума, слово, рѣчь.

(да) Дýмамъ, говорить.

Дунгéръ, каменщикъ (Трен. о. 120); см. дулгеръ.

Дурбисна, (тур. дурби́нъ) бинокль (220).

Дурь, дуръ (тур. доврý), прямо, лишь только.

Дутя́нъ (тур. дуккя́нъ), множ. тя́ны (Турл. с. Желѣзна), лавка, магазинъ.

Душéкъ (тур. дӱшэкъ), матрацъ.

Душманинъ (тур. дӱшмэ́нъ) непріятель.

Дъскá, доска (Тр. о. Бабица).

Дѣлъ, дёлъ, предѣлъ, горный хребетъ, отдѣляющій одну мѣстность отъ другой.

Дю (= ню), ее.

Дю́бре (тур. гюбрэ́ греч. κόπρος), навозъ (Радом.).

Дюгéнъ (тур.), см. дутянъ.

Дюреячíя (тур. дерьяджэ?) (на ножеве дюреячíи — Радом. окр. 187).

Е.

Ебанджія (тур. ябанджи́), иностранецъ (Заг. с. Вершецъ).
Егаби, егайби, если бы.
Е́ли, или, если.
Емъ — емъ, (тур. гемъ... гемъ?) какъ — такъ (емъ почукалъ, емъ повикалъ, Заг. Берков. о. с. Вершецъ).
Емъ (тур. гэмъ), и.
Енджи́къ (тур.), котомка, сумка.
Ергень (тур. эрге́нь), ергенинъ, множ. ергенье, парень.
Ёрга́нъ (тур. ёрга́нъ), одѣяло (Брезн. окр.),
Ере, еръ, потому что.
Ери́лье, (Радом. 83), ерина (Тырнов. окр.), шерсть изъ молодыхъ козлятъ, эрина (Филип. ок.) вообще шерсть.
Есмеръ (тур. эсме́ръ), черный.
Ете́, вотъ.
Е̔тъ, вотъ тамъ (Самоков. о.).
Е́фтинъ а, о, (румын.), дешевый.

Ж.

Жа́лба, жалоба (Пирот. окр. Ореовицъ).
Жалю́докъ, зобъ у птицы (Дупн. окр. Рыло).
Жегли́, дышло (Заг. 70).
Желе́ни, а, о, желе́нъ, а, о, зеленый (Тр. окр.).
Желна́, дятелъ (Темско).
Же́лтя, черепа́ха (Самоков. о.).
Жендаджія (тур. зинданджи́), начальникъ тюрьмы. (Радом. окр. 122).
Жеровъ, (Берков.), жера́въ (Соф. окр. Бутунецъ), журавль.
Жеръ, множ. же́рове, журавль (Пир. окр. Темско).
Жеты, желтый (Макед. 102).
Жи́вью, живьемъ (К.-Б. окр. с. Жил. 52).
Жито́ (Тр. о.), жито, ум. житце́ (Пир. окр.), жито, рожь.
Жмуре́цъ воденъ, птица, ныряющая въ воду для ловли, рыбы (с. Пастра, близь Рыла) см. гмурецъ.
Жълто́къ, желтокъ (Заг. Вершецъ).

З.

За, на (три черика иска за деветъ, три четверти на девятый часъ—Джумая).
Забъ, зубъ (Кюст. окр.).
Забоварити, забыть (Пир. о. Темско).
За́бора, (= заборпха), забыли (Дупн. о. 31).

Зави́тисе, зависе, взвиться (Заг. Берков. о. Верше́цъ).

Зага́ра, (тур. загàръ) охотничья собака. (Радом. окр.).

да Заглависе, волъ заглависе, т. е. волу, запряженному въ ярмо, положено подъ горло желѣзо, которое его слегка колетъ и заставляетъ скорѣе ходить въ плугѣ. (Соф. о. с. Сливница).

Загле́ла, завидѣла (Заг. 48).

(да) Загонясе, побѣжать (Дупн. окр. 190).

За́йчера, завчера (Турл. с. Чипоровци, с. Копиловци).

(да) Закачи́м, дать кормъ лошади (бѣла рапсалища да ми закачешь—Заг. 94).

(да) Зали́бим, взять въ жену (Соф. окр. 143).

За́логъ, кусокъ, сколько можно откусить (Ак.—Пал. о. с. Ор.).

Зало́гъ, залогъ (тамъ же).

(да) Замашкамъ, дотронуться, коснуться (и го, море, замашкала — Пир. окр. 130).

Занаятъ (тур. сана́тъ), ремесло.

Заръ, развѣ.

Зашь, зачѣмъ (Соф. окр. 126).

За́яцъ, заяцъ (Лесков. окр.).

Збо́рити, збора́вити разговаривать (Брезн. о.).

Звій, змій (Брезн. окр.).

Звонце́, Звонче́нце } Радом. о с. Верба.

Зглабъ, сгибъ руки (Пир. о. и др.

Згоды́мъ, попасть въ цѣль (Радом. окр.).

Здра́вецъ, родъ растенія.

Здра́вица, водка (Радом.).

Зе́вня, земля (Вр. окр. Дервенъ, с. Преденъ).

Зевни́къ, погребъ (Брезн.).

Зеере́, зерно (Загорье, Слатино).

Зелва и зълва, золовка (Трен. окр. 29).

Зембеле́къ, (тур. земберѐкъ) щеколда (Дупн. о. Бобошево).

Земня́ (Лесков. о. с. Герделица).

Земни́ца, погребъ (Кюст. окр. с. Невѣстино).

Зендаджія, зондаджиче (тур. зинданджи) начальникъ тюрьмы (К. Б. окр. 123).

Зенди́нъ (тур. зенги́нъ), богатый (Заг. 42).

Зе́рно, зерно (Пир. окр. Темско).

Зеръ, (тур. зира́) такъ какъ, потому что. (К. Б. окр. 81).

Зерче, зернышко (Заг. 26).

Зетле́нце, ум. отъ зетъ, зять (Соф окр.).

Зифе́тъ (тур. зыяфетъ), угощеніе (Заг. 22).

Зіяве́тъ, (тур.) угощеніе (Рад. окр. Верба); см. зифе́тъ.

Зла́вье, множ. зла́вья подушка (мои злавья често тураючи— К. Б. окр. с. Жил. 185).

Злиня́, злое мѣсто (Заг. Берков).

Змі́йна ры́ба, угорь (Пир. о. Темско).

Зобчи́це ум. отъ зобъ, ячмень (Пир. окр.).

Зо́лва (Кюст. с. Жил. 50) см. зелва.

Золо́та, монета въ 30 паръ (Макед. 54).
Зо́ръ (тур. заръ), неволя, бѣда (Пал. 84).
Зори́ти (одного корня съ предъидущ.), принуждать, утруждать (не зорете ваши добре коне, Соф. о. 132).
Зьяяты, зевать (Джум.).

И.

Игралі́я, играющій (К.-Б. о. 50).
Идаръ, и́даръ, а, о, хитрый.
Ижа, хижина (Трен. окр. 120).
Изва́ра, творогъ.
(да) Изва́димъ, вынять.
(да) Изго́римъ, быть поверхъ, выше чего (и мо́е коне Дорушано не може да изгори трава дѣтелина № 35, К.-Б. окр. Невѣстино).
Изетъ (тур. аза́бъ?), наказаніе (Самок. о.).
Изле́титисе, (=излютитисе), разсердиться. (Пир. окр. 64).
(да) Изма́мимъ, обмануть, провести.
Изма́ма, обманъ, измѣна.
(да) Изместимсе (и Марко се малко изместило (Радом. окр. 134), испугаться.
Изметъ (тур. хызметъ), служба.
Изметчія (тур. хызметчи), наемникъ, слуга.
Измитяринъ, Измитя́ръ, (тур. хызметкя́рь) множ. ч. измитярье́ (Джум.), наемникъ.
Измитярка, наемница.
да Изуми́, забыть (та изумиле, накое савреме? К. Б. о. 123).
Изца́димъ, выцѣдить (Кюст. о. с. Невѣстино).
(да) Изчу́камъ, (тур. чакма́къ?) выбить, выколотить.
Икиндія (тур. икинди̇), молитва передъ захожденіемъ солнца).
Икра́мъ (тур. икра̇мъ), угощеніе (Брезн. окр. с. Бабица).
Ила́мъ (тур. иля̇мъ), рѣшеніе, приговоръ судьи.
Ила́чъ (тур. ыла̇джъ), лекарство.
И́ленъ, (тур. эле́мъ — печаль?) а, о, печальный (К. Б. о. Невѣстино).
Иляда, и́ляда (гр. χιλίας, άδος), тысяча.
Имовитъ, зажиточный.
Ина́тъ (т. хымайѐтъ), спасеніе, милосердіе.
И́ндатъ (тур. имда́дъ), помощь.
И́не, и́ней (Соф. о. Сливница).
Интове (вен.-т. гинтовъ), множ. ч. колесница (Соф. окр. 121).
Иржь, рожь (К. Б. о. Жилинци).
Исе́ркатисе, высморкаться. (Рад. о. с. Бабица).
Искомкати се, причаститься (Радом. окр. 122).
Исо́камъ, закричать, огласить.
Испустъ, выгонъ (Пир. окр. Ореовицъ).
Исцерити (куче́ исцери зу́бы), оскалить (Рад. о. Бабица).
Итаръ см. идаръ.
Ичь, йчь (тур. гичъ)=ничь, совсѣмъ нѣтъ, ничего.

К.

Кабáтъ, кабаатъ (тур. кабахáтъ), грѣхъ, преступленіе (114, 214).

Кабаница (тур. капаны́ча), одежда, въ родѣ сюртука.

Кабадаія (тур. хоппá), франтъ.

Кабахатлі́я (тур. кабахатлы́), виновный.

Кагá, когда (Радом. окр.).

Кадé, куда (нима на кадé свиня́ му излéзне, Кюст. о. Вербовникъ).

Кадéна (тур. кадынъ), главная жена турка.

Кадéльтя, кудель (Заг. Клисура).

Кадія (тур. казы́), судья.

Кадылáкъ, áци (тур. казылы̀къ) (Заг. 44), **Кадълъкъ**, **кадылыкъ** (Треп. окр. 157), судебный округъ.

Кажувати (Кюстендиль) = казувати, сказывать, говорить.

Казáнъ (тур. казáнъ), чугунный горшокъ (Радом. 41).

Каи́къ (тур. каи́къ), каикъ, лодочка (Соф. ок. Сливница).

Калабалъ́къ (тур. гэлэбеликъ и калабалы́къ), толпа.

Калай (тур. калáй), олово.

Калé (тур. калчá), крѣпость, укрѣпленіе.

Калéзамъ (греч. καλέω), звать.

Кали́ште, грязь (Брезн. окр.).

Калкáнъ (тур. калкынъ = встаньте), встань, поднимись.

Камо, **камъ**, гдѣ (К.-Б. окр., Вербовникъ).

Камъ-то, къ (камъ-то дома, къ дому—Пир. окр.).

Кáня, цапля (Заг. Берков.).

Капа, шапка.

Капія (тур. капы), калитка.

Караджа (тур. караджà), чернаго цвѣта.

Карамфи́лъ (гр. καρυόφυλλον), гвоздика.

(да) **Кáрамсе**, спорить (Заг. Берков.).

Карвáпе, скоро (Заг. 70).

Кардашъ (тур. кардáшъ), сотоварищъ.

Каресъ (тур. гарáзъ=злое намѣреніе, ненависть), месть.

Касабá (тур. касабá), городъ.

Касáпинъ (тур. кассáбъ), мясникъ.

Касмéтъ (тур. кысмэ́тъ), рокъ, счастье.

Кáтерица, родъ большой мыши, съ длиннымъ хвостомъ (Пир. окр.).

Като, ка-то, какъ-то, словно.

Катрáнъ (итал. catrame тур. катрàнъ), деготь, смола (Рад.).

Катыръ (тур. катыръ), мулъ, лошакъ.

Каýлъ, закладъ (Заг. Берков.).

Каýринъ (тур. гявръ), невѣрный (т. е. христіанинъ) см. Гяуринъ.

Кахыръ (тур. агыръ), печаль, скорбь.

Качамáкъ, хлѣбъ изъ кукурузы (Брезн. и др. окр.).

Ка́шта (Р. о. с. Верба,—К.-Б. окр. Вербовникъ), Къшта (Брезник. о.), см. ку́шта.

Кевъ. кефъ (тур. кэйфъ), раздолье (Радом. 112).

Кемеръ (тур. keмéръ), поясъ для ношенья денегъ.

Ке́ра (гр. κυρία), дама, госпожа.

Керезъ (= черезъ), за край, внѣ (керезъ те да ги искарашь Ст. Пл. 47).

Керзъ, черезъ, среди (на керзъ поле калешете—Соф. о. Враждебно).

Кёравъ (тур. кöръ), слѣпой.

Керста́ты, а, о, вѣтвистый.

Кеседжія (тур.), разбойникъ, воръ.

Кесимъ (тур. кеси́мъ, цѣна, такса?), гуртомъ, огуломъ.

Кефи́ла, кефиль, (тур. кефи́ль), поручительство, гарантія (214).

Кефъ (тур.), см. кевъ.

Кеха́я (тур. кяхья́=староста), главный пастухъ.

Кехі́яты, глашатай (Заг.).

Кешиpъ (тур. джезéръ), морковь (Брезн. о. с. Бабица).

Кили́мъ (тур. кили́мъ), коверъ (Загорье, Пирот. окр.).

Кирджа́лія (тур. хуру́джъ, мятежъ), разбойникъ изъ янычаръ, турецкій бунтовщикъ.

Кирія (тур. кира́), наемъ въ извозъ.

Кириджія (тур. кираджи), человѣкъ, нанимающійся въ извозъ.

Кіяй, овчарь (Соф. ок. 119). см. кехая.

Кламбалъ, множ. кламбале (греч. κύμβαλον, τό), колоколъ, звонъ (Врач. окр. Турл. 47).

Клабé, клубé, клубокъ (Джум. Вуково).

Клепня́, рѣсница (Заг. Берков.).

Клюви́дьрво, дятелъ (Пир. о. Темско).

Клюскати (конь клюска), прыхать (г. Тернъ).

Кни́ги, карты (Джум. с. Вуково).

Книжне, письмецо (Заг. Берк. окр. с. Вершецъ).

Ковна, сажа (може ковна густо сади́ло — Брезн. ок.).

(за) Когачь, на когда же? (Джум. с. Вуково).

Коги́,—откоги, когда,—съ котораго времени (Заг. Слат.).

Коджа́, много (Турл. с. Чипоровци).

Кодко́дити, кудахтать (Пир. о. Темско, кокошка кодкоди́че).

Коза́рче, пастухъ козъ (Рад. о.).

Ко́й, когда, какъ только (Дж. 69).

Копиль, ковыль трава (Джум).

Кока́лъ множ. кока́ле (греч. κόκκαλος), кости, остовъ животнаго и человѣка.

Кокошка́рь, кушающій курицъ.

Коку́шка, названіе одной рыбы (Турл. Чипоровци).

Ко́ле, ко́лья (Рад. о. Бабица).

Колера, холера (Брезн. окр. с. Бабица).

Ко́лея, чередъ (Джумая).

Колко, сколько (Алекс. о.).

Комадъ (греч. τὸ κομμάτιον), кусокъ.

Коминъ, труба (Рад. о. Бабица).
Комшія (тур. комшу́), сосѣдъ.
Комшійтя, сосѣдка.
Коно́стасъ (гр.), иконостасъ (Рад. о. Бабица).
Ко́нь, род. п. коня́ (Вран. окр. с. Мачкатица).
Кона́рь, пастухъ коней.
Конче́нце, ум. конь (Радом.).
Копа́чка, зв. чко, копатель (Заг. 70).
Копеле, копиле, незаконнорожденное дитя.
Копри́ва, кропива́ (Пир. окр. Темско).
(да) Корди́самъ (есть тур. выраженіе «урдусу́нъ курма́нъ» = разбить свой лагерь; есть тоже «чады́ръ курма́нъ» = разставить шатеръ), поставить шатеръ.
Коре́мъ (тур. кары́нъ), брюхо (Радом. 82).
Коршу́мъ, крошумъ (тур. куршу́нъ), пуля, см. куршумъ.
Котле́нце, ум. котелокъ (Соф. о. Сеславци).
Коча́нъ (т. коча̀нъ?), кочанъ (Заг. Берков. о. с. Клисура).
Кошаръ, улей (К.-Б. окр. 88).
Кошъ, улей (ib).
Кошары см. Поя́ты, сарай, скотный дворъ.
Кра́ка, (Заг. Берков.),—Кракъ (Заг. с. Котеновци), нога.
Крама́ринъ, ум. крама́рче, старѣйшина каравана (Соф. о. 95).
Кришкомъ, тайно (Лесков. о. Копашница).
Крышма, тайно (Рыло).
Ку́бе, (тур. куббэ́), куполъ (Соф., Дупн. о.).
Кубу́ръ (тур. кубу́ръ), пистолетъ.
Ку́ка, отдѣльный гвоздь въ вѣшалкѣ,—Ку́ке, вѣшалка (Рад. о. Бабица).
Кукуме́вка, птица, издающая вечеромъ звукъ «кукумевъ»; особый родъ кукушки.
Ку́ла (тур. куллэ́), башня въ крѣпости, монастырѣ.
Кула́стра, молозиво (Пир. окр. Темско).
Курба́нъ (тур. курба́нъ), жертва.
(да) Куртули́самъ (тур. куртулмакъ = спасаться), защищать (вѣра да куртулисатъ—177).
Куруджія (тур. куруджу́), лѣсной сторожъ.
Куршу́мъ (тур. куршу́нъ) множ. — мы, пуля, наконечникъ нагайки (Заг. 94), см. коршу́мъ.
Ку́со, кафтанъ (Дпн. окр. Бобошево).
Ку́телъ, деревянное ведро, вмѣщаюшее 22 оки (Кюстенд. окр. с. Вербникъ, с. Жилинци, а въ Радом. окр. ку́тло, мѣра въ 40 окъ.
Кутія (тур. кю̆тў), ящичекъ (Брезн. окр.).
Ку'-то, какъ, словно (Заг. 49).
Кутре, собака (Кюст. ок. Жилинци).
Ку́шта, см. кашта (Дупн. окр. с. Бобошево), домъ.
Кълнъ, кленъ (Пир. о. Темско).
Кълчишта, кудель не отборная (Заг. с. Клисура).

Кърчма, корчма, магарычь (Рад. окр.).
Кырстымъ, крестить.
Кыша (Соф. окр. с. Суводолъ),
Кышта(Рад.о.Верба),см.кашта.
Кършимъ, ломать руки.
Кю, хочу (Дупн. окр. с. Рыло).
Кяръ (тур. кяръ), прибыль, барышъ, выгода.

Л.

Лаге́мъ (тур. лагы́мъ), туннель (Радом. окр. 116).
Лайно́, конскій и коровій навозъ, говно (Заг.).
Лакардія (гр. λακερός, болтливый, тур.лакырды́), рѣчь,слово (Брезн. окр. Бабица, лакардія по лакардія=слово въ слово).
Лакъ,род. п. лакта, локоть (Пир. окр. Темско).
Ла́стра, жесть (Пир. о. Моера).
Лели, если (Солун. окр.) см. ели.
Ле́ля, (тур. лаля́=няня (?), или халя́=тетка (?), тетка (Соф. о. Сливница).
Леснува́ти, быть свободнымъ, (Дупн. окр.).
(да) Ли́бамъ, цѣловать, любить (Соф. окр. № 143).
(да) Зали́бимъ, (ib) см. выше.
Ли́бе, супруга, уменьш. ли́беле, жена, мужъ (возлюбленный, ая) (Заг. 49).
Липа́, ли́па (Пир. окр. Темско).
Ли́ченъ, знатный, извѣстный (Турлаки въ Ст.-Пл.).
Ложи́ца (Брезн. Пир. и Вран. окр.), ложка.
Лома́ка, сухая вѣтвь (Лесков. окр. Копашница).
Ло́пенъ, чертополохъ, млрс. лопухъ (Дупн. окр. Бобошево).
Лъ́жля, шутниха, сваха, (Ак.-Пал. окр. Топольница).
(не че) Лы́жемъ, не буду лгать (Соф. о. Суводолъ).
Лѣ́бо, хлѣбъ.
Лѣсъ, лѣсъ (када турци заузели Българско царство, народъ бѣгалъ изъ поле́ въ лѣ́си,*) Кюст. окр. Невѣстино).
Лѣ́са (тур.), неводъ (Пирот. окр. Темско).
Лѣ́тось, нар. прошлаго лѣта (Рад. окр. Верба).
Лэпо (=лѣпо), прекрасно (Соф. окр. Опій-Цвѣтъ, 36).
Лэси, лѣстница (Радоміръ).
Любе см. ли́бе.
Любовни́ца, жена (Заг. 70).
Люска, скорлупа (Стар. План. и Заг. Копи́ловци).
Ляница, пчельникъ, ячейка (К.-Б. ок. 88).
Лятисе, литься (Заг. 26).

*) Въ то время, прибавлено, были въ Болгаріи лѣса.

М.

Ма (Заг. Моера), Мах ъ (Заг. с. Спанчевци), мохъ.

Маана́, недостатокъ (Радом. окр. 136).

Магарецъ, магаре, ум. магарче (тур. хыма́ръ?), оселъ.

Магданосъ (тур. магдано́съ), названіе травы (Пир. о. Суково).

Маге́сница (греч. гл. μαγεύω), волшебница, чародѣица.

Магла́, туманъ (Соф. о. Сливница).

Маге́рница (греч. μαγειρεῖον), кухня (217).

Магя́ръ, р. п. *а* (греч.) поваръ (217).

Мажь, множ. мажа́, мужь, мужья (Соф. Креми́ковци).

Мазга́ле (тур. мэдха́ль), отверстіе.

Маздракъ, маждракъ (тур. мызра́къ), штыкъ (Трен. 183, 66).

Макъ (=мука), мученіе (Соф. о. Челопечино).

Малестны, маленькій (Трен. окр. 120).

Маличекъ перстъ, мизинецъ палецъ (Заг. 39).

Малко, мало, немного (Брезн. и др. окр.

Ма́лкочко, малехонько (Бр. о.).

Мало, малъ, помолъ (Заг. Бер. окр. 91).

Ма́лцина, малое, небольшое число.

Ма́нджа (тур. манджа́, съ итальянск.), кушанье.

Марама (тур. макрама́), платокъ.

Маргаре, монисты (Заг. 94).

Ма́тя, мать (Джум.).

Махала (тур. махалла́), кварталъ, часть.

Маха́лко (гр. τό μοχλίον) тур. маньола́), рычагъ въ ручной прядильной машинѣ (Заг. 48).

Махмузъ (тур. магму́зъ), шпора.

Ма́ча, мать (Заг. 48).

Мачета (тур, мачи́=кошка), котята (Рад. о. Верба).

Маштея, мачиха (К.-Б. о.).

Машь (=мѫжь) (К.-Б. о. Жилинци), мужь.

Меа́на (тур. мейханэ́), кабакъ.

Меанджія (тур. мейханеджи́), содержатель кабака.

Меанджійтя, содержательница кабака.

Медвѣдъ, медвѣдь (Пир. окр. Темско).

Медя́ (=межда́), межа (Лесков. о.).

Меду, между (Алексинацъ).

Между, между (Турлаки, Врач. окр. 47).

(на) Меза́ (тур. меза́дъ), съ молотка́.

Мезликъ, мезли́чь (тур. меджли́съ), совѣщаніе, совѣтъ.

Мейда́нъ (тур. мейда́нъ), площадь, открытое пространство.

Мендюша (тур. мэнку́шь). серьги (Рад. окр.).

Ме́рва, уменьш. ме́рвка (греч. τὸ μέρος), кусокъ, часть.

(да) Мердамъ, шевелиться, трогаться (Соф. окр. 119).

Ме́ртвецъ (Брезн. окр. Бабица), мертвецъ.

Merте́ци, лѣса́ (П. о. д. Моера).

Мерудія, названіе травы (П. о. Суково).

Ме́рша, трупъ (Радом. окр.).

Метаніе (греч. μετάνοια), поклонъ, поклоненіе (Заг. 39).

Метери (т. меда́ръ?), мѣсто, точка отправленія (214).

Мецъ, зовъ кошки (Рад. окр. Верба).

Мечка, медвѣдь самка (Пир. окр. Темско).

Мешина, мѣшокъ (д. Моера).

Мизли́чъ (тур.), см. мезли́къ.

Милосты́вня, милостыня (Соф. окр. 15).

Минувамъ, пройти (оно си е па-й пресѣкло това́ платно́ бабучерно, да не мине Момчилъ вреденъ юнакъ,—Рад. о. 182).

Младе́нци, новобрачные (Трен. окр. 213).

Млѣко́, молоко (Пир. о. Темско).

Млѣти, молоть (Пир. о. Темско).

Можъ, множ. можье́, мужъ (Рад. о. 104).

Молчу = молчатъ (Трен. окр. 130 стихъ 132, а въ 135 ст. мълчу).

Момче́, мальчикъ, юноша.

Мома́, дѣвица, дѣвушка и замужняя женщина.

Мо́ровъ, *а*, *о*, валашскій, цинцарскій (Соф. окр.).

Мору́за, кукуруза (Пир. окр.).

(да Мо́чимъ, мучить (Соф. окр. Бояна).

Мо́шно, очень, много (К.-Б. окр. 81).

Мроби́нецъ, муравей (Стар. планина, Копиловци).

Мумуру́зъ, му́мурузъ (Леск. окр.), кукуруза.

Мунаси́пъ (тур. мюнаси́бъ), возможный.

Мурава (трава) (на зелена мурава улетили—с. Котеновци Заг.).

Мору́зъ, кукуруза (Пир. окр. Берло́гъ).

Мутъкъ, яйцо незасиженное (Пир. окр. Темско).

Муста́къ, множ. муста́ци и муста́ти, усъ, усы.

Муста́тьни, прилаг. усастый.

Муле́тъ (да ны даде мулетъ за едынъ мѣсецъ — Кюст. окр. 123), мухлетъ (169), время поправленія послѣ слабости, отдыхъ.

Муха, муха (Джумая).

Муша́, сосѣдъ (Джум., Дупн. о. Бобошево).

Мъгла́, мгла (Пир. окр. Суково Бабица, Брезн. окр.).

Мъжь (= мѫжь) (К.-Б. Жил. 42).

Мълзети, доить молоко (Ак.-Пал. окр.).

Мълчи, молчи (Соф. окр. Суводолъ).

Мърмо́рити, бормотать (Рад. окр. Бабица).

Мъска́, оселъ (Радом. окр.).

Мышки, *а, о*, мужескій, мужескаго пола (Софійск. окр. Бояна).

Мѣсарія, человѣкъ мѣсящій хлѣбное тѣсто (Джум.).

Мѣсте́нце, мѣстечко (Радом. окр. Верба).

Мэзэ (тур. мезэ́), легкая закуска при водкѣ и винѣ.

Мя́сто, мѣсто (Тырнов. окр.).

Н.

На, но.

(да) Наведемъсе, нагнуться, наклониться.

(да) Нага́зимъ, вступить въ воду.

Надйра (тур. гиру̑), назадъ (Самок. окр.).

На́-длъго, вдолжь (Заг. 25).

Наймайсторъ, главный мастеръ, начальникъ мастеровыхъ (Соф. окр. 121).

Найускорбенъ *а, о*, самый печальный (Ст. Пл. 71).

(да) Наканймъ, пригласить.

Накитимъсе, украситься, нарядиться.

Налба́тинъ (тур. надалбэндъ), кузнецъ (Радом. окр.).

На ли (Заг. 49), нали, если (Соф. окр. Враждебно).

(да) Наму́зимъ, надоить (Соф. окр. 16).

(да) Напа́нимъ, наполнить (Самок. окр. 177).

Напо́лни, наполнь (Брезн. окр.).

На́-преко, въпоперекъ (Заг. 25).

Напу́лнити, наполнить (Пир. окр. с. Хресовци).

Напу́щеница, жена, разведшаяся съ мужемъ.

Наракевица, рукавицы, перчатки.

Нара́нка, помера́нецъ (Соф. окр. 143).

(да) Натова́римъ (отъ тур. даварь, животное вьючное?), навьючить (Соф. окр. 15).

На́тре, внутрь (Мак. Велес. о.).

Ная́тка, канунъ Рождества Христова, коляда. (Джумая).

Невата́ти, нехватать, не принимать въ разсчетъ.

Невесту́льтя (с. Рыло), Невестулька (Пир. о. с. Ореовицъ), ласица.

Невидимъ, слѣпой, невидящій (Трен. окр. 170).

Него, но.

Недъ (=некъ), пусть.

Неко́лцина, нѣкоторое число.

Нело, но.

Не́мой, не моги.

Непозна́нъ, *а, о*, неизвѣстный, незнакомый.

Не́ська (=днеська), теперь. (Радом. 72).

Ни́вочка (Тр. окр.), нивка.

Нúе, мы.

Низа́мъ (тур. низа́мъ), войско резервное.

Ниша́нъ (тур. ниша́нъ), знакъ для обозначенія пути, для стрѣльбы.

Нишанлія (тур. нишанлы) бьющій, ая въ цѣль (К.-Б. ок. 50).

Ноготь, множ. ч. ногти (Герделица, Леск. окр.), нохти (Пир. окр. Темско), ноготь.

Ногу, много (Джум. окр. и др.).

Ногъ, ноготь (Пир. окр. Темско).

Но́фтукъ, множ. нофти, ноготь (Джум.).

Ношь (=ношть) (Заг. Слат. и друг.), ночь.

Ну́жникъ, множ. ици, нуждающійся, щіеся (Турлаки, Желѣзна).

Нѣ́ма, нема, нѣтъ.

О.

(да) Обади́мсе, отзываться, откликаться.

Оби́чамъ, мнѣ нравится, люблю.

Облечитисе, облачиться (Брезн. окр.).

Обло́гъ, закладъ (Заг. Берков.).

Обложи́тисе, биться объ закладъ.

Обо́ръ, мрс. обо́ра, сарай для скота и лошадей.

Обра́чъ, обручъ на бочкѣ (Заг.).

Обри́шитисе, утереться (с. Бабица, Тр. окр.

Обру́чъ, обручъ (Пир. о. Сопотъ).

(да) Обчи́немъ, опочинуть, отдохнуть (№ 169).

Обѣ́дъ, обѣдъ (Заг. Слатина).

Оги́нь, огонь (Радом. окр. Верба).

Одити, оды́ти, о̂дити, ходить.

Одтавнитисе, отдѣлиться (Заг.).

Одкара́ти, угнать, увесть.

Одъедньгъ, въ одну минуту, тотчасъ (Заг.).

Одьръ, одръ (Рад. окр.).

Озго́ре, сверху.

Ойдохте (=ойдосте) (Самок. о.).

Ока́, (тур. о́ка), мѣра въ три фунта.

Окати, отрыгаться (Брезн. ок.).

Окепати (=окапать), окропить (Соф. окр. 132).

Омайница, чародѣица.

Опайвамъ, спутать лошадь (Соф. окр.).

Опа́шка, хвостъ.

Опи́нёкъ, опинци, опанци, опонци, лапоть, лапти.

Опьрлимъ, опьрленъ, обжечь, обожженный.

Опѣ́ло, отпѣванье, отходная.

Оре́лъ (Пир. о. Темско), оро́лъ (Лесков. окр. Стройновци), орелъ.

Оризáрь, кушающій рисъ.

Орни́ца, нива вспаханная, но не засѣянная, прогáлина (Заг. Берков. 150).

Оро, хороводъ; 1) оро покрупно; 2) оро ситно; 3) оро крива; 4) оро маджáрица; оно состоитъ въ томъ, что одинъ разъ тупаютъ на одномъ мѣстѣ и затѣмъ дѣлаютъ скачки; 5) оро петепуты: 6) оро

влашко; оно называется старымъ оро; 7) оро глупавъ (Заг. с. Чипоровци).

Ортáкъ (тур. ортàкъ), сотоварищъ по дѣлу, занятію.

Ортáшки, *а*, *о*, (тур.), принадлежащій къ компаніи.

Осъ, осá.

Осóе, мѣсто, несогрѣваемое солцемъ.

Осоевнúца, осойница, осойца, лютая змѣя.

Отвóръ, ключь (Джумая).

Оти, отти, отты, (греч. ὅτι, ὅττι) почему, что.

Отúвамъ, уходить, отправляться.

Отóкъ, мѣсто на рѣкѣ, кругомъ загороженное, гдѣ ловятъ рыбу; подобный способъ ловли рыбы бываетъ лѣтомъ.

(да) Отріемъ, утереться (Джумая).

Отсудé, отовсюду (Турлаки, Желѣзна).

Оцéтъ, уксусъ (Турлаки, Чипоровци).

Ошелъ = отшелъ (Рад. окр. Верба), ушелъ.

П.

Па, пай, па-и, па-й, и, опять, загѣмъ.

Пабу̀ре (тур. кубу̀ръ), чехолъ (натурала пушке у пабуре— Тр. 183).

Павéтъ, дикая жигучка.

Пазáръ (тур. пазàръ), базаръ.

Пайвано (тур. пабèндъ), множ. áне, путо (Соф. 108).

Пáметъ, високъ (Заг. Клисура).

Пáнго, чертъ.

Пандзуръ, панцырь (Самок. о.).

Паперуга, мотылекъ (Джум. с. Вуково).

Парú (тур. парà), деньги.

Пáрче (тур. парчà), кусокъ.

Парцéлякъ (тур. пачаврà?), тряпка (Заг. 48, ст. 79).

Пастермá (тур. басдырмá), сушеное мясо (Брезн. о.).

Пастырь, пастухъ (Ппр. окр. Темско).

Пáтё, путь (на патё студенъ кладенце,—Заг. Берков. окр. Вершецъ, 19).

Пáтища, дороги, пути (Заг.).

Пáтъ, путь, дорога (Соф. о.).

Пáтъ, разъ.

Патонóги, имѣющій бѣлый значекъ на ногѣ (Радом.).

Пáша, пастбище (Лесков. о.).

Пеклá, петля (Стар. Планина Турлаки).

Пéкъ, множ. пекове, жара (Заг.).

Пéнджеръ (тур. пенджерè), окно.

Пенюга, пень (Макед.).

Пергéль (тур. пергèль), циркуль (Дупн. окр. с. Бобошево).

Перó, перо (Ппр. о. Сопотъ).

Перпелúца, перепелка (Дупн. о.).

Перушúна, множ. ч. перу-

ши́не, птичья перья (Пир. окр. Темско).

Пе́рчемъ (тур. перчѐмъ), космыкъ волосъ на верхушкѣ головы.

Песте́рва (Пир. окр. Темско), Па́стерва (Дупн.о.), стерлядь.

Пета́къ, пять грошей.

Петле́, множ. ч. петлетія, пѣтушекъ (Пир. окр., д. Моера).

Печалба, жалоба (Пир. о. Оревицъ).

Пилавъ (тур. пилàвъ), рисовая каша съ жиромъ, мясомъ, или рыбою.

Пипе́ръ (тур. биберъ, гр. πίπερι), перецъ.

Пирона и пиронъ, множ. оне, подкова (Заг. 94).

Пита́, кислый хлѣбъ.

Пишманъ (тур. пешимàнъ), раскаявшійся, измѣнившій мнѣніе.

Пишталька, пищалка (Рад. о. Верба).

Пиштóлё, пистолетъ (Рад. о. Верба.

Плёшка, бедро (Охрида, 214).

Плѣ́вна, сарай, отдѣльно стоящее строеніе, въ которомъ хранится кормъ (сѣно и проч.) для скота (с. Рыло). Съ такимъ же значеніемъ это слово употребляется и въ старославянскихъ памятникахъ — плевьница (тѣло же ст҃го вь плѣвьниц҅и ськрыв҅ше ѿтидоше. дѣла́тел же, его́ва же бѣше плѣ́вница въшь въѕети плѣвы своемꙋ скотꙋ — См. Прологъ, принадлежавшій прежде церкви села Рыла, а съ 1879 г. библіотекѣ Рыльскаго монастыря, подъ 25 февр. «житіе Ипатія епископа гангрскаго).

Плѣ́вникъ (Заг. Чипоровци Стар. Планина), см. плѣвна.

Плакнувамъ, пополоснуть (Соф. окр. Войсилевци), Плакни, вполосни (ib.).

Пла́нина, плани́на, гора, горный хребетъ.

Плугъ, плугъ (К.-Б. о. Невѣстино — «семдесе плуга сиви вола», — с. Вербникъ и Турлаки (Стар.—План); въ Ак-палан. округѣ слово это употребляется въ такомъ значеніи, что въ соху впрягается четыре вола.

По, за, по.

(да) Поарчи́мъ (отъ тур. харджъ - расходъ), истратить, издержать, израсходовать.

Побра́тимъ, названный братъ.

(да) Пова́лимсе, похвалиться, похвастаться.

Повершта́нтя, возвращающійся (Самок. окр.).

Пови́въ, переплевшіяся вѣтви.

Пога́ча (итал. fogaccia, тур. богаджà), прѣсный пирогъ, лепешка.

Погрѣ́шка, ошибка.

Подбра́ти, собрать (подбралъ бѣше евреи (Заг. 94), начаться (деветъ години поминали и десета му подбрала (Заг. 49).

Пóди (множ. ч.), исподница. (Заг. 49).

Поди́ръ (отъ тур. гиру̇?), потомъ, послѣ.

Подкóва, каблукъ (Пир. окр. Темско).

Подколéнки, голени (Пир. о.).

Подплáто, боковой карманъ (Брезн. о. Бабица).

Подплáтити (оплотить), воскресить (Заг. 48).

Поды, подъ (Трен. о. 130).

Пожи́ва, нажива.

(да) Покани́мъ, пригласить.

Поклáда, заговины (Трен. окр.).

Полéка, полéкъ, потихоньку, слегка.

Пóлно, полно (Брезн. окр.).

Поля́къ, полевой сторожъ (дер. Моера).

Помалéчку, помаленьку (Рад. окр. Бабица).

Пóмоть, помощь (Вран. окр.).

Поплáка, жалоба (сеймени-те силна поплака дадóва: нейкеме мома булюкъ-башь—Макед.).

Попончé-то (гр. κοκώνα и тур. кокóна), жена (Соф. окр.).

Попрáкъ, ци, подпруга (Ст. Пл. 71).

Пóръ, млр. тхуръ (Дуп. окр. Рыла).

Пóрты (множ.), ворота, двери.

Пóскупо, очень дорого (Пир. о. Ореовицъ).

(да) Постáпимъ, вступить (Заг. 70).

Постéга, множ. дзи, подпруга (Ст. Пл. 71).

Пóтека (Стар. Планина), Пóтечка (Копиловци), стезя, тропинка.

Потернáти тéрномъ, призадуматься (Соф. окр. 119).

Потроши́чка, понемножку (Рад. окр. Бабица).

Пó-юнакъ, поюнакъ, бóльшій юнакъ.

Поя́ты, скотный дворъ (Заг. Котеновци и др. окр.; но въ селѣ Костенци, сосѣднемъ съ Котеновцами это понятіе выражается словомъ кошары).

Прáвове (=прахове), отъ прахъ, пыль (Соф. окр.).

Прáтимъ, послать съ порученіемъ.

Прачка, пучекъ (К. о. Жилинци).

Превáра, обманъ.

Презъ, чрезъ.

да Прекáрамъ, перегонять, переправлять.

Прéкоръ, прозваніе (Заг.).

Премѣ́на, переодѣвáнье въ праздничную одежду.

(да) Премѣни́мсе, переодѣться въ праздничное платье.

Прéпаска, радужная дуга (Бр. окр. Бабица).

(да) Препи́рамсе, спорить, препираться.

Препи́цати (два пута препицана ракія,—Алексинацъ), пережигать.

Пресóлъ, квашеная капуста (Соф. окр.).

Пресолярски села, села, гдѣ капуста растетъ (ibid).

При́кія (греч. προικίον), приданое, вѣно.

Принови́ти, родить (жена́ принови́ла, жена родила (Ак. Пал. окр. Топольница).

При́шта, притча (Пир. окр. Суково).

Продлу́жити, продолжить (Вр. окр.).

Прокленя̀ти, проклинать (Вран. окр. 160).

Пропу́димъ, прогнать (Соф. о.

Пропѣ́дити, прогнать (Рад. 67).

Прослу́зъ, течь у животныхъ (Загорье).

Прося́къ, нищій (Джумая).

Про́чка, прощеніе (Турл. Чипоровци).

Про́шка, прощеніе (Загорье).

Пру́тя, прутья (Рад. о. Бабица).

Псувамъ, ругать, порицать, поносить.

Пусата (тур. пуса́тъ =посуда), оружіе, амуниція, приборъ, которымъ острятъ оружіе.

Пустелі́я, пустошь (Мак. Мельник. окр. Малешево).

Пустылі́я, пустыня (К.-Б. окр. Невѣстино, 43).

Пустыня́къ, пустошь (Пиротъ).

Путъ, путь, дорога.

Путъ, разъ.

Пу́шка, ружье.

Пълно, полно (Соф. о. Суводолъ).

Първазъ, перевязь, перекладина, связущая двѣ доски (Пир. ок. Темско).

Р.

Раатъ (тур. раха́тъ), удобство, спокойствіе.

Раа́тно, удобно, привольно.

Ра́ботникъ, работникъ (Пир. окр. Ореовицъ).

Ражби́ца, дитя (Дупн. окр. 61).

Разби́рати, понимать.

Разбра́ти, понимать, найти (разбра́ла го уладни меаны (Соф. о. 132).

Разсо́лъ, квашеная капуста (Брезн. окр.

Рака́, рука (Рад. окр. Верба).

Рака́въ, рукавъ (Загорье).

Ракі́я (тур. ракы́), водка.

Ра́ло, соха (Ак. Пал. окр.).

Ра́нимъ, кормить.

Ра́неникъ, питомецъ, воспитанникъ (Пал. 84).

Рапсали́ца, родъ жита, ярица (Заг. 94).

Раскро́чь, шагъ (Радом. окр.).

(да) Растажимсе, разстужиться, сильно скучать (К.-Б. окр. 96).

Рата́йче ум. отъ ратай (К.-Б. окр.), пахарь.

Рахатъ см. раатъ.

Рачу́нъ, счетъ.

(да) Раца́пимъ, разцѣпить (Дуп. окр.).

Рая́, (тур.), христіане-подданные турокъ.

Редъ, стихъ (Джумая).

Редъ́къ, очередь (Трен. окр.).

Ренке, ноздри (Пир. окр.).

Рентя, ноздря (Брезн. о. Бабица).

Ро́бити, работать (доста самъ ро́билъ—Пир. о. Ореовицъ).
Робы́ня, рабыня (Соф. о. 132).
Рога́ти, рога́ятъ, ругать, ругаютъ (Заг. Берков.).
Рого́жа, рогожа (Брезн. окр.).
Роду́ля, родильница (Пиротъ).
Ро́жба, плодъ, потомство (Заг. 22).
Ро́титисе, спорить (Ст. Пл. Турлаки, Чипоров.).
Ртія (гр. χάρτης), хартія (Бабица).
Ру́ба, рубашка (тур. роба́?) (Соф. окр. Суводолъ).
Ру́дина, сѣнокосъ (Соф. о. 119).
Ру́йно вино, быстрое, изкристое вино.
Рука перишáна, ладонь (Соф. окр. 146).
Руфо см. руо.
Руче́къ, ручо́къ, обѣдъ.
Ручни́къ, головной покровъ женщины, имѣющій форму феса; употребляется онъ въ округахъ Враньскомъ, Лесковскомъ и отчасти Нишскомъ; въ Алексинскомъ, Княжевскомъ, Бѣлградчицкомъ округахъ онъ имѣетъ форму утиральника.
Ръдеква, редька (Рад. о. Бабица).
Рыджалъ (тур. риджаль), слуга (Заг. 70).

С.

Са́, теперь.
Са́бота, суббота (Соф. и Джум. о.)
Сагма́лъ (тур. сагма́лъ), дойная овца (Соф. окр. 119).
Сада́ти (откуда досадить), укорять (Господъ си чума садеше (и садаше).—Врач. окр. Турлаки, Стар. План. 47).
Саде (тур. саде́), только (Пир. окр. 93).
Саизинъ, поліціантъ (№ 157).
Са́кати, искать (Лесков. окр. Чукленица).
Салъ (тур. салтъ), только (Соф. окр. Суводолъ).
Салта́нъ (тур. султа́нъ), султанъ (г. Паланка, по близости г. Кюстендиля).
Сама́ръ, передняя часть сѣдла (Трен. Брезн. и др. окр.).
Са́мецъ, одинокій (Вран. окр. Мачкатица).
Са́мо, только.
Самоко́въ, желѣзо (Турл. Чипоровци).
Саму́ръ (тур. саму́ръ), куни́ца, куній мѣхъ.
Санда́къ (тур. санду́къ), сундукъ (Пир. окр. Темско), ум. санды́чекъ (Заг. Берк. окр.).
Санувати, видѣть во снѣ; см. сьнувати.
Сатыръ (тур. саты́ръ), кинжалъ, ножь.
Сахатъ (тур. саа́тъ), часъ (Трен. окр.).
Са́чма (тур. сачма́), свинцовая пуля для стрѣлянья дичи.
Свекій, свекоа, всякій, ая (Заг. Берков. окр. Вершецъ 70).

Свайга, свой (Заг. 49).

Свердéльче, свердель (Дупн. окр. Бобошево).

Свидно, скучно, непріятно, сердце ноетъ (Соф. окр. 126).

Свинька, свиньтя ум. свинчé, свинья (Рад. окр. Верба).

Сврáка (сврака кречоты), сорока (Брезн. окр. Бабица).

Свурка, см. вурка (Радоміръ).

Свьрделъ, см. свердельче, (Дупн. окр. Бобошево).

Свѣтарія, ж. р., та, которая свѣтитъ (Радом. 83).

Свѣтія, свѣча (свѣти свѣтія (Заг. № 39, ст. 116).

(да) Свѣтинú, свѣтить, блистать (огинь свѣтини низъ солунска калдерма — Кюст.-Бан. окр. 185).

Свечá (Пир. о. Темско), свѣча.

Свѣчтá, свѣча (Брезн. о.).

Севдá, всегда (Бабица Бр. о.).

Севрія, густой.

Сéга, теперь (Турл. Чипоровци).

Сегá. сейчасъ (ibid.).

Сегú, теперь (Загорье), см. сéга.

Седéвъ (тур. садэфъ), перломутръ, жемчужина.

Седумъ-мина, семь (Охрида, 214).

Сейменинъ (тур. сеймэнъ), турецкій жандармъ.

Сейръ (тур. сейръ), дѣло курьезное, скандальное.

Сеище, рабъ, плѣнникъ (стига, брало, ты сеище било,—Тр. о).

Селвія (тур. сельвù), кипарисъ.

Селе, зв. п., сестрица!

Сельви (тур. сельвù), кипарисъ. Радом. 83).

Сельцé, уменьш. село (Пир. о.).

Сенеська, осенью (Заг. Слатина.

Сербати, сербнемъ, млрс. сёрбати.

Сéртме, мрежа, неводъ (91. Заг. и др.).

Сéрчано, скоро, быстро (Пир. о. Темско и др.).

Симидъ (тур. семùдъ), бѣлый хлѣбъ (во всѣхъ округахъ).

Синúгаринъ, синица.

Синоръ (греч. σύνορος) (тур. сынùръ), пастбище.

Сúпаница, оспа (Брезн. окр. Бабица).

Сúракъ, сирота (К.-Б. окр. Жил. 50).

Сиромá, сиротá (ib.).

Ситенъ, а, о, мелкій.

Скамлія (тур. эскемлэ), скамья (Ак-пал. о. Мала).

Скапъ, а, о, скупъ, (Знепольская жупа, Престибъ).

Скепо (=скупо), дорого (Радоміръ, Кюстендиль).

Скитúчь, че, кочевникъ (Заг. Турлаки).

Скитня́, охота (неóдымо на скитня́—Загорье).

Скрипóцъ, грибъ (Пир. окр. Темско).

Скутъ, множ. скýты, ляжка, лядвіе.

Слáвей (Дупн. окр. Бабошево, Заг. Берков.), Славéй (Пир. о. Темско, Вран. окр. с. Прекодѣльци). Слáвій (Заг. Бер-

ков. окр. с. Боровци), Сла́вой (Велесъ. Славой пиле не пой рано, не ми буды господара; сва ноть съмъ го успавало), Сла́вія (Заг. Берков. с. Боровци, 48), Славякъ, ум. славяче (Джумая), сла́вяйче (Тырнов. о.), соловей.

Слама, млечный путь (Пир. о., д. Моера).

Сла́мникъ, (Заг. Слатино), см. плѣ́вна.

Слани́нецъ, тоже что синигаринъ (Вр. о. с. Прекодѣльци).

Слободія, свобода (Рад. окр. Верба).

Слугарія ж. р., служанка, слуга (Радом. 83).

Слънце (Самок. 177 Рад. окр., Пердопъ, Знепольск. жупа, Дупн. окр. Бобошево).

Сълнце (Пир. окр. д. Моера, Дупн. окр. Бобошево),

Слунце (Лесков. окр.),

Сонце (Брезн. окр. Бабица),

Солнце (Пир. о. Темско), солнце.

Сълнчегле́дъ, подсолнечникъ (Заг. Берковецъ).

Слѣпо куче, хорекъ (д. Моера).

(да) Слюша, слушать (Дупн. о.), повел. накл. слю́шай.

Смо́ля, смола, варъ.

Сми́ка, можжевельный кустъ (Трен. окр. Джум. и др.).

Сока́къ (тур. сокàкъ), улица.

Со́колъ, соколъ (Заг.), см. дога́нъ.

Соколю (=соколе), соколъ (Загорье, Берков. ок. Вершецъ).

Сопо́лъ, сморкъ (Загорье, Слатина).

Спана́къ, (тур. испанàкъ=шпинатъ), трава шпинатъ (Пир. окр. Суково).

Спа́стрити, убить (Заг. 49).

Спечали́ти, пріобрѣсть (Заг. 49).

Спро́ты, соразмѣрно (спроты наши кони, соразмѣрно съ нашими лошадьми—Дупн. о.).

Сра́мъ, срамъ (Вран. ок. Губеровци).

Срамота́, стыдъ (Трен. окр.).

Старе́йшиница, жена старѣйшины (Кюст. ок. Невѣстино).

Ста́сати (греч. φϑάνω), пристигнуть (Вран. окр.).

Стена́, стѣна (Пир. о. Темско).

Сте́пка, слѣдъ (Радом.).

Сте́рвина, млрс. сте́рвино, уединенное мѣсто, гдѣ волки скрываются (Дупн. окр. Бобошево).

Сти́га, довольно, достаточно.

Стиза́ти, взять (Рад. окр. 141, стр. 310.

Стихъ, цѣлый періодъ (Джумая).

Сто́вна, особый родъ кувшина.

Столоваты, *а*, *о*, развѣсистый (66).

Сто́мна (Ак.-Пал. Топольница). см. стовна.

Стопа́ва, хозяйка (Ст. План. Соф. окр. 71).

Страія, страхъ (Радом.).

Стружница, время стрижки овецъ (Соф. о. 119).

Стрѣа, стрѣха (Турл. Копиловци).

Стрѣ́ля, стрѣлокъ, (Дупн. окр. Скрино́, Доброво).

Студо́ м. р. (=студъ), холодъ (Заг. Слатино).

Студъ, ж. р. (на таква́ студъ— Рад. окр. Верба), холодъ.

Стьрмъ, млр. стерня́ (Пир. окр. Темско).

Стъркъ, аистъ (Соф. окр. Бояна, 2).

Суджу́къ (тур, суджу̀къ), колбаса (Брезн. окр.).

Суйца, сойка (Брезн. о. Бабица).

Сулинда́рь, ледяная сосулька (Соф. окр. Сливница).

Сура́тъ (тур. сурэтъ), лицо (слызи по суратъ поруни́,— Самок. окр. 177).

Су́режъ, клыкъ у дикаго кабана (Заг.).

Су́ровосъ (тур. сурэтъ-ба̀зъ), скоморохъ, человѣкъ переодѣтый въ медвѣдя, козу и т. п., въ рождественскіе святки).

Сълга́ти, обмануть (Тр. о. 29).

Сънъ, сонъ.

Сънува́ти, тоже что санувати.

Сычье, сучье (Заг. Котеновци).

Сѣде́ньтя, посѣделки.

Сѣдло́, сѣдло (Пир. о. Темско).

Сѣя́нье, сѣянье (Вран. окр.).

Сякій, всякій (Джумая).

Т.

Табаке́ра, табакерка (Пиротъ).

Тава́нъ (тур. таба̀нъ), потолокъ.

Тава́-та (тур. таба̀къ), особаго рода сковорода (Рад. о. 116).

Тавра́, баловство (тавра да чините—Радом. окр. 122).

Така́, такъ точно (така-онака, такъ и сякъ-, Рад. о. Бабица).

Та́кмо, только (Дупн. о. Скрино, Заг. Берков. окр. Вершецъ).

Таламинъ, таля́ми́нъ (изъ тур. тутулмутъ?), арестованный (Пал. 84).

Талати́нъ (тур.), удила.

Таралешь, ёжъ (Загорье).

Тарпе́за, трапеза.

Тати́ца, тятя (Брезн. окр.).

Татлія (тур. датлы̀—сладкій), особый родъ кушанья изъ пшеничной муки (Заг. 92).

Тачити, ткать (Заг. 70).

Тевери́че (све-те буле теверичe чину — Трен. окр. 210), обѣдъ на собраніи ремесленниковъ.

Тега́, тогда (Пал. 84).

Тега́я, тоже (Трен. окр.).

Теки, такъ (Кюстендиль см. та́ко, така́.

Текмо (=токмо), только (Соф окр. Сливница).

Теле́, теля́ (Пир. окр. Темско).

Те́мба, (тур. тэнбигъ), множ. темби, распоряженіе, приказъ (Вран. окр. 135).

Теме, темя (Брезн. окр. Бабица); а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ тепе = темя (т. тэпэ — верхушка), а теме=чело́.

Теме́ль (греч. θεμέλιον), основаніе, фундаментъ.

Теме́ръ (греч. θέναρ, θέμα),

надгробный памятникъ (Самок. окр.).

Тенджу́ра (тур. тэнджерэ), кострюля.

Тенете́, водосточная труба (дер. Любатовица).

Тепсія (тур. кафэсъ), клѣтка (Радом. 137).

Тёравъ, а, о, (тур. кӧръ), слѣпой (Трен. окр. 60).

Терзія (тур. тэрзи̇), портной.

Те́рла (у терла накарамъ (Соф. о. 119), хлѣвъ, скотный сарай.

Тертія, задняя часть сѣдла.

Тесгетаръ, множ. тесгета́ре (тесгетаре порты затвориа) (Соф. окр. 132), слуга; срав. съ турец. дизда́ръ, комендантъ крѣпости.

Тесли́мъ (тур. тэсми̇нъ—передача), подарокъ, даръ (Соф. окр. 119).

Теслими́ти (тур. тэсли̇мъ этмѐкъ), доставить (Заг. 70).

Тефтере́ (тур. дефте́рь), паспортъ.

Тешчасъ, сейчасъ (Брезн. ок.).

Тёше́ (Джумая, Брезн. о. и др.), Тёшъ (Пир. окр. Сопотъ) уголъ (тур. гӳшеэ).

Ти́ка, индѣйка (Брез. о. Бабица).

Ти́мнути (греч. τέμνω), ударить.

Тифти́къ (тур. тифти̇къ), длинный кусокъ полотна, употребляющійся вмѣсто пояса.

Тлысты (польск. tłusty), жирный (Заг. 22).

Това́, то.

Тоги́, тогда (Лесков. окр.).

Тогива, тогда (Загорье, Слатина).

Токмена, отъ гл. то́кмити, дѣвушка, руки которой добивается мущина (Радом. 55).

То́ко, только (Соф. окр. 132).

Толко, только (Алекс. окр.).

Топка, снѣжный валунъ, (Заг. Слатина).

Топу́къ, каблукъ (Пиротъ, Джумая).

То́пъ (тур. топъ), пушка.

Тояга, тояска, (тур. дая̇къ), палка (д. Моера).

Трасигази́ца, трясигузка (Заг. Берков.).

Тра́ска, лихорадка (Рад. окр. Верба).

Тра́яти, тра́яты, терпѣть, ожидать, тра́йте, постойте.

Тре́ка, третья (Дупн. о. Рыло).

Трендафиль (греч. τριαντάφυλλον), розовый кустъ.

Трепетлюга, осина (Радоміръ).

Тре́пка, ресница (Пир. окр. Темско).

Тресве, тросникъ (Брезн.).

Треска́, лихорадка (Брезн. окр. Бабица).

Трети́на, третья часть (дер. Моера).

(да) Тро́памъ, топать, стучать (кой тро́па озго́ре, Джумая).

Тро́я, множ. тро́и, кроха, (Бр. окр. Бабица).

Тру́по, трупъ (Заг.).

Трѣва (Соф. о. Суводолъ), (трѣва расковъ—Джумая) трава.

Ту́гла (тур. тугла̀), кирпичъ (Соф. окр. Суводолъ).

Тузлукъ (тур. дызлыкъ), особаго рода одежда, прикрывающая ноги отъ колѣнъ до ступни (Соф. окр.).

Туй, тутъ, тогда (Лесков. окр.).

Ту́кашній, здѣшній (Джумая).

Ту́ку, только (К.-Бан. ок. Жилинци, 32).

Ту́къ, только (Пал. 84).

Тумру́къ (тур. гӱмрю́къ) множ. тумру́ци, таможня (Заг.).

Тупа́нъ, барабанъ.

Тури́ти, положить.

Тучъ (тур. туджъ—мѣдь?), чугунъ (Заг. Берков.).

Ты-зи, ты.

Ты-зи-ка, ты.

Тюнаци, труба (Моера).

У.

У=къ (у васъ ишли, къ вамъ пошли; К.-Б. ок. Вербовникъ).

Убавъ, у́бавъ, а, о (тур. хубъ), красивый, я, ое.

У́гаръ, нива, пашня (Соф. окр. 119), поле, отдыхающее послѣ жатвы (Бр. окр. с. Бабица).

(да) Углави́мсе, обручиться (углавилъ се Павелъ доберъ юнакъ—Джум. окр. 73).

У̔гленъ, уголь (Пиротъ, Темско).

Увле́зти, влезть (Заг, 48).

Улакъ (тур. ула̀къ), вѣстникъ.

У́лица (на у́лицѣ Лесков. окр. Чукляница, Пир. о. Темско), улица.

Улови́ца, сова (Заг. Спанчевци, Берковецъ).

У̔мо, умъ (Соф. окр. № 9).

Упла́шитисе, испугаться.

Урани́ти, встать рано.

У́рка, см. вурка (Заг. Костенци).

Уро̀къ, уро́ци, сглазъ.

Уси́, всѣ (Рад. окр. 176).

Усойня, У̔сорли́ца см. осоевница.

Устрѣ́ти, пройти насквозь, прострѣлить.

Уте́пати, убить.

Учини́ти, сдѣла̀ть.

Учку̀ръ (тур. учку̀ръ), снурокъ, которымъ подвязываются штаны.

Уште, еще (Макед. 54).

Ф.

Файда (тур. фаидѐ), процентъ (Заг.), польза (Соф. ок. 121).

Ферга́ти, бросать, раскидывать (Заг.).

Фида̀нъ (тур. фыда̀нъ), маленькое деревцо.

Филі́я (гр. φυλία—дикая олива), тонкій ломоть хлѣба.

Фризи́ти (греч. φρονέω), д'идемо ни каниты, ни фризены—Радом. окр. 137), желать.

Фта́сати см. стасати.

Фудулинъ (тур. фодулъ), франтъ.

Фурня (итал. forno, тур. фурнъ), печь (Кюст. и др. окр.).

Фьрляти, см. вьрляти.

Фыстанъ (тур. фыстанъ), женская одежда (№ 204).

Х.

Хаберъ (тур. хаберъ), см. аберъ.

Хазна (тур. хазинэ), казна (Соф. окр. 169).

Хайръ (тур. хэйръ), богоугодное дѣло, спасеніе.

Хакъ (тур. хаккъ), право, подать, плата.

Ханема см. анема.

Ханъ см. анъ.

Харачъ, см. арачъ.

Харамъ (тур. харамъ), проклятъ (214).

Хара (греч. ἡ χαρά), радость.

Харенъ, см. аренъ.

Хатъ, хатъ (тур. атъ), жеребецъ (Соф. окр, 119).

Хесапъ (тур. хысабъ), счетъ.

Хитаръ, а, о, хитрый.

Хлавъ, хлѣвъ для овецъ (Соф. окр. Сеславци).

Хлябъ, хлѣбъ (Тырн. окр.).

Хубавъ *а*, *о* (тур. хубъ), см. убавъ.

Ц.

Цалъ, цѣлъ (цалъ лебъ, Дупн. окр. Шатрово).

Цало, рукоятка (Заг. Врач. о.).

Цалувати, цѣловать (Заг. 70).

Царевица, кукуруза (К.-Б. ок. Жилинци).

Цвилба, вопль.

Цевтѣти, цвѣсти (Враня).

Цекленица, стклянка, чашка (Брезн. окр. Бабица).

Целнути, поцѣловать (Дж. 69).

Церница, шелковичное дерево (К.-Б. Жилинци).

Церноцренъ, съ чернымъ черенкомъ (К. Б. окр. 88).

Церсто (да си церсто превезъ держишь — Трен. окр. 130) Цверсто (Соф. окр. 132), крѣпко, тщательно.

Цигулка, скрыпка.

Цинцигаринъ, см. синигаринъ (Пир. окр.).

Црева, колбаса (Брезн. окр.).

Цунити, цѣловать (Вран. окр. Киржанци).

Цырцорити, вытекать понемножку (Ак. Пал. окр.).

Ч.

Чавка (чавка кречоты), галка (Брезн. окр. Бабица).

Чада́ръ (тур. чадыръ), шатеръ (Джум. 69).

Чаи́ръ (тур. чаиръ), пастбище, сѣнокосъ.

Чакъ (тур. чакъ), вплоть, до.

Чамбасъ, волосы (Рад. 188).

Чандія (тур.) (со-съ колпаци чандіи собаратъ—Соф. о.) холодное оружіе.

Ча́нта, чанта́ (тур.), дорожная сумка (214).

Чара́пи (тур. джора̀бъ); чулки.

Чардо́шитисе (тур. чарэ шудэ̀нъ?), уберечься (Трен. 183).

Чарклія (тур. чарклы̀), кольца въ шпорахъ.

Чарны, черный (Заг. Берк. ок. Гушанци, 94).

Чаршія (тур. чаршѝ), рынокъ, рыночная площадь.

(на) Ча́си, иногда (Джумая).

Чеба́бъ (тур. кэба̀бъ), жареное на вертелѣ.

Чеверлю́га, (тур. чаиръ кушу̀), жаворонокъ (Соф. окр. Заг.) см. чиверлюга.

Чегерте, подмастерье (Соф. ок. Кремиковци).

Че́кати, ожидать.

Чела́, пчела (Джумая).

Человѣ́къ, человѣкъ (Радом. и Джум. оо.).

Челя́тъ, плохой (Заг.).

Чемши́ръ (тур. чимшѝръ), буксъ.

Черами́да (=керамида) (греч. κεραμίς), кирпичъ (Рад. окр. с. Верба).

Черви́лце, бѣлила, румяны.

Че́рга, (тур. іорга̀нъ?) одѣяло.

Че́рква, церковь (Дупн. ок. Бошево).

Четалъ—мамуза (тур. чата́лъ-магму́зъ), шпора (Соф. о. 119).

Чсхълъ, женская туфля.

Чехла́рче, башмачникъ.

Чиверлюга, жаворонокъ (Леск. и Вран. окр.), см. чеверлюга.

Чивія (тур. чиви́), винтъ.

Чивте (тур. чифтъ), пара.

Чіе́, чье́ (Пир. окр. Сопотъ).

Чи́жма (Самоков. окр.), чи́зма, (тур. джизмэ̀), башмакъ, туфля, сапогъ.

Чи́рево, чрево, кишки, внутренности (Загорье).

Чита́къ множ. читаци, страшный человѣкъ, ругательное слово (латынсци читаци, Соф. окр. 132).

Чиферлю́га, жаворонокъ (Заг. Берковецъ, Спанчевци), см. чеверлюга, чиверлю́га.

Чи́чо! дядя! (такъ, обыкновенно, Болгаре называютъ старшихъ особъ).

Чоба́нъ (тур. чоба̀нъ), пастухъ.

Човѣ́чикъ, язычекъ (д. Любатица).

Чо́рба (тур. чорба̀), супъ

Чорбаджія (тур. чорбаджѝ), зажиточный хозяинъ.

Чубе (тур. джуббѐ), длинная одежда изъ драпа на мѣху (алено чубе на мене,—Соф. окр. 208).

Чува́тисе, скрываться, прятаться.

Чу́кати, стучать.

Чулъ (тур. чулъ), коверъ.

Чу́накъ, челнокъ (Тр. о. Баба).

Чурити (титунъ чуришь, Трен. окр.) курить.

Чуру́пка (тур. чуру́фъ), скорлупа (Заг.).

Чучуля́пка, птица подорожникъ (Загорье).

Ш.

Шака (тур. шака̀), шутка, смѣхъ (Соф. окр. 119).

Шалва́ры (тур. шальва̀ръ), шаровары (Джум.).

Шалдерваны, пестрый, размалеванный (Трен. окр. 171).

Шали́тра, селитра (Ак.-Пал. о. Ореовицъ).

Шаренъ, *а*, *о*, узорчатый, пестрый.

Шербе́тъ (тур. шербѐтъ), напитокъ изъ меду.

Ше́га (тур. шака̀), насмѣхаясь, шутка.

Шегуване (тур. шекавэ́тъ), шутка.

Шейте (тур. шаги́дъ), свидѣтели (Заг. 94).

Шекеренъ (тур. шекэрлы́), сахарный.

Шиба, лѣсъ (Пир. окр. Темско).

Шипо́рка, кранъ (Заг. 24).

Шише́ (тур. шишэ), графинъ.

Шляковица (удари му една шляковица—Трен. о. 130) пощечина.

Шмо́ркати, нюхать (Соф. окр. Суводолъ.

Шта́вля, щавель (Загорье).

Штеркъ, см. стъркъ, (Лесков. и Вран. окр.).

Штерколъ (Соф. окр.), см. штеркъ.

Ште́та, несчастіе, убытокъ.

Штица, доска (К.-Б. окр. Жилинци).

Штра́пка, слѣдъ (Пир. окр. Темско).

Штре́коль, аистъ (Соф. окр. Бутенецъ).

Штъ́ркъ (Заг. Бер. Пир. окр. Темско) см. штеркъ.

Шугавъ, чесоточный (Турл. окр. Копиловци).

Шума, лѣсъ.

Шупелі́я (тур. сучлу̀), виноватый, виновный.

Шутъ, *а*, *о*, безрогій, ая, ое.

Шь, съ (Заг. Берков. окр.).

Щ.

Ще́рка, дочь (Соф. о. Столпинъ).

Ы.

Ыржь, рожь (Дупница).

Ѣ.

Ѣ́стіе, (Макед. Велесъ), Ѣсте́ (Тырнов. окр.), см. ястіе.

Э.

Эзере Охридско (Джум.).
Эреби́ца, куропатка (Заг.).
Эсень, осень (Джум.).
Эсе́тръ, осетръ (Джум.).
Эте́, вотъ.

Ю.

Юзъ (тур. юзъ, сто), мѣра въ четверть оки.
Юлови́ти (=уловити), поймать (Заг. Берков. окр. Вершецъ).
Юнакъ, герой, богатырь.
Юне́цъ, волъ не впрягаемый въ плугъ (Джум.), — Ю́нецъ, молодой волъ (Вран. окр.) ум. юнче́ (Заг. Берк. окр.).
Юче́ра, вчера (Брезн. окр. Бабица, Трен. окр.), одъ-юче́ръ, отъ вчерашняго дня (ib).

Я.

Я, (союзъ) а.
Я(=е), есть (Заг. 21).
Ябу́ко, яблоко (Брезн. окр. Бабица).
Я́балка, яблоня (Заг. Слатина), множ. я́балки, яблоки (ibid).
Яболка́рь, продавецъ яблокъ.
Ябълка, яблоня и яблоко (Пир. окр. Темско).
Яболково древо, яблоня (Соф. окр. Сливница).
Яга́би, яга̀йби (= егда бы), только бы, если бы, какъ бы (Трен. о. 183).
Ягаля́ръ (тур. агала̀ръ), ага, (и ягаляры побѣгали, — Радоміръ).
Ягенецъ, ягенци, ягненокъ (Заг. 38).
Ядры, *а*, *о*, крупный (Заг. 91).
Язъ (тур. язъ и язы̀, поле), болото.
Язе=язъ, азъ, я.
Язи́ко, языкъ (Соф. окр.).
Яка́ (тур. яка̀), воротникъ (Бр. о.).
Яле (=але) (Заг. о., 48), — Яли, но.
Ялъ, ѣлъ (К.-Б. о. Невѣстино).

Яныя, особаго рода сладкое кушанье.

Яорье (тур. ахоръ), яхеры, конюшня.

Яра, возмущеніе, бунтъ, ссора.

Ярдамъ (тур. ярдымъ), помощь, пособіе.

Ястіе, кушанье (Качаникъ).

Ястребъ ястребъ (Пир. окр. Темско).

Яшмакъ (тур. яшмакъ), бѣлая фата, которою турчанки покрываютъ голову.

Яшни, *а*, *о* (отъ ядны), сердитый (Радом. окр. 137).

ОПЕЧАТКИ

№ пѣсни.	стихъ.	Напечатано.	Должно быть.
стр. V	26	по мѣрѣ возможности—,	по мѣрѣ возможности,
VI	14	заимствованоимъ	заимствовано имъ
4	22	Жребчинка	Ждребчинка
6	6	посѣщяющія	посѣщающія
10.	4	поставлено	поставлена
21	2	обратять	обратятъ
—	3	вниманія	вниманіе
стр. —	14	кутей	кутьей
61	16	магнситію	магнетію
11	43	прѣстолъдае	прѣстолъ да е
16	4	ни ссме	вие смс.
19	98	ӣиня	йня
—	111	остапали	остапали.
20	29	Еренпа	Евренна.
22	27	гонаци	юпаци.
—	59	Чста	Уста.
29	16	клоче	ключе.
33	1	Здравче	Здравче.
35	43	О ты	Оты.
37	22	поня	коня.
46	2	Развиласе.	Развиласе
47	18	тофтере	тефтере
—	55	па	на
48	16	Лезаря	Лазаря
49	9	Зяпалилъ	Запалилъ
—	35	десята	десета
—	78	ипило	и пило
55	1	мамá	момá
59	33	нени	испи
61	—	зеписана	записана
61	7	булпа-та	булка-та
—	32	Олавица	Главица
64	16	Іеркокъ	Іерковъ
65	—	Трент.	Трен.
—	—	слобъ	словъ
—	14	девойна	девойка.
—	20	дугмеета	дугмета
66	26	тарнеза	тарпеза
—	127	О ти	Оти
67	49	Оии	Они

№ песни.	стихъ.	Напечатано.	Должно быть.
68	27	Дунаева	Дунава
70	80	са	за
71	10	войнинъ	войникъ
—	37	стои	стоѝ
72	20	хупльпо	ўпльно
—	101	ми	ли
74	8	оевѣста	невѣста
—	10	капита	копита
81	3	да	до
—	23	бѣ́гаме	бѣгаме.
—	42	виде виде	виде
82	7	До	Да
—	81	ели	е ли
83	15	пиштишь	ништишь
—	63	окнпа́ли	окна́ли
—	71	Я зе	Язе
—	101	Тодорпща	Тодорица
84	11	по	по
85	8	ты зека	ты-зе-ка
86	38	зопонло	запонло
89	7	верпче	верпге
—	20	на нойванп	напойвани
—	31	бочве	бъчве
91	189	5—57	60—83.
92	99	пиштѣ́	пишты́
—	130	булюбаше	булюбаше!
—	136	до	да
—	137	до	да
—	—	загорета	загарета
93	71	Што ти, рекъ.	Што ти рекъ,
94	9	па	па
—	16	и де	иде
—	35	идешь	идеше
—	51	На ли	Нали
—	140	предъ	презъ
95	29 и 30	О ты се спну	Оты се, спну,
99	—	зеписана	записана
—	6	пе	ке
101	14	деветъ	деветы
—	20	ви́по	вино
102	12	Не	Ке
104	39	душа	гуша
—	46	поси	носи
105	—	зяписапа	записана
стр. 214	6	топеве	тонове
106	14	го	ю

№ пѣсни.	стихъ.	Напечатано.	Должно быть.
107	33	робя	робія
108	—	Балгарію	Болгарію
112	32	Имайтя	И майтя
113	—	зиписана	записана
—	98	замотворно	самотворно
114	15	до	да
—	43	товничаре	тавничаре
116	—	арабинъ	арабъ.
стр. 235	2	това-та	тава-та
118	—	пѣсню,	пѣсню;
120	40	го	ю
122	37	За што	Зашто
124	8	подъ	кодъ
—	52	гезне	гезие
—	57	одинъ	одимъ
126	7	илисуры	клисуры
127	14	Босъ	Богъ
129	7	попори́ло	попари́ла
130	4	са	за
—	37	четпрестотитъ	четпрестотинъ
132	41	подъ	кодъ
—	54	лаха̊мъ	лаӷамъ
—	89	поро́рп?	поро́дп?
—	97	го	ю
—	213	Ммра	Мара
—	214	Бога́	Кога́
—	253	подзе	нодзе
—	263	Завортесе	Завертесе
—	265	Марка	Мара
133	2	мене	меане
—	10	певѣрче	певѣрус
134	9	Ори́до	Ори́да
—	44	плачешъ	плачемъ
135	—	Лековскимъ	Лесковскимъ
137	53	озеро	езеро
—	84	мрѣежа	мрѣжа
138	105	юначкигоришь	юначки юришь
—	145	годинъ	годинъ
—	154	рѣжвмъ	рѣжемъ
139	42	до	да
—	63	почи	ночи
—	64	Зе	Се
140	6	Не му	Нему
—	9	Пн	Па
—	15	ю	го
—	21	камъ по	камъ-то

№ пѣсни.	стихъ.	Напечатанс.	Должно быть.
—	34	за	га
—	51	ожеднепъ	ожедпелъ
141	66	ойджа	оджа
142	11	Ротожь	Рогожь
—	26	такой	та
—	39	керчмарицó!	керчмарицо!
—	48	ни самъ	нисамъ
143	11	Фало	Фала
—	61	Деннпа	Денпца
144	30	ю	го
—	66	колена	колѣна
—	67	ю	гэ
—	68	одъ одъ	одъ
145	9	Вачера	Вечера
146	—	Стоянова	Стояна
147	40	ю	го
149	28	Орыда	Орида
150	6	вnво	вино
—	54	самовпла;	самовила:
151	58	ты-зе-ко	ты-зе-ка
152	29	па-й-се	па-й се
153	21	Та-я	Та я
154	14	чула.	чула,
—	38	окоини	околни
—	65	гродумáла	продумáла
—	61	буздогаца	буздогана
—	68	Тагай	тагай
158	28	стретъ	стрѣтъ
—	37	добрб?	добро?
—	103	нощевашъ	нощевашь
—	134	сека	сега
159	—	ссло	село
—	26	босдогапъ	боздоганъ
161	29	Маку	Ману
162	20	Не мой	Немой
163	20	юпакъ	юнакъ
164	284	па	пп
169	5	за пира	запира
177	17	раé	рая
188	84	на заде	назаде
198	2	девойти	девойтя
201	63	ударнлъ	ударплъ.
206	39	Тогай	тогай
221	32	смѣешь.	смѣешь?
стр. 567	13	(*снизу*) Бобнца	Бабица.

DATE DUE